ISSN 2713-2536

50 ЛЕТ (1976-2026) ОРЮИ

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова

Электронный журнал
№ 1(106) 2026 г.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова [электронный ресурс]: электронный журнал Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова. – Электр. текстовые данные (3,47 МБ). – Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2026. – 1 компакт-диск: 12 см.

Журнал является периодическим электронным изданием, в котором публикуются результаты научных исследований ведущих ученых и молодых авторов по юридическим отраслям науки, а также передовому опыту борьбы с преступностью в России и за рубежом.

Минимальные системные требования: процессор Intel с частотой не менее 1,3 ГГц; ОЗУ 512 Мб; операц. система семейства Windows; Adobe Reader v. 4.0 и выше; дисковод; мышь.

Текстовое электронное издание.

© ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2026

Об издании – 1, 2, 3, 4, 5, 6

Электронное издание создано
при использовании программного обеспечения:
Microsoft Word, Adobe Acrobat Reader.
Редакторы *С.Ю. Клевцова, Н.Н. Зайцева*

Дата выхода в свет: 31.03.2026.
Объем издания: 3,47 МБ.
Комплектация издания: 1 компакт-диск: 12 см.
Тираж: 25 компакт-дисков
16+

Журнал зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор).
Реестровая запись
от 14.08.2020 серия Эл № ФС 77-78909
распространяется бесплатно

учредитель:
Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В.В. Лукьянова».

адрес редакции и издателя:
302027, Орел, ул. Игнатова, 2.
Тел. 8 (4862) 423114.
E-mail: niirio.oryui@yandex.ru
http:www.orui.mvd.ru.

Об издании – 1, 2, 3, 4, 5, 6

Журнал включён в Научную электронную библиотеку, в систему Российского индекса научного цитирования URL: http://www.elibrary.ru, в актуальную версию Единого государственного перечня научных изданий – «Белого списка» и в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученойстепени доктора наук в отрасли «Юридические науки» по специальностям:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.

ФГКОУ ВО «Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В.В. Лукьянова».

© Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2026.

Об издании – 1, 2, 3, 4, 5, 6

Редакционная коллегия:

Главный редактор – начальник
Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
кандидат юридических наук, доцент Д.Л. Проказин

Заместитель главного редактора – заместитель начальника
Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
по научной работе кандидат юридических наук, доцент Д.Ф. Флоря

Члены редакционной коллегии:
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
кандидат юридических наук, доцент Л.А. Алексеева;

профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени Макана Есбулатова,
доктор юридических наук, профессор А.А. Аубакирова;

профессор кафедры уголовного права
Юго-Западного государственного университета
доктор юридических наук, профессор А.Б. Баумштейн;

заместитель начальника кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России
кандидат юридических наук, доцент М.В. Баранчикова;

начальник центра организационного обеспечения научной деятельности
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России
доктор юридических наук, доцент С.С. Безруков;

главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела
Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева
доктор юридических наук, профессор В.Ф. Васюков;

профессор кафедры государственного и муниципального права
Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского
доктор юридических наук, профессор В.В. Головко;

заместитель начальника Белгородского юридического института
МВД России имени И.Д. Путилина по научной работе
доктор юридических наук, профессор О.А. Дизер;

профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной юридической академии
доктор юридических наук, доцент И.А. Ефремова;

первый заместитель начальника Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор О.В. Зиборов;

начальник кафедры «Автомобильной подготовки» Академии МВД Республики Узбекистан
кандидат технических наук, профессор С.А. Калауов;

начальник кафедры теории государства и права Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор А.И. Клименко;

профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Новосибирского военного ордена Жукова института имени
генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации
доктор юридических наук, доцент Н.Ю. Лебедев;

профессор кафедры теории государства и права Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя Заслуженный работник высшей школы,
почетный работник высшего профессионального образования,
доктор юридических наук, профессор В.П. Малахов;

профессор кафедры уголовно-процесуального права имени Н.В. Радутной
Российского государственного университета правосудия
доктор юридических наук, профессор Е.В. Марковичева;

профессор кафедры уголовного процесса
Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
доктор юридических наук, доцент К.В. Муравьев;

главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра № 5
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор В.В. Николюк;

профессор кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России
доктор юридических наук, профессор А.В. Никуленко;

начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных
кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор Р.Б. Осокин;

начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России
доктор юридических наук, профессор А.В. Победкин;

начальник кафедры уголовного процесса Орловского юридического
института МВД России имени В.В. Лукьянова
кандидат юридических наук, доцент Е.А. Семенов
(*ответственный секретарь*);

первый заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского
института МВД России Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор О.И. Цоколова;

профессор кафедры организации правоохранительной и правозащитной деятельности
Тульского института (филиала) (РПА Минюста России)
ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России
доктор юридических наук, профессор Н.Г. Шурухнов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПОЗДРАВЛЕНИЕ К 50-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА НАЧАЛЬНИКА ОрЮИ МВД РОССИИ ИМЕНИ В. В. ЛУКЬЯНОВА ДМИТРИЯ ЛЕОНИДОВИЧА ПРОКАЗИНА ……...13

Сальников Е.В. ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ОРЮИ МВД РОССИИ ИМЕНИ В.В. ЛУКЬЯНОВА (К 50-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА)…….14

Теоретико-исторические правовые науки

Выходов А.А. НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА Ю.В. КОСТИНА: ИДЕИ СООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА, ПРАВА И НРАВСТВЕННОСТИ В ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ НАУКЕ……...23

Кобец П.Н. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МИЛИЦЕЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРИОД С 1918 ДО НАЧАЛА 1940-Х ГОДОВ..…...……34

Цыбакова О.В. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В СОВЕТСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ 1970-х НАЧАЛА 1990-х гг……..……...……41

Шалимова О.Н. ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ……..50

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Афонин В.В. ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ…….……62

Базарнова А.А., Лаптев В.И. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ...…..……..……73

Барышников М.В., Барышникова Ю.И. ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ АДМИНИСТРАТИВНЫЙ НАДЗОР: ПОИСК УТРАЧЕННОГО БАЛАНСА……81

Бугрова Е.Г., Сидоренко Н.А. РЕЗУЛЬТАТЫ НЕЙРОСЕТИ КАК ОБЪЕКТ АВТОРСКОГО ПРАВА: «ЗА» И «ПРОТИВ» ……....89

Былинин И.А. ИЗМЕНЕНИЯ В НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ ОСНОВАХ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА ПОВЕДЕНИЕ УЧАСТНИКОВ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ.....97

Денисенко К.В. ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСОВ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ…….....104

Дудкин Ю.А., **Ноговицина Е.Н.** ПОВЫШЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИХ РЕШЕНИЮ……113

Затолокин А.А., Стрельцов В.В., Осипов И.Г. ПРОБЛЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ПУТИ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ……...123

Зраева И.М., Евланов Р.А. ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК УСЛОВИЕ НАТУРАЛИЗАЦИИ: ПРОБЕЛЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О ГРАЖДАНСТВЕ И РИСКИ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ……..131

Литвинов А.В., Андреев П.Г., Смирнов И.А. АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КАРШЕРИНГА НА ДОРОГАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ……140

Нечай С.Л., Нурадинов Ш.М., Куликова С.Г. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСТВА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ (НА ПРИМЕРЕ НЕКОТОРЫХ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ БРИКС И СНГ)……..149

Павлова Е.В. ИНСТИТУТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ДЕЙСТВУЮЩИХ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ……..160

Покотиленко Н.А. ХАРАКТЕРИСТИКА ИНСТИТУТА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ……..168

Шедий М.В., Малик Е.Н., Малик В.И. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В ВОЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ…….175

Уголовно-правовые науки

Батуева А.Б. УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, РЕГУЛИРУЮЩЕЕ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЯ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЯДЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ.....189

Боева М.А. ОСОБЕННОСТИ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 264 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ……198

Вецкая С.А., Бадиков Д.А. ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ПОБОЕВ И ИНЫХ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, ПРИЧИНИВШИХ ФИЗИЧЕСКУЮ БОЛЬ……..……..205

Воробей С.Н. О ПРОБЛЕМАХ РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИЙ ОБВИНЕНИЯ И ЗАЩИТЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ……...212

Гришин А.В., Селютина О.Г. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВЫМОГАТЕЛЬСТВО……220

Ишин И.А., Баринова Е.Д. ХАРАКТЕРИСТИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ СОВЕРШЕНИЯ КРИПТОМОШЕННИЧЕСТВА……..228

Калюжный А.Н., Чаплыгина В.Н. СПЕЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ О ПРИОСТАНОВЛЕНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В ОТНОШЕНИИ УЧАСТНИКОВ СВО: НОВЫЕ ПОДХОДЫ – «СТАРЫЕ»ПРОБЛЕМЫ…….....235

Ковалев М.В. ПРОБЛЕМНОСТЬ ПЕРЕЧНЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, ПРОВОДИМЫХ ПРИ РАССМОТРЕНИИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ……...243

Козлов А.Е., Дудченко Л.В. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ……253

Колычева А.Н., Васюков В.Ф. ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА…….....264

Крынин А.А. ФИКСАЦИЯ ХОДА И РЕЗУЛЬТАТОВ ПРОВЕДЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ…….....270

Латыпов В.С. ЭВОЛЮЦИОННАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ……..277

Линдт А.А. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ……289

Морозова Н.В., Абрамова Л.Л. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ ПЕРЕВОДЧИКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ……...296

Москаленко Д.А. ТАКТИКА ОСМОТРА ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА В ХОДЕ ПРОВЕРОЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ И ПРОИЗВОДСТВА ДОЗНАНИЯ ПО СТАТЬЕ 264.1 УК РФ……...304

Муравьев К.В., Олейник В.В. МОГУТ ЛИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ СУЩЕСТВОВАТЬ БЕЗ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ?.....314

Назарова М.Д. СТАДИЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА – ВАЖНЫЙ ЭТАП УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА……...323

Потапова Е.С. РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИИ СТАТУСОВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА……...330

Россинский С.Б. СВОД ЗАКОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И УГОЛОВНО-СУДЕБНЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА……338

Сезонова Т.В. ФОРМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ…….345

Семенов Е.А., Колмыков И.А., Клевцова С.Ю. РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИНСТИТУТА АДВОКАТУРЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ……352

Сефилов А.Г. ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА ТРЕТЬИХ ЛИЦ……..359

Синявина Д.А. ПОНЯТИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКТА КАК ЭЛЕМЕНТА ПРАВООТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ НАЛОЖЕНИИ АРЕСТА НА ДЕНЕЖНЫЕ СРЕДСТВА И ИНЫЕ ЦЕННОСТИ, НАХОДЯЩИЕСЯ НА СЧЕТЕ, ВО ВКЛАДЕ ИЛИ НА ХРАНЕНИИ В БАНКАХ И ИНЫХ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ……..……369

Таршева М.Н. ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ…….....376

Шемчук С.Ю. РЕЗУЛЬТАТЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ: ПРОБЛЕМА «НАДЛЕЖАЩЕГО СУБЪЕКТА СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ»…….....384

Шумилин А.А. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРОТИВ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ВОЗДЕЙСТВИЙ…….....390

Информация для авторов……..396

CONTENTS

CONGRATULATIONS ON THE 50TH ANNIVERSARY OF THE INSTITUTE OF THE HEAD OF THE ORYUGIA OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA NAMED AFTER V. V. LUKYANOV DMITRY LEONIDOVICH PROKAZIN ……13

Salnikov E.V. HISTORICAL FEATURES OF THE FORMATION OF THE SCIENTIFIC DIRECTION OF ACTIVITY IN THE ORYOL LAW INSTITUTE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA NAMED AFTER V.V. LUKYANOV (DEDICATED TO THE 50TH ANNIVERSARY OF THE INSTITUTE)……..14

Theoretical-historical legal sciences

Vykhodov A.A. SCIENTIFIC HERITAGE OF PROFESSOR YU.V. KOSTIN: IDEAS OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE STATE, LAW AND MORALITY IN HISTORICAL AND LEGAL SCIENCE……23

Kobets P.N. FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF PROFESSIONAL POLICE EDUCATION IN THE PERIOD FROM 1918 TO THE BEGINNING OF THE 1940S..…...…….34

Tsybakova O.V. DEFINITION OF THE LEGAL STATUS OF LOCAL AUTHORITIES IN THE SOVIET LEGISLATION OF THE 1970s AND EARLY 1990s.……..41

Shalimova O.N. HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECTS OF ROAD TRAFFIC DEVELOPMENT…….50

Public-law (state-legal) sciences

Afonin V.V. INNOVATIVE APPROACHES TO ROAD SAFETY…….62

Bazarnova A.A., Laptev V.I. LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE ACTIVITIES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION...…..…….……73

Baryshnikov M.V., Baryshnikova J.I. POSTPENITENTIARY ADMINISTRATIVE SUPERVISION: THE SEARCH FOR A LOST BALANCE……...……..81

Bugrova E.G., Sidorenko N.A. NEURAL NETWORK RESULTS AS AN OBJECT OF COPYRIGHT: «PRO» AND «CONTRA»…….....89

Bylinin I.A. CHANGES IN THE REGULATORY AND LEGAL FRAMEWORK OF ROAD SAFETY AS A FACTOR AFFECTING THE BEHAVIOR OF ROAD.....97

Denisenko K.V. FEATURES OF SOCIO-LEGAL REGULATION OF ACTUAL ROAD SAFETY ISSUES…….……...104

Dudkin Y.A., Nogovitsina E.N. IMPROVING ROAD SAFETY, PROBLEMS AND MODERN APPROACHES TO THEIR SOLUTION……..113

Zatolokin A.A., Streltsov V.V., Osipov I.G. THE PROBLEM OF PROFESSIONAL DEFORMATION IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES AND WAYS TO OVERCOME IT…….123

Zraeva I.M., Yevlanov R.A. LANGUAGE INTEGRATION AS A CONDITION FOR NATURALIZATION: GAPS IN THE RUSSIAN CITIZENSHIP LEGISLATION AND RISKS TO NATIONAL SECURITY…….....131

Litvinov A.V., Andreev P.G., Smirnov I.A. ADMINISTRATIVE AND LEGAL ASPECTS OF CAR-SHARING FUNCTIONING ON THE ROADS OF THE RUSSIAN FEDERATION……140

Nechay S.L., Nuradinov S.M., Kulikova S.G. LEGAL REGULATION OF CITIZENSHIP IN FOREIGN COUNTRIES (ON THE EXAMPLE OF SOME BRICS AND CIS MEMBER STATES)……149

Pavlova E.V. THE INSTITUTION OF EXEMPTION FROM LEGAL LIABILITY IN THE CONTEXT OF CURRENT ADMINISTRATIVE AND LEGAL NORMS……160

Pokotilenko N.A. CHARACTERISTICS OF THE INSTITUTE OF LEGAL LIABILITY……168

Shedij M.V., Malik E.N., Malik V.I. COUNTERING CORRUPTION IN MILITARY ORGANIZATIONS AS AN ELEMENT OF RUSSIA'S NATIONAL SECURITY..…….175

Criminal Law Sciences

Batueva A.B. CRIMINAL LAW GOVERNING LIABILITY FOR COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS VIOLATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND A NUMBER OF FOREIGN COUNTRIES: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS.....189

Boeva M.A. FEATURES OF THE COMPOSITION OF THE CRIME PROVIDED FOR IN ARTICLE 264 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION……198

Vetskaya S.A., Badikov D.A. FEATURES OF THE CRIMINAL ASSESSMENT OF BATTERY AND OTHER VIOLENT ACTS THAT CAUSED PHYSICAL PAIN.....205

Vorobey S.N. ON THE PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE FUNCTIONS OF PROSECUTION AND DEFENSE IN CRIMINAL PROCEEDINGS…….....212

Grishin A.V., Selytina O.G. SOME ISSUES OF CRIMINAL LIABILITY FOR EXTORTION ……220

Ishin I.A., Barinova E.D. CHARACTERISTICS OF PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF COMMITTING CRYPTO FRAUD……228

Kalyuzhny A.N., Chaplygina V.N. SPECIAL PROVISIONS ON THE SUSPENSION OF PRELIMINARY INVESTIGATIONS IN RELATION TO PARTICIPANTS OF THE SVO: NEW APPROACHES – «OLD» PROLEMS……235

Kovalev M.V. PROBLEMS WITH THE LIST OF INVESTIGATIVE ACTIONS TO BE CARRIED OUT WHEN A CRIME REPORT IS CONSIDERED……..……..243

Kozlov A.E., Dudchenko L.V. FORENSIC CHARACTERISTICS OF ASSISTANCE TO TERRORIST ACTIVITIES……..……253

Kolycheva A.N., Vasyukov V.F. SOME ASPECTS OF THE INITIAL STAGE OF INVESTIGATING FRAUDULENT ACTS COMMITTED USING PAYMENT MEANS…….…….…….....264

Krynin A.A. RECORDING THE COURSE AND RESULTS OF SEPARATE INVESTIGATIVE ACTIVITIES INVOLVING MINORS…….....270

Latypov V.S. EVOLUTIONARY CONVERGENCE OF PRE-TRIAL PROCEDURAL MODELS IN THE CONTEXT OF THE NATIONAL INVESTIGATIVE TRADITION…….....277

Lindt A.A. OPERATIONAL-SEARCH PREVENTION OF JUVENILE CRIMES RELATED TO ILLICIT DRUG TRAFFICKING……...289

Morozova N.V., Abramova L.L. THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS OF AN INTERPRETER'S PARTICIPATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS……...296

Moskalenko D.A. TACTICS OF VEHICLE INSPECTING DURING CHECKING ACTIVITIES AND INVESTIGATION UNDER ARTICLE 264.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION……....…….304

Muraviov K.V., Oleinic V.V. CAN CRIMINAL PROCEDURE RELATIONS EXIST WITHOUT CRIMINAL LAW?.....314

Nazarova M.D. THE STAGE OF INITIATING A CRIMINAL CASE IS AN IMPORTANT STAGE OF CRIMINAL PROCEEDINGS……..…….....323

Potapova E.S. RETROSPECTIVE ANALYSIS OF THE TRANSFORMATION OF THE STATUS OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS…….330

Rossinskiy S.B. COLLECTION OF LAWS OF THE RUSSIAN EMPIRE AND CRIMINAL-JUDICIAL EVIDENCE…….……..338

Sezonova T.V. FORMS OF APPLYING SPECIAL KNOWLEDGE IN THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO ILLEGAL TRAFFICKING OF DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES……...……..……...345

Semenov E.A., Kolmykov I.A., Klevtsova S.Y. RETROSPECTIVE ANALYSIS OF THE EMERGENCE OF THE INSTITUTE OF ADVOCACY IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS…….352

Sefilov A.G. SOME ISSUES OF COUNTERING CRIMES COMMITTED USING ELECTRONIC MEANS OF PAYMENT OF THIRD PARTIES……..359

Sinyavina D.A. THE CONCEPT OF A LEGAL FACT AS AN ELEMENT OF LEGAL RELATIONS ARISING FROM THE IMPOSITION OF SEIZURE ON MONEY AND OTHER VALUABLES IN ACCOUNTS, DEPOSITS, OR STORAGE IN BANKS AND OTHER CREDIT ORGANIZATIONS……..369

Tarsheva M.N. FACTORS INFLUENCING THE FORMATION OF RUSSIA'S MODERN CRIMINAL PROCEDURE POLICY…….....376

Shemchuk S.Y. THE RESULTS OF OPERATIONAL OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES IN CRIMINAL PROCEDURAL EVIDENCE: THE PROBLEM OF THE «PROPER SUBJECT OF EVIDENCE COLLECTION».....…….....384

Shumilin A.A. THE ROLE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN COUNTERING EXTREMIST PROPAGANDA...……...390

Information for authors ……...396

Поздравление к 50-летию Института начальника ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова Дмитрия Леонидовича Проказина

20 апреля 2026 года Орловскому юридическому институту МВД России имени В. В. Лукьянова исполняется 50 лет.

В этот день в 1976 году приказом Министра внутренних дел СССР генерал-полковника милиции Н. А. Щелокова на базе межобластной школы подготовки младшего и среднего начальствующего состава была создана Орловская специальная средняя школа милиции МВД СССР для подготовки среднего начальствующего состава дорожно-патрульной службы – предшественница нашего института.

Инициатива образования Орловской специальной средней школы милиции принадлежала начальнику Главного управления ГАИ МВД СССР генерал-лейтенанту милиции Валерию Витальевичу Лукьянову, впоследствии 30 мая 2013 года приказом Министра внутренних дел Российской Федерации Орловскому юридическому институту МВД России было присвоено почётное наименование «имени В. В. Лукьянова».

Сегодня Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова – это динамично развивающееся образовательное учреждение, представляющее собой учебно-научный комплекс, успешно сочетающий традиции и инновации в области высшей школы. За годы существования в стенах института подготовлено более девятнадцати тысяч сотрудников для правоохранительных органов нашей страны, стран ближнего и дальнего зарубежья.

Многие поколения выпускников института с честью несут службу по обеспечению общественного порядка и борьбе с преступностью во всех регионах страны, проявляя безупречную верность служебному долгу.

Накопленные традиции и опыт практического обучения, значительный научно-педагогический потенциал, развитая учебно-материальная база и современные инновационные образовательные технологии позволяют коллективу Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова вносить достойный вклад в развитие ведомственного образования и отечественной юридической науки и успешно осуществлять подготовку высококвалифицированных специалистов для органов внутренних дел.

Хотел бы пожелать всем ветеранам, сотрудникам и работникам Института крепкого здоровья, благополучия и новых научных достижений.

Начальник ОрЮИ МВД России
имени В.В. Лукьянова
генерал-майор полиции Д.Л. Проказин

ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова – 50 ЛЕТ

Научная статья
УДК 340.115.6

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОРЮИ МВД РОССИИ ИМЕНИ В. В. ЛУКЬЯНОВА (К 50-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА)

Сальников Евгений Вячеславович
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл, Россия

esalnikov2005@yandex.ru

Аннотация. В статье даётся реконструкция основных этапов формирования науки как отдельного направления деятельности в Орловском юридическом институте МВД России имени В. В. Лукьянова. Автор систематизирует научное наследие учёных, оказавших влияние на становление и развитие науки в институте, на создание и деятельность научных школ. Рассматривается вклад отдельных личностей в организацию научных направлений и в целом в развитие науки.

Ключевые слова: Орловская средняя специальная школа милиции МВД СССР, Орловский юридический институт МВД России имени В. В, Лукьянова, наука.

Для цитирования: Сальников Е. В. Исторические особенности формирования научного направления деятельности в ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова (к 50-летию института) // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 14–22.

HISTORICAL FEATURES OF THE FORMATION OF THE SCIENTIFIC DIRECTION OF ACTIVITY IN THE ORYOL LAW INSTITUTE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA NAMED AFTER V.V. LUKYANOV (DEDICATED TO THE 50TH ANNIVERSARY OF THE INSTITUTE)

Evgeny V. Salnikov
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Oryol, Russia

esalnikov2005@yandex.ru

Annotation. The article reconstructs the main stages of the formation of science as a separate area of activity at the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. The author systematizes the scientific heritage of scientists who influenced the formation of science at the Institute, the creation and operation of scientific schools. The article examines the contribution of individuals to the formation of scientific trends and, in general, to the development of science.

Keywords: Oryol Secondary Special police School of the USSR Ministry of Internal Affairs, Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, science.

For citation: Salnikov E. V. Historical features of the formation of the scientific direction of activity in the oryol law institute of the ministry of internal affairs of russia named after V.V. Lukyanov (dedicated to the 50th anniversary of the institute) // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2026. № 1(106). P. 14–22.

50 лет со дня образования – это достаточно значимый юбилей для того, чтобы ставить задачу по исторической реконструкции тех или иных аспектов деятельности образовательной организации. В этом отношении научная деятельность института представляет собой отдельный интерес, так как история формирования научных школ, утверждения направлений исследования и вклад отдельных учёных в развитие науки на настоящий момент не получил ещё своего всестороннего изучения. Несомненно, предполагаемое научное исследование будет иметь исключительно прикладное значение, ориентированное, прежде всего, на частную историю отдельной образовательной организации. Однако представляется, что и подобное, в значительной мере краеведческое исследование имеет свою актуальность.

В этой связи в методологическом отношении исследование будет опираться на классические позитивистские методы источниковедения, используя подходы, которые сложились в современном краеведении, а также в тех исторических трудах, которые посвящены отдельным улицам, зданиям, организациям. В качестве примеров подобного рода трудов вполне можно привести работы известного орловского историка А. Ю. Сарана [6].

Обращаясь к истории формирования научных исследований в институте, нельзя не упомянуть, что основатель школы – Валерий Витальевич Лукьянов – являлся основоположником научного подхода к решению проблем безопасности дорожного движения. Пожалуй, именно обоснование научности как фундамента решения проблем безопасности дорожного движения следует считать величайшим вкладом Лукьянова. Вся многогранная система новаций в Госавтоинспекции, предложенная Лукьяновым, выступает производной от принципа научности, который он обосновал.

Следует подчеркнуть, что Лукьянов смог добиться институционального оформления науки о безопасности дорожного движения. Такой институциональной формой стала Лаборатория проблем безопасности дорожного движения, которая менее чем за 10 лет развилась до Всесоюзного научно-исследовательского института безопасности дорожного движения с двумя филиалами в Киеве и Кирове. Ни в одной стране мира вплоть до настоящего времени не был создан аналог ВНИИ БДД, потому что нигде более не удалось достичь понимания того, что решение проблем безопасности дорожного движения есть проблема не административная, а научная; что в основе её лежит диалектика скорости и безопасности; что именно учёные, а не хозяйствующие и властвующие субъекты должны решать вопросы обеспечения безопасности дорожного движения.

Ещё в одной из своих ранних работ В. В. Лукьянов сформулировал базовый тезис о месте и роли научного обеспечения деятельности по обеспечению дорожного движения, тем самым заложив начало целой отрасли научных исследований. По мнению В. В. Лукьянова, основу общегосударственной системы обеспечения безопасности дорожного движения составляет «обязательное соблюдение соответствующих нормативов, стандартов и правил во всех сферах народнохозяйственной деятельности. Успех

функционирования этой системы может быть обеспечен лишь в том случае, если не будет упущено ни одно из её звеньев и в то же время по каждому отдельному направлению найдут реальное осуществление конкретные меры, разработанные на прочной научной основе» [3, с. 46].

Лукьянов первым понял, что именно научный подход создаёт основу для интеграции широкого спектра знаний и подходов из других отраслей в сферу организации дорожного движения. Примечательной иллюстрацией научного подхода к организации дорожного движения являются воспоминания заслуженного юриста РФ, д.ю.н., профессора Б. В. Россинского о первой встрече с Лукьяновым. Уговаривая его перейти на работу во ВНИИ БДД В. В. Лукьянов говорил, что «транспортные потоки как объект управления во многом аналогичны потокам жидкости и газа, и мои знания в области гидро- и газодинамики будут востребованы при создании систем управления дорожным движением…» [4, с. 103–104].

Однако в тот период, когда институт функционировал как средняя специальная школа милиции (1976–1991 года) (далее – ОССШМ МВД СССР) научная составляющая не играла в деятельности образовательной организации значимой роли. В 1976–1983 годах у нас отсутствуют сведения о наличии в составе ОССШМ МВД СССР лиц с учёной степенью, о взаимодействии сотрудников образовательной организации с ВНИИ БДД, об участии сотрудников в разработке нормативных правовых документов и тому подобное.

В 1983 году после смерти первого начальника школы К. В. Кузнецова руководителем образовательной организации назначается Владимир Геннадьевич Капустянский. Фигура второго начальника очень значима для нашего исследования в силу того, что накануне назначения, в том же 1983 году, на базе Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова Капустянский успешно защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата юридических наук на тему «Убеждение и принуждение в советском уголовном процессе».

Крайне важно, что к руководству приходит человек, который обладает самостоятельным опытом научного исследования. Наука обладает для него значимостью, иначе он не стал бы заниматься подготовкой и защитой кандидатской диссертации. В период, когда он руководит ОССШМ МВД СССР, число лиц с учёной степенью значительно возрастает. В 1983 году диссертацию на соискание учёной степени кандидата философских наук по теме «Социальные аспекты формирования молодого пополнения рабочих автомобильного транспорта СССР» защищает Владимир Леонидович Князев. В 1985 на должность старшего преподавателя цикла уголовного процесса и криминалистики приходит Емельянова Ираида Васильевна, которая всё в том же 1983 году защищает в Москве диссертацию на соискание учёной степени кандидата юридических наук по теме «Внутреннее убеждение и процессуальная самостоятельность прокурора в советском уголовном судопроизводстве». В 1989 году на цикл общих гуманитарных дисциплин приходит Олег Александрович Федоров, защитивший в том же году диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук по теме «Комсомол – боевой помощник партии в возрождении прифронтовых и освобождённых районов СССР в 1942–1950 гг.». В 1991 году защищает диссертацию на соискание учёной степени кандидата юридических наук Владимир Тимофеевич Низамов по теме «Организационно-правовые основы деятельности Госавтоинспекции по обеспечению безопасности дорожного движения, 1936–1985 гг.». Примечательно, что в книге своих воспоминаний Капустянский приводит слова А. У. Черненко, руководителя Главного управления кад-

ров МВД СССР о том, что «в Орловской специальной средней школе милиции кандидатов наук больше, чем в Харьковской высшей школе милиции» [2, с. 42].

Развитие науки получает свой дополнительный стимул после 1992 года, когда Орловская школа милиции меняет статус со средней на высшую. Переход в систему высшего образования необходимым образом институционально перемещал учебное заведение в пространство, в рамках которого наука становилась обязательной. Эта обязательность науки, с одной стороны, задавала необходимость осмысления того, что есть наука, и что значит заниматься наукой.

Появление научной деятельности как обязательного направления влекло за собой ряд институциональных преобразований. Это легко увидеть в процессе реструктуризации образовательной организации, когда вместо ранее существовавших циклов занимали кафедры. При этом должность руководителя цикла не содержала никаких требований к научной составляющей (научное звание, научная степень), а вот уже должность начальника кафедры напрямую требовала от кандидата на её замещение наличия научной степени.

Тогда же в 1992 году новая штатная структура вуза потребовала создания специального научно-исследовательского отделения (объединённого с редакционно-издательским), а в следующем 1993 году отделение становится полноценным отделом. Взаимосвязь научной и издательской деятельности (к слову сказать, далеко не столь очевидная в сравнении, например, со связью науки и библиотек) является отражением представлений о науке не в Орловской высшей школе МВД России, а в целом в руководстве ведомственной науки. Представляется, что связь научных исследований и издательского дела носит не каузальный (издали то, что является результатом исследований), а коррелятивный характер (исследуем и представляем результаты в печатном варианте). При этом совершенно очевидно, что чем больше исследуем, тем больше публикуем результаты этих исследований, но в целом по объёмам деятельности издательское отделение, безусловно, доминирует над научным, ибо издаём мы много того, что предметом науки не является. Научное познание и публикации каузально связаны только применительно к публикации результатов научной деятельности в научных журналах, однако специальный научный журнал ОВШ МВД России возникает только в 1996 году (к нему мы вернёмся чуть позже).

Итак, рубежный 1992 год сделал необходимым осмысление того, что же значит заниматься наукой в рамках деятельности образовательной организации. Огромную роль в формировании науки сыграли фигуры начальника школы Евгения Николаевича Щендригина и его заместителей по учебной работе в 1992–1996 годах – Владимира Ильича Горобцова (1992–1996 гг.) и по научной работе – Льва Витальевича Винницкого (1992–1993 гг.). Примечательно, что из трёх высших руководителей учебного заведения один – Лев Витальевич Винницкий – к моменту назначения уже был доктором юридических наук (в 1990 году он успешно защитил диссертационное исследование на соискание учёной степени доктора юридический наук на тему «Теоретические и практические проблемы следственного осмотра»). В. И. Горобцов именно в годы своего пребывания в должности заместителя начальника Орловской высшей школы милиции защищает диссертацию на соискание учёной степени доктора юридических наук по теме «Проблемы реализации мер постпенитенциарного воздействия: вопросы теории и практики» (1995 год). Чуть позже в 1997 году доктором юридических наук становится и начальник ОВШ МВД России – Евгений Николаевич Щендригин. Он также успешно защищает диссертацию на соискание учёной степени доктора юридических наук по теме «Государственная власть и местное самоуправление: Историко-правовой

анализ». Таким образом, получалось, что в период становления научной сферы образовательной организации в её руководстве находились люди, непосредственно погружённые в научный поиск. Процесс написания докторской диссертации делает неизбежным глубокое личное погружение, психологическое «прочувствование» того, что значит заниматься наукой. Безусловно, это внутреннее понимание не могло не сказаться на развитии научных исследований и научной составляющей в деятельности вуза.

В подтверждение наших мыслей обратим внимание на то, что В. И. Горобцов, который после отъезда из Орла возглавил Красноярскую высшую школу МВД России, по праву считается основоположником целой школы юридических исследований в сибирском регионе. В посвящённом ему историко-биографическом исследовании П. В. Тепляшин говорит о том, что, с одной стороны, В. И. Горобцов смог настолько успешно спрогнозировать основные тенденции развития уголовно-правовых и уголовно-исполнительных правоотношений, что многие идеи учёного не только не потеряли своей актуальности вплоть до наших дней, но и со временем «выходят на новый уровень актуальности, продолжают обладать практической ценностью и научной жизнеспособностью» [6, с. 23]. С другой стороны, Горобцов становится руководителем и вдохновляет на научное творчество широкую плеяду исследователей, впоследствии также ставших известными учёными: О. А. Алфимова, И. В. Грамматчиков, И. Н. Лемперт, Е. А. Димитрова, Е. А. Федорова и ряд других. Помимо этого, организующая роль Горобцова в науке воплотилась и в его научном руководстве на уровне главного редактора ряда научных журналов, а также в председательстве в созданном на базе Сибирского института диссертационном совете.

Лев Витальевич Винницкий аналогично считается видным представителем отечественной процессуальной науки, опубликовавшим в общей сложности более 200 работ, из числа которых 12 монографий. Под его научным руководством защищены 18 кандидатских диссертаций.

К сожалению, в 1993 году Л. В. Винницикий, а в 1996 году В. И. Горобцов покидают Орловскую высшую школу МВД России, переходя на иное место службы. В силу этого итоговый и определяющий вклад в формирование первоначального концепта науки в образовательной организации принадлежит, безусловно, её руководителю Евгению Николаевичу Щендригину.

Темпоральное состояние позволяет достаточно чётко увидеть основные направления научной деятельности на том этапе. Итак, научная деятельность – это, во-первых, научные связи и научные мероприятия. Начиная с 1993 года развитие ОВШ МВД России отмечено рядом научно-представительских мероприятий, значимых не только на вузовском, но и на всероссийском уровнях. Первыми из них считаются конференции «Реформы в России и СССР: критика исторического опыта» (30 марта 1993 года), «Совершенствование боевой и физической подготовки сотрудников ОВД» (впервые проведённая в 1993 году эта конференция существует вплоть до наших дней), первая международная научно-практическая конференция «Языки мозга и тела человека: проблемы и практическое использование в деятельности органов внутренних дел» (29 мая 1995 года). Но, безусловно, наиболее масштабной является научно-практическая конференция, проведённая весной 1996 года и приуроченная к 60-летию со дня образования Госавтоинспекции.

Второй элемент концепта науки – проведение и публикация результатов научных исследований. В 1996 году в свет выходит первый номер научного журнала института «Наука и практика». Под таким названием журнал будет существовать вплоть до 2017 года, когда он будет переименован в Научный Вестник Орловского юридического

института МВД России имени В. В. Лукьянова. В первые годы своего существования журнал был отнюдь не только юридическим, а включал в себя разделы по широкому кругу гуманитарных наук. Впоследствии профиль научного издания становился всё более и более специализированным в сфере юридических исследований. 21 февраля 2022 года Решением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ журнал будет включён в Перечень изданий, рекомендованных для публикации результатов исследований, представляемых на соискание учёной степени кандидата, доктора юридических наук.

Здесь следует упомянуть о том, что формирование науки в ОВШ МВД России, а с 1997 года в Орловском юридическом институте проходило на фоне отказа от исключительной направленности учебного процесса и всей направленности образовательной организации на подготовку специалистов для подразделений ДПС ГАИ. Нельзя сказать, чтобы научное осмысление проблем безопасности дорожного движения оказалось полностью забыто. Так, в 1998 году С. Н. Дмитриевым было подготовлено, а в 2000 году централизовано издано в Москве под общей редакцией начальника ГАИ МВД России В. А. Федорова первое систематизированное учебное пособие «Дорожно-патрульная служба». В 2003 году тот же Сергей Николаевич Дмитриев защищает диссертацию на соискание учёной степени доктора юридических наук по теме «Правовые, организационные и тактические проблемы деятельности дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения». Чуть раньше диссертацию на соискание учёной степени доктора педагогических наук по теме «Физические и психофизиологические особенности профессиональной компетентности сотрудников дорожно-патрульной службы Госавтоинспекции» защищает Александр Федорович Калашников

Но всё же Орловская высшая школа, а тем более институт осуществляли подготовку юристов, в том числе в определённое время и гражданских без конкретной привязки к сфере деятельности в органах внутренних дел. С точки зрения профильности и материально-технического обеспечения утрата специализации выглядит спорным решением, но с точки зрения науки она открывала широкие перспективы для исследований в различных областях. Е. Н. Щендригин поддерживал научные поиски и способствовал им во всех областях юридического (и даже неюридического) знания.

Последнее воплощало в себе третий компонент научности – формирование научных школ и системы подготовки учёных. Наука есть научные традиции и преемственность поколений. 27 июля 1999 года в институте начала свою работу адъюнктура как самостоятельное подразделение, целью которого являлась подготовка научных и научно-педагогических кадров. Институализация адъюнктуры как обособленного подразделения играла большую роль в развитии науки. В этом смысле значительной утратой представляется отказ от адъюнктуры как самостоятельного подразделения, произошедший в 2015 году. Подготовка научных кадров продолжается достаточно успешно вплоть до настоящего времени, но уже вне институционально обособленного подразделения.

Параллельно вовлечению молодых учёных в науку происходило и дальнейшее углубление фундаментальных исследований, причём самого высокого уровня, что нашло своё отражение в фундаментальных монографиях и диссертациях на соискание учёной степени доктора юридических наук. Так, ещё в 1995 году доктором филологических наук становится Геннадий Яковлевич Узилевский, в 2005 году диссертацию на соискание учёной степени доктора юридических наук по теме «Методологические и организационно-правовые основы науки уголовно-исполнительного права» защищает

Альберт Альбертович Телегин, в 2008 году доктором юридических наук, защитив диссертацию по теме «Идеи соотношения государства, права и нравственности в истории политической и правовой мысли дореволюционной России второй половины XIX – начала XX века», становится Юрий Викторович Костин, а в 2010 году успешно защищает диссертацию на соискание учёной степени доктора психологических наук его супруга Л. Н. Костина.

Получение институтом в 2007 году статуса учебно-научного центра профильной подготовки сотрудников, осуществляющих деятельность по обеспечению безопасности дорожного движения, серьёзным образом стимулировало научные исследования по вопросам деятельности Госавтоинспекции. Ярким подтверждением этого выступает усиление связи между Научным центром безопасности дорожного движения МВД России и институтом. Совместные исследования и соучастие в проведении научных мероприятий, опора на проводимые изыскания учёными двух организаций способствовали росту научного обеспечения безопасности дорожного движения. Значительно повышается уровень международной научно-практической конференции «Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования», ставшей ежегодной научной площадкой для дискуссий и обмена мнениями по широкому спектру проблем обеспечения безопасности дорожного движения. Целый ряд сотрудников и выпускников института перешёл в научный центр, существенно усилив его научный потенциал. Среди сотрудников и выпускников института, перешедших на службу в НЦ БДД МВД России, можно отметить К. С. Баканова (кандидата юридических наук, одного из разработчиков Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года), Л. В. Шманеву (ныне доктор экономических наук, заместитель начальника Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя) и многих других[1].

Возвращение профиля способствовало и росту исследований в сфере административного права и деятельности Госавтоинспекции. Здесь следует отметить Зиборова Олега Валентиновича, защитившего в 2016 году диссертацию на соискание учёной степени доктора юридических наук по теме «Административно-правовая концепция военного положения», а также Калюжного Юрия Николаевича, обосновавшего в 2021 году в рамках защиты докторской диссертации по теме «Обеспечение безопасности дорожного движения в Российской Федерации: концептуальные организационно-правовые основы» авторский подход «к уточнению системы нормативно закреплённых понятий в сфере безопасности дорожного движения, основанный на постепенном законодательном переходе от концепции абсолютной безопасности к концепции допустимого риска» [1, с. 12]. К сожалению, обе диссертации были защищены авторами уже после их ухода из института в иные образовательные организации.

На этом фоне значительный рост в 2010–2020-х годах демонстрировали исследования в сфере уголовного процесса и криминалистики. Во многом развитие этого направления было связано с фигурой выдающегося деятеля процессуальной науки, организатора и основоположника уголовно-процессуальной школы в институте генерал-майора полиции Сергея Андреевича Синенко. Став в 2013 году начальником института, С. А. Синенко в 2014 году успешно защищает диссертацию на соискание учёной степени доктора юридических наук по теме «Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: теоретические, законодательные и правопри-

[1] Подробнее об этом [5] .

менительные проблемы». С этого года по его инициативе в институте начинает проводиться международная научная конференция «Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования», которая ежегодно собирала в институте лучших учёных-процессуалистов страны и ближнего зарубежья.

Уголовно-процессуальная школа научных исследований под руководством Сергея Андреевича крепла день ото дня. В институт на несколько лет переходит на работу доктор юридических наук, профессор Вячеслав Владимирович Николюк, в 2018 году диссертационное исследование на соискание учёной степени доктора юридических наук успешно защитил Васюков Виталий Фёдорович, а с 2020 года заместителем начальника института по научной работе назначается доктор юридических наук Кирилл Владимирович Муравьев. Плеяда этих выдающихся исследователей взрастила большое количество учеников и способствовала росту научного уровня исследований, проводимых в институте.

Следует отметить, что Сергей Андреевич Синенко обладал широким научным кругозором, интересуясь и исследованиями в других науках. Так, именно под его руководством в 2018–2020 годах проводились научные исследования исторической направленности и археологические раскопки в посёлке Куракинский, которые имели своей целью установление места захоронения второго министра внутренних дел Российской Империи князя А. Б. Куракина. Нельзя не упомянуть и о том, что С. А. Синенко оказал помощь и поддержку непосредственному автору этих строк при подготовке и защите в 2015 году диссертации на соискание учёной степени доктора философских наук.

В конечном итоге спустя 50 лет с момента создания мы видим институт как один из сильных центров ведомственной науки, осуществляющий исследования по широкому спектру отраслей. Учёные института пользуются заслуженным авторитетом, а показатели научной деятельности позволяют коллективу образовательной организации с оптимизмом смотреть в будущее. В XXI веке научные исследования являются необходимой составляющей деятельности любой образовательной организации. В эпоху развития искусственного интеллекта простая передача информации от педагога к обучающемуся уже не может рассматриваться как адекватная форма образования. Педагог сегодня – это тот, кто вовлекает обучающихся в собственные научные исследования, «заражает» обучающихся своим стремлением к познанию объективной реальности и через это учит не потребительскому получению знаний, а их совместному производству, соучастию в раскрытии объективной истины об окружающей нас реальности. Именно на таких позициях единства науки и практики стоит коллектив учёных Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова в год его полувекового юбилея.

---

1. Калюжный Ю. Н. Обеспечение безопасности дорожного движения в Российской Федерации: концептуальные организационно-правовые основы: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2021. 51 с.
2. Капустянский В. Г. О времени, о друзьях и о себе… Орел: Издатель Александр Воробьев, 2015.
3. Лукьянов В. В. Проблемы дорожного движения. М.: Знание, 1972.
4. Россинский Б. В. Встреча, которая перевернула мою жизнь. //Жизнь на переднем крае. Сб. ст. Под общей редакцией В.Н. Кирьянова. М., 2008. С. 103–104.
5. Сальников Е. В., Кузнецова Н. М. Взаимодействие ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова и НЦ БДД МВД России в рамках осуществления функций учебно-научного центра по реализации приоритетного профиля подготовки «Деятельность

подразделений государственной инспекции безопасности дорожного движения». Орел, 2026.
6. Саран А. Ю. Храм на холме. От церкви до библиотеки. Орел, изд-во «Горизонт», 2025.
7. Тепляшин П. В. Научное наследие Владимира Ильича Горобцова // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 20-24.

1. Kalyuzhny`j Yu. N. Obespechenie bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Rossijskoj Federacii: konceptual`ny`e organizacionno-pravovy`e osnovy`: avtoref. dis. … d-ra yurid. nauk. M., 2021. 51 s.
2. Kapustyanskij V. G. O vremeni, o druz`yax i o sebe… Orel: Izdatel` Aleksandr Vorob`ev, 2015.
3. Luk`yanov V. V. Problemy` dorozhnogo dvizheniya. M.: Znanie, 1972.
4. Rossinskij B. V. Vstrecha, kotoraya perevernula moyu zhizn`. //Zhizn` na perednem krae. Sb. st. Pod obshhej redakciej V.N. Kir`yanova. M., 2008. S. 103–104.
5. Sal`nikov E. V., Kuzneczova N. M. Vzaimodejstvie OrYuI MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova i NCz BDD MVD Rossii v ramkax osushhestvleniya funkcij uchebno-nauchnogo centra po realizacii prioritetnogo profilya podgotovki «Deyatel`nost` podrazdelenij gosudarstvennoj inspekcii bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya». Orel, 2026.
6. Saran A. Yu. Xram na xolme. Ot cerkvi do biblioteki. Orel, izd-vo «Gorizont», 2025.
7. Teplyashin P. V. Nauchnoe nasledie Vladimira Il`icha Gorobczova // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 3. S. 20-24.

Информация об авторе

Евгений Вячеславович Сальников. Начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин, доктор философских наук, доцент.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Evgenii V. Salnikov. Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines. Doctor of Philosophy, Associate Professor.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 20.02.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.
The article was received in the editorial office on 20.02.2026; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научная статья
УДК 340.1

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА Ю.В. КОСТИНА: ИДЕИ СООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА, ПРАВА И НРАВСТВЕННОСТИ В ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ НАУКЕ

Выходов Александр Александрович
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия

alex-exit@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу научного наследия профессора Ю.В. Костина (1962–2013) в области истории и теории отечественной правовой мысли. Цель - систематизация и оценка его ключевых идей, сосредоточенных вокруг проблем соотношения естественного и позитивного права, связи права и нравственности, а также методологии изучения государства и права. На основе анализа его работ выявлены тематические блоки, образующие целостную систему взглядов. Доказывается, что интегративный, историко-культурный и аксиологический подходы Костина сохраняют методологическую ценность для современной юридической науки, особенно в контексте поиска духовно-нравственных оснований российской государственности. Его работы заложили фундамент для понимания права как социально-ценностного феномена, синтезирующего нормативное, этическое, историческое и культурное начала.

Ключевые слова: история, правовая мысль, естественное право, позитивное право, нравственность, государство, методология, интегративный подход.

Для цитирования: Выходов А. А. Научное наследие профессора Ю.В. Костина: идеи соотношения государства, права и нравственности в историко-правовой науке // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 23–32.

SCIENTIFIC HERITAGE OF PROFESSOR YU.V. KOSTIN: IDEAS OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE STATE, LAW AND MORALITY IN HISTORICAL AND LEGAL SCIENCE

Aleksandr A. Vykhodov
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

alex-exit@mail.ru

Annotation. The article analyzes the scientific heritage of Professor Yu.V. Kostin (1962–2013) in the history and theory of Russian legal thought. The purpose is to systematize and evaluate his key ideas centered around the relationship between natural and positive law, law and morality, and the methodology of studying the state and law. Analysis of his works

reveals thematic blocks forming an integral system of views. It is proved that the integrative, historical-cultural and axiological approaches developed by Kostin retain methodological value for modern legal science, especially in the search for spiritual and moral foundations of Russian statehood. His works laid a foundation for understanding law as a socio-value phenomenon synthesizing normative, ethical, historical and cultural principles.

Keywords: history of legal thought, natural law, positive law, morality, state, methodology, integrative approach.

For citation: Vykhodov A. A. Scientific heritage of professor Yu.V. Kostin: ideas of the relationship between the state, law and morality in historical and legal science // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2026. № 1(106). P. 23–32.

Профессор Юрий Викторович Костин оставил после себя значительный и целостный пласт теорий, концепций и подходов в отечественной историко-правовой науке, не теряющих свою актуальность и в современных условиях. В целом, его научное наследие отличается глубиной анализа, широтой охвата предмета исследования, сосредоточенного на ключевых, сущностных проблемах философии права, теории государства и истории политико-правовой мысли России. Особый интерес в его научных исследованиях всегда представлял собой период второй половины XIX – начала XX века, сопровождавшийся интеллектуальным расцветом и формированием оригинальных теоретических и правовых концепций в отечественном государстве, подобным которым сегодня представляются и сами идеи Ю.В. Костина. Не случайно, что обозначенный период, характеризующийся «Великими реформами» и становлением классического университетского юридического образования, по мнению профессора, был временем выработки самобытных ответов на вызовы модернизации [1, с. 113].

Представляется, что ядром научного наследия профессора Ю.В. Костина является несколько стержневых, тесно взаимосвязанных тем, подвергавшихся пристальному исследованию на протяжении всей научной деятельности ученого. К таковым, на наш взгляд, следует прежде всего отнести фундаментальный вопрос о взаимодействии и взаимосвязи морали и права, диалектику естественного и позитивного права, а также методологические основы анализа соотношения государства и права. Следует отметить, в научных трудах Ю.В. Костина, посвященных данным проблемам теории права и государства, всегда отчетливо прослеживается стремление автора к синтезу исторического, теоретико-догматического и аксиологического подходов, благодаря чему право рассматривается не как исключительно формальный регулятор общественных отношений, а как сложный культурно-исторический и духовный феномен, укорененный в национальной традиции и общечеловеческих ценностях. Подобный новаторский интегративный подход профессора Ю.В. Костина безусловно является его оригинальной авторской находкой, и придаёт особенную ценность его научному творчеству.

Думается, что одной из основополагающих и наиболее детально разработанных тем в научных работах профессора является скрупулезный анализ дискуссии о соотношении естественного и позитивного права в российской дореволюционной юриспруденции. Ю. В. Костин не простор констатировал наличие этой дискуссии на рубеже веков, но и выявил ее специфические особенности, характерные для российского общества того периода. В отличие от западноевропейской традиции, где нередко наблюдалось жесткое противопоставление этих двух начал, отечественные правоведы, как показывал Ю. В. Костин, были склонны к поиску их глубинной взаимосвязи и взаимозависимости. При этом, важно, что он обосновал и доказал, что данная тенденция была

характерна как для позитивистов, так и для сторонников естественного права. Так, анализируя позицию А. С. Ященко, исследователь отмечал, что тот рассматривал естественное и положительное право не как две отдельные сущности, а как «лишь две различные точки зрения на один и тот же объект – на действительное право» [2, с. 112]. При этом Ященко, по замечанию Костина, предостерегал от смешения положительного права с позитивной философией и отождествления его исключительно с волей государства, что указывало на сложность и неоднозначность его подхода. Схожей, синтезирующей позиции, по мнению исследователя, придерживался И. А. Покровский, утверждавший, что «право положительное непременно хочет быть разумным правом, а «право разума» стремится стать положительным» [2, с. 112]. В целом, подобное стремление к единству «разумного» и «положительного», преодолевающие крайности нормативизма и излишнего «морализаторства», выделялось Ю. В. Костиным как характерной чертой русской философии права.

Несомненно, особое влияние на формирование концепций и оригинальных идей профессора Ю. В. Костина оказал анализ трудов П. И.Новгородцева и Е. Н. Трубецкого, в которых ученный видел кульминацию развития концепции естественного права в России. Профессор подчеркивал, что Новгородцев определял естественное право не в контексте исторической эволюции, а как «совокупность моральных (нравственных) представлений о праве… как идеальное построение будущего и нравственный критерий для оценки», но при этом Ю. В. Костин неоднократно обращал внимание на важнейший вывод П. И. Новгородцева о «несводимости права и нравственности друг к другу» при одновременном их постоянном взаимодействии, где естественное право выступает масштабом для нормативной оценки правотворчества [2, с. 113]. Е. Н. Трубецкой, по оценке Ю.В. Костина, развивал и углублял эту линию, рассматривая естественное право как «нравственную основу всякого конкретного правопорядка» и «мощный двигатель» исторического прогресса в праве, спасающий человека от «рабского преклонения перед существующим» [2, с. 113]. При этом профессор справедливо обращал внимание, что источник естественного права в концепции Е. Н. Трубецкого находится в человеческих убеждениях, в сознании людей, в следствии чего он приходил к выводу, что «всякая власть держится силой естественного, или нравственного, права» [2, с. 113].

Анализируя научные труды и обобщая теоретические концепции целой плеяды отечественных правоведов дореволюционного периода (Чичерина, Виноградова, Новгородцева, Трубецкого и других) Ю. В. Костин пришел и сформировал для отечественной историко-правовой науки фундаментальный вывод о том, что они заложили основы современного, не противопоставляющего, а объединяющего подхода к правопониманию, в основе которого лежит «не противопоставление естественного и позитивного права, а идеи объединения и взаимного дополнения их ценностных потенциалов» [2, с. 113]. Значимость данного вывода в общетеоретическом плане выражается в том, что он позволяет преодолеть негативные последствия нормативизма и воспринимать право, как живую, развивающуюся систему, ощущающую на себе воздействие нравственных запросов общества.

В этой связи, представляет собой не менее заслуживающей внимание, цикл научных исследований профессора Ю. В. Костина, посвященных фундаментальной проблеме соотношения права и нравственности. Ученый последовательно и аргументированно отстаивал идею их глубокого органического единства, взаимопроникновения и взаимодополнения. Он констатировал, что «право и нравственность являются не только важнейшими элементами современной общественной жизни, выступающими

гарантами стабильности общественных отношений, но и сложными социальными образованиями, имеющими мировоззренческое значение» [3, с. 218]. В их соотношении он предлагал видеть триаду «единство, различия и взаимодействие», отрицая как их полное отождествление, так и абсолютный разрыв [3, с. 218]. Право, по его мнению, само по себе обладает огромной ценностью, поскольку служит достижению идеалов справедливости и свободы, организует социальное пространство и воспринимает ценности, накопленные обществом. При этом, важно обратить внимание на вывод Ю. В. Костина о том, что эта ценность многократно усиливается, когда право вбирает в себя общечеловеческие нравственные принципы. К данному выводу ученый пришел после детального анализа русской философско-правовой мысли второй половины XIX – начала XX века. Он подчеркивал, что осмысление данных проблем в тот период имело «не только теоретическое, но и глубоко практическое, жизненное значение» [4, с. 17]. Анализируя эволюцию взглядов, ученый показывал, как от формулы В. С. Соловьева о праве как «минимуме нравственности» российская мысль двигалась к более сложным и синтетическим построениям. При этом, как отмечал профессор Ю. В. Костин, общим для таких разных мыслителей, как Б. Н. Чичерин, настаивавшего на самостоятельности права, и Е. Н. Трубецкого, видевшего в нравственности основу правопорядка, было стремление осмыслить их органическую связь. Убежден, что Ю.В. Костин особо выделял позицию именно Е.Н. Трубецкого, который, по его оценке, аргументированно показывал, что «одни и те же нормы могут одновременно заключать в себе и правовое, и нравственное содержание» [4, с. 30–34].

В целом, методологические подходы, использованные Ю. В. Костиным, при анализе историко-философских концепций данного периода позволили ему сформулировать ещё один значимый принципиальный вывод о том, что в отечественной традиции право и нравственность понимались как «исходящие из одного источника, определяемого общественным сознанием и требованием разума» [4, с. 252], а главным содержанием их соотношения является свобода.

Обращаясь к содержательной части методологического подхода профессора Ю. В. Костина, следует отметить, что он считал наиболее продуктивным и перспективным синтезировать сильные стороны социально-регулятивного и ценностно-этического взглядов. Первый, отмечал он, позволяет увидеть право и нравственность как однопорядковые нормативные системы, регулирующие поведение людей, выявить общность их объекта и сходство предъявляемых требований. Второй – подчеркивает нравственность как самостоятельную общечеловеческую ценность, содержащую представления о добре, зле, долге, чести, совести и справедливости [3, с. 219]. При этом, сочетание социально-регулятивного и ценностно-этического подходов, по мнению Ю. В. Костина, дает возможность, с одной стороны, проследить, как система правовых и нравственных отношений порождает новые государственно-правовые идеи, а с другой – сочетать представления о регулятивной функции с пониманием ценностной природы этих феноменов, что особенно важно с учетом особенностей российской политико-правовой традиции и отечественного правосознания.

Важно понимать и отметить, что методологическая ценность историко-теоретического анализа государства, который обобщили, сформулировал и в последующем последовательно обращался профессор Ю. В. Костин, находит свой отклик и у современных исследователей. Как отмечает В. С. Киселев, обращаясь к научным исследованиям профессора Ю. В. Костина, «понятие государства в истории политико-правовой мысли и современных трактовках» продолжает быть предметом научного осмысления, особенно в контексте выявления правовых пробелов и совершенствования

законодательства [5, с. 142]. Актуальность и методологическая значимость этого подхода, последовательно отстаиваемого Ю. В. Костиным, подтверждается в современных исследованиях государственно-правовых проблем. Так, анализируя подходы к изучению концепции исполнения наказаний, Д. И. Рубцов ссылается на Ю. В. Костина, отмечая важность методологической функции истории политических и правовых учений, «которая заключается в том, что она позволяет дать оценку соответствующим идеям, охарактеризовать соотношение различных элементов общественной жизни в свете общественно-политической и государственно-правовой практики» [6, с. 30–31]. Это прямое свидетельство того, что методологические ориентиры, предложенные профессором Ю. В. Костиным, продолжают служить надежной основой для анализа сложных правовых институтов в их историческом развитии.

Характеризуя научное наследие Ю. В. Костина необходимо подчеркнуть рассмотрение им справедливости в качестве центральной категории, связующей право и нравственность в единый узел. Он подробно анализировал эволюцию этого понятия в истории мысли от Аристотеля и Цицерона до отечественных правоведов XX века, отмечая его двойственную – правовую и нравственную – природу. Ученый соглашался с позицией Е. А. Лукашевой о том, что «право – категория этическая, и не может быть права, к которому не приложимы были бы моральные оценки» [3, с. 219]. Подобно позиции В. С. Нерсесянца, включающего справедливость в само понятие права, Ю. В. Костин подчеркивал необходимость соответствия действий государства и права нравственным принципам справедливости и общего блага.

Вместе с тем, необходимо отметить, что сформулированные профессором Ю. В. Костиным выводы о глубокой взаимосвязи права и нравственности, также не теряют свою актуальность и находят своё отражение в современных исследованиях, а его идеи служат теоретическим фундаментом для дискуссий в самых острых и социально значимых сферах юридической практики. Например, в работе, посвященной правовому регулированию искусственного прерывания беременности, А. Д. Муравьев и К. А. Ваганова, рассуждая о необходимости учета нравственного фактора в праве, обращаются к наследию профессора Ю. В. Костина для обоснования своей позиции [7]. Не будет преувеличением утверждение о том, что категориальный аппарат и концептуальные идеи профессора Ю. В. Костина выходят за рамки национальной науки и используются в сравнительно-правовых и педагогических исследованиях зарубежных исследователей. Так, например, тезис о нравственности как основе правопорядка и критерии оценки права нашел изучение и отражение в исследовании китайских ученных Ван Цзин и Ма Хун, выдвигающих модель нравственного воспитания на понимании нравственности по Ю. В. Костину, а именно «совокупности исторически определенных взглядов, норм, оценок, суждений, убеждений и принципов поведения людей, регулирующих их отношение друг к другу, а также к обществу, государству и праву, выражающуюся в поступках и действиях людей и поддерживаемую традициями, воспитанием, силой общественного мнения определенного класса, социальной группы или всего общества» [8, с. 59].

Третий важнейший блок наследия Ю. В. Костина составляет подробный анализ методологических подходов к исследованию соотношения государства и права, рассматриваемого им как одной из ключевых проблем теории государства и права. Ученый не только констатировал существование различных точек зрения, но и предложил их четкую классификацию и критический разбор. Он выделял и анализировал три основных подхода: этатистский (утверждающий приоритет государства и производность права от него), естественно-правовой (отстаивающий приоритет права и производность

от него государственной власти) и, наконец, интегративный или функциональный [9, с. 108; 10, с. 17]. При этом Ю. В. Костин справедливо отмечал, что этатистский подход, долгое, время доминировавший в советской правовой науке, основывался на формально-догматическом отношении к праву как к совокупности норм, издаваемых государством, и вел к упрощенному пониманию их связи.

Для того чтобы выявить глубинные основы соотношения государства и права, профессор Ю. В. Костин считал он подвергнул рефлексии само понятие государства, проследив эволюцию этого понятия от античности до современности [11], обосновав ограниченность узкого, исключительно политико-юридического понимания государства лишь как аппарата власти. Опираясь на широкий спектр мнений (Н. М. Коркунова, Л. А. Тихомирова, Э. А. Позднякова и др.) он последовательно отстаивал необходимость социокультурного подхода, наиболее удачно сформулированного, по его мнению, в позиции Э. А. Позднякова, рассматривающего государство как «форму человеческого общежития», целостную органическую систему, включающую «публичную власть и органы управления, право и правовой порядок, обычаи и духовно-нравственные ценности и нормы» [11, с. 39]. Ценность подобного широкого понимания государства, по мнению профессора Ю. В. Костина, заключается в теоретической основе для преодоления этатистского редукционизма и его понимания как сложного феномена, имманентно связанного с правом и нравственностью.

Во многом, в научном наследии Ю. В. Костина преобладает интегративный подход при рассмотрении наиболее сложных теоретико-правовых проблем. Он отмечал, что «соотношение между правом и государством не имеет столь однозначного причинно-следственного характера», а представляет собой сложную двустороннюю функциональную зависимость. Но наиболее удачно суть его научного взгляда по данному вопросу отражается в его формуле: «государство находит в праве порядок, а право в государстве – власть, которую оно утверждает» [9, с. 108]. Таким образом, право и государство взаимно необходимы и обогащают друг друга, не растворяясь и не подменяя друг друга, что позволяет избежать односторонности и выявить глубинные связи.

В контексте интегративного подхода Ю. В. Костин особо рассматривал роль нравственности как связующего звена и основания для всей триады «государство – право – нравственность». Он подчеркивал, что их соотношение следует толковать «как отношение взаимной зависимости, обусловленности и общности» [12, с. 34]. Право и нравственность не только важнейшие социальные регуляторы, но и элементы культуры, которые «всегда выступают в тесном взаимодействии» с государством. Исторический опыт, как отмечал профессор Ю. В. Костин, свидетельствует, что «вся сфера действия государства и права должна иметь глубокое нравственное основание», иначе дисфункции в правовой сфере неминуемо ведут к кризису нравственного сознания [12, с. 36].

В этой связи заслуживает особого внимания вывод Ю. В. Костина о том, что постоянный учет нравственного фактора является важнейшим условием легитимности и эффективности как права, так и государственной власти. Право возникает не как простое следствие государственной воли, а как объективная социальная необходимость, ответ на потребность в придании рамок общественным отношениям, которые «не могут быть выражены, структурированы, реализованы нормально вне и помимо правовых форм» [10, с. 18]. В основе его происхождения лежат не только экономические, но культурно-духовные факторы. Сформировавшись, право и государство, сохраняя автономию и специфику, вступают в состояние постоянного и многоаспектного взаимодействия. Государство зависит от права, так как только опираясь на законы и юридические нормы, оно может эффективно, легитимно и с пользой для общества осуществлять свои

функции, достигая всеобщности своих велений. Право же, в свою очередь, обретает в государстве формальную определенность, институциональную поддержку, гарантированную силу принуждения и механизм реализации [10, с. 18].

Применительно к теории правового государства, Ю. В. Костин отмечал, что в условиях становления правовой государственности именно право становится той «мощной силой (непреходящей ценностью), с помощью которой гражданское общество может разумно воздействовать на функционирование и развитие государства, направлять его в правовые параметры» [10, с. 18]. В этом он видел сущность правового государства, где право не слуга, а рамка и ориентир для власти, подчиняющей свою деятельность строго определенному правовому режиму.

Важно понимать, что в основе трёх рассмотренных нами ключевых исследовательских блоков наследия профессора Ю. В. Костина имеется общая методологическая основа – понимание права как многомерного явления. Во многом, его можно считать продолжателем теоретических идей виднейшего советского и российского правоведа С. С. Алексеева, который также признавал, что право имеет «три образа»: как система общеобязательных норм и деятельность юридических учреждений; как особая подсистема общества; как явление мирозданческого порядка, одно из начал жизни разумных существ [13, с. 72]. Изучая, обобщая и раскрывая данную позицию Ю. В. Костин обосновывал, что интеграция нормативистской, социологической и естественно-правовой теорий позволяет наиболее полно раскрыть внутреннее содержание права, представить его и как систему норм, и как порядок общественных отношений, и как нормативно закрепленную справедливость [13, с. 77].

Научное наследие профессора Ю. В. Костина представляет собой целостную, внутренне непротиворечивую систему взглядов, построенную вокруг проблемы ценностных, духовно-нравственных и исторических оснований права и его органической связи с государством. Его труды, основанные на глубоком изучении первоисточников, характеризуются фундаментальным историзмом, внимательным обращением к классическому наследию отечественной историко-правовой мысли и постоянным стремлением к интегративному синтезу различных методологических традиций. Важно отметить, что в его научных исследованиях отсутствуют крайности: ни голого нормативизма, ни редукционизма, ни этатизма, ни идеализма. Многогранность смыслов, подходов идей и концепций права и государства, характеризующая научное творчество профессора Ю.В. Костина, является отражением общей закономерности развития отечественной историко-правовой мысли конца XX – начала XXI века, которая, как показывают современные исследования, демонстрирует широкий плюрализм подходов [14, с. 22].

Весьма показательно, что вклад профессора Ю. В. Костина в систематизацию отечественной политико-правовой мысли признается современными авторами, обращающимися к изучению конкретных исторических периодов и характерных для них проблем права и государства. В этой связи, например, как справедливо отмечает К. У. Шишханов, исследуя идею правопорядка у революционных демократов, «по словам Ю. В. Костина, «революционные демократические идеи развивались на основе предположения, согласно которому являются исторически обусловленными и тесно взаимосвязанными право и правовой порядок» [15, с. 99]. Данная позиция свидетельствует о том, что сформулированные выводы Ю. В. Костиным об исторической обусловленности права и его связи с правопорядком воспринимаются как отправная точка для нового научного поиска в области истории учений о праве и государстве. Выводы, к которым он пришел о взаимодополняющей связи естественного и позитивного права, о нравственности как имманентной основе и критерии правопорядка, о функциональ-

ном взаимодействии и взаимозависимости государства и права, сохраняют высокую теоретическую и практическую актуальность и в настоящее время.

Не случайно, что идеи и концепции профессора Ю. В. Костина находят своё отражение и в современном научном дискурсе цитированием в научных исследованиях, посвященных как прикладным вопросам, так и фундаментальным проблемам права и государства [16], свидетельствующих том, что его научное наследие не является достоянием лишь историко-правовой науки. Идеи о соотношении естественного и позитивного права, о неразрывной связи права, государства и нравственности, а также его методология интегративного историко-культурного анализа активно используются как цитированием ключевых положений, так и в качестве теоретической основы для новых исследований в теории и истории права, уголовного права, конституционного права, философии права и других наук[6, 7, 8, 15, 17, 18]. Это служит убедительным подтверждением жизнеспособности и ценности сформированной Ю. В. Костиным системы научных взглядов для осмысления фундаментальных проблем юриспруденции в XXI веке.

В условиях современных вызовов, связанных с поиском национальной правовой идентичности, укреплением духовно-нравственных основ общества, построением эффективного правового государства и формированием высокого уровня правовой культуры, обращение к идеям профессора Ю. В. Костина приобретает особую значимость. Его научные исследования являются убедительным свидетельством того, что право, оторванное от нравственных идеалов справедливости, добра и человеческого достоинства, становится формальным, бюрократическим и отчужденным от личности инструментом, не обеспечивающим устойчивый порядок и развитие общества и государства. Наследие Юрия Викторовича Костина остается важным интеллектуальным ресурсом в отечественной юридической науке, надежным и проверенным временем ориентиром для исследователей, стремящихся к глубокому пониманию природы права и государства в их историческом и культурном контексте, видящих в праве не только инструмент принуждения, но и воплощение нравственного закона, обращенного к личности и обществу.

---

1. Костин Ю.В. Юридическое образование и развитие правовой мысли в России второй половины XIX века // Право и образование. 2008. № 2. С. 113-120.
2. Костин Ю. Соотношение естественного и позитивного права в истории государственно-правовой мысли дореволюционной России. Конец XIX - начало XX в. // Закон и право. 2007. № 5. С. 112-113.
3. Костин Ю. В. Проблемы соотношения права и нравственности в современной юридической науке // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 1. С. 218-223.
4. Костин Ю. В. Опыт осмысления проблем соотношения права и нравственности в философии права дореволюционной России второй половины XIX -- начала XX веков // Философия права. 2007. № 3(22). С. 17-20.
5. Киселев В.С. Злоупотребление правом перераспределения земельных участков, находящихся в частной собственности, и публичной земли: теория, проблематика, способы противодействия // Вопросы российского и международного права. 2025. Т. 15, № 1-1. С. 137-144.
6. Рубцов Д. И. Актуальность и методология исследования концепции исполнения наказаний, сложившейся в консервативной государственно-правовой мысли России второй половины XIX - начала XX вв // Вестник Владимирского юридического института. 2025. № 4(77). С. 164-170.

7. Муравьев А. Д., Ваганова К. А. Правовое регулирование запрета на искусственное прерывание беременности: опыт зарубежных стран // Law Afterknown: право за гранью обыденного : материалы III Международного молодежного юридического форума, Тюмень, 16-18 мая 2024 года. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. С. 105-112.
8. Ван Ц., Ма Х. Построение модели нравственного воспитания в соответствии с концепцией обучения ОВЕ // Перспективы науки. 2024. № 7(178). С. 59-62.
9. Костин Ю. Методологические подходы к исследованию проблем соотношения государства и права в истории правовых учений дореволюционной России // Закон и право. 2007. № 4. С. 108-110.
10. Костин Ю. В. Методологические подходы к исследованию проблем соотношения государства и права в современной юридической науке // Современное право. 2007. № 4. С. 17-20.
11. Костин Ю.В. Понятие государства в истории политико-правовой мысли и современных трактовках // Научный вестник Омской академии МВД России. 2007. № 1(25). С. 3-7.
12. Костин Ю. В. Проблема соотношения государства, права и нравственности в юридической науке // Современное право. 2007. № 9. С. 33-36.
13. Костин Ю. В. Проблема определения понятия права в современной юридической науке // Современное право. 2007. № 6. С. 72-76.
14. Дик В. П., Кулипанова Н. В. Эволюция смыслов права: от классицизма до современности // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 3(100). С. 22-29.
15. Шишханов К. У. Цель правопорядка в работах представителей революционно-демократического направления отечественной политико-правовой мысли // Право и государство: теория и практика. 2024. № 4(232). С. 98-101.
16. Лексин И. В. Государство и (или) эволюция: проблемы юридических рассуждений о понятиях, происхождении и развитии государств (часть вторая) // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2025. Т. 22, № 2. С. 87-113.
17. Божко Е. А. Религиозно-нравственная основа русской государственности в консервативной доктрине В.Д. Каткова // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 15-18.
18. Мельников В. С., Пичугов И. С. Мораль, разум и идеология в праве // Эволюция российского права : Материалы XXII международной научной конференции молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 25 апреля 2024 года. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2024. С. 2072-2078.

1. Kostin Yu.V. Yuridicheskoe obrazovanie i razvitie pravovoj my`sli v Rossii vtoroj poloviny` XIX veka // Pravo i obrazovanie. 2008. № 2. S. 113-120.
2. Kostin Yu. Sootnoshenie estestvennogo i pozitivnogo prava v istorii gosudarstvenno-pravovoj my`sli dorevolyucionnoj Rossii. Konecz XIX - nachalo XX v. // Zakon i pravo. 2007. № 5. S. 112-113.
3. Kostin Yu. V. Problemy` sootnosheniya prava i nravstvennosti v sovremennoj yuridicheskoj nauke // Ucheny`e zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarny`e i social`ny`e nauki. 2008. № 1. S. 218-223.
4. Kostin Yu. V. Opy`t osmy`sleniya problem sootnosheniya prava i nravstvennosti v filosofii prava dorevolyucionnoj Rossii vtoroj poloviny` XIX -- nachala XX vekov // Filosofiya prava. 2007. № 3(22). S. 17-20.

5. Kiselev V.S. Zloupotreblenie pravom pereraspredeleniya zemel`ny`x uchastkov, naxodyashhixsya v chastnoj sobstvennosti, i publichnoj zemli: teoriya, problematika, sposoby` protivodejstviya // Voprosy` rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2025. T. 15, № 1-1. S. 137-144.
6. Rubczov D. I. Aktual`nost` i metodologiya issledovaniya koncepcii ispolneniya nakazanij, slozhivshejsya v konservativnoj gosudarstvenno-pravovoj my`sli Rossii vtoroj poloviny` XIX - nachala XX vv // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. 2025. № 4(77). S. 164-170.
7. Murav`ev A. D., Vaganova K. A. Pravovoe regulirovanie zapreta na iskusstvennoe prery`vanie beremennosti: opy`t zarubezhny`x stran // Law Afterknown: pravo za gran`yu oby`dennogo : materialy` III Mezhdunarodnogo molodezhnogo yuridicheskogo foruma, Tyumen`, 16-18 maya 2024 goda. Tyumen`: TyumGU-Press, 2024. S. 105-112.
8. Van Cz., Ma X. Postroenie modeli nravstvennogo vospitaniya v sootvetstvii s koncepciej obucheniya OBE // Perspektivy` nauki. 2024. № 7(178). S. 59-62.
9. Kostin Yu. Metodologicheskie podxody` k issledovaniyu problem sootnosheniya gosudarstva i prava v istorii pravovy`x uchenij dorevolyucionnoj Rossii // Zakon i pravo. 2007. № 4. S. 108-110.
10. Kostin Yu. V. Metodologicheskie podxody` k issledovaniyu problem sootnosheniya gosudarstva i prava v sovremennoj yuridicheskoj nauke // Sovremennoe pravo. 2007. № 4. S. 17-20.
11. Kostin Yu.V. Ponyatie gosudarstva v istorii politiko-pravovoj my`sli i sovremenny`x traktovkax // Nauchny`j vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2007. № 1(25). S. 3-7.
12. Kostin Yu. V. Problema sootnosheniya gosudarstva, prava i nravstvennosti v yuridicheskoj nauke // Sovremennoe pravo. 2007. № 9. S. 33-36.
13. Kostin Yu. V. Problema opredeleniya ponyatiya prava v sovremennoj yuridicheskoj nauke // Sovremennoe pravo. 2007. № 6. S. 72-76.
14. Dik V. P., Kulipanova N. V. E`volyuciya smy`slov prava: ot klassicizma do sovremennosti // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2024. № 3(100). S. 22-29.
15. Shishxanov K. U. Cel` pravoporyadka v rabotax predstavitelej revolyucionno-demokraticheskogo napravleniya otechestvennoj politiko-pravovoj my`sli // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2024. № 4(232). S. 98-101.
16. Leksin I. V. Gosudarstvo i (ili) e`volyuciya: problemy` yuridicheskix rassuzhdenij o ponyatiyax, proisxozhdenii i razvitii gosudarstv (chast` vtoraya) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshhestvo). 2025. T. 22, № 2. S. 87-113.
17. Bozhko E. A. Religiozno-nravstvennaya osnova russkoj gosudarstvennosti v konservativnoj doktrine V.D. Katkova // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2025. № 5. S. 15-18.
18. Mel`nikov V. S., Pichugov I. S. Moral`, razum i ideologiya v prave // E`volyuciya rossijskogo prava : Materialy` XXII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii molody`x ucheny`x i studentov, Ekaterinburg, 25 aprelya 2024 goda. Ekaterinburg: Ural`skij gosudarstvenny`j yuridicheskij universitet im. V.F. Yakovleva, 2024. S. 2072-2078.

Информация об авторе

Александр Александрович Выходов. Доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Aleksandr Al. Vykhodov. Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 02.02.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.

The article was received in the editorial office on 02.02.2026; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научная статья
УДК 351.74

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МИЛИЦЕЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРИОД С 1918 ДО НАЧАЛА 1940-Х ГОДОВ

Кобец Петр Николаевич
Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия

pkobets37@rambler.ru

Аннотация. С первых дней работы милиции стала возникать необходимость организации общеобразовательной и профессиональной подготовки её сотрудников, которая могла бы осуществляться в процессе специализированных курсов подготовки, а также обучения в специальных милицейских школах. При этом в целом для всей ведомственной образовательной системы, развивающейся в данный исторический период, было характерно одно из важнейших обстоятельств, а именно то, что она получила своё развитие в период широкомасштабного государственного кардинального реформирования, поэтому постоянно совершенствовалась и развивалась. Автором делается вывод о том, что к началу 1940-х гг. образовательная система НКВД СССР, готовящая квалифицированные кадры для органов милиции, была сосредоточена на массовой подготовке специалистов, которые должны были обладать общей базовой универсальной компетенцией и стандартными правоохранительными навыками и умениями.

Ключевые слова: советское законодательство, организация органов милиции, подготовка кадров, развитие кадрового потенциала, курсы подготовки кадров, школы милиции, ведомственная образовательная система, охрана правопорядка, соблюдение законности.

Для цитирования: Кобец П. Н. Становление и развитие системы профессионального милицейского образования в период с 1918 до начала 1940-х годов // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 34–40.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF PROFESSIONAL POLICE EDUCATION IN THE PERIOD FROM 1918 TO THE BEGINNING OF THE 1940S

Peter N. Kobets
National Research Institute of the Ministry of Interior Affairs of Russia, Moscow, Russia

pkobets37@rambler.ru

Annotation. From the very first days of the police force, there was a need to organize general education and professional training for its employees, which could be carried out through specialized training courses and specialized police schools. During this historical

period, the entire departmental educational system was characterized by one important factor: it developed during a period of extensive governmental reform, which led to its continuous improvement and evolution. The author concludes that by the early 1940s, the educational system of the NKVD of the USSR, which trained qualified personnel for the police, was focused on mass training of specialists who were expected to have a common basic universal competence and standard law enforcement skills.

Keywords: soviet legislation, police organization, personnel training, human resource development, training courses, police schools, departmental educational system, law enforcement, and compliance with the law.

For citation: Kobets P. N. Formation and development of the professional police education system in the period from 1918 to the early 1940s // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova. 2026. № 1(106). P. 34–40.

Анализируя вопросы становления российской государственности после революционных событий 1917 года, следует акцентировать внимание на том, что эти процессы были неразрывно связаны с возникновением органов правопорядка. Так, в частности, уже 28 октября 1917 г. вышло «Постановление НКВД РСФСР от 28 октября (10 ноября) 1917 г. «О рабочей милиции»»[1], которые выступило в качестве законодательной основы организации работы данного правоохранительного органа. Буквально с первых дней создания Советской Республики органы милиции стали формироваться, опираясь на концепции и идеи всеобщего массового народного вооружения. При этом стоит отметить, что буквально в кратчайшие сроки из общественной и добровольной организации, направленной на защиту жизни и здоровья трудящихся масс, органам милиции пришлось быстро преобразоваться и трансформироваться в государственный институт. И уже в скором времени милиция стала являться одним из важнейших составных элементов государственного аппарата, являясь государственным органом исполнительной власти, обладающим официальной структурой и постоянным персоналом, решающим специальные государственные задачи.

Так, 12 октября 1918 г. «Постановлением Народных Комиссариатов по Внутренним Делам и Юстиции была утверждена инструкция «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции», установившая и закрепившая законодательные основы милиции, ставшей штатным государственным органом правопорядка»[2]. 3 апреля 1919 г. «принимается декрет СНК РСФСР «О советской рабоче-крестьянской милиции»»[3], а «10 июня 1920 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердил «Положение о рабоче-крестьянской милиции»»[4], обобщившее опыт формирования этого правоохранительного органа, который был накоплен в течение первых лет строительства нового государства. В частности, в данном документе был закреплён принцип добровольного поступления на службу в органы советской милиции, причём принимались исключительно лица, которые не относились к представителям врагов действующей власти и эксплуататорского класса,

[1] О рабочей милиции: Постановление НКВД РСФСР от 28 октября (10 ноября) 1917 г. // Собр. узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1917. № 1. С. 15.
[2] Об организации Советской Рабоче-Крестьянской Милиции [Электронный ресурс]: Инструкция Постановление НКВД РСФСР, Наркомюста РСФСР от 13 октября 1918 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[3] Декрет СНК РСФСР о советской рабоче-крестьянской милиции 3 апреля 1919 г. // ДСВ. Т. V. М., 1971. С. 6-8.
[4] Положение ВЦИК и СНК РСФСР о рабоче-крестьянской милиции 10 июня 1920 г. // ДСВ. Т. IX. М., 1978. С. 61-74.

а были трудящимися либо крестьянами. При этом от них требовалось отслужить как минимум один год. В том числе на службу в милицию для повышения качества работы и усиления кадрового потенциала государством направлялись члены ВКП(б). Также стоит добавить, что для этого, как правило, организовывалась партийная мобилизация.

Однако, несмотря на предпринимаемые государством шаги по решению проблемы усиления рассматриваемого правоохранительного органа профессионально подготовленным кадровым потенциала, достичь желаемого результата так и не удалось. Поэтому Советской России следовало в максимально интенсивном режиме включаться в работу, связанную с подготовкой милицейских кадров. В то же время сначала для этого необходимо было изыскать все имеющиеся на тот момент в стране возможности и открыть специализированные милицейские образовательные организации или хотя бы для начала специальные учебные платформы. Нельзя не отметить, что именно по этой причине властями стали предприниматься шаги, направленные на решение этого вопроса посредством учреждения в губернских и областных центрах специальных ускоренных курсов подготовки, на которых происходило обучение представителей командного милицейского состава, который получал самую необходимую для работы часть специальных профессиональных знаний, а рядовой милицейский состав проходил первоначальную подготовку.

Необходимо подчеркнуть, что первые учебные заведения в молодой Советской Республике возникли уже в 1918 году. В целях развития профессионального и квалификационного уровня работников милиции уже в октябре 1918 года стали открывать рассматриваемые учебные заведения. Так, в частности, была открыта Московская школа, в которой готовили командный милицейский состав, а потом это учебное заведение было реорганизовано во Всероссийскую школу инструкторов милиции. Также стоит обратить внимание на то, что в начале 1920-х годов подобные учебные заведения были уже практически в каждой губернии. А в 1921 году Советская Республика располагала уже сетью школ, в которых около пяти тысяч милиционеров обучались грамоте [1, с. 30]. Постепенно в РСФСР происходило создание нормативно-правовой базы в сфере подготовки кадрового милицейского потенциала. Так, например, в 1921 году при каждом губернском и областном управлении милиции было утверждено Положение и Программа по проведению курсов обучения комсостава. Однако в образовательных программах организуемых курсов подготовки не были предусмотрены вопросы глубокого профессионального образования милицейских кадров, а лишь только рассматривались вопросы, связанные с ликвидацией общей и профессиональной малограмотности обучающихся милиционеров.

Впрочем подобная организация образовательной деятельности, будучи весьма ограниченной, не могла в необходимой мере способствовать качественному росту и профессиональному развитию кадрового потенциала отечественных правоохранителей. Именно все эти факторы обусловили необходимость как можно скорее пересмотреть качество подготавливаемого правоохранительного персонала и разработать комплекс мер, связанных с построением в стране единой системы профессионального милицейского образования, осуществляемого специализированными образовательными организациями – школами милиции, которые должны были находиться на полном государственном обеспечении.

По этой причине Главным управлением милиции (далее – ГУМ) НКВД РСФСР необходимость организации обязательного обучения всех милиционеров была выделено в качестве ключевого и важнейшего направления дальнейшей работы. Поэтому в ГУМ НКВД РСФСР в 1921 году приступили к разработке «Положения о типах школ

в милиции», в соответствии с которым учебные заведения первого типа должны были быть организованы в каждом субъекте страны и заниматься не только первоначальной подготовкой вновь призванных на службу сотрудников, но также и действующих работников милиции [2, с. 15]. Второй тип данных учебных заведений должен был готовить работников милиции, обладающих повышенной квалификацией, численность данных обучающихся должна была исчисляться из конкретных потребностей и фактических нужд самих регионов. В школах третьего типа должны были готовить высший командный состав работников милиции [3, с. 9].

В том числе следует обратить внимание на то, что одним из важнейших событий в совершенствовании организации подготовки и обучения кадрового милицейского состава стало подписание приказа ГУМ НКВД РСФСР от 15 ноября 1922 г. «О введении нового Положения, учебного плана и штатов школ среднего комсостава милиции». И как справедливо отмечают отечественные эксперты, к окончанию 1922 года в стране удалось сформировать систему подготовки милицейских кадров, «которая включала в себя следующие образовательные уровни: первоначальную подготовку милиционеров и вновь прибывших в органы милиции на 6–8-недельных курсах в резервах при губернских управлениях милиции; губернских милицейских школ для подготовки лиц на должности младшего командного состава со сроком обучения 8 месяцев; двухгодичных школ среднего командного состава для подготовки начальников милиции городского и губернского масштаба» [4, с. 217].

Реализация этой инициативы привела к положительному результату и способствовала тому, что в дальнейшем в крупных городах страны, таких как Петроград, Омск и др., стали открываться милицейские школы. В частности, в соответствии с данным приказом в 1922 году создали Петроградскую и Омскую школы милиции, а в 1923 году – Новочеркасскую школу милиции. С 1924 года Омскую школу переименовали во Вторую Омскую школу среднего комсостава милиции и уголовного розыска [5, с. 40]. Стоит также отметить, что во второй половине 1920-х годов в стране продолжали открываться учебные заведения и курсы по подготовке работников милиции, о чём красноречиво свидетельствует множество архивных документов, в том числе нормативные акты ГУМ НКВД РСФСР (приказы и циркуляры), а также директивы ВЦИК РСФСР.

Однако этого было мало, и в первую очередь следовало оптимизировать обучение руководящего милицейского состава. В соответствии с этим в июле 1928 г. было решено организовать в г. Москве Высшие курсы подготовки для старшего начальствующего состава административного милицейского аппарата. В следующем году приступили к обучению с утверждённым в октябре 1929 г. в НКВД РСФСР полугодовым учебным планом, которым было предусмотрено в обозначенный период изучать 23 предмета. В соответствии с определённой данным планом учебной нагрузкой преподаватели проводили обучение слушателей в течение 7 часов, а после в течение трёх часов обучающиеся занимались самоподготовкой. Пройденный курс обучения закреплялся прохождением практики. С момента появления этих курсов берёт начало вся последующая модель и в целом система милицейского обучения специалистов высшего уровня[1].

В соответствии с Постановлением СНК СССР от 4 октября 1931 г. о принятии положения «О Главном управлении рабоче-крестьянской милиции при Совете народных комиссаров РСФСР» на него в том числе были возложены обязанности, связанные с организацией и руководством милицейской, строевой и боевой подготовкой органов

[1] История академии. [Электронный ресурс]. https://портал.а.мвд.рф/muzey/period.php?period_id=1&ysclid=mi8e589dyw370428466 (дата обращения: 18.11.2025).

милиции, разработкой учебных планов и программ подготовки и переподготовки кадров милиции, утверждения штатов, укомплектовании школ и курсов[1].

С образованием Народного комиссариата внутренних дел (далее – НКВД) СССР в 1934 году в состав данного Народного комиссариата стала входить милиция вместе со всеми образовательными организациями. Именно с этого момента органы НКВД СССР приступили к новому этапу организации подготовки кадрового потенциала [6, с. 92]. С 1936 года все милицейские школы, готовившие старший и средний начальствующий состав, стали переводиться на двухгодичные сроки обучения курсантов [7, с. 32]. А в 1937 году была проведена реорганизация образовательных организаций НКВД СССР, в соответствии с которой за учебными заведениями, в которых обучался начальствующий состав, были закреплены номера [8, с. 5].

С увеличением международной напряжённости работников милиции было предписано в обязательном порядке обучать основам военного дела. С 1939 года вводились межкраевые школы НКВД СССР для того, чтобы с их помощью была расширена подготовка оперативного состава для отделов милиции, находящихся на периферии. Весьма любопытными являются новые правила приёма в ведомственные образовательные организации, в соответствии с которыми с 1939 года для прохождения обучения могли быть приняты не только работники милиции, но также и граждане из числа рабочих и служащих, которые имели рекомендации от партийных и комсомольских организаций. В том числе поступать в учебные заведения вместе с обозначенными кандидатами в том числе могли лица, демобилизованные из рядов Красной Армии и члены бригад милиции [9, с. 19].

Таким образом, проведённое исследование, основанное на изучении документов вкупе с анализом разнообразных ранее подготовленных научных работ по данному вопросу, свидетельствует о том, что комплектование органов милиции на постоянной основе с обязательным учётом требований специализированного профессионального обучения и подготовки милицейских кадров началось после того, как проходившей 10 мая 1918 г. Коллегией НКВД РСФСР было принято историческое решение касательно того, что органы милиции являются постоянным штатным коллективом, которым выполняются особые задачи и реализуется особый специализированный функционал [10, с. 217]. Именно с того момента, как были начаты мероприятия по организации первых милицейских курсов, в частности с 1918 года в Москве и г. Петрограде, заработали краткосрочные курсы подготовки работников милиции [11, с. 15]. Важнейшим событием в совершенствовании организации подготовки и обучения кадрового милицейского состава стало подписание в 1922 году приказа ГУМ НКВД РСФСР «О введении нового Положения, учебного плана и штатов школ среднего комсостава милиции». В период 1920-х годов в стране продолжали открываться новые учебные заведения и курсы по подготовке работников милиции. Образование НКВД СССР в 1934 году привело к тому, что в его состав стала входить милиция вместе со всеми образовательными организациями. С этого момента органы НКВД СССР приступили к новому этапу организации подготовки кадрового потенциала. В конце 1930-х годов в системе ГУМ НКВД СССР «подготовка кадрового потенциала осуществлялась в г. Москве, в Центральной школе, в г. Ленинграде, в Ленинградской школе политработников, в 21-й двухгодичной межобластной школе, 7 межобластных школах с годичным сроком обучения, 5 школах служебного собаководства и 27 милицейских курсов» [12, с. 257]. В предвоенной обстановке – в начале 1940-х годов – ведомственная образовательная

[1] Об утверждении положения о Главном управлении рабоче-крестьянской милиции при Совете народных комиссаров РСФСР: Постановление СНК от 4 октября 1931 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР за 1931 г. № 55-73.

система, готовящая квалифицированные кадры для органов милиции, в первую очередь была сосредоточена на массовой подготовке специалистов, которые должны были обладать общей базовой универсальной компетенцией и стандартными навыками и умениями. И хотя не шло развитие ведомственной высшей школы, однако была создана великолепно функционирующая сеть разнообразных курсов, которая подготавливала рядовой и младший начальствующий состав для органов милиции.

---

1. Афанасьев А. В., Галкин Ю. В. Российская милиция. Краткая хроника (октябрь 1917-2000 гг.). Саратов, 2001. 287 с.
2. Цветопольский И. Ю. Школы начсостава Рабоче-крестьянской милиции и Угро: Справочник для командирующих организаций и для поступающих в школы / Сост. И.Ю. Цветопольский и В.Г. Постников; Под ред. н-ка Отд. милиции ЦАУ НКВД И. Ф. Киселева; Нар. ком. внутр. дел. М.: изд-во Нар. ком. внутр. дел, 1927. 56 с.
3. Нахимов А. П., Кирнос А. В., Колесников В. А. Создание областных школ младшего командного (начальствующего) состава в середине 20-х годов XX века в контексте формирования системы милицейского образования в Советской России // Научный портал МВД России. 2021. № 3(55). С. 7-17.
4. Кожевина М. А. К вопросу о периодизации истории полицейского (милицейского) образования в России / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): материалы XIV международной научно-теоретической конференции, СПб., 27-28 апреля 2017 г. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2017. Т. 2. С. 216-219.
5. Кожевина М. А. История милицейского образования в советской России: организация и правовое регулирование (1917-1991 годы); М-во внутрен. дел Рос. Федерации, Омск. акад. Омск: Омск. акад. МВД России, 2004. 203 с.
6. Кикоть В. Я. Организационно-правовое и информационное обеспечение реализации кадровой политики МВД России в сфере подготовки кадров: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2002. 428 с.
7. 50 лет белорусской милиции. История милиции Белорусской ССР (1917-1967 гг.): краткий очерк /А.Ф. Атрощенко [и др.]; отв. ред. И.О. Тимошенко. Минск: МООП БССР, 1967. 207 с.
8. Санкт-Петербургская специальная средняя школа милиции МВД России: Краткий исторический очерк к 80-летнему юбилею / рук. Г.В. Бондаренко [и др.]. Санкт-Петербург: [б. и.], 1998. 86 с.
9. Кобец П. Н. Привлечение граждан для содействия работникам милиции по поддержанию правопорядка в период Великой отечественной войны // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 4(47). С. 16-22.
10. Органы и войска МВД России: Краткий исторический очерк / Некрасов В.Ф., Борисов А.В., Детков М.Г. [и др.]; гл. ред. Горлов А. Г. М.: Объединенная редакция МВД России, 1996. 462 с.
11. Николаев П. Ф. Подготовка командных кадров милиции в СССР. (1917-1929 гг.): Краткий очерк; Под ред. комиссара милиции 3 ранга И.Р. Алексеева; Омская высш. школа милиции М-ва внутр. дел СССР. Омск, 1969. 107 с.
12. Органы и войска МВД России: краткий исторический очерк / Объединенная редакция МВД России. М., 1996. 463 с.

1. Afanas`ev A. V., Galkin Yu. V. Rossijskaya miliciya. Kratkaya xronika (oktyabr` 1917-2000 gg.). Saratov, 2001. 287 s.
2. Czvetopol`skij I. Yu. Shkoly` nachsostava Raboche-krest`yanskoj milicii i Ugro: Spravochnik dlya komandiruyushhix organizacij i dlya postupayushhix v shkoly` / Sost.

I.Yu. Czvetopol`skij i V.G. Postnikov; Pod red. n-ka Otd. milicii CzAU NKVD I. F. Kiseleva; Nar. kom. vnutr. del. M.: izd-vo Nar. kom. vnutr. del, 1927. 56 s.
3. Naximov A. P., Kirnos A. V., Kolesnikov V. A. Sozdanie oblastny`x shkol mladshego komandnogo (nachal`stvuyushhego) sostava v seredine 20-x godov XX veka v kontekste formirovaniya sistemy` milicejskogo obrazovaniya v Sovetskoj Rossii // Nauchny`j portal MVD Rossii. 2021. № 3(55). S. 7-17.
4. Kozhevina M. A. K voprosu o periodizacii istorii policejskogo (milicejskogo) obrazovaniya v Rossii / Gosudarstvo i pravo: e`volyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy` razvitiya (navstrechu 300-letiyu rossijskoj policii): materialy` XIV mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoj konferencii, g. Sankt-Peterburg, 27-28 aprelya 2017 g. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2017. T. 2. S. 216-219.
5. Kozhevina M. A. Istoriya milicejskogo obrazovaniya v sovetskoj Rossii: organizaciya i pravovoe regulirovanie (1917-1991 gody`); M-vo vnutren. del Ros. Federacii, Omsk. akad. Omsk: Omsk. akad. MVD Rossii, 2004. 203 s.
6. Kikot` V. Ya. Organizacionno-pravovoe i informacionnoe obespechenie realizacii kadrovoj politiki MVD Rossii v sfere podgotovki kadrov: dis. … d-ra yurid. nauk. M., 2002. 428 s.
7. 50 let belorusskoj milicii. Istoriya milicii Belorusskoj SSR (1917-1967 gg.): kratkij ocherk /A.F. Atroshhenko [i dr.]; otv. red. I.O. Timoshenko. Minsk: MOOP BSSR, 1967. 207 s.
8. Sankt-Peterburgskaya special`naya srednyaya shkola milicii MVD Rossii: Kratkij istoricheskij ocherk k 80-letnemu yubileyu / ruk. G.V. Bondarenko [i dr.]. Sankt-Peterburg: [b. i.], 1998. 86 s.
9. Kobecz P. N. Privlechenie grazhdan dlya sodejstviya rabotnikam milicii po podderzhaniyu pravoporyadka v period Velikoj otechestvennoj vojny` // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2025. № 4(47). S. 16-22.
10. Organy` i vojska MVD Rossii: Kratkij istoricheskij ocherk / Nekrasov V.F., Borisov A.V., Detkov M.G. [i dr.]; gl. red. Gorlov A. G. M.: Ob``edinennaya redakciya MVD Rossii, 1996. 462 s.
11. Nikolaev P. F. Podgotovka komandny`x kadrov milicii v SSSR. (1917-1929 gg.): Kratkij ocherk; Pod red. komissara milicii 3 ranga I.R. Alekseeva; Omskaya vy`ssh. shkola milicii M-va vnutr. del SSSR. Omsk, 1969. 107 s.
12. Organy` i vojska MVD Rossii: kratkij istoricheskij ocherk / Ob``edinennaya redakciya MVD Rossii. M., 1996. 463 s.

Информация об авторе

Петр Николаевич Кобец. Главный научный сотрудник Центра организационного обеспечения научной деятельности, доктор юридических наук, профессор.

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России.

121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, 25.

Information about the author

Peter N. Kobets. Chief Researcher of the center for organizational support of scientific activities, Doctor of Law, Professor.

National Research Institute of the Ministry of Interior Affairs of Russia.

121069, Russia, Moscow, Povarskaya Str., 25.

Статья поступила в редакцию 21.11.2025; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.

The article was received in the editorial office on 21.11.2025; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
№ 1(106) 2026 г.
Научная статья
УДК 340

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В СОВЕТСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ 1970-Х – НАЧАЛА 1990-Х ГОДОВ

Цыбакова Ольга Васильевна
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл, Россия

zaslonkina11@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется содержание и особенности правового статуса института местного управления в условиях реформирования советской модели территориально-политического устройства в период 1970-х – начала 1990-х годов. Проводится исследование изданных в указанный период нормативных актов. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью уточнения проблемных аспектов истории развития конституционного и муниципального права времён позднего СССР. В статье расширяются научные представления о попытках правового оформления муниципальных реформ в Советском Союзе и постсоветской России. Делается вывод о недостаточном нормативно-правовом обеспечении гражданско-правовых отношений в сфере муниципального строительства 1970-х – начала 1990-х годов.

Ключевые слова: местное самоуправление, местные Советы, советское право, советская модель самоуправления, правовая теория, правоприменение, депутаты, исполнительные комитеты, реформа.

Для цитирования: Цыбакова О. В. Определение правового положения местных органов власти в советском законодательстве 1970-х – начала 1990-х годов // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 41–49.

DEFINITION OF THE LEGAL STATUS OF LOCAL AUTHORITIES IN THE SOVIET LEGISLATION OF THE 1970s AND EARLY 1990s.

Olga V. Tsybakova
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

zaslonkina11@mail.ru

Annotation. The article analyzes the content and features of the legal status of the institute of local government in the context of the reform of the Soviet model of territorial and political structure in the 1980s and early 1990s. A study of the regulations issued during the specified period is being conducted. The relevance of this topic is due to the need to clarify problematic aspects of the history of the development of constitutional and municipal law during the late USSR. The article expands scientific ideas about attempts to formalize municipal reforms in the Soviet Union and post-Soviet Russia. It is concluded that there

is insufficient regulatory support for civil law relations in the field of municipal construction in the 1980s and early 1990s.

Keywords: local government, local councils, Soviet law, Soviet model of self-government, legal theory, law enforcement, deputies, executive committees, reform.

For citation: Tsybakova O. V. Determining the Legal Status of Local Authorities in Soviet Legislation of the 1970s and Early 1990s // Scientific Bulletin of the V.V. Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1(106). P. 41–49.

Проблема уточнения природы и правового положения местных органов власти стала предметом интенсивной общественно-теоретической дискуссии в период подготовки новой Конституции СССР 1977 года. Сущностные нормативные принципы советской модели управления сложились в условиях политических катаклизмов начала XX столетия и всё более расходились с актуальными социально-политическими и социально-экономическими реалиями [1, с. 15]. Одной из распространённых стала аргументация известного правоведа, будущего главы Верховного Совета СССР А. И. Лукьянова о том, что представительные институты местного уровня не должны наделяться самоуправленческими качествами [2, с. 25]. В свою очередь, О. В. Годунова обосновывала мнение о том, что советские публичные институты районного, поселкового и сельского масштаба следовало относить исключительно к органам территориального общественного самоуправления [3, с. 4]. Третья группа исследователей полагала, что институты низового уровня совмещают в себе одновременно функции органов государственной власти и юридическую природу местного самоуправления [4, с. 189].

В итоге было подтверждено традиционное для советской политико-правовой системы представление о симбиозе государственного и общественного начал в управлении. В результате в соответствии с положениями новой советской Конституции 1977 года предполагалось серьёзное усиление роли местных Советов в системе публичной власти [5, с. 25]. В Основном законе СССР подтверждалось, что целью развития правовой системы является построение бесклассового социума, опорным фундаментом которого признавалось общественное коммунистическое самоуправление. Равным образом легитимация концепта народовластия имела место и в Программе КПСС – основном стратегическом документе правящей партии. В ней было зафиксировано, что общественное самоуправление является обязательным принципом организованного коммунистического общества, в будущем готового полностью заместить функции института государства.

К периоду середины 1980-х годов очевидным стало несоответствие нормативно-правовой базы, определяющей компетенцию и социальное значение института советского народовластия, и реальной практики функционирования органов управления. Серьёзным препятствием для развития начал самоуправления в рамках советской модели правовых отношений явилось совмещение во времени административных, политических и экономических преобразований эпохи «перестройки».

Отметим, что ко времени принятия Конституции 1977 года в Советском Союзе действовало около 51 565 местных Советов, в которых работало 2 млн 285 тыс. депутатов. Как и в предшествующий период, выборы в представительные органы проходили по мажоритарной системе на безальтернативной основе, явка избирателей составляла более 95 %. Фактически кадровый состав депутатского корпуса начиная с 1920-х годов предварительно определялся партийными функционерами районного и областного звена. Продолжали действовать квоты народных избранников для представителей основных социальных групп. До 60 % мест визировалось за кандидатами от рабочих и колхозного кре-

стьянства. Около 1/3 депутатских мандатов принадлежало представителям партийно-советского актива и директорского корпуса. Количество представителей интеллигенции, или категории «служащих» составляло 7–8 % от общего количества депутатов.

Доминирующее положение в советах всех уровней занимали профессиональные управленцы партийного и советского аппаратов, руководители промышленных и аграрных предприятий. В отличие от местных советов, в представительных институтах областного, республиканского и союзного масштабов уменьшалась количество беспартийных граждан, рабочих и колхозников, а также молодёжи.

Советская практика организации местного управления не предусматривала статуса депутатской деятельности в качестве профессиональной работы, отчуждённой от основного рода занятий народных избранников. Поэтому реальные возможности народных избранников по решению проблем местного значения определялись их служебным положением, а не статусом члена Совета или его исполнительного комитета.

Местные советы продолжали оставаться доминирующим официально юридически санкционированным институтом обеспечения связи общества с государством [6, с. 53]. В организационной работе Советов отмечались значительные изъяны, связанные с фактическим подчинением директивам правящей коммунистической партии и дефакто верховенством исполнительных органов – районных и городских исполнительных комитетов – над законодательными и представительными институтами. Наряду с чем юридически определённой сферой ответственности местных советов периода 1970–1980 годов следует признать управление экономикой подведомственной территории. В рамках своих полномочий местные органы советской власти утверждали текущие и перспективные планы экономического и социального развития административно-территориальных образований, разрабатывали и контролировали исполнение планов социального развития, а также утверждать отчёты об их выполнении. Объём полномочий местных Советов в области социально-экономического развития включал в себя возведение жилья, обеспечение работы жилищно-коммунального хозяйства, здравоохранения, образования, социальной защиты населения.

Существенные трансформации правового статуса и объёма компетенции местных советов необходимо связывать с социально-экономическим кризисом и системными проблемами советской политической модели первой половины 1980-х годов [7, с. 19]. В указанный период местные Советы оказались перед проблемами принципиального значения. Поскольку именно советские институты управления согласно Конституции являлись органами народовластия, именно они несли прямую правовую ответственность за состояние социальной обстановки на местном уровне. Наряду с чем в соответствии с действующим законодательством на Советы также возлагалась обязанность решения стратегических вопросов не только местного, но и общегосударственного масштаба. Однако местные органы власти не располагали для этого необходимыми материальными и административными ресурсами.

Ввиду недостаточного финансирования местных бюджетных фондов реальностью стало отставание развития социальной сферы практически по всем направлениям жизнедеятельности административно-территориальных единиц низшего уровня.

На первых этапах масштабных реформ того времени основные приоритеты были направлены на модернизацию существующего конституционного строя и правового порядка. По данной причине преобразование правовой природы местной власти не предусматривало принципиальных изменений или внедрения зарубежных образцов муниципального права. Стратегической задачей реформы правовой системы выступало формирование условий для оптимального развития именно самой советской модели,

которую требовалось приспособить к требованиям меняющейся социальной действительности.

Магистральными направлениями изменений советской системы местного управления на всех этапах перестройки в 1987–1991 годах следует признать совершенствование структурной организации местных Советов и демократизацию функционирования избирательной системы. Отмеченный подход объясняется необходимостью систематизации и конкретизации полномочий в сфере местной власти, но главным образом требовалось определиться с конституционно-правовой принадлежностью властных институтов советской модели. В советской юридической науке и правотворчестве было закреплено положение о двойственной правовой природе существующей системы властных институтов: они одновременно относились и к государственным структурам, и к органам самоуправления трудящихся. Тем самым реализовывалась практическая задача построения системы народовластия, определяемая доктринальными установками коммунистической идеологии и юридической теории «развитого социализма».

Ввиду указанного обстоятельства инициатором и проводником реформ правового обеспечения работы системы местных советов выступали органы партийно-политического управления. Первым практическим шагом в данной области правовых отношений следует признать внедрение принципа состязательности избирательного процесса на общегосударственном и на местном уровнях. С 1987 года согласно постановлению Центрального Комитета КПСС должна была вводиться практика баллотирования нескольких кандидатов в депутаты по одному избирательному округу. В части реформы местного управления этот документ устанавливал принципы самоуправления, самофинансирования и самообеспечения. Одновременно с этим упразднялась подчинённость местных Советов и их исполнительных комитетов вышестоящим по уровню органам государственной власти. Однако советский законодатель не провёл разграничения полномочий между разными уровнями территориального управления – поселковым, районным и городским, а также между местными властями и органами управления регионального масштаба – областными, краевыми, окружными и республиканскими.

Перечисленные преобразования достаточно быстро модифицировали содержание и характер процесса формирования структур местного управления, а также характер их непосредственной деятельности и юридической ответственности. Фактически оказалось сведено к минимуму значение партийно-политического фактора, что выразилось в ограничении количества и влияния депутатов, избираемых по разнарядке партийных организаций и кандидатов, представлявших партийно-хозяйственную номенклатуру. Вместе с тем благодаря наличию весомого управленческого и административного опыта данная категория по-прежнему занимала во многом определяющие позиции в системе местного управления и во многом определяла результативность правотворчества и правоприменения на низовом административно-территориальном уровне.

Дискуссионным вопросом продолжает оставаться вопрос о взаимоотношениях партийной и советской составляющих социалистической государственности и правовой системы времён последних лет существования СССР. Имеет смысл учитывать мнение, согласно которому непропорциональная численность депутатского корпуса местных Советов, представители которого в своём большинстве исполняли свои обязанности без отрыва от выполнения трудовых или служебных функций, существенно влияла на содержание их правотворческой работы. Поэтому в целях упорядоченного функционирования представительских органов самоуправления представлялась оправданной их подконтрольность действующим на тех же территориях партийным структурам. Подобная практика привела к тому, что при сепарации местных партийных организаций от преж-

них контролирующих функций имевшее место с началом «перестроечных» лет внедрение свободы мнений и практики дискуссионности при разработке местных нормативных актов приводило к нарастанию правовых коллизий и дефектов в процессе как правотворчества, так и правоприменения.

Так, в начале 1990-х годов союзное руководство приложило немало усилий для придания системе местного управления характера, адекватного условиям конца XX столетия. Наиболее существенным результатом преобразований следует признать выделение местного самоуправления как отдельного уровня публичного управления, автономного от института советской государственной системы союзного масштаба. Стержневым компонентом реформирования нормативно-правовой основы функционирования местных Советов стали изменения фундаментальных актов советского законодательства [8, с. 137]. Так, в Конституцию страны была внесена специальная глава, именуемая «Местное самоуправление». В развитие чего съездами народных избранников союзного и российского уровня были приняты законы, положившие начало муниципальной реформе. На союзном уровне был принят закон «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» (1990 год)[1]. Через год вышел в свет закон «О местном самоуправлении в РСФСР»[2].

В первом из указанных актов было отражено осознание потребности юридического закрепления основополагающих принципов существования местного самоуправления, пределов их компетенции и структурных параметров. Именно в данных законах был легализован низовой территориальный уровень местного самоуправления: от сельского совета и посёлка до административного и городского района и города.

Особенностью рассматриваемого периода назовём внедрение принципа децентрализации правотворчества зарождающейся муниципальной отрасли советского законодательства. Субъекты советского социалистического федерализма – союзные республики и автономные республики РСФСР – должны были под свою ответственность определить правовую основу публичного управления на своей территории. Другой приоритет процесса правового обеспечения становления местного самоуправления в позднем СССР – попытка максимально возможной демократизации этого уровня управления. В систему функционирования обновляемой советской модели должны были быть включены не только местные Советы, но и органы территориального общественного самоуправления населения, к которым должны были относиться Советы и комитеты микрорайонов, домовые, уличные, квартальные, сельские комитеты.

К сфере демократизации советского муниципального управления также следует отнести внедрение форм прямого участия населения в решении вопросов местного значения, к которым впервые в отечественном муниципальном праве были законодательно отнесены местные референдумы, собрания, сходы граждан. Особенностью развития советского муниципального права начала 1990-х годов являлось сохранение производственного принципа в организации и юридическом обеспечении местного управления [9, с. 19]. Последствием чего следует назвать причисление советов трудовых коллективов (СТК) предприятий к органам народного самоуправления.

Общая правоведческая оценка осуществлённых в 1987–1991 гг. изменений сводится к признанию достаточно общего, поверхностного характера внедряемого муниципального законодательства. В принятых нормативных актах не были детализированы

[1] Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР [Электронный ресурс]: закон СССР от 9 апреля 1990 г. № 1417 –I. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[2] О местном самоуправлении в РСФСР [Электронный ресурс]: закон РСФСР от 6 июля 1991 г. № 1550–I. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

полномочия советских органов управления в зависимости от их уровней и масштабов, чётко не определялись сферы ответственности муниципальных представительных и исполнительных институтов.

Равным образом особенной спецификой отличалась та часть законодательства, что была посвящена регулированию гражданско-правовых отношений в муниципальной сфере. Согласно вновь принятому закону основу местного хозяйства должна была составить коммунальная собственность. При этом предприятиям, относимым к категории муниципальных, предоставлялась приоритетная возможность распоряжения природными и материально-техническими ресурсами, имевшимися на территории административно-территориальных единиц. Местным Советам разрешалось добиваться перехода под их юрисдикцию предприятий и учреждений различных форм собственности, если таковым принадлежало решающее значение в обеспечении коммунально-бытовых и социально-культурных потребностей граждан и жителей муниципальных образований.

Советским учреждениям местного уровня придавалось право осуществления оптовой и розничной торговли, им впервые предоставлялось право устанавливать внешнеэкономические связи, участвовать в валютных операциях.

Всем хозяйствующим субъектам предписывалось вносить долевые средства в формирование местных бюджетов. Они обязывались передавать местным администрациям часть своих доходов и прибылей, что определялось особыми договорами с исполнительными и представительными властями. Последние наделялись правом разрабатывать и законодательно закреплять планы социально-экономического развития территории.

Подводя предварительный итог, отметим, что в период рубежа 1980–1990-х годов муниципальная реформа в СССР была нацелена на придание автономного правового статуса органам и институтам местного управления. Последние ещё не наделялись юридическим статусом особого уровня публичной власти независимого от государства. Практически в советском муниципальном праве за местными учреждениями признавалось значение аффилированных с государственной властью структур, наделяемых в то же время широкой экономической и юридической автономией [10, с. 3148].

Таким образом, вносимые в Конституцию СССР, в союзные и республиканские законы изменения и дополнения не предусматривали придания местным Советам самостоятельного статуса и их разделения с институтами государства. С точки зрения действующего законодательства Советы продолжали именоваться «местными органами государственной власти и управления». Нормативные положения ограничивались легализацией территориального общественного самоуправления, собраний граждан, иных форм прямой демократии как общественной составляющей местного самоуправления.

При этом следует выделить отличие в трактовках сущности местной власти в общесоюзном законодательстве и законодательстве РСФСР начала 1990-х годов. Согласно новой редакции статьи 137 (гл. 17) Конституции РСФСР районные, городские, районные в городах, поселковые и сельские Советы не определялись как местные органы государственной власти. Однако наряду с этим в содержании ст. 85 Основного закона РСФСР продолжала действовать юридическая норма, согласно которой Советы всех уровней составляли единую систему представительных органов государственной власти этой союзной республики[1].

Дальнейшее реформирование правового статуса местного уровня публичной власти оказалось детерминировано в первую очередь произошедшими политическими

[1] Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР [Электронный ресурс]: закон РСФСР от 1 ноября 1991г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

событиями, что требовало поиска новых решений в сфере муниципального строительства постсоветской России.

Согласно принятым в СССР и РСФР нормативным актам периода начала 1990-х годов местное самоуправление в стране оформлялось на уровнях городских микрорайонов, сельских советов, административных районов и городов. Впервые структура власти на местном уровне была реально разделена на законодательную, осуществляемую Советами, и исполнительную. Последние представляли местные администрации, которые, в отличие от коллегиальных исполнительных комитетов, должны были формироваться не представительными институтами, как предписывалось прежним советским законодательством, а посредством прямых выборов избирателей. Впервые предполагалось внедрить одну из форм непосредственного участия населения в местном самоуправлении – территориальное общественное самоуправление (ТОС), которое с того времени продолжает оставаться неотъемлемым компонентом муниципального управления в постсоветской и современной России.

Помимо построения по классическому производственному принципу, среди советских органов формируются новые структурные компоненты – комиссии по гласности, по экономической реформе, по правам человека, экологии, по национальным вопросам и религии и многим другим.

Одним из основных упущений разработчиков последней муниципальной реформы в истории СССР признаем недостаточное внимание к проблеме формирования финансово-экономической основы функционирования местных Советов. Возможности органов самоуправления в хозяйственной сфере прописывались в нормативных актах в декларативном формате, в отрыве реального оценивания состояния правовых отношений. Причиной этого был объявленный в конце 1980-х годов переход к гражданско-правовой системе рыночного типа. В сфере правоприменения это означало исключение предприятий промышленного и торгового секторов из рамок юридической ответственности местных советских управленческих учреждений. Другим негативным фактором назовём оформленный законодательно перевод материально-технического обеспечения коммунального хозяйства на договорные отношения. Дополнением к чему юридически закреплялись принципы полной экономической самостоятельности субъектов хозяйственной деятельности на муниципальном уровне.

Реформирование советской модели местного управления не было завершено в связи с распадом СССР, поскольку действие Конституции 1977 года продолжалось вплоть до политического и конституционного кризиса сентября-октября 1993 года.

Наиболее важной частью продолжающихся изменений следует признать правовое закрепление приоритета полномочий исполнительных институтов муниципальной власти. После нормативно оформленного упразднения исполкомов местных советов их место заняли подразделения администраций, к которым перешли исполнительно-распорядительные функции на подведомственной территории. Наряду с чем начиная с 1992 года органы местного самоуправления выделялись из системы органов государственной власти. Серьёзной проблемой оставалась незавершённость правового статуса муниципальных институтов: при этом не произошло уточнения их юридического статуса и характера взаимодействия с федеральными и региональными органами государственной власти. Юридическое оформление исключения местного самоуправления из системы органов государственного управления соотносится с принятием законодательного акта 21 апреля 1992 года № 2708-I [1].

[1] Об изменениях и дополнениях Конституции РСФСР [Электронный ресурс]: закон Росс. Федерации от 21 апреля 1992 г. № 2708-I. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Однако при разработке программы радикальных рыночных реформ реформы 1991–1993 гг. не было сформулировано осмысленной концепции развития местного самоуправления и правового обеспечения данного процесса в условиях переходного периода. В итоге органы местного самоуправления оказались не подготовлены к последствиям замены плановой системы хозяйствования на рыночную модель, что стало предметом системного правового регулирования в период подготовки муниципальной реформы начала 2000-х годов.

---

1. Гарина О. В. К вопросу о трансформации органов управления в российском государстве (IX В. - начало XX В.) // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 1(86). С. 10-15.
2. Развитие законодательства о советских представительных органах власти: Некоторые вопросы истории: теории и практики // Юридическая литература. 1978. 351 с.
3. Годунова О. В. Соотношение советского строительства и науки управления (на опыте исследования системы местных Советов депутатов трудящихся): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Свердловск., 1975. 23 с.
4. Данилевская И. Л. Проблематика самоуправления и местного самоуправления в научных дискуссиях периода перестройки (1984-1990 гг.) // Право и государство: теория и практика. 2023. № 8(224). С. 187-189.
5. Бурмистрова Ю. Ю. Микерин А. А. Местное самоуправление периода советского государства: историко-правовой аспект // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15 № 3(57). С. 17-25.
6. Михайлова А. М. Особенности организации местной власти в советский период развития России // Epomen. Global. 2024. № 56. С. 53-60.
7. Усманова Р. М. Сравнительно-правовой анализ местных советов народных депутатов советского периода и представительных органов местного самоуправления // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2025. № 3. С. 15-19.
8. Упоров И. В. Советский закон о местном самоуправлении в конце существования СССР : общая характеристика // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 110-4. С. 137-140.
9. Шамхалов М. А. Организация местного самоуправления в Советской России как особый вид социалистического самоуправления // Закон и право.2024. № 2. С. 19-23.
10. Личак Н. А. Руденко Л. Д. Кривова А. Л. Исторические этапы развития Отечественной системы местного самоуправления в советский период // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. Т. 14. № 10(115). С. 3137-3148.

1. Garina O. V. K voprosu o transformacii organov upravleniya v rossijskom gosudarstve (IX V. - nachalo XX V.) // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2021. № 1(86). S. 10-15.
2. Razvitie zakonodatel`stva o sovetskix predstavitel`ny`x organax vlasti: Nekotory`e voprosy` istorii,: teorii i praktiki // M: Yuridicheskaya literatura, 1978. 351 s.
3. Godunova O. V. Sootnoshenie sovetskogo stroitel`stva i nauki upravleniya (na opy`te issledovaniya sistemy` mestny`x Sovetov deputatov trudyashhixsya): avtoref. diss. … kand. yurid. nauk. Sverdlovsk : Sverdlovskij yuridicheskij institut, 1975. 23 s.
4. Danilevskaya I. L. Problematika samoupravleniya i mestnogo samoupravleniya v nauchny`x diskussiyax perioda perestrojki (1984-1990 gg.) // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. № 8(224). S. 187-189.

5. Burmistrova Yu. Yu. Mikerin A. A. Mestnoe samoupravlenie perioda sovetskogo gosudarstva: istoriko-pravovoj aspekt // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2024. T. 15 № 3(57). S. 17-25.
6. Mixajlova A. M. Osobennosti organizacii mestnoj vlasti v sovetskij period razvitiya Rossii // Epomen. Global. 2024. № 56. S. 53-60.
7. Usmanova R. M. Sravnitel`no-pravovoj analiz mestny`x sovetov narodny`x deputatov sovetskogo perioda i predstavitel`ny`x organov mestnogo samoupravleniya // Municipal`naya sluzhba: pravovy`e voprosy`. 2025. № 3. S. 15-19.
8. Uporov I. V. Sovetskij zakon o mestnom samoupravlenii v konce sushhestvovaniya SSSR : obshhaya xarakteristika // Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2024. № 110-4. S. 137-140.
9. Shamxalov M. A. Organizaciya mestnogo samoupravleniya v Sovetskoj Rossii kak osoby`j vid socialisticheskogo samoupravleniya // Zakon i pravo.2024. № 2. S. 19-23.
10. Lichak N. A. Rudenko L. D. Krivova A. L. Istoricheskie e`tapy` razvitiya Otechestvennoj sistemy` mestnogo samoupravleniya v sovetskij period // Voprosy` nacional`ny`x i federativny`x otnoshenij. 2024. T. 14. № 10(115). S. 3137-3148.

Информация об авторе

Ольга Васильевна Цыбакова. Доцент кафедры иностранных и русского языков, кандидат социологических наук, доцент.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Olga V. Tsybakova. Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign and Russian Languages.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatov Str., 2.

Статья поступила в редакцию 26.01.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.
The article was received in the editorial office on 26.01.2026; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научная статья
УДК 340

ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Шалимова Ольга Николаевна
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл, Россия

oly7788@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена истории развития организации дорожного движения, его определению, категориям, а именно: участникам дорожного движения, транспортным средствам, инфраструктуре, правилам и мерам обеспечения безопасности. В работе представлена краткая история развития дорожного движения с древних времён до современности. Анализируются определения термина «дорожное движение» как сложной динамической системы; обобщаются исследования в данной области с выделением общих и отличительных черт указанного понятия; рассматривается формирование принципов и методов упорядочивания взаимодействия участников дорожного движения в России и в зарубежных странах при помощи правил дорожного движения; кратко описывается история формирования первых российских и зарубежных органов, занимающихся организацией и контролем дорожного движения. Акцентируется внимание на истории формирования Госавтоинспекции, появления первых светофоров и современных интеллектуальных систем, обеспечивающих безопасность дорожного движения.

Ключевые слова: генезис организации дорожного движения, история развития дорожного движения, организация общественной безопасности, эволюция транспорта, специальные устройства, дорожная инфраструктура.

Для цитирования: Шалимова О. Н. Историко-теоретические аспекты развития дорожного движения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 50–61.

HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECTS OF ROAD TRAFFIC DEVELOPMENT

Olga N. Shalimova
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

oly7788@yandex.ru

Annotation. The article is devoted to the history of the development of traffic management, its definition, categories, including participants, vehicles, infrastructure, rules, and safety measures, as well as a brief history of the development of traffic from ancient times to the present day. The article provides an analysis of the definition of "traffic", which characterizes it as a complex dynamic system. It summarizes research in this area, highlighting the common and distinctive features of this definition. The article also examines the formation of principles and methods for regulating the interaction of road users in Russia and foreign countries, including traffic regulations. It briefly describes the history of the formation of the first Russian and foreign bodies responsible for organizing and monitoring

traffic, the establishment of the State Traffic Inspectorate, and the introduction of the first traffic lights and modern intelligent systems that ensure traffic safety.

Keywords: genesis of road traffic organization, history of road traffic development, public safety organization, evolution of transportation, special devices, road infrastructure.

For citation: Shalimova O. N. Historical and theoretical aspects of road traffic development // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. № 1(106). P. 50–61.

Проблема организации дорожного движения и соблюдения правил безопасности представляет собой одну из важнейших проблем в жизнедеятельности любого современного общества. Рассмотрим термин «дорожное движение», а также категории и понятия, с ним взаимосвязанные. Дорожное движение в соответствии с Федеральным законом от 10 декабря 1995 года № 163-ФЗ является совокупностью общественных отношений, которые возникают в процессе перемещения людей и грузов с помощью транспортных средств или без таковых в пределах дорог[1]. О. Ю. Борисов, проведя семантический анализ данного определения, констатирует его направленность, характерную для общественных наук, в первую очередь юридических, а также определяет его как систему, обладающую существенными признаками и состоящую из элементов (транспортные средства, водители, окружающая среда, включающая погодные условия, сотрудники Госавтоинспекции, законодательная и нормативная база) [1, с. 9].

В. В. Лукьянов выделял изучение дорожного движения в качестве комплексной темы в первую очередь с позиций безопасности [2, с. 21], уже в 1983 году В. В. Лукьянов упоминает о системности данной категории, относя дорогу к отдельному элементу системы, выходящему за пределы среды и предлагая вербальную формулировку системы: «водитель – транспортное средство – дорога».

В исследовании Ю. Н. Калюжного [3, с. 55], проанализировавшего работы Г. И. Клинковштейна, И. К Шахриманьяна, В. И. Коноплянко, Б. В. Россинского, В. И. Майорова, выделяются общие и отличительные позиции авторов относительно термина «дорожное движение». Все авторы подчёркивают, что дорожное движение – это сложный динамический процесс перемещения людей и грузов, осуществляемый посредством транспортных средств, который включает взаимодействие участников движения (пешеходов и водителей). К общим ключевым чертам относятся:

– наличие сложных взаимосвязанных процессов (сложная динамическая система);

– перемещение людей и грузов с использованием транспортных средств и пешком;

– значительная роль правовых норм и государственных институтов в обеспечении безопасности и регуляции движения;

– постоянный риск возникновения неблагоприятных ситуаций и аварийных последствий.

Отличительные черты, выделенные вышеупомянутыми авторами, касаются следующих аспектов:

– так, Г. И. Клинковштейн акцентирует внимание исключительно на движении пешеходов и транспортных средств;

– И. К. Шахриманьян подчёркивает важность регулирования дорожного движения государством и наличие постоянных рисков возникновения препятствий движению;

– В. И. Коноплянко включает влияние внешней среды и выделяет четыре элемента системы («человек – автомобиль – дорога – среда»), увеличивая границы анализа;

[1] О безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 12 октября 1995 г. № 196-ФЗ. Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».

– Б. В. Россинский рассматривает проблему в рамках улучшения госрегулирования и учёта изменений в экономике и обществе;

– В. И. Майоров выделяет трёхуровневую структуру (участники, объекты, среда), особо подчёркивает фактор риска и возможные негативные последствия.

Вышеуказанные определения термина «дорожное движение» указывают, что каждый исследователь раскрывал данный термин в зависимости от своего научного подхода и методологии исследования. Анализ выявляет общую тенденцию к усложнению понимания дорожного движения, включая расширение числа значимых элементов и повышение внимания к факторам риска и ответственности государства за обеспечение безопасности.

На сегодняшний день термин, закреплённый в первой главе правил дорожного движения, отражает следующие положения, где дорожное движение представляет собой совокупность взаимодействий, возникающих в процессе использования транспортных средств, а также во время осуществления перевозки пассажиров и грузов[1].

Следует также рассмотреть другие, соотносящиеся с дорожным движением категории и понятия (участников, автомобили, транспорт, элементы инфраструктуры, правила дорожного движения, безопасность дорожного движения). Поговорим об участниках дорожного движения, включающих всех лиц, находящихся на дороге или рядом с ней и участвующих в движении транспорта:

– водители (лица, управляющие транспортными средствами);

– пассажиры (лица, находящиеся внутри транспортного средства, за исключением водителя;

– пешеходы (лица, передвигающиеся пешком);

– велосипедисты (лица, использующие велосипеды для передвижения);

– иные участники (лица, передвигающиеся на электросамокатах, мотоциклах, скутерах и иных моторизированных транспортных средствах).

Классификация транспортных средств может быть выстроена по различным признакам. Автомобили могут быть легковыми, грузовыми, автобусами и т. д. Мотоциклы и мопеды могут иметь различные двигатели (бензиновые и электродвигатели), что обусловлено рядом факторов, включающих назначение транспортного средства, вес, требуемую мощность и скорость. Прицепы и полуприцепы, транспортные средства, предназначенные для грузов и буксируемые разными типами автомобилей. Использование прицепов позволяет значительно увеличить грузовую вместимость автомобилей, снизить количество рейсов и уменьшить расходы на транспортировку, что, в свою очередь, оказывает значительное влияние на дорожное движение благодаря оптимизации логистических процессов и уменьшению нагрузки на инфраструктуру дорог. Выделяются ещё и специальные транспортные средства, которые были разработаны для выполнения узкоспециализированных задач и зачастую оснащены целевым оборудованием (полицейские машины, пожарные машины, аварийно-спасательные машины, скорая помощь, снегоуборочные машины, мусоровозы и т. д.).

Элементы инфраструктуры, обеспечивающие безопасность, включают: дороги, специально оборудованные выделенные однополосные или имеющие большее количество полос участки земли, используемые для движения транспортных средств (в том числе мосты, эстакады, путепроводы), тротуары, велодорожки и обочины; трамвайные и иные пути; устройства управления движением, регулирующие потоки автомобилей и пешеходов – светофоры; указатели направления, ограничения скорости, запрещаю-

[1] Дорожно-транспортное движение, что это такое, основные понятия, термины, нормы и участники [Электронный ресурс]. URL: https://avtobdd.ru/articles/dorozhnoe-dvizhenie-opredelenie-i-osnovnye-normy/#t_shema_undefined_0. (дата обращения: 25.12.2025).

щие знаки и разметочные линии; специально отведённые зоны для стоянки транспортных средств – парковочные места.

Правила дорожного движения также являются неотъемлемой категорией, устанавливающей нормы поведения на дорогах:

– скорость движения (ограничение максимальной скорости на определённых участках дорог;

– обгон и перестроение (правила изменения полосы движения и опережения других транспортных средств);

– проезд перекрёстков (порядок проезда регулируемого и нерегулируемого пересечения улиц);

– стоянка и остановка (разрешённые и запрещённые места парковки).

Правила дорожного движения способствуют поддержанию безопасности дорожного движения (данная категория введена впервые в рамках свода обязательных требований при деятельном участии В. В. Лукьянова в 1972 году в одноимённом разделе, а в 1968 году по инициативе В. В. Лукьянова была организована специальная пробная лаборатория по безопасности дорожного движения) следующей категории, обеспечивающей комплекс мер:

1. Средства защиты водителей и пассажиров, направленные на минимизацию последствий аварий и травмирования участников дорожного движения (ремни безопасности, подушки безопасности, шлемы для мотоциклистов);

2. Контроль технического состояния автомобиля, включающий: регулярное техническое обслуживание с целью предотвращения возникновения неисправностей, приводящих к авариям; периодическое техническое обслуживание (замена масла, фильтров, тормозных колодок и иных расходных материалов); проверку исправности узлов и агрегатов (диагностика двигателя, подвески, трансмиссии и электрооборудования);

3. Повышение квалификации водителей и курсы повышения квалификации (обучение правилам вождения, приёмам безопасной езды, правилам дорожного движения, действиям в экстренных ситуациях, повышение уровня мастерства).

4. Применение современных технологий, повышающих уровень безопасности на дорогах (система автоматического торможения, распознающая препятствия на дорогах и автоматически замедляющая автомобиль; адаптивный круиз-контроль, поддерживающий заданную скорость и дистанцию до впереди едущего автомобиля; мониторинг слепых зон, предупреждающий водителя о наличии объектов в зонах видимости и невидимых обычными зеркалами), создающих эффективную систему, направленную на снижение риска дорожно-транспортных происшествий и защиту здоровья участников дорожного движения.

Рассмотрев основные актуальные понятия и категории, связанные с дорожным движением, поговорим о генезисе его организации. Генезис организации дорожного движения представляет собой процесс формирования принципов и методов упорядочивания взаимодействия участников дорожного движения. Этот процесс развивался постепенно и продолжается в настоящее время. Глубокие исторические корни уходят далеко в прошлое, когда ещё автомобиль как средство передвижения не был изобретён.

История человеческого общества неразрывно связана с процессом передвижения людей, товаров, скота, различной техники. Перемещения всегда имели чёткую структуру и цель, поскольку задача всегда состояла в минимизации расстояния и времени путешествия, обходе препятствий и обеспечении безопасности.

Первые попытки организовать движение появились в античные времена. Уже тогда были установлены правила приоритета проезда по узким улицам городов, ограничение скорости конных экипажей и разделение потоков пешеходов и повозок. Примером такого подхода служат римские законы, регламентирующие порядок перемеще-

ния телег и лошадей в пределах городских стен. Около 45 года нашей эры знаменитый правитель Римской империи Гай Юлий Цезарь издал закон, согласно которому днём запрещалось передвигаться по городу на колесницах и повозках[1]. Параллельно этому стали появляться предшественники современных сотрудников по обеспечению дорожного движения – специальные служащие, контролирующие перемещение гужевых повозок и наказывающие нарушителей порядка на дорогах. Тогда же возникли первые элементы регулирования дорожного потока.

Интересна находка древнеримских аналогов современных дорожных знаков. На перекрёстках нередко встречались каменные столбы с нанесёнными на них надписями, обозначающими направление и дистанцию до ближайших населённых пунктов[2]. Широко известны так называемые миллиарио – специально установленные каменные стелы вдоль дорог, указывавшие расстояние до Рима. Фактически они играли роль тех километровых отметок, которыми мы пользуемся сегодня (Рис. 1).

Рис. 1. Образец милиарио

Кроме того, в ходе раскопок обнаружены свидетельства существования своеобразных ограничений на дороге. На особо тесных участках трассы были найдены каменные преграды, препятствующие приближению повозок к зданиям. Эти устройства вполне заслуженно называют прототипами античных бордюров.

Исторически доказано, что в древности существовали особые лица, организовывающие движение военных подразделений, торговых караванов и гражданских групп населения. Например, армию Александра Македонского и войска царя Дария сопровождали профессиональные военнослужащие, задачей которых была координация передвижения кавалерии, пехоты и обозов. Эти специалисты обеспечивали поддержание необходимой скорости марша, предупреждали задержки и помогали оперативно реагировать на изменение обстановки, стремясь повысить общую эффективность операции[3]. Подобные структуры наблюдались и в мирных условиях, особенно в больших городах. Когда улицы наполнялись сотнями возов с сельскохозяйственной продукцией возникла необходимость контролировать движение и избегать хаоса, препятствующего свободному доступу товара на рынок. Без должной координации такая ситуация легко пре-

[1] От жезла к ИТС [Электронный ресурс]. URL: https://iz.ru/1977160/kirill-sazonov/ot-zezla-k-its (дата обращения: 28.12.2025).
[2] Первые дорожные знаки [Электронный ресурс]. URL: https://www.ixbt.com/live/car/pervye-pdd-kto-gde-kogda-vpervye-vvel-pravila-dorozhnogo-dvizheniya-i-kakimi-oni-byli.html. (дата обращения: 27.12.2025).
[3] Исторический опыт развития дорожной деятельности [Электронный ресурс]. URL: https://moluch.ru/archive/447/98447. (дата обращения: 28.12.2025).

вращалась в подобие сегодняшней автомобильной пробки, нарушая нормальный ритм жизни населённого пункта.

Начало организованной регуляции дорожного движения в России произошло позднее, чем в европейских государствах. Если крупные европейские столицы, такие как Афины, Рим и Лондон, давно нуждались в мерах по обеспечению безопасности на дорогах, то столица Московского княжества оставалась относительно небольшой. Однако в январе 1683 года московская власть предприняла важный шаг. Цари Иван Алексеевич и Пётр Алексеевич Романовы подписали указ, устанавливавший ограничение на скоростной режим езды по городам[1]. Целью этого документа было предотвратить травмы горожан, вызванные быстрыми движениями экипажа. За исполнением указа следила царская охрана и дворцовая стража. Позже, в эпоху правления Петра Великого, возникло учреждение, известное как Генерал-полицмейстерство[2], целью которого было обеспечение чистоты улиц и поддержание порядка в обеих столицах, в Москве и Санкт-Петербурге [4, с. 78].

Предвестниками нынешних правил дорожного движения можно назвать наставления, разработанные Петербургской полицией в начале XIX столетия. Один из таких документов содержал инструкции для владельцев и арендаторов карет («старост») и извозчиков, предписывая соблюдать аккуратность при управлении лошадьми, двигаться медленно, осторожно проезжать перекрёстки и уступать дорогу пешеходам, особенно детям [5, с. 149].

Во второй половине XIX века на улицах крупных русских городов появляются велосипедисты (называвшиеся «циклистами» в России до начала XX столетия[3]). Быстрое появление и высокая скорость велосипеда создавали опасность для пешеходов и лошадей. После многочисленных жалоб местные власти ввели обязательную регистрацию велосипедов, выдавали права (свидетельства об успешном освоении навыка езды) и настаивали на установке сигнального звонка, осветительных приборов и номерных знаков на велосипедах. Подобные требования, предъявляемые к велосипедам, соответствовали современным требованиям, предъявляемым к автотранспорту. Однако популярность велосипеда как транспортного средства только росла (Рис. 2).

Рис. 2. Популяризация велосипедов

[1] Россия рулит [Электронный ресурс]. URL: https://mediagibdd.ru/stories/2020-12-14-rossiya-rulit/ (дата обращения: 28.09.2025).

[2] Как в России появилась полиция [Электронный ресурс]. URL: https://iz.ru/1521431/arsenii-zamostianov/dusha-grazhdanstva-i-dobrykh-poriadkov-kak-v-rossii-poiavilas-politciia (дата обращения: 28.09.2025).

[3] Велосипед допустить невозможно: как новый транспорт покорял города Российской империи [Электронный ресурс]. URL: https://profile.ru/society/velosiped-dopustit-nevozmozhno-kak-novyj-transport-pokoryal-goroda-rossijskoj-imperii-1375907/ (дата обращения: 28.09.2025).

История российских органов, занимающихся организацией дорожного движения, началась в самом начале XX века. Первые сотрудники, выполняющие обязанности современных сотрудников Госавтоинспекции, появились сначала в Петербурге, а позже и в столице – Москве. Для регулировки дорожного движения использовалась специальная белая трость (Постановление Петербургского градоначальника от 14.10.1907 «О введении белой трости»), которую впоследствии заменил привычный полицейский жезл. Впервые этот атрибут появился в 1922 году, первоначально окрашенный в красный и жёлтый цвета. Современный вариант чёрно-белого полосатого жезла (чёрно-белые полосы оказались более эффективны и различимы как в дневное, так и в ночное время, при свете фар и солнечного света, соответствуют стандартам международного образца) утвердился лишь спустя два десятилетия, в 1939 году[1] в рамках реформы, осуществимой Государственной инспекцией по безопасности уличного движения Наркомата внутренних дел СССР (Рис. 3).

Рис. 3. Эволюция жезла регулировщика

В эпоху индустриализации развитие промышленности и появление первых механизированных транспортных средств потребовало новых подходов к управлению движением, так как с повышением потока транспортных средств повысилась вероятность возникновения опасных ситуаций на дорогах и столкновений транспорта и пешеходов, «особенно при игнорировании правил дорожного движения и неосторожном стиле вождения» [6, с. 75]. В XIX веке начали формироваться первые дорожные знаки и светофоры, призванные обеспечить безопасность пешеходов и велосипедистов перед лицом увеличивающегося числа транспорта. Важным этапом стало введение регистрационных номеров и лицензий на вождение.

В первой половине XX века произошёл настоящий бум автомобилизации, что привело к значительному росту числа дорожно-транспортных происшествий. Именно в этот период формируются международные стандарты знаков и сигналов, создаются специализированные органы контроля за соблюдением правил дорожного движения. Появляются первые автоматизированные системы управления транспортом, регулирующие потоки автомобилей на перекрёстках и магистралях.

Международная конвенция в Женеве в 1949 году «Конвенция о дорожном движении» и «Протокол о дорожных знаках» стали первыми международными соглашениями, которые устанавливали единые правила дорожного движения и знаки для всех стран-участниц. Это было важным шагом в направлении унификации дорожных знаков

[1] История Госавтоинспекции: «О введении белой трости» [Электронный ресурс]. URL: https://sakla.ru/posts/38119-istoriya-gosavtoinspekcii-o-vvedenii-beloy-trosti (дата обращения: 28.12.2025).

и разметки. Конвенция закрепила стандартизацию дорожных знаков, их формы, цвета, расположения надписей, облегчив международное передвижение водителей.

В СССР контроль за соблюдением правил дорожного движения впервые официально был возложен на Государственную автомобильную инспекцию, созданную в 1936 году и ставшую подразделением милиции в 1963 году [7, с. 96]. Первоначально количество сотрудников насчитывало всего 57 человек в 7 отделениях, обладающих очень широкими полномочиями. Первых сотрудников Госавтоинспекции называли элитой правоохранительных органов[1], они занимались не только регистрацией транспортных средств, выдачей водительских удостоверений, номерных знаков, технических паспортов, контролем за соблюдением правил дорожного движения, но и осуществляли подготовку и воспитание шофёров, принимали участие в обсуждении технических характеристик новых советских транспортных средств и в разработке технических норм их эксплуатации.

Работа Госавтоинспекции показала положительные результаты. Сотрудники эффективно выполняли свою работу, что привело к снижению числа дорожно-транспортных происшествий и уменьшению количества пострадавших. В эпоху масштабной индустриализации Советского Союза сотрудники Госавтоинспекции активно способствовали поддержанию порядка на дорогах, сыграв важную роль в обеспечении безопасности дорожного движения.

Во многих зарубежных странах были созданы аналогичные структуры, контролирующие безопасность на дорогах и разрабатывающие методы повышения дисциплины среди участников дорожного движения. В США первоначально обязанности по обеспечению соблюдения правил дорожного движения исполнялись полицейскими управлениями и шерифскими отделениями на местах, пока не начали формироваться специализированные патрульные службы. Например, подразделения (*State Highway Patrol*[2]) появились благодаря стремлению усилить контроль на федеральных трасах и магистралях, они специализировались на контроле скоростного режима, на борьбе с вождением в состоянии алкогольного опьянения и на расследовании серьёзных транспортных преступлений. Первым транспортным средством, которое использовали сотрудники, были мотоциклы американского бренда *Indian* (Рис. 4).

Рис. 4. Сотрудник State Highway Patrol (1921 год)

[1] История Госавтоинспекции: «1936-1940. Первые годы ГАИ советской народной милиции [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20210815214057/https://%D0%B3%D0%B8%D0%B1%D0%B4%D0%B4.%D1%80%D1%84/about/history (дата обращения: 02.12.2025).

[2] History [Электронный ресурс]. URL: https://wsp.wa.gov/about-us/history/ (дата обращения: 02.12.2025).

Англия прошла аналогичный путь развития, но с некоторыми отличиями. Британские специализированные подразделения по контролю за движением были созданы внутри крупных полицейских служб, таких как столичное управление полиции. Многие крупные городские департаменты имеют специальные подразделения дорожной полиции (*Traffic Police*), которые занимаются контролем за дорожным движением, предотвращением нарушений и реагированием на происшествия.

Отличительной чертой является строгая дисциплина и высокая подготовка сотрудников, включая обучение методикам расследования сложных дорожно-транспортных происшествий. Столичный департамент (*Metropolitan Police*) сейчас имеет отдельное подразделение (*Roads and Transport Policing Command*[1]), ранним предшественником которого было *London Transport Police*[2], являющееся одним из многих подразделений дорожной полиции (Рис. 5), которое занимается всеми аспектами дорожного контроля и охраны общественного порядка на улицах города.

Рис. 5. Сотрудник Manchester Police (1930-е годы)

Существование служб, регулирующих движение на дорогах, является неотъемлемым элементом цивилизации, доказанным историей многих государств мира. Каждая страна по-своему наблюдает эволюцию своей «дорожной полиции» благодаря технологическим достижениям, таким как радары для измерения скорости и системы связи, позволяющим лучше координировать действия сотрудников.

Первый известный светофор появился 157 лет назад в Лондоне в 1868 году. Изобретён светофор был Джоном Пиком Найтом, специалистом по железнодорожным семафорам. В 1912 году электрическая модель светофора была представлена Лестером Вайром. В 1920-е годы Гаррет Морган представил трёхпозиционный светофор[3].

В СССР первоначально использовались газовые фонари и семафорные стрелки, первые светофоры установили в 1930 году в Москве и Ленинграде, позже – в Ростове-на-Дону. В словарях русского языка слово «светофор» впервые было зафиксировано в 1932 году. Первые советские светофоры напоминали часы и не походили на зарубежные аналоги, четыре секции циферблата разделялись на две жёлтые по бокам, зелёную верхнюю и красную нижнюю, стрелка перемещалась с определённой скоростью (Рис. 6).

[1] Roads Transport Policing Command [Электронный ресурс]. URL:https://policemp.com/services/police/roads-transport-policing-command/ (дата обращения: 02.12.2025).
[2] A Brief History of the London Transport Police [Электронный ресурс]. URL: https://www.btphg.org.uk/?page_id=4181 (дата обращения: 02.12.2025).
[3] Эволюция светофора: от семафорных стрелок до светодиодов [Электронный ресурс]. URL: https://rostec.ru/media/news/evolyutsiya-svetofora-ot-semafornykh-strelok-do svetodiodov/?ysclid=mhlq5g804p315362551#start (дата обращения: 03.12.2025).

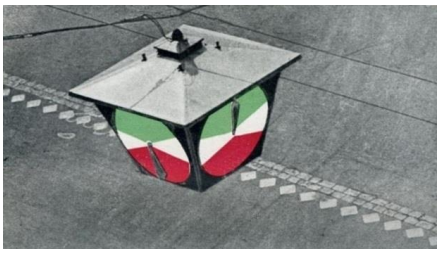

Рис. 6. Первый советский светофор

Светофоры для пешеходов появились позднее, в 1960-е годы. Изначально советские светофоры регулировались в постовых будках вручную сотрудниками отдела регулирования уличного движения (к историческому примеру можно отнести милиционера Дядю Стёпу из отрывка стихотворения С. В. Михалкова, где ему присваивается прозвище Дядя Стёпа-Светофор), в 1970-м году регулировать светофоры могли пешеходы с помощью пульта.

История развития автоматизированных систем управления дорожным движением берёт своё начала с момента появление первых светофоров. Первые системы данной категории были телемеханическими, позволяли хранить информацию о нескольких наборах параметров регулирования [8, с. 31]. В СССР разработкой методов, позволяющих автоматизировать контроль за дорожным движением, занималось предприятие «СКБ Промавтоматика». Отечественные конструкторы учитывали и зарубежный опыт (Великобритания) в своих разработках по автоматизации систем и процессов управления движением. Для создания структуры и функциональных модулей автоматизированных систем диспетчерского управления на высокоскоростных магистралях учитывался опыт Китая, включающий цифровые методы обработки данных [9, с. 364]. Немаловажную роль играло и играет внедрение автоматизированных систем управления для оптимизации транспортных маршрутов [10, 11].

Современные интеллектуальные системы, обеспечивающие безопасность дорожного движения и его регулирования, включают разнообразные устройства мониторинга дорожной обстановки, в том числе программное обеспечение на основе методов искусственного интеллекта и машинного обучения. Такие системы способны анализировать ситуацию в реальном времени, предугадывать возникновение дорожных затруднений и оперативно реагировать на изменение условий трафика. В крупных городах России и зарубежья реализуется концепция «Умный город» (*Smart City*) [12, с. 103]. Эти программы обеспечивают эффективную координацию потоков автомобилей, снижают количество аварий и помогают водителям выбирать оптимальные маршруты. Широко используются мобильные приложения и онлайн-платформы, которые предоставляют пользователям актуальные сведения о состоянии дорог, доступности парковочных мест и предлагают рекомендации по выбору маршрута с минимальными задержками. Такие технологии способствуют формированию безопасной и удобной транспортной инфраструктуры современного города, страны и мира.

Организация и регулирование дорожного движения прошли долгий исторический путь. Сегодня оно регламентируется правилами, техническими нормами и специализированными органами. Основные цели регулирования – повышение безопасности, уменьшение дорожно-транспортных пришествий и улучшение качества обслуживания участников дорожного движения, а современные решения и интеллектуальные системы управления трафиком помогают совершенствовать его организацию и минимизировать риски.

1. Борисов О.Ю. О термине «дорожное движение» // Современная наука. 2022. № 1. С. 7-12.
2. Сальников Е. В. В. В. Лукьянов и формирование научного подхода к системе обеспечения безопасности дорожного движения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 2(91). С. 18-25.
3. Калюжный Ю. Н. Научные подходы к понятию «дорожное движение» // Наука и практика. 2016. № 3(68). С. 55-57.
4. Накишова М. Т. Полицмейстерская канцелярия в системе управления Санкт-Петербургом в 1718-1727 гг // Российская история. 2022. № 2. С. 77-89.
5. Шевченко П. Н. Развитие системы безопасности дорожного движения в Российской империи (XIX - начало XX вв.) // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 9. С. 148-151.
6. Былинин И. А., Шукаева И.Н. Опасное вождение как хулиганство на автомобильных дорогах: проблемы, особенности правового трактования, профилактика правонарушений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 73-82.
7. Гнездилова Д. М. Госавтоинспекция МВД СССР в системе контроля и надзора за безопасностью дорожного движения в 1960-1980 гг. // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 11(64). С. 95-98.
8. Одинцов А. Е. Развитие автоматизированных систем управления дорожным движением // Автомобильная промышленность. 2015. № 1. С. 31-32.
9. Озеров А. В., Баранов А. Г. Автоматизированная система диспетчерского управления для высокоскоростного движения // Интеллектуальные транспортные системы: Материалы IV Международной научно-практической конференции, М., 2025. С. 361-364.
10. Котович П. В. Внедрение автоматизированных систем управления для оптимизации транспортных маршрутов // Дневник науки. 2024. № 11(95).
11. Мочалин С. М. Колебер Ю. А. Перспективы развития методов оптимизации маршрутных сетей городского пассажирского транспорта // Научный рецензируемый журнал «Вестник СибАДИ». 2019 № 16(3). С. 241-255.
12. Колодий Н. А. Умный город: особенности концепции, специфика адаптации к российским реалиям // Социологический журнал. 2020. № 2. С. 102-123.

1. Borisov O.Yu. O termine «dorozhnoe dvizhenie» // Sovremennaya nauka. 2022. № 1. S. 7-12.
2. Sal`nikov E. V. V. V. Luk`yanov i formirovanie nauchnogo podxoda k sisteme obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2022. № 2(91). S. 18-25.
3. Kalyuzhny`j Yu. N. Nauchny`e podxody` k ponyatiyu dorozhnoe dvizhenie // Nauka i praktika. 2016. № 3(68). S. 55-57.
4. Nakishova M. T. Policzmejsterskaya kancelyariya v sisteme upravleniya Sankt-Peterburgom v 1718-1727 gg // Rossijskaya istoriya. 2022. № 2. S. 77-89.
5. Shevchenko P. N. Razvitie sistemy` bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Rossijskoj imperii (XIX - nachalo XX vv.) // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2013. № 9. S. 148-151.
6. By`linin I. A., Shukaeva I.N. Opasnoe vozhdenie kak xuliganstvo na avtomobil`ny`x dorogax: problemy`, osobennosti pravovogo traktovaniya, profilaktika pravonarushenij // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2025. № 3(104). S. 73-82.

7. Gnezdilova D. M. Gosavtoinspekciya MVD SSSR v sisteme kontrolya i nadzora za bezopasnost`yu dorozhnogo dvizheniya v 1960-1980 gg. // Obshhestvo: politika, e`konomika, pravo. 2018. № 11(64). S. 95-98.
8. Odinczov A. E. Razvitie avtomatizirovanny`x sistem upravleniya dorozhny`m dvizheniem // Avtomobil`naya promy`shlennost`. 2015. № 1. S. 31-32.
9. Ozerov A. V., Baranov A. G. Avtomatizirovannaya sistema dispetcherskogo upravleniya dlya vy`sokoskorostnogo dvizheniya // Intellektual`ny`e transportny`e sistemy`: Materialy` IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, M., 2025. S. 361-364.
10. Kotovich P. V. Vnedrenie avtomatizirovanny`x sistem upravleniya dlya optimizacii transportny`x marshrutov // Dnevnik nauki. 2024. № 11(95).
11. Mochalin S. M. Koleber Yu. A. Perspektivy` razvitiya metodov optimizacii marshrutny`x setej gorodskogo passazhirskogo transporta // Nauchny`j recenziruemy`j zhurnal «Vestnik SibADI». 2019 № 16(3). S. 241-255.
12. Kolodij N. A. Umny`j gorod: osobennosti koncepcii, specifika adaptacii k rossijskim realiyam // Sociologicheskij zhurnal. 2020. № 2. S. 102-123.

Информация об авторе

Ольга Николаевна Шалимова. Доцент кафедры иностранных и русского языков, кандидат педагогических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Olga N. Shalimova. Associate Professor of the Department of Foreign and Russian Languages, Candidate of Pedagogical Sciences.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 26.01.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.
The article was received in the editorial office on 26.01.2026; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научная статья
УДК 342.5

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Афонин Вадим Вячеславович
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл, Россия

vadim.afonin@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу современных технологических и управленческих инноваций, направленных на кардинальное повышение безопасности на автомобильных дорогах. В условиях роста интенсивности дорожного движения и сохраняющегося высокого уровня аварийности традиционные меры оказываются недостаточно эффективными. В связи с этим исследование актуальных инновационных решений представляется крайне важным. Результатом исследования выступают предложения автора статьи о необходимости внедрения инноваций, что окажет положительное влияние на деятельность сотрудников Госавтоинспекции и сформирует основу для устойчивого снижения уровня аварийности на дорогах России.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, Госавтоинспекция, инновации, технические средства, интеллектуальные транспортные системы.

Для цитирования: Афонин В. В. Инновационные подходы к обеспечению безопасности дорожного движения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 62–72.

INNOVATIVE APPROACHES TO ROAD SAFETY

Vadim V. Afonin
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

vadim.afonin@mail.ru

Annotation. This article analyzes modern technological and management innovations aimed at dramatically improving road safety. Given rising traffic volumes and persistently high accident rates, traditional measures are proving ineffective. Therefore, research into relevant innovative solutions is crucial. The author's proposals for implementing innovations will positively impact the work of State Traffic Safety Inspectorate officers and lay the foundation for a sustainable reduction in accident rates on Russian roads..

Keywords: road safety, State Traffic Safety Inspectorate, innovation, technical means, intelligent transport systems.

For citation: Afonin V. V. Innovative approaches to ensuring road safety // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2026. № 1(106). P. 62–72.

Проблема безопасности дорожного движения в настоящее время является довольно актуальной. Постоянный рост количества ТС, модернизация дорожной инфраструктуры и увеличение интенсивности движения создают новые вызовы для Госавтоинспекции. В этой связи особое значение приобретают современные способы обеспечения БДД, которые направлены на снижение аварийности, предотвращение правонарушений и минимизацию последствий ДТП. Обеспечение безопасности дорожного движения имеет целью предупреждение, предотвращение и устранение явлений и опасных ситуаций, угрожающих жизни и здоровью людей, имуществу граждан, предприятий, учреждений и организаций вне зависимости от формы собственности и их последствий [1, с. 204].

В контексте исследуемой темы хотелось бы обратиться к историческим началам и обозначить значительный вклад Валерия Витальевича Лукьянова в становление и развитие Госавтоинспекции. Валерий Витальевич – человек, чья карьера неразрывно связана с Госавтоинспекцией, ведь именно его деятельность в этом направлении после распада СССР является ключевой и фундаментальной. Его часто называют «отцом-основателем» или главным архитектором современной российской Госавтоинспекции. В критический для страны период он стал руководителем этой могучей структуры, которая нуждалась на тот момент в реформировании. Именно в эти годы (1992–2002) В. В. Лукьянов занимал должность Главного государственного инспектора безопасности дорожного движения Российской Федерации и, как справедливо отмечается, он возглавил ГАИ в самый сложный период – после распада СССР, когда система управления, финансирования и правового поля была в хаосе. Под его руководством происходило формирование Госавтоинспекции МВД России как отдельной, целостной и современной службы в новой России.

Многие исторические деятели называли его «архитектором системных реформ», поскольку его главная роль заключалась не в оперативном управлении, а в стратегическом строительстве системы. Под его руководством и при его непосредственном участии были заложены основы, многие из которых актуальны до сих пор.

В данном аспекте можно отметить создание структурированной нормативно-правовой базы, которая проявлялась в активной работе над развитием и изменением Правил дорожного движения, Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и технических регламентов. Он был инициатором и лоббистом многих важных законодательных инициатив.

Кроме того, большую роль сыграла реформа системы подготовки кадров, сделавшая упор на профессиональное образование, вследствие чего получила своё развитие сеть специализированных учебных заведений для сотрудников Госавтоинспекции.

На данном этапе начинается активное внедрение технических новшеств, а именно начинается массовое перевооружение службы. При В. В. Лукьянове стали активно применяться первые системы автоматической фотовидеофиксации нарушений, зарождались цифровые базы данных (например, по учёту водителей и транспортных средств).

Отдельно следует отметить изменения в идеологии службы. Валерий Витальевич Лукьянов публично продвигал идею перехода от чисто карательной функции к службе помощи и безопасности под девизом «Госавтоинспекция – это служба помощи». Кроме того, В. В. Лукьянов был одним из первых руководителей Госавтоинспекции, который активно работал с прессой и обществом. Он разъяснял новые правила, цели реформ, старался формировать положительный имидж службы, которая ассоциировалась у населения в 1990-е в основном с коррупцией, а его узнаваемость и авторитет среди сотрудников были очень высоки.

После ухода с поста главы Госавтоинспекции он оставался влиятельным экспертом, являлся автором многочисленных статей, аналитических записок и книг по про-

блемам дорожной безопасности, истории и перспективам развития Госавтоинспекции. Труды В. В. Лукьянова – это важнейшие источники для понимания логики развития службы в 1990-е и 2000-е годы.

В системе государственных органов, которые обладают определённой самостоятельностью в принятии решений о применении к гражданам различного рода мер принуждения с целью пресечения и предупреждения попыток совершения противоправных поступков, а также привлечения к ответственности за уже совершённые правонарушения, значительное место занимают органы внутренних дел [2, с. 35], в частности Госавтоинспекция по вопросам обеспечения безопасности дорожного движения. Современные же способы обеспечения БДД представляют собой комплекс инновационных подходов, направленных на предупреждение аварий и создание условий для безопасного перемещения всех участников дорожного движения. Вопросы, связанные с совершенствованием таких методов, приобретают особую значимость в контексте ежедневной практической деятельности сотрудников Госавтоинспекции. Поскольку именно они несут ответственность за поддержание порядка на дорогах и защиту граждан от возможных угроз их жизни, здоровью и имуществу.

Одним из наиболее эффективных инструментов в арсенале современных технологий является система автоматической фиксации нарушений. В 2007 году были внесены поправки в КоАП РФ, устанавливающие возможность фиксации административных правонарушений в области дорожного движения работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и видеосъёмки. Появление таких комплексов оказало влияние и на подразделение Госавтоинспекции. На неё были возложены дополнительные обязанности, поскольку в её составе были созданы новые подразделения – центры (группы) автоматизированной фиксации административных правонарушений. Таким образом, внедрение данных технических средств в деятельность сотрудников Госавтоинспекции образовало систему автоматизированного контроля соблюдения ПДД.

По мнению А. Б. Клименко и А. М. Низаметдинова, целью создания такой системы является повышение эффективности администрирования денежных взысканий за административные правонарушения в области дорожного движения с обеспечением автоматизации контроля соблюдения ПДД [3, с. 102]. Таким образом, фиксация административных правонарушений в области БДД техническими средствами фото- и видеофиксации имеет своей целью превентивную и профилактическую деятельность, т. е. использование таких средств направлено не столько на выявление административных правонарушений, сколько на предупреждение совершения новых. Наличие фоторадарного комплекса на пути следования транспортного средства в большинстве случаев вызывает у водителя нежелание нарушать ПДД. Об их превентивной функции также свидетельствует то, что место их размещения находится в открытом доступе для всех граждан на официальном сайте Госавтоинспекции.

Следует отметить, что такие автоматизированные средства устанавливаются с учётом рельефа, плана, поперечного и продольного профилей дороги, а также на основе анализа аварийности на определённых участках дорог, где ДТП произошло из-за нарушения, которое может быть выявлено при помощи подобных средств. Использование таких комплексов также учитывается при расстановке сил и средств дорожно-патрульной службы.

Рассмотрим подробнее достоинства и недостатки технических средств фото- и видеофиксации, работающих в автоматическом режиме. Так, они способны фиксировать каждое нарушение, которое произошло на участке автомобильной дороги. В свою очередь, инспектор ДПС чисто физически этого сделать не может, поскольку часть своего служебного времени он затрачивает на совершение процессуальных

действий, в ходе выполнения которых у него отсутствует реальная возможность осуществлять надзор за дорожным движением. Отсюда мы можем сделать вывод, что при применении таких средств количество латентных административных правонарушений снижается и реализуется принцип неотвратимости наказания. Однако современная тенденция в виде стремления к максимизации фиксируемых нарушений и взимаемых за них штрафов препятствует реализации профилактического потенциала [4, с. 136].

Кроме того, уклонение от ответственности нарушителей Правил дорожного движения не только не обеспечивает реализацию принципа неотвратимости наказания, но и является причиной совершения повторных правонарушений в области БДД, зачастую более опасных с точки зрения наступивших последствий [5, с. 160]. Так, автоматизированные комплексы способны фиксировать лишь определённые виды административных правонарушений. Тем самым большое количество других составов остаётся вне поля их зрения. С каждым годом происходит постоянный процесс модернизации и усовершенствования данных комплексов, что позволяет им фиксировать новые составы административных правонарушений. В частности, одной из новелл в данном направлении является появление автоматизированных средств, оснащённых шумомерами и способных фиксировать превышение нормативов уровня шума (езда на автомобиле без глушителя или с громкой музыкой). Такие фоторадары на данный момент установлены в тестовом режиме в г. Москве. Также в Москве в тестовом режиме используются камеры фото- и видеофиксации нарушений водителями транспортных средств, допускающих езду по велосипедным дорожкам и выделенным полосам для движения СИМ.

В пункт 2.7 ПДД РФ планируется внесение поправок, которые предусматривают запрет на любые действия, отвлекающие внимание и занимающие руки водителя. Это коснётся не только телефонов, но и еды, напитков и курения. В этой связи планируется создание технических средств, способных в автоматизированном режиме фиксировать данные нарушения. Эти поправки направлены на повышение безопасности на дорогах, т. к. отвлечение внимания водителя от управления транспортным средством может привести к серьёзным авариям.

Широкое использование фоторадаров исключает конфликтные ситуации, которые могут возникнуть между участником дорожного движения и сотрудником ДПС. В ходе непосредственного контакта правонарушитель, как показывает практика, часто пытается опровергнуть факт нарушения ПДД, создаёт провокационные ситуации и обвиняет инспектора в его некомпетентности. В случае фиксации административного правонарушения техническими средствами фото- и видеофиксации, работающих в автоматическом режиме, такой контакт исключён.

Таким образом, специальные технические средства, работающие в автоматическом режиме и имеющие функции фото- и видеосъёмки, помогают сотрудникам Госавтоинспекции осуществлять свою деятельность по выполнению возложенной на неё задачи – обеспечение БДД. Однако только активное использование и совершенствование данных технических средств сотрудниками Госавтоинспекции приведут к достижению положительных тенденций по уменьшению количества административных правонарушений в области дорожного движения и снижению последствий от них, а также широкое и профессиональное использование сетевых ресурсов позволит увеличить эффективность реализуемых сегодня мер в достижении цели по изменению поведения участников дорожного движения, способствующих безусловному соблюдению норм и правил дорожного движения [6, с. 101]. В настоящее время приборы активно используются и широко применяются во всех субъектах РФ, позволяя не только выявлять нарушения ПДД в реальном времени, но и формировать объективную доказательную базу.

В условиях постоянного процесса урбанизации перед обществом возникает необходимость в изменении приоритетов развития транспортной инфраструктуры крупных промышленных городов. Интенсивный рост автопарка приводит к высокой загруженности автомобильных дорог. Регулируемые перекрёстки в крупных городах являются источниками постоянных задержек в движении транспортных средств. Особенно это проявляется в пиковые часы, когда на таких пересечениях образуются пробки, которые сопровождаются потерями времени, а также частыми аварийными ситуациями. Это оказывает негативное влияние не только на состояние БДД, но и на экономику и экологическую безопасность нашей страны. Данная проблема с каждым годом становится всё более очевидной и актуальной.

В. В. Терентьев предлагает несколько способов для выхода из данной ситуации:

1) реконструкция и перепланировка улично-дорожной сети крупных городов;

2) введение запрета на движение через особо загруженные участки городов для определённых категорий автомобильного транспорта;

3) оптимизация существующей системы управления дорожным движением [7, с. 119].

Видится, что первый способ требует много финансовых затрат, а строительные работы займут много времени, что негативно скажется на дорожно-транспортной ситуации.

Второй способ в какой-то степени решает вышеобозначенную проблему, поскольку помогает разгрузить некоторые участки улично-дорожной сети, однако полностью её не решает, т. к. появляется риск создания заторов в других районах.

Оптимизация существующей системы управления дорожным движением позволит наиболее результативно решить указанную проблему. Для эффективной регуляции транспортных потоков в последние годы в нашей стране активно внедряется интеллектуальная транспортная система. Её применение позволяет снизить загруженность автомобильных дорог и увеличить их пропускную способность.

ИТС – представляют собой совокупность технологий и решений, направленных на автоматизацию управления дорожным движением, повышение безопасности, эффективности и экологичности транспортной инфраструктуры. Их внедрение связано с развитием цифровизации в России и задачами, поставленными в рамках национального проекта «Безопасные качественные дороги».

Согласно Федерального закона от 30.11.2024 № 419-ФЗ «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» регионам РФ была выделена определённая сумма денежных средств на внедрение ИТС в городских агломерациях, которые включают города с населением более 300 тысяч[1]. Так, например, в целях внедрения ИТС для Орловской области на 2025 год было выделено 22 990,7 тысячи рублей, на 2026 год – 73 909,1 тысячи рублей, на 2027 год – 74 285, 6 тысячи рублей. Помимо Орловской области, субсидии на развитие ИТС выделяются ещё 56 субъектам нашей страны. Отсюда мы можем сделать вывод, что в настоящее время государство заинтересовано в активном развитии ИТС на всей территории страны.

ИТС состоит из взаимосвязанных компонентов, каждый из которых позволяет осуществлять различные функции, такие как сбор информации, управление транспортными потоками и информирование участников дорожного движения. Комплексно система ИТС делится на подсисистемы, в каждой из которых есть возможность выбора различного оборудования для решения определённых задач. Только при условии осна-

[1] О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 30 ноября 2024 г. № 419-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

щения всей ИТС необходимым оборудованием можно добиться должного результата в вопросах улучшения ситуации на дорогах.

Важным звеном ИТС, без которого она не может функционировать, является наличие Единого центра управления. В этот центр в онлайн-режиме поступает вся информация. Так, например, с 2011 года в Москве был создан Ситуационный центр, обеспечивающий оперативное управление транспортными потоками и реагирование на нештатные ситуации.

Камеры видеонаблюдения выступают «глазами» ИТС, и в настоящее время они объединены в подсистему «Безопасный город». Камеры обеспечивают круглосуточный мониторинг и запись всех событий на автомобильных дорогах. Также для сбора данных об интенсивности и скорости движения используются различные детекторы, позволяющие успешно и оперативно реагировать на изменения дорожной обстановки и принимать обоснованные управленческие решения. Данные приборы фиксируют факт прохождения ТС на определённом участке улично-дорожной сети. Существует несколько типов детекторов, различающихся по принципу их действия: контактные, электромагнитные и детекторы излучения. Данные детекторы также являются компонентом «умного светофора», который представляет собой один из элементов ИТС.

Выделяют два типа режима работы таких светофоров: это локальный и координированный. Рассмотрим их более подробно.

Локальный тип светофора запрограммирован на несколько режимов, ориентированных на утренний и вечерний часы пик, а также период низкой интенсивности движения днём или ночью. Например, утром продолжительность зелёного сигнала увеличивается в направлении въезда в город, а вечером – в направлении выезда. В промежуточное время интервалы сигналов регулируются с учётом минимального трафика движения. Преимуществами использования данного светофора является простота внедрения и стабильность работы в условиях предсказуемой загруженности. Однако локальные светофоры не реагируют на текущие изменения дорожной ситуации, что может вызывать задержки при внезапных изменениях потока.

Координированный предполагает координацию работы нескольких светофоров, сосредоточенных на одном участке улично-дорожной сети. Светофоры работают синхронно, создавая так называемую «зелёную волну» – последовательное включение зелёного сигнала, позволяющее ТС двигаться без остановок по всей длине координированного участка. Такой режим часто используется на магистралях, «вылетных» дорогах и главных улицах городов.

Также стоит отметить ещё один элемент ИТС – информационное табло, которые предназначены для оперативного информирования участников дорожного движения о текущей ситуации на дорогах, предстоящих изменениях или угрозах. На данных табло может отражаться информация о загруженности автомобильных дорог и наличие пробок, рекомендованные маршруты объезда, а также данные о погодных условиях и информация о ДТП или дорожных работах на маршруте.

Электронные средства оплаты проезда являются важным компонентом ИТС. Они обеспечивают автоматизации процесса оплаты, что позволяет оптимизировать транспортные потоки путём сокращения времени на оплату проезда или парковки. Для производства безостановочной оплаты на платных дорогах используются транспондеры. Под ними следует понимать приёмно-передающие устройства, устанавливаемые на лобовое стекло автомобиля, которые позволяют автоматически оплачивать проезд на платных участках дорог без необходимости полной остановки. Принцип работы транспондера заключается в следующем. При проезде через пункт взимания платы транспондер обменивается данными с приёмным оборудованием, которое установлено на лобовом стекле автомобиля. В процессе этого обмена происходит списание соответствующей суммы с привязанного счета. Это, в свою очередь, позволяет уменьшить заторы,

повысить пропускную способность дорог, снизить количество остановок и манёвров, связанных с оплатой, снизить риск ДТП.

В настоящее время система ГЛОНАСС (Глобальная навигационная спутниковая система) всё активнее внедряется в сферу регулирования вопросов обеспечения БДД. С 1 сентября 2021 года в соответствии с федеральными нормами перевозчики пассажиров и опасных грузов обязаны оснащать свои транспортные средства спутниковой навигационной аппаратурой. Эти устройства в режиме реального времени передают данные о движении через систему «ЭРА-ГЛОНАСС» в Ространснадзор. АО «ГЛОНАСС» обеспечивает ретрансляцию информации в региональные и муниципальные информационные системы, а также в базы данных транспортных компаний. Кроме того, данные интегрируются в популярные приложения, такие как «Яндекс.Карты» и «2ГИС», предоставляя пользователям точную информацию о движении транспорта. Это позволяет миллионам пассажиров с лёгкостью планировать свои поездки, видеть прогноз времени прибытия общественного транспорта на остановки и делать процесс передвижения более комфортным и удобным [8].

Также с каждым годом данной системой оборудуют всё больше и больше легковых автомобилей, предназначенных для личного пользования граждан. По данным на 1 января 2026 года к системе «ЭРА-ГЛОНАСС» подключено 12 миллионов автомобилей [9]. Основной принцип её работы заключается в том, что устройства для вызова экстренных служб, известные среди водителей как кнопки SOS, встроены в автомобиль и активируются при аварии. Система, используя российскую спутниковую навигацию ГЛОНАСС, мгновенно определяет точное местоположение транспортного средства. Полученные координаты передаются в региональные центры системы «112» в среднем за 19 секунд.

Согласно постановлению Правительства РФ № 1378 от 28.08.2023 с 1 января 2025 года вся лесозаготовительная, лесопожарная техника, а также ТС, используемые для перевозки древесины, должны быть оборудованы аппаратурой спутниковой навигации ГЛОНАСС[1]. Это нововведение направлено не только на повышение БДД, но и на усиление контроля за перемещением лесной техники, предотвращение незаконных вырубок и оперативное реагирование на лесные пожары. Данные о местоположении техники передаются в Федеральную государственную информационную систему лесного комплекса (ФГИС ЛК) через систему «ЭРА-ГЛОНАСС». В свою очередь данное нововведение, несомненно, оказывает влияние на деятельность сотрудников Госавтоинспекции, поскольку они могут являться субъектами, выявившими данное правонарушение.

Следует отметить, что большую популярность в последнее время набирают такие средства индивидуальной мобильности (далее – СИМ), как электросамокаты. Количество ДТП с их участием значительно возрастает. Сейчас решается вопрос о подключении данных транспортных средств к системе «ЭРА-ГЛОНАСС». Это позволит не только отслеживать их геолокацию, но и автоматически снижать скорость. Предполагается разделение территории города на несколько зон с максимальными скоростными ограничениями: 10 км/ч, 15 км/ч или 20 км/ч и 25 км/ч. И при въезде на определённые участки электросамокаты будут автоматически снижать скорость, обеспечивая соблюдение установленных правил, безопасность пешеходов и всех участников дорожного движения.

Согласно данным Европейской ассоциации ИТС (ERTICO) такие системы позволяют увеличить пропускную способность улично-дорожной сети на 20 % без необходимости строительства новых сооружений, а также значительно сократить число ДТП и выбросы углекислого газа [10]. Отсюда мы можем сделать вывод, что процесс успеш-

[1] Об утверждении Правил ведения государственного лесного реестра [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Рос. Федерации от 25 августв 2023 г. № 1378. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ного внедрения и развития ИТС повсеместно окажет благоприятное влияние на деятельность сотрудников Госавтоинспекции, снизив нагрузку, которая возложена на них.

Примером успешного внедрения ИТС является Москва. В настоящее время в Москве работает более 50 тыс. светофоров, свыше 3,8 тыс. камер, более 3,9 тыс. датчиков, электронные табло и другое оборудование. В 2022 году начали устанавливать современные камеры видеоаналитики на МКАД и ключевых магистралях, которые могут фиксировать 13 типов инцидентов (остановка машины в полосе движения, задымление и пр.) [11].

Автоматизация, аналитика и современные технологии помогают предотвратить аварии, повысить дисциплину участников дорожного движения и минимизировать последствия ДТП. Внедрение и развитие ИТС – необходимое условие для создания безопасной и эффективной транспортной системы России.

В условиях стремительного развития технологий и бурного роста количества ТС перед Госавтоинспекцией встают новые вызовы, требующие инновационных подходов для решения вопросов, касающихся БДД. Одним из таких подходов является появление бортового аппаратно-программного комплекса «Кибер-шериф». Устройство устанавливается на крышу патрульных автомобилей и интегрируется в сигнальную балку, оснащённую камерами с круговым обзором.

«Кибер-шериф» обрабатывает данные с использованием алгоритмов искусственного интеллекта, выявляя нарушения и сравнивая государственные регистрационные знаки с базами данных разыскиваемых ТС. В случае фиксации нарушения или обнаружения автомобиля из розыска система автоматически уведомляет звуковым сигналом инспектора, передаёт данные ему на планшет и на сервер в центр обработки данных по зашифрованным проводным или беспроводным каналам связи. Также «Кибер-шериф» полностью совместим с ПО МВД «ПАУТИНА» [12]. На данный момент планируется расширение географии использования «Кибер-шерифа» по всей территории России, особенно в крупных городах с высоким уровнем трафика. Это является значимым инструментом для повышения безопасности дорожного движения и эффективности работы Госавтоинспекции. Его внедрение способствует улучшению дисциплины водителей, снижению аварийности и ускорению процесса выявления нарушений, что делает его одним из важнейших элементов современной транспортной инфраструктуры России.

Постоянная модернизация специальных технических средств, работающих в автоматическом режиме и имеющих функции фото- и видеосъёмки, распространение «Кибер-шерифа» повышают эффективность работы Госавтоинспекции, способствуют улучшению дисциплины водителей, ускорению процесса выявления нарушений ПДД. Таким образом, применение технических средств и других современных технологий может существенно повлиять на эффективность административного принуждения, применяемого Госавтоинспекцией [13, с. 56].

Следует отметить, что использование таких инноваций, как «безопасный город», «умный светофор», информационные табло, электронные средства оплаты проезда, способствует уменьшению заторов, повышению пропускной способности дорог, снижению аварийности. Камеры и специалисты умеют уже распознавать непристёгнутые ремни, номера машин, отслеживать неправомерное поведение водителей на пешеходных переходах, телефон – всё это работа платы внутри корпуса, нейросети в процессоре (искусственного интеллекта) [14, с. 41]. Навигационная технология «ЭРА-ГЛОНАСС» позволяет экстренным службам оперативно реагировать на различные инциденты на дорогах. Тем не менее для успешного применения этих технологий требуется решение ряда задач: совершенствование законодательной базы, модернизация транспортной инфраструктуры, повышение уровня профессиональной подготовки сотрудников и информированности граждан. Особую важность представляет разработка унифицированных

стандартов для эффективной интеграции новых систем в дорожную сеть. Ужесточение карательной политики должно оказать влияние на правосознание участников дорожного движения. Увеличение штрафов за административные правонарушения в области БДД, на наш взгляд, сведёт к минимуму количество умышленных нарушений ПДД.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что современное развитие технологий открывает уникальные возможности для повышения БДД. Внедрение этих инноваций не только оказывает влияние на деятельность сотрудников Госавтоинспекции, но и формирует основу для устойчивого снижения уровня аварийности на дорогах России.

---

1. Набока А. А., Турская Е. Р. Актуальные проблемы деятельности подразделений Госавтоинспекции по обеспечению безопасности дорожного движения в современных условиях // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 202–208.
2. Афонина Е. Г. Полномочия как элемент компетенции органов внутренних дел в области предупреждения детского дорожно-транспортного травматизма // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 1(98). С. 34–41.
3. Клименко А. Б., Низаметдинов А. М. Проблемы нормативно-правового регулирования административно-юрисдикционной деятельности подразделений ГИБДД МВД России при производстве по делам об административных правонарушениях, зафиксированных работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъёмки, видеозаписи // Система обеспечения безопасности дорожного движения: проблемы и пути совершенствования: материалы международной научно-практической конференции. Орел: Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2018. С 100-106.
4. Смолин П. В. Профилактика нарушений правил дорожного движения, фиксируемых в автоматическом режиме: к вопросу о повышении эффективности // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 135–141.
5. Шапошников В. Л. Технические средства автоматической фиксации правонарушений в области безопасности дорожного движения в механизме реализации принципа неотвратимости наказания // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 159–165.
6. Ахтанина Н. А., Трофимов В. Е., Особенности реализации института административной ответственности за совершение систематических правонарушений в области дорожного движения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 94–102.
7. Терентьев В.В. Внедрение интеллектуальных систем на автомобильном транспорте // Надежность и качество сложных систем. 2018. № 1(21). С. 117–122.
8. Составлен рейтинг регионов России по подключению общественного транспорта к госинформсистеме «ЭРА-ГЛОНАСС» [Электронный ресурс]: https://gov.cnews.ru/news/line/_sostavlen_rejting_regionov (дата обращения: 27.01.2026)
9. К системе «ЭРА-ГЛОНАСС» подключили 12 миллионов автомобилей [Электронный ресурс]: https://www.ixbt.com/news/2025/01/29/k-sisteme-jeraglonass-podkljuchili-12-millionov-avtomobilej.html (дата обращения: 27.01.2026)
10. Что такое интеллектуальные транспортные системы? [Электронный ресурс]: https://www.euromobile.ru/novosti/chto_takoe_intellektualnye_transportnye_sistemy_v_2021_godu/ (дата обращения: 27.01.2026)

11. Интеллектуальные транспортные системы [Электронный ресурс]. URL:https://www.secuteck.ru/articles/intellektualnaya-transportnaya-sistema-moskvy (дата обращения: 27.01.2026)
12. «Кибер-шериф» [Электронный ресурс]. URL:https://www.arsenal67.ru/produkty/mobilnye-kompleksy/kiber-sherif/ (дата обращения: 27.01.2026)
13. Головко В. В. Новое законодательство о технических средствах, применяемых для привлечения к административной ответственности в области дорожного движения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 1(98). С. 51-56.
14. Афонин В. В. Проблемы и перспективы внедрения интеллектуальных систем в сферу обеспечения безопасности дорожного движения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 1(94). С. 40-49.

1. Naboka A. A., Turskaya E. R. Aktual`ny`e problemy` deyatel`nosti podrazdelenij Gosavtoinspekcii po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v sovremenny`x usloviyax // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2025. № 4(105). S. 202–208.
2. Afonina E. G. Polnomochiya kak e`lement kompetencii organov vnutrennix del v oblasti preduprezhdeniya detskogo dorozhno-transportnogo travmatizma // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2024. № 1(98). S. 34–41.
3. Klimenko A.B., Nizametdinov A.M. Problemy` normativno-pravovogo regulirovaniya administrativno-yurisdikcionnoj deyatel`nosti podrazdelenij GIBDD MVD Rossii pri proizvodstve po delam ob administrativny`x pravonarusheniyax, zafiksirovanny`x rabotayushhimi v avtomaticheskom rezhime special`ny`mi texnicheskimi sredstvami, imeyushhimi funkcii foto- i kinos``emki, videozapisi, ili sredstvami foto- i kinos``yomki, videozapisi // Sistema obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: problemy` i puti sovershenstvovaniya: materialy` mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Orel: Orlovskij yuridicheskij institut MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova, 2018. S 100-106.
4. Smolin P. V. Profilaktika narushenij pravil dorozhnogo dvizheniya, fiksiruemy`x v avtomaticheskom rezhime: k voprosu o povy`shenii e`ffektivnosti // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2025. № 2(103). S. 135–141.
5. Shaposhnikov V. L. Texnicheskie sredstva avtomaticheskoj fiksacii pravonarushenij v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v mexanizme realizacii principa neotvratimosti nakazaniya // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2025. № 2(103). S. 159–165.
6. Axtanina N. A., Trofimov V. E., Osobennosti realizacii instituta administrativnoj otvetstvennosti za sovershenie sistematicheskix pravonarushenij v oblasti dorozhnogo dvizheniya // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2025. № 4(105). S. 94–102.
7. Terent`ev V.V. Vnedrenie intellektual`ny`x sistem na avtomobil`nom transporte // Nadezhnost` i kachestvo slozhny`x sistem. 2018. № 1(21). S. 117–122.
8. Sostavlen rejting regionov Rossii po podklyucheniyu obshhestvennogo transporta k gosinformsisteme «E`RA-GLONASS» [E`lektronny`j resurs]. URL:https://gov.cnews.ru/news/line/_sostavlen_rejting_regionov (data obrashheniya: 27.01.2026)

9. K sisteme «E`RA-GLONASS» podklyuchili 12 millionov avtomobilej [E`lektronny`j resurs]. URL:https://www.ixbt.com/news/2025/01/29/k-sisteme-jeraglonass-podkljuchili-12-millionov-avtomobilej.html (data obrashheniya: 27.01.2026)
10. Chto takoe intellektual`ny`e transportny`e sistemy`? [E`lektronny`j resurs]. URL:https://www.euromobile.ru/novosti/chto_takoe_intellektualnye_transportnye_sistemy_v_2021_godu/ (data obrashheniya: 27.01.2026)
11. Intellektual`ny`e transportny`e sistemy` [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.secuteck.ru/articles/intellektualnaya-transportnaya-sistema-moskvy (data obrashheniya: 27.01.2026)
12. «Kiber-sherif» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.arsenal67.ru/produkty/mobilnye-kompleksy/kiber-sherif/ (data obrashheniya: 27.01.2026)
13. Golovko V. V. Novoe zakonodatel`stvo o texnicheskix sredstvax, primenyaemy`x dlya privlecheniya k administrativnoj otvetstvennosti v oblasti dorozhnogo dvizheniya // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2024. № 1(98). S. 51-56.
14. Afonin V. V. Problemy` i perspektivy` vnedreniya intellektual`ny`x sistem v sferu obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2023. № 1(94). S. 40-49.

Информация об авторе

Вадим Вячеславович Афонин. Доцент кафедры организации деятельности Госавтоинспекции, кандидат юридических наук, доцент.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Vadim V. Afonin. Associate Professor of the Department of Traffic Police Activity Organization, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 02.02.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.
The article was received in the editorial office on 02.02.2026; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
№ 1(106) 2026 г.
Научная статья
УДК 347.1

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Базарнова Анна Александровна[1], Лаптев Виктор Иванович[2]
[1,2]Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, Брянск, Россия

[1]bazarnova.anna1@yandex.ru
[2]Viktor.Laptev32@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время в органах внутренних дел уже применяются технологии искусственного интеллекта для интеллектуального анализа данных, распознавания образов и речи, биометрической идентификации и тому подобное. К новым направлениям относятся информационные системы выявления признаков серийных преступлений и определения индивидуальных анатомических признаков человека на основе анализа биологического материала, а также системы выявления подделок видеоизображений и прогнозирования оперативной обстановки.

Ключевые слова: правовое регулирование, искусственный интеллект, биометрическая идентификация, нейросети, распознавание образов.

Для цитирования: Базарнова А. А., Лаптев В. И. Правовое регулирование искусственного интеллекта в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 73–80.

LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE ACTIVITIES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Anna Al. Bazarnova[1], Viktor Iv. Laptev[2]
[1,2]Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Bryansk, Russia

[1]bazarnova.anna1@yandex.ru
[2]Viktor.Laptev32@yandex.ru

Annotation. Currently, the internal affairs bodies are already using artificial intelligence technologies for intelligent data analysis, pattern and speech recognition, biometric identification, and so on. New areas include information systems for identifying signs of serial crimes and determining individual anatomical features of a person based on the analysis of biological material, as well as systems for identifying fake video images and predicting the operational situation.

Keywords: legal regulation, artificial intelligence, biometric identification, neural networks, pattern recognition.

For citation: Bazarnova A. A., Laptev V. I. Legal regulation of artificial intelligence in the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2026. № 1(106). P. 73–80.

В настоящее время происходит активное внедрение технологий искусственного интеллекта в деятельность органов внутренних дел Российской Федерации. Целью применения таких технологий является повышение эффективности, оперативности и качества выполнения служебных задач, а также адаптация органов внутренних дел к современным условиям. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (далее – Национальная стратегия). В ней закреплено понятие искусственного интеллекта, под которым понимается комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их[1]. Национальная стратегия определяет основные цели и задачи развития искусственного интеллекта в Российской Федерации.

Внедрение технологий искусственного интеллекта в оперативно-служебную деятельность органов внутренних дел РФ повлекло принятие ведомственных нормативных правовых актов. В 2020 году была утверждена Концепция научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации на период до 2030 года, в которой среди основных проблем в научном обеспечении отмечалась недостаточная адаптация МВД России к современным условиям, ограниченность кадровых и материально-технических ресурсов для проведения новых научных исследований на базе современных информационных технологий, применение методов математического моделирования и прогнозирования социальных процессов, а также анализа больших объёмов информации и технологий искусственного интеллекта.

Положения Национальной стратегии нашли своё отражение в Ведомственной программе цифровой трансформации МВД России на 2022–2024 годы (далее – Ведомственная программа). Задача программы заключалась в совершенствовании деятельности органов внутренних дел в вопросах применения технологий искусственного интеллекта. Результатом реализации программы в области технологий искусственного интеллекта являлось проведение следующих опытно-конструкторских разработок: «создание информационной системы выявление признаков серийности (сходства) определённых категорий преступлений» и «создание информационной системы определения индивидуальных фенотипических признаков человека на основе анализа биологического материала, изъятого с мест совершения преступлений»[2].

Технологии искусственного интеллекта согласно Ведомственной программе должны включать:

– компьютерное зрение;

– обработку естественного языка;

– распознавание и синтез речи;

– интеллектуальную поддержку принятия решений;

– создание дата-сетов (то есть набора данных, прошедших предварительную обработку и необходимых для искусственного интеллекта).

В отношении информационной системы по выявлению признаков серийности преступлений необходимо отметить, что понятие серийности отсутствует в российском законодательстве. Обычно под серийными понимают преступления, имеющие три и более эпизодов, совершённые одним субъектом по неочевидным мотивам в отношении ранее не знакомого ему объекта, при этом время между эпизодами преступных де-

[1] О развитии искусственного интеллекта в Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 10 октября 2019 г. № 490. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2022-2024 годы [Электронный ресурс]: распоряжение МВД России от 11 января 2022 г. № 1/37. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

яний составляет интервал, в течение которого произошло эмоциональное охлаждение субъекта. При этом перечень показателей для определения схожести преступлений будет разным для каждого вида преступлений (кражи, грабежи, разбойные нападения и т. д.). Дата-сеты должны содержать максимально возможный перечень значимых признаков, объединённых в группы по определённым характеристикам, а также источники, из которых может быть получена та или иная группа признаков [1, с. 46].

В направлении реализации проекта по применению искусственного интеллекта при определении индивидуальных анатомических признаков человека на основе анализа биологического материала необходимо отметить, что данное направление вызывает интерес у многих исследователей. Уже сейчас существуют методики, которые позволяют установить африканское, восточноазиатское или европейское происхождение человека. Задачей исследований в данной области является выявление генетических маркеров, которые связаны с фенотипическими признаками человека, формирование датасетов для обучения моделей искусственного интеллекта, объединение наборов маркеров в модель генетической архитектуры признака с помощью алгоритмов машинного обучения. В результате проведённой работы на основе биологического материала, изъятого с места происшествия, можно будет получить прогноз индивидуальных фенотипических признаков неизвестного лица [1, с. 48].

В 2023 году была утверждена Ведомственная программа цифровой трансформации МВД России на 2023–2025 годы[1]. В 2025 году запланировано выделение денежных средств на разработку двух систем на базе искусственного интеллекта: «Клон» и «Конъюнктура». Система «Клон» будет служить для выявления подделок видеоизображений, а «Конъюнктура» – прогнозировать негативные события и чрезвычайные ситуации, моделировать алгоритмы реагирования на них[2].

Принятие решений на основе прогноза оперативной обстановки с использованием информации, находящейся в информационных системах МВД России, является одним из направлений использования искусственного интеллекта в деятельности ОВД, о чём говорит пункт 12 приказа МВД России от 07.06.2025 № 356 «Об утверждении Концепции развития информатизации деятельности по охране общественного порядка в системе МВД России до 2030 года». Также планируется создание Единой цифровой платформы управления силами и средствами (далее – ЕЦП УСИС) полиции на базе подсистемы «Управление силами и средствами» Сервиса обеспечения деятельности дежурных частей ИСОД МВД России с использованием геоаналитической системы. При этом ЕЦП УСИС должна обеспечить возможность автоматического анализа криминогенной обстановки и прогнозирования рисков в том числе на основе искусственного интеллекта[3].

Многие исследователи негативно отзываются об использования нейросетей для прогнозирования правонарушений. Как отмечает С. Б. Куликов, нейросети основываются на прошлом опыте и не могут учитывать все обстоятельства реальной действительности. Кроме того, программы, написанные человеком, могут нести в себе эмоциональную составляющую. Разработчик может использовать субъективное отношение к контенту для обучения нейросети, которая будет в дальнейшем выдавать необъективный результат [2].

---

[1] Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2023-2025 годы [Электронный ресурс]: распоряжение МВД России от 25 января 2023 г. № 1/649. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] МВД воспользуется искусственным интеллектом для поиска злоумышленников (11 января 2024) [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.ru/news/250849/ (дата обращения: 13.10.2025).

[3] Об утверждении Концепции развития информатизации деятельности по охране общественного порядка в системе МВД России до 2030 года [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 7 июня 2025 г. № 356. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

И. А. Кубасов отмечает отсутствие правового статуса принимаемых на основе технологий искусственного интеллекта решений, их невысокую надёжность и невозможность полного их обоснования, а также невозможность полностью защитить персональные данные [3].

В. В. Белозерцева акцентирует внимание на том, что искусственный интеллект способен самостоятельно принимать решения и их реализовывать. В этой связи возникает вопрос об ответственности за решения, принимаемые искусственным интеллектом, так как он выражает вполне автономную волю. Искусственный интеллект не обладает эмоциями, безразличен к ответственности и, как следствие, не предотвратит повторную подобную деятельность [5]. Некоторые авторы, такие как А. В. Габов, предполагают, что за деятельность искусственного интеллекта будет нести ответственность его создатель (актор) по типу учредителя (участника) юридического лица [4, с. 100]. Недостатком данной точки зрения является то, что ИИ обладает способностью выражать свою волю автономно от своего создателя (актора), который в связи с этим сможет уйти от ответственности [5, с. 82].

По мнению некоторых авторов, наиболее перспективной является точка зрения, согласно которой искусственный интеллект ближе всего к программам для ЭВМ ст. 1261 ГК РФ. Как отмечает В. В. Шпаковская, искусственный интеллект вполне соответствует признакам объекта авторских прав, носит творческий характер, является оригинальным, не носит материального характера и выражен в форме, допустимой законом [6, с. 50]. И. А. Кубасов, помимо прогнозирования и принятия решений к технологиям искусственного интеллекта, используемых в ОВД, относит технологии машинного обучения, интеллектуального анализа больших данных, технологии распознавания образов [3].

Помимо вышеназванных направлений, Н. В. Павличенко называет также такие основные направления для внедрения технологий искусственного интеллекта в деятельность ОВД, как распознавание и синтез речи, осуществление учёта и регистрации преступлений и правонарушений, обработка инцидентов информационной безопасности, управление роботами и робототехническими комплексами [7, с. 15].

Сфера охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности в ОВД является одной из наиболее важных и сложных.

П. Н. Кобец отмечает, что в правоохранительной деятельности одной из первостепенных задач является использование искусственного интеллекта для анализа больших объёмов информации [9].

Важность данного направления подтверждается тем, что в текущем году была принята Концепция развития информатизации деятельности по охране общественного порядка в системе МВД России до 2030 года (далее – Концепция)[1], в которой немаловажное значение имеют вопросы применения технологий искусственного интеллекта.

Сотрудники подразделений по охране общественного порядка активно используют носимые видеорегистраторы, запись на которые осуществляется непрерывно 12 часов в течение смены. При осуществлении контроля за выполнением сотрудниками служебных обязанностей возникает необходимость просмотра всех видеозаписей, для чего приходится тратить те же 12 часов. Внедрение технологий искусственного интеллекта позволит осуществлять автоматизированный анализ видеоданных и сократить время обработки до одного часа. Технологии искусственного интеллекта должны обнаруживать и классифицировать события, фильтровать незначимые фрагменты и формировать отчёты с ключевыми событиями.

[1] Об утверждении Концепции развития информатизации деятельности по охране общественного порядка в системе МВД России до 2030 года [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 7 июня 2025 г. № 356. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Концепция отмечает, что в области внедрения искусственного интеллекта в деятельность подразделений по охране общественного порядка необходимо:

– обеспечить разработку системы видеоаналитики информации, поступающей с персональных носимых устройств видеофиксации и АПК «Безопасный город», которая будет предоставлять возможность выявления типовых контрольных ситуаций на основе алгоритмов искусственного интеллекта;

– организовать разработку и принятие на снабжение органов внутренних дел РФ носимых видеорегистраторов и терминалов зарядки и хранения данных к ним, в том числе включающих функциональные возможности выявления разыскиваемых и поднадзорных лиц с применением технологий распознавания по биометрическим данным, локального анализа видеозаписей посредством технологий искусственного интеллекта на терминальной части.

Технологии искусственного интеллекта уже отчасти применяются в органах внутренних дел для анализа больших объёмов информации. Так, в Новосибирской области в 2025 году впервые успешно прошёл апробацию сервис по розыску пропавших детей с применением средств искусственного интеллекта. Работа сервиса была организована с участием операторов служб «112» и «102» и сотрудников Регионального центра оперативного управления ГУ МВД России по Новосибирской области. При пропаже ребёнка гражданин обращался по номеру 112, затем загружал фотографию ребёнка, которая поступала в защищённый контур аппаратно-программного комплекса «Безопасный город», в системе которого происходил розыск ребёнка с применением средств биометрической видеоаналитики. Таким образом, с помощью биометрической аналитики сотрудникам полиции удалось определить местонахождение шести детей в метрополитене, на железнодорожном вокзале, в торговом центре, где были установлены камеры видеонаблюдения АПК «Безопасный город»[1].

Свою эффективность система распознавания лиц преступников и идентификации их личности, применяемая в столичном регионе, доказала в период пандемии COVID-19. Во время введения особого режима, устанавливающего ограничения на передвижение граждан, сотрудниками органов внутренних дел выявлялись нарушители режима с помощью разработки в области искусственного интеллекта «*FindFace*»[2].

В 2025 году в УМВД России по Мурманской области поступила автоматизированная дактилоскопическая информационная система (АДИС) «Папилон-9», которая оснащена нейросетевым анализом. Новая версия «Папилон-9» позволяет осуществлять поиск в большом массиве данных не только отпечатков пальцев, но и оттисков ладоней, фотоизображений лиц, особых примет и даже радужной оболочки глаз[3].

Помимо положительного эффекта от использования технологий искусственного интеллекта, законодатель отмечает также угрозы, связанные с его внедрением. Так, в Национальной стратегии говорится о наличии угрозы в применении технологий искусственного интеллекта: модели искусственного интеллекта за секунды создают изображения на любую тему по заданному текстовому описанию или наброску, что создаёт угрозу распространения запрещённой информации, нарушения авторских прав и генерации ошибочных сведений. Также признаётся наличие в сфере технологий ис-

[1] Новосибирская область первой в России внедрила сервис по розыску пропавших детей с применением средств искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/66652919 (дата обращения: 13.10.2025).

[2] Московская полиция нашла 200 нарушителей карантина через систему распознавания лиц [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4292367 (дата обращения: 27.11.2025).

[3] В Экспертно-криминалистический центр Управления Министерства внутренних дел Рос. Федерации по Мурманской области поступило новое оборудование [Электронный ресурс]. URL: https://51.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/61583769/ (дата обращения: 13.10.2025).

кусственного интеллекта новых типов угроз информационной безопасности, не характерных для других сфер применения информационных технологий[1].

И. А. Кубасов отмечает, что в настоящее время большое значение приобретают проблемы безопасности искусственного интеллекта. Среди основных таких проблем выделяют использование недостоверных или искажённых данных для обучения алгоритмов искусственного интеллекта, ошибки или деструктивная модификация алгоритмов, необходимость использования проверенных аппаратно-программных средств и создание системы защиты от хакерских атак [3].

В статье В. В. Белозерцевой говорится о том, что, помимо проблем правового регулирования искусственного интеллекта, возникает и проблема морально-этического характера. Автор отмечает, что искусственный интеллект обладает опасными свойствами принимать самостоятельные решения, но, лишённый «эмоционального интеллекта», искусственный интеллект принимает всегда абсолютно рациональное решение. В статье справедливо отмечено, что такое положение дел пугает, так как противоречит человеческой природе [5, с. 81]. А. В. Габов приходит к выводу о том, что бесконтрольное развитие искусственного интеллекта и признание его субъектом права может привести к гибели человечества [4, с. 105].

В связи с этим одной из задач, отмеченных в Национальной стратегии, является необходимость создания комплексной системы нормативно-правового регулирования общественных отношений, связанных с развитием и использованием технологий искусственного интеллекта, обеспечения безопасности применения таких технологий.

И. А. Кубасов предлагает осуществлять регулирование применения искусственного интеллекта в органах внутренних дел путём издания нормативных правовых актов по отдельным направлениям деятельности. Кроме того, автором предлагается вводить ведомственные стандарты, в которых закреплять основные определения в сфере искусственного интеллекта, предусматривать вопросы безопасности его применения и утверждать регламенты его использования [3].

А. И. Иванов говорит о необходимости разработки на федеральном уровне стандартов в области искусственного интеллекта. Автором предложены названия новых национальных стандартов по приложениям биометрической ветви искусственного интеллекта применительно к системе МВД России [8].

Таким образом, перед МВД России стоит сложная задача по внедрению технологий искусственного интеллекта в деятельность органов внутренних дел РФ. Решение данной задачи должно избавить правоохранителей от однообразной и будничной рутины посредством автоматизации деятельности и поддержки в принятии решений и развитии коммуникативной деятельности. При этом справедливым является мнение о том, что использование технологий искусственного интеллекта в нашей стране не позволит полностью заменить сотрудников МВД России, но облегчит их профессиональную деятельность [9].

Развитие системы правового регулирования внедрения искусственного интеллекта в деятельность в ОВД происходит путём утверждения ведомственных программ цифровой трансформации МВД России, которые принимаются в поддержку Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утверждённой указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 и Концепции научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации на период до 2030 года. Внедрение технологий искусственного интеллекта в деятельность органов внутренних дел необходимо для анализа больших объёмов информации, выявления признаков серийности преступлений, определения индивидуальных фенотипических призна-

[1] О развитии искусственного интеллекта в Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 10 октября 2019 г. № 490. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ков человека на основе биологического материала, выявления подделок видеоизображений, прогноза оперативной обстановки и принятия решений, а также других важных задач. Современные условия требуют разработки и внедрения новых информационных технологий в том числе на базе искусственного интеллекта для эффективного осуществления органами внутренних дел Российской Федерации своих полномочий.

1. Кубасов И. А. Теоретическое обеспечение реализации федерального проекта «Искусственный интеллект» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» в сфере внутренних дел» // Искусственный интеллект на службе полиции: сборник статей Международной научно-практической конференции. М.: Академия управления МВД России, 2021. 118 с.
2. Куликов С. Б. Правовые стимулы и ограничения в механизме регулирования искусственного интеллекта в контексте реализации правоохранительной функции государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 7.
3. Кубасов И. А. Проблемные вопросы применения технологий искусственного интеллекта в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Воронежского института МВД России. № 3, 2021.
4. Габов А. В. Правосубъектность: традиционная категория права в современную эпоху // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 2. С. 96-113.
5. Белозерцева В. В. Правовое регулирование искусственного интеллекта // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т.17. № 6. С. 078-086.
6. Шпаковская В. В. Искусственный интеллект в гражданском праве // ИС. Авторские и смежные права. 2023. № 4. С. 48-52.
7. Павличенко Н. В. Правовое и организационное обеспечение внедрения технологий искусственного интеллекта в систему МВД России // Искусственный интеллект на службе полиции: сборник статей Международной научно-практической конференции. М.: Академия управления МВД России, 2021. 118 с.
8. Иванов А. И., Кубасов И. А., Шапкин А. В. О необходимости развития ветви национальных стандартов по нейросетевым приложениям искусственного интеллекта, востребованных МВД России //Вестник МВД России. 2021. №1. С. 127-133.
9. Кобец П. Н. Внедрение технологий, использующих искусственный интеллект, в деятельность МВД России: опыт и проблемы // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. № 4. 2024.

1. Kubasov I. A. Teoreticheskoe obespechenie realizacii federal`nogo proekta «Iskusstvenny`j intellekt» nacional`noj programmy` «Cifrovaya e`konomika Rossijskoj Federacii» v sfere vnutrennix del» // Iskusstvenny`j intellekt na sluzhbe policii: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2021. 118 s.
2. Kulikov S. B. Pravovy`e stimuly` i ogranicheniya v mexanizme regulirovaniya iskusstvennogo intellekta v kontekste realizacii pravooxranitel`noj funkcii gosudarstva // Gosudarstvennaya vlast` i mestnoe samoupravlenie. 2024. №7.
3. Kubasov I. A. Problemny`e voprosy` primeneniya texnologij iskusstvennogo intellekta v deyatel`nosti organov vnutrennix del Rossijskoj Federacii // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. № 3, 2021.
4. Gabov A. V. Pravosub``ektnost`: tradicionnaya kategoriya prava v sovremennuyu e`poxu // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii. 2018. № 2. S. 96-113.
5. Belozerceva V. V. Pravovoe regulirovanie iskusstvennogo intellekta // Probely` v rossijskom zakonodatel`stve. 2024. T.17. № 6. S. 078-086.

6. Shpakovskaya V. V. Iskusstvenny`j intellekt v grazhdanskom prave // IS. Avtorskie i smezhny`e prava. 2023. № 4. S. 48-52.
7. Pavlichenko N. V. Pravovoe i organizacionnoe obespechenie vnedreniya texnologij iskusstvennogo intellekta v sistemu MVD Rossii // Iskusstvenny`j intellekt na sluzhbe policii: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2021. 118 s.
8. Ivanov A. I., Kubasov I. A., Shapkin A. V. O neobxodimosti razvitiya vetvi nacional`ny`x standartov po nejrosetevy`m prilozheniyam iskusstvennogo intellekta, vostrebovanny`x MVD Rossii //Vestnik MVD Rossii. 2021. №1. S. 127-133.
9. Kobecz P. N. Vnedrenie texnologij, ispol`zuyushhix iskusstvenny`j intellekt, v deyatel`nost` MVD Rossii: opy`t i problemy` // Vestnik Vserossijskogo instituta povy`sheniya kvalifikacii sotrudnikov Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii. № 4. 2024.

Информация об авторах

Анна Александровна Базарнова. Старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники, кандидат юридических наук.

Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова

241050, Россия, г. Брянск, пер. Советский, 2а.

Виктор Иванович Лаптев. Преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники.

Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова

241050, Россия, г. Брянск, пер. Советский, 2а.

Information about the authors

Anna Al. Bazarnova. Senior lecturer of the department of operational-search activities and special equipment, Candidate of legal sciences.

Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov

241050, Russia, Bryansk, Sovetsky lane, 2a.

Viktor I. Laptev. Lecturer of the department of operational-search activities and special equipment.

Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov

241050, Russia, Bryansk, Sovetsky lane, 2a.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interest.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
The authors contributed equally to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 13.10.2025; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.
The article was received in the editorial office on 13.10.2025; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
№ 1(106) 2026 г.
Научная статья
УДК 342.9

ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ АДМИНИСТРАТИВНЫЙ НАДЗОР: ПОИСК УТРАЧЕННОГО БАЛАНСА

Барышников Максим Валерьевич[1], Барышникова Юлия Игоревна[2]
[1]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл, Россия
[2]Аппарат Уполномоченного по правам человека в Орловской области, Орёл, Россия

[1]barymax@yandex.ru
[2]barylady@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится анализ института административного надзора за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы. Авторы рассматривают его правовую природу и выявляют ключевые системные проблемы. Особое внимание уделяется коллизиям, связанным с процессуальными сроками установления надзора, трудностям в определении и индивидуализации ограничительных мер, а также вопросам межведомственного взаимодействия. На основе проведённого исследования предлагаются меры по совершенствованию правового регулирования и практики применения административного надзора с целью оптимизации баланса между задачами общественной безопасности и успешной ресоциализации освобождённых лиц.

Ключевые слова: административный надзор, постпенитенциарный контроль, ресоциализация, ограничительные меры, административное судопроизводство, процессуальные сроки, профилактика рецидивной преступности.

Для цитирования: Барышников М. В., Барышникова Ю. И. Постпенитенциарный административный надзор: поиск утраченного баланса // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 81–88.

POSTPENITENTIARY ADMINISTRATIVE SUPERVISION: THE SEARCH FOR A LOST BALANCE

Maxim V. Baryshnikov[1], Julia I. Baryshnikova[2]
[1]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia
[2]Office of the Commissioner for Human Rights in the Orel region, Orel, Russia

[1]barymax@yandex.ru
[2]barylady@yandex.ru

Annotation. The article analyzes the institution of administrative supervision of persons released from prison. The authors consider its legal nature and identify key systemic problems. Particular attention is paid to conflicts related to the procedural deadlines for establishing supervision, difficulties in defining and individualizing restrictive measures, as well as issues of interdepartmental interaction. Based on the conducted research, measures are proposed to improve the legal regulation and practice of applying administrative

supervision in order to optimize the balance between the tasks of public safety and the successful re-socialization of released persons.

Keywords: administrative supervision, postpenitentiary control, resocialization, restrictive measures, administrative proceedings, procedural deadlines, prevention of recurrent crime.

For citation: Baryshnikov M. V., Baryshnikova J. I. Postpenitentiary administrative supervision: the search for a lost balance // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. № 1(106). P. 81–88.

В системе мер постпенитенциарного контроля, обеспечивающих баланс между задачами ресоциализации лиц, отбывших наказание, и необходимостью гарантировать общественную безопасность, особое место занимает институт административного надзора. Введение данного института, по оценке А. Д. Никитина, было продиктовано необходимостью «минимизировать риски совершения новых преступлений со стороны наиболее опасной категории освобождаемых лиц» [1, с. 76], что обусловило его правовую регламентацию посредством принятия Федерального закона от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы» (далее – Закон № 64-ФЗ). Определение данного института, сформулированное в ст. 1 Закона № 64-ФЗ, гласит, что административный надзор представляет собой меру индивидуальной профилактики, осуществляемую в целях предупреждения совершения преступлений и административных правонарушений, а также оказания на поднадзорных лиц индивидуального профилактического воздействия. Круг таких лиц является исчерпывающим и включает совершеннолетних, освобождаемых после отбывания наказания за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, лиц с опасным или особо опасным рецидивом, совершивших новое преступление в период отбывания наказания либо признанных судом злостными нарушителями установленного порядка его отбывания[1] (ст. 3 Закона № 64-ФЗ). Соответственно, законодатель, формулируя цели надзора, одновременно ограничивает его действие строго определённой категорией лиц. Это подчёркивает его избирательный, а не всеобщий характер и связывает его применение с необходимостью нейтрализации повышенной общественной опасности [2, с. 42–43].

Основные задачи административного надзора, заключающиеся в предупреждении совершения преступлений, правонарушений и оказании профилактического воздействия для защиты государственных и общественных интересов, согласуются с целевыми установками смежных отраслей законодательства. Так, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации[2] (далее – КАС РФ) как процессуальный регулятор направлен на укрепление законности в сфере публичных правоотношений. Аналогичную цель исправления осуждённых и предупреждения новых преступлений устанавливает Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации[3]. Тем самым административный надзор выполняет двойственную функцию: с одной стороны, он выступает защитным механизмом для общества, с другой – он призван способствовать окончательной коррекции поведения освобождённого лица.

---

[1] Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Кодекс административного судопроизводства Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Уголовно-исполнительный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Дискуссия об отраслевой принадлежности данного института имеет важное практическое значение, поскольку влияет на определение применимых процедурных норм, принципов и метода правового регулирования. Административный надзор, как подчёркивает Д. Н. Сергеев, исторически рассматривался в науке как «пограничный» институт, относящийся одновременно к сферам уголовно-исполнительного и административного права [3, с. 1714]. Выделение административного надзора в отдельную главу 27 КАС РФ устранило процессуальную неопределённость, поскольку судебная процедура его установления получила тем самым чёткую отраслевую принадлежность.

В теоретическом плане обоснованной представляется позиция, согласно которой административный надзор представляет собой комплексный (межотраслевой) правовой институт, характеризующийся разделением материальных и процессуальных начал правового регулирования [4, с. 179]. Его материально-правовые основания – круг поднадзорных лиц, сроки, перечень ограничений – детерминированы нормами уголовного и уголовно-исполнительного права (ст. 173.1 УИК РФ и др.). В то же время процедурная составляющая, включая порядок обращения в суд, доказывание и обжалование судебного акта, целиком регламентирована нормами административного процессуального права (гл. 27 КАС РФ). Практическая реализация ограничений и непосредственное взаимодействие с поднадзорным, в свою очередь, осуществляются органами исполнительной власти (прежде всего, МВД России и ФСИН России) в рамках административно-властных полномочий. Такой синтез материальных оснований и процессуальной формы позволяет рассматривать административный надзор как институт, возникающий на стыке отраслей, реализующийся в рамках преимущественно административно-правовых отношений [5, с. 20].

Непосредственно в этой правовой плоскости и проявляется одна из наиболее острых проблем правоприменительной практики – коллизия, связанная с соблюдением сроков инициирования производства по установлению надзора. Она возникает на этапе перехода от уголовно-исполнительных предписаний к административной процедуре. Согласно ст. 270 КАС РФ административное исковое заявление должно быть подано в суд не позднее чем за два месяца до истечения срока отбывания лицом назначенного наказания. Однако в отношении лиц, освобождаемых условно-досрочно, применение этой нормы невозможно, поскольку момент «истечения срока отбывания» является юридически неочевидным. Для преодоления данной проблемы Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 9 Постановления от 16.05.2017 № 15[1] сформулировал правоприменительную корректировку, указав, что надзор в этом случае может быть установлен либо после фактического освобождения лица, либо после истечения срока неотбытой части наказания (испытательного срока). Это разъяснение, по сути, вводит альтернативные отправные точки для исчисления процессуального срока, что тем не менее не снимает системных противоречий в правовом регулировании и порождает риски разноречивой практики, особенно в отношении лиц, которым неотбытая часть наказания заменена более мягким видом (ст. 80 УК РФ).

Ключевая проблема заключается в жёсткой конструкции срока, установленной ч. 7 ст. 270 КАС РФ. Несмотря на то что несоблюдение этого срока формально не влечёт возвращения административного искового заявления или отказа в его принятии, императивность данной нормы создаёт у правоприменителей устойчивую установку на

[1] О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации № 15 от 16 мая 2017 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

безусловное соблюдение, что де-факто придаёт ему пресекательный характер. Это вынуждает учреждения ФСИН России, стремясь избежать негативных последствий пропуска срока, нередко прибегать к превентивному обращению в суд за год и более до предполагаемой даты окончания отбывания наказания. Подобные действия, как справедливо констатируют А. М. Бобров и Н. В. Румянцев, «неизбежно приводят к формированию противоречивой судебной практики» [6, с. 177]. Суды оказываются перед выбором между прекращением производства в связи с пропуском срока и возвращением заявления ввиду его явной преждевременности. Подобная процессуальная неопределённость не только нарушает слаженную работу уполномоченных органов, но и создаёт правовую неопределённость. Установление надзора за социально опасным лицом в отведённый законом период становится фактически невозможным, что вступает в прямое противоречие с превентивно-охранительной целью данного правового института.

Отдельную сложность представляет категория лиц, которым неотбытая часть наказания заменена более мягким видом. Для них, как и для условно-досрочно освобождаемых, момент прекращения отбывания наказания лишён чёткой временной привязки. Как справедливо отмечает И. С. Лебешев, администрация исправительного учреждения вынуждена направлять в территориальные органы МВД России материалы и пояснения о причине невозможности своевременного обращения в суд, «что не гарантирует последующего оперативного установления надзора» [7, с. 387]. Таким образом, для лиц, осуждённых за тяжкие и особо тяжкие преступления, такая правовая неопределённость создаёт риски, подрывающие превентивный потенциал института и угрожающие общественной безопасности

Помимо процессуальных, существуют содержательные проблемы, возникающие при определении и применении конкретных ограничительных мер к поднадзорному лицу. Нормативная конструкция здесь внутренне противоречива: ст. 4 Закона № 64-ФЗ устанавливает закрытый перечень ограничений, однако одновременно позволяет уполномоченному органу обращаться в суд за их конкретизацией, дополнением или изменением. Это противоречие между жёсткостью перечня и его потенциальной «подвижностью» через суд создаёт основную правоприменительную коллизию. Она усугубляется значительными недостатками в организации практической деятельности, общая эффективность которой напрямую зависит от качества межведомственного взаимодействия и ресурсного обеспечения. Законодатель не устанавливает чётких критериев для выбора конкретных мер из закрытого перечня и определения их параметров. Это приводит к значительной свободе судейского усмотрения, результаты которого зачастую непредсказуемы и слабо мотивированы. Одновременно отсутствие детализированных оснований для ходатайства о конкретизации мер со стороны правоохранительных органов открывает возможности для формального или избыточного подхода.

Особую остроту приобретает конфликт между ограничительными и реабилитационными целями административного надзора. А. И. Абатуров и Н. И. Нарышкина обращают внимание на то, что «некоторые меры, применяемые автоматически, могут вступать в прямое противоречие с целями ресоциализации» [8, с. 13]. Например, недифференцированный запрет на посещение культурно-массовых и спортивных мероприятий лишает освобождённого одного из важнейших каналов нормативной социализации. Аналогичным образом, чрезмерно жёсткие ограничения в передвижении могут создавать непреодолимые барьеры для трудоустройства и поддержания социально значимых связей. В результате механизм индивидуализации ограничений, заложенный в законе, на практике зачастую не реализуется в полной мере. Он трансформируется либо в формальное «типовое» назначение мер, либо в излишне жёсткий и необоснован-

ный контроль, который не только не способствует исправлению, но и может провоцировать социальную отчуждённость. Наконец, сохраняющийся дефицит эффективной межведомственной координации приводит к несвоевременной постановке на учёт, утрате значимых данных и, как следствие, к снижению качества профилактического контроля. Процедура передачи материалов и информации о поднадзорных лицах из ФСИН России в территориальные органы МВД России, ответственные за непосредственный надзор, зачастую носит фрагментарный и неоперативный характер. Тем самым постановка на учёт осуществляется несвоевременно, что влечёт утрату значимых данных о личности и поведении освобождённого и, как следствие, снижение качества профилактического контроля.

Выявленная совокупность правовых и организационных дефектов, центральным из которых является противоречивость процессуальных сроков, обусловливает необходимость разработки и реализации сбалансированного комплекса оптимизационных мер. Для трансформации административного надзора из инструмента, зачастую провоцирующего социальную эксклюзию, в эффективный механизм, гармонично сочетающий гарантии общественной безопасности с созданием условий для ресоциализации, предлагается комплекс следующих мер:

1. Устранение процессуальных коллизий путём дифференциации сроков установления надзора. Для преодоления правовой неопределённости, связанной с условно-досрочным освобождением и заменой наказания, необходимо внести изменения в ч. 7 ст. 270 КАС РФ, предусмотрев, что заявление об установлении надзора в отношении лица, освобождаемого по отбытии полного срока, подаётся не ранее чем за шесть и не позднее чем за два месяца до предполагаемой даты освобождения. Для лиц, освобождаемых условно-досрочно или в порядке замены наказания более мягким видом, следует установить специальный срок – в течение одного месяца с момента вступления в силу соответствующего судебного решения.

2. Конкретизация критериев индивидуализации ограничительных мер. Целесообразно дополнить ст. 4 Закона № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы» положением, обязывающим суд при выборе мер учитывать совокупность факторов: характер и тяжесть совершённого преступления; данные о личности, поведении в период отбывания наказания и постпенитенциарном периоде; наличие устойчивых социальных связей, места жительства и работы; результаты психолого-педагогической и социальной диагностики.

3. Технологическая модернизация и цифровизация контрольно-надзорной деятельности. Реализация данного направления предполагает: оснащение поднадзорных лиц, отнесённых к группе повышенного риска GPS/ГЛОНАСС-браслетами или иными трекерами; разработку и внедрение специализированных мобильных приложений для дистанционного взаимодействия и контроля; создание систем биометрической идентификации в местах, посещение которых ограничено. Данные меры позволят осуществить переход от тотального ограничения передвижения к точечному, риск-ориентированному контролю, высвободив значительные кадровые ресурсы правоохранительных органов для индивидуальной профилактической работы.

4. Формирование единой государственной информационной системы постпенитенциарного контроля. Для преодоления ведомственной разобщённости и обеспечения оперативного информационного обмена необходима разработка и внедрение межведомственной цифровой платформы. Данная система должна интегрировать в едином защищённом контуре базы данных ФСИН России, МВД России, судебных органов, службы занятости, органов социальной защиты и здравоохранения. Функционал плат-

формы должен включать: автоматизированный обмен данными о поднадзорных лицах; электронный документооборот; модуль для построения индивидуальных профилей риска и аналитических отчётов; систему автоматических оповещений о нарушениях режима надзора.

5. Внедрение института индивидуальных программ постпенитенциарного сопровождения. Механизм административного надзора должен быть органично дополнен социально-реабилитационным компонентом. В этих целях целесообразно законодательно закрепить обязанность учреждений ФСИН России по разработке предварительного плана ресоциализации для каждого лица, в отношении которого возможно установление надзора ещё до его освобождения. После установления надзора данный план должен быть передан в территориальный орган МВД России и адаптирован с участием центров социальной адаптации, служб психологической помощи и иных профильных организаций. Программа должна предусматривать конкретные меры содействия в трудоустройстве, получении жилья, восстановлении документов, получении медицинской и психологической помощи, тем самым адресуя ключевые причины социальной дезадаптации.

6. Развитие государственно-частного партнёрства и институтов общественного участия. Для расширения арсенала средств ресоциализации необходимо создать стимулы и правовые условия для активного привлечения ресурсов гражданского общества. Это предполагает: законодательное закрепление механизмов взаимодействия органов внутренних дел с социально ориентированными некоммерческими организациями, включая возможность делегирования им отдельных функций по социальному сопровождению; разработку и финансирование государственных грантовых программ для поддержки проектов в сфере постпенитенциарной адаптации; формирование института общественных наставников (кураторов) из числа заслуживающих доверия граждан. Подобное сотрудничество позволит компенсировать дефицит государственных ресурсов и обеспечить поднадзорным лицам неформальную поддержку и положительные социальные связи.

Последовательная реализация предложенного комплекса мер будет способствовать трансформации административного надзора из преимущественно карательно-ограничительного института в современный, технологичный и сбалансированный правовой механизм. Такой механизм должен эффективно сочетать надёжные гарантии общественной безопасности с созданием необходимых условий для окончательного исправления и успешной интеграции в общество лиц, отбывших наказание. Достижение этого баланса соответствует стратегическим целям государственной политики в области исполнения наказаний, международным стандартам в сфере прав человека, а также фундаментальным принципам гуманизма, социальной справедливости и верховенства права, заложенным в Конституции Российской Федерации.

---

1. Никитин А. Д. Первый опыт применения постпенитенциарного административного надзора // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 2(12). С. 75-82.

2. Барышников М. В., Михейкин С. В. Особенности установления административного надзора органами внутренних дел в порядке искового производства // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2020. № 2(54). С. 42-47.

3. Сергеев Д. Н. Правовая природа постпенитенциарного административного надзора // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8(45). С. 1709-1715.

4. Строева О. А. Административный надзор как одно из средств профилактики правонарушений и преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2020. № 3(84). С. 179-184.
5. Барышников М. В. Отдельные аспекты участия участковых уполномоченных полиции в осуществлении административного надзора // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2018. № 4(77). С. 18-21.
6. Бобров А. М., Румянцев Н. В. Некоторые вопросы судебной практики рассмотрения административных дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Вестник Пермского института ФСИН России. 2024. № 4(55). С. 174-181.
7. Лебешев И. С. Профилактика рецидивной преступности: административный надзор // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако : Материалы III Международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Тамбов, 24–25 мая 2019 года / Ответственный редактор В.Ю. Стромов. Том 1. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2019. С. 386-389.
8. Абатуров А. И. Проблемы реализации отдельных норм Федерального закона № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2024. № 4(22). С. 7-16.

1. Nikitin A. D. Pervy`j opy`t primeneniya postpenitenciarnogo administrativnogo nadzora // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2014. № 2(12). S. 75-82.
2. Bary`shnikov M. V., Mixejkin S. V. Osobennosti ustanovleniya administrativnogo nadzora organami vnutrennix del v poryadke iskovogo proizvodstva // Vestnik Vserossijskogo instituta povy`sheniya kvalifikacii sotrudnikov Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii. 2020. № 2(54). S. 42-47.
3. Sergeev D. N. Pravovaya priroda postpenitenciarnogo administrativnogo nadzora // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2014. № 8(45). S. 1709-1715.
4. Stroeva O. A. Administrativny`j nadzor kak odno iz sredstv profilaktiki pravonarushenij i prestuplenij // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2020. № 3(84). S. 179-184.
5. Bary`shnikov M. V. Otdel`ny`e aspekty` uchastiya uchastkovy`x upolnomochenny`x policii v osushhestvlenii administrativnogo nadzora // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2018. № 4(77). S. 18-21.
6. Bobrov A. M., Rumyancev N. V. Nekotory`e voprosy` sudebnoj praktiki rassmotreniya administrativny`x del ob administrativnom nadzore za liczami, osvobozhdenny`mi iz mest lisheniya svobody` // Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii. 2024. № 4(55). S. 174-181.
7. Lebeshev I. S. Profilaktika recidivnoj prestupnosti: administrativny`j nadzor // Tambovskie pravovy`e chteniya imeni F.N. Plevako : Materialy` III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. V 2-x tomax, Tambov, 24–25 maya 2019 goda / Otvetstvenny`j redaktor V.Yu. Stromov. Tom 1. Tambov: Izdatel`skij dom «Derzhavinskij», 2019. S. 386-389.
8. Abaturov A. I. Problemy` realizacii otdel`ny`x norm Federal`nogo zakona № 64-FZ «Ob administrativnom nadzore za liczami, osvobozhdenny`mi iz mest lisheniya svobody`» // Vestnik Tomskogo instituta povy`sheniya kvalifikacii rabotnikov FSIN Rossii. 2024. № 4(22). S. 7-16.

Информация об авторах

Максим Валерьевич Барышников. Доцент кафедры специальной подготовки, кандидат юридических наук, доцент.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Юлия Игоревна Барышникова. Консультант.
Аппарат Уполномоченного по правам человека в Орловской области.
302040, Россия, г. Орёл, Максима Горького, 45.

Information about the authors

Maxim V. Baryshnikov. Associate Professor of the Department of Special Training, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Yulia I. Baryshnikova. Consultant.
Office of the Commissioner for Human Rights in the Orel region.
302040, Russia, Orel, Maxim Gorky Str., 45.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interest.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors contributed equally to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 02.02.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.
The article was received in the editorial office on 02.02.2026; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
№ 1(106) 2026 г.
Научная статья
УДК 342.9

РЕЗУЛЬТАТЫ НЕЙРОСЕТИ КАК ОБЪЕКТ АВТОРСКОГО ПРАВА: «ЗА» И «ПРОТИВ»

Бугрова Екатерина Геннадьевна[1], Сидоренко Николай Алексеевич[2]
[1,2] Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

[1]baranova.nnov@mail.ru
[2]nsidorenko565@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы правового статуса результатов работы нейросетей в контексте авторского права. Анализируются существующие подходы к определению авторства сгенерированных произведений, исследуются проблемы правовой защиты таких объектов интеллектуальной собственности. Особое внимание уделяется анализу случаев нарушения авторских прав при обучении нейросетей на материалах других авторов. Исследуются различные точки зрения на вопрос о возможности признания результатов работы нейросетей объектами авторского права, а также предлагаются пути совершенствования законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: нейросеть, авторское право, интеллектуальная собственность, правовое регулирование, искусственный интеллект, генерация контента, защита прав, цифровое искусство, правовые аспекты.

Для цитирования: Бугрова Е. Г., Сидоренко Н. А. Результаты нейросети как объект авторского права: «за» и «против» // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 89–96.

NEURAL NETWORK RESULTS AS AN OBJECT OF COPYRIGHT: «PRO» AND «CONTRA»

Ekaterina G. Bugrova[1], Nikolay Al. Sidorenko[2]
[1,2] Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia

[1]baranova.nnov@mail.ru
[2]nsidorenko565@gmail.com

Annotation. The article deals with current issues of the legal status of neural network results in the context of copyright. The article analyzes the existing approaches to determining the authorship of generated works, examines the problems of legal protection of such intellectual property objects. Special attention is paid to the analysis of cases of copyright infringement when training neural networks based on materials from other authors. Various points of view on the question of the possibility of recognizing the results of neural networks as objects of copyright are considered, and ways to improve legislation in this area are proposed.

Keywords: neural network, copyright, intellectual property, legal regulation, artificial intelligence, content generation, rights protection, digital art, legal aspects.

For citation: Bugrova E. G., Sidorenko N. A. Neural network results as an object of copyright: «pro» and «contra» // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2026. № 1(106). P. 89–96.

В эпоху стремительного развития искусственного интеллекта (далее – ИИ) и нейросетей вопрос о правовом статусе результатов их работы становится всё более актуальным. Особенно остро стоит проблема определения возможности признания авторских прав на контент, созданный с помощью ИИ. Данная статья представляет собой комплексный анализ существующих подходов к решению этой проблемы и рассматривает аргументы обеих сторон дискуссии.

Правовая неопределённость в данной сфере порождает множество спорных ситуаций. С одной стороны, нейросети способны создавать контент, не отличимый от человеческого: тексты, изображения, музыку, видео. С другой стороны, возникает фундаментальный вопрос: может ли машина, пусть даже самая совершенная, быть автором в классическом понимании этого термина?

Традиционное понимание авторского права базируется на концепции творческого вклада человека. Авторство подразумевает наличие субъективного начала, индивидуального видения, эмоциональной окраски. Однако современные нейросети способны генерировать контент, который может быть более качественным и оригинальным, чем работы некоторых людей-создателей [1, с. 112].

Технологический прогресс приводит к появлению новых форм интеллектуальной собственности. Если ранее речь шла о защите кода программ или алгоритмов, то теперь на первый план выходит вопрос о правах на результаты их работы. При этом важно понимать, что нейросеть – это инструмент, а не самостоятельный субъект права, но инструмент, способный создавать нечто новое и уникальное.

Практический аспект проблемы проявляется в различных сферах:

1. В искусстве – когда нейросети создают картины, музыку, стихи.
2. В науке – при генерации научных статей и исследований.
3. В бизнесе – при создании рекламных материалов и контента.
4. В образовании – при разработке учебных материалов.

Цифровой контент как результат работы нейросетей представляет собой особый вид интеллектуальной собственности. При этом важно понимать, что нейросеть является инструментом, а не самостоятельным субъектом права. Результаты её работы формируются на основе алгоритмов и обучающих данных, загруженных человеком [2, с. 59].

В разных странах формируются различные подходы к правовому регулированию:

– США и Великобритания признают правообладателем человека, использующего ИИ;

– Европейский союз разрабатывает специальные правовые рамки для ИИ-контента;

– Япония рассматривает возможность создания гибридной системы прав;

– Китай склоняется к признанию прав за разработчиками ИИ [3, с. 68].

США и Великобритания придерживаются позиции, согласно которой правообладателем признаётся человек, инициировавший создание контента с помощью ИИ. Это обусловлено традиционным пониманием авторского права как результата человеческого творчества. В этих странах:

– создатель запроса или промпта получает права на результат;

– компания-владелец ИИ может получить права по договору;

– сама нейросеть не может быть правообладателем.

Европейский союз идёт по пути создания специального правового режима для результатов работы ИИ. Европейская комиссия:

– разрабатывает концепцию «авторского права на ИИ-контент»;

– предлагает гибридную модель прав;

– планирует ввести особый статус для результатов работы нейросетей;

– рассматривает возможность создания реестра ИИ-контента.

Япония выбирает инновационный подход, сочетающий элементы различных моделей:

– предлагается создание системы совместного владения правами;

– рассматривается возможность признания особого статуса ИИ;

– разрабатываются механизмы распределения прав между участниками;

– планируется внедрение системы обязательной регистрации.

Китай делает ставку на защиту интересов разработчиков ИИ:

– права признаются за создателями алгоритмов;

– вводится система лицензирования технологий;

– предусматривается возможность передачи прав пользователям;

– формируется государственная система контроля.

Далее на основании данной информации представим общие тенденции в международном регулировании:

– стремление к защите прав всех участников процесса;

– учёт специфики технологий ИИ;

– необходимость баланса между развитием технологий и защитой прав;

– важность международного сотрудничества [4, с. 221].

Различия подходов определяются:

– экономическими интересами стран;

– уровнем развития технологий;

– традициями в области авторского права;

– политическими приоритетами.

В России данный вопрос регулируется:

1. ГК РФ (часть 4) – определяет объекты авторского права.

Гражданский кодекс РФ (часть четвёртая) определяет:

– объекты авторского права;

– условия возникновения прав;

– субъектов авторского права;

– порядок защиты прав;

– специфику регулирования[1].

2. ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ – затрагивает вопросы цифровых технологий.

Данный закон:

– регулирует оборот цифровых активов;

– определяет правовой статус цифровых технологий;

– устанавливает правила использования цифровых инструментов;

– регламентирует вопросы цифровой идентификации[2].

3. ФЗ «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ – регулирует использование обучающих данных.

Этот закон:

– регулирует сбор и обработку данных;

– определяет требования к обучающим наборам;

– устанавливает ответственность за нарушение конфиденциальности;

– регламентирует трансграничную передачу данных[1].

---

[1] Гражданский кодекс Рос. Федерации (часть четвертая): Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2006 № 230-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

[2] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 44. Ст. 2351.

Разнообразие подходов к правовому регулированию результатов работы ИИ отражает сложность проблемы и необходимость поиска баланса между защитой прав и развитием технологий. Международное сотрудничество и обмен опытом помогут создать эффективную систему, учитывающую интересы всех участников процесса и способствующую инновационному развитию в сфере искусственного интеллекта.

Формирование единых стандартов и развитие технологий верификации контента станут ключевыми факторами в создании устойчивой системы правового регулирования результатов работы нейросетей в глобальном масштабе.

Для примера представим статистические данные по правовому регулированию результатов работы нейросетей [5, с. 19] (см. таблицу 1).

Таблица 1

Данные по правовому регулированию результатов работы нейросетей в 2024 году

Показатель	Значение	Примечание
Количество стран с регулированием ИИ	27	Из 195 стран мира
Доля стран, признающих права за человеком	65 %	США, Великобритания, Канада
Доля стран с особым статусом ИИ-контента	25 %	Страны ЕС, Япония
Доля стран без чёткого регулирования	10 %	Развивающиеся страны

На основании анализа данных таблицы можно сделать следующие выводы:

1. Уровень регулирования в сфере искусственного интеллекта остаётся относительно низким – только 27 стран из 195 имеют соответствующее законодательство, что составляет менее 15 % от общего числа государств.

2. Преобладающий подход к правовому регулированию заключается в признании авторских прав за человеком (65 % стран), что характерно для таких государств, как США, Великобритания и Канада. Это свидетельствует о том, что большинство стран придерживается традиционного понимания авторства.

3. Альтернативный подход представлен 25 % стран (включая страны ЕС и Японию), которые устанавливают особый правовой статус для контента, созданного с помощью ИИ. Это указывает на формирование альтернативной модели правового регулирования в ряде развитых государств.

4. Значительный пробел в правовом регулировании наблюдается в 10 % стран, преимущественно развивающихся, где отсутствует чёткое законодательство в данной сфере. Это создаёт правовые неопределённости и риски в международном масштабе.

Таким образом, можно констатировать, что правовое регулирование результатов работы нейросетей находится в стадии формирования и характеризуется значительным разнообразием подходов. Большинство стран придерживается традиционного подхода с признанием прав за человеком, однако формируется и альтернативная модель правового регулирования. При этом значительная часть мирового сообщества пока не имеет чёткого законодательства в данной сфере, что требует дальнейшей гармонизации правовых подходов на международном уровне.

Автоматическое генерирование контента происходит по заданным параметрам, но без прямого творческого участия человека в процессе создания конечного продукта. Это порождает правовую неопределённость: кто должен обладать авторскими правами – разработчик нейросети, пользователь или никто?

---

[1] О персональных данных: Федер. закон Рос. Федерации от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 42. Ст. 2468.

Сторонники признания авторских прав на результаты работы нейросетей приводят следующие аргументы:

– экономическая ценность создаваемого контента требует правовой защиты для стимулирования инвестиций в разработку ИИ;

– практические потребности рынка в защите прав на генеративный контент;

– технологическая сложность создания нейросетей как интеллектуального продукта;

– прецедентная практика некоторых стран, признающих права на ИИ-контент;

– инновационный характер технологий, требующих правовой поддержки [6, с. 161].

В защиту признания авторских прав на результаты работы нейросетей можно привести целый комплекс взаимосвязанных аргументов, формирующих убедительную правовую и экономическую позицию.

Прежде всего, стоит отметить, что современные нейросети способны создавать контент, обладающий существенной экономической ценностью. От высококачественных изображений до сложных программных решений – все эти продукты требуют значительных инвестиций в разработку и обучение моделей. Без чёткой системы правовой защиты разработчики и инвесторы рискуют потерять стимул к дальнейшему совершенствованию технологий, что может существенно замедлить технологический прогресс.

Практический аспект проблемы также играет важную роль. Рынок уже активно использует генеративный контент в различных сферах – от рекламы до искусства. Отсутствие чёткой правовой базы создаёт правовую неопределённость, затрудняет заключение договоров и может привести к многочисленным юридическим спорам. Компании нуждаются в конкретных правилах игры для защиты своих интересов и эффективного ведения бизнеса.

Технологический аспект вопроса не менее важен. Создание современных нейросетей требует колоссальных усилий, включая разработку сложных алгоритмов, сбор и обработку огромных массивов данных, постоянное обновление и оптимизацию систем. Всё это делает нейросети не просто инструментом, а сложным интеллектуальным продуктом, требующим правовой защиты.

Международные тенденции также свидетельствуют о необходимости признания особого статуса результатов работы ИИ. Ряд стран уже начал формировать прецедентную практику в этом направлении, что создаёт основу для формирования единых международных стандартов. Это особенно важно в условиях глобализации и трансграничного характера современных технологий.

Инновационный характер нейросетей требует особого подхода к правовому регулированию. Традиционные концепции авторского права, основанные на человеческом творческом вкладе, нуждаются в модернизации. Признание особого статуса результатов работы ИИ может стать важным шагом в развитии правовой системы, способной адекватно реагировать на технологические вызовы современности.

Более того, признание авторских прав на результаты работы нейросетей может стимулировать развитие новых бизнес-моделей и форм сотрудничества между участниками рынка. Это создаст дополнительные возможности для монетизации технологий и привлечёт новые инвестиции в отрасль.

Однако важно понимать, что признание авторских прав на результаты работы ИИ не должно превращаться в инструмент монополизации технологий. Необходимо найти баланс между защитой прав правообладателей и обеспечением доступа к технологиям для дальнейшего развития отрасли.

В конечном итоге признание авторских прав на результаты работы нейросетей – это не просто юридический вопрос, а важный элемент формирования новой технологической реальности. Это позволит создать устойчивую правовую основу для развития

искусственного интеллекта, обеспечив при этом справедливое распределение прав и обязанностей между всеми участниками процесса.

Такой подход будет способствовать не только защите интересов правообладателей, но и дальнейшему технологическому прогрессу, что в результате принесёт пользу всему обществу.

Противники признания авторских прав на результаты ИИ выдвигают следующие контраргументы:

– отсутствие творческого начала в работе нейросетей как необходимого условия авторства;

– риск монополизации контента крупными технологическими компаниями;

– сложность определения правообладателя в цепочке «разработчик – пользователь – ИИ»;

– этические проблемы наделения правами неодушевлённого инструмента;

– правовая неопределённость статуса ИИ как субъекта права [7, с. 204].

Основные возражения против признания авторских прав на результаты работы искусственного интеллекта строятся вокруг нескольких ключевых проблем, каждая из которых заслуживает детального рассмотрения.

Прежде всего, критики указывают на фундаментальное отсутствие творческого начала в работе нейросетей. По их мнению, любой результат, созданный ИИ, является лишь производной от заложенных в него данных и алгоритмов, не несёт в себе подлинной креативности и уникальности, которые традиционно считаются основой авторского права. Нейросети действуют по заданным правилам и не способны к подлинному творчеству в человеческом понимании этого слова.

Серьёзную озабоченность вызывает потенциальная монополизация контента крупными технологическими компаниями. Признание авторских прав на результаты работы ИИ может привести к тому, что доступ к определённым видам контента будет контролироваться ограниченным числом корпораций, владеющих соответствующими технологиями. Это создаст серьёзные барьеры для малого бизнеса и независимых разработчиков, ограничит конкуренцию и может привести к искусственному завышению цен на контент.

Проблема определения правообладателя становится настоящей правовой головоломкой. В цепочке «разработчик – пользователь – ИИ» крайне сложно установить, кто именно должен обладать правами на созданный контент. Разработчик создал технологию, пользователь задал параметры и инициировал создание, а ИИ выполнил техническую работу. Распределение прав между этими участниками может породить множество юридических споров и коллизий.

Правовая неопределённость статуса ИИ как субъекта права создаёт дополнительные сложности [8, с. 267]. Существующее законодательство не предусматривает возможности признания прав за искусственным интеллектом, что требует существенной переработки правовых норм. При этом любые изменения могут создать новые правовые лакуны и противоречия.

Международное сообщество пытается найти баланс между защитой прав создателей ИИ и необходимостью развития технологий. В разных странах формируются различные подходы к решению этой проблемы:

1. Некоторые государства признают правообладателем человека, инициировавшего создание контента.
2. Другие склоняются к идее создания специального правового статуса для ИИ-контента.
3. Третьи пока сохраняют статус-кво, не принимая однозначных решений.

Перспективные решения могут включать:

– создание гибридной системы прав с учётом вклада всех участников процесса;

– разработку специальных режимов для разных типов контента;

– внедрение новых механизмов документирования процесса создания;

– формирование международных стандартов в данной области.

Важно создать механизмы, позволяющие чётко разграничивать вклад человека и ИИ в создание конечного продукта. Это может быть реализовано через систему двойной атрибуции, где указывается как разработчик технологии, так и пользователь, инициировавший создание конкретного результата.

Эффективное решение потребует также международного сотрудничества и создания единых стандартов регулирования. Это поможет избежать правовой неопределённости при трансграничном использовании контента, созданного с помощью ИИ, и обеспечит защиту прав правообладателей в разных юрисдикциях.

Важно предусмотреть возможность адаптации правовой системы к технологическому прогрессу. Это может быть реализовано через создание специальных регулирующих органов, которые будут следить за развитием технологий и своевременно вносить необходимые изменения в законодательство.

В конечном итоге успешное решение вопроса о правовом статусе результатов работы нейросетей будет зависеть от способности законодателей найти баланс между защитой прав и стимулированием инноваций. Необходимо создать такую систему, которая будет способствовать развитию технологий, обеспечивать справедливое распределение прав и защищать интересы всех участников процесса, не создавая при этом чрезмерных барьеров для доступа к знаниям и технологиям.

Таким образом, вопрос о признании авторских прав на результаты работы нейросетей остаётся открытым и требует комплексного подхода. Необходимо найти баланс между защитой прав правообладателей и развитием технологий. Оптимальным решением может стать создание гибридной системы прав с учётом специфики ИИ-контента и интересов всех участников процесса.

---

1. Дозорцев В. А. Интеллектуальные права. М. 2022. 439 с.
2. Зверева Е. А. Искусственный интеллект и право: современные проблемы регулирования // Государство и право. 2023. № 5. С. 56-65.
3. Корнеев В. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: монография. М., 2025. 288 с.
4. Гаврилов Э. П. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигмы, принципы, институты. М., 2023. 504 с.
5. Шанаурова В. Авторское право и AI: считаются ли промпт и сгенерированный контент объектами авторского права? // Doczilla LegalTech. 2024. № 3. С. 17-21.
6. Рассолов И. М. Право и искусственный интеллект: теоретико-правовое исследование. М., 2022. 256 с.
7. Фогельсон Ю. Б. Правовое регулирование информационных отношений в сети Интернет. М., 2024. 320 с.
8. Таршева М. Н., Вастьянова О. Д. Искусственный интеллект в борьбе с преступностью: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 3(100). С. 266-275.

1. Dozorcev V.A. Intellektual`ny`e prava. M. 2022. 439 s.
2. Zvereva E.A. Iskusstvenny`j intellekt i pravo: sovremenny`e problemy` regulirovaniya // Gosudarstvo i pravo. 2023. № 5. S. 56-65.

3. Korneev V.A. Pravovoe regulirovanie iskusstvennogo intellekta: monografiya. M., 2025. 288 s.
4. Gavrilov E`.P. Pravo intellektual`noj sobstvennosti v cifrovuyu e`poxu: para-digmy`, principy`, instituty`. M., 2023. 504 s.
5. Shanaurova V. Avtorskoe pravo i AI: schitayutsya li prompt i sgenerirovanny`j kontent ob``ektami avtorskogo prava? // Doczilla LegalTech. 2024. № 3. S. 17-21.
6. Rassolov I.M. Pravo i iskusstvenny`j intellekt: teoretiko-pravovoe issledo-vanie. M., 2022. 256 s.
7. Fogel`son Yu.B. Pravovoe regulirovanie informacionny`x otnoshenij v seti Internet. M., 2024. 320 s.
8. Tarsheva M.N., Vast`yanova O.D. Iskusstvenny`j intellekt v bor`be s prestupno-st`yu: ugolovno-processual`ny`j i kriminalisticheskij aspekty` // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2024. № 3(100). S. 266-275.

Информация об авторах

Екатерина Геннадьевна Бугрова. Старший преподаватель кафедры административного права и процесса, кандидат юридических наук.
Нижегородская академия МВД России.
603950, Россия, г. Нижний Новгород Анкудиновское шоссе, 3.

Николай Алексеевич Сидоренко. Слушатель.
Нижегородская академия МВД России.
603950, Россия, г. Нижний Новгород Анкудиновское шоссе, 3.

Information about the authors

Ekaterina G. Bugrova. Senior Lecturer of the Department of Administrative Law and Procedure, Candidate of Law.
Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia.
603950, Russia, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoe Shosse, 3.

Nikolay Al. Sidorenko. Student.
Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia.
603950, Russia, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoe Shosse, 3.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 12.01.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.
The article was received in the editorial office on 12.01.2026; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
№ 1(106) 2026 г.

Научная статья
УДК 351.81

ИЗМЕНЕНИЯ В НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ ОСНОВАХ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА ПОВЕДЕНИЕ УЧАСТНИКОВ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Былинин Игорь Александрович
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл, Россия

bylinin.igor@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется влияние изменений в нормативно-правовых актах, регулирующих безопасность дорожного движения, на поведение участников дорожного движения и эффективность деятельности Госавтоинспекции. Сравнение статистических сведений о дорожно-транспортных происшествиях и их последствиях до и после введения в действие изменений в законодательстве даёт возможность установить результативность мероприятий по сокращению числа дорожных происшествий и повышения уровня безопасности дорожного движения. Акцент делается на изучении влияния изменений санкций за нарушения Правил дорожного движения на поведение участников дорожного движения, а также на внедрении современных технических устройств и обзоре точек зрения авторитетных специалистов в сфере безопасности дорожного движения относительно реализуемых законотворческих инициатив.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, законодательство, Госавтоинспекция, дорожно-транспортные происшествия, поведение участников дорожного движения, наказание, технические средства контроля.

Для цитирования: Былинин И. А. Изменения в нормативно-правовых основах безопасности дорожного движения как фактор, влияющий на поведение участников дорожного движения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 97–103.

CHANGES IN THE REGULATORY AND LEGAL FRAMEWORK OF ROAD SAFETY AS A FACTOR AFFECTING THE BEHAVIOR OF ROAD

Igor Al. Bylinin
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

bylinin.igor@yandex.ru

Annotation. The article examines the impact of changes in regulatory and legal acts governing road safety on the behavior of road users and the effectiveness of the activities of the State Traffic Inspectorate. Comparison of statistical information on traffic accidents and their consequences before and after the introduction of changes in legislation, which makes it possible to establish the effectiveness of measures to reduce the number of traffic accidents and improve road safety. The focus is on studying the impact of changes in penalties for traffic violations on the behavior of road users, the introduction of modern traffic safety measures, and the development of road safety policies.

Keywords: road safety, legislation, traffic police, traffic accidents, behavior of road users, punishment, technical means of control.

For citation: Bylinin I. A. Changes in the regulatory and legal foundations of road safety as a factor affecting the behavior of road users // Scientific Bulletin of the V. V. Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1(106). P. 97–103.

Обеспечение безопасности дорожного движения является приоритетной социально-экономической задачей нашего государства. В Российской Федерации, где аварийность и смертность на дорогах остаются на высоком уровне, необходимо постоянно улучшать нормативно-правовую базу в этой сфере. Изменения в правилах дорожного движения – задача не из лёгких, полная препятствий, влияющих на правовое регулирование, общественное мнение и применение на практике. Эффективность нововведений определяется преимущественно способностью государственных структур и общественности оперативно реагировать на изменения в правовой среде. Основная проблема кроется в слабой информированности граждан. Даже самые совершенные и прогрессивные нормы окажутся бесполезными, если участники дорожного движения плохо ознакомлены с ними либо игнорируют их важность. Недостаточная эффективность разъяснительной работы, ограниченный доступ целевой аудитории и излишняя юридическая запутанность предписаний приводят к снижению восприятия необходимой информации среди водителей. К этому добавляется неразвитость транспортной инфраструктуры.

Использование новаторских подходов, предусматривающих оснащение специализированными транспортными средствами и технологиями нового поколения, требует значительных финансовых вложений в модернизацию дорог, создание вспомогательных сервисов и подготовку квалифицированных кадров. Дефицит соответствующей инфраструктуры мешает выполнению обновлённых норм и повышает потенциальные угрозы для безопасности участников дорожного движения. Одной из значимых проблем является несоответствие действующих правовых норм и практики их реализации. Модификация нормативно-правовых актов в сфере дорожной безопасности предполагает обязательную адаптацию многочисленных вспомогательных документов и регламентов. Замедленное обновление указанных материалов вкупе с различиями в интерпретациях нововведений различными государственными структурами способно вызвать путаницу и создать условия для злоупотреблений. Для устранения обозначенных трудностей необходима комплексная программа мер, включающая тщательную подготовительную работу, своевременное информирование заинтересованных сторон и конструктивное взаимодействие всех субъектов рассматриваемого процесса.

Ужесточение наказаний за несоблюдение правил дорожного движения, внедрение передовых технологий для контроля за дорожной ситуацией и повышение эффективности деятельности Госавтоинспекции – все эти меры должны способствовать формированию у водителей и пешеходов более сознательного отношения к безопасности и сокращению количества дорожно-транспортных происшествий.

Для всестороннего анализа вопроса и формулирования обоснованных заключений по теме требуется:

– проанализировать официальные статистические отчёты о дорожно-транспортных происшествиях, количестве пострадавших и летальных исходах на российских дорогах за отрезки времени, предшествующие и наступающие после введения в действие новых правовых актов;

– сравнить показатели статистики до и после начала действия поправок в законодательстве, чтобы определить существующие тренды и оценить результативность предпринятых действий;

– ознакомиться с точкой зрения ключевых специалистов в сфере дорожной безопасности относительно воздействия законодательных новшеств на манеру поведения водителей и пешеходов, а также на результативность работы Госавтоинспекции.

За прошедший период отечественное правовое регулирование в области обеспечения безопасности на дорогах подверглось значительному реформированию, направленному на снижение количества аварийных ситуаций и повышение общей защищённости участников автодвижения. Анализируя ключевые изменения и оценивая их влияние на состояние дорожной инфраструктуры, представляется целесообразным обратить внимание на ряд важных нововведений.

Начиная с начала 2025 года действующее законодательство пополнилось существенными изменениями, направленными на усиление мер безопасности на автодорогах и оптимизацию системы организации дорожного движения. Важнейшей новацией является значительное ужесточение штрафных санкций за систематическое нарушение установленных норм поведения водителей, включая чрезмерное превышение скоростного режима, несоблюдение сигналов светофоров и неправильные манёвры. Помимо увеличения размера наказаний, введено правило временной приостановки действия водительских удостоверений при повторных серьёзных нарушениях.

Упорядочение применения средств индивидуальной мобильности. На законодательном уровне определён их статус (электросамокаты, гироскутеры и другие подобные устройства), установлены правила использования на дорогах общего пользования и в пешеходных зонах. Введены ограничения по скорости и требования к защитной экипировке для лиц, управляющих средствами индивидуальной мобильности. Невыполнение данных требований влечёт за собой административное наказание.

Увеличено применение комплексов фото- и видеофиксации нарушений правил дорожного движения. Автоматизированная система обнаружения позволяет определять нарушителей и привлекать их к ответственности в автоматическом режиме, что, как предполагается, должно поднять уровень дисциплины водителей и уменьшить число дорожно-транспортных происшествий.

Порядок сдачи экзаменационных испытаний для получения водительского удостоверения претерпел значительные изменения. Повышены стандарты подготовки кандидатов на право управления транспортными средствами, включая увеличение продолжительности практических занятий по обучению управлению автомобилем. Дополнительно ужесточились условия прохождения медицинского освидетельствования граждан, желающих стать водителями транспортных средств. Указанные меры направлены на обеспечение повышенной степени защищённости участников дорожного движения и снижение уровня травматизма на автомобильных магистралях Российской Федерации. Также было усилено наказание за управление транспортным средством лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения. Повторное совершение подобного правонарушения стало уголовно наказуемым деянием, одновременно возросли размеры штрафных санкций за первичное нарушение. По данным Государственной инспекции безопасности дорожного движения, в течение 2024 года количество ДТП, произошедших вследствие действий водителей в алкогольном опьянении, уменьшилось на 15 % по сравнению с аналогичными показателями пятилетней давности[1].

Введение более высоких штрафных санкций за несоблюдение правил дорожного движения, а именно: за превышение допустимой скорости, игнорирование красного сигнала светофора, некорректное выполнение манёвров и другие провинности, согласно выводам аналитиков, – первоначально способствовало сокращению случаев безрассудного и опасного вождения. Тем не менее данный эффект оказался кратковременным, и спустя некоторое время водители вернулись к прежней практике нарушения дорожных правил, что было обусловлено, в частности, уменьшением фактической величины штрафов (с учётом инфляционных процессов) и адаптацией к обновлённым требованиям [1, с. 86].

[1] Официальный сайт Госавтоинспекции МВД России [Электронный ресурс]. URL: http://stat.gibdd.ru/ (дата обращения: 15.01.2026).

Использование автоматизированных комплексов для мониторинга соблюдения правил дорожного движения (камер видеонаблюдения) инициировало позитивные изменения. В частности, установка камер, осуществляющих фото- и видеофиксацию нарушений, в первую очередь превышения установленной скорости, способствовала сокращению числа дорожно-транспортных происшествий на наблюдаемых отрезках трасс.

По данным исследования на участках дорог, где функционируют камеры фиксации нарушений, зафиксировано снижение аварийности в среднем на 20 %. Это свидетельствует об эффективности применения подобных систем для повышения безопасности дорожного движения, однако по исследованиям автора А. Н. Кашникова в последние годы законодательством не выявляется и не анализируется большинство составных параметров влияющих на безопасность дорожного движения [2, с. 223]. Данное мнение дает основание полагать, что следует использовать всесторонний анализ при подборе методов решения проблемы обеспечения безопасности дорожного движения.

Несмотря на определённые успехи, проблема аварийности на дорогах Российской Федерации остаётся актуальной. По официальным данным, в 2024 году на дорогах России погибло более 14 тысяч человек[1]. Реформы в правовой сфере заметно скорректировали деятельность Госавтоинспекции. С одной стороны, усиление наказаний за пренебрежение правилами дорожного движения и применение автоматических комплексов фиксации привели к уменьшению числа случаев, обнаруживаемых непосредственно инспекторами дорожно-патрульной службы. С другой стороны, это высвободило возможности для перенаправления сил и средств на превентивные меры и надзор за выполнением Правил дорожного движения там, где отсутствует видеонаблюдение.

Следует отметить, что модернизация технического обеспечения Госавтоинспекции, в частности, внедрение современных транспортных средств, аппаратуры для установления состояния алкогольного опьянения у водителей и прочих технических устройств, привела к увеличению результативности деятельности сотрудников полиции в сфере обнаружения и предотвращения нарушений правил дорожного движения. Однако если исследовать другую сторону обеспечения безопасности дорожного движения, то важной составляющей по мнению автора И. А. Чебыкина является качественная организация дорожного движения с целью оптимизации транспортных потоков по методу математического моделирования [3, с. 75]. В то же время, аналитики указывают на существование определенных сложностей. Согласно точке зрения И. В. Бушуева, Е. Е. Власенко недостаточно высокий уровень подготовки сотрудников Госавтоинспекции в применении новейших технологий и способов работы с использованием искусственного интелекта, негативно сказываются на эффективности предпринимаемых шагов [4, с. 2].

Чтобы в полном объёме понять, как поправки в законодательных актах сказываются на безопасности автомобильных дорогах и деятельности Государственной инспекции безопасности дорожного движения, рассмотрим точки зрения специалистов. Следует отметить, что ужесточение наказаний, безусловно, важно, но само по себе не приведет к существенному снижению числа дорожно-транспортных происшествий. Наряду с этим, крайне важно формировать у водителей и пешеходов культуру безопасного вождения и повышать уровень их личной ответственности за соблюдение правил дорожного движения, что так же входит в задачи Госавтоинспекции [1, с. 88].

Важно отметить, что применение автоматизированных контрольных комплексов результативно уменьшает число происшествий на отслеживаемых дорожных сегментах. Однако, следует помнить о вероятности привыкания водителей к месту нахождения камер и, как следствие, совершения ими нарушений Правил дорожного движения вне зоны их видимости. Возникающие проблемы следует отнести в решение вопросов рассматриваемых Транспортной стратегией [2, с. 224]. Модернизация технического

[1] Официальный сайт Госавтоинспекции МВД России [Электронный ресурс]. URL: http://stat.gibdd.ru/ (дата обращения: 15.01.2026).

обеспечения Госавтоинспекции – значимый аспект улучшения результативности деятельности сотрудников полиции, однако, не менее важно совершенствовать компетенции личного состава и пресекать коррупционные проявления. Необходимо отметить, что трудности в сфере реализации правовых норм и коррупционные схемы сводят к нулю положительное воздействие ужесточения нормативной базы. Крайне необходимо повысить открытость деятельности правоохранительных структур и гарантировать неизбежность ответственности за несоблюдение правил дорожного движения.

Корректировки в нормативных актах не всегда приводят к долгосрочным изменениям в манере вождения. Так по мнению О. Ю. Голубевой специалиста в области психологии культуры, существенно важнее всесторонняя деятельность, направленная на развитие у водителей чувства ответственности за безопасность на дорогах, а также увеличение их психологической стабильности в сложных дорожных ситуациях [5, с. 3].

Программы обучения вождению должны уделять больше внимания этике и психологии поведения на дороге. Комплексное применение этих мер позволит не только снизить количество дорожно-транспортных происшествий, но и повысить общий уровень безопасности и комфорта на дорогах, сделав их более безопасными и предсказуемыми для всех участников движения [6, с. 82].

Раздел 12 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации[1], устанавливающий меры ответственности за несоблюдение правил дорожного движения, представляет собой постоянно совершенствующийся элемент административного законодательства, нуждающийся в регулярной корректировке и приведении в соответствие с актуальной дорожной обстановкой. Возможность внесения поправок в этот раздел обусловлена рядом важных обстоятельств.

Прежде всего, прогресс в области современных технологий, включая системы автоматической регистрации нарушений (о них мы уже говорили ранее), предполагает обновление ответственности за некоторые виды нарушений и введение новых категорий. Важно точно установить юридическую ответственность собственников транспортных средств в ситуациях, когда нарушение задокументировано в автоматическом режиме, но лицо, управлявшее автомобилем, не идентифицировано.

Второй важный аспект – это повышенное внимание к экологическим вопросам, что подразумевает усиление мер наказания за вред, наносимый окружающей среде автомобильным транспортом.

Повышение эффективности борьбы с экологическими нарушениями требует усиления ответственности и введения жёстких штрафных санкций за загрязнение природной среды сверх разрешённых пределов. Целесообразно дополнить существующий правовой механизм новым инструментом, запрещающим использование автомобилей, состояние которых не соответствует установленным техническим стандартам. Соответствие положений федерального государственного контроля (надзора) в отдельных нормативных правовых актах позволит правильно применять меры реагирования в случаях нарушения обязательных требований законодательства организациями, осуществляющими свою деятельность в области обеспечения безопасности дорожного движения [7, с. 61].

При разработке системы наказаний важно учитывать международный опыт и адаптировать его к российским условиям. Необходимо ввести градацию взысканий за нарушения Правил дорожного движения в зависимости от степени нанесённого вреда. За неоднократные грубые нарушения, такие как вождение в состоянии опьянения или чрезмерное превышение скорости, следует предусмотреть ужесточение санкций вплоть до максимальных возможных ограничений.

Оптимизация правовой регламентации в первую очередь предполагает согласование положений Кодекса об административных правонарушениях Российской Феде-

[1] Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

рации с существующими нормами Правил дорожного движения и прочими юридическими актами, направленными на обеспечение безопасности водителей и пешеходов. Подобный подход обеспечит единообразное понимание правовых документов с судебными инстанциями и структурами исполнительной власти, устранив риск принятия несогласующихся судебных вердиктов, обусловленных расхождениями в интерпретациях действующих нормативно-правовых актов.

Практическое осуществление обозначенных стратегических целей предусматривает глубокое научное исследование проблемной области с обязательным привлечением мнения представителей различных сторон, вовлечённых в организацию и регулирование транспортных процессов.

Модификация соответствующих законодательных актов, определяющих порядок дорожной безопасности, существенно влияет на характер поведения автолюбителей и эффективность работы Госавтоинспекции. Повышение уровня ответственности за несоблюдение установленных правил, внедрение автоматических систем мониторинга нарушений посредством комплексов фиксации нарушений, улучшение технического оснащения органов правопорядка передовыми технологиями коммуникации и наблюдения приводят к уменьшению числа дорожно-транспортных происшествий и увеличению общей защищённости на автодорогах. Однако итоговая оценка воздействия данных изменений неоднозначна.

Необходимо углублённое изучение вопроса формирования устойчивых поведенческих стереотипов среди водителей, направленное на воспитание основ безопасной езды с ранних этапов школьного образования и последующее закрепление навыков правильного поведения в рамках профессиональной подготовки будущих автомобилистов. Следует формировать чёткое осознание населением того факта, что выполнение предписанных Правилами дорожного движения норм и требований является не только юридической обязанностью, но и важнейшим условием личной и общественной безопасности.

Решение проблемы повышения дисциплинированности участников дорожного движения представляет собой многоаспектную задачу, включающую в себя усиление санкций за нарушение порядка передвижения одновременно с созданием предпосылок для сознательного исполнения требований Правил дорожного движения. К таким условиям относятся модернизация транспортной инфраструктуры, качественное исполнение дорожной разметки и установки видимых ориентиров, своевременное доведение актуальной информации о состоянии дорог до автовладельцев.

Одновременно важное значение приобретает совершенствование профессиональной грамотности сотрудников Госавтоинспекции. Они должны быть не только хорошо подготовлены юридически и технически, но и обладать высокими моральными качествами и уметь эффективно взаимодействовать с участниками дорожного движения. Пресечение проявления коррупционного поведения – это ключевой фактор, определяющий доверие граждан к правоохранительным органам и готовность соблюдать закон. Только комплексный подход, сочетающий в себе законодательные изменения, образовательные программы, развитие инфраструктуры и повышение профессионализма сотрудников Госавтоинспекции, позволит добиться устойчивого положительного эффекта в сфере безопасности дорожного движения.

1. Рысай Б. Г., Базыкин М. И. Особенности работы ГИБДД МВД России по обеспечению безопасности дорожного движения: проблемы и перспективы // Научный Лидер. 2024. № 1(151). С. 85-89.
2. Кашников А.Н. Правовое регулирование транспорта и дорожного движения // Вестник науки. 2022. № 10(55) Т.5. С. 220-225.
3. Чебыкин И. А. Автоматизация мониторинга дорожного движения с помощью компьютерного зрения // Мир транспорта. 2020. № 6 Т. 18. С. 74-87.

4. Бушуев И. В., Власенко Е. Е. Внедрение и применение технологий искусственного интеллекта в деятельности Госавтоинспекции для повышения эффективности оперативно-служебной деятельности // Международный научно-исследовательский журнал. 2026. № 1(163). С. 1- 4.
5. Голубева О. Ю. К вопросу о психологической культуре безопасного поведения личности на дорогах // Мир науки. Педагогика и психология. 2024. Т. 12. № 2. С. 1– 13.
6. Былинин И. А., Шукаева И. Н. Опасное вождение как хулиганство на автомобильных дорогах: проблемы, особенности правового трактования, профилактика правонарушений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 73-82.
7. Былинин И. А., Шкеля О. В. Федеральный государственный контроль (надзор) в области безопасности дорожного движения в условиях современной административно-правовой реформы // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 61-70.

1. Ry`saj B. G., Bazy`kin M. I. Osobennosti raboty` GIBDD MVD Rossii po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: problemy` i perspektivy` // Nauchny`j Lider. 2024. № 1(151). S. 85-89.
2. Kashnikov A.N. Pravovoe regulirovanie transporta i dorozhnogo dvizheniya // Vestnik nauki. 2022. № 10(55) T.5. S. 220-225.
3. Cheby`kin I. A. Avtomatizaciya monitoringa dorozhnogo dvizheniya s pomoshh`yu komp`yuternogo zreniya // Mir transporta. 2020. № 6 T. 18. S. 74-87.
4. Bushuev I. V., Vlasenko E. E. Vnedrenie i primenenie texnologij iskusstvennogo intellekta v deyatel`nosti Gosavtoinspekcii dlya povy`sheniya e`ffektivnosti operativno-sluzhebnoj deyatel`nosti // Mezhdunarodny`j nauchno-issledovatel`skij zhurnal. 2026. № 1(163). S. 1- 4.
5. Golubeva O. Yu. K voprosu o psixologicheskoj kul`ture bezopasnogo povedeniya lichnosti na dorogax // Mir nauki. Pedagogika i psixologiya. 2024. T. 12. № 2. S. 1– 13.
6. By`linin I. A., Shukaeva I. N. Opasnoe vozhdenie kak xuliganstvo na avtomobil`ny`x dorogax: problemy`, osobennosti pravovogo traktovaniya, profilaktika pravonarushenij // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2025. № 3(104). S. 73-82.
7. By`linin I. A., Shkelya O. V. Federal`ny`j gosudarstvenny`j kontrol` (nadzor) v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v usloviyax sovremennoj administrativno-pravovoj reformy` // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2024. № 2(99). S. 61-70.

Информация об авторе

Игорь Александрович Былинин. Начальник кафедры организации деятельности Госавтоинспекции.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Igor Al. Bylinin. Head of the Department of Organization of activities of the State Traffic Inspectorate.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 21.01.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.
The article was received in the editorial office on 21.01.2026; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научная статья
УДК 351.741

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСОВ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Денисенко Константин Витальевич
Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, Брянск, Россия

denkos32@mail.ru

Аннотация. В статье предметно рассматриваются актуальные вопросы правового регулирования безопасности дорожного движения. Акцент направлен на социально-правовую проблематику использования питбайков несовершеннолетними лицами. Приведены соответствующие статистические данные аварийности, травматизма и смертности. Проведён краткий анализ состояния действующей нормативной базы, проанализированы отдельные законодательные предложения и инициативы с учётом их регулятивного потенциала и ретроспективы правоприменения. На основании авторского обобщения предлагаемых мер воздействия делается вывод о необходимости оперативного внесения соответствующих изменений в отраслевое законодательство и организации проведения целенаправленной профилактической работы в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, питбайк, транспортное средство, несовершеннолетние, юридическая ответственность, нормативное регулирование, предупреждение и профилактика.

Для цитирования: Денисенко К. В. Особенности социально-правового регулирования актуальных вопросов безопасности дорожного движения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 104–112.

FEATURES OF SOCIO-LEGAL REGULATION OF ACTUAL ROAD SAFETY ISSUES

Konstantin V. Denisenko
Bryansk Branch of the Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Bryansk, Russia

denkos32@mail.ru

Annotation. The article provides a detailed analysis of current issues related to the legal regulation of road safety. The focus is on the socio-legal aspects of the use of pit bikes by minors. The article provides relevant statistical data on accidents, injuries, and fatalities. It also provides a brief analysis of the current regulatory framework and examines specific legislative proposals and initiatives, taking into account their regulatory potential and the history of their implementation. Based on the author's synthesis of the proposed measures, the article concludes that it is necessary to promptly amend the relevant legislation and implement targeted preventive measures in this area.

Keywords: road safety, pit bike, vehicle, minors, legal responsibility, regulatory regulation, prevention and control.

For citation: Denisenko K. V. Features of socio-legal regulation of actual road safety issues // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2026. № 1(106). P. 104–112.

Обеспечение безопасности в сфере дорожного движения было и остаётся одним их самых важных направлений правоохранительной деятельности, которому органами власти уделяется огромное внимание. Подтверждением этому является принятие Стратегии повышения безопасности дорожного движения на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года[1]. Профилактика и предупреждение дорожно-транспортных происшествий (ДТП) в Российской Федерации, направленные на сохранение жизни, здоровья и имущества граждан, являются важнейшим приоритетом государственной политики, призванным обеспечить устойчивое социально-экономическое и демографическое развитие страны [1].

В качестве основных проблем в решении поставленных задач отмечаются: низкий уровень подготовки участников дорожного движения к соблюдению правил безопасности (например, дети часто не знают правил дорожного движения или пренебрегают ими); отсутствие системы непрерывной подготовки к безопасному поведению на дорогах; а также необходимость создания условий для отработки практических навыков соблюдения правил дорожного движения (например, специально оборудованных площадок). Согласно Стратегии водители, пешеходы и другие участники движения всё чаще отвлекаются на гаджеты. Растёт доля ДТП с участием водителей, не имеющих водительских прав, причём 50 % таких аварий приходится на мотоциклистов. За шесть лет в 2,5 раза выросло число погибших в ДТП детей[2].

Примечательно, что лето и осень 2025 года в России также охарактеризовались не только участившимся числом дорожных происшествий с самокатами в городах, но и увеличением количества аварий с участием мототранспорта в пригороде. Речь идёт об актуальной теме, касающейся безопасности на дорогах и безопасности несовершеннолетних, ставшей в минувшем тёплом сезоне настоящей проблемой социального и правового характера, – об использовании так называемых питбайков.

Сегодня в силу распространения «вирусных» видеороликов в социальных сетях и мессенджерах питбайки становятся предметом вожделения детей и подростков, к тому же эта техника становится всё популярнее в силу своей финансовой и формальной юрисдикционной доступности. Вместе с этим в связи с ростом популярности питбайков в стране резко подскочила и статистика аварийности на дорогах с участием прежде всего несовершеннолетних. В целом подростки стали чаще устраивать аварии, калечиться себя и сбивать людей. Только в январе-сентябре прошедшего года всего в дорожно-транспортные происшествия попали 111 детей в возрасте до 10 лет. К счастью, все остались живы, чего не скажешь о следующей возрастной категории. Подростки от 10 до 14 лет стали участниками в 857 авариях, в них погиб 21 школьник. В старшей возрастной группе от 14 до 18 лет ситуация ещё хуже – более 3 270 аварий с пострадавшими и 167 погибших подростков[3].

Как сообщили в Научном центре безопасности дорожного движения МВД, за девять месяцев 2025 года в России было зарегистрировано 659 дорожно-транспортных происшествий непосредственно с участием несовершеннолетних водителей питбайков.

---

[1] Об утверждении Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Рос. Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Электронный ресурс]: указ Президента Рос. Федерации от 14 ноября 2025 г. № 841. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Гарант безопасности движения [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8209244 (дата обращения: 16.01.2026).

[3] МВД сообщило о росте числа аварий, совершенных детьми до 10 лет [Электронный ресурс]. URL: https: //www.pnp.ru/social/mvd-soobshhilo-o-roste-chisla-avariy-sovershennykh-detmi-do-10-let.html (дата обращения: 14.01.2026).

В результате этих аварий 23 из них погибли, более 750 получили травмы различной степени тяжести. Дополнительно пострадали 25 пассажиров, находившихся вместе с ними на одной технике. Для сравнения: за весь 2024 год в таких ДТП погибли 20 детей[1].

Следовательно, ДТП с участием питбайков в России фиксируются едва ли не каждый день. В этих авариях погибают и травмируются не только их хозяева, которые часто являются несовершеннолетними, но и другие участники движения. Так, например, 12 июля 2025 года в Подмосковье погибла 17-летняя пассажирка автомобиля из-за того, что на 5-м километре автодороги «Наро-Фоминск – Каменское – Зинаевка» водитель питбайка выехал на полосу встречного движения, а 14 июля того же года в Москве 15-летний «водитель» минимотоцикла угодил в больницу уже при другом столкновении с машиной[2].

Подростки всё чаще также нарушают запрет двигаться на питбайках по городским дорогам. В Подмосковье 16-летний парень, ехавший с девушкой, пытался уйти от полицейской погони и не справился с управлением, в итоге оба подростка разбились насмерть. В Белгороде авария с пешеходом на тротуаре. Новокузнецк – смертельное ДТП с подростком на питбайке, который ему купила мама. Санкт-Петербург – двое школьников оказались в больнице после лобового столкновения с внедорожником. Смертельная авария с бетономешалкой на Ставрополье. Это лишь малая часть аварий с питбайками, которые случились за прошлую осень[3]. Как показывает статистика, мототранспорт в целом является одним из наиболее опасных транспортных средств, способствующих дорожно-транспортным происшествиям. Мотоциклисты подвергаются более высокому риску попасть в аварию по сравнению с водителями автомобилей [2]. Во всем мире 28 % смертей в результате ДТП происходит по вине мотоциклистов и эти цифры растут с каждым годом [3]. Однако дорожно-транспортные происшествия при участии питбайков с точки зрения закона парадоксальны тем, что они, как бы удивительно это ни звучало, формально даже не являются транспортом. Так что это: мотоцикл, техника или инвентарь? Почему питбайки становятся популярными у несовершеннолетних и чем вызвана такая популярность?

Отвечая на эти вопросы, стоит отметить, что рост количества питбайков сегодня неудивителен, учитывая в целом их финансовую доступность. Хотя в среднем новый мини-мотоцикл в магазине может стоить около 100–120 тыс. рублей, на онлайн-досках объявлений цены на них стартуют чуть ли не от 15 тыс. рублей за б/у, а чаще всего цена варьируется в диапазоне 50–70 тыс. рублей, т. е. не дороже смартфона. А приобрести такую технику сейчас может даже ребёнок. Так, в Челябинске мать 10-летнего мальчика пыталась вернуть в пункт выдачи заказов питбайк, который купил сын, используя её банковскую карту[4]. При этом питбайки, несмотря на свою мощность и распространение, по сути, менее нормативно зарегулированы, чем те же средства индивидуальной мобильности (СИМ). Более того, с точки зрения закона питбайк в каком-то смысле приравнен к скакалкам или гире. Питбайк по сути считается спортивным инвентарём, и как футбольный мяч или хоккейная клюшка свободно продаются в магазинах и на онлайн-сервисах. Родители покупают их, потому что это доступно, дарят детям, при этом забывая объяснить им, что ездить на них по дорогам общего пользования запрещено.

Вместе с тем питбайк – это всё же конструктивно разновидность мотоцикла, который изначально создавали для гонок по бездорожью, причём для водителей различ-

---

[1] МВД фиксирует рост количества аварий, совершенных несовершеннолетними на мототехнике [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8192617 (дата обращения: 14.01.2026).

[2] В Подмосковье питбайк столкнулся с легковой машиной, погибла 17-летняя девушка [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20250712/dtp-2028821607.html (дата обращения: 14.01.2026).

[3] Двое юных питбайкеров погибли, уходя от погони ДПС в Подмосковье [Электронный ресурс]. URL: https://www.vesti.ru/article/4707895 (дата обращения: 15.01.2026).

[4] В Челябинске завели дело на женщину, избившую сына за покупку питбайка [Электронный ресурс]. URL: https://www.vesti.ru/article/4513976 (дата обращения: 15.01.2026).

ных возрастов. Есть даже небольшие питбайки, рассчитанные на маленьких детей 8 лет. При этом в классическом виде питбайк не предназначен для участия в дорожном движении. Эти мини-мотоциклы не оснащены такими обязательными элементами, как фары, указатели поворота, стоп-сигнал, зеркала, звуковые сигналы, спидометр, идентификационный и VIN-номер. Кроме того, у большинства моделей отсутствуют необходимые документы. Подобные «транспортные средства» не регистрируются в Госавтоинспекции и с точки зрения законодательства не относятся к категории полноценных мотоциклов. Аналогичные ограничения распространяются и на другие типы внедорожной техники, например кроссовые и эндуро мотоциклы, если они не соответствуют требованиям правил дорожного движения (ПДД).

Тем не менее некоторые производители выпускают модификации питбайков с ПТС, которые соответствуют требованиям ПДД. Такая техника:

– может быть укомплектована всей необходимой светотехникой;

– может иметь VIN-номер, шильду и номер рамы;

– может пройти сертификацию и получить паспорт ТС (ПТС).

Такую технику можно поставить на учёт как мотоцикл, получить номера и законно ездить по дорогам, но в этом случае она юридически перестаёт быть питбайком в привычном понимании, попадает под регулирование как полноценное транспортное средство и тем самым теряет привлекательность у несовершеннолетних как по доступности, так и по необходимости иметь права на её управление. Таким образом, питбайк – это всё же спортивный инвентарь, который несовместим с дорожным движением. Его водителю сложно следить за ситуацией на дороге, его не всегда видно другим участникам движения, и при этом некоторые из этих мини-мотоциклов могут развивать скорость до 100 км/ч. Учитывая сказанное, необходимо отметить, что важной составляющей правового регулирования дорожного движения является, прежде всего, определение разновидностей транспортных средств, участвующих в дорожном движении, и установление правил их движения [4]. Нормативно питбайк можно использовать для уроков вождения мототехники, езды по бездорожью, соревнований. Но, поскольку питбайк не является транспортным средством, специальных требований к водителям в ПДД нет. На питбайк не оформляется ПТС, его не ставят на учёт и не получают номерной знак. Как следствие, водительское удостоверение для управления питбайком не требуется.

С юридической точки зрения его использование ограничено исключительно специализированными закрытыми трассами и спортивными площадками. На нём не просто нельзя передвигаться по дорогам общего пользования, по обочинам и тротуарам, но даже доехать на новом мини-мотоцикле до специальной площадки не получится – его необходимо довезти до места назначения на транспорте[1].

Однако значительное количество ДТП с участием питбайков ясно указывает, что владельцы не воспринимают их исключительно как спортинвентарь с ограниченным местом использования. Когда водитель мини-мотоцикла в нарушение закона всё же выезжает на дороги общего пользования, он автоматически становится участником дорожного движения, поэтому питбайк номинально становится транспортом, а его водитель обязан соблюдать правила дорожного движения и в случае нарушений может быть привлечён к ответственности:

– за управление транспортным средством без водительского удостоверения;

– за управление транспортным средством без мотошлема;

– за совершение иных нарушений правил дорожного движения (например, выезд на красный свет, управление в состоянии алкогольного опьянения и т. п.) в соответствии с конкретной статьёй ПДД[2].

---

[1] О правилах использования питбайков и ответственности за их нарушение [Электронный ресурс]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_50/activity/legal-education/explain/e471330/ (дата обращения: 16.01.2026).

[2] Госдума рассмотрит вопрос ужесточения законодательства для питбайкеров [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/auto/2025/08/06/21488780.shtml?utm_auth=false (дата обращения: 14.01.2026).

Отдельно стоит отметить, что питбайки в нарушение закона используют не только для передвижения по дорогам, но и для откровенно хулиганских действий. Так, подростки на мини-мотоциклах часто провокационно ездят на них в местах отдыха, мешая всем окружающим [5].

Например, они приезжают на пляжи, превращая питбайк в некий инструмент, чтобы противопоставить себя людям, совершить хулиганские действия, игнорируя требование использования его только на специализированных закрытых трассах и спортивных площадках. При этом пляжи как береговая зона, предназначенная для отдыха, купания и различных видов водных развлечений, к таким спортивным объектам и бездорожью не относятся.

Таким образом, появление несовершеннолетнего на питбайке на пляже может привести к административной ответственности по ч. 1 ст. 8.42 Кодекса об административных правонарушениях (далее – КоАП) «Нарушение специального режима осуществления хозяйственной и иной деятельности на прибрежной защитной полосе водного объекта, водоохранной зоны водного объекта либо режима осуществления хозяйственной и иной деятельности на территории зоны санитарной охраны источников питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения». Штраф за подобное поведение при этом платить за подростка придётся его родителям. Кроме того, если выезд на пляж сопровождается нарушением общественного порядка, выражающим явное неуважение к обществу, нецензурной бранью в общественных местах, оскорбительным приставанием к гражданам и т. п., то такие действия являются мелким хулиганством и влекут наложение административного штрафа или административный арест на срок до 15 суток в соответствии со ст. 20.1 КоАП.

Между тем стремительный рост аварийности, широкое распространение питбайков среди подростков и общественный резонанс побуждают власти к законодательному вмешательству для решения данной актуальной проблемы. Назрел вопрос, как в этой ситуации ограничить доступ подростков и детей к питбайкам, в целях обеспечения общественного порядка и безопасности в сфере дорожного движения.

В конце ноября 2025 года в Государственной Думе состоялось специальное заседание с участием депутатов, сотрудников Госавтоинспекции, а также представителей Министерства транспорта и Министерства промышленности и торговли. На этом совещании рассматривались различные меры по разрешению проблемной ситуации методами специального регулирования с использованием административно-правового и социального воздействия на ситуацию[1].

В целом вопрос регулирования использования питбайков находится на контроле правительства. В Министерстве внутренних дел разрабатываются изменения в ПДД и КоАП, призванные устранить имеющиеся юридические пробелы. Одновременно обсуждается идея ограничить свободную продажу таких мини-мотоциклов с учетом соотношения категории права собственности с процедурой допуска к управлению данной мототехникой. Также планируется усилить регулирование использования питбайков, предназначенных исключительно для езды по бездорожью. Так, МВД, Минюст и Минтранс подготовили предложения по внесению изменений в ПДД и КоАП. Согласно инициативе, движение на питбайках по дорогам общего пользования будет нормативно запрещено, а за нарушение новых правил может быть предусмотрено наказание в виде штрафа до 30 000 рублей.

В частности, Минтранс предлагает непосредственно закрепить в правилах дорожного движения прямой запрет на эксплуатацию незарегистрированной мототехники на дорогах общего пользования. МВД поддерживает это предложение с учётом несоот-

[1] В Госдуме РФ разработали законопроект об ограничении продажи питбайков детям [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20251118/zakonoproekt--2055654449.html (дата обращения: 14.01.2026).

ветствия питбайков требованиям, предъявляемым к техническим средствам участникам дорожного движения.

Параллельно с этим Минюст работает над проектом новой редакции действующих статей КоАП, предусматривающих штрафы за неправомерное или нецелевое использование питбайков. Внесение изменений и дополнений на законодательном уровне в нормы, регулирующие административную ответственность в сфере БДД, безусловно, будут способствовать положительным изменениям в этой области. Однако сроков принятия окончательной версии КоАП пока нет [6].

На экспертном уровне в качестве решения выдвигаются и другие предложения правового регулирования проблемы, в частности:

1. Обязательная регистрация питбайков в Госавтоинспекции и получение прав на управление подобной техникой, которые могли бы существенно снизить количество аварий. Отмечается, что фактически мы проходили такую историю с мопедами около 15 лет назад, когда они были распространены и на них не нужны были права, что также приводило к значительной смертности на дорогах. Тогда навели порядок, введя новую категорию прав категории «М», и соответствующим образом убрали мопеды с дорог, так как для их управления нужны были права, доступные только с 16 лет.

Однако оппоненты данной инициативы возражают, говоря о том, что в советское время подростки также ездили на мотоциклах и мопедах, и для этого они уже получали права в 14 лет. При этом с учётом совсем другой плотности движения и использования техники в основном на просёлочных и незагруженных дорогах даже тогда смертность от ДТП с несовершеннолетними была значительной и часто гибли подростки. А в наше время, как мы уже отмечали, подростки погибают в авариях не на подготовленных транспортных средствах, а на питбайках, на которых зачастую отсутствуют фары, указатели поворота и габариты, что делает их почти невидимыми на ночной дороге, но при этом они способны развивать скорость до 120 километров в час.

2. Ввести тотальный запрет на продажу бензина несовершеннолетним. Так, уже сейчас региональные власти отдельных субъектов принимают подобные меры, чтобы сократить количество несовершеннолетних «водителей» на дорогах. В Татарстане, Волгоградской и Пензенской областях уже запретили заправляться на АЗС подросткам до 16 лет и без водительских прав. Причина – рост количества ДТП с детьми на мотоциклах, скутерах и питбайках. Предлагается штрафовать операторов АЗС, которые снабжают маленьких стритрейсеров бензином. За нарушение предусмотрены штрафы от 3 тыс. до 5 тыс. рублей с водителя или родителей, от 30 тыс. до 50 тыс. рублей с сотрудников АЗС и от 100 тыс. до 150 тыс. рублей с торгующей организации[1].

Но, как отмечают противники идеи, такая запретительная мера, если даже распространится на всю страну, желаемого эффекта по снижению аварийности не даст. Они аргументируют свою позицию тем, что если будут вводить запреты, то их будут обходить, как это примерно происходит при покупке алкоголя и табака. Подростки будут просить других водителей приобретать для них топливо.

3. Предлагается наказывать крупным и отдельным штрафом родителей, которые покупают своим детям мини-мотоциклы. Звучат инициативы об ужесточении ответственности родителей за то, что их дети пользуются этими средствами транспорта. При этом говорится не только про питбайки, но и про квадроциклы, мопеды и т. п., а также про то, что дети пользуются ими без защитных средств. При этом санкции должны быть очень внушительными, например – штраф до 500 тыс. рублей, а также конфискация транспортных средств или даже уголовная ответственность, если имеет место факт повторного нарушения и наличия тяжких последствий [7].

---

[1] Регионы вводят запрет на продажу бензина детям [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2025/11/26/reg-dfo/regiony-vvodiat-zapret-na-prodazhu-benzina-detiam-za-narushenie-shtraf-50-tysiach.html (дата обращения: 15.01.2026).

Вместе с тем пока сегодня обсуждаемая комплексная законодательная база окончательно не сформирована и не утверждена, инспекторы Госавтоинспекции пытаются применять существующие правовые нормы.

Так поездку на питбайке приравнивают к управлению мопедом или мотоциклом – если у водителя нет нужной категории, его штрафуют по ст. 12.7 КоАП «Управление транспортным средством водителем, не имеющим права управления транспортным средством». Например, в одном из случаев подобное дело жителя Республики Крым Максима Филатова дошло до Верховного суда, который признал законным лишение прав за отказ от освидетельствования водителем питбайка[1].

Если подросток, управляющий питбайком, не достиг 16 лет, к ответственности привлекают родителей по ст. 5.35 КоАП «Неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних». Также зафиксирован случай в Красноярском крае, где возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 118 Уголовного кодекса Российской Федерации «Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности» в отношении отца, 48-летнего жителя Назаровского района, чей сын получил тяжёлые травмы при ДТП. Мальчик управлял питбайком и был без мотошлема и защитной экипировки[2].

Между тем, говоря о правовом регулировании обращения с питбайками и о контроле поведения подростков, надо не забывать, что какие бы меры власти ни предпринимали и какие бы законы ни были приняты, в первую очередь ответственность за ДТП с несовершеннолетними несут их родители. В подавляющем большинстве именно они покупают этот «спортивный инвентарь» детям и позволяют использовать их в неположенных местах.

В связи с этим очень важно проводить информационную работу с родителями, чтобы те, осознавая все риски, не покупали детям опасные двухколёсные игрушки и следили, чтобы их ребёнок не выезжал на городские дороги, рискуя попасть в ДТП. Взрослым не стоит забывать, что питбайки, квадроциклы, мопеды — это не только транспорт, развлечение, но и источник повышенной опасности. Безопасность подростков – это, прежде всего, забота родителей.

На наш взгляд, данный вид профилактической работы – один из наиболее актуальных. Именно ежедневная деятельность подразделений Госавтоинспекции способствует повышению уровня правосознания граждан, сокращению количества ДТП, что напрямую влияет на снижение уровня детского дорожно-транспортного травматизма [8]. При этом владельцам питбайков, взрослым и несовершеннолетним, важно понимать рамки допустимого правомерного использования специализированной мототехники, чтобы избежать штрафов, других проблем с законом и травматизма.

Таким образом, подчеркнём, что все рассматриваемые меры социально-правового регулирования, по нашему мнению, можно разделить по следующим сферам:

– в рамках действующих административно-правовых норм путём внесения необходимых дополнений и изменений в ПДД, КоАП и УК (например, ужесточение юридической ответственности, прямой запрет на использование вне пределов разрешённых мест, возможность применения уголовного наказания и др.);

– принятие новых нормативных актов, устанавливающих правила приобретения, регистрации и использования специальной мобильной техники (например, возможность покупки только при предъявлении паспорта, ведение учёта по идентификацион-

[1] Верховный Суд лишил прав водителя питбайка [Электронный ресурс]. URL: https://auto.rambler.ru/rules/55379099/?utm_content=auto_media&utm_medium=read_more&utm_source (дата обращения: 14.01.2026).

[2] В Назарово полицейские возбудили уголовное дело в отношении мужчины, сын которого получил тяжелые травмы на питбайке [Электронный ресурс]. URL: https://xn--80aagshgftmtn.24.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/67974836 (дата обращения: 15.01.2026).

ным номерам техники, заполнений персонифицированных бланков ознакомления с требованиями по эксплуатации и др.);

– введение дополнительных мер, опосредованно влияющих на детерминацию противоправных действий несовершеннолетних лиц (например, временная конфискация техники, запрет на продажу бензина без водительских прав и др.);

– общественная и специальная профилактика нарушения требований безопасного использования средств индивидуальной мобильности, специальной спортивной техники и мототранспорта (например, социальная реклама и медийная поддержка, актуальные репортажи в средствах массовой информации, информационные стенды в точках продажи техники, работа сотрудников полиции и общественных организаций и др.).

Отметим при этом одно важное условие: все эти меры требуют оперативного и комплексного применения, чтобы уже в грядущем мотосезоне кардинально повлиять на сложившуюся негативную ситуацию, сократить травматизм и сохранить жизни несовершеннолетних любителей двухколёсного транспорта.

А в заключение позволим себе привести несколько простых советов пользователям питбайков, которые отражают юридически значимые вопросы относительно действующих норм правового регулирования рассмотренной темы:

1. Является ли питбайк транспортным средством? – Нет, по закону это спортинвентарь.
2. Нужно ли получать права для управления питбайком? – Нет. Также не надо оформлять паспорт технического средства, ставить на учёт в Госавтоинспекции и получать номера.
3. Может ли несовершеннолетний водить питбайк? – Да, может.
4. Где можно ездить на питбайке? – На специальных закрытых трассах, спортивных площадках, по полям и лесам, частным территориям.
5. Можно ли кататься на питбайке по пляжу? – Нет, нельзя.
6. Можно ли ездить на питбайке по дороге? – Нет, нельзя. Выезжать на дороги, тротуары, парковки торговых центров или внутридворовые проезды запрещено – такие территории считаются зонами с дорожным движением, даже если там нет знаков.
7. Что будет, если выехать на питбайке на дорогу? – Водитель фактически становится участником дорожного движения и несёт соответствующую ответственность, включая ответственность за езду без прав на необорудованном по правилам средстве передвижения.
8. Как избежать штрафа и других негативных последствий? – Не выезжать на дороги общего пользования. Не перевозить пассажиров (особенно несовершеннолетних) по проезжей части. Обязательно использовать экипировку: шлем, перчатки, защиту.

---

1. Ваньков В. А. Актуальные вопросы обеспечения безопасности дорожного движения // Право и государство: теория и практика. 2020. №. 9. С. 254-265.
2. Тарасов А. Ю., Тарасова И. А. Актуальные вопросы безопасности мотоциклистов // Государственная служба и кадры. 2024. № 1. С. 115-118.
3. Ясникова В. А. Состояние безопасности дорожного движения в странах Всемирной организации здравоохранения // Современная наука. 2024. № 2. С. 50-52.
4. Якимов А. Ю. Подходы к правовому регулированию использования отдельных разновидностей средств индивидуальной мобильности // Современная наука. 2021. № 5. С. 53-61.
5. Харламов Д. Д. Дискуссионные вопросы квалификации хулиганства // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2022. № 6. С. 82-100.
6. Долгошева А. Э. Актуальные вопросы административной ответственности за нарушения в сфере безопасности дорожного движения // Молодой ученый. 2024. № 10. С. 176-179.

7. Мажинский Р. А. Повторность как административно-преюдициальный признак для установления уголовной ответственности за управление транспортным средством несовершеннолетним водителем, не имеющим право управления // Евразийская адвокатура. 2020. № 6. С. 106-110.
8. Исмагилова А.Р. Предупреждение административных правонарушений в области дорожного движения органами внутренних дел // Современная наука. 2021. № 5. С. 38-40.

1. Van`kov V. A. Aktual`ny`e voprosy` obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2020. №. 9. S. 254-265.
2. Tarasov A. Yu., Tarasova I. A. Aktual`ny`e voprosy` bezopasnosti motociklistov // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry`. 2024. № 1. S. 115-118.
3. Yasnikova V. A. Sostoyanie bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v stranax Vsemirnoj organizacii zdravooxraneniya // Sovremennaya nauka. 2024. № 2. S. 50-52.
4. Yakimov A. Yu. Podxody` k pravovomu regulirovaniyu ispol`zovaniya otdel`ny`x raznovidnostej sredstv individual`noj mobil`nosti // Sovremennaya nauka. 2021. № 5. S. 53-61.
5. Xarlamov D. D. Diskussionny`e voprosy` kvalifikacii xuliganstva // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. 2022. № 6. S. 82-100.
6. Dolgosheva A. E`. Aktual`ny`e voprosy` administrativnoj otvetstvennosti za narusheniya v sfere bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Molodoj ucheny`j. 2024. № 10. S. 176-179.
7. Mazhinskij R. A. Povtornost` kak administrativno-preyudicial`ny`j priznak dlya ustanovleniya ugolovnoj otvetstvennosti za upravlenie transportny`m sredstvom nesovershennoletnim voditelem, ne imeyushhim pravo upravleniya // Evrazijskaya advokatura. 2020. № 6. S. 106-110.
8. Ismagilova A.R. Preduprezhdenie administrativny`x pravonarushenij v oblasti dorozhnogo dvizheniya organami vnutrennix del // Sovremennaya nauka. 2021. № 5. S. 38-40.

Информация об авторе

Константин Витальевич Денисенко. Доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин, кандидат юридических наук.

Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.

241050, Россия, г. Брянск, 2-й Советский пер., 2а.

Information about the author

Konstantin V. Denisenko. Associate Professor of the Department of State and Civil Law Disciplines. Candidate of Law Sciences.

Bryansk branch of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov.

241050, Russia, Bryansk, 2nd Sovetsky lane, 2a.

Статья поступила в редакцию 22.01.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.

The article was received in the editorial office on 22.01.2026; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
№ 1(106) 2026 г.
Научная статья
УДК 342

ПОВЫШЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИХ РЕШЕНИЮ

Дудкин Юрий Андреевич[1], **Ноговицина Елена Николаевна**[2]
[1]Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия
[2]Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орёл, Россия

[1]yuriy1747@yandex.ru
[2]nen1957@yandex.ru

Аннотация. В статье авторами проведён многоаспектный анализ ключевых проблем в сфере обеспечения безопасности дорожного движения в Российской Федерации, сфокусированный на технических, организационных и информационных вызовах современности, таких как существенное замедление развития улично-дорожной сети, в отличие от роста автомобильного парка; прогрессирующее старение транспортных средств; недостатки контрольно-надзорной деятельности в сфере пассажирских и грузовых перевозок; проблемы организации дорожного пространства, а также информационно-правовых аспектов, включая вопросы легитимности применения автоматизированных средств фиксации правонарушений в области дорожного движения и правового регулирования безопасности беспилотного транспорта. На основе проведённого исследования приняты меры по формулированию предложений по модернизации административно-правового регулирования, направленные на формирование комплексной и сбалансированной системы управления рисками в данной сфере.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, административное право, дорожная инфраструктура, старение автопарка, автоматизированная фиксация правонарушений, беспилотные транспортные средства, контрольно-надзорная деятельность.

Для цитирования: Дудкин Ю. А., Ноговицина Е. Н. Повышение безопасности дорожного движения, проблемы и современные подходы к их решению // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 113–122.

IMPROVING ROAD SAFETY, PROBLEMS AND MODERN APPROACHES TO THEIR SOLUTION

Yuri An. Dudkin[1], **Elena N. Nogovitsina**[2]
[1]Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, Moscow, Russia
[2]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Oryol, Russia

[1]yuriy1747@yandex.ru
[2]nen1957@yandex.ru

Annotation. In this article, the authors provide a multifaceted analysis of key issues in the field of road safety in the Russian Federation, focusing on the technical, organizational, and informational challenges of the present day, such as the significant slowdown in the development of the road network due to the growth of the vehicle fleet, the progressive aging of vehicles, the shortcomings of control and supervisory activities in the field of passenger and cargo transportation, the problems of road space organization, and the information and legal aspects, including the legitimacy of the use of automated means of recording traffic violations and the legal regulation of the safety of unmanned vehicles. Based on the conducted research, measures have been taken to form proposals for modernizing administrative and legal regulation, aimed at creating a comprehensive and balanced risk management system in this area.

Keywords: road safety, administrative law, road infrastructure, fleet aging, automated recording of offenses, unmanned vehicles, and control and supervision activities.

For citation: Dudkin Y. A., Nogovitsina E. N. Improving Road Safety, Problems and Modern Approaches to Their Solution // Scientific Bulletin of the V.V. Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1(106). P. 113–122.

Обеспечение безопасности дорожного движения по-прежнему выступает в качестве одной из наиболее сложных и важнейших государственных демографических и социально-экономических задач, направленных на сохранение жизни и здоровья граждан России. Несмотря на отмечаемую официальной статистикой тенденцию к снижению количества дорожно-транспортных происшествий по отдельным показателям, общий уровень аварийности и тяжести последствий продолжает оставаться неприемлемо высоким. А административно-правовое регулирование, как показывает многолетняя аналитика, не способствует продолжительному эффективному влиянию существующих стимулов и механизмов, способных компенсировать данный инфраструктурный дефицит в рассматриваемой сфере. Традиционные подходы, сконцентрированные преимущественно на мерах административного воздействия к участникам дорожного движения, к сожалению, демонстрируют свою ограниченность, поскольку не учитывают комплексный характер проблематики.

Увеличение объёмов автомобильного движения требует постоянного усовершенствования законодательства и механизма его применения. Каждый год на дорогах наблюдается рост числа транспортных средств, что повышает вероятность дорожно-транспортных происшествий. В условиях современного города, где активно развиваются транспортные системы и инфраструктура, важно иметь чёткие, эффективные и справедливые механизмы административной ответственности и не только для обеспечения безопасности всех участников дорожного процесса [1, с. 9–12].

Современный кризис в данной сфере носит системный характер и детерминирован совокупностью взаимосвязанных факторов, среди которых особую остроту приобретают технико-технологические, организационно-управленческие и информационно-правовые аспекты. К числу первых относится инфраструктурный дисбаланс и физическое старение транспортных средств; ко вторым – недостатки в системе контроля и надзора за технической эксплуатацией транспортных средств, состояние улично-дорожной сети и организацией дорожного движения в городах; к третьим – правовые риски, порождаемые цифровизацией и внедрением новых технологий. Своевременное выявление и исследование специфики указанных проблем и разработка на этой основе концептуальных предложений по реформированию функционирующих организационно-правовых механизмов и инструментов обеспечения рассматриваемой безопасности являются ключевыми компонентами поддержки личной безопасности граждан, демографической, социально-экономической политики государства, содействия повышению уровня их качества жизни и эффективности развития государства в целом.

Базовыми предпосылками для нестабильности состояния дорожно-транспортной аварийности на территории Российской Федерации является хроническое отставание темпов развития и модернизации улично-дорожной сети на фоне динамики роста автомобильного транспорта. Количество транспортных средств в России за последние пять лет выросло на 6 % и в 2025 году составляет 62 млн единиц. Большую часть этого роста обеспечили легковые автомобили – 47,48 млн единиц (+7 %) и неожиданно прицепы и полуприцепы – 4,03 млн (+20 %), при этом ушли в минус грузовики (-3 %), автобусы (-7 %) и мотоциклы (-10 %)[1]. Кроме того, наблюдается прогрессирующее старение автопарка страны. Статистические данные свидетельствуют, что по состоянию на 2024 год значительные сегменты транспортных средств эксплуатируются за пределами нормативного срока: 23 % легковых автомобилей, 38 % грузовых транспортных средств, 20 % автобусов и 80 % мототранспорта имеют возраст более 15 лет[2]. Усугубляется ситуация и насыщенностью рынка некачественными запасными частями, и общим снижением уровня профессиональной компетенции в сфере технического обслуживания и ремонта. Совокупность этих факторов закономерно приводит к росту количества технических неисправностей, напрямую влияющих на безопасность, таких как отказы тормозных систем, рулевого управления и систем освещения.

Для урегулирования вопросов старения автопарка, особенно в коммерческом сегменте, требуются меры экономического стимулирования обновления транспортных средств. Где рациональным представляется расширение действия федеральных и региональных программ утилизации, распространяющих своё действие не только на легковые, но и на грузовые автомобили, автобусы и мототранспорт. Для владельцев коммерческого транспорта старше 10 лет предлагается ввести дифференцированную шкалу транспортного налога с прогрессивной ставкой, повышающейся с увеличением срока эксплуатации. Параллельно необходимо ужесточение административного контроля за качеством запасных частей и услуг по техническому обслуживанию автомототранспортных средств. В свою очередь, Федеральной службе по аккредитации (ФСА) необходимо усилить надзор за испытательными лабораториями, осуществляющими сертификацию автомобильных компонентов. По мнению обозревателя-автоэксперта Российской газеты Владимира Баршева, «для России вопрос дальнейшей судьбы стареющего автопарка – не только тема для отраслевых дискуссий, но и важная часть государственной политики в сфере безопасности и качества жизни граждан. Помочь в решении этой проблемы могли бы дилерские центры, которые пока никак не задействованы. Однако для этого необходимы экономические механизмы, которые позволят повысить контроль качеством продаваемых подержанных автомобилей»[3].

Наблюдающийся разрыв между численностью транспортных средств и протяжённостью дорог приводит к стеснённости дорожного движения, что порождает немало негативных последствий: повышенную плотность транспортных потоков, увеличение частоты вынужденных манёвров и, как следствие, многократное возрастание количества критических ситуаций контакта между участниками движения, значительная часть которых впоследствии перерастает в ДТП. В этой связи выступают в качестве

---

[1] В России подсчитали все транспортные средства [Электронный ресурс]: https://auto.rambler.ru/novosti/54665811-v-rossii-podschitali-vse-transportnye-sredstva/(дата обращения: 15.01.2026).

[2] Транспортное средство и услуги в сфере транспорта [Электронный ресурс]: Указа Президента Рос.Федерации от 14 ноября 2025 г. № 841 «Об утверждении Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. Доступ из справ.-праовой системы «КонсультантПлюс».

[3] В. Баршев Битва за безопасность: как решить проблему старых автомобилей в России [Электронный ресурс]: https://rg.ru/2025/07/28/bitva-za-bezopasnost-kak-reshit-problemu-staryh-avtomobilej-v-rossii.html?ysclid=mkf8qete9l846808140(дата обращения: 15.01.2026).

проблем: несоответствие темпов развития дорожной инфраструктуры содержанию автомобильных дорог требованиям и задачам в области обеспечения безопасности дорожного движения; отсутствие и нехватка инфраструктуры для других участников дорожного движения (велосипедистов, СИМ и иных форм активной мобильности); несбалансированность и дефицит финансирования мероприятий, направленных на обеспечение безопасности дорожного движения, как и ограниченное внимание к имеющимся проблемам в рассматриваемой сфере на всех уровнях управления.

В России сейчас около 1,5 млн км дорог, из них: 64 тыс. – федеральная сеть, более 500 тыс. км – региональная и около 1 млн км – муниципальная. За пять лет реализации – с 2019 года – национального проекта «Безопасные и качественные дороги» обновлено и построено порядка 88 тыс. км дорожной сети, а общая площадь укладки дорожного покрытия составила порядка 717 млн кв. м., что указывает на позитивные перемены в дорожном хозяйстве. Согласно исследованиям ВЦИОМ, сегодня половина жителей страны удовлетворена качеством и доступностью автомобильных дорог[1].

В целях преодоления инфраструктурного дисбаланса необходима реализация комплекса мер государственного планирования и финансирования. Целесообразно внесение изменений в бюджетное законодательство, предусматривающих закрепление долгосрочных целевых субвенций субъектам Российской Федерации на развитие и модернизацию улично-дорожной сети в зависимости от плотности транспортных средств и прогнозируемых темпов автомобилизации. Одновременно требуется законодательное стимулирование частно-государственного партнёрства в дорожном строительстве, в частности путём установления налоговых льгот для инвесторов, реализующих проекты в сфере транспортной инфраструктуры[2]. Для оптимизации использования существующей сети предлагается повсеместное внедрение интеллектуальных транспортных систем, осуществляющих адаптивное управление дорожным движением, включая координированное регулирование светофорных объектов и динамическое перераспределение транспортных потоков.

Целесообразно создание единого федерального реестра субъектов транспортной деятельности с присвоением им рейтинга безопасности, что позволит сосредоточить проверочные ресурсы на наиболее проблемных организациях. Одновременно следует усилить ответственность самих перевозчиков за организацию предрейсового контроля. В этих целях Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях необходимо дополнить нормой, устанавливающей административную ответственность должностных лиц – юридических лиц и индивидуальных предпринимателей – за допуск к управлению транспортными средствами водителей, не прошедших в установленном порядке предрейсовый медицинский осмотр, либо за выпуск на линию транспортных средств с неисправностями, при которых эксплуатация запрещена. Только разработка системного подхода к организации безопасного дорожного движения и создание транспортной экосистемы, направленной на эффективное взаимодействие всех участников дорожного движения, автоматизированных транспортных средств и элементов дорожно-транспортной инфраструктуры, позволят создать безопасные условия в сфере дорожного движения [2, с. 196–197].

Регионализация недостатков контрольно-надзорной деятельности в отношении перевозчиков требует системной модернизации подходов к организации надзора. Пер-

---

[1] Аналитический доклад «Дороги для людей». Национальные проекты России «Безопасные и качественные дороги» [Электронный ресурс]. URL:https://национальныепроекты.рф/ (дата обращения: 15.01.2026).

[2] О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Рос. Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ. Доступ из справ.-праовой системы «КонсультантПлюс».

востепенной мерой должно стать внедрение полноценной риск-ориентированной модели при планировании проверок субъектов транспортной деятельности. Для этого требуется разработка и законодательное закрепление детализированных критериев отнесения перевозчиков к категориям риска, учитывающих не только формальные показатели, но и данные с телематических систем контроля за режимом труда и отдыха водителей, техническим состоянием транспортных средств, а также статистику участия в дорожно-транспортных происшествиях.

Немало существенных противоречий отмечается и в системе государственного управления и контроля за перевозочным процессом. В первую очередь обращает на себя внимание недостаточная эффективность контрольно-надзорных механизмов в отношении субъектов, осуществляющих перевозочную деятельность автомобильным транспортом. Действующая система надзора за пассажирскими и грузовыми перевозчиками зачастую носит формальный и выборочный характер, что создаёт предпосылки для допуска к работе транспортных средств с техническими неисправностями, а также водителей, не прошедших в установленном порядке предрейсовый медицинский осмотр или не имеющих необходимой квалификации. Причиной является отсутствие комплексного риск-ориентированного подхода при планировании проверок данной категории хозяйствующих субъектов, не позволяющее сосредоточить ограниченные ресурсы контрольно-надзорных органов на наиболее проблемных участках. На сегодняшний день процесс формирования государственной политики в области безопасности дорожного движения в России продолжается. В последние годы наблюдается целенаправленной развитие долгосрочных стратегий по обеспечению дорожной безопасности.

Однако чёткое разделение и закрепление соответствующих полномочий и ответственности между субъектами управления на всех уровнях (федеральном, региональном и местном) пока ещё должным образом обеспечено слабо. Ответственность органов государственной власти и местного самоуправления за положение дел в рассматриваемой области ни юридически, ни организационно не определена, как следствие, отмечается разобщённость и крайне не достаточная координация в деятельности органов управления. Во многих случаях вся практическая деятельность по обеспечению БДД ограничивается только работой подразделений Госавтоинспекции [3, с. 11–18].

Мероприятия по организации дорожного пространства и изоляции транспортных потоков также требуют нормативного закрепления приоритета безопасности при проектировании и содержании улично-дорожной сети. На уровне подзаконного нормативного правового акта считаем необходимым утверждение обязательных требований к обустройству: пешеходных переходов на участках дорог с интенсивным движением, предусматривающих их обязательное оснащение светофорным регулированием типа Т. 7, искусственным освещением, дублирующими дорожными знаками и разметкой; а также островками безопасности[1]. На магистральных улицах районного значения и дорогах местного значения в жилой застройке должны применяться меры по принудительному успокоению движения, включая установку искусственных неровностей, сужение проезжей части, создание серпантинов и круговых перекрёстков. Технические регламенты и национальные стандарты в области организации дорожного движения подлежат актуализации в части обязательного применения средств пассивной безопасности, таких как энергопоглощающие ограждения и системы удержания пешеходов на тротуарах. Финансирование указанных мероприятий может осуществляться в рамках государственных и муниципальных программ развития транспортной инфраструктуры,

[1] ГОСТ Р 52766-2007. Национальный стандарт Российской Федерации. Дороги автомобильные общего пользования. Элементы обустройства. Общие требования [Электронный ресурс]: приказ Ростехрегулирования от 23 октября 2007 г. № 270-ст. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

а также за счёт средств владельцев автомобильных дорог, для которых следует установить обязанность по ежегодному выделению целевых бюджетных ассигнований на мероприятия по повышению безопасности дорожного движения.

Следует отметить, что развитие современной сферы дорожного движения характеризуется активным внедрением технологических решений, кардинально преобразующих традиционные подходы к обеспечению безопасности. Среди ключевых инноваций следует выделить системы интеллектуального транспорта (ИТС), которые представляют собой комплекс аппаратно-программных средств, обеспечивающих информационное взаимодействие между транспортными средствами, дорожной инфраструктурой и центрами управления движением. Технология *Vehicle-to-Everything* (V2X), включающая подсистемы *Vehicle-to-Vehicle* (V2V) и *Vehicle-to-Infrastructure* (V2I), позволяет автомобилям в режиме реального времени обмениваться данными о скорости, траектории движения, дорожных условиях и потенциальных опасностях[1]. На практике это реализуется через установку на транспортные средства и элементы дорожной инфраструктуры специализированных бортовых устройств, работающих в защищённом диапазоне радиочастот 5.9 ГГц. Примером оперативного внедрения данной технологии могут служить интеллектуальные перекрёстки, где система V2I предупреждает водителей о нарушении правил проезда другими участниками движения или о приближении спецтранспорта. По оценкам экспертов, к 2035–2040 годам произойдёт переход от организации дорожного движения к управлению движением на дорогах, то есть переход на беспилотное управление транспортом. По мнению специалистов, автоматизация транспортной системы позволит решить проблему пробок и соблюдения ПДД, сократить количество аварийных ситуаций, исключив человеческий фактор [4, с. 11–18].

Перспективным направлением является развитие технологии высокоточного цифрового картографирования *HD Maps*, которое служит фундаментом для функционирования беспилотных транспортных средств. Эти карты содержат слой точностью до 10–20 сантиметров с информацией о геометрии дорог, дорожных знаках, разметке и стационарных объектах. Российская технология «Цифровой дорожный атлас», разрабатываемая в рамках национального проекта «Безопасные качественные дороги», интегрируется с системами спутниковой навигации ГЛОНАСС и обеспечивает позиционирование беспилотников с точностью до 5 сантиметров[2]. Для обработки данных с лидарных (*Light Detection and Ranging*) систем и стереокамер беспилотные автомобили используют бортовые компьютеры с производительностью до 320 *TOPS* (триллионов операций в секунду), что позволяет анализировать до 1 ГБ данных в секунду.

Критически важным аспектом остаётся обеспечение кибербезопасности интеллектуальных транспортных систем. Европейское агентство по сетевой и информационной безопасности (*ENISA*) разработало стандарт «*Cyber security for connected vehicles*», устанавливающий требования к защите каналов связи V2X[3]. В Российской Федерации аналогичные требования содержатся в приказе Минтранса России от 12.08.2020 № 260 «Об утверждении требований к кибербезопасности интеллектуальных транспортных систем». Реализация этих требований предполагает использование квантового распределения ключей для шифрования данных и технологии блокчейн для обеспечения не-

[1] Об утверждении требований к оснащению автомобильных дорог общего пользования элементами интеллектуальных транспортных систем [Электронный ресурс]: приказ Минтранса России от 17 декабря 2021 г. № 395. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Об утверждении Положения о проведении эксперимента по внедрению высокоавтоматизированных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Рос. Федерации от 5 сентября 2022 г. № 1556. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] ISO/SAE 21434 («Road vehicles — Cybersecurity engineering») [Электронный ресурс]. URL: Road vehicles – Cybersecurity engineering (дата обращения: 15.01.2026).

изменяемости журналов событий. Для беспилотных транспортных средств особую актуальность приобретает защита систем управления от кибератак, что обеспечивается созданием *hardware security modules* (*HSM*) – специализированных аппаратных модулей безопасности, сертифицированных по международному стандарту *Common Criteria EAL5+*.

Не менее сложной является проблема информационной безопасности, возникающая в контексте развития технологий подключённых и беспилотных транспортных средств. Интеграция автомобилей в единую информационную экосистему с дорожной инфраструктурой создаёт новые векторы для кибератак, последствия которых могут быть катастрофическими. Действующая нормативная правовая база, включая технические регламенты и правила дорожного движения, не содержит однозначных требований к кибербезопасности таких систем, а также не определяет чёткое распределение административной и гражданско-правовой ответственности между владельцем, производителем, разработчиком программного обеспечения и иными субъектами в случае совершения дорожно-транспортного происшествия с участием автономного транспортного средства. Этот правовой вакуум сдерживает внедрение перспективных технологий и одновременно повышает системные риски на этапе их экспериментальной эксплуатации.

Здесь в контексте правового регулирования требуется разработка федерального закона «О беспилотных транспортных средствах», который должен установить: критерии деликтоспособности искусственного интеллекта; порядок обязательного страхования гражданской ответственности владельцев беспилотников; процедуру сертификации алгоритмов управления. Особого внимания заслуживает вопрос распределения ответственности между производителем программного обеспечения, владельцем транспортного средства и оператором системы дистанционного управления. Предлагается внести изменения в Гражданский кодекс РФ, дополнив его статьёй 1100.1, устанавливающей презумпцию вины производителя в случае нештатной работы алгоритмов искусственного интеллекта, если не доказано нарушение правил эксплуатации со стороны владельца.

Однако стремительная цифровизация сферы дорожного движения порождает комплекс новых информационных и правовых проблем, для которых действующее административное законодательство не всегда предлагает адекватные решения. В настоящее время масштабы негативного применения цифровых технологий в сфере безопасности дорожного движения не поддаются практической оценке [5, с. 51].

Центральное место в данной дискуссии занимает вопрос о правомерности, обоснованности и пропорциональности применения систем автоматизированной фиксации административных правонарушений. В области автоматизированной фиксации правонарушений происходит переход от простых радарных комплексов к системам компьютерного зрения на основе искусственного интеллекта. Современные стационарные и мобильные комплексы фотовидеофиксации, такие как «АвтоУраган-ВСМ» и «Арена», оснащены алгоритмами глубокого обучения (*DeepLearning*), способными распознавать до 20 видов нарушений ПДД, включая непредоставление преимущества пешеходам, выезд на полосу для общественного транспорта и нарушение правил парковки[1]. Особенностью этих систем является использование нейросетевых моделей, которые *continuously* обучаются на массивах данных, что повышает точность распознавания до 98 %. Для обеспечения доказательственной силы материалы фиксации дополняются криптографической хэш-суммой, исключающей возможность последующей модификации. Правовой статус таких доказательств требует закрепления в Кодексе об административных правонарушениях с установлением обязательных требований к сертификации алгоритмов искусственного интеллекта, используемых в процессах фиксации.

[1] О безопасности колесных транспортных средств [Электронный ресурс]: технический регламент Таможенного союза ТР ТС 018/2011. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Благодаря развитию технологий, включая искусственный интеллект, функциональные возможности комплексов будут постоянно расширяться, что, с одной стороны, способствует повышению объективности контроля, но с другой – вызывает справедливую критику в связи с риском создания избыточной административной нагрузки на добросовестных участников движения. Основной задачей средств фиксации является повышение эффективности надзорно-контрольной деятельности. Что касается вопроса обеспечения безопасности, то его эффективность не так высока, как экономическая составляющая. В связи с этим нельзя с уверенностью сказать, эффективна ли такая мера с точки зрения создания безопасных условий на дороге, но что касается эффективности выявления правонарушений, то уровень высокий, о чём свидетельствует количество штрафов [6, с. 199–201].

Обращаясь к законодательству в сфере безопасности дорожного движения как к мерам по предупреждению дорожно-транспортной аварийности, необходимо отметить, что работа средств автоматической фиксации урегулирована множеством нормативных правовых актов. Вместе с тем отсутствие детального законодательного регулирования процедур сертификации, поверки и использования таких технических средств, а также чётких критериев для обжалования вынесенных с их помощью постановлений создаёт правовую неопределённость и может приводить к нарушению прав граждан. Требуется разработка специальной административной процедуры, гарантирующей достоверность доказательств, полученных автоматическим способом, и обеспечивающей право на эффективную судебную защиту. Согласно позиции Д. Н. Шурухнова и Р. В. Нагорных, цифровизация в сфере производства по делам об административных правонарушениях представляет собой важный вектор развития правовой системы [7, с. 278–280], который должен подразумевать адаптацию административных норм к реальному уровню развития цифровых технологий и обеспечивать возможность использования гражданами всех без исключения процессуальных возможностей для защиты своих прав на всех стадиях производства. Эта задача весьма сложная, но разрешимая. Прежде всего, её решение видится в создании специальных электронных площадок производства по делам об административных правонарушениях, на которых гражданин мог бы подавать жалобы, заявлять ходатайства уже на стадии административного расследования, имел бы возможность получать информацию о техническом состоянии средств измерения, их сертификации, периодичности проводимых проверок технического состояния, соответствии иным требованиям допустимости. Кроме того, необходимо внедрение и зарубежного опыта создания и развития сети IT-компаний, специализирующихся на оказании услуг юридической защиты в цифровой сфере [8, с. 39–44].

Таким образом, проведённый анализ определяет современное состояние безопасности дорожного движения в России как комплекс, имеющий ряд взаимосвязанных проблем, выходящих далеко за рамки вопросов административной ответственности водителей. Это и технические проблемы, такие как инфраструктурный дисбаланс, старение автопарка, несоответствие транспортно-эксплуатационного состояния улично-дорожной сети и др., которые создают объективные предпосылки для аварийности. Недостатки, проявляемые в противоречиях контрольно-надзорной деятельности архаичной системы допуска водителей и несовершенстве организации дорожного пространства, усугубляют эти риски. А порождённые цифровизацией информационно-правовые вызовы требуют скорейшего нормативного закрепления в части автоматизированного контроля и регулирования беспилотного транспорта. В этой связи стратегическим направлением совершенствования административно-правового регулирования должен стать переход к комплексной, межотраслевой модели управления безопасностью дорожного движения. В качестве конкретных мер предлагается: законодательно закрепить приоритетное финансирование развития дорожной инфраструктуры в рамках

национальных проектов; ввести стимулирующие и ограничительные административные меры для обновления парка коммерческого транспорта; перейти к риск-ориентированной модели надзора за перевозчиками; разработать и принять специализированный федеральный закон, регулирующий вопросы применения автоматизированных средств фиксации и эксплуатации беспилотных транспортных средств, включая аспекты кибербезопасности и распределения ответственности. Реализация указанных предложений будет способствовать созданию устойчивой, проактивной и технологически адаптированной системы обеспечения безопасности дорожного движения.

---

1. Абрамов М. А. Современные проблемы применения мер административной ответственности в области организации дорожного движения. // Актуальные исследования Международный научный журнал. 2025. № 26-2 (261). С. 9-12.
2. Султанова Л. М., Батманов Э. З., Мирзаханова Н. Н. Системный анализ эффективности мероприятий по организации и безопасности дорожного движения // Альманах Крым. 2022. № 30. С. 11-18.
3. Кондратьев В. Д., Щепкин А. В. К вопросу о методологии обеспечения безопасности дорожного движения в Российской Федерации // Сборник «Дороги и мосты» - Выпуск 36-2/2016. С. 196-197.
4. Султанова Л. М., Батманов Э. З., Мирзаханова Н. Н. Системный анализ эффективности мероприятий по организации и безопасности дорожного движения // Альманах Крым. 2022. № 30. С. 11-18.
5. Нагорных Р. В. О некоторых аспектах совершенствования административно-юрисдикционной деятельности в условиях цифровой трансформации // Iuspublicumetprivatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2025. № 2(30). С. 50–54
6. Аксютин Е. В. Средства автоматической фиксации нарушения правил дорожного движения: вопросы эффективности и правового регулирования // Молодой ученый. 2023. № 52(499). С. 199-201.
7. Шурухнова Д. Н. Цифровые технологии в сфере законодательства об административных правонарушениях // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 6. С. 278–280
8. Нагорных Р. В. О совершенствовании административно-правового регулирования в условиях цифровизации экономики // Юридическое образование и наука. 2021. № 3. С. 39–44.

1. Abramov M. A. Sovremenny`e problemy` primeneniya mer administrativnoj otvetstvennosti v oblasti organizacii dorozhnogo dvizheniya. // Aktual`ny`e issledovaniya Mezhdunarodny`j nauchny`j zhurnal. 2025. № 26-2 (261). S. 9-12.
2. Sultanova L. M., Batmanov E`. Z., Mirzaxanova N. N. Sistemny`j analiz e`ffektivnosti meropriyatij po organizacii i bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Al`manax Kry`m. 2022. № 30. S. 11-18.
3. Kondrat`ev V. D., Shhepkin A. V. K voprosu o metodologii obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Rossijskoj Federacii // Sbornik «Dorogi i mosty`» - Vy`pusk 36-2/2016. S. 196-197.
4. Sultanova L. M., Batmanov E`. Z., Mirzaxanova N. N. Sistemny`j analiz e`ffektivnosti meropriyatij po organizacii i bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Al`manax Kry`m. 2022. № 30. S. 11-18.
5. Nagorny`x R. V. O nekotory`x aspektax sovershenstvovaniya administrativno-yurisdikcionnoj deyatel`nosti v usloviyax cifrovoj transformacii // Iuspublicumetprivatum: setevoj nauchno-prakticheskij zhurnal chastnogo i publichnogo prava. 2025. № 2 (30). S. 50–54

6. Aksyutin E. V. Sredstva avtomaticheskoj fiksacii narusheniya pravil dorozhnogo dvizheniya: voprosy` e`ffektivnosti i pravovogo regulirovaniya // Molodoj ucheny`j. 2023. № 52 (499). S. 199-201.
7. Shuruxnova D. N. Cifrovy`e texnologii v sfere zakonodatel`stva ob administrativny`x pravonarusheniyax // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2020. № 6. S. 278–280
8. Nagorny`x R. V. O sovershenstvovanii administrativno-pravovogo regulirovaniya v usloviyax cifrovizacii e`konomiki // Yuridicheskoe obrazovanie i nauka. 2021. № 3. S. 39–44.

Информация об авторах

Юрий Андреевич Дудкин. Доцент кафедры специальной тактики учебно-научного комплекса специальной подготовки, кандидат педагогических наук.
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя.
117437, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

Елена Николаевна Ноговицина. Преподаватель кафедры организации деятельности Госавтоинспекции.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the authors

Yuri An. Dudkin. Associate Professor of the Department of Special Tactics of the Educational and Scientific Complex of Special Training. Candidate of Pedagogical Sciences.
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot.
117437, Russia, Moscow, Akademika Volgina Str., 12.

Elena N. Nogovitsyna. Lecturer at the Department of Traffic Police Organization.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 02.02.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.
The article was received in the editorial office on 02.02.2026; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
№ 1(106) 2026 г.
Научная статья
УДК 342.98

ПРОБЛЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ПУТИ ЕЁ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Затолокин Александр Александрович[1], Стрельцов Вадим Вадимович[2], Осипов Игорь Геннадьевич[3]
[1,2]Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия
[3]ГУ МВД России по Краснодарскому краю, Краснодар, Россия

[1]kiap_krdu@mvd.ru
[2]vvslexx@gmail.ru
[3]kusoviye.mvd@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются существующие проблемы, связанные с профессиональной деформацией сотрудников органов внутренних дел. Исследуются мнения различных авторов, занимающихся изучением соответствующих вопросов. Детерминируются признаки (особенности) профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел. Приводятся типичные примеры проявления профессиональной деформации. Формулируется авторское определение дефиниции «профессиональная деформация сотрудника органов внутренних дел». Обосновывается необходимость применения ряда мер, направленных на купирование проблемы профессиональной деформации и минимизацию рисков её негативного проявления.

Ключевые слова: проблема профессиональной деформации, мнения учёных, признаки, примеры проявления, дефиниция, пути решения проблемы.

Для цитирования: Затолокин А. А., Стрельцов В. В., Осипов И. Г. Проблема профессиональной деформации в органах внутренних дел и пути её преодоления // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 123–130.

THE PROBLEM OF PROFESSIONAL DEFORMATION IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES AND WAYS TO OVERCOME IT

Alexander A. Zatolokin[1], Vadim V. Streltsov[2], Igor G. Osipov[3]
[1,2]Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Krasnodar, Russia
[3]Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Krasnodar Krai, Krasnodar, Russia

[1]kiap_krdu@mvd.ru
[2]vvslexx@gmail.ru
[3]kusoviye.mvd@mail.ru

Annotation. The existing problems related to the professional deformation of law enforcement officers are analyzed. The opinions of various authors involved in the study of relevant issues are being investigated. The signs (features) of professional deformation of employees of internal affairs bodies are determined. Typical examples of professional deformation are given. The author's definition of the definition "professional deformation of an employee of the internal affairs bodies" is formulated. The necessity of applying a number

of measures aimed at relieving the problem of occupational deformity and minimizing the risks of its negative manifestation is substantiated.

Keywords: the problem of professional deformation, opinions of scientists, signs, examples of manifestation, definition, ways to solve the problem.

For citation: Zatolokin A. A., Streltsov V. V., Osipov I. G. Experience and prospects of interaction of the department of internal affairs with religious organizations for the prevention of international conflicts // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2026. № 1(106). P. 123–130.

Одной из наиболее актуальных проблем в вопросах прохождения службы сотрудниками органов внутренних дел (далее по тексту – ОВД) является проблема профессиональной деформации. Профессиональная деформация, наряду с нравственными проблемами, оказывает существенное влияние на качество выполняемых функциональных задач, снижая результативность отдельного сотрудника и коллектива в целом. В данной статье предпримем попытку описания результатов проведённого исследования в сфере дедуцирования возникающих в процессе службы у сотрудников органов внутренних дел проблем, сопряжённых с профессиональной деформацией, а также выработки предложений по их нивелированию.

Проблема профессиональной деформации сотрудников ОВД не раз становилась предметом научного изучения различных исследователей. Так, в своей статье Ю. Ю. Растяпина отмечает, что любая профессия, в том числе и правоохранительная деятельность, накладывает определённые отпечатки на личность человека [1, с. 74]. В дальнейшем человек с приобретённым «отпечатком» профессии может совершать определённые поступки, влияющие в той или иной степени на качество функциональных обязанностей. Указанный автор исследует проблему профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел и выделяет уровни деформации (начальный, средний и глубинный), описывая при этом те признаки, которые свойственны сотрудникам правоохранительных органов на каждом из описанных уровней. Наибольшую проблему и вред для личности Ю. Ю. Растяпина видит при формировании среднего и глубинного уровня. На данных уровнях, по утверждению автора, правоприменитель полностью «растворяется» в профессии, перенося манеру общения, стереотипы из профессиональной деятельности в повседневную жизнь. Иными словами, сотрудник ОВД, подверженный профессиональной деформации, становится мнительным, недоверчивым, грубым, а также «болезненно реагирует на критику и контроль за своей деятельностью, жёстко ориентируется на личный опыт, включая презумпцию собственной непогрешимости» [1, с. 75]. Подобный негативный отпечаток профессии в конечном итоге, по мнению Ю. Ю. Растяпиной, сказывается и на профессиональной деятельности. В приведённых выше ситуациях начинают происходить эмоциональные срывы, сотрудник ОВД может терять самоконтроль, снижается результативность служебной деятельности.

Другие исследователи, среди которых Т. Г. Татидинова и Н. Ю. Галкина [2, с. 94], занимают схожую позицию с Ю. Ю. Растяпиной. Учёные выделяют схожие с уже приведёнными уровни профессиональной деформации. В качестве основных выводов указанные авторы отмечают, что итогом профессиональной деформации сотрудника ОВД являются глобальные процессы, выражающиеся в девиантном поведении, суицидальных наклонностях, злоупотреблении алкоголем и наркотиками. Перечисленные процессы ставят под сомнение возможность дальнейшего осуществления сотрудником ОВД своих полномочий.

Ряд авторов, в числе которых А. Р. Бисенгулова и Д. Х. Носова [3, с. 112], выделяют всего два уровня профессиональной деформации:

– личностно-психологический;

– социальный.

В работах данных исследователей профессиональная деформация рассматривается как результат «эмоционального выгорания». Подобное сопоставление авторы обосновывают тем, что сотрудник ОВД в процессе своей службы находится в условиях больших эмоциональных нагрузок, что приводит к истощению его психологических реакций и в конечном итоге выражается в эмоциональном выгорании. В работах указанных исследователей профессиональная деформация рассматривается как следствие эмоционального выгорания.

Другие учёные, в том числе и А. В. Половинкина, считают, что профессиональная деформация усиливается и развивается благодаря негативному окружению сотрудника правоохранительных органов и его личной жизни [4, с. 103]. Факт влияния личной жизни на профессиональную деятельность не подлежит сомнению, вместе с тем личная жизнь сотрудника ОВД остаётся за гранью изучения и не входит в предмет ни настоящего исследования, ни какого-то иного, поскольку право на личную жизнь защищено Конституцией Российской Федерации. Вместе с тем неблагоприятная семейная обстановка будет только усиливать эффект от профессиональной деформации. В подтверждение данного тезиса представим ситуацию, при которой профессионально деформированный сотрудник ОВД после насыщенного на события служебного дня возвращается домой, где его ждут ещё и семейные проблемы. Нерешённые социально-бытовые, межличностные проблемы семьи являются причиной скандалов, приводят к разводам, суицидам среди сотрудников ОВД. Нередко сотрудники правоохранительных органов могут искать выход в злоупотреблении алкоголем или наркотическими средствами, что, в свою очередь, только усугубляет профессиональную деформацию. Поэтому, по мнению исследователя А. В. Половинкиной, очень важен положительный эффект от ближайшего окружения сотрудников органов внутренних дел.

Анализ приведённых выше публикаций позволяет детерминировать ряд общих признаков (особенностей) профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел. Ниже сформулируем их.

Первый признак – профессиональная деформация, которая является своеобразным «отпечатком» служебной деятельности, который накладывается на личность человека, продолжительное время осуществляющего типовые, профессиональные функции. Профессиональной деформации подвержены все профессии в той или иной степени, однако у сотрудников правоохранительных органов, учитывая выполняемые ими профессиональные функции, деформация приобретает социально опасные формы.

Второй признак – наличие уровней (стадий) профессиональной деформации. При этом чем выше уровень, тем сложнее становится исправить последствия влияния профессии на личность сотрудника правоохранительных органов. Так, если на первоначальном уровне можно как-то смягчить, изменить наступление неблагоприятных последствий для личности сотрудника органов внутренних дел, то на последующих уровнях (стадиях) принять контрмеры становится невозможно.

Третий признак – неизбежные последствия от профессиональной деформации. Последствия профессиональной деформации выражаются в личностных изменениях, связанных с мнительностью, чувством вседозволенности, непогрешимости своих действий. В дальнейшем, пытаясь сгладить негативные последствия от профессиональной деформации, сотрудник ОВД может начать злоупотреблять алкоголем либо же начать употреблять наркотические средства, вести неслужебное общение с представителями криминального мира. Подобные последствия имеют негативное воздействие как на ближайшее окружение сотрудника органа внутренних дел, его семью, так и на профессиональную сферу.

Четвёртый признак – эмоциональное выгорание. Эмоциональные нагрузки, которые испытывает сотрудник ОВД при выполнении профессиональных обязанностей, приводят к эмоциональному выгоранию. У человека, регулярно сталкивающегося с людскими пороками, ставшими причинами таких социально опасных и преступных действий, как грабежи, изнасилования, развратные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних, убийства и многие другие, незаметно притупляется так называемый «болевой порог». При снижении «болевого порога» у человека искажается сознание; боль, страдания, алчность становятся чем-то повседневным, обыденным. В дальнейшем подобное выгорание приводит к профессиональной деформации.

Пятый признак – неблагоприятная семейная (личная) сфера. Зачастую сотрудники ОВД делятся впечатлениями от своей работы со своей супругой или супругом в поисках какой-то эмоциональной поддержки. Однако сопутствующие правоохранительной деятельности переработки, неурочные дежурства, ночные смены негативно влияют на их семейное положение. Жены и мужья сотрудников ОВД, не понимающие и не разделяющие благородных порывов правоприменителей жертвовать личным временем для целей службы, расторгают брак и уходят из семьи, оставляя полицейского одного наедине со своими проблемами. Оставленный один, человек может начать злоупотреблять алкоголем, что в дальнейшем негативно отражается на профессиональной деятельности правоохранителя. Поэтому положительное окружение, внимательная и заботливая семья являются своеобразной защитой сотрудника органов внутренних дел от «выгорания» на работе и профессиональной деформации.

Примерами профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел являются те случаи, когда человек, находящийся на службе, пренебрегает нормами поведения, поступая не только опрометчиво, но даже и в нарушение действующего законодательства. Следует отметить, что, помимо общих случаев профессиональной деформации, выделяются и частные случаи, сопряжённые с выполнением служебных обязанностей по конкретному направлению правоохранительной деятельности, то есть в зависимости от специализации. Так, в качестве примера профессиональной деформации сотрудников дорожно-патрульной службы (ДПС) ГИБДД можно привести ситуации, сопряжённые со снижением чувства самосохранения при передвижении сотрудника по проезжей части. Лица, проходящие службу в строевых подразделениях ДПС (ГИБДД), зачастую пренебрегают мерами личной безопасности, передвигаясь по проезжей части как в светлое, так и в ночное время суток [5, с. 202]. Потеря бдительности на дороге становится причиной попадания самих сотрудников ДПС (ГИБДД) в дорожно-транспортные происшествия.

Сотрудники оперативных подразделений органов внутренних дел, в том числе уголовного розыска, в качестве профессиональной деформации испытывают на себе влияние криминальной среды, с представителями которой они по роду своей деятельности вступают во взаимодействие. Сотрудники уголовного розыска, подверженные профессиональной деформацией, склонны не только во время исполнения своих профессиональных функций, но и в быту использовать жаргоны, типичные для общения в криминальном мире. Кроме того, оперативники, постоянно сталкиваясь с человеческой алчностью и грубостью, привыкают применять силу и могут проявлять чрезмерную агрессию даже в отношении близких им людей [6, с. 97].

Следователи наравне с другими сотрудниками ОВД также подвержены профессиональной деформации. Отличительной чертой следователей, подверженных профессиональной деформации, является чрезмерная недоверчивость, подозрительность, мнительность. Следователи не только в своей профессиональной деятельности, но и в быту являются крайне подозрительными, стараются при малейшей возможности обвинить человека в совершённых противоправных действиях. Ряд исследователей даже выделяет такую форму профессиональной деформации следователя, как обвинение

жертвы в том, что в отношении неё было совершенно преступление (виктимблейминг) [7, с. 79].

Таким образом, учитывая дедуцированные отличительные признаки, сформулируем определение профессиональной деформации сотрудника ОВД – «это отражение служебной деятельности на личности человека, развивающееся на нескольких уровнях (стадиях), выражающееся в негативных чертах (мнительность, агрессивность, алчность), ставшее причиной эмоционального выгорания и усиливающееся посредством неблагоприятной семейной обстановки».

Результаты профессиональной деформации сотрудников ОВД кратно увеличиваются при наложении на один порок другого. Так, сотрудники с низкой нравственной культурой, подверженные деформации, склонны совершать более тяжкие проступки. Общую известность получил случай, произошедший в 2012 году в ОВД «Дальний», где, по информации из Российской Газеты, «несколько сотрудников отдела до смерти замучили задержанного»[1]. В данном случае профессиональная деформация вызвала падение нравственной культуры у полицейских, которые пытались «выбить» признательные показания у задержанного в краже телефона. Иными словами, приобретённая профессиональная деформация гипертрофировала желание достичь результативности работы любой ценой и позволила нарушить имеющиеся нравственные устои сотрудников ОВД, сделав возможными пытки и истязания задержанного.

О важности и значении работы с лицами, поступающими на службу в ОВД, регулярно говорится в различных научных исследованиях как в Российской Федерации, так и за её пределами. Гражданин, поступающий на службу в правоохранительные органы, должен проходить тщательную проверку, а его личные и деловые качества подвергаться глубокому анализу. Деятельность кадровых подразделений правоохранительных органов на постсоветском пространстве базируется на равных принципах [8, с. 175], однако существует и человеческий фактор, когда на службу принимается неблагонадёжный гражданин, тем более в условиях нехватки кадров в системе правоохранительных органов [9, с. 171]. Высокий уровень нравственной культуры может стать своеобразным барьером в отказе от совершения противоправных действий даже у лиц, подверженных профессиональной деформации.

В качестве треков решения проблем, связанных с профессиональной деформацией у сотрудников ОВД, можно назвать следующие:

1. Ротация кадров. Исходя из опыта службы в ОВД, данных, полученных эмпирическим путём, а также исследований различных учёных, следует, что профессиональной деформации подвержены все сотрудники ОВД. Чем выше уровень деформации (начальный, средний и глубинный), тем серьёзнее и необратимее изменения личности правоохранителя. Кроме того, существует определённая специфика профессиональной деформации в зависимости от подразделения, в котором проходит службу сотрудник органов внутренних дел (ДПС, уголовный розыск, следствие).

В целях исключения влияния профессиональной деформации, когда последствия от неё приобретают необратимый характер, следует осуществлять ротацию кадров. Например, сотрудника уголовного розыска можно перевести в ДПС (ГИБДД), а сотрудника ДПС (ГИБДД) перевести в подразделения следственного аппарата и так далее. Осуществлять предложенную меру следует на начальном или на среднем уровне профессиональной деформации.

2. Повышение квалификации, в том числе переподготовка кадров. Подобные формы подготовки кадров давно зарекомендовали себя с положительной стороны как важнейшее условие профессионального совершенствования сотрудников ОВД. В лю-

[1] Российская газета [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2012/04/19/nyrgaliev-anons.html (дата обращения: 26.02.2025).

бую программу повышения квалификации либо профессиональной переподготовки включается блок тем (модуль) психологических вопросов, активно проводятся занятия с участием практикующих психологов, что, в свою очередь, благоприятно влияет на снижение воздействия профессиональной деформации. Кроме того, выходя за границы своей профессиональной деятельности, погружаясь в академическую среду, правоохранитель расширяет свой кругозор, изучает передовой опыт своей профессии, что также положительно влияет на качество исполнения им своих служебных обязанностей. Вопросам повышения квалификации и профессиональной переподготовки в системе МВД России уделяется повышенное внимание, данное направление деятельности регулируется отдельным приказом – приказом МВД России № 44[1]. Указанный нормативный акт определил сроки повышения квалификации – не реже чем раз в пять лет.

Считаем необходимым при выявлении признаков профессиональной деформации у сотрудника ОВД, соответствующих начальной стадии, незамедлительно направлять его для прохождения повышения квалификации, а в случае выявления признаков, соответствующих средней стадии, – на профессиональную переподготовку с принятием решения о ротации на иную должность в иное подразделение органов внутренних дел.

3. Применение комплекса мер, направленных на раннее обнаружение проблем нравственной культуры у сотрудников органов внутренних дел:

– повышение значимости института наставничества (наставник на ранних стадиях может обнаружить проблемы нравственной культуры сотрудника, вновь принятого на службу, и совместно с руководством подразделения и кадровым аппаратом принять меры воспитательного характера, направленные на нивелирование имеющихся проблем);

– совершенствования работы психологической службы в органах внутренних дел (психологи, осуществляя плановое тестирование подразделений органов внутренних дел, должны выявлять лиц, подверженных профессиональной деформации, и предоставлять руководству органа свои предложения о возможных к применению мерам (ротация, либо повышение квалификации, либо профессиональная переподготовка));

– включение в тематический план раздела морально-психологической подготовки занятий, направленных на демонстрирование примеров эмоционального выгорания, примеров профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел, а также положительного опыта преодоления проблем профессиональной деформации и нравственной культуры у сотрудников правоохранительных органов.

Реализация предложенного комплекса мер окажет положительное воздействие на повышение профессиональной культуры сотрудников органов внутренних дел и позволит на ранних стадиях выявить лиц, имеющих проблемы в сфере нравственности. Помимо перечисленных мер, следует уделять внимание социальной защищённости сотрудника. В тех случаях, когда «тылы» сотрудника ОВД находятся в порядке, он полностью посвящает себя работе, не думая о неустроенности детей в детский сад, о нерешённости жилищного вопроса и многих других бытовых проблемах. Государство должно заботится о социальной защите своих правоохранителей, чтобы они заботились о безопасности общество и государства.

Таким образом, в завершение необходимо отметить, что проведённый анализ свидетельствует о наличии определённых проблем, связанных с профессиональной деформацией сотрудников ОВД. Указанные в тексте статьи проблемы являются вполне преодолимыми при своевременном диагностировании эмоционального выгорания, профессиональной деформации начального и среднего уровня. Решение обозначенных проблем возможно при применении повышения квалификации, профессиональной пе-

[1] Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Рос. Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

реподготовки и дальнейшей ротации кадров, совершенствования института наставничества и повышения значимости психологической службы ОВД.

1. Растяпина Ю. Ю. Профессиональная деформация сотрудников ОВД // Вестник Московского университета МВД России, № 9. 2012. С. 75-78.
2. Татидинова Т. Г., Галкина Н. Ю. Профессиональная деформация личности сотрудника органов внутренних дел: теоретические аспекты // Юридическая наука и правоохранительная практика, № 3(37). 2016. С.92-98.
3. Бисенгулова А. Р., Носова Д. Х. Профессиональная деформация сотрудников ОВД и способы ее предупреждения // Вестник ПГГПУ. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки, № 2. 2017. С. 109-113.
4. Половинкина А. В. Актуальные вопросы предупреждения и устранения явлений профессиональной деформации следователей ОВД // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, № 1. 2016. С. 99-104.
5. Затолокин А. А. Соблюдение мер личной безопасности сотрудниками ДПС ГИБДД при осуществлении ими контрольно-надзорных функций // Общество и право, № 3(61). 2017. С. 199-203.
6. Корнеева Я. А., Симонова Н. Н. Профессиональная личностная деформация сотрудников органов внутренних дел // Организационная психология, № 2. 2020. С. 95-98.
7. Зотов А. Д., Краснов И. А. Профессиональная деформация следователя: новые формы в современной России // Юридическая наука, № 1. 2021. С. 77-81.
8. Мирзорустамов М. М. Актуальные задачи профессионального отбора кадров на службу в органы внутренних дел Республики Таджикистан// Труды Академии МВД Республики Таджикистан, № 1(25). 2015. С. 172-176.
9. Затолокин А. А., Савенко Н. Н. Проблемы комплектования территориальных ОВД и пути их решения // Актуальные вопросы применения норм административного права (Кореневские чтения): Сборник научных трудов VII Международной научно-практической конференции. Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2023. С. 169-173.

1. Rastyapina Yu. Yu. Professional`naya deformaciya sotrudnikov OVD // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii, № 9. 2012. S. 75-78.
2. Tatidinova T. G., Galkina N. Yu. Professional`naya deformaciya lichnosti sotrudnika organov vnutrennix del: teoreticheskie aspekty` // Yuridicheskaya nauka i pravooxranitel`naya praktika, № 3(37). 2016. S.92-98.
3. Bisengulova A. R., Nosova D. X. Professional`naya deformaciya sotrudnikov OVD i sposoby` ee preduprezhdeniya // Vestnik PGGPU. Seriya № 3. Gumanitarny`e i obshhestvenny`e nauki, № 2. 2017. S. 109-113.
4. Polovinkina A. V. Aktual`ny`e voprosy` preduprezhdeniya i ustraneniya yavlenij professional`noj deformacii sledovatelej OVD // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, № 1. 2016. S. 99-104.
5. Zatolokin A. A. Soblyudenie mer lichnoj bezopasnosti sotrudnikami DPS GIBDD pri osushhestvlenii imi kontrol`no-nadzorny`x funkcij // Obshhestvo i pravo, № 3(61). 2017. S. 199-203.
6. Korneeva Ya. A., Simonova N. N. Professional`naya lichnostnaya deformaciya sotrudnikov organov vnutrennix del // Organizacionnaya psixologiya, № 2. 2020. S. 95-98.
7. Zotov A. D., Krasnov I. A. Professional`naya deformaciya sledovatelya: novy`e formy` v sovremennoj Rossii // Yuridicheskaya nauka, № 1. 2021. S. 77-81.

8. Mirzorustamov M. M. Aktual`ny`e zadachi professional`nogo otbora kadrov na sluzhbu v organy` vnutrennix del Respubliki Tadzhikistan// Trudy` Akademii MVD Respubliki Tadzhikistan, № 1(25). 2015. S. 172-176.
9. Zatolokin A. A., Savenko N. N. Problemy` komplektovaniya territorial`ny`x OVD i puti ix resheniya // Aktual`ny`e voprosy` primeneniya norm administrativnogo prava (Korenevskie chteniya): Sbornik nauchny`x trudov VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Moskovskij universitet Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii im. V.Ya. Kikotya, 2023. S. 169-173.

Информация об авторах

Александр Александрович Затолокин. Доцент кафедры конституционного и административного права, кандидат юридических наук, доцент.
Краснодарский университет МВД России.
350005, Россия, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.

Вадим Вадимович Стрельцов. Преподаватель кафедры теории и истории права и государства, кандидат социологических наук.
Краснодарский университет МВД России.
350005, Россия, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.

Игорь Геннадьевич Осипов. Государственный инспектор ГИБДД, магистр права.
ГУ МВД России по Краснодарскому краю.
350020, Россия, г. Краснодар, ул. Гаврилова, 96.

Information about the authors

Alexander A. Zatolokin. Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law. Candidate of Legal Sciences, associate Professor.
Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia.
350005, Russia, Krasnodar, Yaroslavskaya Str., 128.

Vadim V. Streltsov. Lecturer at the Department of Theory and History of Law and State, Candidate of Sociological Sciences.
Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia.
350005, Russia, Krasnodar, Yaroslavskaya Str., 128.

Igor G. Osipov. Master of Law (LLM).
Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Krasnodar Krai.
350005, Russia, Krasnodar, Gavrilova Str., 96.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 04.12.2025; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.
The article was received in the editorial office on 04.12.2025; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
№ 1(106) 2026 г.
Научная статья
УДК 342.25

ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК УСЛОВИЕ НАТУРАЛИЗАЦИИ: ПРОБЕЛЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О ГРАЖДАНСТВЕ И РИСКИ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Зраева Ирина Михайловна[1], Евланов Роман Алексеевич[2]
[1]Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, Брянск, Россия
[2]УМВД России по Брянской области, Брянск, Россия

[1]zraeva@mail.ru
[2]revlanov@mvd.ru

Аннотация. Авторы исследуют коллизию норм, при которой иностранные граждане, имеющие близких родственников – граждан РФ, освобождаются от подтверждения владения русским языком, истории и основ законодательства как на этапе получения вида на жительство, так и при приёме в гражданство. Выявлено, что текущая правоприменительная практика, освобождающая от языкового требования на всех этапах легализации, создаёт риски социальной изоляции мигрантов, формирования замкнутых этнических анклавов и, как следствие, угроз национальной безопасности. Вносятся предложения по устранению выявленного пробела в целях укрепления интеграционного потенциала института гражданства и минимизации рисков для общественной безопасности.

Ключевые слова: гражданство РФ, приобретение гражданства, натурализация, русский язык как государственный, интеграция мигрантов, законодательство о гражданстве, общественная безопасность, миграционная политика.

Для цитирования: Зраева И. М., Евланов Р. А. Языковая интеграция как условие натурализации: пробелы в законодательстве Российской Федерации о гражданстве и риски для национальной безопасности // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 131–140.

LANGUAGE INTEGRATION AS A CONDITION FOR NATURALIZATION: GAPS IN THE RUSSIAN CITIZENSHIP LEGISLATION AND RISKS TO NATIONAL SECURITY

Irina M. Zraeva[1], Roman Al. Yevlanov[2]
[1]Bryansk branch of the V.V. Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Bryansk, Russia
[2]Ministry of Internal Affairs of Russia for the Bryansk Region, Bryansk, Russia

[1]zraeva@mail.ru
[2]revlanov@mvd.ru

Annotation. The author examines the conflict of norms, in which foreign citizens who have close relatives who are Russian citizens are exempt from confirming their proficiency in

Russian both at the stage of obtaining a residence permit and when applying for citizenship. It is revealed that the current law enforcement practice, which exempts from the language requirement at all stages of legalization, creates risks of social isolation of migrants, the formation of closed ethnic enclaves, and, as a result, threats to national security. Proposals are made to eliminate the identified gap in order to strengthen the integration potential of the citizenship institution and minimize the risks to public safety.

Keywords: Russian Federation citizenship, acquisition of citizenship, naturalization, Russian language as the state language, integration of migrants, citizenship legislation, public safety, migration policy.

For citation: Zraeva I. M., Yevlanov R. A. Language integration as a condition for naturalization: gaps in the russian citizenship legislation and risks to national security // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2026. № 1(106). P. 131–140.

Институт гражданства выступает фундаментальной правовой связью между индивидом и государством, определяющей правовой статус личности, взаимные права и обязанности, а также степень вовлечённости в общественно-политическую жизнь государства. Вопросы, касающиеся приобретения гражданства Российской Федерации, по-прежнему сохраняют высокую актуальность в условиях современной глобализации и мобильности населения и занимают важное место в области миграционной политики и правоприменительной практики российского государства. Согласно ч. 1 ст. 6 Конституции РФ, «гражданство РФ приобретается и прекращается в соответствии с Федеральным законом, является единым и равным независимо от оснований приобретения».

Для многонациональной и территориально обширной России вопросы принадлежности к государству и порядок закрепления гражданства имеют особое значение и требуют чёткого правового регулирования. В апреле 2023 года Президентом России был подписан новый федеральный закон, регламентирующий вопросы правового регулирования приобретения иностранными гражданами российского паспорта, – Федеральный закон Российской Федерации от 28.04.2023 № 138-ФЗ«О гражданстве Российской Федерации» (далее – ФЗ РФ «О гражданстве РФ»)[1], которым учтены основные потребности миграционной политики страны.

Статьёй 12 ФЗ РФ «О гражданстве РФ» установлено несколько оснований приобретения российского гражданства: по рождению, в результате приёма в гражданство, в результате признания гражданином РФ, в результате выбора гражданства РФ при изменении государственной границы РФ (оптации).

Приём в гражданство (натурализация) представляет собой один из способов приобретения гражданства Российской Федерации, позволяющий иностранцам и лицам без гражданства получить полные гражданские права и статус гражданина в составе российского государства.

Вектор развития политики регулирования вопросов натурализации в Российском государстве неоднократно изменялся в зависимости от комплекса факторов, обусловленных как внутригосударственными приоритетами, так и обстоятельствами, формирующими характер международных отношений в тот или иной исторический период. Нормативные правовые акты в сфере миграции часто носят адаптационный характер по отношению к новым стратегическим потребностям государства [1, с. 86].

[1] О гражданстве Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

Анализ официальной статистики МВД России за 2023–2025 гг. свидетельствует о выраженной тенденции к сокращению числа лиц, принятых в гражданство Российской Федерации с 2021 года. По данным МВД России, в 2018 году российское гражданство получили 269 тыс., в 2019 году – 498 тыс., в 2020 году – 656 тыс., в 2021 году – 735 тыс., в 2022 году отмечено сокращение на 6,4 % (691 тыс.), в 2023 году – на 45,2 % (378,5 тыс.), в 2024 году – на 44,8 % (до 209,0 тыс.), а в период с января по октябрь 2025 года – на 30,1 % (с 159,7 тыс. до 110,8 тыс.)[1].

Рис. 1. Общее количество лиц,
приобретших гражданство Российской Федерации, с разбивкой по годам

Ведомство объясняет эти изменения двумя основными факторами: массовым приёмом в гражданство жителей новообразованных субъектов по положениям соответствующих федеральных конституционных законов в предыдущие годы и усилением процедур административного контроля за приёмом в гражданство.

Такая динамика указывает на сочетание квазиперманентных демографически правовых эффектов (резерв прироста гражданства, исчерпанный после массивных приёмов) и институциональных мер, влияющих на текущие потоки натурализации. В основном паспорта РФ выдают приехавшим из ближнего зарубежья и Азии (представители Таджикистана, Казахстана, Украины, Армении и Узбекистана)[2].

В России, как и в большинстве современных государств, приём в гражданство (натурализация) носит разрешительный характер и предусматривает подачу заявления при выполнении ряда условий, предусмотренных пунктами 1–4 ч. 1. ст. 15 Федерального закона РФ «О гражданстве РФ». К их числу относят: постоянное проживание в России, отсутствие обстоятельств, являющихся основаниями отклонения заявления о приёме в гражданство, владение русским языком, знание истории России и основ законодательства Российской Федерации. Последние требования: о знании языка, законодательства и истории – во многом носят интеграционный характер, являясь не формаль-

[1] Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/72315437/ (дата обращения 18.01.2026).

[2] Представители каких государств получают паспорта РФ и как меняется контроль за мигрантами [Электронный ресурс]. URL: https://iz.ru/2008832/olga-anaseva-iana-s.hturma/inostrannym-obrazom-v-rossii-stali-na-tret-rezhe-.vydavat-grazhdanstvo (дата обращения 16.01.2026).

ным барьером, а инструментом социально-культурной адаптации, условием успешной коммуникации, трудовой деятельности и в конечном итоге полноценного включения нового гражданина в общественную жизнь страны.

Следует согласиться, что «стать гражданином России означает не только иметь определённые права и обязанности, но и быть частью богатой культуры и истории данного государства» [2, с. 113]. Как справедливо отмечает В. А. Руколеев, «оценка владения русским языком, знания истории России, основ законодательства Российской Федерации представляют собой отбор на предмет готовности к адаптации под российские условия» [3, с. 3]. Поэтому подобные требования носят принципиальное значение для полноценной интеграции в российское государство.

Вместе с тем для отдельных категорий иностранных граждан в соответствии с ч. 2 ст. 16 ФЗ «О гражданстве РФ» предусмотрена возможность подачи заявления о приёме в гражданство без учёта требований знания языка, истории и законодательства России. Преимущественно это категория граждан, имеющих близкие семейные связи с гражданами РФ. Согласно требованиям п. 44 Положения о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации, утверждённого Указом Президента Российской Федерации от 22.11.2023 № 889 «Вопросы гражданства Российской Федерации» (далее – Положение)[1], также подтверждается, что при подаче заявления о приёме в гражданство Российской Федерации на основании ч. 2 ст. 16 Федерального закона РФ «О гражданстве РФ» иностранный гражданин освобождён от предоставления документа, подтверждающего владение русским языком, знание истории и законодательства России.

Правовой режим приёма в гражданство РФ построен по многоступенчатой модели и предполагает поэтапное получение разрешения на временное проживание (далее – РВП), затем вида на жительство (далее – ВНЖ) и в дальнейшем подачу заявления для оформления гражданства.

Логика законодателя, исключившего необходимость проверки сертификатов на знание языка, истории и основ законодательства для категории граждан, подающих заявление о приёме в гражданство по ч. 2 ст. 16 ФЗ «О гражданстве РФ», опиралась на то, что данная проверка была произведена ещё на стадии оформления разрешения на временное проживание или вида на жительство. Однако, обращаясь к анализу законодательства, мы видим, что эта же категория лиц освобождена от подтверждения владения языком, знания истории и основ законодательства при получении РВП и ВНЖ. Законодатель, стремясь защитить семейные связи и упростить процедуру для близких родственников граждан Российской Федерации, создал «облегчённый» порядок. Его ключевая особенность – возможность получения ВНЖ без РВП и без подтверждения интеграционных знаний.

Так, согласно и в соответствии с пп. 4 п. 2 ст. 8 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»[2] (далее – Закон № 115-ФЗ) вид на жительство выдаётся без оформления разрешения на временное проживание: иностранному гражданину, имеющему родителя

[1] Вопросы гражданства Российской Федерации (вместе с «Положением о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации», «Положением о порядке принесения Присяги гражданина Российской Федерации») [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 22 ноября 2023 г. № 889. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

[2] О правовом положении иностранных граждан в Рос. Федерации: [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

(усыновителя, опекуна, попечителя), или ребёнка, рождённого (усыновлённого) в браке с гражданином Российской Федерации, постоянно проживающим в Российской Федерации, или совершеннолетнего ребёнка, состоящих в гражданстве Российской Федерации и постоянно проживающих в Российской Федерации. В соответствии с пп. 9 п. 5 ст. 15.1 Закона № 115-ФЗ от подтверждения владения русским языком, знания истории России и основ законодательства Российской Федерации при подаче заявления о выдаче разрешения на временное проживание или вида на жительство освобождаются иностранные граждане, обратившиеся с заявлением о выдаче вида на жительство, имеющие родителя (усыновителя, опекуна, попечителя), сына или дочь, состоящих в гражданстве Российской Федерации и постоянно проживающих в Российской Федерации.

Таким образом, формируется замкнутый цикл, когда с заявлением о приёме в российское гражданство обращаются иностранные граждане, которые ни на одном из этапов не подтверждают владение русским языком и другие интеграционные требований: заявитель получает ВНЖ без экзамена (на основании родства), далее подаёт заявление о приёме в гражданство без документа о языке (на основании того же родства и п. 44 Положения). В итоге государство не имеет ни одного юридического механизма проверки способности нового гражданина понимать законы и изъясняться на государственном языке.

Следует согласиться, что «эффективность правового регулирования и правоприменения зависит от состояния и качества законодательства [4, с. 47]. Для законодательства любой страны характерны пробелы, противоречия, неопределённость, неясность положений, отставание писаного права от потребностей общественного развития, придание актам, устанавливавшим дополнительные обязанности (тяготы), обратной силы и другие дефекты [5, с. 184]. В исследуемой ситуации именно практика реализации законодательства о гражданстве позволила выявить ситуацию, когда статус гражданина РФ может быть получен лицом, неспособным к базовой вербальной коммуникации на государственном языке.

Следует отметить, что проблема доступности получения российского гражданства лицами, не владеющими русским языком, не знающими русской истории, культуры, поднималась в отечественной правовой науке [3, с. 10; 6, с. 88].

Насколько обосновано полное освобождение лиц, имеющих близких родственников – граждан РФ, от проверки владения государственным языком и иных интеграционных требований с точки зрения задач национальной безопасности и социальной интеграции?

Представляется, что существующий порядок создаёт «правовой коридор» для натурализации лингвистически неинтегрированных лиц. При этом данные лица не владеют им даже на самом низком уровне, не могут представиться, ответить на элементарные вопросы, прочесть Присягу гражданина Российской Федерации.

Складывающаяся ситуация абсолютно не коррелирует с Концепцией государственной миграционной политики на 2026–2030 годы, условиями формирования и реализации которой предусматривается «сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей», а целью – «защита и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу её культурного (цивилизационного) кода»[1].

[1] О Концепции государственной миграционной политики Рос. Федерации на 2026–2030 годы: [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 15 октября 2025 г. № 738. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

Следует согласиться с мнением исследователей, что «одним из наиболее важных инструментов полноценного включения иностранных граждан в современное российское общество, как, впрочем, и в любое другое, является знание языка» [7, с. 359]. Знание языка открывает двери к социальным, экономическим и культурным возможностям, позволяя мигрантам эффективно взаимодействовать с местным населением и адаптироваться к новым условиям, преодолевая языковой барьер. Российское законодательство уделяет особое внимание вопросам оценки уровня владения языком как важному элементу миграционного регулирования.

В отечественной литературе придаётся большое значение проблеме интеграции внешних мигрантов и принимающего сообщества. Исследователи отмечают, что отсутствие знаний языка у иностранных граждан ведёт к тому, что они становятся жертвами нарушений прав и свобод [8, с. 227; 9, с. 570; 10, с. 163], не могут социализироваться [11, с. 270], обостряют криминогенную ситуацию [12, с. 474–475], создают угрозу национальной безопасности [13, с. 307].

Как справедливо отмечает Т. А. Прудникова, «действующее законодательство о гражданстве и практика его применения должны обеспечить безопасность российского общества, реализацию социально-культурной интеграции натурализованных граждан в российское общество, способствовать формированию у каждого из них гражданской идентичности [14, с. 101].

Отсутствие языка как инструмента коммуникации закономерно ведёт к концентрации в диаспорах, ограничивающих контакты с принимающим обществом, что подтверждается исследованиями социологов [15, с. 101]. В свою очередь, замкнутые, плохо контролируемые сообщества становятся средой для распространения деструктивных идеологий, криминализации и роста социальной напряжённости, что напрямую отражено в аналитических материалах правоохранительных органов, рассматривающих подобные анклавы как фактор криминогенного риска[1].

При этом ст. 4 Закона № 138-ФЗ устанавливает, что гражданство РФ является единым и равным независимо от оснований его приобретения. Однако равенство обязанностей (включая обязанность соблюдать Конституцию и знать государственный язык) де-факто нивелируется отсутствием проверки выполнения данных требований на этапе оформления российского гражданства.

Для устранения выявленного пробела и гармонизации законодательства необходима точечная, но принципиальная корректировка подзаконного акта. Предлагается изложить подпункт «а» п. 44 Положения о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации в следующей редакции: «а) вид на жительство, а также документ, подтверждающий владение заявителем русским языком на уровне, необходимом для целей приобретения гражданства Российской Федерации, в случае, если при оформлении разрешения на временное проживание или вида на жительство данные лица были освобождены от подтверждения владения русским языком, знания истории России и основ законодательства Российской Федерации».

Предложенная поправка устанавливает владение русским языком как универсальное и обязательное финальное условие натурализации для всех заявителей, закрывая существующий правовой пробел. Она не отменяет существенных льгот – упрощённого получения ВНЖ (без РВП) и, по сути, сокращённого срока для подачи на гражданство. Требуется лишь подтверждение минимального (базового) уровня владения

[1] О современных вызовах и угрозах в сфере миграции: Аналитическая записка ГИАЦ МВД России. 2024. № 3-АЗ. 34 с.

языком (например, уровень «Базовый для гражданства РФ»), что является разумным и достижимым условием. Норма чётко указывает на круг лиц, для которых вводится дополнительное требование, устраняя двусмысленность толкования. Изменение полностью согласуется с положениями Концепции государственной миграционной политики РФ на 2026–2030 годы, в которой в качестве одной из задач закреплено создание миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу её культурного (цивилизационного) кода»[1].

Таким образом, устранение выявленного пробела позволит гармонизировать нормы миграционного и гражданского законодательства, обеспечив соблюдение баланса между гуманизмом (учёт семейных обстоятельств) и государственными интересами в области интеграции и безопасности.

1. Строева О. А. К вопросу о порядке пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 1(94). С. 86–95.
2. Кикоть-Глуходедова Т. В., Зайцева Я. А. Прием в гражданство как один из способов приобретения гражданства Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 112-115.
3. Руколеев В. А. Владение русским языком, знание российской истории и основ законодательства иностранными гражданами (лицами без гражданства), прибывшими на территорию Российской Федерации: проблемы и перспективы правового регулирования // Административное и муниципальное право. 2025. № 4. С. 1-15.
4. Белякова А. В. Правовой мониторинг в Российской Федерации на современном этапе// Мониторинг правоприменения. 2022. № 1(42). С. 46-55
5. Ибрагимова Ю. Э., Залоило М. В. // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 182-205.
6. Лелетова М. В. Некоторые особенности натурализации в России: современное состояние, проблемы и пути решения// Труды Академии управления МВД России. 2024. № 4(72). С. 87-100.
7. Холод В. А. Оценка уровня владения языком как инструмент миграционного регулирования в Российской Федерации // Сборник материалов II Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Ханты–Мансийск. 2025. С. 356-360.
8. Корсаков К. В., Цветкова А. Д. Очаги социального неблагополучия как причина виктимности внешних трудовых мигрантов // Виктимология. 2024. Т. 11, № 2. С. 219-234.
9. Решняк М. Г. Повышение эффективности мер противодействия негативному влиянию миграции на государственную безопасность // Виктимология. 2024. Т. 11, № 4. С. 566-575.
10. Барышева А. И., Кириллов, С. И., Прокопенко, Е. В. Некоторые проблемы предупреждения преступлений, совершаемых на межэтнической основе // Право: история и современность. 2024. Т. 8, № 2. С. 161-166.
11. Землянухина Н. С., Землянухина С. Г., Суворова В. В. Проблемы системы миграционных отношений в России как проявление противоречий этой системы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, № 3. С. 262-274.

[1] О Концепции государственной миграционной политики Рос. Федерации на 2026–2030 годы: [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 15 октября 2025 г. № 738. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

12. Ахмадуллин А. С. Об учете преступлений, совершенных иностранцами // Образование и право. 2023. № 11. С. 472-476.
13. Некрасов А. П., Красковский Я. Э. Правовая оценка и проблемы социализации в России трудовых мигрантов из стран средней Азии // Евразийский юридический журнал. 2024. № 2(189). С. 306-309.
14. Прудникова Т. А. Административно-правовое регулирование миграционных процессов (современность и перспективы): монография. М., 2021. 320 с.
15. Мукомель В. И., Григорьева К. С., Монусова Г. А. Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы: моногр. / отв. ред. В. И. Мукомель, К. С. Григорьева [и др.]; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 400 с.

1. Stroeva O. A. K voprosu o poryadke preby`vaniya inostranny`x grazhdan i licz bez grazhdanstva na territorii Rossijskoj Federacii // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2023. № 1(94). S. 86–95.
2. Kikot`-Gluxodedova T. V., Zajceva Ya. A. Priem v grazhdanstvo kak odin iz sposobov priobreteniya grazhdanstva Rossijskoj Federacii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 7. S. 112-115.
3. Rukoleev V. A. Vladenie russkim yazy`kom, znanie rossijskoj istorii i osnov zakonodatel`stva inostranny`mi grazhdanami (liczami bez grazhdanstva), priby`vshimi na territoriyu Rossijskoj Federacii: problemy` i perspektivy` pravovogo regulirovaniya // Administrativnoe i municipal`noe pravo. 2025. № 4. S.1-15.
4. Belyakova A. V. Pravovoj monitoring v Rossijskoj Federacii na sovremennom e`tape// Monitoring pravoprimeneniya. 2022. № 1(42). S. 46-55
5. Ibragimova Yu. E`., Zaloilo M. V. // Zhurnal rossijskogo prava. 2020. № 6. S. 182-205.
6. Leletova M. V. Nekotory`e osobennosti naturalizacii v Rossii: sovremennoe sostoyanie, problemy` i puti resheniya// Trudy` Akademii upravleniya MVD Rossii. 2024. № 4 (72). S. 87-100.
7. Xolod V. A. Ocenka urovnya vladeniya yazy`kom kak instrument migracionnogo regulirovaniya v Rossijskoj Federacii // Sbornik materialov II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. V 2-x chastyax. Xanty`–Mansijsk. 2025. S. 356-360.
8. Korsakov K. V., Czvetkova A. D. Ochagi social`nogo neblagopoluchiya kak prichina viktimnosti vneshnix trudovy`x migrantov // Viktimologiya. 2024. T. 11, № 2. S. 219-234.
9. Reshnyak M. G. Povy`shenie e`ffektivnosti mer protivodejstviya negativnomu vliyaniyu migracii na gosudarstvennuyu bezopasnost` // Viktimologiya. 2024. T. 11, № 4. S. 566-575.
10. Bary`sheva A. I., Kirillov, S. I., Prokopenko, E. V. Nekotory`e problemy` preduprezhdeniya prestuplenij, sovershaemy`x na mezhe`tnicheskoj osnove // Pravo: istoriya i sovremennost`. 2024. T. 8, № 2. S. 161-166.
11. Zemlyanuxina N. S., Zemlyanuxina S. G., Suvorova V. V. Problemy` sistemy` migracionny`x otnoshenij v Rossii kak proyavlenie protivorechij e`toj sistemy` // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: E`konomika. Upravlenie. Pravo. 2024. T. 24, № 3. S. 262-274.
12. Axmadullin A. S. Ob uchete prestuplenij, sovershenny`x inostranczami // Obrazovanie i pravo. 2023. № 11. S. 472-476.
13. Nekrasov A. P., Kraskovskij Ya. E`. Pravovaya ocenka i problemy` socializacii v Rossii trudovy`x migrantov iz stran srednej Azii // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2024. № 2(189). S. 306-309.

14. Prudnikova T. A. Administrativno-pravovoe regulirovanie migracionny`x processov (sovremennost` i perspektivy`): monogr. M., 2021. 320 s.
15. Mukomel` V. I., Grigor`eva K. S., Monusova G. A. Adaptaciya i integraciya migrantov v Rossii: vy`zovy`, realii, indikatory`: monogr. / otv. red. V. I. Mukomel`, K. S. Grigor`eva [i dr.]; FNISCz RAN. M.: FNISCz RAN, 2022. 400 s.

Информация об авторах

Ирина Михайловна Зраева. Начальник кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент.
Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.
241050, Россия, г. Брянск, 2-й Советский переулок, 2 А.

Роман Алексеевич Евланов. Заместитель начальника правового отдела.
УМВД России по Брянской области.
241001, Россия, г. Брянск, ул. Советская, 102.

Information about the authors

Irina M. Zraeva. Head of the Department of State and Civil Law Disciplines, Candidate of Law, Associate Professor
Bryansk branch of the V.V. Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
241050, Russia, Bryansk, 2nd Sovetsky Lane, 2 A.

Roman Al. Yevlanov. Deputy Head of the Legal Department.
Ministry of Internal Affairs of Russia for the Bryansk Region.
241001, Russia, Bryansk, Sovetskaya Str., 102.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 21.01.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.
The article was received in the editorial office on 21.01.2026; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научная статья
УДК 342.98

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КАРШЕРИНГА НА ДОРОГАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Литвинов Артём Валерьевич[1], Андреев Петр Геннадьевич[2], Смирнов Иван Александрович[3]
[1]Омская академия МВД России, Омск, Россия
[2]Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия
[3]ФКУ «Научный центр БДД МВД России», Москва, Россия

[1]artyom_hawk@mail.ru
[2]petya.and@yandex.ru
[3]ismirvov115@mvd.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос использования каршеринга как доступного вида краткосрочной аренды транспортного средства. В статье указывается на необходимость законодательно выделить договор каршеринга в отдельный вид договора аренды с обязательными условиями его соблюдения. Рассматриваются проблемные моменты недобросовестной эксплуатации транспортных средств при каршеринге. Автор приходит к выводу о необходимости правовой поддержки со стороны государства условий осуществления каршеринга в целях дальнейшего его развития в рамках снижения числа дорожно-транспортных происшествий с участием арендованных автомобилей.

Ключевые слова: каршеринг, безопасность дорожного движения, дорожно-транспортные происшествия, арендатор, арендодатель.

Для цитирования: Литвинов А. В., Андреев П. Г., Смирнов И. А. Каршеринг: правовые основы и перспективы развития // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 140–148.

ADMINISTRATIVE AND LEGAL ASPECTS OF CAR-SHARING FUNCTIONING ON THE ROADS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Artyom V. Litvinov[1], Peter G. Andreev[2], Ivan A. Smirnov[3]
[1]Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia
[2]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia
[3]Federal public establishment «Scientific State Institution of Road Safety of the Ministry of the Interior of the Russian Federation», Moscow, Russia

[1]artyom_hawk@mail.ru
[2]petya.and@yandex.ru
[3]ismirvov115@mvd.ru

Annotation. This article discusses the use of car sharing as an affordable form of short-term vehicle rental. The article highlights the need to legally distinguish car sharing contracts as a separate type of rental contract with mandatory compliance requirements. The article discusses the problematic aspects of unfair use of vehicles in carsharing.

The author concludes that it is necessary for the state to provide legal support for the implementation of carsharing in order to further develop it and reduce the number of road accidents involving rented vehicles.

Keywords: carsharing, road safety, road accidents, renter, landlord.

For citation: Litvinov A. V., Andreev P. G., Smirnov I. A. Carsharing: Legal Frameworks and Development Prospects // Scientific Bulletin of the V.V. Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1(106). P. 140–148.

Каршеринг представляет собой краткосрочный вид аренды транспортного средства, где одна из сторон не выступает его владельцем, является многофункциональным, экономичным в содержании и доступным для использования. По данным НЦ БДД МВД России за 6 месяцев 2025 года увеличилось на 19,2 % (248) количество дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) из-за нарушения установленных правил дорожного движения водителями транспортных средств, сдаваемых в краткосрочную аренду, и число раненых – на 14,6 % (315), число погибших не изменилось (15) [1, с. 14]. Подобная статистика демонстрирует один из отрицательных аспектов функционирования каршеринга.

Так, А. С. Айсанова, А. Т. Мурсалимова отмечают – «огромный потенциал для роста рынка каршеринга будет напрямую коррелировать с основными показателями дорожно-транспортной аварийности, и, несмотря на позицию официальных лиц Минтранса России и представителей агрегаторов каршеринга, уверяющих об отсутствии необходимости в дополнительном регулировании отрасли на данном этапе, необходимость в решительных мерах, направленных на обеспечение безопасности дорожного движения имеется уже сейчас» [2, с. 70]. Нередко авторами показатели аварийности, возникающие в результате функционирования данного вида услуги по передаче в краткосрочную аренду автомобильного транспорта, сопоставляются с аналогичными показателями при эксплуатации общественного транспорта. Однако, при этом отмечается, что если количественные показатели по аварийности во многом схожи, то качественные, учитывающие время фактического нахождения подобного вида транспорта в движении значительно различаются.

В Орловской области развитие услуги краткосрочной аренды автомобиля не является столь масштабным, как в городах уровня федерального значения, но при этом представляет значительный интерес у жителей, что также вносит свой вклад в ухудшении ситуации на дорогах. По данным статистики Госавтоинспекции МВД России за 2025 год в Орловской области произошло 680 ДТП, в которых погибло 134 человека[1]. Данные показатели включают в себя в том числе и количество ДТП, произошедших с использованием каршеринга.

Организация функционирования аренды автомобиля обусловлена созданием электронного формата регистрирования в приложении. Пользователю необходимо, как правило, внести свои учетные данные для создания аккаунта и дальнейшего использования услуг компании [3, с. 35, 4, с. 163]. При этом не исключается возможность прописывания ложных сведений о личности, не соответствующих действительности. Возникает вопрос правомерности подписания договора краткосрочной аренды, в том числе путем заключения в дистанционном формате.

Аренда автомобиля каршеринга осуществляется на основании заключенного договора между гражданином и компанией в собственности которой находится автомобиль. Договор заключается в электронной форме через мобильное приложение, при этом создается электронная подпись в порядке, определенном договором. При этом

[1] Статистика Госавтоинспекции МВД России [Электронный ресурс]. URL:http://stat.gibdd.ru/ (дата обращения: 20.01.2026).

арендодатель оставляет за собой право на любой стадии заключения Договора требовать от Арендатора сделать селфи (фотографирование Арендатором самого себя) с использованием мобильного приложения, а при несоблюдении указанных требований – отказать в заключении договора. Подчеркнем, что указанное требование является именно правом, а не обязательным условием по заключению договора аренды. Также возможно проведение тестирования, определяющего скорость реакции, внимательность, а также иные характеристики, однако и это возможно лишь в отдельных случаях. Несмотря на отмеченные недостатки в эффективности контроля состояния водителя и идентификации его личности, существуют и ряд положительных аспектов, которые утверждаются договором аренды – это установление следующих запретов[1]:

– использовать ТС при несоответствии требованиям, предъявляемым к пользователю со стороны компании, предоставляющей услуши каршеринга, в т. ч. при отсутствии действительного права на управление ТС;

– передавать ТС в пользование третьим лицам (лицам, не заключившим в отношении данного транспортного средства договор аренды ТС);

– опасное вождение/дрифт/вождение, которое может повредить транспортному средству, третьим лицам;

– курить, употреблять электронные сигареты (в т. ч. бестабачных), парогенераторы (вейпы и подобных), кальяны (в т. ч. бестабачных). закись азота (кроме употребления при наличии медицинских показаний) в ТС. употреблять алкогольные напитки, употреблять наркотические средства, а равно находиться в состоянии опьянения;

– транспортировать лиц в состоянии алкогольного, наркотического или иного опьянения и т. д.

Гражданский кодекс Российской Федерации не содержит норму, прямо регулирующую вопрос каршеринга, и все чаще высказываются мнения о его выделении в отдельный вид аренды [5, с. 32, 6, с. 71]. Косвенно к отношениям, связанным с предоставлением транспортного средства во временное пользование за плату, возможно применение нормы о краткосрочной аренде транспортных средств без экипажа (ст. 642 ГК РФ). При этом процедура заключения договора не конкретизируется, а поставщики услуг, соответственно, вправе выбирать удобный для них способ оформления [7, с. 503, 8, с. 43].

Цифровизация на современном этапе развития предопределена незаконным способом присваивать учетно-регистрационные данные пользователей, зарегистрированных в приложениях. Кроме возможных случаев взломов личных данных, существует вероятность присвоения чужих рейтингов для более выгодного заключения потребителем договора краткосрочной аренды. Это обусловлено возможной блокировкой арендодателем злостных нарушителей договоров каршеринга путем недобросовестного использования транспортных средств, систематического нарушения правил дорожного движения или опасным стилем вождения [9, с. 209, 10, с. 238]. Предусматривается односторонний отказ от предоставления услуг аренды автомобиля в случае, когда потребитель привлекался к административной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения [11, с. 49, 12, с. 109].

Г. Ш. Аюпова и Д. А. Москаленко определили транспортное средство, используемое в каршеринге как способ сокрытия преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ [13, с. 51]. Данная норма права предусматривает процедуру конфискации транспортного средства виновного лица. Таким образом, лица, которые ранее привлекались к административному или уголовному наказанию, могут избежать штрафных

[1] Решение по делу об административном правонарушении № 2-3044/2025 [Электронный ресурс]. URL: https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/94227313 (дата обращения: 20.01.2026).

санкций в пользу государства, обойтись малыми затратами, оплатив время нахождения автомобиля в аренде [14, с. 398].

Обязательным условием договора краткосрочной аренды автомобиля является плата за время нахождения транспортного средства в пользовании арендатора. Автомобили оборудуются специальными счетчиками, фиксирующими данный период. Следовательно, в целях экономии денежных средств (стоит учитывать двойную экономию – первая состоит в самом каршеринге) потребитель потенциально готов к нарушениям правил дорожного движения путем превышения установленной скорости, вследствие чего возрастает угроза для жизни и самого арендатора, и остальных участников дорожно-транспортной сети [15, с. 75, 16, с. 450].

Анализ судебной практики, связанной с административными правонарушениями, возникающими при пользовании услугами каршеринга, позволяет выделить наиболее распространенные нарушения:

1. Управление транспортным средством водителем в состоянии опьянения либо отказавшимся от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения.
2. Превышение установленной скорости движения.
3. Управление транспортным средством водителем, не имеющим права на управление ТС или лишенным такого права.
4. Размещение (проезд) транспортных средств на озеленённых и иных территориях в границах населённых пунктов (административные правонарушения в области благоустройства территории, предусмотренные законами субъектов Российской Федерации).

Первые три из приведенных выше правонарушений входят в группу административных правонарушений, соответствующих основным факторам риска совершения ДТП. Последнее зачастую не связано с возникновением ДТП, однако наносит непоправимый ущерб растительности и влияет на экологическую безопасность, поддержание и улучшение санитарного и эстетического состояния территории.

Так, достаточно часто пользователи-нарушители услуг каршеринга допускают по завершении поездки остановку на озелененных территориях (газонах, цветниках). Подобные действия, согласно, положений ч. 1 ст. 2.6.1 КоАП РФ, могут быть зафиксированы работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи. К административной ответственности в данном случае привлекаются собственники (владельцы) транспортных средств, т.е. представители компании каршеринга. Освобождение от административной ответственности предусмотрено ч. 2 ст. 2.6.1 КоАП РФ в случае, «если в момент фиксации административного правонарушения транспортное средство находилось во владении или в пользовании другого лица…». В данном случае в качестве доказательств могут быть использованы договор аренды транспортного средства.

Однако, во многих случаях избежать ответственности за рассматриваемые противоправные действия, арендаторам автомобилей каршеринга все же удавалось. В силу того, что автомобиль каршеринга, как правило, передается в краткосрочную аренду, оставленный на озелененной территории автомобиль может быть выявлен средством автоматической фиксации в момент фактического окончания услуг по предоставлению автомобиля в аренду. К административной ответственности, как отмечалось ранее, привлекается собственник транспортного средства (компания, предоставляющая услуги каршеринга)[1].

[1] Решение по делу об административном правонарушении № УИД03RS0№-32 [Электронный ресурс]. URL: https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/93854739 (дата обращения: 20.01.2026).

Нередки случаи невыполнения водителями транспортных средств требований о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения в результате чего водители привлекали к административной ответственности по ст. 12.26 КоАП РФ. Автомобиль в данном случае, в соответствии с положениями ст. 27.12 КоАП РФ, подвергался задержанию и помещению на специализированную стоянку, затраты по оплате услуг эвакуатора и хранение арендованного транспортного средства на специализированной стоянке возлагались на компанию, предоставившую автомобиль. В результате своих противоправных действий водитель-арендатор, согласно подписанным им положениям договора аренды автомобиля каршеринга, вынужден оплатить помимо штрафов, предусмотренных действующим законодательством Российской Федерации, взыскиваются штрафы и неустойки в пользу компании-арендодателя[1].

В некоторых случаях сведения, предоставляемые компаниями, оказывающими услуги каршеринга, могут являться доказательствами по делу об административном правонарушении. Например, в ходе рассмотрения дела Мытищинским городским судом Московской области, были отвергнуты доводы гражданки, находящейся за рулем транспортного средства с признаками опьянения и отказавшейся от прохождения медицинского освидетельствования, о том что фактически она не управляла транспортным средством, а находилась за рулем с работающим двигателем для того, чтобы погреться. Суд учел время нахождения автомобиля в аренде у данной гражданки, а предоставленные сведения по преодоленного расстоянию на автомобиле по придомовой территории подтвердили факт управления транспортным средством данной гражданкой с признаками опьянения[2].

Другим показательным случаем является возможность управления автомобилем каршеринга в условиях фактического лишения права управления транспортным средством. Так, Октябрьским районным судом г. Уфы рассмотрено дело гражданина К., который ранее был подвергнут административному наказанию за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения и не выполнив требование ст. 32.7 КоАП РФ не сдал водительское удостоверение в Полк ДПС ГИБДД УМВД России по г. Уфе. Гражданин К., являясь лицом, подвергнутым административному наказанию, будучи в состоянии опьянения, сел за руль автомобиля каршеринга в результате чего был остановлен сотрудниками полиции[3].

Особо стоит отметить, что сервисам каршеринга крайне невыгодно устанавливать ограничения возраста лиц, с которыми существует потенциальная вероятность заключения договора аренды. Таким образом арендатором может быть субъект любого возраста при наличии водительского удостоверения. Ядро аудитории формируют пользователи в возрасте от 25 до 34 лет[4]. Соответственно допускается неопытность водителей, способствующая увеличению рисков образования аварийных ситуаций, что может быть усугублено в зимний период или плохие погодные условия [17, с. 193].

Следующим пробелом в организации деятельности каршеринга является неурегулированность процесса возврата автомобиля после его аренды [18, с. 18]. Как правило, оговаривается лишь внешний вид транспортного средства – отсутствие явных повреждений. При этом остается вероятность износа автомобиля как после его эксплуатации, так и перед выдачей потребителю: арендатор убежден в исправности транспортно-

---

[1] Решение по делу об административном правонарушении № 2-1747/2025[Электронный ресурс]. URL: https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/94216834 (дата обращения: 20.01.2026).

[2] Решение по делу об административном правонарушении № 12-680/2025[Электронный ресурс]. URL: https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/94212553(дата обращения: 20.01.2026).

[3] Решение по делу об административном правонарушении № 1-558/2025[Электронный ресурс]. URL: https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/94277099(дата обращения: 20.01.2026).

[4] [Электронный ресурс]: URL: https://1prime.ru/ (дата обращения: 20.01.2026).

го средства, а арендодатель не удостоверился в технической готовности автомобиля к использованию.

В соответствии со Стратегией развития автомобильной промышленности Российской Федерации до 2035 года предусматривается расширение использования каршеринга и развитие мобильности как услуги. До 2030 года объем использования всех новых сервисов мобильности будет расти с годовыми темпами в 15 % в денежном выражении. К 2030 году каршерингом будет пользоваться 20-30 % населения мира[1]. С учетом вышеизложенного возникает необходимость четко конкретизировать необходимые изменения, в том числе и на законодательном уровне, в целях повышения безопасности дорожной сети [19, с. 52].

Первостепенно необходимо с правовой точки зрения выделить услуги каршеринга в отдельный вид договора аренды с подробным разъяснением условий его заключения, возрастных ограничений арендодателя, его стажа управления транспортным средством, а также обязанностью предоставления технических документов со стороны арендодателя об исправности транспортного средства и проверки автомобиля после окончания срока договора.

Основной закон Российской Федерации, регулирующий отношения в сфере безопасности дорожного движения, в пп. 2,3 ст. 16 устанавливается обязанность владельцев транспортных средств по их поддержанию в технически исправном состоянии, а также по осуществлению обязательного страхования своей гражданской ответственности. Что касается компаний, предоставляющих услуги каршеринга, то здесь также следует отметить пп. 1, 2 ст. 20, где закреплены основные требования по обеспечению безопасности дорожного движения, предъявляемые к юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, физическим лицам при эксплуатации транспортных средств. Стоит обязать арендодателей устанавливать на передаваемых автомобилях «алкозамки», которые способны блокировать систему зажигания при считывании в воздухе спиртного от выдоха водителя. Данный процесс должен с определенной периодичностью повторяться в целях выявления обмана лица, управляющего транспортным средством, в своей трезвости. При этом не будет лишним официально оформить обязанность арендатора пройти процедуру проверки состояния трезвости на специальном приборе перед поездкой.

А. А. Никитин предлагает очное оформление водителей в комитете по транспорту субъекта Российской Федерации в целях предупреждения регистрации потребителей каршеринга с ложными данными [20, с. 160]. По нашему мнению, такой процесс усложнит каршеринг как вид доступной эксплуатации транспортного средства, снизит его популярность, что коснется экономической составляющей арендодателей. Электронное подтверждение данных личности через Портал государственных услуг является более гарантированным способом сличения данных арендатора с возможностью просмотра истории обращения к данной услуге. Кроме того, не будет излишним использование функции «арендатор-отзыв» в целях выявления недобросовестных пользователей каршеринга. Таким образом, приходим к выводу, что процедура реализации каршеринга наряду с актуализацией современностью является неполноценной, содержащей массу пробелов, требующих своего разрешения. Только глубокий всесторонний подход к осуществлению краткосрочной аренды транспортных средств напрямую позволит улучшить процесс повышения безопасности дорожного движения.

[1] Об утверждении Стратегии развития автомобильной промышленности Рос. Федерации до 2035 г. [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 28 декабря 2022 г. № 4261-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 6 месяцев 2025 года. Информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2025. 37 с.
2. Айсанов А. С., Мурсалимов А. Т. Развитие рынка каршеринга в России и его влияние на состояние безопасности дорожного движения // Аграрное и земельное право. 2024. № 6 (234). С. 69–74.
3. Былинин И. А. Особенности государственного контроляза деятельностью лиц, предоставляющих услуги каршеринга, в парадигме современной административно-правовой реформы контроля и надзора // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 2(95). С. 30-38.
4. Кондратьев Е. А., Сотавов А. Х. Некоторые аспекты регулирования каршеринга и ответственности их пользователей в Российской Федерации // Образование и право. 2022. № 4. С. 162-167.
5. Комиссарова С. В. Правовая природа договора онлайн аренды на примере каршеринга // Право и государство: теория и практика. 2022. № 8 (212). С. 30-32.
6. Ахмедов А. Я., Боярская Ю. Н., Филиппов С. А. Каршеринг: цифровизация и правовое регулирование // Вестник Российской правовой академии. 2022. № 1. С. 69-75.
7. Емелина А. В., Фаустова Д. С. Договор каршеринга: спорные вопросы гражданско-правового регулирования // Наукосфера. 2022. № 12-1. С. 502-505.
8. Блудян Н. О. Проблемы регулирования и безопасности каршеринга // Транспорт: наука, техника, управление. Научный информационный сборник. 2020. № 10. С. 40-46.
9. Попова Е. В. Каршеринг - новая модель бизнеса // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 11-3 (79). С. 209-211.
10. Смирнов И. О. Понятие и особенности каршеринга // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2022. № 12 (76). С. 237-240.
11. Жбанова С. А. Отдельные аспекты профилактики управления транспортным средством в состоянии опьянения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 2(95). С. 47-58.
12. Смирнов И. А., Андреев П. Г., Литвинов А. В. Научный обзор методов и средств противодействия административным правонарушениям, связанным с управлением транспортным средством в состоянии опьянения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2025. № 1(102). С. 100-112.
13. Москаленко Д. А. Краткосрочная аренда автомобиля как способ сокрытия преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 3(19). С. 46-56.
14. Кудрин А. Б., Ростова Д. В., Кирова И. В. Каршеринг: динамика развития, текущие тенденции и перспективы // Форум молодых ученых. 2019. № 1-2(29). С. 397-405.
15. Былинин И. А., Шукаева И. Н. Опасное вождение как хулиганство на автомобильных дорогах: проблемы, особенности правового трактования, профилактика правонарушений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 73-82.
16. Шувалова В. А. Проблемы правового регулирования каршеринга в Российской Федерации // Интеллектуальные ресурсы - региональному развитию. 2020. № 1. С. 447-454.
17. Смирнов И. О. Определение правовой природы краткосрочной аренды: на примере сравнительных характеристик договора каршеринга // Юридическая наука. 2024. № 5. С. 192-195.
18. Сусаренко М. Ю. Каршеринг как составной элемент развития рынка электромобильного транспорта // The Scientific Heritage. 2023. № 122(122). С. 17-19.
19. Смирнов И. О. Анализ правовой природы договора каршеринга // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2021. № 5(57). С. 50-54.

20. Никитин А. А. Актуальные проблемы сервиса «каршеринг» // Инновационный потенциал развития науки в современном мире: достижения и инновации: сборник научных статей по материалам XIII Международной научно-практической конференции. Уфа. 2023. С. 158-162.

1. Dorozhno-transportnaya avarijnost` v Rossijskoj Federacii za 6 mesyacev 2025 goda. Informacionno-analiticheskij obzor. M.: FKU «NCz BDD MVD Rossii», 2025. 37 s.
2. Ajsanov A. S., Mursalimov A. T. Razvitie ry`nka karsheringa v Rossii i ego vliyanie na sostoyanie bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Agrarnoe i zemel`noe pravo. 2024. № 6 (234). S. 69–74.
3. By`linin I. A. Osobennosti gosudarstvennogo kontrolya za deyatel`nost`yu licz, predostavlyayushhix uslugi karsheringa, v paradigme sovremennoj administrativno-pravovoj reformy` kontrolya i nadzora // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2023. № 2. S. 30-38.
4. Kondrat`ev E. A., Sotavov A. X. Nekotory`e aspekty` regulirovaniya karsheringa i otvetstvennosti ix pol`zovatelej v Rossijskoj Federacii // Obrazovanie i pravo. 2022. № 4. S. 162-167.
5. Komissarova S. V. Pravovaya priroda dogovora onlajn arendy` na primere karsheringa // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2022. № 8 (212). S. 30-32.
6. Axmedov A. Ya., Boyarskaya Yu. N., Filippov S. A. Karshering: cifrovizaciya i pravovoe regulirovanie // Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii. 2022. № 1. S. 69-75.
7. Emelina A. V., Faustova D. S. Dogovor karsheringa: sporny`e voprosy` grazhdansko-pravovogo regulirovaniya // Naukosfera. 2022. № 12-1. S. 502-505.
8. Bludyan N. O. Problemy` regulirovaniya i bezopasnosti karsheringa // Transport: nauka, texnika, upravlenie. Nauchny`j informacionny`j sbornik. 2020. № 10. S. 40-46.
9. Popova E. V. Karshering - novaya model` biznesa // Aktual`ny`e nauchny`e issledovaniya v sovremennom mire. 2021. № 11-3 (79). S. 209-211.
10. Smirnov I. O. Ponyatie i osobennosti karsheringa // Skif. Voprosy` studencheskoj nauki. 2022. № 12 (76). S. 237-240.
11. Zhbanova S. A. Otdel`ny`e aspekty` profilaktiki upravleniya transportny`m sredstvom v sostoyanii op`yaneniya // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2023. № 2. S. 47-58.
12. Smirnov I. A., Andreev P. G., Litvinov A. V. Nauchny`j obzor metodov i sredstv protivodejstviya administrativny`m pravonarusheniyam, svyazanny`m s upravleniem transportny`m sredstvom v sostoyanii op`yaneniya // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2025. № 1. S. 100-112.
13. Moskalenko D. A. Kratkosrochnaya arenda avtomobilya kak sposob sokry`tiya prestupleniya, predusmotrennogo st. 264.1 UK RF // Obshhestvo, pravo, gosudarstvennost`: retrospektiva i perspektiva. 2024. № 3(19). S. 46-56.
14. Kudrin A. B., Rostova D. V., Kirova I. V. Karshering: dinamika razvitiya, tekushhie tendencii i perspektivy` // Forum molody`x ucheny`x. 2019. № 1-2(29). S. 397-405.
15. By`linin I. A., Shukaeva I. N. Opasnoe vozhdenie kak xuliganstvo na avtomobil`ny`x dorogax: problemy`, osobennosti pravovogo traktovaniya, profilaktika pravonarushenij // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. Orel. 2025. № 3. S. 73-82.
16. Shuvalova V. A. Problemy` pravovogo regulirovaniya karsheringa v Rossijskoj Federacii // Intellektual`ny`e resursy` - regional`nomu razvitiyu. 2020. № 1. S. 447-454.
17. Smirnov I. O. Opredelenie pravovoj prirody` kratkosrochnoj arendy`: na primere sravnitel`ny`x xarakteristik dogovora karsheringa // Yuridicheskaya nauka. 2024. № 5. S. 192-195.
18. Susarenko M. Yu. Karshering kak sostavnoj e`lement razvitiya ry`nka e`lektromobil`nogo transporta // The Scientific Heritage. 2023. № 122(122). S. 17-19.

19. Smirnov I. O. Analiz pravovoj prirody` dogovora karsheringa // Skif. Voprosy` studencheskoj nauki. 2021. № 5(57). S. 50-54.
20. Nikitin A. A. Aktual`ny`e problemy` servisa «karshering» // Innovacionny`j potencial razvitiya nauki v sovremennom mire: dostizheniya i innovacii: sbornik nauchny`x statej po materialam XIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Ufa. 2023. S. 158-162.

Информация об авторах

Артём Валерьевич Литвинов. Заместитель начальника – главный редактор редакционно-издательского отдела, кандидат технических наук, доцент.
Омская академия МВД России.
644092, Россия, г. Омск, пр. Комарова, 7.

Петр Геннадьевич Андреев. Старший преподаватель кафедры организации деятельности Госавтоинспекции.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Иван Александрович Смирнов. Научный сотрудник отдела изучения проблем нормативного правового и аналитического обеспечения.
ФКУ «Научный центр БДД МВД России».
121293, Россия, г. Москва, ул. Поклонная, 17.

Information about the authors

Artyom V. Litvinov. Associate The deputy head is the editor–in-chief of the editorial and publishing department, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor.
Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
644092, Russia, Omsk, Komarova Ave., 7.

Peter G. Andreev. Senior lecturer of the Department of Organization of traffic police activities.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Ivan Al. Smirnov. Researcher at the Department for the Study of problems of regulatory and analytical support.
Federal public establishment «Scientific State Institution of Road Safety of the Ministry of the Interior of the Russian Federation».
121293, Russia, Moscow, Poklonnaya Str., 17.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 04.02.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.
The article was received in the editorial office on 04.04.2026; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
№ 1(106) 2026 г.
Научная статья
УДК 34

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСТВА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ (НА ПРИМЕРЕ НЕКОТОРЫХ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ БРИКС И СНГ)

Нечай Сергей Леонидович[1], Нурадинов Шамиль Магомедович[2], Куликова Светлана Геннадьевна[3]
[1]Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, Брянск, Россия
[2]Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия
[3]Академия управления МВД России; Международный юридический институт Москва, Россия

[1]s.l.nechay@gmail.com
[2]trianonnn2017@mail.ru
[3]cvetlana-1977@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается один из важнейших правовых институтов как международного, так и национального права – институт гражданства. В связи с тем что Российская Федерация в силу многих факторов особенно близко взаимодействует в самых различных сферах с государствами – участниками БРИКС и СНГ, актуальным представляется правовое регулирование вопросов гражданства в данных международных организациях. Проводится анализ национального законодательства некоторых государств-участников. Обозначаются основные способы и особенности приобретения и прекращения гражданства. Анализируются ключевые характеристики регулирования гражданства в национальном законодательстве данных государств и Российской Федерации.

Ключевые слова: гражданство, БРИКС, СНГ, миграционные процессы, иностранный гражданин, лицо без гражданства.

Для цитирования: Нечай С. Л., Нурадинов Ш. М., Куликова С. Г. Правовое регулирование гражданства в зарубежных странах (на примере некоторых государств – участников БРИКС и СНГ) // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 149–159.

LEGAL REGULATION OF CITIZENSHIP IN FOREIGN COUNTRIES (ON THE EXAMPLE OF SOME BRICS AND CIS MEMBER STATES)

Sergey L. Nechay[1], Shamil M. Nuradinov[2], Svetlana G. Kulikova[3]
[1]Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russia named after V. V. Lukyanov, Bryansk, Russia
[2]Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russia
[3]Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia; International Law Institute Moscow, Russia

s.l.nechay@gmail.com
trianonnn2017@mail.ru
cvetlana-1977@mail.ru

Annotation. This article examines one of the most important legal institutions in both international and national law: citizenship. Given that the Russian Federation, for many reasons, interacts particularly closely with BRICS and CIS member states in a wide variety of areas, legal regulation of citizenship issues within these international organizations is of particular relevance. The article analyzes the national legislation of several member states, outlining the main methods and features of acquiring and terminating citizenship. Key characteristics of citizenship regulation in the national legislation of these states and the Russian Federation are discussed.

Keywords: citizenship, BRICS, CIS, migration processes, foreign citizen, stateless person.

For citation: Nechay S. L., Nuradinov S. M., Kulikova S. G. Legal regulation of citizenship in foreign countries (on the example of some BRICS and Cis Member States) // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2026. № 1(106). P. 149–159.

В современном научном дискурсе проблематика гражданства рассматривается как ключевой инструмент государственного управления и важный элемент правовой системы, определяющий взаимосвязь индивида и государства [1, с. 98].

Институт гражданства представляет одну из ключевых категорий конституционного и международного права, определяющую устойчивую правовую связь между физическим лицом и конкретным государством. Эта связь порождает определённые права и обязанности, обеспечивая человеку политико-правовую принадлежность к конкретному государству [2]. В условиях глобализации и усиливающихся миграционных потоков вопросы, связанные с гражданством, приобретают особую актуальность.

В Российской Федерации статус гражданина и порядок его приобретения или утраты урегулированы Федеральным законом от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [3, с. 69]. В соответствии с данным законом приобретение гражданства базируется на следующих основаниях: по рождению; в результате приёма в гражданство Российской Федерации; в результате признания гражданином Российской Федерации; в результате выбора гражданства Российской Федерации при изменении государственной границы Российской Федерации (оптации); в соответствии с международным договором Российской Федерации.

В странах БРИКС (Бразилии, России, Индии, Китае и ЮАР) и СНГ (Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Республики Молдова, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан) наблюдается комплексная правовая архитектура, регулирующая приобретение и прекращение гражданства, которая отражает историко-политические факторы и социальные приоритеты каждого из государств. Авторами статьи предпринимается попытка обобщённого анализа соответствующих норм, основанного на положениях национального законодательства соответствующих государств.

Следует подчеркнуть, что во многих юрисдикциях БРИКС наблюдается стремление сочетать принципы недопущения безгражданства, защиты национальной безопасности и удовлетворения потребностей в управлении миграционными потоками. В качестве правовых основ, устанавливающих рамки регулирования в рассматриваемой сфере, выступают конституции, специальные законы о гражданстве и подзаконные нормативные акты.

В Бразилии вопросы гражданства в значительной степени определяются положениями Конституции 1988 года (ст. 12 и др.)[1], а также нормативными правовыми актами о миграции, в том числе Законом об иммигрантах (*Lei de Migração*

[1] Конституция Бразилии 1988 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.planalto.gov.br (дата обращения: 12.01.2026).

№ 13.445/2017)[1]. Примечательно, что государство традиционно придерживается принципа *jus soli*, согласно которому лицо, родившееся на территории Бразилии, автоматически получает бразильское гражданство (за исключением случаев, когда родители являются дипломатическими представителями иностранных государств). Дополнительно закрепляется право крови**,** благодаря которому ребёнок, рождённый за пределами страны, может быть признан гражданином Бразилии при условии, что хотя бы один из родителей имеет бразильское гражданство и оформляет надлежащую регистрацию в дипломатическом представительстве (см. статью 12 Конституции Бразилии). Для натурализации необходимо соответствовать ряду критериев, включая непрерывное проживание в стране в течение установленного срока (как правило, четырёх лет), владение португальским языком и отсутствие судимостей. Отдельные категории (например, супруги граждан Бразилии, лица с бразильскими детьми) имеют право на сокращённый срок проживания. Что касается прекращения гражданства, то, согласно конституционным положениям, оно может произойти в случае добровольного отказа или при выявлении факта приобретения иностранного гражданства без уведомления компетентных органов. Несмотря на указанные основания, на практике Бразилия демонстрирует достаточно гибкую политику, стремясь избежать чрезмерного ограничения статуса своих граждан.

В Индии вопросы гражданства регулируются Конституцией 1950 года (ст. 5–11)[2] и Законом о гражданстве 1955 года[3] с последующими поправками. Анализ показывает, что индийский законодатель отошёл от более либеральной трактовки *jus soli*, которая существовала ранее, и в результате поправок (1986, 2003 и др.) установил жёсткие требования: ребёнок, родившийся в Индии, признаётся гражданином только при условии, что хотя бы один из его родителей является гражданином Индии. Для детей, рождённых за границей, предусмотрен порядок получения гражданства по регистрации, если хотя бы один из родителей имеет индийское гражданство и оформляет соответствующие документы в консульстве или посольстве.

Натурализация предполагает длительное проживание (не менее 12 лет) и владение местным языком, а также интеграцию в культурный контекст страны. Примечательно, что Индия не допускает двойного гражданства: лицо теряет индийское гражданство в случае добровольного приобретения другого гражданства. В то же время для лиц индийского происхождения, проживающих за границей, введён особый статус «зарубежный гражданин Индии» (OCI), который обеспечивает расширенные права на проживание и экономическую деятельность, но не предоставляет полноценных политических прав.

Китайская Народная Республика руководствуется Законом КНР «О гражданстве» 1980 года[4], который устанавливает приоритет ***«jus sanguinis»*.** Ребёнок признаётся гражданином Китая, если один из родителей имеет китайское гражданство и при этом не происходит автоматического приобретения гражданства другого государства по месту рождения (см. ст. 4–5 Закона). Принцип ***«jus soli»*** здесь фактически не действует, за исключением крайне редких случаев (например, ребёнок, рождённый на территории Китая от родителей без гражданства). Следует отметить, что КНР официально не признаёт двойного гражданства: в соответствии со ст. 3 упомянутого Закона лицо, добро-

---

[1] Закон о миграции № 13.445/2017 (Бразилия) [Электронный ресурс]. URL: https://establishbrazil.com/articles/effects-new-immigration-law-brazilian-scenario (дата обращения: 12.01.2026).

[2] Конституция Индии 1950 года [Электронный ресурс]. URL: https://indiacode.nic.in (дата обращения: 12.01.2026).

[3] Закон о гражданстве 1955 года (с поправками) [Электронный ресурс]. URL: https://indiacode.nic.in (дата обращения: 12.01.2026).

[4] Закон о гражданстве Китайской Народной Республики (1980) [Электронный ресурс]. URL: http://www.npc.gov.cn (дата обращения: 12.01.2026).

вольно приобретающее иностранное гражданство, теряет гражданство Китая. При этом процесс натурализации иностранцев жёстко контролируется, поскольку наличие «законных оснований» (брак с гражданином КНР, значительный вклад в экономику или социально-культурное развитие страны) ещё не гарантирует положительного решения. Добровольный выход из гражданства также требует одобрения компетентных органов, а лишение гражданства возможно в случае обмана при натурализации или нарушения национальных интересов Китая.

В Южно-Африканской Республике правовое регулирование основано на Конституции 1996 года[1] и Законе о гражданстве ЮАР 1995 года с соответствующими изменениями[2]. Здесь наблюдается сочетание *«jus soli»* и *«jus sanguinis»*: если ребёнок родился в ЮАР и хотя бы один из его родителей является гражданином или постоянным резидентом, ребёнок автоматически получает гражданство (ст. 2). При рождении за пределами страны статус по происхождению (гражданство по происхождению) закрепляется при наличии гражданства ЮАР хотя бы у одного из родителей и прохождении соответствующей регистрации (ст. 3).

Натурализация регулируется статьёй 5 упомянутого Акта: как правило, требуется пятилетнее непрерывное проживание в статусе постоянного резидента, знание одного из официальных языков и отсутствие серьёзных правонарушений. Особого внимания заслуживает подход к двойному гражданству: оно допустимо, если гражданин ЮАР, намеревающийся принять гражданство другого государства, заранее уведомляет власти и получает разрешение (ст. 6). При невыполнении этих условий лицо может утратить гражданство ЮАР. Аннулирование уже полученной натурализации возможно в случае предоставления заведомо ложных сведений или совершения деяний, угрожающих безопасности страны.

Анализ правовых режимов стран БРИКС демонстрирует наличие общих черт, в частности: стремление избежать безгражданства и установление определённых условий натурализации (включая языковые требования и сроки проживания). Однако существуют и принципиальные отличия. Так, Бразилия максимально ориентирована на «*jus soli*», тогда как в Индии и Китае преобладает подход «*jus sanguinis*» при существенных ограничениях на признание двойного гражданства. Россия и ЮАР ищут баланс между «*jus soli*» и «*jus sanguinis*», допуская двойное гражданство, но регулируя процедуру его оформления через механизмы уведомления (в РФ) или разрешения (в ЮАР).

Таким образом, в рамках БРИКС проявляются различные модели регулирования гражданства, отражающие национальные интересы, исторические реалии и правовые традиции. Несмотря на определённые различия (преобладание того или иного принципа при рождении, признание или непризнание двойного гражданства, сложность процедур натурализации и т. д.), во всех исследуемых государствах гражданство служит основой юридического взаимодействия между личностью и государством.

Гражданство в странах СНГ, возникших после распада СССР, обладает многослойной правовой природой, в основе которой лежит совокупность различий национальных законодательств, исторического единства и интенсивных миграционных процессов. Нормативные правовые акты, регулирующие вопросы получения, утраты и лишения гражданства, были сформированы в каждое из постсоветских государств с учётом собственных политических и экономических интересов, что изначально создавало предпосылки для правовых коллизий. С одной стороны, многие страны (Россия, Казахстан, Беларусь) допускают или частично признают двойное гражданство на основе спе-

[1] Конституция ЮАР 1996 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.za (дата обращения: 12.01.2026).
[2] Закон о гражданстве ЮАР 1995 года (с поправками) [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.za (дата обращения: 12.01.2026).

циальных соглашений, а с другой — государства вроде Узбекистана и Таджикистана руководствуются принципом единого гражданства. При этом, как подчёркивает Е. В. Сасаюк, «закреплённый в ряде государств СНГ принцип «единого гражданства» (ст. 5 Закона «О гражданстве» Республики Казахстан, ст. 4 Закона «О гражданстве» РФ) на практике дополняется отдельными исключениями, которые приводят к противоречиям при наличии второго (или множественного) гражданства» [4, с. 121–125]. Подобная раздробленность правовых норм усложняет правоприменение и порождает неопределённость в статусе лиц, перемещающихся между странами региона.

В то же время страны СНГ демонстрируют широкий спектр моделей и подходов в данной области. Несмотря на то что все государства СНГ признают институт гражданства, механизмы его регулирования, порядок приобретения, утраты и допущение двойного гражданства существенно различаются. Данный факт обусловлен не только правовыми традициями, но и социально-политической спецификой, историческими особенностями становления государственности и уровнями миграционной нагрузки.

Так, в Республике Беларусь ключевым законодательным документом, регулирующим вопросы гражданства, является Закон «О гражданстве Республики Беларусь», принятый 1 августа 2002 года. Данный нормативный правовой акт позволяет установить правовые основы государственного управления в сфере гражданства, регулируя условия и процедуры его получения, сохранения и утраты. В нём закреплены правила принятия, реализации и обжалования решений по гражданству, особые случаи изменения или сохранения гражданского статуса, а также полномочия государственных институтов в области гражданства. С момента первоначального принятия Закон неоднократно обновлялся, что позволило учесть накопленный опыт работы государственных органов, актуальные вопросы в сфере национальной безопасности в области регулирования гражданства, а также тенденции миграционных и демографических процессов в стране. Эти изменения отражают эволюцию государственной политики в контексте современных вызовов и приоритетов. Гражданство Республики Беларусь приобретается: по рождению; в результате приёма в гражданство Республики Беларусь; в порядке регистрации; вследствие восстановления в гражданстве Республики Беларусь; по иным основаниям, предусмотренным Законом и международными договорами. Порядок приобретения гражданства и иные вопросы, связанные с данной процедурой, определены в «Положении о порядке рассмотрения вопросов, связанных с гражданством Республики Беларусь», которое утверждено Указом Президента Республики Беларусь от 17.11.1994 № 209.

Исходя из анализа закона от 16.11.1995 № ЗР-16 «О гражданстве Республики Армения» с изменениями и дополнениями от 22.12.2023, целесообразно отметить ряд оснований для приобретения гражданства в Республике Армения:

1) армянская национальность;

2) постоянное проживание в течение 3 лет в пределах Республики Беларусь на законных основаниях, однако при наличии данного основания обращение гражданина происходит в Службу миграции и гражданства Министерства внутренних дел Республики Армения;

3) в течение 2 лет находиться в браке с гражданином Республики Армения, кроме того, обязательным условием является нахождение на территории Республики Беларусь не менее 365 дней;

4) наличие близкого родственника, являющегося гражданином Республики Армения;

5) прекращение гражданства Республики Армения после 1 января 1995 года по собственному волеизъявлению;

6) наличие правового статуса беженца в Республике Армения;

7) для лиц без гражданства, проживающих на территории Республики Армения;

8) для лиц, проживающих в течение последнего года в пределах территории Республики Армения и имеющих родителей с гражданством Республики Армения в прошлом.

Заявление о получении или прекращении гражданства в Республике Армения подаётся лично на территории Республики в Службу миграции и гражданства при Министерстве внутренних дел. Однако если лицо находится за пределами страны, то заявлении подаётся через посольства или консульства Республики Армения в иностранных государствах. Процедура требует личного обращения заявителя. Кроме того, в зависимости от места подачи документы должны соответствовать требованиям закона Республики Армения. Для более наглядного сопоставления представим таблицу, содержащую ключевые характеристики регулирования гражданства в России, Республиках Беларусь и Армения (см. таблицу № 1).

Таблица № 1

Критерий сравнения	Российская Федерация	Республика Беларусь	Республика Армения
Упрощённый порядок приобретения	Да, для некоторых категорий	Да, для этнических белорусов, а также членов их семей, для лиц, имеющих заслуги перед страной	Да, для этнических армян, а также лиц, находящихся с ними в браке не менее 2 лет
Восстановление гражданства	Предусмотрено, но для определённой категории	Применяется, но в исключительных случаях	Предусмотрено
Основания утраты	Добровольный отказ; вследствие совершения преступления; вследствие предоставления поддельных документов; вследствие действий, создающих угрозы национальной безопасности	Аналогично, как и в Российской Федерации	Аналогично, как и в Российской Федерации
Двойное гражданство	Допускается	Запрещено, кроме лиц до 18 лет	Разрешено

Важно отметить, что более строгие условия имеет процедура восстановления в гражданстве в Республике Беларусь, так как восстановление возможно только для лиц, которые ранее имели белорусское гражданство и утратили его. Кроме того, обязательным условием является необходимость в постоянном проживании на территории Республики Беларусь не менее 7 лет перед подачей заявления, когда, например, в Республике Армения для восстановления в гражданстве требуется только 3 года постоянного проживания. Важно сказать об основаниях утраты гражданства, так как в общем виде у трёх анализируемых государств есть некоторое сходство. Каждая страна предусматривает добровольный отказ, а также данные государства не допускают утрату гражданства, если впоследствии лицо становится апатридом. Миграционная политика трёх представленных стран также различна. Россия использует миграцию для демографических и геополитических целей. Беларусь фокусируется на контроле и интеграции с Россией. Армения решает проблемы эмиграции и гуманитарных кризисов.

В Республике Беларусь прослеживается жёсткость и на процедуре приобретения двойного гражданства, а точнее запрет на неё, однако для лиц младше 18 лет возможность наличия правового статуса гражданина с двойным гражданством всё-таки предусмотрена. Таким образом, подходы к институту гражданства в странах Содружества

Независимых Государств и в Российской Федерации демонстрируют как общие тенденции, обусловленные влиянием международного права и стандартов в области прав человека, так и глубокие различия, вытекающие из национальных интересов, историко-культурных факторов и внутренних миграционных процессов. Российская правовая система по-прежнему ориентирована на поддержание демографической устойчивости, обеспечение национальной безопасности и сохранение правовых связей с соотечественниками за рубежом.

Проанализированные положения законодательства о гражданстве Российской Федерации, а также Республики Беларусь и Республики Армения позволяют сделать вывод о том, что, несмотря на наличие универсальных правовых основ, закреплённых в международных актах, каждая страна формирует собственную модель института гражданства, ориентируясь на внутренние приоритеты и историко-культурную специфику.

Российское законодательство, закреплённое в Федеральном законе № 138-ФЗ от 28.04.2023, демонстрирует направленность на правовую и демографическую консолидацию общества, уделяя при этом приоритетное внимание сохранению связей с соотечественниками и обеспечению национальной безопасности. Вместе с тем сравнительный анализ показывает, что в странах СНГ подход к регулированию вопросов двойного гражданства значительно отличается. В Республике Беларусь двойное гражданство не предусмотрено, за исключением отдельной категории лиц. В Республике Армения, напротив, двойное гражданство разрешено и к тому же уведомление о приобретении такого статуса государственного органа не является обязательным условием.

Наряду с этим серьёзное влияние на формирование и содержание законодательства о гражданстве оказывают миграционные процессы, стимулируемые как экономическими, так и демографическими факторами. По мнению Р. У. Ульмасова, «Россия нуждается в притоке новых граждан… сейчас миграция находится на историческом перекрёстке», а многие европейские страны вскоре могут принять «срочные и экстренные меры для пополнения рынка труда» [5, с. 298–307]. Такой подход отражает стремление отдельных государств СНГ использовать потенциал трудовой миграции и смягчать дефицит рабочей силы, одновременно пытаясь сохранить национальную безопасность и общественную стабильность. В результате правоприменительная практика включает в себя сложные миграционные процедуры, в том числе: получение разрешений на работу, подтверждение образовательных документов и регистрацию по месту жительства, что дополнительно нагружает административную систему и выявляет отсутствие унифицированных межгосударственных механизмов.

Особое значение в правовых отношениях о гражданстве имеют вопросы выхода, утраты и лишения гражданства, для которых характерны существенные расхождения в нормативных и доктринальных толкованиях. В. И. Червонюк и В. Л. Казакова указывают, что «в отечественной правовой системе термин «утрата гражданства» формально не используется, хотя, по сути, предусматривается рядом законодательных положений. В отличие от этого, международная практика даёт более чёткие формулировки причин и порядка лишения гражданства, включая случаи предоставления ложных сведений при натурализации или участия в террористической деятельности» [6, с. 96–104].

По мнению Л. Ю. Одеговой и А. И. Капрана, в Казахстане допускается возможность лишения гражданства за террористическую деятельность, тогда как в других странах СНГ такая мера используется осторожнее, что порождает межгосударственные коллизии [7, с. 38]. Аналогичной точки зрения придерживается Е. Ф. Ивашкевич, отмечая, что «Конституция Казахстана (ст. 10) прямо легализует данную меру и распространяет её на случаи причинения «иного тяжкого вреда жизненно важным интересам Республики», причём подобный подход отражён и в части законодательства других государств СНГ» [8, с. 90–98]. В результате возникает сложный баланс между государ-

ственными интересами в сфере безопасности и принципами, направленными на недопущение безгражданства и защиту прав человека.

Дополнительным узлом правовых коллизий являются вопросы признания и унификации документов, удостоверяющих личность и гражданский статус (паспорта, свидетельства о рождении, о заключении брака и т. д.). Отсутствие единых стандартов оформления и системы взаимного признания актов гражданского состояния усложняет как легализацию мигрантов, так и процесс защиты их прав в разных юрисдикциях. В связи с этим немаловажную роль играют двусторонние соглашения и многосторонние договоры в рамках СНГ, в том числе: о правах трудящихся-мигрантов, пенсионном обеспечении и других социальных аспектах. Однако даже они не дают полноценного решения, поскольку судебная и административная практика в разных странах региона остаётся неоднородной, а Устав СНГ (1993) лишь в общих чертах устанавливает принципы сотрудничества, не разграничивая конкретные механизмы согласования законодательств.

В научной литературе последовательно подчёркивается необходимость гармонизации норм о гражданстве путём заключения дополнительных соглашений, устраняющих противоречия и минимизирующих административные барьеры. Среди наиболее часто упоминаемых мер – упрощение и стандартизация процедур приёма, выхода и лишения гражданства, внедрение электронных баз данных и обмена информацией между миграционными службами, а также создание единого портала на уровне СНГ с подробными разъяснениями для граждан и должностных лиц. Одновременно важно совершенствовать механизм судебной защиты, поскольку именно судебные органы рассматривают споры при отказе в выдаче документов, признании двойного гражданства или определении обстоятельств лишения статуса гражданина. Расширение мандата институциональных структур СНГ или создание специализированного наднационального органа способно повысить эффективность разрешения межгосударственных конфликтов, возникающих в области гражданства.

В долгосрочной перспективе эксперты видят возможности для дальнейшего сближения правовых систем в рамках Евразийского экономического союза, Союзного государства России и Беларуси и самого СНГ. Интеграционные процессы, в том числе в сфере цифровизации государственных услуг, могут способствовать более гибкому и единообразному решению вопросов, связанных со статусом граждан и мигрантов. Кроме того, комплексная координация мер по борьбе с безгражданством – одна из ключевых задач в повестке международных организаций (УВКБ ООН, ОБСЕ и др.), что открывает дополнительное поле для сотрудничества стран СНГ с глобальными институтами. Научные изыскания демонстрируют необходимость выработки консолидированных подходов к регламентации утраты и лишения гражданства, признания множественного гражданства и определения гарантий для лиц без гражданства. Таким образом, преодоление правовых коллизий на пространстве Содружества возможно при условии равномерного развития национальных правовых систем и активизации многостороннего диалога, что позволит обеспечить более устойчивую и защищённую правовую среду для граждан и мигрантов во всех государствах СНГ.

В странах СНГ предусмотрены особые требования о приёме в гражданство, среди них можно выделить следующие:

– непризнание двойного гражданства – Азербайджан, Таджикистан, Молдова;

– десятилетний по продолжительности ценз оседлости – Казахстан, Грузия, Молдова, семилетний – Беларусь и Туркменистан, пятилетний – Узбекистан, Киргизия;

– отказ от иностранного гражданства – Молдова, Киргизия, Узбекистан;

– владение государственным языком страны – Беларусь, Молдова, Грузия, Туркмения;

– наличие законного источника существования, признание и исполнение Конституции и законов страны – Беларусь, Молдова, Грузия, Узбекистан, Туркмения, Киргизия;

– в Грузии дополнительно – знание истории и основ Конституции Грузии и наличие постоянного места работы или какого-либо недвижимого имущества в Грузии;

– в Молдове – доказать своим поведением и отношением преданность государству и народу Республики Молдова, принести клятву верности Республике Молдова.

На наш взгляд, дальнейшее развитие института гражданства в России должно учитывать лучшие практики государств СНГ, адаптируя их к отечественным реалиям. Особого внимания заслуживает вопрос гибкости процедуры натурализации и повышения правовых гарантий для лиц, длительное время проживающих на территории страны, участвующих в её экономической и социальной жизни. Необходимо обратить внимание на порядок и условия приобретения двойного гражданства с целью предложения рекомендаций по совершенствованию данной области. Важно подчеркнуть, что, по нашему мнению, следует обратить внимание на политику государства в контексте двойного гражданства Республики Беларусь. Укрепление правовой определённости и прозрачности механизмов приобретения двойного гражданства способствовало бы формированию устойчивой модели правовой идентичности и социальной интеграции, соответствующей принципам современного правового государства. Таким образом, институт гражданства представляет собой особый правовой механизм регулирования принадлежности к государству, но и важный инструмент внутренней политики. Рассмотрение опыта государств – участников БРИКС и СНГ показывает не только сходство, но и некоторые различия национального законодательства данных государств как между собой, так и в Российской Федерации. Однако необходимо отметить, что анализируемое законодательство о гражданстве рассматриваемых государств и России полностью соответствует международным стандартам и законодательству в данной сфере.

1. Нечай С. Л. К вопросу о понятии и сущности конституционно-правовой категории гражданства России // Актуальные проблемы государственно-правового строительства: сборник научных статей / редкол.: И.В. Кольжанов [и др.]. Орёл: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2025. 114 с.
2. Институт гражданства в Российской Федерации: актуальные проблемы и перспективы развития / С. Г. Куликова, С. Л. Нечай, А. А. Шувалов, М. В. Конопляникова. М.: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2021. 90 с.
3. Гражданство Российской Федерации / А. С. Прудников, Т. В. Кикоть-Глуходедова, Т. А. Прудникова [и др.]. Второе издание, переработанное и дополненное. М.: ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА, 2025. 327 с.
4. Сасаюк Е. В. Принципы гражданства в странах СНГ // Творчество молодых, 2022 : сборник научных работ студентов, магистрантов и аспирантов. В 3 ч. / редкол.: Р.В. Бородич [и др.] ; М-во образования РБ, Гомельский гос. ун-т им. Ф.Скорины. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2022. Ч. 2. С. 121-125.
5. Ульмасов Р. У. Миграция – мост интеграции между странами СНГ // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2022. Т. 1. №. 11. С. 298-307.
6. Червонюк В. И., Казакова В. Л. Утрата гражданства: лингвистический (текстуальный), телеологический и формально-юридический анализ законодательства современных государств //Образование. Наука. Научные кадры. 2024. №. 4. С. 96-104.

7. Одегова Л. Ю., Капран А. И. К вопросу об основаниях лишения гражданства // Актуальные проблемы современного конституционализма: Сборник научных статей по материалам VIII Всероссийской научно-практической конференции научно-педагогических работников, практиков, студентов, магистрантов и аспирантов (с международным участием), Пенза, 27 апреля 2023 года. Пенза: Пензенский государственный университет, 2023. С. 38-44.
8. Ивашкевич Е. Ф. Институт гражданства в странах СНГ: основные тенденции развития на современном этапе // Енисейские политико-правовые чтения: сб. науч. ст. по материалам XIV Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием, Красноярск, 19-24 сентября 2022 года. Красноярск: Красноярская региональная общественная организация «Общественный комитет по защите прав человека», 2022. С. 90–98.

1. Nechaj S. L. K voprosu o ponyatii i sushhnosti konstitucionno-pravovoj kategorii grazhdanstva Rossii // Aktual`ny`e problemy` gosudarstvenno-pravovogo stroitel`stva: sbornik nauchny`x statej / redkol.: I.V. Kol`zhanov [i dr.]. Oryol: OrYuI MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova, 2025. 114 s.
2. Institut grazhdanstva v Rossijskoj Federacii: aktual`ny`e problemy` i perspektivy` razvitiya / S. G. Kulikova, S. L. Nechaj, A. A. Shuvalov, M. V. Konoplyanikova. M.: Moskovskij universitet Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii im. V.Ya. Kikotya, 2021. 90 s.
3. Grazhdanstvo Rossijskoj Federacii / A. S. Prudnikov, T. V. Kikot`-Gluxodedova, T. A. Prudnikova [i dr.]. Vtoroe izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe. M.: IZDATELЬSTVO YuNITI-DANA, 2025. 327 s.
4. Sasayuk E. V. Principy` grazhdanstva v stranax SNG // Tvorchestvo molody`x, 2022 : sbornik nauchny`x rabot studentov, magistrantov i aspirantov. V 3 ch. / redkol.: R.V. Borodich [i dr.] ; M-vo obrazovaniya RB, Gomel`skij gos. un-t im. F.Skoriny`. Gomel`: GGU im. F. Skoriny`, 2022. Ch. 2. S. 121-125.
5. Ul`masov R. U. Migraciya – most integracii mezhdu stranami SNG // Social`naya integraciya i razvitie e`tnokul`tur v evrazijskom prostranstve. 2022. T. 1. №. 11. S. 298-307.
6. Chervonyuk V. I., Kazakova V. L. Utrata grazhdanstva: lingvisticheskij (tekstual`ny`j), teleologicheskij i formal`no-yuridicheskij analiz zakonodatel`stva sovremenny`x gosudarstv //Obrazovanie. Nauka. Nauchny`e kadry`. 2024. №. 4. S. 96-104.
7. Odegova L. Yu., Kapran A. I. K voprosu ob osnovaniyax lisheniya grazhdanstva // Aktual`ny`e problemy` sovremennogo konstitucionalizma: Sbornik nauchny`x statej po materialam VIII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii nauchno-pedagogicheskix rabotnikov, praktikov, studentov, magistrantov i aspirantov (s mezhdunarodny`m uchastiem), Penza, 27 aprelya 2023 goda. Penza: Penzenskij gosudarstvenny`j universitet, 2023. S. 38-44.
8. Ivashkevich E. F. Institut grazhdanstva v stranax SNG: osnovny`e tendencii razvitiya na sovremennom e`tape // Enisejskie politiko-pravovy`e chteniya: sb. nauch. st. po materialam XIV Vserossijskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya s mezhdunarodny`m uchastiem, Krasnoyarsk, 19-24 sentyabrya 2022 goda. Krasnoyarsk: Krasnoyarskaya regional`naya obshhestvennaya organizaciya «Obshhestvenny`j komitet po zashhite prav cheloveka», 2022. S. 90–98.

Информация об авторах

Сергей Леонидович Нечай. Профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин, кандидат исторических наук.

Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.

241050, Россия, г. Брянск, 2-й Советский пер., 2а.

Шамиль Магомедович Нурадинов. Профессор кафедры конституционного и муниципального права, доктор юридических наук, профессор. Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации.

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя.

117997, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

Светлана Геннадьевна Куликова. Профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России; профессор кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Международного юридического института, доктор исторических наук, доцент.

Международный юридический институт.

127427, Россия, г. Москва, ул. Кашенкин луг, 4;

Академия управления МВД России.

125993, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

Information about the authors

Sergey L. Nechay. Professor, Department of State and Civil Law Disciplines. Candidate of Historical Sciences.

Bryansk Branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov.

241050, Bryansk, 2-y Sovetsky Lane, Bldg. 2a.

Shamil M. Nuradinov. Professor, Department of Constitutional and Municipal Law. Doctor of Law. Professor. Honored Officer of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation. Retired Major General of Police.

Moscow Order of Honor University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

117997, Moscow, Akademika Volgina St., Bldg. 12.

Svetlana G. Kulikova. Professor, Department of Psychology, Pedagogy, and Personnel Management, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Professor, Department of Legal Theory and State-Legal Disciplines, International Law Institute. Doctor of Historical Sciences. Associate Professor.

International Law Institute.

127427, Moscow, Kashenkin Lug St., Bldg. 4;

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

125993, Moscow, Zoya and Aleksandra Kosmodemyanskikh St., Bldg. 8.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 14.01.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.

The article was received in the editorial office on 14.01.2026; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научная статья
УДК 342

ИНСТИТУТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ДЕЙСТВУЮЩИХ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ

Павлова Евгения Васильевна
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл, Россия

pavlova.evgenia.78@yandex.ru

Аннотация. Автором проведён сравнительно-правовой анализ институтов освобождения от уголовной и административной ответственности в рамках действующего законодательства. Исследованы отдельные положения норм иностранных государств, а также Проекта Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях применительно к рассматриваемым аспектам. Сформулированы выводы о необходимости детализации порядка реализации конкретных оснований освобождения от административной ответственности. Обоснована необходимость внесения изменений в Проект кодифицированного акта в части, касающейся рассматриваемого правового института. Выявлены особенности содержательной характеристики института освобождения от ответственности, позволяющие правоприменителю руководствоваться ими при принятии процессуального решения в конкретном правовом споре.

Ключевые слова: правонарушение, юридическая ответственность, освобождение от ответственности, малозначительное правонарушение, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

Для цитирования: Павлова Е. В. Институт освобождения от юридической ответственности в контексте действующих административно-правовых норм // Научный вестник орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 160–167.

THE INSTITUTION OF EXEMPTION FROM LEGAL LIABILITY IN THE CONTEXT OF CURRENT ADMINISTRATIVE AND LEGAL NORMS

Evgenia V. Pavlova
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

pavlova.evgenia.78@yandex.ru

Annotation. The author has conducted a comparative legal analysis of the institutions of exemption from criminal and administrative liability, within the framework of current legislation. The individual provisions of the norms of foreign states, as well as the Draft Code of Administrative Offences of the Russian Federation in relation to the aspects under consideration, are studied. The conclusions about the need to detail the procedure for the implementation of specific grounds for exemption from administrative responsibility are substantiated. The necessity of making changes to the Draft codified Act regarding the legal institution under consideration is substantiated. The features of the substantive characteristics

of the institution of exemption from liability are formulated, allowing the law enforcement officer to be guided by them when making a procedural decision in a specific legal dispute.

Keywords: offense, legal responsibility, exemption from liability, minor offense, Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.

For citation: Pavlova E. V. The institution of exemption from legal liability in the context of current administrative and legal norms // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2026. № 1(106). P. 160–167.

Современная правовая система предусматривает комплекс механизмов, направленных на дифференциацию юридической ответственности в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния. Особое значение в этом контексте приобретает исследование институтов, освобождения от административной и уголовной ответственности, которые, несмотря на схожие цели, имеют принципиальные различия в основаниях и порядке их применения. Эти правовые конструкции служат важным инструментом защиты прав личности, предотвращая необоснованное привлечение к ответственности при наличии исключительных обстоятельств. Их анализ позволяет глубже понять философию права, балансирующую между необходимостью охраны общественных интересов и защитой индивидуальных свобод.

Изучение соотношения рассматриваемых институтов приобретает особую значимость в условиях реформирования административного и уголовного законодательства. Расширение сферы административной ответственности, появление новых составов правонарушений и ужесточение санкций требуют чёткого разграничения критериев применения данных правовых механизмов. Недостаточная разработанность теоретических основ приводит к противоречиям в правоприменительной практике: от некорректной квалификации деяний до нарушения принципа соразмерности наказания.

Особую остроту проблеме придаёт отсутствие единого подхода к определению природы обстоятельств, освобождающих от юридической ответственности. Если в уголовном праве такие институты, как необходимая оборона или крайняя необходимость, имеют детальную регламентацию, то в административном законодательстве многие аналогичные положения либо отсутствуют, либо формулируются декларативно. Это создаёт риски субъективного толкования норм и ограничения прав граждан при привлечении к административной ответственности.

Приступая к анализу содержания института освобождения от ответственности, отметим, что в юридической науке отсутствует однозначное определение данной меры государственного принуждения, поэтому её сущность чаще всего раскрывают через характерные признаки. Указанные меры применяются уполномоченными органами и должностными лицами в строго установленном процессуальном порядке. Лицо, совершившее правонарушение, претерпевает негативные последствия, предусмотренные законом, с учётом тяжести деяния, степени вины и других значимых обстоятельств [1, с. 86.]. Действующие положения кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) не содержат законодательно закреплённого понятия административной ответственности, данный пробел восполняет Проект КоАП РФ и в ст. 2.6 закрепляет такое определение[1]. Такая же тенденция прослеживается и в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ), который не преду-

[1] Проект Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru/56821718/ (дата обращения 09.12.2025).

сматривает самого понятия «уголовная ответственность»[1]. Таким образом, напрашивается вывод, что законодатель основной акцент делает на понятие правового деликта, преступления либо административного правонарушения, которые являются основанием для привлечения к юридической ответственности. Вместе с тем при наличии определённых обстоятельств, строго предусмотренных законом, у компетентного должностного лица либо государственного органа при условии наличия основания для привлечения к ответственности появляется право не применять к виновному лицу санкций. Такой механизм выступает самостоятельным правовым институтом, способствующим гуманизации и индивидуализации ответственности. Его сложная структура включает в себя основания, принципы, условия, формы, процедуры и пределы применения. Каждый из этих элементов играет ключевую роль в обеспечении законности – основополагающего принципа юридической ответственности.

В правоприменительной практике нередко возникают случаи, когда реализация мер юридической ответственности к правонарушителю теряет свой практический смысл. Именно для таких ситуаций законодатель предусмотрел специальный правовой механизм – институт освобождения от юридической ответственности, позволяющий избежать избыточного государственного принуждения.

Принципиально важно разграничивать два различных правовых явления: обстоятельства, освобождающие от ответственности, и основания, полностью исключающие её. Первые предполагают, что противоправность деяния сохраняется, но в силу определённых причин (например, малозначительности правонарушения) государство отказывается от применения санкций. Вторые же свидетельствуют об изначальном отсутствии оснований для привлечения к ответственности, что характерно для случаев, когда в действиях лица отсутствуют признаки состава правонарушения. Такое разграничение имеет существенное значение для правоприменительной практики.

В первом случае мы имеем дело с правовой милостью государства, во втором – с констатацией отсутствия самого факта правонарушения. Особенно наглядно это проявляется в административном и уголовном праве, где малозначительность деяния может служить основанием для освобождения от ответственности, тогда как отсутствие состава правонарушения полностью исключает саму возможность её применения [2, с. 259].

В теории права основаниями для освобождения от ответственности признаются обстоятельства, закреплённые законодательством, при наличии которых лицо, нарушившее правовые нормы, избегает неблагоприятных последствий. В некоторых случаях таким основанием может выступать юридический факт или совокупность фактов, позволяющих полностью или частично освободить нарушителя от мер государственного воздействия. В юридической доктрине традиционно выделяют две группы оснований освобождения от юридической ответственности: общие (социальные) и специальные (отраслевые). Первые носят универсальный характер и применимы к различным отраслям права, тогда как вторые закреплены в конкретных нормативных актах – уголовном, административном и гражданском законодательстве. Ключевым социальным основанием выступает утрата или значительное снижение общественной опасности лица, совершившего противоправное деяние. Когда степень такой опасности достигает минимального уровня, дальнейшее применение мер государственного принуждения теряет практический смысл и перестаёт соответствовать принципам разумности и справедливости.

По сути, государство сознательно отказывается от реализации своего права на привлечение к ответственности, если это не отвечает интересам общества. Примеча-

[1] Уголовный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Справ.-поисковая система «КонсультантПлюс».

тельно, что действующее российское законодательство не содержит прямого закрепления этих общих положений на нормативном уровне. Однако их влияние прослеживается через отраслевые институты, детально регламентированные в УК РФ, КоАП РФ и Гражданском кодексе РФ. Каждая из этих отраслей предусматривает специфические условия и процедуры освобождения от ответственности, что отражает дифференцированный подход законодателя к различным видам правонарушений [3, с. 48].

В юридической науке институт освобождения от ответственности рассматривается как законодательно закреплённый механизм, позволяющий снять негативные правовые последствия с лица, совершившего противоправное деяние. Данный правовой инструмент может применяться как в полном объёме, так и частично, в зависимости от конкретных обстоятельств дела. Важно проводить чёткое разграничение между тремя смежными, но не тождественными правовыми категориями: освобождением от ответственности, исключением ответственности и освобождением от наказания.

Принципиальное отличие заключается в правовой природе каждого из этих институтов. Освобождение от ответственности означает прекращение обязанности правонарушителя подвергаться мерам государственного принуждения, при этом сам факт совершения противоправного деяния остаётся неоспоримым. В отличие от этого, исключение ответственности предполагает изначальную невозможность привлечения к ответственности в силу отсутствия состава правонарушения. Таким образом, если в первом случае мы имеем дело с фактически совершённым, но «прощённым» нарушением, то во втором – с ситуацией, когда нарушение как юридический факт отсутствует в принципе. Хотя освобождение от юридической ответственности и освобождение от наказания имеют схожую правовую природу, выражающуюся в отказе государства от применения принудительных мер к правонарушителю, между этими институтами существуют принципиальные различия. Ключевые отличия касаются прежде всего оснований и момента применения. Освобождение от ответственности, как правило, применяется к малозначительным правонарушениям, не представляющим существенной угрозы общественным отношениям. В отличие от этого, освобождение от наказания не всегда связано с оценкой степени общественной опасности деяния.

Существенная разница наблюдается и в процессуальных аспектах. Административное законодательство допускает освобождение от ответственности на любой стадии производства по делу, тогда как освобождение от наказания возможно лишь после вынесения соответствующего постановления о его назначении.

В уголовном праве предусмотрен ряд специфических оснований для освобождения от ответственности: деятельное раскаяние (ст. 75 УК РФ); примирение с потерпевшим (ст. 76 УК РФ); изменение обстановки (ст. 77 УК РФ); истечение сроков давности (ст. 78 УК РФ); амнистия. Эти положения отражают гуманистические принципы правовой системы, стремление к разумному ограничению государственного принуждения и приоритету воспитательных мер над репрессивными.

В административном законодательстве закреплены следующие случаи освобождения от ответственности: малозначительность правонарушения (ст. 2.9 КоАП РФ); специальный субъектный состав (ст. 2.5 КоАП РФ), применение воспитательных мер к несовершеннолетним (ст. 2.3 ч. 2 КоАП РФ). Такая дифференциация правовых последствий позволяет гибко подходить к вопросам ответственности, учитывая как характер правонарушения, так и личность правонарушителя.

Следует отметить, что к указанным основаниям, освобождения от административной ответственности возникают определённые вопросы при их реализации. В частности, такое основание, как малозначительность, не имеет конкретизации в законе.

Как отмечает Б. Ю. Джамирзе, малозначительность – «это категория оценочная и весьма значимая для практики применения законодательства об административных правонарушениях» [4, с. 11]. С точки зрения содержательной характеристики малозначительности может сложиться превратное мнение, что в подавляющем большинстве случаев лицо может быть освобождено от административной ответственности ввиду малозначительности. Так, отсутствуют в ст. 2.9 КоАП РФ критерии отнесения конкретного правонарушения к малозначительному. На наш взгляд, кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях в ст. 8.2 указывает важные аспекты отнесения противоправного деяния к категории малозначительного, а именно: что такой действие либо бездействие не причинило и по своему содержанию не могло причинить значительного вреда охраняемым законом интересам[1].

Таким образом, указанная формулировка позволяет избежать необоснованного освобождения от административной ответственности при совершении правонарушения, не предполагающего наступления вредных последствий (формальный состав). Кроме того, рассматриваемый кодифицированный акт Республики Беларусь в статье 8.3 содержит исчерпывающий перечень факторов, которые в обязательном порядке учитываются при принятии решения об освобождении лица от административной ответственности ввиду малозначительности проступка. Полагаем обоснованным включить в КоАП РФ детальную регламентацию процедуры принятия решения о признании правонарушения малозначительным, а также детализацию признаков такого понятия. На необходимость законодательного закрепления понятия малозначительности обращает внимание О. В. Кирьянова, которая отмечает, что это способствовало бы обеспечению единообразия правоприменительной практики и обеспечению принципа равенства граждан (юридических) лиц перед законом [5, с. 51].

Кроме того, следует учесть и положения Проекта КоАП РФ, который в ст. 4.1 предусматривает семь оснований освобождения от административной ответственности, при этом их перечень не является исчерпывающим, и с учётом обстоятельств могут быть учтены и иные случаи освобождения. Вместе с тем данная норма, на наш взгляд, требует определённой корректировки, ибо в ней подменяются такие понятия, как освобождение от ответственности и прекращение производства по делу. Если выделить ряд характерных признаков освобождения от ответственности, то ключевым из них будет то, что такое юридическое действие является правом должностного лица либо государственного органа, в производстве которых находится дело об административном правонарушении, освободить лицо от ответственности, и, как правило, после лицо претерпевает иные негативные последствия (например, несёт дисциплинарную ответственность, несовершеннолетний исполняет меры воспитательного характера и т. д.). Тогда как прекращение производства при наличии хотя бы одного из обстоятельств является обязанностью властного субъекта и не предполагает иные последствия, кроме вынесения постановления о прекращении производства по делу об административном правонарушении. В Проекте же к обстоятельствам освобождения от ответственности относятся и отмена закона, и истечение срока давности, и истечение сроков давности. Тогда возникает обоснованный вопрос: разве может должностное лицо при наличии указанных обстоятельств принять иное решение, нежели прекращение производства? Думается, что, не нарушая закон, он обязан вынести именно такое мотивированное решение. Поэтому напрашивается вывод, что в рассматриваемом кодифицированном акте осу-

[1] Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-З [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=HK2100091 (дата обращения 11.12.2025).

ществляется подмена понятий «освобождение от ответственности» и «исключения производства по делу об административном правонарушении».

Также неверным является отождествление понятий «юридическая ответственность» и «наказание», поскольку первое понятие значительно шире второго и может реализовываться без него, тогда как назначение лицу наказания (взыскания) всегда связано с привлечением его к ответственности. Стоит отметить, что некоторые учёные считают нужным отождествлять вышеуказанные понятия [6, с. 11].

В юридической доктрине существует несколько подходов к пониманию сущности освобождения от юридической ответственности. Известный правовед Н. В. Витрук [7, с. 111] рассматривал данный институт как устранение обязанности правонарушителя восстанавливать нарушенные права, компенсировать причинённый вред либо подвергаться мерам правового воздействия за совершённое противоправное деяние.

Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях неоднократно указывал, что законодатель обладает дискреционными полномочиями не только по установлению мер ответственности за правонарушения, но и по их отмене[1]. При этом суд подчёркивал право государства определять: перечень применяемых мер государственного принуждения; условия их реализации; основания для отказа от применения санкций. Анализ правовой природы рассматриваемого института позволяет утверждать, что его фундаментальной основой выступает принцип индивидуализации юридической ответственности. Это проявляется в дифференцированном подходе к выбору мер правового воздействия с учётом конкретных обстоятельств дела и характеристик личности правонарушителя [8, с. 87].

Содержательная характеристика института освобождения от ответственности позволяет выделить его ключевые особенности:

1. Межотраслевой характер – применяется в различных отраслях права;
2. Полифункциональность – преследует несколько взаимосвязанных целей;
3. Социально-правовая направленность – минимизация негативных последствий для правонарушителя;
4. Баланс интересов – согласование частных и публичных интересов.

Кроме того, важно при освобождении от административной ответственности учитывать, что это право должностного лица, в производстве которого находится дело, данное решение не влияет на исполнение иных мер государственного принуждения, в том числе превентивного характера, в связи с совершённым административным правонарушением. Также необходимо понимать, что реализация рассматриваемого правового института имеет строгую процессуальную регламентацию, в итоге всегда должно быть вынесено постановление о прекращении производства по делу об административном правонарушении, особенно в тех случаях, когда уже были реализованы определённые процессуальные меры обеспечения производства. Полагаем обоснованным, что после принятия решения об освобождении от административной ответственности целесообразно вынести официальное предостережение (предостережение) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений,[2] что будет способствовать эффективной реализации профилактической

[1] По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта «в» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Рос. Федерации в связи с жалобой гражданина В. А. Рудникова [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 18 июля 2022 г. № 33-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О некоторых вопросах объявления органами внутренних дел Российской Федерации официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции

функции государственных органов правоохранительной направленности, а также стимулировать граждан и коллективные образования к законопослушному поведению и недопущению нарушения правовых запретов и ограничений.

Таким образом, подводя итог исследованию, следует отметить, что институт освобождения от юридической ответственности, в том числе и административной, является действенным инструментом пресонализации производства по делам об административных правонарушениях. Он позволяет учитывать особенности самой личности, совершившей правовой деликт. По своей правовой природе данный институт представляет собой особую форму стимулирования правомерного поведения, выражающуюся в отказе государства от применения мер принуждения при наличии установленных законом оснований. Сказанное даёт основание для вывода, что институт освобождения от юридической ответственности – это комплексный институт со своей структурой и различными формами проявления, тесно связанный с институтом юридической ответственности, занимающим особое место в правовой системе общества.

1. Маркина А. А., Афонина О. С. К вопросу о понятии «юридическая ответственность» // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 11-1 (86).
2. Завалов А. И. Институт освобождения от юридической ответственности // Молодой ученый. 2023. № 52 (499). С. 258-260.
3. Маркина А. А., Храмцов А. А., Рожнова А. А., Рожнов А. А., Афонина О. С. К вопросу о сущности института освобождения от юридической ответственности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 1-2 (100).
4. Джамирзе Б. Ю. О некоторых вопросах освобождения от административной ответственности при малозначительности административного правонарушения // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. № 1 (Том 11) С. 129-135.
5. Кирьянова О. В. Признание административного правонарушения малозначительным: проблемы теории и практики // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 3 С. 45-53.
6. Каплин М. Н. Уголовная ответственность и наказание: соотношение базовых категорий уголовного права // Пенитенциарная наука. 2009. № 8. С. 9–12.
7. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности. М., 2008. С. 111.
8. Емельянова Ж. Э., Хомяков О. В. Институт административной преюдиции в законодательстве Российской Федерации // Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Вологда, 2024. С. 86-90.

1. Markina A. A., Afonina O. S. K voprosu o ponyatii «yuridicheskaya otvetstvennost`» // Mezhdunarodny`j zhurnal gumanitarny`x i estestvenny`x nauk. 2023. № 11-1 (86).
2. Zavalov A. I. Institut osvobozhdeniya ot yuridicheskoj otvetstvennosti // Molodoj ucheny`j. 2023. № 52 (499). S. 258-260.
3. Markina A. A., Xramczov A. A., Rozhnova A. A., Rozhnov A. A., Afonina O. S. K voprosu o sushhnosti instituta osvobozhdeniya ot yuridicheskoj otvetstvennosti // Mezhdunarodny`j zhurnal gumanitarny`x i estestvenny`x nauk. 2025. № 1-2 (100).

полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 4 марта 2020 № 119. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Dzhamirze B. Yu. O nekotory`x voprosax osvobozhdeniya ot administrativnoj otvetstvennosti pri maloznachitel`nosti administrativnogo pravonarusheniya // Gumanitarny`e i yuridicheskie issledovaniya. 2024. № 1 (Tom 11) S. 129-135.
5. Kir`yanova O. V. Priznanie administrativnogo pravonarusheniya maloznachitel`ny`m: problemy` teorii i praktiki // Gosudarstvennaya vlast` i mestnoe samoupravlenie. 2022. № 3 S. 45-53.
6. Kaplin M. N. Ugolovnaya otvetstvennost` i nakazanie: sootnoshenie bazovy`x kategorij ugolovnogo prava // Penitenciarnaya nauka. 2009. № 8. S. 9–12.
7. Vitruk N. V. Obshhaya teoriya yuridicheskoj otvetstvennosti. M., 2008. S. 111.
8. Emel`yanova Zh. E`., Xomyakov O. V. Institut administrativnoj preyudicii v zakonodatel`stve Rossijskoj Federacii // Penitenciarnaya sistema Rossii v sovremenny`x usloviyax razvitiya obshhestva: ot paradigmy` nakazaniya k ispravleniyu i resocializacii. Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Vologda, 2024. S. 86-90.

Информация об авторе

Евгения Васильевна Павлова. Заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности ОВД, кандидат юридических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Evgenia V. Pavlova. Deputy Head of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Department of Internal Affairs. Candidate of Law, Associate Professor.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russia, Orel, Ignatova, Str., 2.

Статья поступила в редакцию 04.02.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.

The article was received in the editorial office on 04.02.2026; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научная статья
УДК 34

ХАРАКТЕРИСТИКА ИНСТИТУТА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Покотиленко Наталья Алексеевна
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл, Россия

poknataly@gmail.com

Аннотация. Настоящая статья направлена на исследование ключевых аспектов, касающихся определения юридического понятия ответственности, раскрытия его природы и основополагающих начал. Подчёркивается значимость юридической ответственности как неотъемлемого элемента правовой регламентации общественных взаимоотношений. Основное внимание акцентируется на достижении целей, среди которых выделяется охрана законных прав и интересов физических лиц, гарантия исполнения правовых предписаний и поддержание норм нравственности в обществе. Отдельно рассматривается комплекс принципов юридической ответственности, особо отмечается необходимость строгого следования данным принципам для эффективного функционирования всей правовой системы государства. Итоговым выводом статьи становится признание значимости исследования указанных проблем для профессионального сообщества юристов и обучающихся по юридическим дисциплинам.

Ключевые слова: юридическая ответственность, принципы права, наказание лица, неотвратимость ответственности, государственные органы, взаимоотношения.

Для цитирования: Покотиленко Н. А. Характеристика института юридической ответственности // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 168–174.

CHARACTERISTICS OF THE INSTITUTE OF LEGAL LIABILITY

Natalia Al. Pokotilenko
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Oryol, Russia

poknataly@gmail.com

Annotation. This article aims to explore the key aspects related to the definition of legal responsibility, its nature, and fundamental principles. The author emphasizes the significance of legal responsibility as an integral part of the legal regulation of social relations. The article focuses on achieving specific goals, including protecting the legal rights and interests of individuals, ensuring compliance with legal regulations, and promoting moral values in society. It also explores the principles of legal responsibility and highlights the importance of adhering to these principles for the effective functioning of the legal system. The article concludes by recognizing the significance of addressing these issues for the legal community and students of legal disciplines.

Keywords: legal responsibility, principles of law, punishment of an individual, inevitability of responsibility, state bodies, and relationships.

For citation: Pokotilenko N. A. Characteristics of the Institute of legal responsibility // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2026. № 1(106). P. 168–174.

Юридическая ответственность является универсальным институтом, охватывающим все отрасли права и активно применяемым на практике, что обусловливает потребность в полном и всестороннем изучении данного вопроса. Действия субъекта и порождаемые ими последствия представляют собой неразрывное единство, связанное причинно-следственными отношениями, исключающий возможность разделения указанных элементов. Юридическая ответственность представляет собой установленную законом обязанность лица претерпеть неблагоприятные последствия вследствие совершения правонарушения. Данный принцип является фундаментальным элементом правовой системы и основывается на концепции соответствия деяния и наказания. Исторически эта идея появилась значительно раньше становления нынешних структур гражданского общества и правовых норм, но именно она послужила фундаментом для последующего развития концепции юридической ответственности.

Проблематика юридической ответственности является предметом активного исследования среди учёных, представляющих разнообразные отрасли юриспруденции, такие как теория государства и права, конституционное право, уголовное право, административное право, трудовое право, финансовое право, гражданское право и процессуальные отрасли.

Значительный вклад в разработку проблем, касающихся сущности, содержания и критериев наступления юридической ответственности, внесли многие выдающиеся учёные-правоведы; их исследования способствуют углублённому пониманию особенностей юридической ответственности и определяют пути эффективного её осуществления в правоприменительной практике. Несмотря на очевидность развития юридической науки, демонстрирующей наличие ключевых признаков понятия юридической ответственности, в современной научной среде отсутствует единое понимание данного термина, поскольку мнения учёных остаются противоречивыми и не позволяют сформировать общепринятое определение.

М. Ю. Тихомиров определяет юридическую ответственность следующим образом: «Юридическая ответственность представляет собой установленное государством принудительное исполнение правовых предписаний, характеризуемое возникновением особого вида правоотношений, в рамках которых субъекты обязаны нести негативные последствия своих действий либо бездействия перед другими субъектами, государством и обществом» [1]. Автор определяет юридическую ответственность посредством такого критерия, как государственное принуждение, утверждая, что именно оно выступает ключевым отличительным признаком. Трудно не признать справедливость данного утверждения, вместе с тем согласно точке зрения иных исследователей гражданин несёт юридическую ответственность задолго до указанного момента.

Р. Л. Хачатуров и З. Г. Ягутян юридическую ответственность характеризуют следующим образом: «Юридическая ответственность представляет собой обязанность субъектов права – граждан, должностных лиц и организаций – соблюдать требования правовых норм, а в случае нарушения указанных обязанностей подвергаться предусмотренным законом мерам воздействия, связанным с лишением личного либо имущественного характера» [2]. Приведённое определение охватывает как ретроспективный аспект (ответственность за совершённые правонарушения), так и позитивный аспект (обязательство исполнять правовые нормы в будущем). Авторы подчёркивают, что соблюдение субъектом установленных правовых норм является составной частью юридической ответственности**.** Это определение подчёркивает, что юридическая ответ-

ственность возникает у гражданина значительно раньше момента применения мер государственного принуждения.

Осведомлённость гражданина относительно действующих норм, законов и правил предполагает наличие у него обязанности по соблюдению указанных предписаний. Вместе с тем наибольшее распространение получила позиция, согласно которой юридическая ответственность рассматривается именно как разновидность мер государственного принуждения. Хотя существуют разные подходы к пониманию юридической ответственности, учёные сходятся во мнении, что единственным основанием для её наступления является совершение правонарушения.

Юридическая ответственность характеризуется тем, что она определяется законом, возникает исключительно на основании решений государственных органов, включая судебные инстанции, органы прокуратуры, правоохранительные органы и иные уполномоченные структуры. В данном правоотношении государство является стороной, наделённой правом возложения обязанности, тогда как лицо, совершившее правонарушение, становится обязанной стороной [3].

Юридической наукой общепризнано выделение следующих функций юридической ответственности: карательной, предупредительной (превентивной), воспитательной, компенсаторной (правовосстановительной), регулятивно-организационной.

Карательная функция проявляется посредством наступления негативных последствий для лица, совершившего правонарушение. Эти последствия могут носить характер мер государственного воздействия (например, наложение штрафа, взыскание компенсации ущерба, привлечение к уголовной ответственности и прочие санкции) либо могут возникать вследствие отрицательного восприятия обществом, проявляющегося в форме общественного порицания. Данный вид наказания носит сугубо персонифицированный характер и применяется исключительно к лицу, виновному в совершении правонарушения. Назначение меры осуществляется индивидуально, принимая во внимание всю совокупность обстоятельств совершённого деяния, в частности состояние психики правонарушителя, обстоятельства, характеризующие крайнюю необходимость, влияние объективно непреодолимых факторов и прочие значимые условия.

Предупредительная (превентивная) функция обладает сложной природой и нацелена на предупреждение аналогичных правонарушений среди населения посредством наказания виновных лиц. Как правило, значительную роль играет осознание гражданами неизбежности наступления ответственности за совершённые ими незаконные деяния.

Воспитательная функция сходна с предшествующей, однако имеет более узкую направленность, ориентированную исключительно на лиц, не допускавших ранее правонарушений. Она включает в себя процесс формирования правовых норм и нормативных актов, прямо запрещающих поведение, способное повлечь юридическую ответственность. Своевременное и эффективное пресечение правонарушений, привлечение виновных лиц к установленной законом ответственности способствуют формированию высокого уровня правосознания, личной ответственности и самодисциплины среди населения, а также укрепляют законность и общественный порядок.

Большое число мер юридической ответственности направлено преимущественно не на наказание правонарушителей, а на восстановление социальных связей, подвергшихся негативному воздействию в результате совершённых правонарушений. Это отражает правовосстановительную функцию, направленную на обеспечение возмещения ущерба пострадавшим лицам, компенсацию понесённых ими убытков и полное восстановление нарушенных правовых норм и законных интересов.

Регулятивная функция объединяет все ранее упомянутые функции в целостную правовую систему, способствуя их реализации исключительно в пределах действующе-

го законодательства. Она устанавливает обязательные правовые нормы и принципы, регламентирующие процесс формирования и развития правоотношений.

Юридическая ответственность реализуется исключительно в рамках установленных принципов, являющихся фундаментом её осуществления.

Принцип законности заключается в неукоснительном соблюдении всех предусмотренных норм права, обеспечении функционирования специализированных органов, обладающих полномочиями привлекать к юридической ответственности исключительно в рамках установленной законом процедуры и при наличии достаточных оснований. Строгое следование данному принципу обеспечивает эффективное достижение поставленных целей.

Принцип справедливости предполагает назначение наказания, адекватного тяжести совершённого деяния, уровню общественной опасности, обстоятельствам происшествия и индивидуальным характеристикам правонарушителя. На основании ч. 1 ст. 50 Конституции Российской Федерации никто не может быть дважды привлечён к уголовной ответственности за одно и то же деяние. Это положение подтверждает законность применяемого наказания и гарантирует лицу, признанному виновным в совершении правонарушения, право на объективное и беспристрастное разбирательство дела и объективную оценку совершённых деяний.

Третий принцип, вытекающий из указанных правовых норм, представляет собой принцип неотвратимости ответственности, согласно которому любое лицо, совершившее правонарушение, подлежит наказанию, соответствующему характеру деяния и тяжести последствий, вызванных его действиями, без возможности освобождения от юридической ответственности вне предусмотренных законом обстоятельств.

Необходимо особо отметить значимость принципа целесообразности назначаемого наказания, поскольку, как отмечалось ранее, привлечение лица к ответственности неизбежно наступает вследствие совершения им противоправного деяния. Данный принцип предполагает установление меры наказания исходя из индивидуального подхода к оценке тяжести конкретного преступления и характеристик виновного субъекта. Индивидуализация наказаний проявляется в конкретных формах, реализуемых на двух уровнях: количественном и качественном.

Количественный уровень предусматривает дифференциацию сроков, размеров и видов наказаний внутри одной категории мер ответственности.

Качественная же индивидуализация подразумевает изменение назначенного ранее наказания путём замены его другим, отличающимся большей мягкостью либо строгостью. Во всех случаях суд определяет меру наказания индивидуально, принимая во внимание совокупность значимых обстоятельств конкретного дела.

Юридическая ответственность базируется на определённых принципах, позволяющих чётко определить её границы и отличить от иных форм общесоциальной ответственности, включающих политическую, национальную, моральную, историческую, партийную и прочие виды. Благодаря этому становится возможным установить пределы личной ответственности гражданина либо социальной ответственности и обозначить тот рубеж, начиная с которого любые указанные формы переходят под юрисдикционный контроль государства. Юридическая ответственность подразделяется на два вида: ретроспективную (позитивную) и негативную. Позитивная юридическая ответственность понимается как безусловная необходимость исполнения субъектами норм уголовно-правового законодательства, неукоснительного следования правовым установлениям, надлежащего выполнения возложенных обязательств и полного осуществления социальных правовых функций. Негативная ответственность наступает в результате совершённого преступления и выражается в применении предусмотренных законом мер воздействия со стороны государствах [4]. Таким образом, юридическую ответственность целесообразно рассматривать как правовое отношение, которое возникает

между государством в лице уполномоченных органов и физическими лицами, обязанными нести установленные законом меры воздействия за совершённые ими правонарушения. Присутствие юридических оснований диктует необходимость привлечения субъекта к правовой ответственности, тогда как их отсутствие служит основанием для непривлечения лица к таковой.

Рассмотрим следующие основания возникновения юридической ответственности:

1. Правонарушение представляет собой юридически значимый факт, установленный в рамках действующего процессуального законодательства, подтверждённый соответствующими официальными актами (например, судебным решением, исполнительным документом). Это означает, что деяние признано противоправным компетентным органом, подтверждено документально, а степень общественной опасности, характер нарушения и объём последствий установлены официально. Правонарушением считается лишь такое действие либо бездействие лица, которое выразилось в конкретных материальных последствиях и повлекло нарушение законных прав и интересов другого субъекта правоотношений. Не относятся к правонарушениям внутренние убеждения, мысли, намерения гражданина, пока они не получили внешнего проявления и не привели к негативному воздействию на охраняемые законом объекты.

2. Норма права является материально-правовым основанием, определяющим меры ответственности за совершение конкретного вида правонарушения. Это общеобязательное предписание, установленное государством в формальной определённости, отражающее степень свобод граждан и юридических лиц, выступающее мерилом дозволенного и запретного в обществе и направленное на регулирование социальных взаимодействий. Это общеобязательное и формализованное предписание, установленное и обеспечиваемое государством, которое закрепляет меру дозволенного поведения субъектов права, регулирует общественные отношения и служит показателем степени личной и организационной свободы.

Юридической ответственностью является реакция государства на нарушение правовых норм субъектом права. Основание для её наступления составляют положения закона, содержащие чётко сформулированные требования, исполнение которых обеспечивает соблюдение законности и правопорядка всеми участниками общественных отношений.

3. Акт правоприменения представляет собой официальное решение суда, принимаемое в строгом соответствии с принципами объективности и независимости. Основываясь на всестороннем анализе фактических обстоятельств дела, суд определяет объем причинённого ущерба и характер вреда, принимая во внимание личность правонарушителя. Назначенное судом наказание находится в рамках действующих правовых норм, обеспечивая восстановление нарушенных прав потерпевших и возмещение убытков, возникших вследствие неправомерных действий субъекта правонарушения.

Исполнительный документ выступает исходным юридическим основанием наступления ответственности, обладая государственным обеспечением исполнения. Это гарантирует обязательность принятого решения и обеспечивает реализацию наказания в порядке, предусмотренном законом. Хотя само правонарушение влечёт возникновение ответственности ранее принятия соответствующего акта, именно судебный вердикт становится формальной предпосылкой начала процесса реализации мер правовой ответственности. Конституционные гарантии защиты прав (ст. 49 Конституции РФ) предоставляют каждому лицу, привлечённому к ответственности, право на обжалование постановления суда в установленном законом порядке, если оно полагает, что судебное решение нарушает его законные интересы.

4. Осознание лицом совершённого правонарушения и сопряжённое с ним чувство вины, выражающееся в понимании причинённого вреда другим гражданам либо обществу, являются существенными психологическими факторами, обусловливающи-

ми привлечение такого лица к установленной законом ответственности. Актуальное положение юридической науки и практика правоприменения демонстрируют невозможность достижения поставленных перед юридической ответственностью целей лишь посредством установленных законом рамок. Таким образом, изучение психологических аспектов, влияющих на совершение преступлений, становится крайне важным, поскольку позволяет обеспечить адекватную дифференциацию уголовной ответственности и эффективно предотвращать рецидивы преступных действий.

Соответственно, юридическая ответственность возникает вследствие правонарушения, которое представляет собой противоправное действие либо бездействие лица, повлёкшие нарушение установленных законом предписаний, защищаемых государственными органами, осуществлённое преднамеренно или вследствие небрежности, результатом которого стало нанесение вреда охраняемым правовым отношениям и послужившее причиной наступления юридических последствий.

Государственное принуждение представляет собой особую форму социальной легитимации, заключающуюся в угрозе применения мер воздействия и давления посредством законных процедур, предусмотренных принятием нормативных актов, направленных на обеспечение добровольного исполнения гражданами установленных общественных норм и достижения общественно значимых целей [5].

Ключевым структурным элементом механизма государственного принуждения является сама мера принудительного воздействия. Государственное принуждение выражается в установленной охранительной правовой нормой совокупности процессуальных мероприятий, нацеленных на реализацию определённых целей: привлечение виновного лица к ответственности, восстановление нарушенных законных интересов, пресечение совершаемых неправомерных поступков или предотвращение нарушений закона, проводимых уполномоченными органами исключительно при соблюдении предусмотренных законодательством условий.

Несомненно, государственная принудительная сила выступает одним из способов реализации юридической ответственности, хотя термин «государственное принуждение» преимущественно обозначает использование определённых мер воздействия, имеющих негативную направленность. Помимо назначения наказания, юридическая ответственность направлена также на достижение цели предотвращения совершения новых правонарушений, что подчёркивает значимость ретроспективной юридической ответственности в современных условиях [6].

Юридическая ответственность представляет собой установленную государством меру реагирования на нарушение правовых норм, направленную на обеспечение правопорядка, защиту законных прав и интересов граждан, а также реализацию предусмотренных законом санкций в отношении лиц, совершивших правонарушения. Юридическая ответственность, будучи установленной нормами права и реализуемой государственными органами, служит достижению целей, обусловленных необходимостью защиты правопорядка и предупреждения правонарушений. Субъекты, наделённые правом применения мер ответственности, осуществляют свою деятельность исключительно в пределах установленных законом полномочий, действуя таким образом, чтобы обеспечить законность и справедливость принимаемых решений. Юридическая ответственность призвана защищать права и охраняемые законом интересы граждан, обеспечивать соблюдение правовых норм, поддерживать общественный порядок и укреплять безопасность. В процессе формирования правового государства и гражданского общества основная задача состоит не столько в осуждении и порицании правонарушителей, сколько в предупреждении новых преступлений как самим виновным лицом, так и иными гражданами посредством реализации соответствующих мер наказания. Важнейшей функцией юридической ответственности выступает также восстановление нарушенных прав потерпевших от правонарушения субъектов. Несмотря на длительное

функционирование данного института права, остаются нерешёнными проблемы правоприменительной практики, что обусловливает необходимость дальнейшего научного изучения вопросов юридической ответственности.

1. Юридическая энциклопедия: ЮЭ / [Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю.]. 6-е изд., доп. и перераб. М., 2009. 1087 с.
2. Хачатуров Р. Л., Ягутян Р. Г. Юридическая ответственность. Тольятти: A Print : Междунар. акад. бизнеса и банк. дела, 1995. 196 с.
3. Архипов С. В. Понятие позитивной и ретроспективной юридической ответственности в современной теории права // Ленинградский юридический журнал». 2022. № 3(69). С. 6-21.
4. Баранов А. А., Степанова Н. В. «Перспективный и ретроспективный аспекты юридической ответственности» // «Молодой учёный». 2022. № 47 (442). С. 165–167.
5. Лапшина И. В., Алексеева А. В. Функции компонентов государственного и правового принуждения в авторской модели системы социального принуждения // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 4. 238 с.
6. Малько А. В., Липинский Д. А., Маркунин Р. С. «Юридическая ответственность как средство предупреждения правонарушений: актуальные проблемы» // Право. Журнал Высшей школы экономики, 2020, № 4, С. 4–24.

1. Yuridicheskaya e`nciklopediya: YuE` / [Tixomirova L. V., Tixomirov M. Yu.]. 6-e izd., dop. i pererab. M., 2009. 1087 s.
2. Xachaturov R. L., Yagutyan R. G. Yuridicheskaya otvetstvennost`. Tol`yatti: A Print : Mezhdunar. akad. biznesa i bank. dela, 1995. 196 s.
3. Arxipov S. V. Ponyatie pozitivnoj i retrospektivnoj yuridicheskoj otvetstvennosti v sovremennoj teorii prava // Leningradskij yuridicheskij zhurnal». 2022. № 3(69). S. 6-21.
4. Baranov A. A., Stepanova N. V. «Perspektivny`j i retrospektivny`j aspekty` yuridicheskoj otvetstvennosti» // «Molodoj uchyony`j». 2022. № 47 (442). S. 165–167.
5. Lapshina I. V., Alekseeva A. V. Funkcii komponentov gosudarstvennogo i pravovogo prinuzhdeniya v avtorskoj modeli sistemy` social`nogo prinuzhdeniya // Aktual`ny`e problemy` gumanitarny`x i estestvenny`x nauk. 2013. № 4. 238 s.
6. Mal`ko A. V., Lipinskij D. A., Markunin R. S. «Yuridicheskaya otvetstvennost` kak sredstvo preduprezhdeniya pravonarushenij: aktual`ny`e problemy`» // Pravo. Zhurnal Vy`sshej shkoly` e`konomiki, 2020, № 4, S. 4–24.

Информация об авторе

Наталья Алексеевна Покотиленко. Преподаватель кафедры специальной подготовки.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302028, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Natalya Al. Pokotilenko. Lecturer of the Department of Special Training.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302028, Russia, Orel, Ignatov Str., 2.

Статья поступила в редакцию 30.01.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.
The article was received in the editorial office on 30.01.2026; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
№ 1(106) 2026 г.
Научная статья
УДК 342.1

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В ВОЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Шедий Мария Владимировна[1], Малик Елена Николаевна[2], Малик Владислав Игоревич[3]
[1,2]Академия ФСО России, Орёл, Россия
[3]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл, Россия

[1]m_v_shedij@mail.ru
[2]malik57-elena@mail.ru
[3]maalya04@mail.ru

Аннотация. Решение задач по предотвращению и противодействию коррупции на различных уровнях и в сферах функционирования органов государственной власти является одной из актуальнейших современных проблем нашего государства. В связи с чем вопросы, связанные с коррупцией и определением путей её преодоления, вызывают всё большую озабоченность и привлекают внимание не только теоретиков-исследователей и практиков, но и представителей власти, законодателей и правоохранительные органы. Целью статьи является исследование коррупции в военных организациях и определение основных проблем противодействия ей как угрозы национальной безопасности Российской Федерации. Важным моментом в достижении поставленной цели является выявление эффективных механизмов реализации политики по противодействию коррупции в военной организации. Авторы доказывают, что при реализации государственной политики противодействия коррупции в сфере военных организаций активно используется группа различных административно-правовых методов, форм и способов предупреждения и пресечения коррупционных правонарушений.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, национальная безопасность, военная служба, государственная политика.

Для цитирования: Шедий М. В., Малик Е. Н., Малик В. И. Противодействие коррупции в военных организациях как составляющая национальной безопасности России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 175–188.

COUNTERING CORRUPTION IN MILITARY ORGANIZATIONS AS AN ELEMENT OF RUSSIA'S NATIONAL SECURITY

Maria V. Shedij[1], Elena N. Malik[2], Vladislav I. Malik[3],
[1,2]Academy of the Federal Security Service of Russia, Orel, Russia
[3]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

[1]m_v_shedij@mail.ru
[2]malik57-elena@mail.ru
[3]maalya04@mail.ru

Annotation. The solution of tasks aimed at preventing and countering corruption at various levels and in various areas of functioning of public authorities is one of the most pressing issues in our country today. As a result, issues related to corruption and finding ways to overcome it are attracting increasing concern and attention not only from researchers and practitioners, but also from government officials, lawmakers, and law enforcement agencies. The purpose of this article is to explore corruption in military organizations and identify the main challenges in countering it as a threat to the national security of the Russian Federation. An important aspect of achieving this goal is identifying effective mechanisms for implementing anti-corruption policies in military organizations. The authors argue that a variety of administrative and legal methods, forms, and tools are actively used in the implementation of state anti-corruption policies in military organizations.

Keywords: corruption, anti-corruption, national security, military service, public policy.

For citation: Shedij M. V**.,** Malik E. N., Malik V. I. Combating Corruption in Military Organizations as a Component of Russia's National Security // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2026. № 1(106). P. 175–188.

Развитие государства и стабильное функционирование общества возможны только при эффективной национальной безопасности. Современному миру присущи активные динамичные события, которые происходят в политической, экономической, социальной и других сферах, и в этой связи проблема обеспечения национальной безопасности приобретает первостепенное значение.

Суть категории «национальная безопасность» раскрывается в разделе 1 Указа Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» и представляет собой «состояние защищённости национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечивается реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, её независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны».

Обеспечение национальной безопасности включает как создание юридической базы, так и действия уполномоченных государственных органов. Причём система обеспечения национальной безопасности представляет собой организованную совокупность специальных органов, служб, средств и мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности, которые, в свою очередь, представляют совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность причинения ущерба национальным интересам Российской Федерации.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации определяет обеспечение военной безопасности государства как одно из наиболее важных направлений государственной деятельности. Свою управленческую функцию в данном вопросе государство реализует посредством формирования Вооружённых Сил Российской Федерации, применения управленческих навыков для развития структуры Вооружённых Сил, снабжения всеми необходимыми средствами для успешного осуществления стоящих перед ними задач.

Для обеспечения национальной безопасности необходимо определить, изучить и исключить или минимизировать все факторы, которые могут тем или иным образом отрицательно сказаться на её состоянии. Одним из таких факторов и является коррупция.

Коррупция представляет собой сложное социальное явление, включающее собственно социальные, экономические, юридические, управленческие, политические, исторические и др. аспекты, она является объектом мультидисциплинарного анализа.

Каждая наука обладает собственным ракурсом анализа данного явления, вытекающим из её предмета, однако при этом ведущее положение обычно занимают правовые и экономические исследования.

На сегодняшний день проявление коррупции можно обнаружить практически во всех сферах государственного управления и социума [1, с. 15]. Так, в последние годы получили широкое распространение факты преступлений, связанных с фальсификацией медицинских документов с целью получения денежных средств от страховых медицинских организаций за оказание медицинской помощи гражданам. В сфере образования наряду с ростом преступлений, связанных с вымогательством денежных средств за зачисление в образовательные учреждения, отмечается значительное распространение фактов незаконной сдачи в аренду находящихся в федеральной собственности помещений учебных заведений, сдачи в аренду помещений по заниженной стоимости, а также факты заключения скрытых долговременных договоров аренды без регистрации. Одним из распространённых явлений стало необоснованное завышение руководителями создаваемых товариществ собственников жилья стоимости оплаты услуг ЖКХ. При этом получаемые от собственников жилья денежные средства зачастую списываются на работы по благоустройству домов и в дальнейшем присваиваются руководителями товариществ. Отмечаются факты коррупции при проведении операций с земельными участками.

Не является исключением в ситуации с ежегодным увеличением преступлений коррупционной направленности и деятельность военных органов. Следовательно, особую актуальность приобретают вопросы противодействия коррупции в военных структурах в связи с тем, что коррупция в данных органах не только негативно влияет на их имидж, подрывает основы экономических отношений, препятствует реализации государственных программ в ВПК, способствует нецелевому и неэффективному расходованию бюджетных средств и т. д., но и напрямую угрожает существованию конституционного строя России ввиду значимости исполняемых функций данными органами [2, с. 56].

Общая характеристика состояния коррупционной преступности в Российской Федерации и в системе военных органов. В современной криминологической литературе выделяются следующие особенности коррупционной преступности в России: высокая степень общественной опасности, широкое распространение в стране, значительные масштабы, высокий уровень латентности, значительное разнообразие проявлений, способность детерминировать иные виды преступности, особенности личности преступника. Основу для оценки состояния коррупционной преступности, как правило, составляют официальные статистические отчёты правоохранительных ведомств. Ключевыми анализируемыми параметрами выступают: динамика регистрации преступлений коррупционной направленности, объём расследованных и направленных в суд уголовных дел, сведения о виновных лицах, классификация преступных деяний и размер причинённого ими ущерба. Принимая во внимание исключительно высокий уровень латентности коррупции, подобный односторонний подход нельзя считать удовлетворительным. Для получения адекватных выводов исследователь должен дополнять статистику анализом социологических данных (опросы общественного мнения) и обзорами правоприменительной практики (судебные, следственные, прокурорские материалы). В существующих условиях ведомственная статистика демонстрирует в первую очередь активность самих правоохранительных структур, а не объективное положение дел.

Несмотря на очевидную важность обособленного изучения коррупционных преступлений для выработки мер противодействия, создать объективную картину их распространённости и видового состава до сих пор не удалось. Корень этой проблемы лежит в плоскости права, а именно в несовершенстве законодательных формулировок и возникающих на практике сложностях с квалификацией подобных преступлений.

Проведённый анализ статистических данных показывает, что ежегодно в Российской Федерации регистрируется достаточно большое количество преступлений коррупционной направленности. Так, в 2018 году было зарегистрировано 30 495 преступ-

лений данного вида (+2,9 %), в 2019 году – 30 991 (+1,6 %), в 2020 году – 30 813 (-0,6 %), в 2021 году – 35 051 (+13,8 %), в 2022 году – 35 340 (+0,8 %), в 2023 году – 36 407 (+3,0 %), за восемь месяцев 2024 года – 28 542 (+4,2 %)[1] [1]. Таким образом, мы можем наблюдать ежегодный прирост количества зарегистрированных преступлений коррупционной направленности, при этом произошедшее в 2020 году небольшое снижение (на 0,6 %) не нарушило указанной тенденции (Рис. 1).

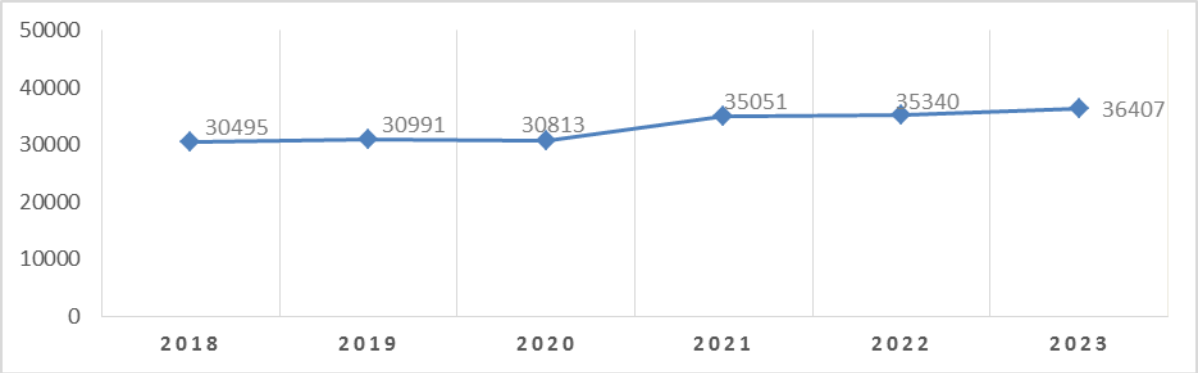

Рис. 1. Динамика зарегистрированных коррупционных преступлений в России (2018–2023 гг.)

Приведённые данные свидетельствуют о том, что удельный вес коррупционных преступлений в общем количестве всех зарегистрированных преступлений в Российской Федерации на протяжении шести лет (2018–2023 гг.) остался стабильным и не превышал 1,0 %. Однако только за восемь первых месяцев 2024 года произошло небольшое увеличение до 1,3 %. Стабильное увеличение количества зарегистрированных преступлений коррупционной направленности с 2018 года – 0,6 % по 2024 года – 1,3 % можно оценивать как реальный рост коррупционной преступности.

Центральное место в структуре коррупционной преступности занимают деяния, связанные со взяточничеством. По данным статистики, взяточничество составляет основное количество всех коррупционных преступлений (Рис. 2) при снижении доли таких преступлений, как злоупотребление и превышение должностными полномочиями, присвоение и растрата, служебный подлог. Причём такая тенденция наблюдается на протяжении всего исследованного нами периода (2018–2023 гг.) (+3,4 % в 2018 году, + 10,7 % в 2019 году, + 4,9 % в 2020 году, + 27,8 % в 2021 году, + 4,8 % в 2022 году, + 4,0 % в 2023 году, + 12,8 % за 8 месяцев 2024 года).

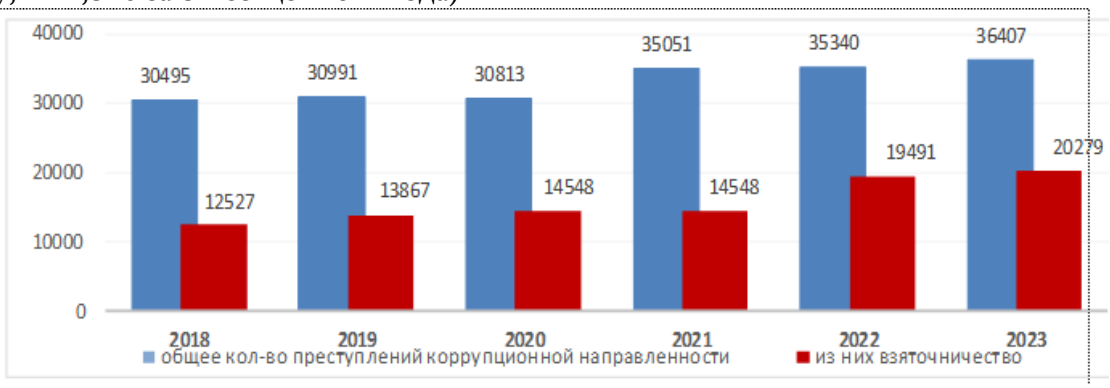

Рис. 2. Соотношение общего количества преступлений коррупционной направленности и взяточничества, включая получение взятки, дачу взятки, посредничество во взяточничестве и мелкое взяточничество в России (2018–2023 гг.)

[1] Анализ статистических данных [Электронный ресурс]. URL: https://мвд. рф/reports (дата обращения: 20.03.2025)

Далее оценим динамику зарегистрированных преступлений по статьям 290 Получение взятки и 291 Дача взятки УК РФ в связи с тем, что данные преступления составляют наибольшую часть коррупционных преступлений (Рис. 3).

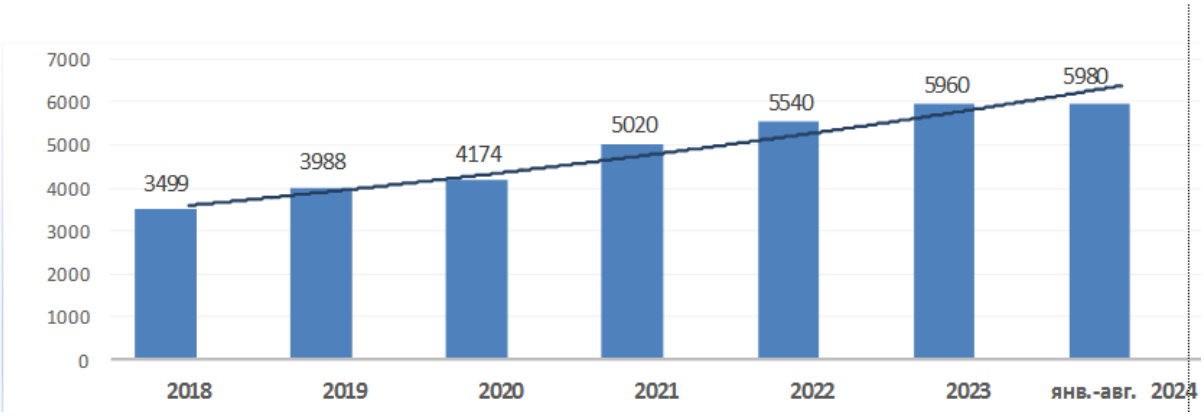

Рис. 3. Количество зарегистрированных коррупционных преступлений по ст. 290 Получение взятки в России (2018–2024 гг.)

Динамика зарегистрированных преступлений по получению взятки показывает, что с 2018 года данный показатель равномерно растёт и к августу 2024 года он увеличился более чем на 58 %, то есть практически в 2 раза. Однако не следует забывать о латентности коррупции, и, следовательно, статистические данные отражают лишь «верхушку айсберга».

Рассмотрим динамику зарегистрированных коррупционных преступлений по ст. 291 УК РФ Дача взятки (Рис. 4).

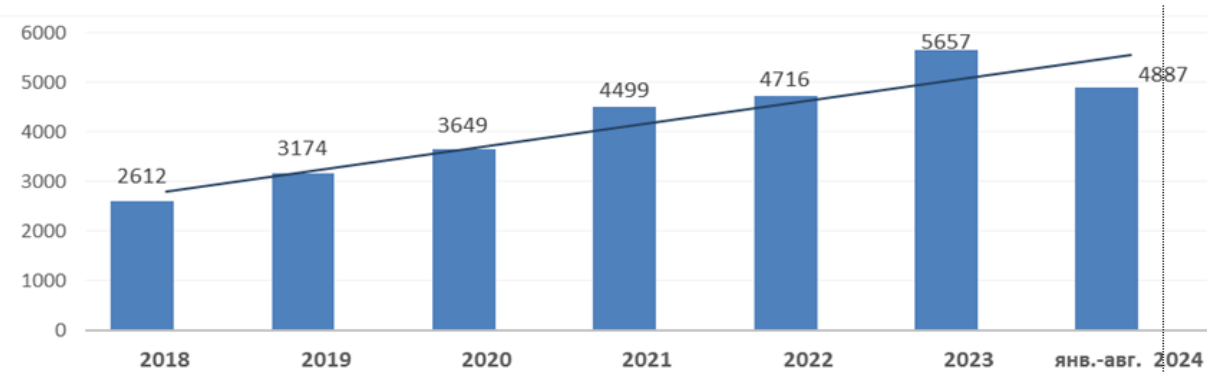

Рис. 4. Количество зарегистрированных коррупционных преступлений по ст. 291 Дача взятки в России (2018–2024 гг.)

Динамика зарегистрированных преступлений по получению взятки показывает, что с 2018 года показатель равномерно растёт и к 2023 года он увеличился на 46 %.

Что касается отдельных видов преступлений коррупционной направленности, то результаты показывают, что почти половину из них составляют преступления, связанные со взяточничеством (в 2023 году – 55,7 %).

Наглядно структура коррупционной преступности по видам зарегистрированных преступлений представлена на Рис. 5.

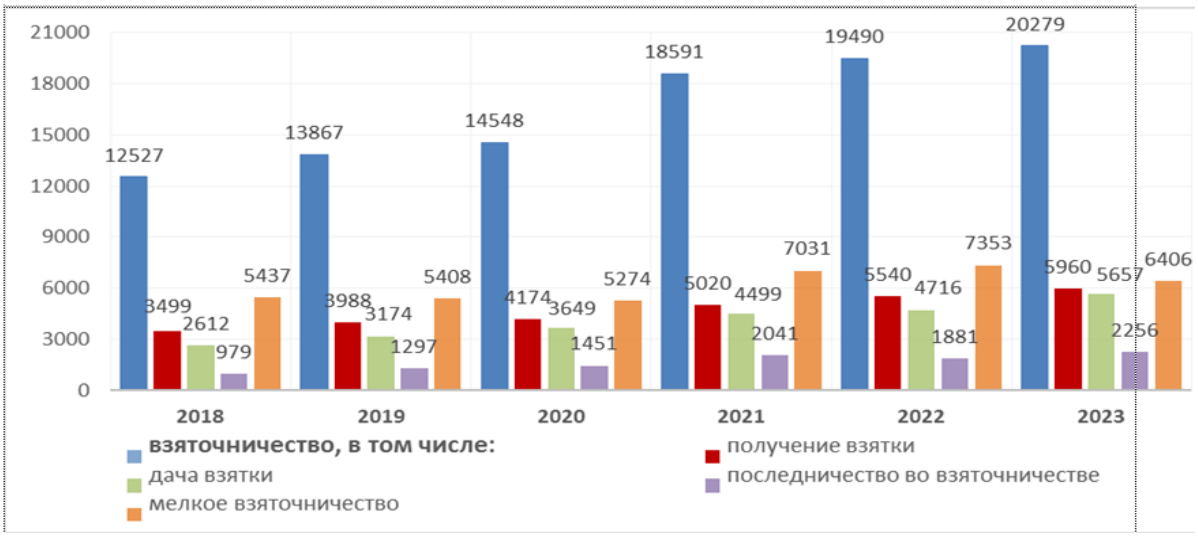

Рис. 5. Динамика зарегистрированных преступлений
коррупционной направленности в России за 2018–2023 гг.

Статистические данные показывают, что самым часто совершаемым коррупционным преступлением является мелкое взяточничество, включающее: получение взятки и дачу взятки лично или через посредника в размере, не превышающем 10 тыс. рублей. Наименее же распространённым является мелкий коммерческий подкуп (204.2 УК РФ), который так же, как и мелкое взяточничество, ограничивается суммой до 10 тыс. рублей.

По данным Судебного департамента Верховного Суда, в 2023 году за преступления коррупционной направленности вынесено 22 014 обвинительных приговоров, что на 7,3 % больше чем в 2022 году. В рамках мероприятий по контролю за доходами и расходами суды, рассмотрев в 2022 году 358 исков об обращении в доход государства имущества на 3,4 млрд руб., удовлетворили 325 из них на 0,239 млрд руб.

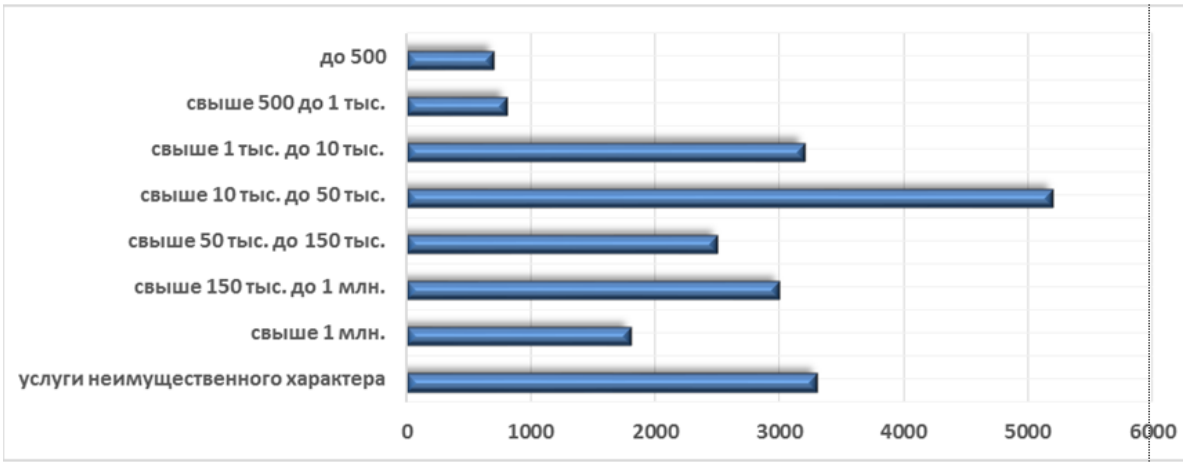

Рис. 6. Количество осуждённых лиц за преступления
коррупционной направленности по размеру взятки в 2023 году

Отдельного внимания заслуживает вопрос коррупции в Вооружённых Силах РФ. В начале XXI века масштабы коррупции в данных структурах достигли таких размеров, что счёт украденных денег идёт на миллиарды. Так, в марте 2021 года в докладе Колле-

гии Главного военного следственного управления РФ отмечено, что в военных организациях в 2020 году увеличилось уже на 8,8 % количество преступлений коррупционной направленности по сравнению с 2019 годом[1]. Размер ущерба в 2020 году на 30 % превысил аналогичный показатель 2019 года.

В 2023 году председатель Следственного комитета России А. Бастрыкин сообщил, что военная служба и исполнение воинских обязанностей наравне с правоприменительной сферой стала лидирующей по числу коррупционеров. Так, 38,7 % коррупционных деяний связано с правоприменительной сферой, 12 % – с исполнением воинской обязанности и военной службы, 8,5 % – со сферой образования и науки, 8,1 % – с финансовой деятельностью, 7,6 % – со здравоохранением и социальным обеспечением[2].

К уголовной ответственности за коррупционные правонарушения в 2023 году привлечены 679 военных, что по количеству занимает второе место среди правонарушителей. В таких условиях противодействие коррупции в военной сфере государства приобретает особое значение, поскольку речь фактически идёт о национальной безопасности Российской Федерации.

Коррупция представляет собой явление, которое сопровождает органы власти во всех государствах на протяжении всей её истории. Длительное время исследователи пытаются дать наиболее оптимальное определение данному негативному явлению, отразить в нём его сущность. В дословном переводе с латыни corrumpire – разрушать сердце, душу, что, по нашему мнению, отражает социальную сущность данного явления.

Современные авторы, рассматривая коррупцию, определяют её как социальное, психологическое и нравственное явление, нарушающее взаимодействие человека и государства, власти и общества [3; 4; 5].

Другие учёные делают акцент на политическом аспекте, определяя коррупцию как преступную деятельность в политическом сегменте, в пределах которой должностные лица используют властные полномочия для приумножения собственных состояний, в результате чего дискредитируется государственный управленческий аппарат. Это наносит материальные и моральные убытки, от которых страдает государственное устройство, репутация политической верхушки, престиж страны в международных отношениях [4, с. 141; 6].

Сложность определения коррупции отчасти связана с тем, что в научной среде нет единого мнения по поводу широты охвата данного негативного явления, т. е. не определены те действия, которые следует относить к коррупционным. Так, О. В. Барабаш отмечал, что коррупция – это «использование служебного положения должностными лицами для предоставления за вознаграждение разного рода материальных благ, льгот, услуг или других преимуществ» [7, с. 45]. Однако анализ действующего законодательства даёт основание утверждать, что такое понимание коррупции является крайне узким, не охватывает такие преступные деяния, как получение и дача взятки, посредничество во взяточничестве и др.

На необходимость изучения понятия коррупции в широком понимании обращали внимание многие учёные. Согласно мнению авторов, коррупция является многоаспектным явлением, которое требует комплексного подхода к его изучению и разработке механизмов противодействия [8; 9]. Для эффективного анализа и борьбы с коррупцией необходимо учитывать различные научные дисциплины. Это включает политологию, которая исследует влияние коррупции на власть и государственные институты;

[1] В Москве подвели итоги работы военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации за 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: http://gvsu.gov.ru/news/v-moskve-podveli-itogi-raboty-voennykh-sledstvennykhorganov-sledstvennogo-komiteta-rossiyskoy-feder/ (дата обращения: 15.03.2025)

[2] Бастрыкин рассказал, какие сферы лидируют по количеству коррупционеров [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20221208/korruptsiya-1837137305.html (дата обращения: 20.03.2025)

социологию, изучающую её влияние на общество и социальные отношения; юриспруденцию, которая рассматривает правовые аспекты и законы, регулирующие противодействие коррупции; философию, затрагивающую моральные и этические вопросы, связанные с коррупцией; экономику, исследующую её влияние на развитие и функционирование экономики; теорию государства и права и теорию управления, которые помогают формировать эффективные государственные механизмы управления и контроля. Таким образом, междисциплинарный подход позволит глубже понять природу коррупции и создать действенные стратегии для её преодоления. Поэтому попытка втиснуть понимание коррупции в рамки исключительно уголовных или административных проявлений является ошибочным толкованием её содержания [10, с. 45].

Рассмотрев предложенные определения социального содержания коррупции, отметим, что последовательные этапы развития общества определили данное явление не только как морально-нравственный проступок и предписали этические требование по недопущению коррупционных проявлений, но и закрепили данное явление в качестве правонарушения. Учитывая, что проявления коррупции затрагивают различные сферы общественных отношений, вполне логичным является факт того, что данный термин был закреплён на уровне федерального законодательства.

На сегодняшний день основу нормативно-правового регулирования в сфере противодействия коррупции составляет Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции. В содержании указанного нормативно-правового акта, кроме прочего, закреплено и легальное определение понятия «коррупция».

В соответствие с положениями ст. 1 Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» под коррупцией понимается незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами. В данном случае коррупция рассматривается в качестве конкретного деяния, совершение которого, в свою очередь, влечёт для соответствующего лица реализацию мер юридической ответственности.

В рамках данного федерального закона законодатель определяет исследуемое понятие не через установление его родового признака, а фактически ограничиваясь определением круга конкретных деяний, которые подпадают под определение понятия «коррупция» (коммерческий подкуп, злоупотребление полномочиями, получение взятки и т. д.). Более того, найти сегодня примеры нормативно-правовых актов, в содержании которых коррупция трактовалась бы как целостное, неделимое социальное явление, в принципе невозможно [11, с. 73]. По этой причине легальное определение понятия «коррупция» зачастую подвергается критике.

Причина отсутствия таких нормативно-правовых актов, в содержании которых было бы легализовано собирательное определение понятия «коррупция», состоит, как нам думается, в отсутствии представления о её родовом признаке, включающем в объём этого понятия все проявление коррупции. На сегодняшний день понятие «коррупция» содержит в себе настолько разнородные деяния, что отразить общие признаки каждого из них в рамках одного определения оказывается практически невозможным.

Отдельно стоит отметить и то обстоятельство, что в содержании международно-правовых актов также зачастую отсутствует определение данного понятия (например, в Конвенции ООН против коррупции 2003 года. В тех же международно-правовых актах, в содержании которых закреплено определение понятия «коррупция», оно также сводится к перечислению конкретных деяний, подпадающих под содержание данного понятия (в частности, в Конвенции Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию 1999 года.

По нашему мнению, конкретное содержание определения понятия «коррупция» зависит от целей, которые ставит перед собой законодатель, правоприменитель либо отдельный исследователь. Большинство учёных по своей правовой природе выделяют две основные группы причин коррупционной преступности, в том числе в военный органах: объективные (их ещё можно назвать внешними) и субъективные (то есть внутренние причины). Объективные связываются со спецификой профессиональной деятельности, отсутствием надлежащей организации выполнения военнослужащими своих служебных обязанностей, неблагоприятными условиями несения службы, несоблюдением принципа неотвратимости наказания лиц, совершивших такие деяния, а также отсутствием адекватного юридического наказания за совершение правонарушений с признаками коррупции, его соответствия степени нанесённого ущерба государству. К субъективным причинам следует отнести недостаточный уровень правосознания и правовой культуры, принятие коррупции как должной модели поведения.

Таким образом, устранение, нейтрализация или ограничение действия предпосылок коррупции в сфере военной службы требует системных изменений.

Обилие проблем, порождаемых коррупцией, диктует необходимость системного подхода к организации противодействия ей.

Предотвращение коррупции – это стратегическое направление антикоррупционной политики любого государства. Как составляющая такой деятельности предотвращение коррупции в сфере военной службы одновременно является также составной частью противодействия преступности. Следовательно, оно основано на тех же общих принципах предотвращения преступности, которые созданы теорией и практикой противодействия.

Предупреждение преступлений, в том числе и коррупционных, является наиболее эффективным средством воздействия на преступность.

Несмотря на частотность использования в законодательстве, термин «предупреждение коррупции» лишён чёткого нормативного определения. Более того, анализ Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» выявляет внутренние противоречия в его трактовке. С одной стороны, ч. 2 ст. 1 этого закона определяет предупреждение как составной элемент противодействия, который, в свою очередь, включает профилактику, направленную на выявление и устранение причин коррупции. С другой стороны, перечень мер профилактики в ст. 6, как и рекомендации по предупреждению для организаций в ст. 13.3, практически не связан с устранением глубинных причин этого явления.

Доктринальная неопределённость сохраняется и в научной среде. Ряд авторов отождествляет понятия «профилактика» и «предупреждение» [12, с. 171], тогда как другие предлагают более широкую трактовку последнего. Согласно альтернативной позиции предупреждение должно рассматриваться как базовое понятие, охватывающее всю совокупность профилактических мер: от нейтрализации способствующих условий до воздействия на потенциальных правонарушителей и пресечения готовящихся преступлений [13, с. 179].

Авторская позиция склоняется ко второму подходу. Учитывая приоритетную роль, отводимую предупреждению как международными, так и национальными правовыми актами, его законодательная фиксация представляется необходимой. Под реализацией предупреждения коррупционной преступности предлагается понимать практическое внедрение запланированных превентивных мер в социальное поведение. Исследователи сходятся во мнении, что детерминанты коррупции носят двоякий характер: к ним относятся внешние (социально-экономические, политические и культурные условия) и внутренние (психологические особенности личности, выбирающей коррупционную модель поведения) факторы.

В этой связи следует отметить, что эффективное противодействие коррупции требует системного подхода к данной проблеме, который предполагает осознание диалектической взаимосвязи, существующей между социальным и человеческим факторами, провоцирующими и стимулирующими коррупцию в обществе [14, с. 53].

Криминологическая теория разграничивает превентивные меры на общие (универсальные) и специальные (целевые). Общее предупреждение коррупции реализуется через стратегические преобразования в социальной, экономической, правовой и культурной сферах, которые, улучшая качество общественных отношений, создают неблагоприятную среду для преступности в целом, включая коррупционную. Специальное предупреждение представляет собой совокупность действий, адресованных непосредственно детерминантам коррупции и лицам с потенциально девиантным поведением.

Однако это разграничение носит во многом теоретический характер, так как на практике предупредительная деятельность является многогранной, а её составные части находятся в отношениях взаимозависимости и синергии. Результативность антикоррупционного курса зависит от совокупности факторов, и успешные социальные реформы подчас обладают большим превентивным потенциалом, чем узконаправленные специальные меры.

В Российской Федерации на законодательном уровне сформирована комплексная система предупреждения, включающая в себя как прямые антикоррупционные инструменты (например, воспитание нетерпимости к коррупции, конфликт интересов, служебные запреты, антикоррупционная экспертиза), так и инструменты опосредованного воздействия.

Кроме того, значительный ресурс для сдерживания коррупции заложен в слаженной работе правоохранительных и контролирующих органов, судов, службы судебных приставов, а также в эффективном межведомственном взаимодействии.

Большую роль в предупреждении коррупционной преступности играет правовое регулирование: криминализация наиболее общественно опасных коррупционных деяний, отвечающая современным реалиям; полное правовое регулирование различных элементов коррупционной деятельности (например, противодействие выводу доходов, полученных в результате коррупционных преступлений, за рубеж и др.).

К действенным мерам по предупреждению коррупционной преступности относится также противодействие некриминальным коррупционным правонарушениям. Внедрение подобных предупредительных механизмов сопряжено со значительными финансовыми и организационными издержками для государства и общества. При этом до сих пор отсутствуют чёткие критерии, позволяющие оценить, при каких условиях уровень предупредительной работы можно считать высоким, удовлетворительным или, напротив, недостаточным.

На первый взгляд, индикатором успеха может служить снижение числа зарегистрированных преступлений, что напрямую соответствует буквальному смыслу «предупреждения» как недопущения правонарушений. Однако эксперты в области антикоррупционной политики предупреждают, что падение официальной статистики зачастую говорит не об успехе, а о системном кризисе: ослаблении правоохранительной системы, увеличении латентности преступлений и, как следствие, росте их реального числа.

Государственная статистика преступлений не может рассматриваться как достоверный и единственный источник информации о масштабах коррупции. Это обусловлено высокой латентностью данного вида преступности, а также распространённой практикой манипулирования отчётными данными. Следовательно, оценивать как фактическое состояние коррупции, так и эффективность предупредительных мер, основываясь лишь на этих цифрах, некорректно, поскольку это может привести к ошибочным выводам. Яркой иллюстрацией этой проблемы служит информация в СМИ, где одни

и те же факты о коррупции получают диаметрально противоположные трактовки в зависимости от целей публикации.

К наиболее значимым направлениям предупреждения коррупции, реализуемым на военной службе, следует отнести:

1. Проведение антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов и их проектов;

2. Установление в качестве основания для досрочного увольнения с военной службы в связи с утратой доверия военнослужащих, сотрудников военной организации при непредставлении ими сведений либо представление заведомо недостоверных или неполных сведений о своих доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, а также представление заведомо ложных сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей;

3. Проведение проверки предоставляемых лицами, претендующими на замещение должностей в военных организациях, сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера;

4. Возложение на военнослужащих, сотрудников военной организации обязанности по уведомлению о возникшем конфликте интересов или о возможности его возникновения;

5. Возложение на военнослужащих, сотрудников военной организации обязанности по уведомлению о фактах обращения к ним в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений;

6. Принятие прямым начальником мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов, если ему стало известно о возникновении у сотрудника личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов, а также мер по рассмотрению письменного уведомления о фактах обращения сотрудника в целях склонения его к совершению коррупционных правонарушений;

7. Установление дополнительных ограничений и запретов, связанных со службой в военных организациях;

8. Рассмотрение в военных организациях не реже одного раза в квартал вопросов правоприменительной практики по результатам вступивших в законную силу решений судов, о признании недействительными ненормативных правовых актов, незаконными решений и действий (бездействия) указанных органов в целях выработки и принятия мер по предупреждению и устранению причин выявленных нарушений;

9. Формирование в среде военной организации нетерпимости среди сотрудников к коррупционному поведению и повышения их правовой культуры.

На основании этого можно сделать вывод, что системообразующей основой антикоррупционной политики должно стать совершенствование механизмов по предупреждению, профилактике и контролю.

Эффективное противодействие коррупции требует комплексного подхода, включающего профилактические, правоохранительные и репрессивные меры. Однако приоритет следует отдавать профилактическим действиям, которые нацелены на предупреждение коррупционных проявлений. Таким образом, ключевым стратегическим направлением противодействия коррупции является именно профилактика, что подразумевает выявление и устранение факторов, способствующих коррупции, ещё до того, как они проявятся в практических действиях. Эффективное предварительное выявление рисков и внедрение соответствующих мер может значительно снизить уровни коррупции и укрепить общественное доверие к институтам власти [15, с. 88].

Большинство мер профилактики коррупции имеет давние традиции, однако многие из них являются сравнительно новыми (институты конфликта интересов, декларирования доходов и расходов, ограничения на трудоустройство после увольнения и др.)

или получившими дополнительное развитие в актуальных условиях (антикоррупционное просвещение, запрет на получение подарков, работа кадровых подразделений).

Совершенствование как правовых, так и организационных основ специальной и индивидуальной профилактики коррупционных преступлений позволит с наименьшими затратами воздействовать на их уровень и распространённость в сторону снижения.

Исследования проблем по предотвращению и противодействию коррупции в военных организациях являются одной из наиболее актуальных проблем для нашего государства. Следовательно, вопросы, связанные с коррупцией и определением путей её преодоления, вызывают всё большую озабоченность и внимание не только теоретиков-исследователей и практиков, но и представителей власти, законодателей и правоохранительные органы.

Таким образом, в Российской Федерации коррупции как системному явлению должен быть дан комплексный ответ, который может быть сформирован только при условии целенаправленной, скоординированной деятельности всех субъектов антикоррупционной политики государства.

---

1. Коррупция: природа, проявления, противодействие. Монография / отв. ред. академик РАН Т. Я. Хабриева. М.: ИД «Юриспруденция». 2014. 688 с.
2. Хачикян П. П. Противодействие коррупции в Вооруженных Силах Российской Федерации: монография. М., 2017. 112 с.
3. Токарев Б. Б. Философский подход к определению коррупции // Социология власти. 2010. № 4. С. 77-85.
4. Doing A., Theobald R. Corruption and Democration. London, 2000. 166 p.
5. Filyushkina D. V., Volkov Yu. G. Spiritual lumpenization of the Russian society in the circumstances of globalization // Middle East Journal of Scientific Research. 2014. Vol. 21. № 3. P. 23-32.
6. Astuti D.A.L., Winoto J., Suprehatin S. The effect of corruption prevention efforts with regional corruption cases and complaints // Indonesian Journal of multidisciplinary science. 2023. Vol. 34. № 2. P. 1-22.
7. Барабаш О. В. «Коррупция» как ключевое понятие антикоррупционного законодательства Российской Федерации: лингво-правовой анализ дефиниции // Политическая лингвистика. 2014. №4. С. 45-51.
8. Bittle S., Frauley J., Snider L. Critical perspectives on anti-corruption (ISM): the corruption of anti-corruption (ISM) // Journal of white collar and corporate crime. 2024. Vol. 5. № 2. P. 83-84.
9. Lee Gu., Lee Il.H., Lee Ju.H. An analysis of Russian corruption trends and anti-corruption system // The Korea association for corruption studies. 2021. Vol. 26. № 4. P. 115-129.
10. Забавко Р. А. Понятие «Коррупция» в российском законодательстве: критический анализ и перспективы совершенствования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2015. № 1. С. 43-48.
11. Противодействие коррупции. Казань: Изд-во Казан. ун-та. 2016.
12. Козлов Т. Л. Профилактика коррупции как административная деятельность органов власти и предмет прокурорского надзора // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. № 1. С. 171-182.
13. Шведко А. В. Соотношение понятий «Предупреждение», «Пресечение» и «Профилактика» в контексте исследования коррупционной преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2014. № 1. С. 179-185.
14. Попов М. Ю. Глобальные и локальные факторы коррупции в современной России // Теория и практика общественного развития. 2011. № 2. С. 51-55.

15. Шурухнов Н. Г. Характеристика преступности Российской Федерации и отдельные направления по ее противодействию // Прокурорская деятельность: вопросы теории и практики: сборник материалов научно-практической конференции. М.: Издво Моск. гуманит. ун-та, 2014. С. 87-90.

1. Korruptsiya: priroda, proyavleniya, protivodeystvie. Monografiya / otv. red. akademik RAN T.Ya. Khabrieva. M.: ID «Yurisprudentsiya». 2014. 688 s.
2. Khachikyan P.P. Protivodeystvie korruptsii v Vooruzhennykh Silakh Rossiyskoy Federatsii: monografiya. M., 2017. 112 s.
3. Tokarev B. B. Filosofskiy podkhod k opredeleniyu korruptsii // Sotsiologiya vlasti. 2010. № 4. S. 77-85.
4. Doing A., Theobald R. Corruption and Democration. London, 2000. 166 p.
5. Filyushkina D. V., Volkov Yu. G. Spiritual lumpenization of the Russian society in the circumstances of globalization // Middle East Journal of Scientific Research. 2014. Vol. 21. No. 3. P. 23-32.
6. Astuti D. A. L., Winoto J., Suprehatin S. The effect of corruption prevention efforts with regional corruption cases and complaints // Indonesian Journal of multidisciplinary science. 2023. Vol. 34. No. 2. P. 1-22.
7. Barabash O. V. «Korruptsiya» kak klyuchevoe ponyatie antikorruptsionnogo zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii: lingvo-pravovoy analiz definitsii // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4. S. 45-51.
8. Bittle S., Frauley J., Snider L. Critical perspectives on anti-corruption (ISM): the corruption of anti-corruption (ISM) // Journal of white collar and corporate crime. 2024. Vol. 5. № 2. P. 83-84.
9. Lee Gu., Lee Il.H., Lee Ju.H. An analysis of Russian corruption trends and anti-corruption system // The Korea association for corruption studies. 2021. Vol. 26. No. 4. P. 115-129.
10. Zabavko R. A. Ponyatie «Korruptsiya» v rossiyskom zakonodatel'stve: kriticheskiy analiz i perspektivy sovershenstvovaniya // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2015. № 1. S. 43-48.
11. Protivodeystvie korruptsii. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta. 2016.
12. Kozlov T. L. Profilaktika korruptsii kak administrativnaya deyatel'nost' organov vlasti i predmet prokurorskogo nadzora // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. 2017. № 1. S. 171-182.
13. Shvedko A. V. Sootnoshenie ponyatiy «Preduprezhdenie», «Presechenie» i «Profilaktika» v kontekste issledovaniya korruptsionnoy prestupnosti // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. 2014. № 1. S. 179-185.
14. Popov M.Yu. Global'nye i lokal'nye faktory korruptsii v sovremennoy Rossii // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2011. № 2. S. 51-55.
15. Shurukhnov N. G. Kharakteristika prestupnosti Rossiyskoy Federatsii i otdel'nye napravleniya po ee protivodeystviyu // Prokurorskaya deyatel'nost': voprosy teorii i praktiki: sbornik materialov nauchno-prakticheskoy konferentsii. M.: Izdvo Mosk. gumanit. un-ta, 2014. S. 87-90.

Информация об авторах

Мария Владимировна Шедий. Сотрудник Академии ФСО России, доктор социологических, доцент.

Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации.

302015, Россия, г. Орёл, ул. Приборостроительная, 35.

Елена Николаевна Малик. Сотрудник Академии ФСО России, кандидат политических наук, доцент.
Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации.
302015, Россия, г. Орёл, ул. Приборостроительная, 35.

Владислав Игоревич Малик. Преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности ОВД, кандидат юридических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the authors

Maria V. Shedij. Employee of the Academy of the Federal Security Service of Russia. Doctor of sociological sciences, Associate Professor.
Academy of the Federal Security Service of the Russian Federation.
302015, Russia, Orel, Priborostroitelnaya Str., 35.

Elena N. Malik. Employee of the Academy of the Federal Security Service of Russia. Candidate of Political Sciences, Associate Professor.
Academy of the Federal Security Service of the Russian Federation.
302015, Russia, Orel, Priborostroitelnaya Str., 35.

Vladislav I. Malik. Teacher of the chair of Operational Search Activity of the Internal Affairs Bodies. Candidate of Law.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 17.12.2025; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.
The article was received in the editorial office on 17.12.2025; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научная статья
УДК 343.3/7

УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, РЕГУЛИРУЮЩЕЕ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЯ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЯДЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Батуева Алтани Батоевна
Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

altani_batueva@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется специфика российского регулирования охраны авторских и смежных прав, а также опыт некоторых зарубежных стран в части применения института уголовной ответственности при непосредственном нарушении авторских и смежных прав. Отдельно обращается внимание на принципы международной охраны авторских и смежных прав, на которых базируется российское уголовное законодательство и уголовное законодательство ряда зарубежных стран романо-германской и англосаксонской правовых систем. Указываются некоторые направления для адаптации положительного опыта зарубежных стран при реализации уголовной ответственности за нарушения авторских и смежных прав, что позволит наиболее эффективно обеспечивать авторские и смежные права.

Ключевые слова: авторские права, смежные права, охрана авторских и смежных прав, интеллектуальная собственность, уголовная ответственность.

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя – профессора кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России доктора юридических наук, профессора Никуленко А. В.

Для цитирования: Батуева А. Б. Уголовное законодательство, регулирующее ответственность за нарушения авторских и смежных прав в Российской Федерации и ряде зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 189–197.

CRIMINAL LAW GOVERNING LIABILITY FOR COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS VIOLATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND A NUMBER OF FOREIGN COUNTRIES: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Altani B. Batueva
Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russia

altani_batueva@mail.ru

Annotation. This article analyzes the specifics of Russian copyright and related rights regulation, as well as the experience of several foreign countries in applying criminal liability for direct infringement of copyright and related rights. Special attention is paid to the principles of international copyright and related rights protection, which underpin Russian criminal legislation and the criminal legislation of several countries with Romano-Germanic and Anglo-Saxon legal systems. Several areas for adapting the positive experience of foreign countries in implementing criminal liability for copyright and related rights infringement are outlined, thereby enabling the most effective enforcement of copyright and related rights.

Keywords: copyright, related rights, protection of copyright and related rights, intellectual property, criminal liability.

Gratitude: the work was carried out with the support of the scientific supervisor, professor of the Department of Criminal Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor Nikulenko A. V.

For citation: Batueva A. B. Criminal legislation governing liability for copyright and related rights violations in the Russian Federation and a number of foreign countries: comparative legal analysis // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2026. № 1(106). P. 189–197.

Защита интеллектуальной собственности, в частности авторских и смежных прав, является одним из краеугольных камней развития инновационной экономики и культурного прогресса общества. Активное развитие информационных технологий и глобальных информационных сетей неизбежно привело к тому, что объекты интеллектуальной собственности претерпели существенные изменения, во многом вызванные сменой формы их выражения (стали проходить процедуры оцифровки), а следовательно, и доступностью для многих пользователей, что оказалось возможным в связи с распространением в сети Интернет и иных информационных системах как в России, так и во всём мире. В условиях глобализации и стремительного развития цифровых технологий, возникновения новых видов общественных отношений, повсеместного использования информационных технологий проблема эффективной борьбы с нарушениями этих прав приобретает особую актуальность и возникает реальная необходимость в соответствующем законодательном регулировании этих отношений, научной обоснованности тех или иных положений, единства правоприменительной практики в вопросах защиты авторских и смежных прав посредством применения института уголовной ответственности.

Правомерная реализация и состояние защищённости правообладателей авторских и смежных прав обеспечиваются как на международном, так и на внутригосударственном уровнях.

В системе внутригосударственного правового регулирования авторских и смежных прав на территории Российской Федерации главенствующее место отводится Конституции РФ как высшему нормативному правовому акту, гарантирующему свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, а также обеспечивающему в установленном порядке охрану интеллектуальной собственности.

В 2008 года в целях регулирования отношений в сфере интеллектуальной собственности, в частности авторских и смежных прав, была введена часть четвёртая Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), состоящая из разд. VII под названием «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации»), при этом каждому институту отведено по отдельной главе (для авторского права – это гл. 70

ГК РФ, для прав, смежных с авторским, – гл. 71 ГК РФ), а общие положения выделены в отдельную начальную гл. 69 ГК РФ. В «общих положениях» представлены нормы, часто имеющие отношение не ко всем одновременно, а только к нескольким институтам подотрасли [1, с. 71]. Часть четвёртая ГК РФ применяется только к тем правоотношениям, которые возникли после введения её в действие. Если же правоотношение возникло раньше, то нормы части четвёртой ГК РФ применяются только к тем правам и обязанностям, которые возникли после введения её в действие. Наличие раздела, посвящённого правам на результаты интеллектуальной деятельности, свидетельствует о том, что авторское законодательство является частью гражданского законодательства.

Любое использование охраняемых законов объектов авторского и смежных прав является правомерным, если было получено согласие на такое использование у правообладателя, в обратном же случае использование в нарушение исключительных полномочий автора или другого правообладателя является незаконным. Исходя из этого, отметим, что лицо подлежит привлечению к ответственности, которая в данном случае базируется на принципе незаконности использования объектов авторского и смежных прав.

Благодаря существованию института ответственности обеспечивается законность и правопорядок в государстве, соблюдаются права, законные интересы граждан и организаций, а в случае их нарушения – подлежат восстановлению, что обеспечивается государственным принуждением. Ответственность представляет собой «реализацию (возложение) мер государственно-принудительного характера» [2, с. 6]. Она выступает составной частью правовой системы, а поэтому выполняет в ней важные юридические функции, ограничивая и абстрагируя противоправные деяния, в то же время побуждая граждан к совершению общественно полезных деяний в правовой сфере.

Интерес представляет рассмотрение реализации уголовной ответственности при совершении противоправных деяний, объектом посягательства которых выступает интеллектуальная собственность.

Уголовное законодательство играет ключевую роль в системе мер защиты интеллектуальной собственности, являясь наиболее строгой формой юридической ответственности. В Уголовном кодексе (далее – УК РФ) предусмотрено несколько составов преступлений в области интеллектуальной собственности (ст. 146 УК РФ «Нарушение авторских и смежных прав» и ст. 180 УК РФ «Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)».

В соответствии с ч. 1 ст. 146 УК РФ ответственность наступает за присвоение авторства (плагиат – от лат, *plagio* – похищаю). Такое деяние может состоять, в частности, в «объявлении себя автором чужого произведения, выпуске чужого произведения (в полном объёме или частично) под своим именем, издании под своим именем произведения, созданного в соавторстве с другими лицами, без указания их имени»[1]. В правоприменительной практике для правообладателя в первую очередь важен факт возмещения убытков, нежели процедура привлечения нарушителя к ответственности. Кроме того, важна имущественная составляющая этого вопроса, нежели пенитенциарная. Зачастую обеспечение нарушенных преступными деяниями авторских и смежных прав осуществляется посредством применения механизмов гражданско-правовой защиты. Принципиальным моментом здесь является то, что гражданское законодательство предполагает более строгие имущественные санкции, нежели уголовное законодательство.

[1] О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака: постановление Правительства Рос. Федерации от 26 апреля 2007 № 14 // Рос. газ. 2017. 5 мая. № 95.

Лицо подлежит привлечению к уголовной ответственности по ст. 180 УК РФ «Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)» в случае:

– «незаконного использования чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров, если это деяние совершено неоднократно или причинило крупный ущерб;

– незаконного использования предупредительной маркировки в отношении не зарегистрированного в Российской Федерации товарного знака или наименования места происхождения товара, если это деяние совершено неоднократно или причинило крупный ущерб».

В своей совокупности указанные действия подрывают экономическую основу хозяйствующих субъектов, не позволяя конкурировать и реализовывать имущественные права.

В качестве объекта исследуемого преступного деяния выступают «отношения между людьми, которые возникают по причине разработки и использования изобретений, полезных моделей и промышленных образцов» [3, с. 64].

Имея цель глубинного анализа специфики российского регулирования в области ответственности за нарушение авторских и смежных прав, необходимо рассмотреть опыт зарубежных стран по применению института уголовной ответственности за нарушения авторских и смежных прав, который будет выявлен посредством осуществления сравнительно-правового анализа некоторых стран, относящихся к романо-германской и англосаксонской правовым системам.

Компаративный анализ норм зарубежного законодательства и отечественных правовых норм позволяет обозначить некоторые основные принципы международной охраны авторских прав, на основе которых происходит совершенствование норм внутригосударственного права, систематизация норм, содержащихся в международных соглашениях и договорах, поскольку они являются регуляторами отношений, возникающих между правообладателями и пользователями сети Интернет и иного цифрового пространства.

Основополагающими принципами международной охраны авторских и смежных прав являются:

– «принцип ассимиляции (национальный режим произведения);

– принцип минимального объёма охраны авторских прав;

– принцип гражданства автора;

– территориальный принцип предоставления защиты авторских прав;

– принцип предоставления защиты авторских прав вне зависимости от соблюдения формальностей;

– принцип осуществления охраны в пользу автора и правопреемников автора» [4, с. 262].

Рассматривая конкретный опыт стран континентальной модели правовой системы (Федеративной Республики Германии и Франции), мы пришли к следующему выводу: правовая охрана авторских и смежных прав в Германии сосредоточена в Законе об авторском и смежных правах (*Urheberrechtsgesetz, UrhG*), содержащем специальные составы преступлений §§ 106–108b[1,1]. Базовый деликт описывается как несанкциониро-

[1] Act on Copyright and Related Rights (Urheberrechtsgesetz) [Электронный ресурс]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_urhg/englisch_urhg.html (дата обращения: 25.12.2025).

ванное использование охраняемого произведения (например, воспроизведение, распространение, публичное сообщение, переработка) с нарушением исключительных прав автора или обладателя смежных прав. За совершение такого деяния предусматривается наказание в виде лишения свободы сроком до трёх лет или денежного взыскания[2]. Закон также устанавливает и квалифицированный состав при совершении нарушения в целях получения дохода или иного коммерческого преимущества, в таких случаях срок лишения свободы увеличивается до пяти лет, что свидетельствует о повышенной опасности совершённого деяния.

Характерной особенностью немецкого регулирования является детальная уголовно-правовая защита не только собственно авторского, но и смежных прав (прав исполнителей, производителей фонограмм, вещательных организаций), а также прав на базы данных и иные объекты, включённые в сферу действия *UrhG*[3].

Важное значение имеет также *§108b UrhG*, предусматривающий уголовную ответственность за неправомерные действия в отношении технических средств защиты и информации об управлении правами. Уголовно наказуемыми признаются обход, удаление или изменение таких средств, если эти действия совершаются умышленно и в коммерческом контексте. Правоприменительная практика показывает, что уголовное преследование в Германии, как правило, концентрируется на случаях масштабного онлайн-пиратства (в том числе в P2P-сетях) и организованного оборота контрафактной продукции, тогда как эпизоды малозначительных нарушений чаще остаются в плоскости гражданско-правовой защиты и досудебных урегулирований.

Уголовное законодательство Франции, регламентирующее ответственность за нарушение авторских и смежных прав, представлено Кодексом интеллектуальной собственности Франции (далее – Кодекс), вступившим в действие в 1992 году.

Статьями Л335-2 и Л-335-3 Кодекса нарушение авторских и смежных прав определяется как контрафакция, при этом статья Л335-2 определяет деяние как уголовно наказуемое при выпуске или издании автором произведения вне зависимости от формы, если это совершено в нарушение авторских и смежных прав. Считается противоправным и наказуемым поведением просмотр и распространение объекта творческого труда конкретного гражданина в нарушение установленных правил. За совершение подобных деяний лицу может быть назначено лишение свободы на срок до трёх лет или штраф в размере триста тысяч евро.

Ст. Л335-3 Кодекса устанавливает ответственность за подделку, то есть воспроизведение, представление любыми способами творческого произведения, которое охраняется нормами закона об охране авторских прав. За данное преступление предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком на три года и штрафа в размере триста тысяч евро. Тем самым можно отметить суровость назначаемого наказания, поскольку ограничивается право на свободу наряду с денежным взысканием. Следовательно, можно заключить, что таким образом государство уделяет повышенное внимание вопросам защиты прав авторов.

В Швейцарии, которая также относится к романо-германской правовой семье, «ответственность за нарушение авторского законодательства установлена

---

[1] Criminal remedies for copyright infringement [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Criminal_remedies_for_copyright_infringement (дата обращения: 25.12.2025).

[2] German copyright law [Электронный ресурс]. URL:https://www.beck-law.eu/en/lexicon/german-copyright-law/ (дата обращения: 25.12 .2025).

[3] Act on Copyright and Related Rights, Germany [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/23030 (дата обращения: 25.12.2025).

в ст. 67 Федерального Закона Швейцарии «Об авторском праве смежных правах» от 09.10.1992 года» [5, с. 639]. В нём обозначены следующие виды противоправных деяний, за которые наступает уголовная ответственность:

– применение объекта авторского права под вымышленным наименованием или наименованием, не соответствующим подлинному;

– публикация или демонстрация объекта авторского права;

– предоставление объекта авторского права с изменением его первоначального содержания;

– изготовление нового объекта посредством использования иного объекта авторского права;

– копирование произведения для его сбыта;

– распространение в средствах массовой информации произведения, без наличия на него авторских прав;

– непредоставление в установленном порядке сведений о происхождении произведения.

В качестве ответственности за совершение одного или нескольких из обозначенных действий может быть применено наказание в виде лишения свободы до года или в виде штрафа в денежном эквиваленте. Если лицо умышленно использует своё служебное положение и имеет корыстную цель, совершая подобные действия, то оно может быть лишено свободы на срок до пяти лет или его могут обязать уплатить штраф. Отсюда нормы, предусматривающие ответственность за нарушение авторских прав, призваны обеспечивать соблюдение всеми гражданами установленного порядка регулирования отношений, связанных с авторским правом. При этом ответственность усиливается исходя из количества лиц, совершающих нарушения, а также в случае использования лицом своего должностного положения в преступных целях.

В действующем законодательстве Англии существует отдельный документ, направленный на обеспечение порядка создания, использования и распространения авторских прав, а также защиту авторских прав от всякого рода нарушений, – закон «Об авторских, дизайнерских и патентных правах» от 1988 года. Институт уголовной ответственности применяется в случае:

– изготовления произведения в нарушение установленных правил (в отсутствие разрешения (лицензии)) для последующей реализации;

– пользования техникой, при помощи которой можно производить незаконную копию произведения для сбыта третьим лицам;

– массовой публикации копии оригинала объекта авторского права (аудио, видеозаписи и т. д.).

«В данной статье предусматриваются разные виды наказаний:

– за совершение противоправных деяний согласно части первой обвиняемому назначается наказание в виде лишения свободы сроком не более шести месяцев или денежного взыскания в размере не более двух тысяч фунтов стерлингов (если это по приговору в упрощённом порядке судопроизводства), или же в виде лишения свободы сроком не более десяти лет, или денежного взыскания (если это по осуждению по обвинительному заключению);

– за совершение противоправных деяний согласно части второй обвиняемому назначается наказание в виде лишения свободы сроком не более трёх месяцев или денежного взыскания в размере не более двух тысяч фунтов стерлингов (если это по приговору в порядке упрощённого судопроизводства),

– за совершение противоправных деяний согласно части третьей обвиняемому назначается наказание в виде лишения свободы сроком не более трёх месяцев или денежного взыскания в размере не более двух тысяч фунтов стерлингов (если это по приговору в порядке упрощённого судопроизводства), или же в виде лишения свободы сроком не более десяти лет, или денежного взыскания (если это по осуждению согласно обвинительному заключению)» [5, с. 642–643].

Закон «Об авторских, дизайнерских и патентных правах» содержит также положение, закреплённое в статье 296, которое признаёт уголовно наказуемым производство и распространение устройств или услуг, предназначенных для обхода технических средств защиты в коммерческих целях.

В США вопросу ответственности за допущение нарушений в сфере авторского права уделяется повышенное внимание, о чём может свидетельствовать наличие нормативных правовых актов, детально освещающих вопросы, имеющие отношение к исследуемой области. Уголовная ответственность за нарушение авторских и смежных прав формируется сочетанием норм авторского и общего уголовного законодательства, прежде всего 17 U.S.C. § 506 (определяющего, какие нарушения считаются уголовно наказуемыми)[1] и 18 U.S.C. § 2319 (устанавливающего виды и размеры наказаний)[2]. Ключевым критерием криминализации выступает умышленный характер нарушения и его связь с получением коммерческого преимущества или частной финансовой выгоды. Дополнительно уголовно наказуемыми признаются некоторые формы массового распространения, включая незаконное распространение ещё не обнародованных произведений даже при отсутствии непосредственного извлечения прибыли.

Таким образом, американская модель сочетает экономический и превентивный подход, то есть уголовное преследование ориентировано на действия, которые либо наносят значительный экономический ущерб, либо подрывают основу рынка за счёт несанкционированного досрочного распространения контента.

Структура санкций в 18 U.S.C. § 2319 дифференцируется в «зависимости от количества экземпляров и их совокупной розничной стоимости, а также от того, является ли деяние первым или повторным. Например, умышленное воспроизведение или распространение не менее десяти экземпляров (включая фонограммы) в течение 180-дневного периода при совокупной розничной стоимости свыше 2 500 долларов может квалифицироваться как тяжкое преступление и повлечёт за собой назначение наказания в виде лишения свободы на срок до пяти лет и значительный штраф» [5, с. 641]. При повторности максимальный срок может увеличиться до десяти лет.

Существенным элементом американского регулирования является также криминализация обхода технических средств защиты и оборота устройств и услуг, предназначенных для такого обхода. Антиобходные положения *DMCA*, подкреплённые уголовной нормой § 1204 17 U.S.C., предусматривают тюремное заключение и штрафы за умышленные деяния в коммерческих целях или в целях частной финансовой выгоды. В совокупности эти нормы формируют жёсткий уголовно-правовой режим, направленный на борьбу с крупномасштабным цифровым пиратством и незаконным оборотом средств нарушения технологической защиты.

---

[1] Criminal Copyright Infringement -- 17 U.S.C. 506(a) And 18 U.S.C. [Электронный ресурс]. URL:https://www.justice.gov/archives/jm/criminal-resource-manual-1847-criminal-copyright-infringement-17-usc-506a-and-18-usc-2319 (дата обращения: 25.12.2025).

[2] 18 U.S. Code § 2319 - Criminal infringement of a copyright [Электронный ресурс]. URL:https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/2319 (дата обращения: 25.12.2025).

Проведённое сравнительно-правовое исследование вопроса применения института уголовной ответственности за нарушение авторских и смежных прав в России и некоторых зарубежных странах показало, что регулированию отношений, возникающих в связи с созданием, использованием и распространением объектов авторских и смежных прав, их уголовно-правовой защите уделяется повышенное внимание не только в нашей стране, но и в отдельных странах как романо-германской, так и англосаксонской правовых систем. Необходимо заметить, что положения международных официальных документов, регулирующих общественные отношения, связанные с авторским и смежными правами, устанавливают важные принципы, благодаря которым можно ориентироваться в законодательстве об интеллектуальной собственности, а при возникновении коллизий или в отсутствие норм права эти принципы позволяют решить спорные ситуации, неурегулированные нормами внутригосударственного права. В зависимости от принадлежности к правовой системе имеются особенности строения правовых норм, предусматривающих ответственность за нарушение авторского и смежных прав. Так, для стран романо-германской правовой семьи характерно построение норм уголовного законодательства, ориентированное на обеспечение соблюдения гражданами установленного порядка создания, использования и распространения объектов интеллектуальной собственности, в то время как нормы уголовного законодательства в странах англосаксонской правовой семьи по своей конструкции направлены на обеспечение наказуемости деяния, выражающейся главным образом в уплате виновным штрафов повышенных размеров. Ряд из рассмотренных стран криминализирует наиболее опасные формы нарушений, посягающих на авторское и смежные права, особенно те, что совершаются в коммерческих целях или же в значительных масштабах. Законодательством Германии, Великобритании и США предусматривается уголовная ответственность за обход технических средств защиты авторских прав, что может служить ответом на вызовы цифровой эпохи.

Таким образом, уголовно-правовая защита авторских и смежных прав является критически важным элементом современной системы охраны интеллектуальной собственности в целом, авторского и смежных прав как её составляющих. Проведённый сравнительно-правовой анализ показывает, что, несмотря на общую направленность в борьбе с нарушениями авторского и смежных прав, имеются различия в подходах к криминализации и правоприменению в Российской Федерации и в ведущих зарубежных странах. УК РФ своими нормами обеспечивает базовую защиту, однако сталкивается с вызовами цифровой эпохи, что влечёт проблемы в рамках доказывания. Опыт обозначенных зарубежных стран выступает более гибким механизмом, основанным на концепции «коммерческой цели». Теоретико-прикладной анализ рассматриваемых правопорядков позволяет сформулировать ряд направлений возможного анализа положительного зарубежного опыта для его адаптации в российском уголовном праве. К их числу следует отнести: а) разработку более гибкой и экономически обусловленной системы оценивания причинённого ущерба правообладателю, сочетающей стоимостные критерии с характеристикой масштаба и организованности деяний; б) нормативное и методическое переориентирование уголовно-правового регулирования с малозначительных эпизодических нарушений на борьбу с систематическим и организованным коммерческим пиратством прежде всего в цифровой среде. Реализация указанных направлений представляется перспективной с точки зрения повышения эффективности уголовно-правовой защиты авторских и смежных прав в Российской Федерации при одновременном соблюдении принципа экономии уголовной репрессии и обеспечения баланса интересов правообладателей, пользователей и общества в целом.

1. Право интеллектуальной собственности: учебник / под общей редакцией доктора юридических наук, профессора Л. А. Новоселовой. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2024. 335 с.
2. Иванов Н. Г. Освобождение от уголовной ответственности // ЭЖ-Юрист. 2017. № 4. С. 6-9.
3. Куприянова Л. М., Николюкин С. В. К вопросу об ответственности за нарушения авторских, смежных и патентных прав // Современный юрист. 2019. № 2(27). С. 53-67.
4. Лолаева А. С., Бибоев А.О. Современное гражданско-правовое регулирование авторских прав как объектов правовой защиты // Лучшая студенческая статья 2017: сборник статей XII Международного научно-практического конкурса. Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2017. С. 261-265.
5. Юсифова Г. И. Ответственность за нарушение авторских прав в законодательстве зарубежных стран // Вестник науки. 2024. № 12 (81). С. 638-644.

1. Pravo intellektual`noj sobstvennosti: uchebnik / pod obshhej redakciej doktora yuridicheskix nauk, professora L. A. Novoselovoj. 2-e izd. pererab. i dop.
M.: Izdatel`stvo Yurajt, 2024. 335 s.
2. Ivanov N. G. Osvobozhdenie ot ugolovnoj otvetstvennosti // E`Zh-Yurist. 2017. № 4. S. 6-9.
3. Kupriyanova L. M., Nikolyukin S. V. K voprosu ob otvetstvennosti za narusheniya avtorskix, smezhny`x i patentny`x prav // Sovremenny`j yurist. 2019. № 2(27). S. 53-67.
4. Lolaeva A. S., Biboev A.O. Sovremennoe grazhdansko-pravovoe regulirovanie avtorskix prav kak ob``ektov pravovoj zashhity` // Luchshaya studencheskaya stat`ya 2017: sbornik statej XII Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo konkursa. Penza: «Nauka i Prosveshhenie» (IP Gulyaev G.Yu.), 2017. S. 261-265.
5. Yusifova G. I. Otvetstvennost` za narushenie avtorskix prav v zakonodatel`stve zarubezhny`x stran // Vestnik nauki. 2024. № 12 (81). S. 638-644.

Информация об авторе

Алтани Батоевна Батуева. Адъюнкт.
Санкт-Петербургский университет МВД России.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1.

Information about the author

Altani B. Batueva. Adjunct.
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
198206, Russia, St. Petersburg, Letchika Pilyutova Str., 1.

Статья поступила в редакцию 12.01.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.
The article was received in the editorial office on 12.01.2026; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научная статья
УДК 343.2

ОСОБЕННОСТИ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЁЙ 264 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Боева Милана Александровна
Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, Брянск, Россия

BMil_120@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию уголовно-правовой сущности преступлений, предусмотренных ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации. Автором рассмотрены такие элементы состава, как объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона; выявлены особенности данных элементов, имеющие решающее значение при квалификации преступлений данного вида; обозначены предложения для внесения изменений в действующее законодательство. Автором исследуется вопрос однозначного установления формы вины при квалификации преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, который требует разрешения для устранения противоречий в теории и ошибок в правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: состав преступления, уголовный кодекс, объект, субъект, объективная сторона, субъективная сторона, квалифицирующий признак, общественные отношения.

Для цитирования: Боева М. А. Особенности состава преступления, предусмотренного статьёй 264 Уголовного кодекса Российской Федерации // Научный вестник Орловского института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 198–204.

FEATURES OF THE COMPOSITION OF THE CRIME PROVIDED FOR IN ARTICLE 264 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Milana Al. Boeva
Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova, Bryansk, Russia

BMil_120@mail.ru

Annotation. The article is dedicated to the study of the criminal-legal essence of crimes provided for in Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author examines elements of the offense such as the object, the objective side, the subject, and the subjective side, identifies features of these elements that are crucial for the qualification of crimes of this kind, and outlines proposals for amendments to the current legislation. The author also investigates the issue of clearly establishing the form of guilt when qualifying a crime under Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation, which requires resolution to eliminate contradictions in theory and errors in law enforcement practice.

Keywords: elements of a crime, criminal code, object, subject, objective side, subjective side, qualifying attribute, social relations.

For citation: Boeva M. A. Features of the composition of the crime provided for in article 264 of the criminal code of the russian federation // Scientific Bulletin of the Orel Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2026. № 1(106). P. 198–204.

Термину «состав преступления» не даётся определение в уголовном законодательстве, однако в доктрине уголовного права ему уделяется значительное внимание. Говорить о понятии состава преступления с точки зрения норм УК РФ[1] можно, опираясь на содержание ст. 8 Кодекса, где указывается на то, что наличие всех признаков состава преступления является основанием наступления уголовной ответственности. Исследуя уголовно-правовую сущность преступлений, предусмотренных ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации, необходимо отметить, что объективные признаки заключаются в определении объекта и объективной стороны преступления (того, на что деяние направлено, и обстоятельств его совершения соответственно). Объект нарушения ПДД и эксплуатации транспортных средств определяется необходимостью охраны соответствующей сферы общественной жизни. По общему правилу объект преступления закрепляется путём включения описания нарушения в диспозицию уголовно-правовой нормы Особенной части УК РФ.

Установление объекта конкретного преступления основано на выяснении сферы общественных отношений, на которую осуществляется посягательство в результате совершения деяния, запрещённого уголовным законом. Объект преступления всегда отражается посредством описания нарушения, содержащегося в конкретной статье Особенной части УК РФ. При этом само понятие «объект преступления» является составным, его описание, как правило, подразумевает определение трёх уровней сферы общественных отношений, каждый из которых является частью другого, более крупного [1, с. 141].

Наиболее часто в уголовно-правовой литературе применяется подход, в соответствии с которым объект того или иного преступления определяется посредством описания конкретных общественных отношений, на которые происходит преступное посягательство, то есть отношений, которые нарушаются в результате преступного деяния. Данный подход обусловлен тем, что уголовное законодательство имеет в виду не только безопасность конкретного лица, которому может быть причинён вред преступлением, но и предотвращение иных преступлений [2, с. 102].

Объект преступления может характеризоваться и тем, что нормы УК РФ направлены на охрану общественных отношений, защищаемых и другими отраслями права. В настоящее время большинство исследователей сходится во мнении о том, что структура объекта преступления находится в зависимости от расположения конкретной нормы, устанавливающей ответственность, в определённом разделе и главе УК РФ.

Для состава преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ так же, как и для составов других преступлений, предусмотрен общий родовой и видовой объект. Родовым объектом являются отношения, связанные с отношениями в сфере, обозначенной в разделе УК РФ, в которую включена статья УК РФ об ответственности за конкретное преступление. Родовым объектом рассматриваемого преступления являются отноше-

[1] Уголовный кодекс Рос. Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

ния, связанные с общественной безопасностью и общественным порядком, что следует из названия раздела IX, в который включена ст. 264 УК РФ.

Что касается видового объекта, то он определяется включением статьи с описанным противоправным деянием в ту или иную главу УК РФ. Применительно к исследуемому преступлению можно утверждать, что видовым объектом выступает безопасность движения и эксплуатации транспорта.

Непосредственный объект преступления определяется конкретной нормой, закреплённой в статье, устанавливающей ответственность за совершение преступления. Поэтому объект преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, – регламентируемые законом правила дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Наибольший интерес при рассмотрении объекта преступления представляет непосредственный объект, поскольку именно он принимается во внимание при квалификации преступления. Непосредственным объектом выступают те общественные отношения, которые в пределах родового и видового объекта затрагиваются преступлением.

Здоровье является одним из нематериальных благ, которое считается неотъемлемым и охраняется законом. Одним из направлений выступает его уголовно-правовая охрана. В рассматриваемом случае здоровье человека выступает объектом преступления.

Квалификация деяния по объективным признакам предполагает установление совокупности внешних проявлений, внешних признаков поведения обвиняемого. Внешние элементы должны отвечать определённым признакам, описанным в диспозиции уголовно-правовой нормы, устанавливающей уголовную ответственность за то или иное деяние. В связи с этим выделяются обязательные и факультативные признаки объективной стороны преступления. К числу обязательных относятся: само деяние; наступившие в результате его совершения последствия; причинно-следственная связь между деянием и последствиями.

Вместе с тем представляется, что в рассматриваемом случае предмет совершения преступления следует расценивать как обязательный признак объективной стороны, необходимый для квалификации. Предмет совершения преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, – транспортное средство, к числу которых относятся автомобили, трамваи, а также иные механические ТС.

Первый обязательный признак объективной стороны исследуемого преступления – деяние, которое в статьях главы 27 УК РФ не определено. В связи с этим форма деяния – действие или бездействие – определяется на основании сущности деяний, описанных в диспозициях норм.

Бездействие как форма преступного поведения представляет собой одну из наиболее сложных категорий как в науке уголовного права, так и в правовой регламентации и в практике применения законодательства. На сегодняшний день уголовный закон связывает преступный характер поведения с его общественной опасностью, поэтому бездействие признаётся преступным только в том случае, если отсутствие активных действий приводит или может привести к наступлению наиболее опасных неблагоприятных последствий.

Применяемые в уголовном законодательстве формулировки объединяют в составе деяния действие и бездействие, каждое из которых выступает формой деяния, квалифицируемого как преступление. В то же время в УК РФ отсутствует закрепление понятий «деяние», «действие», «бездействие» несмотря на то, что на них, по сути, построена квалификация поведения человека, возможность отнесения поведения к уголовно наказуемому. В связи с изложенным полагаем, что данным терминам законодатель должен был дать определения. Поскольку в рамках настоящего исследования по-

нятие «бездействие» носит принципиальное значение для квалификации деяния, предлагается вести изменение в действующее законодательство в части внесения определения бездействию.

Объективные признаки преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, состоят из объекта и объективной стороны преступления. Выделяется родовой, видовой и непосредственный объект преступления. Родовым объектом нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств являются отношения, связанные с обеспечением общественного порядка и общественной безопасности, что следует из названия раздела IX, в который включена ст. 264 УК РФ. Видовой объект определяется главой УК РФ, в которую входят нормы; в данном случае для рассматриваемых деяний видовым объектом является нормальная безопасность движения и эксплуатация транспорта (Глава 27 УК РФ).

Субъективные признаки преступления – субъект и субъективная сторона. В основе субъективного признака лежит характеристика субъекта, приведённая в ст. 19 УК РФ, – достижение возраста уголовной ответственности и вменяемость [3, с. 48].

Указанные признаки касаются общего субъекта. Следует отметить, что субъект нарушения ПДД и эксплуатации ТС может быть как общим, так и специальным, где специальный субъект – лицо, обладающее специальным правом (управления или эксплуатации ТС). Однако отнесение субъекта к специальным не исключает обязательность его соответствия признакам общего субъекта при наличии дополнительных признаков.

Представляется, что разграничение субъекта на общий и специальный в данном случае должно быть обусловлено наличием права управления ТС у лица, которое им управляет в момент совершения преступления. При этом законодатель выделяет отсутствие права управления в качестве квалифицирующего признака. Такой подход, на наш взгляд, является верным, поскольку отсутствие права управления ТС предполагает отсутствие специальных навыков, позволяющих управлять им с соблюдением требований общественной безопасности.

Тот же подход применяется к лицу, которое лишено права управления. Данная мера ответственности предусмотрена за наиболее тяжкие деяния в сфере управления ТС, в частности за управление ТС в состоянии опьянения, выезд на полосу встречного движения. Поэтому, если лицо лишено права управления, факт совершения им общественно опасного деяния установлен, что предполагает возможность совершения другого аналогичного деяния. Кроме того, управление ТС лицом, лишённым права управления, свидетельствует о неисполнении им назначенного ему наказания, что также увеличивает общественную опасность деяния.

Что касается возраста наступления уголовной ответственности, то общий возраст, установленный УК РФ, составляет шестнадцать лет. В данном случае ч. 2 ст. 20 УК РФ не включает положение о ст. 264 УК РФ в качестве исключения применительно к субъекту преступления.

Субъективная сторона преступления определяется описанием психической деятельности субъекта преступления, а также его отношением к совершаемому деянию. Обязательным признаком субъективной стороны преступления выступает вина, на данный признак указывает определение понятия преступления, которое дано законодателем в УК РФ. Коме того, субъективная сторона включает и дополнительные признаки – мотив, цель. Диспозиция ст. 264 УК РФ не предполагает наличия данных признаков для квалификации преступления, поэтому они в данном случае считаются факультативными.

Деяние может выражаться в действии или бездействии, достаточность бездействия в качестве признака преступления определяется диспозицией конкретной нормы,

которая применяется для его квалификации. Одним из актуальных вопросов в настоящее время является рассмотрение бездействия как элемента состава преступления. При этом для придания бездействию преступного характера необходимо, чтобы лицо могло и должно было совершить какие-либо действия, что следует из его положения или обязанностей, однако не сделало это осознанно [4, с. 58]. Исходя из указанного, подчеркнём, что в большинстве случаев состав преступлений, признаком которых является бездействие, присутствует специальный субъект, обязанность которого совершить определённое действие предполагает отсутствие обязанности установления его психического отношения к деянию в момент бездействия.

Согласимся с тем, что форма вины выступает средством установления субъективной границы, которая отграничивает преступление от иного противоправного поступка [5, с. 171].

Преступление, предусмотренное ст. 264 УК РФ, предусматривает неосторожную форму вины. Что касается неосторожной формы вины, то в законе данная форма закреплена в ст. 26 УК РФ, относящейся к преступлениям, совершённым по неосторожности. Здесь законодателем названо два вида неосторожности: легкомыслие и небрежность. Для установления легкомыслия необходимым признаком выступает предвидение лицом наступления общественно опасных последствий, но действие с расчётом на предотвращение таких последствий при отсутствии достаточных оснований для этого. В таком случае считается, что лицо действовало самонадеянно.

Вторым направлением неосторожности является небрежность, которая заключается в отсутствии предвидения на момент преступления негативных последствий несмотря на то, что при условии достаточной предусмотрительности и внимательности лицо должно было такие последствия предвидеть. Необходимо обратить внимание, что значение неосторожной формы вины для квалификации преступлений состоит в том, что соответствующее деяние должно признаваться преступлением прямым указанием нормы закона на это. В остальных случаях преступность деяния исключается (ч. 2 ст. 24 УК РФ).

Проблемой установления форм вины применительно к рассматриваемым преступлениям выступает сложность конструкции нормы и характер описанного в ней преступления. В настоящее время в литературе встречаются две основные позиции исследований по поводу формы вины в преступлении, предусмотренном ст. 264 УК РФ. В соответствии с первой из них преступление характеризуется смешанной формой вины, предполагающей наличие умысла в отношении деяния и неосторожности в отношении последствий, которые данное деяние влечёт.

Позиция обосновывается тем, что, поскольку ст. 264 УК РФ носит бланкетный характер, отсылая к нормам административного права, поэтому административное правонарушение, которое положено в основу преступления, совершается умышленно либо по неосторожности, а отношение виновного лица к последствиям следует толковать как неосторожность.

Вторая позиция состоит в том, что её сторонники выделяют двойную форму вины при совершении исследуемого преступления. Сторонники позиции также полагают, что противоправное деяние совершается умышленно, а последствия являются следствием неосторожности. Отсутствие умысла субъекта преступления при отсутствии последствий ведёт к необходимости квалификации деяния в качестве покушения на преступление.

Несмотря на сложность толкования формы вины в преступлениях, предусмотренных ст. 264 УК РФ, в практике применяется подход, согласно которому преступление

характеризуется неосторожной формой вины. Причиной этому служит приведённое выше положение ч. 2 ст. 24 УК РФ, где указано на то, что преступлением признаётся деяние, совершённое по неосторожности, только при наличии в Особенной части УК РФ соответствующей нормы, устанавливающей ответственность за деяния [6, с. 302].

В. Т. Гайков и А. С. Саядова полагают, что не требуется разделение психического отношения лица, совершившего деяние, предусмотренное ст. 264 УК РФ, к нарушению требований нормативно-правовых актов и наступившим последствиям. Согласимся с этим, поскольку норма ст. 26 УК РФ предусматривает именно указанное отношение к деянию и его последствиям как неосторожную форму вины. Необходимость установления отношения виновного к деянию в таком случае законом не предусмотрена.

Таким образом, для квалификации рассматриваемых преступлений по субъективной стороне следует обращать внимание на то, предвидело ли лицо возможность наступления последствий, предусмотренных ст. 264 УК РФ, нарушая ПДД или эксплуатацию ТС, должно ли было (и могло ли) их предвидеть. При отсутствии названных признаков деяние не может считаться совершённым виновно и не может быть квалифицировано по ст. 264 УК РФ.

Таким образом, субъектом рассматриваемого преступления может выступать как общий, так и специальный субъект в зависимости от наличия у лица на момент совершения преступления специального права. Субъективная сторона нарушения ПДД и эксплуатации ТС характеризуется неосторожной формой вины, то есть предвидение лицом наступления общественно опасных последствий, но действие с расчётом на предотвращение таких последствий при отсутствии достаточных оснований для этого либо отсутствие предвидения на момент преступления негативных последствий несмотря на то, что при условии достаточной предусмотрительности и внимательности лицо должно было такие последствия предвидеть. Указанные признаки являются криминообразующими по отношению к рассматриваемому преступлению. Представляется, что в настоящее время вопрос однозначного установления формы вины при квалификации преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, требует разрешения для устранения противоречий в теории и ошибок в правоприменительной деятельности. В связи с указанным считаем целесообразным включить соответствующее разъяснение в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25.

---

1. Корепанова Е. А. К вопросу об объекте преступления // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 439-444.
2. Винокуров В. Н. Аксиологический и функциональный подходы к определению объекта преступления // Современное право. 2014. № 8. С. 100-106.
3. Куликов А. В., Перцев Д.В. Проблемные вопросы разграничения получения взятки и провокации взятки как смежных составов преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 2. С. 46-53.
4. Туганов Ю. Н., Журавлев С. И. К вопросу о привлечении к дисциплинарной ответственности государственных служащих за правонарушения коррупционной направленности // Российская юстиция. 2014. № 4. С. 57-60.
5. Иванов А. Г. Субъективное отношение виновного к квалифицирующим обстоятельствам преступления: необходимость законодательной регламентации фактической ошибки // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 2 (145). С. 176-183.

6. Вашкевич А. В., Никишкин А. В., Смородина В. А. Дисскуссионные вопросы определения субъективной стороны преступления, предусмотренного статьей 264 Уголовного кодекса Российской Федерации // Образование и право. 2021. № 5. С. 300-305.

1. Korepanova E. A. K voprosu ob ob``ekte prestupleniya // Permskij yuridicheskij al`manax. 2018. № 1. S. 439-444.
2. Vinokurov V. N. Aksiologicheskij i funkcional`ny`j podxody` k opredeleniyu ob``ekta prestupleniya // Sovremennoe pravo. 2014. № 8. S. 100-106.
3. Kulikov A. V., Percev D.V. Problemny`e voprosy` razgranicheniya polucheniya vzyatki i provokacii vzyatki kak smezhny`x sostavov prestuplenij // Izvestiya Tul`skogo gosudarstvennogo universiteta. E`konomicheskie i yuridicheskie nauki. 2022. № 2. S. 46-53.
4. Tuganov Yu. N., Zhuravlev S. I. K voprosu o privlechenii k disciplinarnoj otvetstvennosti gosudarstvenny`x sluzhashhix za pravonarusheniya korrupcionnoj napravlennosti // Rossijskaya yusticiya. 2014. № 4. S. 57-60.
5. Ivanov A. G. Sub``ektivnoe otnoshenie vinovnogo k kvalificiruyushhim obstoyatel`stvam prestupleniya: neobxodimost` zakonodatel`noj reglamentacii faktycheskoj oshibki // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii. 2022. № 2(145). S. 176-183.
6. Vashkevich A. V., Nikishkin A. V., Smorodina V. A. Disskussionny`e voprosy` opredeleniya sub``ektivnoj storony` prestupleniya, predusmotrennogo stat`ej 264 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii // Obrazovanie i pravo. 2021. № 5. S. 300-305.

Информация об авторе

Милана Александровна Боева. Профессор кафедры криминалистики и уголовно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент.

Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.

241050, Россия, г. Брянск, 2-й Советский переулок, 2А.

Information about the author

Milana Al. Boeva. Professor of the Department of Criminalistics and Criminal Law Disciplines, Candidate of Law, Associate Professor.

Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova.

241050, Russia, Bryansk, 2nd Sovetsky Lane, 2A.

Статья поступила в редакцию 03.02.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.

The article was received in the editorial office on 03.02.2026; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
№ 1(106) 2026 г.
Научная статья
УДК 343.9

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ПОБОЕВ И ИНЫХ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, ПРИЧИНИВШИХ ФИЗИЧЕСКУЮ БОЛЬ

Вецкая Светлана Анатольевна[1], Бадиков Дмитрий Алексеевич[2]
[1]Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия
[2]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл, Россия

Lisizai@mail.ru
dibad008@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию особенностей уголовно-правовой оценки деяний, связанных с побоями и иными насильственными действиями. Актуальность настоящей тематики определяется исследованиями учёных, юристов-правоведов в рассматриваемой сфере. Использовались общенаучные методы (описание, анализ, синтез, индукция) и частно-научные методы познания правовых явлений (метод анализа нормативных правовых текстов). В статье проводится анализ правоприменительной практики оценки установления факта причинения лёгкого вреда здоровью или физического страдания без серьёзных последствий. Уголовно-правовая квалификация рассматриваемых противоправных действий зависит от степени вреда и наличия умысла, иные насильственные действия могут включать угрозы, применение силы без телесных повреждений, а также действия, причиняющие средний или тяжкий вред здоровью.

Ключевые слова: уголовно-правовая оценка, побои, насильственные действия, вред здоровью, умысел.

Для цитирования: Вецкая С. А., Бадиков Д. А. Особенности уголовно-правовой оценки побоев и иных насильственных действий, причинивших физическую боль // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 205–211.

FEATURES OF THE CRIMINAL ASSESSMENT OF BATTERY AND OTHER VIOLENT ACTS THAT CAUSED PHYSICAL PAIN

Svetlana A. Vetskaya[1], Dmitry A. Badikov[2]
[1]Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia
[2]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Oryol, Russia

[1]Lisizai@mail.ru
[2]dibad008@yandex.ru

Annotation. This article is devoted to the study of the features of the criminal law assessment of acts related to beatings and other violent actions. The relevance of this topic is determined by the research conducted by scientists and legal scholars in this field. General scientific methods (description, analysis, synthesis, and induction) and specific scientific

methods of legal phenomena (the method of analyzing legal texts) were used. The article analyzes the law enforcement practice of assessing the establishment of the fact of causing minor harm to health or physical suffering without serious consequences. The criminal legal qualification of the illegal acts under consideration depends on the degree of harm and the presence of intent. Other violent acts may include threats, the use of force without bodily harm, and actions that cause moderate or severe harm to health.

Keywords: criminal law assessment, beatings, violent acts, harm to health, intent.

For citation: Vetskaya S. A., Badikov D. A. Features of the criminal legal assessment of beatings and other violent acts that caused physical pain // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. 1(106). P. 205–211.

Термин «побои» обозначает физическое насилие, выраженное в нанесении «ударов по живому телу» [1], причиняющих боль, а также видимые следы на теле: синяки, ссадины или другие повреждения. Это множественное число от слова «побои», которое происходит от глагола «бить» и подчёркивает интенсивность или многократность ударов. Побои как форма наказания насилия имеют древнейшее происхождение и связаны с историей развития человеческого общества. Если во времена Петра I побои выступали формой наказания [2], то в XIX–XX веках в связи с развитием прав человека и гуманизма побои как наказание стали постепенно запрещаться. В современном праве побои рассматриваются как преступление – нанесение телесных повреждений – и в большинстве стран наказуемы законом[1].

Очевидность наказуемости за побои во многих странах логически объясняется тем, что такие действия нарушают фундаментальные права человека, угрожают здоровью и безопасности, подрывают общественный порядок и моральные нормы, а также могут быть начальным звеном более тяжких преступлений.

В российской судебной практике побои рассматриваются как лёгкая или средняя форма насилия, но с отправной точной для более тяжких преступлений.

Вопросам регулирования ответственности за причинение вреда здоровью посвящено множество научных исследований, к числу таких трудов относятся работы учёных В. Б. Боровикова, [3] А. В. Бычкова [4], Д. А. Иванова [5], В. А. Казаковой [6] и др. Несмотря на постоянный повышенный интерес исследователи к данной теме, практики сталкиваются со сложностью разграничения преступлений по мотивам (хулиганские побуждения, семейно-бытовые-конфликты) и определения методики расследования. Проведённый анализ правоприменительной практики по вопросам настоящего исследования даёт основания полагать, что побои, несмотря на явно латентный характер, сопровождающий их совершение, свойственны семейно-бытовой сфере человеческой деятельности. При этом необходимо отметить, что участниками и исполнителями данного действия являются лица, близкие потерпевшему, а именно: родственники, сожители и т. д., что, по сути, и является первопричиной отсутствия явного желания предания огласке фактов подобного рода [7; 8].

Анализ статистических данных показывает, что в приговорах суда присутствует «2 284 упоминания женщин, погибших от рук близких в 2022 и 2023 годах, то есть в среднем по 1 142 в год (в 2020–2021 годах – 2 680, или в среднем 1 340 в год)» [9]. Про-

[1] ст. 154 УК Республики Беларусь «Умышленное нанесение побоев», ст. 106 УК Республики Казахстан «Умышленное причинение легкого вреда здоровью», ст. 112 УК Республики Армения «Умышленное нанесение легких телесных повреждений», ст. 119 УК Республики Кыргызстан «Умышленное нанесение телесных повреждений небольшой или средней тяжести» и т.д.

анализированные данные статистики, представленной в свободном доступе, дают основание полагать, что на данный момент складывается общая неблагоприятная картина частоты и распространённости побоев как одной из форм причинения вреда здоровью.

Для формирования общественного понимания недопустимости насилия в семье и необходимости своевременного вмешательства со стороны правоохранительных органов для защиты пострадавших ещё в ноябре 2014 года была запущена петиция за принятие закона о профилактике семейно-бытового насилия, однако, несмотря на активную поддержку правозащитников, которые видят в законе угрозу «традиционным семейным ценностям», закон до сих пор не принят.

Специализированные литературные и нормативные источники дают основания полагать, что физический вред выражается в повреждении здоровья или причинении смерти человеку в результате совершения уголовного наказуемого действия.

По мнению отдельных авторов, например Е. Н. Клещиной и Д. В. Шарова, «физический вред можно определить как совокупность объективно произошедших негативных изменений в состоянии тела человека… Расстройство здоровья может наступать и без причинения телесных повреждений, например заражение лица ВИЧ-инфекцией… Поэтому физический вред может выражаться не только в телесных повреждениях, но и расстройстве здоровья» [10].

Сложно понять физический вред посредством соотношения его характера и вида повреждений, утверждая, что «отдельные виды вреда: наступление смерти; лёгкий, средний тяжести, тяжкий вред здоровью; побои; мучения; истязания – по своим отличительным свойствам (качествам) могут быть охвачены единой формулировкой – физический вред, который указывает их характер» [11].

Пункт 2 «Правил определения степени тяжести вреда, причинённого здоровью человека», утверждённых постановлением Правительства РФ от 17.08.2007 № 522, представляет определение вреда, причинённого здоровью человека, под которым понимается «нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека в результате воздействия физических, химических, биологических и психических факторов внешней среды»[1].

Проведённый анализ нормативных источников и специализированной юридической литературы даёт основания полагать, что при рассмотрении определения «физический вред» возникает необходимость учёта формулировок Уголовного кодекса России, а именно главы 16 «Преступления против жизни и здоровья», которая закрепляет, что в качестве последствий исследуемых преступных деяний могут выступать причинение смерти; причинение тяжкого, средней тяжести или лёгкого вреда здоровью; наступление заболевания; а также угроза этих последствий.

На основании указанных положений следует установить, что квалифицирующими признаками об отношении лёгкого вреда, причинённого здоровью человека, является: кратковременное расстройство здоровья; незначительная стойкая утрата общей трудоспособности. Вместе с тем необходимо обратить внимание на то обстоятельство, согласно которому вред, причинённый в результате преступного события, должен быть установлен в процессе расследования.

Наряду с вышеизложенным следует отметить определённую многоаспектность действий, которая заключается в том, что рассматриваемые преступные деяния (побои) в совокупности с иными насильственными действиями, которые в качестве результата

[1] Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: Постановление Правительства Рос. Федерации от 17 августа 2007 г. № 522 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 35 Ст. 4308

причиняют боль физического характера, но при этом не наносят вреда здоровью, являются объектом рассмотрения как уголовного, так и административного законодательства. Несмотря на это, между ними имеются достаточно значимые различия.

В случае, когда побои не причинили значительного вреда здоровью, такие действия формально не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, а значит не влекут последствия, указанные в ст. 115 УК РФ, то действия лица рассматриваются по ст. 6.1.1 КоАП РФ – нанесение телесных повреждений, не причинивших вреда здоровью. Обязательным признаком состава административного правонарушения является последствие в виде физической боли. При этом на теле потерпевшего может не остаться телесных повреждений, но это не означает, что правонарушитель может избежать наказания. Срок давности привлечения к административной ответственности по данной статье КоАП РФ составляет два года.

Ниже приведём подробный перечень статей УК РФ, в которых упоминаются побои и аналогичные действия, с разделением по степени тяжести, основанный на устном опросе специалистов-практиков[1]: если побои совершаются с использованием предмета (например, удар палкой по плечу, вызвавший ссадину; удар ремнём по спине, в результате которого появились ссадины или лёгкий кровоподтёк, удар бутылкой и т. д.). Причинившие кратковременное нарушение здоровья или плохое самочувствие – такие действия могут быть квалифицированы по статье 115 УК РФ (то есть причинение лёгкого вреда здоровью). В то же время побои, совершённые руками или ногами без применения предметов, при отсутствии вреда здоровью, как правило, квалифицируются по статье 116 УК РФ.

Соответственно, как отмечает В. Р. Малкин, «если действия лица причинили вред здоровью средней тяжести (например, обширные кровоподтёки, гематомы, переломы, длительное расстройство здоровья), такие деяния квалифицируются по ст. 117 УК РФ. В случаях, когда насильственные действия совершаются с особой опасностью для жизни или в составе хулиганских действий, применяется ст. 213 УК РФ» [12]. Аналогичное применение насилия в отношении представителя власти или должностного лица подпадает под ст. 318 УК РФ. Таким образом, ст. 116 УК РФ ограничивается случаями без вреда здоровью, а переход к ст. 117–213 УК РФ определяется не способом воздействия, а тяжестью последствий для здоровья и статусом потерпевшего.

Ответственность по ст. 116 Уголовного кодекса Российской Федерации наступает в случае, если побои причинены из хулиганских побуждений, но при этом не наступает утрата трудоспособности, как и нарушения существенных функций органов человека. Определяющее значение хулиганских побуждений выражается тем, что преступное деяние происходит в связи с незначительным поводом или в отсутствие такового. При этом побои, осуществлённые повторно, непременно влекут за собой уголовную ответственность (ст. 116.1 УК РФ).

В настоящее время в уголовном законодательстве России произошёл важный сдвиг в квалификации деяний, связанных с побоями, где для наступления уголовной ответственности теперь имеет значение отсутствие вреда здоровью и данное отсутствие должно подтверждаться судебно-медицинской экспертизой потерпевшего, а не его характер или степень. Изменения, внесённые в данные статьи УК РФ[2], значительно расширили круг лиц, подлежащих уголовной ответственности за побои. Теперь уголовная

[1] Данные представлены на основе опроса сотрудников органов дознания предварительного следствия полиции факультета профессионального обучения Краснодарского университета МВД России, в период с января по февраль 2026 года.

[2] Изменения внесены в УК РФ ФЗ РФ № 203-ФЗ от 28 июня 2022 г., статья 116.1 УК РФ.

ответственность распространяется на лиц, ранее судимых за насильственные преступления, независимо от того, причинили ли они фактический вред здоровью.

Данное законодательное уточнение повлияло на практику правоприменения: суды начали активнее квалифицировать факты побоев как уголовно наказуемое деяния даже при отсутствии вреда здоровью, что ранее часто относилось к административной ответственности.

Анализ федеральной статистики МВД России информирует, что в минувшем году наблюдалось снижение количества зарегистрированных в Российской Федерации преступлений на 7,3 %[1] от общего количества преступлений, в том числе противоправных деяний против личности. Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2024 год[2] количество осуждённых по ст. 116 УК РФ составило 370 человек. Напротив, по ст. 116.1 УК РФ выросло с 922 человек в 2018 году до 6 360 человек в 2024 году. На примере Краснодарского края отметим, что в 2025 году по ст. 116 УК РФ зарегистрировано 55 преступлений, в 2024 году – 73 преступления. По ст. 116.1 УК РФ в 2025 году зарегистрировано 164 преступления, в 2024 году – 194.

Побои и иные насильственные действия, причиняющие физическую боль, но не причинившие вреда здоровью, квалифицируются как умышленное причинение физической боли без признаков вреда здоровью, нарушений функций организма, с минимальными последствиями (например, небольшие ссадины, синяки, ушибы), которые обязательно должны быть фактически подтверждены медицинским освидетельствованием. Такие действия подпадают под ст. 115 УК РФ и рассматриваются как преступление, связанное с насилием без тяжких последствий.

В заключение следует отметить, что уголовно-правовая характеристика побоев обладает рядом специфических особенностей, обусловленных как юридическими, так и социальными аспектами. Во-первых, побои как форма телесного наказания требуют чёткой дифференциации с другими видами причинения вреда здоровью, что важно для квалификации деяния. Внести формулировку, чётко разграничивающую акт насилия без вреда здоровью от вреда здоровью лёгкой степени, чтобы устранить противоречия в практике судов и следствия. Например, в ст. 115 УК РФ изменить диспозицию как «умышленные насильственные действия, совершённые впервые и с использованием предмета, причинившие физическую боль без образования телесных повреждений, подтверждённых судебно-медицинской экспертизой». В статье 116 УК РФ в диспозиции «побои или насильственные действия, причинившие физическую боль...» заменить на текст «побои – умышленные насильственные действия, причинившие физическую боль без образования телесных повреждений, подтверждённых судебно-медицинской экспертизой…».

Ввести квалифицированные признаки в ст. 116 УК РФ:

– побои, совершённые против беременной;

– с применением группой лиц по предварительному сговору;

– с применением угрозы предметом.

Это устранит необходимость переквалификации в более тяжкие статьи (115, 117 УК РФ) при наличии объекта насилия без вреда здоровью, но с отягчающими обстоятельствами.

---

[1] Краткая характеристика состояния преступности в Рос. Федерации за январь - декабрь 2025 года [Электронный ресурс]. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/77848182/ (дата обращения: 26.01.2026 г).

[2] Судебная статистка РФ [Электронный ресурс]. URL: https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения: 26.01.2026 г).

1. Словарь русского языка С. И. Ожегова [Электронный ресурс]. URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=21265/. (дата обращения: 14.01.2026).
2. Курс В. Рыжова: Закон и порядок в России XVIII века // Жестокий век. Как менялись преступления и наказания от Петра I до Павла I [Электронный ресурс]. URL: https://arzamas.academy/materials/794 (дата обращения: 12.01.2026).
3. Боровиков В. Б. Вопросы квалификации насильственных преступлений // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 3. С. 108-111.
4. Бычков А. В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты декриминализации побоев // Пролог: журнал о праве. 2017. № 4. С. 17–21.
5. Иванов Д. А. Физический вред, причиненный преступлением: понятие и обеспечение его компенсации в уголовном судопроизводстве // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 3(26). С. 64-69.
6. Казакова В. А. Иные насильственные преступления против здоровья // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 5. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/inye-nasilstvennye-prestupleniya-protiv-zdorovya (дата обращения: 12.01.2026).
7. Матушкин П. А. Побои в структуре насильственной преступности // Вестник Академии права и управления. 2015. № 1(38). С. 76-81.
8. Ильяшенко А. Н. Потерпевший в механизме совершения насильственных преступлений в семье // Общество и право. 2012. № 3(40). С. 255-259.
9. 24 % от всех предварительно расследованных убийств совершены в семье [Электронный ресурс]. URL: https://tochno.st/materials/ot-vsex-predvaritelno-rassledovannyx-ubiistv-soverseny-v-seme. (дата обращения: 13.01.2026).
10. Клещина Е. Н. Участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве : монография / Е. Н. Клещина, Д. В. Шаров; Е. Н. Клещина, Д. В. Шаров. М.: Юрлитинформ, 2012. [Электронный ресурс]. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01005502992. (дата обращения: 13.01.2026).
11. Зверева Ю. Н. Доказывание характера и размера вреда, причиненного преступлением : дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. 204 с.
12. Малкин В. Р.Уголовно-правовая оценка причинения вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны или мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление: дис. ... канд. юрид. наук: СПб, 2025. 241 с.

1. Slovar` russkogo yazy`ka S. I. Ozhegova [E`lektronny`j resurs]. URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=21265/. (data obrashheniya: 14.01.2026).
2. Kurs V. Ry`zhova: Zakon i poryadok v Rossii XVIII veka // Zhestokij vek. Kak menyalis` prestupleniya i nakazaniya ot Petra I do Pavla I [E`lektronny`j resurs]. URL: https://arzamas.academy/materials/794 (data obrashheniya: 12.01.2026).
3. Borovikov V. B. Voprosy` kvalifikacii nasil`stvenny`x prestuplenij // Probely` v rossijskom zakonodatel`stve. 2014. № 3. S. 108-111.
4. By`chkov A. V. Ugolovno-pravovy`e i kriminologicheskie aspekty` dekriminalizacii poboev // Prolog: zhurnal o prave. 2017. № 4. S. 17–21.
5. Ivanov D. A. Fizicheskij vred, prichinenny`j prestupleniem: ponyatie i obespechenie ego kompensacii v ugolovnom sudoproizvodstve // Biblioteka kriminalista. Nauchny`j zhurnal. 2016. № 3(26). S. 64-69.
6. Kazakova V. A. Iny`e nasil`stvenny`e prestupleniya protiv zdorov`ya // Probely` v rossijskom zakonodatel`stve. 2018. № 5. [E`lektronny`j resurs]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/inye-nasilstvennye-prestupleniya-protiv-zdorovya (data obrashheniya: 12.01.2026).
7. Matushkin P. A. Poboi v strukture nasil`stvennoj prestupnosti // Vestnik Akademii prava i upravleniya. 2015. № 1(38). S. 76-81.

8. Il`yashenko A. N. Poterpevshij v mexanizme sovershheniya nasil`stvenny`x prestuplenij v sem`e // Obshhestvo i pravo. 2012. № 3(40). S. 255-259.
9. E`lektronny`j resurs. «24% ot vsex predvaritel`no rassledovanny`x ubijstv soversheny` v sem`e» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://tochno.st/materials/ot-vsex-predvaritelno-rassledovannyx-ubiistv-soverseny-v-seme. (data obrashheniya: 13.01.2026).
10. Kleshhina E. N. Uchastie poterpevshego v ugolovnom sudoproizvodstve : monografiya / E. N. Kleshhina, D. V. Sharov ; E. N. Kleshhina, D. V. Sharov. M.: Yurlitinform, 2012. [E`lektronny`j resurs]. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01005502992. (data obrashheniya: 13.01.2026).
11. Zvereva Yu. N. Dokazy`vanie xaraktera i razmera vreda, prichinennogo prestupleniem : dis. … kand. yurid. nauk. M., 2015. 204 s.
12. Malkin V. R.Ugolovno-pravovaya ocenka prichineniya vreda zdorov`yu pri prevy`shenii predelov neobxodimoj oborony` ili mer, neobxodimy`x dlya zaderzhaniya licza, sovershivshego prestuplenie: dis. ... kand. yurid. nauk: SPb, 2025. 241 s.

Информация об авторах

Светлана Анатольевна Вецкая. Доцент кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, доцент.
Краснодарский университет МВД России.
350005, Россия, г. Краснодар, Ярославская ул., 128.

Дмитрий Алексеевич Бадиков. Доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, кандидат юридических наук, доцент.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Svetlana An. Vetskaya. Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Candidate of Law, Associate Professor.
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
350005, Russia, Krasnodar, Yaroslavskaya Str., 128.

Dmitry Al. Badikov. Associate Professor of the Department of Criminology and Preliminary Investigation at the Department of Internal Affairs, Candidate of Law, Associate Professor.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 06.02.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.
The article was received in the editorial office on 06.02.2026; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научная статья
УДК 343.1

О ПРОБЛЕМАХ РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИЙ ОБВИНЕНИЯ И ЗАЩИТЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Воробей Светлана Николаевна
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина, Москва, Россия

Lab.kupp@msal.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с дисбалансом в объёме процессуальных прав стороны обвинения и защиты на стадии предварительного расследования, а также обосновывается необходимость выработки практических рекомендаций с целью выравнивания этих функций в следственной практике.

Ключевые слова: функции обвинения и защиты, уголовное судопроизводство, принцип состязательности, равноправие сторон, объем полномочий, сторона защиты, состязательная модель.

Для цитирования: Воробей С. Н. О проблемах реализации функции обвинения и защиты в уголовном процессе // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 212–219.

ON THE PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE FUNCTIONS OF PROSECUTION AND DEFENSE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Svetlana N. Vorobey
Moscow State Law University named after O.E. Kutafina, Moscow, Russia

Lab.kupp@msal.ru

Annotation. The article discusses problematic issues related to the imbalance in the scope of procedural rights of the prosecution and defense at the stage of preliminary investigation, and substantiates the need to develop practical recommendations in order to equalize these functions in investigative practice.

Keywords: functions of prosecution and defense, criminal proceedings, adversarial principle, equality of parties, scope of authority, defense, adversarial model.

For citation: Vorobey S. N. On the problems of implementing the functions of prosecution and defense in criminal proceedings // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2026. № 1(106). P. 212–219.

С позиции Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ[1] (далее – УПК РФ) функция обвинения возлагается на долж-

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу: прокурора, следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, орган дознания (п. 47 ст. 5 УПК РФ).

Осуществление уголовного преследования в отношении конкретных лиц предполагает предоставление этим лицам возможности защищаться от незаконного обвинения, судебных и следственных ошибок. Функции защиты согласно ч. 1 ст. 49 УПК РФ возложены на защитника (адвоката), который действует в интересах подозреваемого (обвиняемого), оказывает ему юридическую помощь по вопросам, связанным с производством по уголовному делу [1, с. 244].

С целью выявления проблем реализации функций обвинения и защиты в июне-июле 2025 года нами было проведено эмпирическое исследование, по результатам которого были выявлены ключевые практические риски, в числе которых: поздний допуск защитника в уголовный процесс; нарушения при получении электронных доказательств и необходимость обеспечения их соответствия нормам уголовно-процессуального законодательства – выработаны предложения по устранению этих рисков.

В науке уголовного процесса на сегодняшний день нет единой точки зрения по поводу того, что такое уголовно-процессуальная функция. При трактовке данного понятия существует несколько значимых научных точек зрения. Наиболее распространённая позиция повествует о том, что «отдельные виды и направления уголовно-процессуальной деятельности представляют собой уголовно-процессуальную функцию» [2, с. 15]. Особого внимания заслуживают подходы к пониманию уголовно-процессуальных функций сквозь призму их определения нормами права, а также выражения в определённых направлениях уголовно-процессуальной деятельности [3, 4, 5].

Функции защиты возложены на защитника (адвоката), который действует в интересах подозреваемого (обвиняемого), оказывает ему юридическую помощь по вопросам, связанным с производством по уголовному делу (ч. 1 ст. 49 УПК РФ). При этом защитник в обязательном порядке участвует в делах, касающихся определённых категорий граждан, перечисленных в статье 51 УПК РФ. Кроме того, участие защитника требуется для всех остальных лиц, за исключением тех, кто добровольно отказался от его услуг, при этом отказ должен быть осознанным и не обусловленным материальными проблемами [6, с. 12].

В научной литературе имеет место мнение, согласно которому адвокат должен предоставляться всем без исключения категориям граждан вне зависимости от того, отказались они от его помощи или нет. Так, с точки зрения В. Ю. Стельмах, которую мы поддерживаем, «только в этом случае можно будет говорить о соблюдении принципа равенства и об отсутствии предпосылок для ущемления прав и законных интересов обвиняемого (подозреваемого)» [6, с. 16].

Функция обвинения возлагается на должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, в том числе на следователя, основной процессуальной задачей которого является привлечение лица (подозреваемого) в качестве обвиняемого. Закон, в частности статья 171 УПК РФ, устанавливает, что основанием для вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого являются достаточные доказательства о причастности лица к совершению преступления. Однако полагаем, что закреплённое в УПК РФ определение процесса предъявления обвинения сформулировано нечётко. Так, процедуру по привлечению лица в качестве обвиняемого законодатель, по сути, ограничил предъявлением обвинения, в ходе которого первичное формальное заявление органа предварительного расследования о том, что имеются доста-

точные основания считать, что преступление совершило данное лицо.

В то же время привлечение лица в качестве обвиняемого состоит из нескольких этапов – начиная с изменения статуса подозреваемого на статус обвиняемого и заканчивая предъявлением обвинения, разъяснением обвиняемому его законных прав, проведением допроса, а в случае необходимости – внесением корректировок, которые могут расширить обвинение. Основываясь на вышесказанном, считаем логичным скорректировать ч. 1 ст. 171 УПК РФ, в которой следует более детально прописать все вышеуказанные элементы процедуры, которые являют собой законные основания предъявления обвинения и вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого.

Для выявления проблем, связанных с реализацией процессуальных функций обвинения и защиты, было проведено эмпирическое исследование (анкетирование)[1] в виде анонимного анкетирования с самозаполнением [7, с. 45].

В качестве респондентов выступили: следователи - 55,5 %, дознаватели – 22,2 %, оперативные сотрудники – 16,7 %, криминалисты – 5,6 %. По стажу четверть респондентов имеет опыт свыше 10 лет (25,0 %), ещё 27,8 % – 6–10 лет, 25,0 % – 3–5 лет, 22,2 % – до 3 лет.

Согласно данным опроса частота позднего допуска защитника остаётся значимой проблемой: 19 % респондентов сообщили о регулярных случаях, 42 % – «иногда». В сумме 61,1 % респондентов указали «часто» или «иногда», только 11,1 % не сталкивались. Это означает, что в значительной доле эпизодов первые процессуальные действия по ст. 91, 92, 189 УПК РФ происходят без фактического участия защитника. С точки зрения правоприменения это повышает риск споров о допустимости последующих показаний по п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ и требует строгой фиксации уведомлений и отказов.

Всё вышеизложенное указывает на риск нарушения баланса функций ещё в начале стадии предварительного расследования, когда формируются первичные доказательства и принимаются ключевые решения о мере пресечения. Нормативно статьи 49–50 УПК РФ предусматривают ранний допуск защитника, а ст. 75 УПК РФ прямо устанавливает недопустимость показаний подозреваемого, данных без защитника и не подтверждённых в суде. В практическом измерении это требует от следственных подразделений чётких регламентов уведомления защиты и корректной фиксации отказов/соглашений в протоколах, чтобы исключить споры о допустимости.

Продления сроков содержания под стражей демонстрируют ещё более жёсткий профиль: 61,1 % оценивают долю удовлетворения ходатайств свыше 90 %, 30,6 % – 70–90 %. Это согласуется с повседневной практикой реализации норм ст. 109 УПК РФ и фактически закрепляет режим изоляции до окончания предварительного расследования по делам повышенной сложности. Баланс функций обвинения и защиты в данном случае зависит от качества обоснования следствием и настойчивости защиты в доказывании разумности сроков и ненужности изоляции.

По ходатайствам о заключении под стражу 56 % респондентов указали на удовлетворение – «более 80 %», ещё 28 % опрашиваемых – «60–80 %». Для баланса функций это означает высокую вероятность изоляционной меры при наличии стандартного набора рисков из ст. 97 УПК РФ. В этой конфигурации у защиты наибольшие шансы при предоставлении развёрнутых сведений о личности, крепких социальных связях, со-

[1] При подготовке статьи было проведено анкетирование, в котором приняли участие 36 сотрудников следственных и оперативных подразделений СО ОП № 1 СУ УМВД России по г. Хабаровску, вовлеченных в досудебное производство по уголовным делам.

стоянии здоровья и готовности к альтернативам (домашний арест, запрет определённых действий, залог), что подтверждает следующая метрика.

Альтернативные меры применяются заметно реже: 53 % респондентов оценивают удовлетворение таких ходатайств как «менее 20 %», лишь 8 % видят удовлетворение «более 50 %». Это объясняется как практикой оценки рисков, так и тем, что в ряде дел оборот доказательств и тяжесть предъявленных составов склоняют суд при удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения к изоляции. С точки зрения реализации функции защиты эти данные оправдывают стратегию раннего сбора пакета «антирисков» и медицинских документов, а также активную работу по процессуальным гарантиям разумных сроков (ст.ст. 108, 109 УПК РФ).

Качество электронных доказательств, собранных по уголовному делу, согласно оценке сотрудников следственных и оперативных подразделений, вовлечённых в досудебное производство по уголовным делам, неоднородно: 38,9 % считают их достаточными, 47,2 % – требующими доработки в части процессуальной формы, 13,9 % – часто оспариваемыми. При этом 83,3 % в совокупности заявили, что привлекают специалистов и экспертов «часто» или «по необходимости». Это отражает усложнение доказательственного массива по делам с дистанционными способами совершения преступлений и подтверждает, что корректная процессуальная форма получения и проверки таких сведений (осмотры, выемки, запросы, экспертизы) становится ключом к допустимости.

Четверть выборки указывает на выявленные нарушения порядка получения электронных доказательств (22,2 % – «да»; ещё 30,6 % затруднились ответить). С точки зрения уголовного процесса подобные дефекты – риск признания доказательств недопустимыми по п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ. В практическом плане это требует разработки типовых алгоритмов копирования и описания цифровых следов, точной фиксации источников.

Согласно мнению опрошенных сотрудников СО ОП № 1 СУ УМВД России по г. Хабаровску, к отсутствию единообразия практики правоприменения электронных доказательств приводит неоднозначность процессуальной формы «электронного доказательства». Это связано с тем, что механизм образования электронных доказательств и известных всем «традиционных» вещественных доказательств и иных документов различен, но УПК РФ ввиду недостаточности правового регулирования «сводит их к единству, что на практике вызывает сложности единообразного правоприменения» [8, с. 14].

Так, согласно материалам уголовного дела, М., реализуя свой преступный умысел, с помощью сети Интернет осуществил заказ наркотического вещества, после чего, получив сведения о его местонахождении, попросил В. забрать данное наркотическое вещество, отправив ему через мобильное интернет-приложение *Telegram* на мобильный телефон сведения о местонахождении ранее купленного им наркотического вещества. В ходе расследования уголовного дела у В. был изъят мобильный телефон, на котором в ходе осмотра была обнаружена переписка в приложении *Telegram* между М. и В., признанная в качестве вещественного доказательства по данному уголовному делу[1]. В данном случае вещественным доказательством признана информация, содержащая сведения о преступлении, а не её носитель. Однако проблема заключается в том, что информация как таковая не может быть признана вещественным доказательством, поскольку не может сохранять следы преступления и по своему выражению не является предметом, отвечающим требованиям ст. 81 УПК РФ.

В другом случае в ходе расследования уголовного дела были получены детализации банковских переводов ПАО «Сбербанк» по картам Л. и Ж., которые были осмот-

[1] Уголовное дело по обвинению М. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ // Архив Дзержинского районного суда г. Оренбурга, 2023.

рены, после чего компакт-диск, содержащий указанные детализации, был признан в качестве вещественного доказательства по уголовному делу[1]. Отсюда следует, что в данном случае в качестве вещественного доказательства, напротив, был признан носитель электронной информации.

Как следует из представленных примеров, практика складывается противоречивым образом, в связи с чем большинство практикующих работников юристов (следователей, дознавателей, судей, адвокатов) вполне обоснованно заявляют об остро назревшей необходимости законодательной регламентации электронных доказательств, под которыми должна пониматься электронная информация доказательственного значения, а не её носитель. Исходя из этого, считаем необходимым закрепить правовую дефиницию «электронные доказательства» в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, дополнив её п. 4.1, содержащим указание на «электронные доказательства».

Сроки ознакомления защиты по ст. 217 УПК РФ, по оценке половины респондентов, «достаточны», но треть указывает на нехватку времени (что ведёт в дальнейшем к обвинению в затягивании процесса по ознакомлению с материалами уголовного дела). На практике это зависит от объёма дела, наличия аудио- и видеоприложений и возможности копирования. Для балансировки функций целесообразно планировать выдачу материалов по частям, обеспечивать помещения с техникой для копирования и фиксировать графики ознакомления, чтобы исключить обвинения в искусственном затягивании или, наоборот, в ограничении прав.

Несмотря на важность процессуальных прав адвоката, на этапе предварительного расследования они имеют определённые ограничения. Это обусловлено тем, что адвокат не может подать мотивированное ходатайство об исполнении требуемых следственных действий до завершения расследования, поскольку ему не предоставляется полный доступ ко всей собранной доказательственной базе [9, с. 127]. В результате ходатайства адвокат вынужден выдвигать уже во время судебного заседания. В связи с этим представляется справедливым мнение специалистов о необходимости пересмотреть нормы ст. 217 УПК РФ, регулирующие ознакомление защитника с материалами уголовного дела, с целью расширения перечня сведений и обеспечения максимально полного осуществления прав стороны защиты на этапе предварительного расследования [10, с. 14].

Возвраты дела прокурору по ст. 237 УПК РФ редки (55,6 % с ними не сталкивались; 36,1 % – 1–2 случая за год), но именно они сигнализируют о системных дефектах, указывают на стабильное процессуальное качество подготовки обвинительных заключений. Вместе с тем факт возвратов, пусть и эпизодический, обычно связан с пробелами в доказательственной базе или с нарушениями при получении доказательств, в том числе электронных. Для обеих функций это сигнал к превентивному контролю качества материалов и процессуальных форм на стадии окончания предварительного расследования. Как представляется, решить данную проблему можно путём проведения регулярного «процессуального аудита» перед направлением дела прокурору – чек-лист соответствия: полнота доказательств по каждому элементу состава, сопоставление квалификации и фактов, проверка допустимости электронных доказательств, обоснованность применения меры пресечения и её продления. Цель – удерживать долю возвратов ниже 5 % от направляемых дел и одновременно повышать качество вынесенных обвинительных приговоров.

[1] Уголовное дело по обвинению Ж. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 291.2 УК РФ // Архив Дзержинского районного суда г. Оренбурга, 2022.

Таким образом, на основе анализа норм УПК РФ, регулирующих функции обвинения и защиты, а также правоприменительной практики с учётом эмпирических данных обосновывается необходимость принятия следующих мер по совершенствованию норм УПК РФ, регулирующих функции обвинения и защиты в уголовном судопроизводстве:

1) конкретизация законодательного регулирования процедуры предъявления обвинения соответствующих оснований в ч. 1 ст. 171 УПК РФ, которую предлагается изложить в следующем виде: «При условии если собранные доказательства являются достаточными, убедительно подтверждают и адекватно отражают обстоятельства преступления, позволяют определить объём обвинения, исключают все возможности для опровержения наказуемости и общественной опасности совершённого деяния, уполномоченное лицо правоохранительных органов выносит постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого»;

2) закрепление права на предоставление защитника, регулируемое ст. 51 УПК РФ, за всеми обвиняемыми (подозреваемыми) вне зависимости от получения их согласия и иных обстоятельств. Полагаем, что закрепление данной формулировки в ст. 51 УПК РФ и исключение из неё ранее закреплённых нормативных положений искоренит избирательный подход законодателя к предоставлению защитника, а также обеспечит реализацию принципа равноправия сторон. Считаем, что частичное участие защитника в уголовном судопроизводстве, предусмотренное действующей редакцией ст. 51 УПК РФ, а также его поздний допуск в процесс нарушают права и законные интересы подозреваемых (обвиняемых);

3) внесение изменений в ст. 217 УПК РФ с целью расширения перечня сведений и обеспечения максимально полного осуществления прав стороны защиты на этапе предварительного расследования;

4) восполнение пробелов понятийно-категориального аппарата УПК РФ посредством внесения изменений в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, которую рекомендуется дополнить п. 4.1, содержащим наряду с регламентированными видами доказательств термин «электронные доказательства», под которым предлагается понимать «цифровую информацию, которая не может быть объективирована вне её носителя и соответствующего работающего программного обеспечения, составляющую любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определённом УПК РФ, устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела».

Данные меры направлены на выравнивание функций обвинения и защиты в следственной практике. Ожидаемый эффект внедрения предложенных мер: снижение доли «позднего допуска» защитника до показателя менее 30 %, рост применения альтернативных мер пресечения по преступлениям небольшой и средней тяжести – до 30–35 %, уменьшение спорных электронных доказательств на 10–15 п.п. Всё это в совокупности повышает реальную состязательность, укрепляет допустимость и достаточность доказательств и снижает риск процессуальных ошибок при сохранении скорости и качества расследования.

---

1. Трифонова К. А., Чаплыгина В. Н. Участие наравне с защитником лиц без статуса адвоката для оказания юридической помощи обвиняемому: критерии и механизм допуска в уголовном судопроизводстве // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 2(95). С. 242-250.
2. Иманалиева У. Э. Разделение процессуальных функций на досудебном

производстве как элемент (средство обеспечения) его состязательных начал // Российский следователь. 2022. № 7. С. 14-16.
3. Нажимов В. П. Об уголовно-процессуальных функциях // Правоведение. 1973. № 5. С. 73-75.
4. Проказин Д. Л., Чаплыгина В. Н. Уголовно-процессуальная функция следователя по УПК РФ: «болевые точки» реализации // В сборнике: Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. Сборник материалов Международной конференции к 60-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.В. Николюка. 2016. С. 290-293.
5. Шимановский В. В. К вопросу о процессуальной функции следователя в советском уголовном процессе // Правоведение. 1965. № 2. С. 175-177.
6. Стельмах В. Ю. Необходимость развития теоретических представлений об уголовно-процессуальных функциях // Российская юстиция. 2020. № 1. С. 11-12.

7. Мокий М. С. Методология научных исследований: учебник для магистратуры // М. С. Мокий, А. Л. Никифоров, В. С. Мокий. М.: Юрайт, 2019. С. 45-47.
8. Никурадзе Н. О. «Электронные доказательства» в уголовном процессе: о целесообразности правового регулирования // Журнал российского права. 2024. № 4. С. 14-16.
9. Хорьяков С. Н. Соотношение обвинения и защиты в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 2(24). С. 126-130.
10. Чеботарева И. Н. Процессуальное равенство сторон обвинения и защиты в уголовном судопроизводстве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 3. С. 14-16.

1. Trifonova K. A., Chaply`gina V. N. Uchastie naravne s zashhitnikom licz bez statusa advokata dlya okazaniya yuridicheskoj pomoshhi obvinyaemomu: kriterii i mexanizm dopuska v ugolovnom sudoproizvodstve // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2023. № 2(95). S. 242-250.
2. Imanalieva U. E`. Razdelenie processual`ny`x funkcij na dosudebnom proizvodstve kak e`lement (sredstvo obespecheniya) ego sostyazatel`ny`x nachal // Rossijskij sledovatel`. 2022. № 7. S. 14-16.
3. Nazhimov V. P. Ob ugolovno-processual`ny`x funkciyax // Pravovedenie. 1973. № 5. S. 73-75.
4. Prokazin D. L., Chaply`gina V. N. Ugolovno-processual`naya funkciya sledovatelya po UPK RF: «bolevy`e tochki» realizacii // V sbornike: Sovremennoe ugolovno-processual`noe pravo Rossii: uroki istorii i problemy` dal`nejshego reformirovaniya. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj konferencii k 60-letiyu doktora yuridicheskix nauk, professora, zasluzhennogo deyatelya nauki RF V.V. Nikolyuka. 2016. S. 290-293.
5. Shimanovskij V. V. K voprosu o processual`noj funkcii sledovatelya v sovetskom ugolovnom processe // Pravovedenie. 1965. № 2. S. 175-177.
6. Stel`max V. Yu. Neobxodimost` razvitiya teoreticheskix predstavlenij ob ugolovno-processual`ny`x funkciyax // Rossijskaya yusticiya. 2020. № 1. S. 11-12.
7. Mokij M. S. Metodologiya nauchny`x issledovanij: uchebnik dlya magistratury` // M. S. Mokij, A. L. Nikiforov, V. S. Mokij. M.: Yurajt, 2019. S. 45-47.
8. Nikuradze N. O. «E`lektronny`e dokazatel`stva» v ugolovnom processe: o

celesoobraznosti pravovogo regulirovaniya // Zhurnal rossijskogo prava. 2024. № 4. S. 14-16.
9. Xor`yakov S. N. Sootnoshenie obvineniya i zashhity` v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve // Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii. 2020. № 2(24). S. 126-130.
10. Chebotareva I. N. Processual`noe ravenstvo storon obvineniya i zashhity` v ugolovnom sudoproizvodstve // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2023. № 3. S. 14-16.

Информация об авторе

Светлана Николаевна Воробей. Доцент кафедры уголовно-процессуального права имени П. А. Лупинской, кандидат юридических наук, доцент.
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина.
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9.

Information about the author

Svetlana N. Vorobey. Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law named after P.A. Lupinskaya. Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.
Kutafin Moscow State Law University.
125993, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya Str., 9.

Статья поступила в редакцию 17.12.2025; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.
The article was received in the editorial office on 17.12.2025; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научная статья
УДК 343.12

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВЫМОГАТЕЛЬСТВО

Гришин Андрей Владимирович[1], Селютина Ольга Геннадьевна[2]
[1,2]Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орёл, Россия

[1]ronsove@bk.ru
[2]selitina-olja@rambler.ru

Аннотация. Рассматривается проблематика привлечения к уголовной ответственности за вымогательство. Говорится об особенностях преступления, определяется юридическая природа вымогательства, факторы, влияющие на правильную квалификацию деяния. Приведены наглядные примеры, анализируются централизованно опубликованная и местная судебная (следственная) практика по делам данной категории, высказываются практические рекомендации по разграничению смежных с вымогательством составов (ст. 179, 330 Уголовного кодекса РФ). Обосновывается целесообразность по дополнения статьи 163 УК РФ указанием на шантаж как еще один способ вымогательства, а также иные предложения в части совершенствования действующего законодательства.

Ключевые слова: преступление, вымогательство, деяние, уголовная ответственность, квалификация, УК РФ.

Для цитирования: Гришин А. В. Селютина О. Г. Некоторые вопросы уголовной ответственности за вымогательство // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 220–227.

SOME ISSUES OF CRIMINAL LIABILITY FOR EXTORTION

Andrey V. Grishin[1], Olga G. Selytina[2]
[1],[2]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

[1]ronsove@bk.ru
[2]selitina-olja@rambler.ru

Annotation. The article examines the problem of bringing to criminal responsibility for extortion. It discusses the specifics of the crime, defines the legal nature of extortion, and determines the factors influencing the correct qualification of the act. The article provides illustrative examples, analyzes the centrally published and local judicial (investigative) practice in cases of this category, and provides practical recommendations for distinguishing between related crimes (Articles 179 and 330 of the Criminal Code of the Russian Federation). The article also justifies the need to supplement Article 163 of the Criminal Code of the Russian Federation with a reference to blackmail as another method of extortion, as well as other suggestions for improving the current legislation.

Keywords: crime, extortion, act, criminal liability, qualification, Criminal Code of the Russian Federation.

For citation: Grishin A.V., Selytina O. G. Some issues of criminal liability for extortion // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova. 2026. № 1(106). P. 220–227.

Вымогательство - это серьезное преступление, которое представляет значительную угрозу для стабильного функционирования экономики страны и тормозит развитие предпринимательства. В современной юридической литературе активно обсуждается вопрос о том, когда именно в России появилась уголовная ответственность за это преступление. Существует две основные точки зрения по этому вопросу. Первая концепция представлена учеными, такими как К. Д. Николаев, Ю. А. Никитин, М. Ю. Рассказов и Г. Г. Чернобрисов. Они утверждают, что история вымогательства в России очень богата, и уголовная ответственность за него существовала практически на всех этапах развития нашего государства. Сторонники этого подхода полагают, что уголовные наказания за вымогательство присутствовали задолго до официального закрепления в законодательстве [1, с. 32].

Вторая концепция, поддерживаемая исследователями вроде В. В. Щербины и И. Л. Лобачевского, предполагает, что уголовная ответственность за вымогательство появилась относительно недавно. Они связывают ее возникновение с принятием в 1845 году Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, в котором были предусмотрены санкции за угрозы с целью вымогательства и принуждение к обязательствам [2, с. 5].

Каждый из этих подходов имеет свои основания для существования. Однако, более предпочтительным в этой дискуссии представляется мнение первой группы исследователей. Их утверждение основывается на том, что отсутствие прямых упоминаний о вымогательстве в правовых документах до 1845 года не означает, что данного преступления не существовало в более ранние периоды. В исторических документах можно выявить признаки того, что имелось неформальное уголовное преследование за действия, аналогичные вымогательству, даже если оно не было явно закреплено в законодательных актах [3, с. 191].

Вымогательство остается значимой проблемой в области уголовной политики, главным образом из-за сложностей, связанных с его квалификацией и размытостью границ с другими преступлениями. Кроме того, данный вид преступления часто остается скрытым, так как жертвы предпочитают не обращаться в полицию. Наибольший всплеск вымогательства пришелся на 1990-е годы, когда рэкет был распространенным методом давления с целью получения выгоды. Люди, подвергшиеся угрозам физической расправы, боялись заявлять о преступлении в правоохранительные органы [4, с. 196].

Современные вымогатели нацелены на получение материальных ценностей - это могут быть деньги, недвижимость, автомобили, банковские вклады, драгоценности или земельные участки. В отличие от прошлого века, когда жертвами чаще становились состоятельные люди и предприниматели, сегодня от вымогателей страдают представители среднего класса и даже люди с невысоким уровнем доходов, поскольку преступники теперь довольствуются более скромными суммами. Эти изменения отражают трансформацию самого преступления, которое все больше акцентируется на контроле над чужим имуществом всевозможными методами. Как преступление против собственности, вымогательство охватывает широкий спектр правонарушений. Оно касается не только захвата движимого или недвижимого имущества, но и любых видов имущественных выгод. Соответственно, под определение предмета преступного посягательства при вымогательстве попадает не только защищаемая законом собственность, но и иные имущественные и обязательственные права. Таким образом, важно правильно структурировать понимание предмета вымогательства. Уголовное законодательство расширяет защиту на широкий круг имущественных отношений. В литературе и на практике различают три основных вида предметов вымогательства: непосредственно имущество, права на него и действия имущественного характера. Это преступление характеризуется незаконным завладением имуществом, получением прав

на имущество или извлечением выгоды путем угроз или насилия. Игнорировать эту материальную составляющую вымогательства нельзя, так как она определяет его как преступление против собственности, отличая от преступлений, касающихся угроз жизни и здоровью граждан.

Общий объект вымогательства включает в себя все общественные отношения, которые находятся под защитой Уголовного кодекса Российской Федерации. Это значит, что вымогательство нарушает нормы и устои, которые регулируются уголовным законодательством в целом, направленным на охрану права и порядка в обществе.

Родовой объект вымогательства более узко сфокусирован на имущественных отношениях, которые касаются владения, использования и распоряжения имуществом. Подобные отношения формируют стержень, на котором базируется структура экономических и социальных взаимодействий.

Видовой объект еще более специфичен – это отношения, связанные непосредственно с собственностью [5, с. 283].

Поскольку вымогательство классифицируется как преступление против собственности, его основным непосредственным объектом выступают имущественные отношения. Преступники покушаются именно на них, пытаясь извлечь выгоду через давление и угрозы. Кроме имущественных аспектов, важно учитывать, что в процессе вымогательства преступники часто применяют психическое или физическое насилие. Поэтому дополнительным непосредственным объектом защиты становится жизнь и здоровье потерпевшего [6, с. 225].

Объективная сторона вымогательства состоит в действии, заключающемся в требовании, которое адресовано жертве и заключается в ожидании или даже в настоянии со стороны вымогателя на передаче имущества или иной материальной выгоды. Такое требование может быть выражено в различных формах - устной, письменной, через личное обращение или с помощью современных средств коммуникации, таких как телефонные звонки, сообщения в мессенджерах и т. д. Характер требования может варьироваться от грубого и властного до вежливого, но всегда подразумевает подчинение и выполнение условий, выгодных вымогателю.

Особенностью вымогательства является также способ его совершения. В данном случае основной метод воздействия на жертву - это угроза, которая представляет собой психологическую тактику, направленную на создание такого состояния, при котором потерпевший почувствует необходимость выполнить требование преступника. Угрозы могут быть прямыми и очевидными, либо косвенными и завуалированными, но в любом случае они вызывают у жертвы страх за свою безопасность или безопасность близких, а иногда и самого имущества[1].

В УК РФ (ст. 163) вымогательство определяется как «требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких»[2]. Однако, в этом определении отсутствует упоминание о шантаже как способе совершения данного преступления. Это является упущением законодательной базы, поскольку в других статьях УК РФ шантаж признан элементом состава преступления,

[1] О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Рос. Федерации): Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 17 декабря 2015 г. № 56 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2016. № 2.

[2] Уголовный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

например, в ст. 133 (понуждение к действиям сексуального характера) и ст. 302 (принуждение к даче показаний).

Шантаж и вымогательство нередко упоминаются как синонимы, но между данными терминами есть важные различия. Во-первых, шантаж можно классифицировать на разные виды, такие как коммерческий, эмоциональный, сексуальный и политический. Во-вторых, эти явления различаются непосредственным объектом посягательства: при вымогательстве объектом являются жизнь и здоровье потерпевшего или его близких, тогда как при шантаже - честь и достоинство личности. Также разнятся и способы осуществления преступления: при вымогательстве используется прямое насилие или его угроза, в то время как для шантажа характерна угроза распространения порочащих сведений.

Присутствие шантажа в сфере компьютерной информации представляет собой еще одну актуальную проблему [7, с. 275-278]. В современном мире компьютерные системы стали основным хранилищем конфиденциальной информации. В результате взлома аккаунтов в социальных сетях злоумышленники могут шантажировать жертв, угрожая разглашением информации из личных фотографий или переписок, что указывает на уязвимость информационного пространства, и защита таких данных становится приоритетом для развитых стран [8, с. 144]. Таким образом, считаем целесообразной законодательную инициативу по дополнению ст. 163 УК РФ указанием на шантаж как еще один способ вымогательства. Считаем, что такое добавление уточнило бы правоприменительную практику и придало бы более комплексный характер. Сказанное позволяет нам сформулировать способы совершения вымогательства, совершаемые путем конкретных угроз в адрес потерпевшего:

1. Угроза причинения вреда здоровью или жизни: преступник может угрожать нанести физический вред или даже покушение на жизнь жертвы в будущем, если его требования не будут выполнены. Такая угроза обычно направлена на перспективу, то есть преступник говорит о намерении причинить вред позже. Однако, в некоторых случаях угроза может быть актуальной и предполагать немедленные действия в случае отказа исполнить требования.

2. Угроза разглашения позорящих сведений: шантаж, когда злоумышленник использует компрометирующие сведения против жертвы, требуя что-то взамен.

В российском законодательстве по ст. 163 УК РФ может указываться угроза разглашения сведений, которые потенциально могут навредить интересам жертвы или ее близких. Важно, чтобы такие сведения были реально позорящими или компрометирующими, и могли бы повлиять на репутацию жертвы, если они станут известны другим людям.

3. Угрозы не обязательно касаются только самого потерпевшего, они могут быть направлены и на его близких и родственников. В этом случае они рассчитаны на то, что жертва исполнит требования, опасаясь за безопасность и благополучие своих близких.

4. Угроза уничтожения или повреждения имущества потерпевшего. Подобные угрозы также направлены в будущее и служат средством давления для выполнения требований [9, с. 84].

Таким образом, вымогательство может осуществляться различными способами, используя как физические угрозы, так и воздействие на репутацию, здоровье или имущество жертвы и ее родственников и близких.

Субъектом преступления может быть вменяемое физическое лицо, достигшее 14 лет [5, с. 284].

При совершении вымогательства преступник действует с ясной и обдуманной целью. Он осознает, что его действия противозаконны, и понимает, что они могут нанести материальный ущерб владельцу имущества, т. е. приведут к последствиям, и именно этого он добивается.

Злоумышленник также осознает характер своих угроз, будь то физическое насилие, уничтожение или повреждение имущества, либо шантаж. Он осознанно использует эти угрозы, чтобы заставить жертву передать имущество или права на него [10, с. 480-481]. Основной мотив вымогателя - личная выгода. Это корыстное намерение - важнейшая характеристика вымогательства. Оно отражает желание преступника использовать чужие ресурсы в своих интересах, нарушая законы и нормы общественного порядка. Подобное поведение подчеркивает моральное и социальное искажение личности преступника, который стремится получить материальную выгоду нечестным путем[1]. Цель вымогательства заключается в удовлетворении материальных потребностей злоумышленника. Она проявляется через требования о передаче имущества или выполнения конкретных действий имущественного характера. При анализе действий вымогателя необходимо учитывать, каким образом он добивается своих целей и какие именно действия он предпринимает для изъятия предмета преступления. Злоумышленник осознает, что его действия могут причинить серьезный ущерб жертве, и добивается именно этого результата, несмотря на его общественно опасные последствия. Таким образом, для квалификации вымогательства как преступления ключевым является наличие корыстного мотива и ясного намерения нанести ущерб владельцу имущества [10, с. 484]. Таким образом, в широком смысле вымогательство затрагивает всю систему общественных отношений, которая защищается УК РФ. Родовой объект вымогательства - это имущественные отношения. Видовой объект - это отношения собственности, которые нарушаются посредством угроз или насилия. Непосредственный объект вымогательства связан с имущественными отношениями жертвы, которые преступник пытается изменить в свою пользу. Дополнительно вымогательство может касаться личности потерпевшего, включая его здоровье, личную неприкосновенность, честь и достоинство, а также другие законные права и интересы. С точки зрения объективной стороны, вымогательство характеризуется действием - требованием, которое предъявляет преступник. Оно может быть выражено через применение физического насилия к жертве или ее близким, уничтожение или повреждение имущества или через шантаж. Шантаж может включать угрозы распространения порочащих сведений о жертве или ее близких, а также другие действия, которые могут существенно навредить правам и законным интересам потерпевшего. Субъективная сторона вымогательства - это наличие у преступника прямого умысла и корыстной цели. Это означает, что преступник осознанно стремится извлечь материальную выгоду за счет своих незаконных действий. Субъектом, который совершает преступление, может стать любое вменяемое лицо, то есть тот, кто полностью осознает свои действия, достигший возраста 14 лет.

Отметим основные различия между вымогательством и самоуправством.

По непосредственному объекту:

– вымогательство: общественные отношения, связанные с правом лица свободно распоряжаться имуществом. Вымогательство направлено на посягательство на эту свободу.

– самоуправство: общественные отношения, поддерживающие порядок управления и функционирования общества.

Предмет посягательства:

– вымогательство: в этом случае лицо требует передать имущество или права на него, которые ему не принадлежат.

[1] Комментарий к Уголовному кодексу Рос. Федерации [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

– самоуправство: субъект может быть убежден (даже ошибочно) в том, что имущество принадлежит ему, и стремится его вернуть [11, с. 211].

Использование насилия и угроз:

– вымогательство: обязательно сопровождается угрозами или насилием для достижения цели. Это может быть угроза применения физического насилия, уничтожения имущества, или распространения позорящих сведений.

– самоуправство: простое самоуправство не предусматривает насилия. Однако квалифицированное может включать насилие или угрозу его применения [12, с. 37].

По типу состава преступления:

– вымогательство: состав преступления в данном случае является формальным. Это означает, что вымогательство считается завершенным в момент предъявления требования, которое обязательно сопровождается угрозами. Таким образом для признания деяния оконченным не требуется, чтобы жертва реально передала какое-либо имущество или совершила иное действие под давлением угроз.

– самоуправство: состав преступления является материальным. Это значит, что преступление будет считаться оконченным только при наступлении конкретных последствий - в частности, если действия обвиняемого привели к причинению значительного вреда. Тут факт простого намерения недостаточен для квалификации деяния как завершенного преступления.

По субъективной стороне:

– вымогательство: совершается с прямым умыслом. Лицо осознает, что не имеет законных прав на имущество, которого требует, и его действия корыстно мотивированы. Вымогатель стремится получить от пострадавшего имущество, права на него или добиться других имущественных выгод безвозмездно.

– самоуправство: также совершается умышленно, но корыстная мотивация зачастую отсутствует. Здесь лицо может считать свои действия оправданными, например, в случаях, когда оно считает, что возвращает себе якобы свое имущество. Однако при этом нарушаются законные процессы, и происходит самовольное решение споров, которые следовало бы решать законными методами.

Таким образом, ключевые отличия между этими составами преступлений заключаются в моменте окончания преступного деяния и его мотивации. Вымогательство заканчивается с первого требования под угрозой, независимо от фактического результата, и имеет ярко выраженную корыстную природу. В то время как самоуправство требует фактического нанесения вреда и не всегда направлено на получение выгоды. Подводя итоги, можно отметить, что вымогательство - серьезное преступление, которое мешает нормальному функционированию экономики и препятствует развитию малого и среднего бизнеса. Оно подразумевает незаконные действия, направленные на завладение имуществом, получением права на имущество или извлечение имущественных выгод, сопровождающиеся угрозами или насилием. Одной из самых сложных задач в процессе расследования и судебного разбирательства является правильное разграничение вымогательства от других преступлений, таких, например, как самоуправство (ст. 330 УК РФ). Понимание и знание критериев, выявленных в результате сравнительного анализа этих преступлений, поможет избежать ошибок при квалификации действий обвиняемых в подобных общественно опасных деяниях. Данные критерии основываются на точных объективных и субъективных признаках каждого преступления, что позволяет более четко определять их различия.

---

1. Николаев К. Д., Никитин Ю. А. Уголовно-правовое противодействие вымогательству: история, современность, перспективы совершенствования. М.: Юрлитинформ, 2018. 126 с.

2. Перов И. Ф., Павлухин А. Н., Руденко А. С., Эриашвили Н.Д. Уголовная ответственность за вымогательство. М.: ПрисвЮНИТИ: Закон и право, 2019. 57 с.
3. Ершова А. Д. Историко-правовые аспекты становления уголовной ответственности за вымогательство в России до 1845 года // Проблемы защиты прав: история и современность: материалы XVI Международной научно-практической конференции. СПб., 2022. С. 190-191.
4. Капля Е. И. Проблемные вопросы привлечения к ответственности по ст. 163 УК РФ // в сб. статей XXXVI международной научно-практической конференции. М., 2021. 196 с.
5. Жолумбаев М. К., Копенов А. Ж. Проблемы ответственности за вымогательство // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития: сб. материалов IX Межд. науч.-практ.конф. 2018. С. 283- 284.
6. Минакова А. С., Ратникова Н. Д. Уголовно-правовой анализ объективных признаков состава вымогательство // Теория и практика обеспечения законности и правопорядка в современном обществе: материалы III Всероссийской студенческой конференции. Министерство сельского хозяйства РФ; Воронежский государственный аграрный университет имени Императора Петра I, 2018. 225 с.
7. Амелькина Н. А., Букалерова Л.А. Шантаж как способ вымогательства // Молодой ученый. 2019. № 20 (258). С. 275-278.
8. Нигамаева А. Р. Шантаж как способ вымогательства // Актуальные вопросы современных исследований: материалы Международной (заочной) научно-практической конференции. Под общей редакцией А.И. Вострецова, 2020. 144 с.
9. Рамазанова С. Ш. Вымогательство в системе преступлений по уголовному праву РФ // Проблемы совершенствования законодательства: сб. научных статей студентов юридического факультета. Махачкала, 2019. 84 с.
10. Минакова А. С., Ратникова Н. Д. Особенности субъективных признаков состава вымогательство // Молодежный вектор развития аграрной науки: материалы 70-й научной студенческой конференции, 2019. С. 480-484.
11. Соколова О. В. Самоуправство: уголовно-правовая характеристика: учеб. пособие. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2014. 211 с.
12. Пермяков М. В., Зацепин М. Н. Уголовно-правовая характеристика вымогательства. Учебное пособие. Екатеринбург: Ажур, 2017. 37 с.

1. Nikolaev K. D., Nikitin Yu. A. Ugolovno-pravovoe protivodejstvie vy`mogatel`stvu: istoriya, sovremennost`, perspektivy` sovershenstvovaniya. M.: Yurlitinform, 2018. 126 s.
2. Perov I. F., Pavluxin A. N., Rudenko A. S., E`riashvili N.D. Ugolovnaya otvetstvennost` za vy`mogatel`stvo. M.: PrisvYuNITI: Zakon i pravo, 2019. 57 s.
3. Ershova A. D. Istoriko-pravovy`e aspekty` stanovleniya ugolovnoj otvetstvennosti za vy`mogatel`stvo v Rossii do 1845 goda // Problemy` zashhity` prav: istoriya i sovremennost`: materialy` XVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. SPb., 2022. S. 190-191.
4. Kaplya E. I. Problemny`e voprosy` privlecheniya k otvetstvennosti po st. 163 UK RF // v sb. statej XXXVI mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. M., 2021. 196 s.
5. Zholumbaev M. K., Kopenov A. Zh. Problemy` otvetstvennosti za vy`mogatel`stvo // Nauka, obrazovanie, obshhestvo: tendencii i perspektivy` razvitiya: sb. materialov IX Mezhd. nauch.-prakt.konf. 2018. S. 283- 284.
6. Minakova A. S., Ratnikova N. D. Ugolovno-pravovoj analiz ob``ektivny`x priznakov sostava vy`mogatel`stvo // Teoriya i praktika obespecheniya zakonnosti i pravoporyadka v sovremennom obshhestve: materialy` III Vserossijskoj studencheskoj konferencii. Ministerstvo sel`skogo xozyajstva RF; Voronezhskij gosudarstvenny`j agrarny`j universitet imeni Imperatora Petra I, 2018. 225 s.

7. Amel`kina N. A., Bukalerova L.A. Shantazh kak sposob vy`mogatel`stva // Molodoj ucheny`j. 2019. № 20 (258). S. 275-278.
8. Nigamaeva A. R. Shantazh kak sposob vy`mogatel`stva // Aktual`ny`e voprosy` sovremenny`x issledovanij: materialy` Mezhdunarodnoj (zaochnoj) nauchno-prakticheskoj konferencii. Pod obshhej redakciej A.I. Vostreczova, 2020. 144 s.
9. Ramazanova S. Sh. Vy`mogatel`stvo v sisteme prestuplenij po ugolovnomu pravu RF // Problemy` sovershenstvovaniya zakonodatel`stva: sb. nauchny`x statej studentov yuridicheskogo fakul`teta. Maxachkala, 2019. 84 s.
10. Minakova A. S., Ratnikova N. D. Osobennosti sub``ektivny`x priznakov sostava vy`mogatel`stvo // Molodezhny`j vektor razvitiya agrarnoj nauki: materialy` 70-j nauchnoj studencheskoj konferencii, 2019. S. 480-484.
11. Sokolova O. V. Samoupravstvo: ugolovno-pravovaya xarakteristika: ucheb. posobie. Ivanovo: Ivan. gos. un-t, 2014. 211 s.
12. Permyakov M. V., Zacepin M. N. Ugolovno-pravovaya xarakteristika vy`mogatel`stva. Uchebnoe posobie. Ekaterinburg: Azhur, 2017. 37 s.

Информация об авторах

Андрей Владимирович Гришин. Профессор кафедры уголовного права и криминологии, кандидат юридических наук, доцент.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Ольга Геннадьевна Селютина. Старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, кандидат экономических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the authors

Andrey V. Grishin. Professor of the Department of Criminal Law and Criminology. Candidate of sciences (Law), Associate Professor.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Olga G. Selytina. Senior Lecturer at the Department of Civil Law Disciplines. Candidate of Economic Sciences.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 16.02.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.
The article was received in the editorial office on 16.02.2026; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научная статья
УДК 342.95

ХАРАКТЕРИСТИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ СОВЕРШЕНИЯ КРИПТОМОШЕННИЧЕСТВА

Ишин Иван Анатольевич[1], Баринова Елена Дмитриевна[2]
[1]Академия управления МВД России, Москва, Россия
[2]Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, Калининград, Россия

[1]ivan956@rambler.ru
[2]elena.barinova.1998@mail.ru

Аннотация. В статье поднимается проблема роста криптомошенничеств и отсутствие единой практики расследования уголовных дел по таким преступлениям. Проанализирован зарубежный и отечественный опыты правового регулирования оборота цифровых финансовых активов. Рассмотрены наиболее распространенные способы совершения криптомошенничеств и приведена подробная характеристика технологий психологического воздействия на потерпевших. Выделены признаки идентификации мошеннических каналов и сайтов связанных с криптоинвестициями. По итогам исследования сделан обоснованный вывод о необходимости формирования специализированных подразделений по расследованию криптомошенничеств внутри существующих структур по противодействию (борьбе) киберпреступности.

Ключевые слова: информационные технологии, цифровые финансовые активы, правовое регулирование, криптомошенничество, способы совершения киберпреступлений, технологии психологического воздействия.

Для цитирования: Ишин И. А., Баринова Е. Д. Характеристика психологических аспектов совершения криптомошенничества // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 228–234.

CHARACTERISTICS OF PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF COMMITTING CRYPTO FRAUD

Ivan An. Ishin[1], Elena D. Barinova[2]
[1]Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia
[2]Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, Kaliningrad, Russia

[1]ivan956@rambler.ru
[2]elena.barinova.1998@mail.ru

Annotation. The article raises the problem of the growth of crypto-frauds and the lack of a unified practice of investigating criminal cases of such crimes. The foreign and domestic experiences of legal regulation of the turnover of digital financial assets are analyzed.

The most common ways of committing crypto-frauds are considered and a detailed description of the technologies of psychological impact on victims is given. The signs of identification of fraudulent channels and sites related to crypto investments are highlighted. Based on the results of the study, a reasonable conclusion was made about the need to form specialized units to investigate crypto fraud within existing structures to counter (combat) cybercrime.

Keywords: information technology, digital financial assets, legal regulation, crypto fraud, methods of committing cybercrimes, psychological impact technologies.

For citation: Ishin I. A., Barinova E. D. Characteristics of the psychological aspects of Committing Crypto fraud // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2026. № 1(106). P. 228–234.

Развитие информационных технологий приводит к глобальным изменениям на национальном и международном уровнях. Формирование цифрового пространства приводит к ускоренному развитию как внутренней, так и внешней экономической деятельности государства. Многие страны идут по пути цифровизации экономической деятельности и отражают данные процессы в правовых механизмах регулирования. В качестве примера: в 2017 г. в Великобритании принят Закон «О цифровой экономике», в котором на правовом уровне были урегулированы отношения гражданско-правовой природы в сфере интеллектуальной собственности, авторских прав и гражданского взаимодействия. Данный закон подвергся глубокому научному анализу и по мнению В. В. Новикова и Е. А. Иерусалимской преследует следующие задачи правового регулирования:

- правовое регулирование в среде предоставления услуг разного рода;
- пресечение размещения незаконного контента;
- защита интеллектуальной собственности [1, с. 34-36].

Во Франции основной нормативной базой для развития цифровой экономики на государственном уровне выступает Закон «О доверии к цифровой экономике». Данный закон регулирует правоотношения по предоставлению технических услуг и коммуникаций. Что же касается США, то там на государственном уровне активно поддерживается уход экономической деятельности в цифровое пространство. Для этого созданы все необходимые условия в виде различных консультативных и координационных органов по направлению цифрового развития (2015 г. создана Лидерская группа по цифровой экономике для выработки политики в области Интернета; 2016 г. создан Цифровой консультативный совет для проведения аналитической работы в области экономического роста и расширения цифрового пространства).

В Российской Федерации под влиянием мирового тренда цифровизации, выступающего объективной закономерностью развития информационного общества, были приняты ряд нормативных установлений, закладывающих основы формирования цифрового экономического пространства. В 2017 г. Правительством Российской Федерации было выпущено постановление об утверждении программы «Цифровая экономика РФ»[1]. В данной программе освещены ключевые направления развития цифровой экономики, цели и предстоящие решению задачи. В 2020 г. был принят Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении

[1] Постановление Правительства РФ «Цифровая экономика» http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf (дата обращения: 16.02.2026)

изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[1]. В данном нормативно-правовом акте сформулированы основные понятия, порядок учета и обращения цифровых финансовых активов, предмет правового регулирования и т. д. Краткого анализа законодательной базы некоторых иностранных государств и Российской Федерации достаточно для вывода о их выходе на новый уровень экономического развития - цифровой. Вместе с тем популяризация цифровых финансовых активов не только положительно сказывается на экономиках государств-внедрение в экономические процессы новейших цифровых технологий, что оптимизирует ее конкурентноспособность и технологичность, но и имеет обратную - негативную черту. Криминальная среда активно использует цифровые финансовые активы для достижения противоправных целей и сохранности анонимности личности преступников [2, с. 55-58].

Криптовалюта как разновидность цифрового актива для обозначенного целевого назначение является наиболее подходящей. Об этом может свидетельствовать рост преступлений с использованием криптовалюты (основной рост приходится на сегмент преступлений против собственности, совершаемых в виртуальном пространстве, и ежегодно увеличивается в среднем на 300 %) [3, с. 15-21], который заставил научное сообщество задуматься о выделении наравне с другими преступлениями новой разновидности – криптопреступления [4, с. 82-85]. Более того в научной литературе предпринимаются попытки разработки научной дефиниции понятия «криптопреступления».

А. А. Дедковский криптопреступления определяет в качестве общественно опасных деяний, в ходе совершения которых в качестве предмета преступного посягательства, средства совершения или сокрытия преступления выступают криптоактивы (криптовалюта, крипто-облигации иные формы цифровых финансовых активов) [5, с. 85-86].

Ю. П. Гармаев и Г. П. Осипов предложили авторское определение криптопреступлений, под которыми понимаются - запрещенные уголовным законом общественно опасные деяния, где криптовалюта является либо предметом преступной деятельности, либо средством, орудием преступления, целью злоумышленников [6, с. 673]. Из анализируемых понятий видно, что авторы придерживаются тождественных позиций и рассматривают криптовалюту либо как средство, либо как предмет совершения преступления.

В статье особое внимание акцентируется на такой разновидности имущественных преступлений с использованием криптовалюты как мошенничество. Выбор аргументируется тем, что среди всех имущественных преступлений мошенничество занимает лидирующие позиции, а появление цифровых финансовых активов и анонимность проводимых транзакций привлекло внимание мошенников к их неправомерному завладению.

Анонимность транзакций с использованием криптовалюты заключается в ее децентрализованном характере. Если все транзакции с денежными средствами обеспечивает одна кредитная организация, в которой открыт банковский счет клиента, то в случае с криптовалютой «единый центр отсутствует, процесс выпуска, распределения и обмена организуют сами пользователи» [7, с. 57], а все данные о проводимых транзакциях и криптокошельках хранятся в блокчейне.

[1] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В сложившихся условиях у банков, налоговых и правоохранительных органов отсутствуют рычаги воздействия на проводимые с криптовалютными активами операции.

В статье предлагается при рассмотрении мошенничества с использованием криптовалюты сместить акцент на способы его совершения и психологическую характеристику таких способов. Способы совершения криптомошенничества и их психологическая характеристика:

1) создание поддельных сайтов и приложений. Данный способ совершения криптомошенничества заключается в создании мошеннических сайтов и приложений, копирующих интерфейс реальной критовалютной платформы, на которой торгует инвестор. Задача мошенника заставить жертву перейти на такой поддельный сайт и ввести при входе данные учетной записи, которые открывают доступ к криптокошельку. Мошенники могут действовать от лица службы поддержки криптовалютной платформы и выходить на связь при обращении в чат поддержку.

2) создание фальшивых обменных пунктов. Через обменные пункты владелец криптовалюты может обменять ее по выгодному курсу на рубли. Мошенники пользуются таким распространенным способом заработка, создают фальшивые обменные пункты, на которых криптовалюта, отправленная жертвой для конвертации ее в рубли, становится подконтрольна злоумышленникам.

3) создание криптопирамиды. Мошенники создают каналы в популярных социальных сетях и мессенджерах и выдают себя за квалифицированных инвесторов, рекламируя преимущества инвестирования в криптовалютные активы без высоких рисков и с высокой доходностью.

Привлекательность таких каналов обеспечивается обещаниями быстрого заработка и доступностью криптоинвестиций для лиц, не обладающих специальными знаниями в инвестиционной области. Для создания иллюзорных представлений о надежности публикуемого на канале контента мошенники выкладывают фальшивые отчеты о доходности и положительные отзывы от лица их клиентов.

Мошенническая схема взаимодействия с потенциальным инвестором строится на том, что за него анализ текущего состояния криптовалютного рынка проводят лже-специалисты и предоставляют ему пошаговые инструкции вложения в выгодные криптовалютные активы, которые именуют как «полезные сигналы».

Для привлечения большого количества инвесторов и увеличения оборотных денежных средств в криптопирамиде на начальных этапах мошенники могут осуществлять выплаты жертвам под видом доходов от криптоинвестиций.

Показательным примером такой криптопирамиды в России выступала финансовая компания *Finiko*. Деятельность компании выстраивалась на привлечении инвестиций в биткойн или *Tether* с доходностью свыше 30 %. В результате обещаний выгодных криптоинвестиций «за 19-месячный период компания обманула инвесторов в России на сумму более 1,5 млрд долларов» [8, с. 6].

Помимо описания способов совершения криптомошенничества важным аспектом в рассматриваемом вопросе выступает их психологическая составляющая, поскольку их практическое применение всегда предполагает установление контакта с потенциальной жертвой преступления.

Из анализа научной литературы можно выделить следующие технологии психологического воздействия:

1) криптомошенники при вступлении в контакт с жертвой создают условия дефицита времени для анализа возможных вариантов решений и принятия одного из них. Как правило искусственно создается стрессовая ситуация, в которой значитель-

но снижается бдительность и аналитические способности, а мошенник в это время под видом оказания помощи подталкивает жертву к принятию нужного для него решения. Технологией создания условий нехватки времени выступает спешка, демонстрируемая со стороны мошенника нервозность, описание негативных последствий, которые могут наступить в отсутствии принятого решения.

2) фейковая (выдуманная) информация, выкладываемая на мошеннических каналах по криптоинвестициям. Контентом таких каналов выступают поддельные отчеты о высокой доходности от криптоинвестиций, создаются ложная статистика и графики прогнозирования роста криптоактивов. Особенно должны насторожить обещание высокой ежемесячной доходности на уровне 50 % и выше. Распознать такие мошеннические каналы и сайты можно сопоставив количество подписчиков и количество просмотров публикаций. Если количество подписчиков в десятки раз превышает просмотры контента либо наоборот, стоит насторожится, поскольку, с большей вероятностью, владелец канала использует специальные сервисы накрутки для придания ему видимости востребованности среди инвесторов. Контент канала носит преимущественно рекламный характер и содержит в открытом доступе мало полезной информации, а для ее получения необходимо подписаться на закрытый канал и заплатить первоначальный взнос.

3) криптоджекинг или по-другому скрытый майнинг криптовалюты. Суть данной технологии заключается в установлении вредоносных программ на электронные устройства (компьютер или мобильный телефон), которые используют их вычислительные мощности для добычи криптовалюты. Данный процесс носит латентный характер, и, как правило, владелец не знает о том, что его устройство подверглось криптоджекингу. Распознать неправомерный доступ возможно по ряду признаков, которые связаны с энергоемким процессом майнинга – снижение скорости работы компьютера и перегруженные ядра процессора; мобильное устройство разряжается значительно быстрее.

Рост популярности цифровых финансовых активов и стремление перейти на пассивные источники заработка выступают благоприятной средой для совершения криптомошеннических действий, а достижения в сфере цифровых технологий позволяют улучшать способы совершения и сокрытия следов рассматриваемого преступления. В трудоемких условиях формирования практики расследования криптомошенничества необходимо перенимать международный опыт борьбы с рассматриваемой категорией преступления.

В качестве положительной тенденции в направлении борьбы с криптомошенничествами выступало бы создание специализированных подразделений внутри существующих структур по борьбе с киберпреступностью. Представляется, что отсутствие унифицированной практики расследования криптомошенничеств является лишь вопросом времени и правоохранительные органы находятся на пути решения данной многоаспектной задачи.

---

1. Гайда А. С. Анализ рисков операций с криптовалютами // ЭГО: Экономика. Государство. Общество. 2023. № 4 (53). С. 4-9.
2. Гармаев Ю. П., Осипов Г. П. Привлечение специалиста для исследования криптовалют в уголовном, гражданском и арбитражном судопроизводствах // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2024. Т. 28. № 3. С. 669-684.
3. Дедковский А. А. Криптопреступление: понятие, виды, характеристика отдельных компонентов // Тактика и методика расследования преступлений: теория,

практика, инновации. Материалы круглого стола с международным участием. Минск, 2024. С. 84-91.
4. Иерусалимская Е. А., Новиков В. В. Зарубежный опыт организации правового регулирования отношений, возникающих в связи с развитием цифрового гражданского оборота // Вестник магистратуры. 2022. № 9(132). С. 34-36.
5. Ишин И. А. Выявление электронно-цифровых следов при раскрытии преступлений в сфере незаконного оборота полудрагоценных камней // Актуальные проблемы современного российского государства и права : Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции, Калининград, 20 мая 2022 года. Калининград: СПб университет МВД РФ, 2022. С. 55-58.
6. Ишин И. А. Особенности производства отдельных следственных действий и роль начальника органа дознания при расследовании преступлений, совершенных с использованием криптовалюты // Академическая мысль. 2020. № 2(11). С. 82-85.
7. Сидоренко Э. Л. Криптопреступность как новое криминологическое явление // Общество и право. 2018. № 2(64). С. 15-21.
8. Яджин Н. В. Понятие и психолого-криминалистическая сущность криптовалюты // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2022. № 2 (19). С. 56-62.

1. Gajda A. S. Analiz riskov operacij s kriptovalyutami // E`GO: E`konomika. Gosudarstvo. Obshhestvo. 2023. № 4 (53). S. 4-9.
2. Garmaev Yu. P., Osipov G. P. Privlechenie specialista dlya issledovaniya kriptovalyut v ugolovnom, grazhdanskom i arbitrazhnom sudoproizvodstvax // Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2024. T. 28. № 3. S. 669-684.
3. Dedkovskij A. A. Kriptoprestuplenie: ponyatie, vidy`, xarakteristika otdel`ny`x komponentov // Taktika i metodika rassledovaniya prestuplenij: teoriya, praktika, innovacii. Materialy` kruglogo stola s mezhdunarodny`m uchastiem. Minsk, 2024. S. 84-91.
4. Ierusalimskaya E. A., Novikov V. V. Zarubezhny`j opy`t organizacii pravovogo regulirovaniya otnoshenij, voznikayushhix v svyazi s razvitiem cifrovogo grazhdanskogo oborota // Vestnik magistratury`. 2022. № 9(132). S. 34-36.
5. Ishin I. A. Vy`yavlenie e`lektronno-cifrovy`x sledov pri raskry`tii prestuplenij v sfere nezakonnogo oborota poludragocenny`x kamnej // Aktual`ny`e problemy` sovremennogo rossijskogo gosudarstva i prava : Materialy` ezhegodnoj vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Kaliningrad, 20 maya 2022 goda. Kaliningrad: SPb universitet MVD RF, 2022. S. 55-58.
6. Ishin I. A. Osobennosti proizvodstva otdel`ny`x sledstvenny`x dejstvij i rol` nachal`nika organa doznaniya pri rassledovanii prestuplenij, sovershenny`x s ispol`zovaniem kriptovalyuty` // Akademicheskaya my`sl`. 2020. № 2(11). S. 82-85.
7. Sidorenko E`. L. Kriptoprestupnost` kak novoe kriminologicheskoe yavlenie // Obshhestvo i pravo. 2018. № 2(64). S. 15-21.
8. Yadzhin N. V. Ponyatie i psixologo-kriminalisticheskaya sushhnost` kriptovalyuty` // Vestnik Tyumenskogo instituta povy`sheniya kvalifikacii sotrudnikov MVD Rossii. 2022. № 2 (19). S. 56-62.

Информация об авторах

Иван Анатольевич Ишин. Научный сотрудник научно-исследовательского центра. Академия управления МВД России.
125171, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

Елена Дмитриевна Баринова. Преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения ОВД.

Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России.

236006, г. Калининград, ул. Генерала Галицкого, 30.

Information about the authors

Ivan An. Ishin. Researcher at the Research Center.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

125171, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh Str., 8.

Elena D. Barinova. Lecturer at the Department of Administrative and Legal Disciplines and Information Support of the Interior Ministry.

Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russia.

236006, Kaliningrad, General Galitsky Str., 30.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 13.02.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.

The article was received in the editorial office on 13.02.2026; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
№ 1(106) 2026 г.
Научная статья
УДК 347.18

СПЕЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ О ПРИОСТАНОВЛЕНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В ОТНОШЕНИИ УЧАСТНИКОВ СВО: НОВЫЕ ПОДХОДЫ – «СТАРЫЕ» ПРОБЛЕМЫ

Калюжный Александр Николаевич[1], Чаплыгина Виктория Николаевна[2]
[1]Академия ФСО России, Орёл, Россия; Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орёл, Россия
[2]Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орёл, Россия

[1]kaluzniy-a-n@yandex.ru
[2]victory-75@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются изменения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, затрагивающие трансформацию института приостановления предварительного следствия; анализируются условия (предпосылки) для реализации положений п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ; аргументируется содержание приостановления предварительного расследования в отношении участников СВО как специальной нормы; обосновывается обязанность следователя и суда выносить соответствующее решение, при наличии закрепленных в законе оснований; выявляются имеющиеся проблемы правового регулирования в данной сфере и предлагаются отдельные пути их решения.

Ключевые слова: приостановление расследования, военная служба, ходатайство, суд, следователь, обвиняемый, подсудимый.

Для цитирования: Калюжный А. Н., Чаплыгина В. Н. Специальные нормы о приостановлении предварительного расследования в отношении участников СВО: новые подходы – «старые» проблемы // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 235–242.

SPECIAL PROVISIONS ON THE SUSPENSION OF PRELIMINARY INVESTIGATIONS IN RELATION TO PARTICIPANTS OF THE SVO: NEW APPROACHES – «OLD» PROBLEMS

Alexander N. Kalyuzhny[1], Victoriya N. Chaplygima[2]
[1]Academy of the FSO of Russia; Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia
[2]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

[1]kaluzniy-a-n@yandex.ru
[2]victory-75@yandex.ru

Annotation. This article examines changes to criminal and criminal procedure legislation affecting the transformation of the institution of suspension of preliminary investigation. It analyzes the conditions (prerequisites) for the implementation of the provisions of paragraph 3.1, Part 1, Article 208 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. It presents arguments for the suspension of preliminary investigations with respect to participants in the preliminary investigation as a special norm. It substantiates

the obligation of the investigator and the court to make an appropriate decision, given the grounds established by law. It identifies existing problems of legal regulation in this area and proposes specific solutions.

Keywords: suspension of investigation, military service, petition, court, investigator, accused, defendant.

For citation: Kalyuzhny A. N., Chaplygima V. N. Special provisions on the suspension of preliminary investigations in relation to participants of the SVO: new approaches – «old» problems // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2026. № 1(106). P. 235–242.

В настоящее время наблюдается нарастание нелинейности и неопределенности политических процессов, расширение односторонних действий США, деградация и подрыв авторитета международных политических институтов, конфронтация внутри Европейского союза, разрастание противоречий между участниками членами НАТО [1, с. 34]. Расширение геополитических амбиций Европейских государств, США и Великобритании, бесконтрольное расширение НАТО, насильственное изменение политической власти на Украине, предопределили проведение Россией специальной военной операции на территории сопредельного государства.

Кардинальные изменения, происходящие на мировой арене, не могли не затронуть трансформацию широкого спектра общественных отношений в Российской Федерации, применение новых подходов к преобразованию законодательства в уголовно-правовой и уголовно-процессуальной сфере, адаптируя их под реалии современной жизнедеятельности. Основополагающими нормативными правовыми актами, обусловившими динамику уголовного и уголовно-процессуального законодательства, выступили изменения положений Федерального закона «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации»[1] и корректировка норм Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»[2].

Внесенные изменения обусловили необходимость совершенствования институтов освобождения от уголовной ответственности, наказания и приостановления предварительного расследования, с учетом наработанной столетиями мировой практики привлечения осужденных к участию в боевых действиях, строительству масштабных объектов и т. п. [2, 3], а также преобразовавшихся ориентиров государства: потребностью в комплектовании личного состава подразделений, принимающих участие в боевых действиях. Реформирование указанных институтов затронуло лиц, привлекающийся к уголовной ответственности, предоставив им право заявления ходатайства на стадии предварительного расследования или судебного разрешения дела по существу, о прохождении военной службы в Вооруженных силах России по призыву или по контракту в период мобилизации, военного положения или в военное время.

Корректировка существующих положений уголовно-процессуального и уголовного законодательства кардинальным образом изменили действующие механизмы освобождения от уголовной ответственности и наказания, а также приостановления предварительного следствия в отношении предполагаемых участников специальной военной операции. Не останавливаясь на особенностях освобождения от уголовной ответственности и наказания, отметим, что образование регулятором новых правоотношений, основывалось на введении в действие ст. ст. 78.1, 80.2 УК РФ и корректиров-

[1] О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 9. Ст. 1014.
[2] О воинской обязанности и военной службе: Федер. закон Рос. Федерации от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 13. Ст. 1475.

ке ч. 1 ст. 208 УПК РФ1, при этом, субъектами, попавшими в поле деятельности уголовного и уголовно-процессуального законодательства, стали: подозреваемые и обвиняемые, в отношении которых осуществляется предварительное расследование; подсудимые, уголовные дела о преступлениях которых приняты к рассмотрению судом, а также осужденные, отбывающие наказание.

Исследуя трансформацию анализируемого законодательства, следует учитывать первичность норм материального права, содержащихся в положениях ст. ст. 78.1, 80.2 УК РФ по отношению к институту приостановления предварительного расследования, закрепленного в ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Как правило, материальные нормы уголовного законодательства устанавливают составы преступных деяний, отталкиваясь от наличия которых, процессуальные положения уголовно-процессуального законодательства содержат предписания по организации и производству предварительного расследования. В тоже время, взаимосвязанные конструкции ст. ст. 78.1, 80.2 УК РФ и ст. 208 УПК РФ образуют единый механизм приостановления предварительного следствия, поскольку содержат основания (условия, предпосылки), обусловливающие возможность применения одних норм, лишь при наличии других.

Модернизация института приостановления предварительного расследования нашла выражение в значительном изменении положений уголовно-процессуального законодательства, наиболее существенными среди которых в рамках предмета нашего исследования явились: введение законодателем п. 3.1 ч. 1 ст. 208, п. 5 ч. 1 и ч. 4 ст. 238 УПК РФ и дополнении ч. 3.1 ст. 253 УПК РФ. Тем самым, измененные приоритеты политики российского государства, сформировали возможность комплектования Вооруженных сил Российской Федерации лицами, привлекающихся к уголовной ответственности и отбывающими наказание за совершенные преступления, но с определенными ограничениями. Поскольку институт приостановления предварительного расследования был скорректирован для повышения эффективности комплектования Вооруженных сил Российской Федерации, введенные положения являются специальными по отношению к иным нормам (ст. 208 УПК РФ), а их действие ограничено определенными временными рамками и правовыми режимами.

Проведенный нами анализ взаимосвязанных положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства позволяет выделить следующие основания (условия, предпосылки) реализации специальных норм института приостановления предварительного расследования:

Во-первых, нововведения, произведенные регулятором в законодательство о военной службе, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство установили период времени, в течение которого возможно осуществлять призыв на военную службу или же ее прохождение по контракту: период мобилизации, военного положения или военное время. Указанные периоды подчеркивают их временный характер, предопределяя узкоспециализированную сферу регулирования общественных отношений.

Во-вторых, специализированный характер исследуемых норм предполагает возможность их применения к установленной законом категории субъектов: подозреваемые и обвиняемые, подсудимые и осужденные, при этом не все из них, а лишь та группа, которая не подпадает под перечень составов преступлений, установленных в ч. 1 ст. 78.1 УК РФ. Отсутствие подозрения, обвинения, осуждения по отдельным преступлениям против половой свободы и половой неприкосновенности личности, посягательствам экстремистского или террористического характера, деяниям, направленным против основ конституционного строя, безопасности государства и другим, предусмотрен-

[1] О внесении изменений в статью 78.1 Уголовного кодекса Рос. Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 2 октября 2024 г. № 340-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 41. Ст. 6065.

ным положениями ч. 1 ст. 78 УК РФ, является предпосылкой возможности применения п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Если же субъект преступления обвиняется в совершении предусмотренных ч. 1 ст. 78.1 УК РФ деяниях или уже отбывает наказание, то следователь не вправе приостанавливать производство расследования, а суд – не правомочен освободить от отбытия наказания.

В-третьих, участие рассматриваемых нами лиц в специальной военной операции становится в зависимость от наличия ходатайства командования воинской части (п. 9 ст. 208 УПК РФ). Тем самым, законодатель ввел дополнительного субъекта – командование воинской части, от ходатайства которого зависит возможность принятия решения следователем или судом. Отсутствие же такого ходатайства не позволяет субъектам расследования и судебного разрешения дела принять решение о приостановлении предварительного следствия по анализируемому основанию, даже если подозреваемый или обвиняемый предоставляет копии документов, подтверждающих прохождение военной службы (копию контракта, удостоверения личности военнослужащего и т. п.) [4, с. 77].

В-четвертых, рассматривая вышеуказанное ходатайство органов военной администрации, следует отметить его принципиальный, обязательный характер для лиц, осуществляющих предварительное расследование, а также для суда, рассматривающего материалы уголовного дела по существу. Применение законодателем императивного метода регулирования подчеркивает, что предварительное следствие по рассматриваемому нами основанию приостанавливается до окончания расследования, фактически, немедленно. Диспозиция ч. 1 ст. 208 УПК РФ сконструирована однозначно: «Предварительное следствие приостанавливается…», не допуская возможности следователю или суду принять иное решение: отказать в удовлетворении ходатайства командования воинской части, окончить предварительное расследование или рассмотреть дело по существу. Тем самым, четко просматривается приоритет публичных интересов, заложенный законодателем в конструкцию исследуемой специальной нормы (ст. 208 УПК РФ).

Отсутствие двоякости в толковании обязанности приостановления производства по делу просматривается и в положениях ст. 238 УПК РФ, закрепляющих соответствующие полномочия суда в п. 5 ч. 1 указанной статьи, а также достаточно четко предписывающей в ч. 4 ст. 238 УПК РФ, что в случаях наличия препятствий раздельного судебного разбирательства в отношении отдельных подсудимых, все производство по делу приостанавливается. Тем самым, однозначно указав на безальтернативность действий суда,
в виду приоритета комплектования Вооруженных сил Российской Федерации.

Данную позицию подтвердил и Пленум Верховного Суда Российской Федерации, указав, что положения п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ закрепляют гарантии обязательного прекращения или приостановления уголовного преследования, при наличии соответствующих оснований и не допускают в этих случаях составления следователем, дознавателем обвинительного документа[1]. Полагаем, что высказанная Пленумом позиция, в полной мере относится и к аналогичным случаям рассмотрения уголовных дел в судах.

В тоже время, проведенные нововведения вызвали неоднозначное толкование среди правоприменителей, сформировав негативную практику необоснованных отказов в приостановлении предварительного следствия [5, с. 47], которая в декабре 2024 г. бы-

[1] О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Рос. Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 17 декабря 2024 г. № 39 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. № 2. февр. 2025.

ла скорректирована вышеуказанным решением Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Анализ выработанной законодателем практики императивного вынесения постановления о приостановлении производства по уголовному делу, подчеркивает проблему отсутствия судебного усмотрения и альтернатив в принятии решения должностных лиц органов предварительного расследования. С одной стороны, ходатайство командования воинской части – предусмотренное законом основание, для запуска механизма приостановления предварительного следствия, а с другой – завуалированное указание на «безапелляционное» выполнение решения, принятого органами военной администрации.

Фактически, рассматриваемые нами нормы приостановления предварительного следствия по п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, определяют ходатайство командира воинской части не в качестве обращения или прошения [6, с. 33], а в качестве обязательного для суда или следователя требования, не принимающего в расчет затраченные трудовые и временные ресурсы, наличие иных лиц, привлекаемых по конкретному уголовному делу, рассмотрение которого без мобилизационного становится невозможным (ч. 4 ст. 238 УПК РФ), особенности личности обвиняемых (подозреваемых, подсудимых), усмотрение следователя или суда и т. п. Дискреционность полномочий должностных лиц на предварительном расследовании и в ходе судебного рассмотрения – утрачена, что еще раз подчеркивает специальный характер исследуемых норм.

В-пятых, общие условия приостановления предварительного следствия определены ч. 3-8 ст. 208 УПК РФ [7, с. 164; 8, с. 477], на содержании которых мы останавливаться не будем. В тоже время, следует отметить взаимосвязь эффективности реализации механизма приостановления предварительного расследования в целях обеспечения комплектования личного состава Вооруженных сил России с созданием соответствующих предпосылок для реализации приоритетной задачи государства по обеспечению проведения специальной военной операции.

Так, реализации императивных полномочий по приостановлению предварительного следствия субъектами расследования и судом способствуют ведомственные распоряжения и указания. С этой целью на должностных лиц органов предварительного расследования возложена обязанность не препятствовать и всячески содействовать посещению работниками военных комиссариатов лиц, в отношении которых была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу и содержащихся в СИЗО[1]. Посещение следственно-арестованных осуществляется для разъяснения условий освобождения от уголовной ответственности и наказания, оформления документов для участия в специальной военной операции, проведения процедуры проверки персональных данных обвиняемых или подсудимых.

Несмотря на реализацию приоритетных государственных функций по организации комплектования личного состава Вооруженных сил Российской Федерации, утверждать о сформированности института приостановления предварительного следствия было бы преждевременно. Практика применения специальных норм института приостановления предварительного расследования в отношении участников СВО подчеркнула ряд «старых» нерешенных законодателем проблем, связанных с неполной правовой регламентацией возникших уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений [9, с. 15]. Так, например, не вполне понятна позиция законодателя о порядке получения инициатором приостановления предварительного расследования (органами предварительного расследования или судом) информации в случаях, если субъект де-

[1] О мерах по повышению оперативности межведомственного взаимодействия [Электронный ресурс]: указание заместителя Министра – начальника Следственного департамента МВД России С.Н. Лебедева от 22 июля 2024 г. № 17/1-25683. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

зертировал с места расположения воинской части, погиб, пропал без вести, был уволен с военной службы по состоянию здоровья и др. Органы предварительного расследования оставлены в неведении относительно происходящих с указанными лицами событиями, наличии факта прекращения действия оснований для приостановления предварительного расследования, возникновении условий для прекращения уголовного преследования (например, гибель военнослужащего или получение им государственной награды).

Требуют разъяснения и корректировки положения исследуемого нами законодательства, возлагающие на командование воинских частей мер по осуществлению контроля за поведением военнослужащего, предварительное следствие в отношении которого приостановлено, поскольку порядок взаимодействия военной администрации и должностных лиц органов предварительного расследования так и не выработан [10, с. 260].

Ставит в тупик правоприменителей и факт совершения таким военнослужащим нового преступления в расположении воинской части или в зоне боевых действий, поскольку остается неясной позиция: «Стоит ли привлекать такого военнослужащего к уголовной ответственности?». Если нет, то фактически, ему дозволено совершать уголовно наказуемые деяния, за исключением тех, которые указаны в ч. 1 ст. 78.1 УК РФ. Если же следует привлекать к уголовной ответственности, то необходимо ли вновь ходатайство командования воинской части для приостановления предварительного следствия?

Не решенным остается вопрос и о лицах (насильниках, террористах, предателях и т. п.) предварительное расследование по которым было приостановлено по п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ до вступления в силу изменений, внесенных в ст. 78.1 УК РФ (до октября 2024 г.), установивших перечень составов преступлений, исключающих возможность приостановления расследования[1].

К сожалению, на эти и другие проблемные вопросы в настоящий период времени нет однозначного ответа. Бесспорно, судебная и следственная практика выработает наиболее оптимальные и приемлемые решения, поскольку сейчас сформирован действенный механизм решения одной из приоритетных задач государства – комплектование личного состава Вооруженных сил Российской Федерации.

Подводя итоги изложенному отметим, что трансформация законодательства о военной службе, уголовного и уголовно-процессуального законодательства, существенным образом скорректировала институт приостановления предварительного расследования. Введенные положения о приостановлении предварительного расследования в связи с призывом на военную службу, а также ее осуществлением по контракту в периоды мобилизации, военного положения или военного времени являются специальными нормами, регулирующими узконаправленную сферу общественных отношений и имеющими приоритет по отношению к общему порядку приостановления предварительного следствия. Обусловленная внешними факторами модернизация уголовного и уголовно-процессуального законодательства, не осталась лишенной «старых» проблем, связанных с неполной регламентаций, возникших общественных отношений, решение которых требует дальнейшей корректировки института приостановления предварительного расследования, а также механизмов освобождения от уголовной ответственности и наказания.

---

[1] О внесении изменений в статью 78.1 Уголовного кодекса Рос. Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 2 октября 2024 г. № 340-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 41. ст. 6065.

1. Медушевский А. Н. Когнитивное правосудие: возможна ли нейтральность международных судов в условиях глобального политического противостояния? // Российская юстиция. 2025. № 5. С. 34-43.
2. Барабанов П. К. Уголовный процесс Франции. М., 2016. 510 с.
3. Трефилов А. А. Военный и ювенальный уголовный процесс Швейцарии: монография. М.: Юрлитинформ, 2024. 232 с.
4. Нуриев И. Н., Тропина М. А. Проблемы приостановления и прекращения уголовного преследования в отношении подозреваемого (обвиняемого), привлекаемого для прохождения военной службы // Уголовное право. 2025. № 8. С. 74-80.
5. Головинская И. В. Некоторые вопросы применения норм уголовного и уголовно-процессуального закона в отношении лиц, совершивших преступления и участвующих в специальной военной операции // Вестник Владимирского юридического института. 2025. № 3(76). С. 43-49.
6. Латыпов В. С. Институт приостановления предварительного расследования в свете изменений Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 2.
7. Гриненко А. В. Уголовный процесс: Учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2022. 364 с.
8. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. М., 2022. 1072 с.
9. Шадский О. Г. Исторические и теоретико-методологические аспекты и проблемы правотворчества в России // Право: история и современность. 2020. № 2(11). С. 14-21.
10. Шишков А. А. Освобождение от уголовной ответственности и наказания военнослужащих // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 258-262.

1. Medushevskij A. N. Kognitivnoe pravosudie: vozmozhna li nejtral`nost` mezhdunarodny`x sudov v usloviyax global`nogo politicheskogo protivostoyaniya? // Rossijskaya yusticiya. 2025. № 5. S. 34-43.
2. Barabanov P. K. Ugolovny`j process Francii. M., 2016. 510 s.
3. Trefilov A. A. Voenny`j i yuvenal`ny`j ugolovny`j process Shvejczarii: monografiya. M.: Yurlitinform, 2024. 232 s.
4. Nuriev I. N., Tropina M. A. Problemy` priostanovleniya i prekrashheniya ugolovnogo presledovaniya v otnoshenii podozrevaemogo (obvinyaemogo), privlekaemogo dlya proxozhdeniya voennoj sluzhby` // Ugolovnoe pravo. 2025. № 8. S. 74-80.
5. Golovinskaya I. V. Nekotory`e voprosy` primeneniya norm ugolovnogo i ugolovno-processual`nogo zakona v otnoshenii licz, sovershivshix prestupleniya i uchastvuyushhix v special`noj voennoj operacii // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. 2025. № 3(76). S. 43-49.
6. Laty`pov V. S. Institut priostanovleniya predvaritel`nogo rassledovaniya v svete izmenenij Federal`ny`m zakonom ot 23 marta 2024 g. № 64-FZ // Vestnik Ural`skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2024. № 2.
7. Grinenko A. V. Ugolovny`j process: Uchebnik i praktikum dlya vuzov. M.: Yurajt, 2022. 364 s.
8. Ugolovno-processual`noe pravo Rossijskoj Federacii: Uchebnik / Otv. red. P. A. Lupinskaya, L. A. Voskobitova. M., 2022. 1072 s.
9. Shadskij O. G. Istoricheskie i teoretiko-metodologicheskie aspekty` i problemy` pravotvorchestva v Rossii // Pravo: istoriya i sovremennost`. 2020. № 2 (11). S. 14-21.
10. Shishkov A. A. Osvobozhdenie ot ugolovnoj otvetstvennosti i nakazaniya voennosluzhashhix // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 6. S. 258-262.

Информация об авторах

Александр Николаевич Калюжный. Сотрудник Академии ФСО; Профессор кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, доктор юридических наук, доцент.
Академия ФСО России.
302020, Россия, г. Орел, ул. Приборостроительная, 35.,
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Виктория Николаевна Чаплыгина. Начальник кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, кандидат юридических наук, доцент.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Россия, г.Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the authors

Alexander N. Kalyuzhny. A member of the FSO Academy; Professor in the Department of Criminalistics and Preliminary Investigation. Doctor of Law, Associate Professor.
Academy of the FSO of Russia.
302035, Russia, Orel, Priborostroitelnaya Str., 35.,
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Victoriya N. Chaplygima. Head of the chair of Criminalistics and Preliminary Investigation at the Department of Internal Affairs Bodies. Candidate of Legal sciences, associate professor.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 12.01.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.
The article was received in the editorial office on 12.01.2026; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
№ 1(106) 2026 г.
Научная статья
УДК 343.1

ПРОБЛЕМНОСТЬ ПЕРЕЧНЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, ПРОВОДИМЫХ ПРИ РАССМОТРЕНИИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Ковалев Максим Викторович
Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, Брянск, Россия

koff.maxim2015@yandex.ru

Аннотация. В статье обосновывается необходимость и значимость изменения норм права для регулирования общественных отношений. Проводится анализ целесообразности совершенствования уголовно-процессуального законодательства России в части перечня следственных действий, проводимых до возбуждения уголовного дела. Выявлены пробелы уголовно-процессуального регулирования деятельности правоприменителя при проверке сообщения о преступлении. Автором предметно рассмотрены нормы зарубежного законодательства относительно производства следственных действий в ходе проверки сообщения о преступлении. Сделан вывод о необходимости внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство в части расширения перечня следственных действий, проводимых до возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: законодательство, преступление, следственные действия, следственный эксперимент, обыск, выемка, осмотр, доказательство.

Для цитирования: Ковалев М. В. Проблемность перечня следственных действий, проводимых при рассмотрении сообщения о преступлении // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 243–252.

PROBLEMS WITH THE LIST OF INVESTIGATIVE ACTIONS TO BE CARRIED OUT WHEN A CRIME REPORT IS CONSIDERED

Maxim V. Kovalev
Bryansk Branch of the Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Bryansk, Russia

koff.maxim2015@yandex.ru

Annotation. The article substantiates the necessity and importance of changing the norms of law for the regulation of public relations. The article analyzes the need to improve the criminal procedure legislation of Russia in terms of the list of investigative actions carried out before the initiation of a criminal case. Gaps in the criminal procedural regulation of law enforcement activities during the verification of a crime report have been identified. The author has reviewed in detail the norms of foreign legislation regarding the conduct of investigative actions during the verification of a crime report. It is concluded that it

is necessary to amend the criminal procedure legislation in terms of expanding the list of investigative actions carried out before the initiation of a criminal case.

Keywords: legislation, crime, investigative actions, investigative experiment, search, seizure, inspection, proof.

For citation: Kovalev M. V. Problems with the list of investigative actions carried out when a crime report is considered // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2026. № 1(106). P. 243–252.

Правовые нормы в течение всего исторического периода существования человеческой цивилизации формировались для регулирования общественных отношений между людьми. Развитие взаимоотношений между людьми, образование государств потребовали всё большего нормативного регулирования общественных отношений как внутри государства, так и в межгосударственных отношениях. Изменения социальной, политической, экономической ситуации в государстве с неизбежностью приводят к изменению существующих, разработке и принятию новых правовых норм. Этот процесс никогда не останавливался и не остановится, ведь все мы нуждаемся в надлежащем правовом регулировании общественных отношений.

На этот счёт примечательно мнение В. А. Толстика, который, задаваясь вопросом, а можно ли в принципе обойтись без изменения законодательства, отвечает – нет, указывая, что это противоречит природе правового регулирования общественных отношений. Динамика правового содержания не в последнюю очередь обусловлена динамикой общественных отношений, формой отражения которых право, собственно, и является. Консервация правовых предписаний в условиях, когда назрела объективная потребность в их изменении, также негативно сказывается на эффективности правового регулирования, как и любые изменения закона в условиях отсутствия такой потребности [1, с. 232].

Сколько бы попыток ни предпринималось со стороны государства по нормативному регулированию тех или иных сторон жизни граждан, по формированию их правопослушного поведения, как показывает история, искоренить противоправные проявления пока никому не удалось. Ни строгость наказания, ни его неотвратимость не являются залогом соблюдения гражданами требований законодательства. Люди приспосабливаются к действующим правовым нормам, к сожалению, зачастую пытаясь их обойти. Это приводит к дисбалансу социальной справедливости, которую в последующем приходится восстанавливать в том числе и уголовно-правовыми средствами, применяя меры воздействия к нарушителю таких норм.

Нарушение правовых норм, обеспечивающих защиту человека от общественно опасных посягательств, представляет повышенный интерес, так как влечёт или может повлечь крайне негативные последствия. Поэтому изменения уголовного и уголовно-процессуального законодательства в современных условиях находятся в постоянном фокусе государства.

В такой ситуации нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства должны, если не опережать противоправные действия, то хотя бы в равной степени быть сопоставимыми с развивающимися преступными проявлениями. Уголовно-процессуальное законодательство является строго определённой формой практической реализации норм уголовного права, и, как и любая отрасль законодательства, изменяется, совершенствуется для реализации тех задач, которые перед ней стоят.

С момента принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) в него вносились неоднократные изменения, направленные на улучшение правового регулирования. Не обошли стороной и изменения порядка рассмотрения сообщения о преступлении. С 2003 года в статью 144 УПК РФ вносился ряд изменений, связанных с объёмом полномочий должностных лиц при проверке сообщения о преступлении. В 2013 году были внесены наиболее существенные изменения, в результате которых должностное лицо, проводящее проверку, получило право не только осуществлять проверочные действия, но и проводить строго определённые в данной статье следственные действия. Это существенным образом расширило возможности уполномоченных должностных лиц по установлению события и всех признаков преступления, дало необходимый импульс к обеспечению своевременного реагирования правоохранительных органов на противоправные действия. До внесения изменений должностные лица при проверке сообщения о преступлении не вправе были проводить следственные действия.

Законодатель, по сути, предусмотрел возможность только тех следственных действий, которые проводятся с момента начала процессуальной деятельности должностных лиц на первоначальном этапе расследования. Те следственные действия, основным назначением которых является установление лица, совершившего преступление, характер и размер вреда, причинённого преступлением, а также обстоятельства, обеспечивающие рассмотрение и разрешение уголовного дела, по существу не нашли своего отражения в законе.

Если проверочные мероприятия проводятся в целях установления факта совершения преступления, установления основания для возбуждения уголовного дела, то главной целью следственных действий является собирание, проверка и оценка доказательств, которые становятся основой для принятия правильного процессуального решения. Таким образом, следственные действия, в отличие от проверочных мероприятий, направлены не на установление факта совершения преступления, а на расследование и разрешение уголовного дела [2, с. 50].

В связи с этим возникает закономерный вопрос, а достаточно ли в ст. 144 УПК РФ следственных действий, при производстве которых в полном объёме будут установлены основания для возбуждения уголовного дела и другие обстоятельства, имеющие значение для принятия решения. На этот счёт нет единого подхода среди учёных. Одни утверждают, что следственных действий достаточно и если расширить этот перечень, то чем тогда стадия возбуждения уголовного дела будет отличаться от стадии предварительного расследования. Имеющийся в действующей редакции ст. 144 УПК РФ перечень следственных действий является оптимальным [3, с. 91]. Так, К. И Мигушин говорит о том, что информационная природа стадии возбуждения уголовного дела такова, что её задачи могут разрешаться и без помощи следственных действий. На первоначальном этапе закон допускает оперирование данными, облечёнными в относительно свободную форму и характеризуемыми вероятностным содержанием [4, с. 18].

Напротив, есть утверждения, что необходимо предоставить возможность правоприменителю проводить если не весь перечень следственных действий в ходе проверки сообщения о преступлении, то существенным образом расширенный для объективного и всестороннего подхода. Такой точки зрения придерживаются М. И. Николаева и В. В. Рябчиков, указывая, что включение в закон всё большего числа следственных действий носит позитивный характер, поскольку расширяет возможности решения задач, устанавливаемых как в стадии возбуждения уголовного дела, так и в дальнейшем процессе доказывания по уголовному делу [5, с. 98].

Есть на этот счёт, как кажется, и кардинальные мнения: по каждому сообщению, содержащему даже часть признаков преступления, возбуждать уголовное дело, проводить весь, предусмотренный законом перечень следственных действий, а если факт совершения преступления не подтвердился, прекращать уголовное дело по реабилитирующим основаниям. По мнению О. В. Мичуриной, необходимо отойти от обязательности проверки сообщений о преступлениях. Она необходима лишь при неочевидности признаков преступления. Если же они обнаружены, то следует незамедлительно выносить постановление о возбуждении уголовного дела и приступать к его расследованию. При этом не надо на первоначальном этапе уголовного судопроизводства устанавливать все элементы состава преступления, чем сейчас занимается правоприменитель, вопреки указаниям закона [6, с. 59].

С последним предложением сложно согласиться, так как, во-первых, это существенным образом затруднит работу правоприменителя ввиду увеличения нагрузки на сотрудников, во-вторых, ведомственные нормативные акты большинства правоохранительных органов содержат положения о том, что прекращение уголовного дела по реабилитирующим основаниям отрицательным образом сказывается на оценке деятельности самого органа. К тому же достаточно большой объём сообщений о преступлениях не находит своего подтверждения на начальном этапе проверки сообщения уже после выезда сотрудников на предполагаемое место происшествия и без проведения каких-либо следственных действий.

Тем не менее изменения в содержании статьи 144 УПК РФ в части объёма проводимых следственных действий назрели, об этом говорят и учёные, и правоприменитель. В этой связи особо стоит отметить проведение проверки сообщения о преступлении по делам о дорожно-транспортных происшествиях, содержащих признаки преступления. Проверка сообщения о преступлении по таким фактам представляет собой достаточно трудоёмкий процесс, сопряжённый с кропотливой работой по сбору информации, необходимой для принятия решения о возбуждении уголовного дела. При этом учитывается масса факторов, имевших место в момент дорожно-транспортного происшествия, таких как состояние дорожного покрытия, погодные условия, освещённость, состояние транспортных средств, интенсивность движения и другие. Неслучайно правоприменитель использует специализированный бланк осмотра места дорожно-транспортного происшествия, уже включающий в себя возможность отражения таких параметров дорожной обстановки. Не стоит забывать и о том, что при проведении проверки сообщения о дорожно-транспортном происшествии осуществляются сложные автотехнические экспертизы. Для их назначения в зависимости от вида происшествия необходимо устанавливать, например: темп движения пешехода, момент возникновения опасности для движения, радиус закругления поворота, общую и конкретную видимость и многие другие, в том числе технические данные. Устанавливая такие данные, следователь должен прибегнуть к проведению опытных действий. Определить темп движения пешехода в момент дорожного происшествия возможно лишь, когда статист пройдёт отмеренное следователем расстояние неоднократно для достоверности результата. То есть речь идёт о следственном эксперименте, отсутствующем в перечне тех следственных действий, которые можно проводить до возбуждения уголовного дела.

Эксперимент (от лат. *experimentum* – проба, опыт) – метод познания, при помощи которого в контролируемых и управляемых условиях исследуются явления действительности.

В практической деятельности правоохранительных органов при проверке сообщения о дорожно-транспортном происшествии проведение следственного эксперимен-

та процессуально оформляется протоколом осмотра места происшествия, производство которого допускается до возбуждения уголовного дела. Составление протокола следственного эксперимента на данной стадии уголовного процесса означало бы нарушение требования законодательства при производстве следственного действия и, как результат, признание доказательства, полученного в ходе его проведения, недопустимым.

Анализ судебной практики показывает, что суды признают данные следственные действия законными, достоверными и, как следствие, допустимым доказательством, однако имеются в судебной практике случаи, когда подобные «подменённые» следственные действия и выводы заключений автотехнических экспертиз, основанные на указанных следственных действиях, признаются судами недопустимыми доказательствами [7, с. 251]. Так, из приговора Брянского районного суда Брянской области следует, что в ходе предварительного следствия по делу была проведена автотехническая экспертиза о соответствии действий водителя автомобиля марки «Митцубиси Аутлендер», регистрационный знак №, требованиям Правил дорожного движения, в основу которой были положены данные, изложенные в протоколах дополнительного осмотра места происшествия. В судебном заседании установлено, что в ходе данных следственных действий следы преступления не обнаруживались и не фиксировались; один дополнительный осмотр места происшествия производился вне места дорожно-транспортного происшествия, фактически была осуществлена проверка относящихся к делу данных путём воспроизведения действий, обстановки, иных обстоятельств, имевших отношение к дорожно-транспортному происшествию, то есть характер данных следственных действий не соответствовал требованиям закона, определяющим содержание осмотра места происшествия. При таких обстоятельствах проведённые следственные действия не соответствуют требованиям УПК РФ и не могут быть признаны осмотрами места происшествия, а по своему содержанию являются следственными экспериментами, проведёнными до возбуждения уголовного дела, что в соответствии со ст.ст. 144, 164, 181 УПК РФ недопустимо. В этой связи в соответствии с ч. 1 ст. 75 УПК РФ указанные протоколы осмотров места происшествия, а также заключение проведённой на их основе автотехнической экспертизы суд признает недопустимыми доказательствами как полученными с нарушением требований УПК РФ[1].

В Апелляционном постановлении Верховный суд Удмуртской Республики, рассматривая жалобу защитника по уголовному делу № 22-1504/2023, поддержал доводы стороны защиты, сославшись на то, что в обжалуемом приговоре в качестве доказательств, подтверждающих виновность подсудимого, имеется ссылка на протокол дополнительного осмотра места происшествия, в ходе которого устанавливалась общая и конкретная видимость экспериментальным путём. На основании полученных результатов проведена автотехническая экспертиза. Суд указал, что подмена протокола следственного эксперимента иными процессуальными документами (осмотром места происшествия и т. п.) недопустима[2].

В подавляющем большинстве случаев при выезде на место дорожно-транспортного происшествия следователь, произведя осмотр, проводит и всевозможные экспериментальные действия, так как обстановка в этот момент максимально соответствует той, которая была в момент исследуемого события, а это обязательное требо-

[1] Приговор Брянского районного суда Брянской области № 1-170/2016 1-7/2017 от 15 июня 2017 г. по делу № 1-170/2016 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/w2RSSxV26XY (дата обращения: 28.08.2025).

[2] Апелляционное постановление Верховного суда Удмуртской Республики № 22-1504/2023 от 9 августа 2023 г. [Электронный ресурс]. URL:https://sudact.ru/regular/doc/P9vMbi23Im69/(дата обращения: 25.01.2026).

вание, предъявляемое к подобного рода действиям. В случае промедления в дальнейшем, возможно, не получится воссоздать условия для производства следственного эксперимента уже по возбуждённому уголовному делу.

К тому же принять решение о возбуждении уголовного дела по факту дорожно-транспортного происшествия затруднительно без соответствующих специальных познаний и заключения эксперта. В свою очередь, базой или предметом для исследования автотехнической экспертизы являются данные, полученные экспериментальным путём и процессуально оформленные протоколом осмотра места происшествия.

Проблема до настоящего времени на законодательном уровне остаётся нерешённой, что, в свою очередь, порождает неоднозначное толкование норм права, а также создаёт предпосылки для поиска правоприменителем различных вариантов выхода из ситуации, не урегулированной законом. Это приводит к тому, что установление события и обстоятельств совершённого преступления возможно только путём подмены одного следственного действия другим. Но и полученные результаты, и основанные на таких данных заключения экспертов могут быть признаны недопустимыми доказательствами. А если взглянуть на эту ситуацию со стороны лиц, потерпевших от преступления, когда определённое время длилась проверка сообщения о преступлении, предварительное расследование, судебное разбирательство и в итоге доказательства признаны недопустимыми, подсудимый оправдан, уголовное дело возвращено на дополнительное расследование, то возникает обоснованное мнение о беспомощности правоохранительной системы в реализации конституционных прав граждан. К этому следует добавить нарушение разумных сроков уголовного судопроизводства[1].

Соглашаясь с указанной в исследовании инициативой, В. В. Абрамочкин говорит о том, что следственный эксперимент в арсенале проверочных действий был бы не лишним [8, с. 94].

Возвращаясь к порядку применения уже имеющихся положений ст. 144 УПК РФ, следует упомянуть возможность должностного лица при проверке сообщения о преступлении истребовать документы и предметы и изымать их в порядке, установленном УПК РФ.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает следующие случаи изъятия предметов и документов: при осмотре (ч. 4 ст. 177 УПК РФ), при обыске (ч. 9 и 10 ст. 182 УПК РФ), при выемке (ч. 2 чт. 183 УПК РФ) [4, с. 435]. При этом только осмотр места происшествия, предметов, документов может проводиться до возбуждения уголовного дела, в ходе которого должностное лицо вправе изъять предметы и документы, имеющее значение. А если необходимо изъять предметы и документы в месте, никак не связанном с преступлением? Осмотреть эти предметы можно, составив протокол осмотра места происшествия, но уже после того, как они будут изъяты в установленном законом порядке. И опять правоприменитель вынужден искать пути решения этой проблемы. В практической деятельности сотрудники правоохранительных органов для изъятия на стадии проверки сообщения о преступлении составляют протокол осмотра места происшествия, причём это может быть абсолютно любое место, например: очевидец преступления принёс в отдел полиции вещь потерпевшего при разбойном нападении, которую он нашёл на улице. И эта вещь будет изъята путём составления протокола осмотра места происшествия, когда точно известно, что необходимо изъять, где и у кого она находится, то есть фактически произвести выемку, которую запрещено проводить до возбуждения уголовного дела. А если адвокат,

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

защищающий подсудимого, заявит ходатайство о признании такого доказательства недопустимым ввиду его получения с нарушением требований законодательства? Суд удовлетворит это ходатайство, а других доказательств, подтверждающих виновность лица, не представится возможным установить. В результате несовершенства закона лицо, совершившее преступление, останется безнаказанным.

Так возможно ли трактовать содержание ст. 144 УПК РФ в части изъятия предметов и документов в установленном законом порядке путём производства обыска и выемки? И каким образом решается вопрос об изъятии предметов и документов в ходе проверки сообщения о преступлении в уголовно-процессуальном законодательстве зарубежных стран?

В. М. Лебедев считает, что до возбуждения уголовного дела не допускается производство выемки либо обыска [9, с. 435].

А. А. Сумин признаёт недопустимым производство обыска и выемки до возбуждения уголовного дела [10, с. 48].

Можно сделать вывод, что из предусмотренных законом средств изъятия предметов и документов в ходе проверки сообщения о преступлении можно использовать только осмотр – обыск и выемка проведению не подлежат.

Ряд авторов в качестве одного из инструментов преодоления пробела в части изъятия предметов и документов до возбуждения уголовного дела предлагают законодательно закрепить возможность проведения обыска и выемки.

М. П. Перякина, высказывая своё мнение о невозможности проведения обыска и выемки до возбуждения уголовного дела, предлагает в целях преодоления проблемы изъятия предметов и документов в рассматриваемом случае разрешить производство выемки в ходе проведения доследственной проверки [11, с. 25].

Т. А. Григорян полагает необходимым допустить возможность производства выемки до возбуждения уголовного дела [12, с. 19].

Представляют интерес нормы зарубежного законодательства относительно производства следственных действий в ходе проверки сообщения о преступлении.

Изучение норм зарубежного законодательства является необходимым условием для более детального исследования, позволяет выделить характерные сходные черты и отличия уголовно-процессуального законодательства России и зарубежных стран по рассматриваемому вопросу, может иметь положительное практическое значение для совершенствования норм Уголовно-процессуального кодекса России [13, с. 37].

М. Ансень в своих работах отмечал, что изучение зарубежного права «открывает перед юристом новые горизонты, позволяет ему лучше узнать право своей страны, ибо специфические черты этого права особенно отчётливо выявляются в сравнении с другими системами. Сравнение способно вооружить юриста идеями и аргументами, которые нельзя получить даже при очень хорошем знании только собственного права» [14, с. 38].

В уголовно-процессуальном законодательстве стран ближнего зарубежья имеется значительное сходство с Уголовно-процессуальным кодексом РФ в силу существовавшего в период СССР единого правового поля. Значительное влияние на формирование уголовно-процессуального законодательства как России, так и стран ближнего зарубежья оказал Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников СНГ 1996 года [13, с. 37].

Между тем, помимо сходства норм, уголовно-процессуальные кодексы стран СНГ имеют и существенные отличия.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь в ст. 173 предусматривает возможность до возбуждения уголовного дела провести осмотр места происшествия, помещения или иного законного владения, не являющегося жилищем, компьютерной информации, трупа, местности, предметов, документов, освидетельствование, задержание и личный обыск при задержании, проведение экспертизы, а также извлечение трупа из места захоронения (эксгумация)[1].

Уполномоченное должностное лицо, проводя проверку сообщения о преступлении, вправе задержать лицо, совершившее преступление, провести личный обыск при задержании и эксгумацию, что не свойственно уголовно-процессуальному законодательству России.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан (ст. 329) дополняет этот перечень выемкой, но прямо указывает на то, что во время доследственной проверки запрещено проведение других следственных действий[2].

В странах западной Европы, в частности во Франции, в связи с получением информации о преступлении полиция производит дознание, которое по сравнению с российской доследственной проверкой имеет несколько иную правовую природу: целями дознания являются быстрое раскрытие преступления, розыск подозреваемых и производство неотложных следственных действий; при его производстве полиция обладает широкими полномочиями, включая применение мер процессуального принуждения при наличии законных оснований [15, с. 325].

Германская модель уголовного судопроизводства характеризуется отсутствием стадии возбуждения уголовного дела: при наличии поводов (заявление частных лиц, сообщения полиции и иные) и так называемого простого подозрения в совершении преступления проводятся следственные действия, что означает начало производства по уголовному делу [15, с. 441].

Какими бы ни были нормы зарубежного законодательства, российское право идёт своим путём, отвечая на те вызовы, которые стоят перед страной, исходя из объективной действительности и необходимости правового регулирования общественных отношений и обеспечения безопасности. Поднятые проблемы наглядно демонстрируют необходимость совершенствования норм уголовно-процессуального законодательства для более эффективной защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, реализации задач уголовного судопроизводства. Таким образом, на законодательном уровне необходимо внести изменения в ст. 144 УПК РФ в части расширения перечня следственных действий, проводимых до возбуждения уголовного дела, дополнив её содержание следственным экспериментом, обыском и выемкой. Соответствующие изменения в части возможности их проведения до возбуждения уголовного дела предусмотреть в ст. 181, 182, 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

1. Толстик В. А. Изменение законодательства: проблемы теории и пока непринятые новеллы в полицейском законодательстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35). 232 с.
2. Ильяш А. В. Производство следственного эксперимента в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Калужского университета. 2022. № 4(57). 50 с.

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.by/document/guid=3871&p0=HK9900295 (дата обращения: 28.08.2025).
[2] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. URL:https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421101 (дата обращения: 28.08.2025).

3. Миронова А. В. Необходимость преодоления проблем в стадии возбуждения уголовного дела не отпала // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 90-92.
4. Мигушин К.И. Досудебное производство как стадия современного уголовного процесса России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н.-Новгород, 2004.
5. Николаева М. И. Стадия возбуждения уголовного дела: тенденции реформирования // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 95-102.
6. Мичурина О. В. Эволюция порядка рассмотрения сообщения о преступлении: от доследственной проверки до квазирасследования // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 56-60.
7. Сучков А. И. Следственный эксперимент под видом дополнительного осмотра места происшествия, по материалам проверки, связанным с рассмотрением сообщения о дорожно-транспортном происшествии // Современное уголовно-процессуальное право - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2020. Т. 2, № 1(2). С. 251-258.
8. Абрамочкин В. В. Время производства следственного эксперимента при расследовании дорожно-транспортных преступлений относительно стадий уголовного процесса // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 10. С. 93-94.
9. Уголовно-процессуальное право: учебник для бакалавриата, специалитета, магистратуры и аспирантуры (адъюнктуры) / под общ. ред. В. М. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2025. С. 435.
10. Сумин А.А. Некоторые проблемы применения статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Адвокат. 2014. № 4. С. 48-59.
11. Перякина М.П. Некоторые процессуальные вопросы изъятия предметов и документов до возбуждения уголовного дела// Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2014. № 4 (71). С. 22-25.
12. Григорян Т. А. Производство процессуальных действий, направленных на сбор и проверку вещественных доказательств на стадии возбуждения уголовного дела // Криминологический журнал. 2023. № 1. С. 16-21.
13. Ковалев М. В. К вопросу о положительном опыте использования категории "воспрепятствования" в уголовном законодательстве стран ближнего зарубежья // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. № 1(20). С. 37-41.
14. Ансель М. Методологические проблемы сравнительного права // Очерки сравнительного права. М..1981. 38 с.
15. Уголовный процесс западных государств / Головко Л.В., Гуценко К.Ф., Филимонов Б.А.; Под ред.: Гуценко К.Ф. М.: Зерцало-М, 2001. С. 325–330.

1. Tolstik V. A. Izmenenie zakonodatel`stva: problemy` teorii i poka neprinyaty`e novelly` v policejskom zakonodatel`stve // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2016. № 3(35). 232 s.
2. Il`yash A. V. Proizvodstvo sledstvennogo e`ksperimenta v stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela // Vestnik Kaluzhskogo universiteta. 2022. № 4(57). 50 s.
3. Mironova A. V. Neobxodimost` preodoleniya problem v stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela ne otpala // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2018. № 1. S. 90-92.
4. Migushin K.I. Dosudebnoe proizvodstvo kak stadiya sovremennogo ugolovnogo processa Rossii: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. N.-Novgorod, 2004.
5. Nikolaeva M. I. Stadiya vozbuzhdeniya ugolovnogo dela: tendencii reformirovaniya // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. 2020. № 2(55). S. 95-102.

6. Michurina O. V. E`volyuciya poryadka rassmotreniya soobshheniya o prestuplenii: ot dosledstvennoj proverki do kvazirassledovaniya // Vestnik e`konomicheskoj bezopasnosti. 2019. № 1. S. 56-60.
7. Suchkov A. I. Sledstvenny`j e`ksperiment pod vidom dopolnitel`nogo osmotra mesta proisshestviya, po materialam proverki, svyazanny`m s rassmotreniem soobshheniya o dorozhno-transportnom proisshestvii // Sovremennoe ugolovno-processual`noe pravo - uroki istorii i problemy` dal`nejshego reformirovaniya. 2020. T. 2, № 1(2). S. 251-258.
8. Abramochkin V. V. Vremya proizvodstva sledstvennogo e`ksperimenta pri rassledovanii dorozhno-transportny`x prestuplenij otnositel`no stadij ugolovnogo processa // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2014. № 10. S. 93-94.
9. Ugolovno-processual`noe pravo: uchebnik dlya bakalavriata, specialiteta, magistratury` i aspirantury` (ad``yunktury`) / pod obshh. red. V. M. Lebedeva. 3-e izd., pererab. i dop. M. : Norma : INFRA-M, 2025. S. 435.
10. Sumin A.A. Nekotory`e problemy` primeneniya stat`i 144 Ugolovno-processual`nogo kodeksa Rossijskoj Federacii // Advokat. 2014. № 4. S. 48-59.
11. Peryakina M.P. Nekotory`e processual`ny`e voprosy` iz``yatiya predmetov i dokumentov do vozbuzhdeniya ugolovnogo dela// Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2014. № 4 (71). S. 22-25.
12. Grigoryan T. A. Proizvodstvo processual`ny`x dejstvij, napravlenny`x na sbor i proverku veshhestvenny`x dokazatel`stv na stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela // Kriminologicheskij zhurnal. 2023. № 1. S. 16-21.
13. Kovalev M. V. K voprosu o polozhitel`nom opy`te ispol`zovaniya kategorii vosprepyatstvovaniya v ugolovnom zakonodatel`stve stran blizhnego zarubezh`ya // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2019. № 1(20). S. 37-41.
14. Ansel` M. Metodologicheskie problemy` sravnitel`nogo prava // Ocherki sravnitel`nogo prava. M..1981. 38 s.
15. Ugolovny`j process zapadny`x gosudarstv / Golovko L.V., Gucenko K.F., Filimonov B.A.; Pod red.: Gucenko K.F. M.: Zerczalo-M, 2001. S. 325–330.

Информация об авторе

Максим Викторович Ковалев. Начальник кафедры криминалистики и уголовно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук.

Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.

241050, Россия, г. Брянск, 2-й Советский переулок, 2А.

Information about the author

Maxim V. Kovalev. Head of the Department of Criminology and Criminal Law Disciplines. Candidate of Law.

Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova.

241050, Russia, Bryansk, 2nd Sovetsky Lane, 2A.

Статья поступила в редакцию 12.01.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.

The article was received in the editorial office on 12.01.2026; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
№ 1(106) 2026 г.
Научная статья
УДК 343.9

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Козлов Александр Евгеньевич[1], Дудченко Лолита Вадимовна[2]
[1]Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия
[2]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл, Россия

[1]a.e.kozlov-umvd@yandex.ru
[2]lv_dudchenko92@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы формирования криминалистической характеристики преступления, предусмотренного ст. 205.1 УК РФ «Содействие террористической деятельности». Авторы анализируют структурные элементы криминалистической характеристики, включая способы совершения преступления, механизм следообразования, личность преступника и обстановку совершения преступления. Особое внимание уделяется современным тенденциям в способах содействия террористической деятельности, в частности использованию цифровых технологий для вербовки и финансирования. На основе анализа судебной практики и научных источников выявляются специфические особенности расследования данного вида преступлений, предлагаются рекомендации по совершенствованию методики расследования.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, механизм следообразования, личность лица, содействующего террористической деятельности, террористическая деятельность, вербовка, финансирование терроризма.

Для цитирования: Козлов А. Е., Дудченко Л. В. Теоретико-криминалистическая характеристика содействия криминалистической деятельности // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 253–263.

FORENSIC CHARACTERISTICS OF ASSISTANCE TO TERRORIST ACTIVITIES

Alexander Ev. Kozlov[1], Lolita V. Dudchenko[2]
[1]Sankt-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg, Russia
[2]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

[1]a.e.kozlov-umvd@yandex.ru
[2]lv_dudchenko92@mail.ru

Annotation. The article considers topical problems of the formation of the forensic characteristics of a crime under Art. 205.1 of the Criminal Code of the Russian Federation "Assistance to terrorist activities." The authors analyze the structural elements of the forensic characteristic, including the methods of committing a crime, the mechanism of trace formation, the identity of the offender and the situation in which the crime was committed. Particular attention is paid to current trends in ways to facilitate terrorist activities,

in particular the use of digital technologies for recruitment and financing. Based on the analysis of judicial practice and scientific sources, specific features of the investigation of this type of crime are revealed, recommendations are proposed to improve the investigation methodology.

Keywords: forensic characteristics, mechanism of trace formation, identity of a person assisting terrorist activities, terrorist activities, recruitment, financing of terrorism.

For citation: Kozlov A. E., Dudchenko L. V. Theoretical and forensic characteristics of the promotion of forensic activities // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova. 2026. № 1(106). P. 253–263.

В условиях глобализации и цифровой трансформации современное общество столкнулось с качественно новой угрозой террористического характера, отличающейся децентрализованностью, транснациональным характером и высокой адаптивностью. На сегодняшний день противодействие терроризму невозможно сводить исключительно к привлечению к уголовной ответственности непосредственных исполнителей террористических актов. Значительную, а зачастую и решающую роль в реализации преступлений данной категории играет деятельность лиц, оказывающих содействие террористическим действиям, не входящих при этом в непосредственные специализированные структуры террористического характера. Дифференцированная сеть пособничества, включающая финансирование, информационную, материально-техническую и иную поддержку, создаёт инфраструктуру, без которой существование террористических организаций становится невозможным. В этой связи криминалистическая характеристика состава преступления, предусмотренного ст. 205.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Содействие террористической деятельности»[1], приобретает первостепенное значение.

Рассматривая классическое определение криминалистической характеристики, сформулированное Р. С. Белкиным, определяющим её как вероятностную модель события, играющую ключевую роль в выдвижении следственных версий и снижении информационной неопределённости на начальном этапе расследования, отметим, что оно сохраняет свою методологическую ценность [1, с. 56].

Следует полагать, что криминалистическая характеристика преступлений – это один из центральных вопросов организации и обеспечения расследования преступлений. Значение криминалистической характеристики преступлений сложно переоценить. О значимости криминалистической характеристики преступлений говорят многие авторы. Вместе с тем в криминалистической доктрине сохраняется дискуссия относительно сущности и формы представления криминалистической характеристики. Ряд исследователей рассматривает её как типовой перечень обстоятельств, другие – как описание, совокупность сведений или информационную модель преступлений (С. А. Потапов [2, с. 142], Т. Ф. Гелюс [3, с. 23], А. А. Светличный [4, с. 350] и др.). Помимо этого, важно понимать, что криминалистическая характеристика как практическая категория находится в постоянном развитии. Следствием этого выступает появление новых тенденций. Так, в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ[2] во многом на основе содержания криминалистической характеристики преступления сформулирован предмет доказывания. По Р. С. Белкину [1, с. 58], в криминалистическую характеристику преступлений включены следующие

[1] Уголовный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
[2] Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

основные элементы: исходная информация о системе данных относительно способа совершения преступления; особенности сокрытия преступлений; типичные последствия (следы) от применения способов совершения и сокрытия преступлений; личность вероятного преступника, его цели и мотивы, личность вероятной жертвы; отдельно взятые обстоятельства совершения преступления (время, место, обстановка).

Анализ существующих подходов показывает отсутствие единой позиции относительно структуры криминалистической характеристики преступлений. Многообразие предлагаемых моделей зачастую обусловлено спецификой конкретного вида преступлений, что, в свою очередь, затрудняет формирование консолидированного понимания данной категории. В этой связи в рамках настоящего исследования предпринята попытка систематизации элементов криминалистической характеристики применительно к составу преступления, предусмотренного ст. 205.1 УК РФ «Содействие террористической деятельности».

Традиционно в первую очередь детальному рассмотрению подлежит содействие. Под содействием террористической деятельности в теории уголовного права и криминалистики понимается вся совокупность действий, направленных на обеспечение её функционирования, включая организацию, финансирование, пропаганду, вербовку новых участников, а также иные виды поддержки террористической деятельности. Как верно отмечено С. Д. Леоненко, профессором академии военных наук, практическая составляющая содействия террористической деятельности выражается в форме оказания помощи террористам. Это и оружие, деньги, жилье, транспорт, а главное – информация для совершения поджогов, убийств, взрывов и других действий, направленных на устрашение властей и населения.

Вместе с тем П. Л. Ишимов [5, с. 304] называет одним из центральных способов содействия террористической деятельности её организационную поддержку. Данная форма содействия охватывает такие действия, как помощь в создании террористических группировок, структурировании их внутренней иерархии, а также координации деятельности её участников. В контексте этого наиболее опасным аспектом организационного содействия, как отмечает В. В. Лунеев, является вербовка новых членов. Этот процесс направлен на расширение всех форм террористической деятельности. Частными способами содействия этому незаконному виду деятельности являются прямые методы (шантаж, подкуп) и более скрытые формы воздействия, такие как идеологическая обработка и вовлечение уязвимых социальных групп через пропаганду экстремистских идей. Вербовка, таким образом, становится ключевым фактором устойчивости и продолжительности деятельности террористических организаций.

Другим аспектом содействия является финансирование террористической деятельности. Как подчёркивает А. А. Абрамова [6, с. 14], финансирование – это основа её обеспечения. Материальные ресурсы в этом смысле являются необходимым условием для подготовки и совершения преступлений террористической направленности, а также поддержания функционирования преступных групп и отдельных лиц в обозначенной сфере. Примечательно, что финансирование может осуществляться за счёт легальных источников, когда лица даже не подозревают, что их средства используются для поддержки терроризма (например, через пожертвование). В данном случае отсутствие умысла не влечёт уголовную ответственность, но также способствует существованию терроризма как явления. Преступное финансирование, напротив, осуществляется с осознаем того, куда и зачем направляются средства, и преимущественно за счёт совершения других преступлений, таких как незаконный оборот оружия и наркотических средств, контрабанда, вымогательство, похищение людей, при этом в таком виде финансирование остаётся чаще всего скрытым от правоохранительных органов, за исключением единичных переводов денежных

средств, что и составляет статистику преступлений, предусмотренных ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ (согласно судебной статистике, в 2024 году количество осуждённых в России по данной статье составляет 89 человек[1]). То есть более сложные и организованные формы финансирования терроризма являются трудно выявляемыми, потому что их реализация осуществляется из-за рубежа, с использованием анонимных платёжных инструментов и т. д. Реже финансирование осуществляется в виде предоставления предметов обмундирования, экипировки, средств связи, лекарственных препаратов, жилых либо нежилых помещений, транспортных средств и иных материальных средств.

Особую роль в содействии террористической деятельности играет пропаганда. Распространение идеологий, оправдывающих терроризм или формирующих позитивное отношение к этому явлению, является важным элементом вербовки новых участников и радикализации отдельных слоёв населения. Всё чаще учёные-правоведы подчёркивают, что современные технологии, в особенности интернет и социальные сети, предоставляют пособникам содействия террористической деятельности широкие возможности для массового распространения своей пропаганды [7, с. 36; 8, с. 297]. Эта форма содействия особенно опасна тем, что способствует увеличению числа сторонников идеологии терроризма, а также поддержке высокого уровня готовности к насильственным действиям среди радикально настроенной части населения.

Интересной, на наш взгляд, формой содействия террористической деятельности является консультирование. Несмотря на то что примеров из судебной практики в обозначенной сфере нами обнаружено не было, нельзя не исключать «противоправное юридическое сопровождение» на стадии, когда преступление ещё не было совершено, для того, чтобы избежать юридической ответственности в случае изобличения в подготовке или осуществления преступной деятельности (к этой форме содействия можно отнести советы, что делать после задержания, каким образом лучше избавится от следов преступления и т. д.).

Важно отметить, что содействие террористической деятельности неразрывно связано со следующим элементом – способами совершения и сокрытия преступлений данной категории. Под криминалистической характеристикой способов совершения преступления принято понимать целенаправленную деятельность лица, направленную на достижение противоправного результата с применением определённых приёмов, средств и методов. В рамках содействия террористической деятельности под способами понимаются такие формы, как склонение, вербовка, вооружение, подготовка, финансирование, организационная поддержка, а также использование служебного положения.

Как можно удостовериться, наиболее распространённые – это типичные способы преступной деятельности, связанные с финансированием терроризма, в числе которых оказание финансовых услуг, а также иного материального обеспечения; предоставление или добровольное пожертвование финансовых и иных материальных средств; сбор финансовых и иных материальных средств с целью финансирования организации, подготовки, совершения преступления или совокупности преступлений террористического характера. Финансирование терроризма также может осуществляться путём передачи денежных и иных материальных средств при личной встрече; безналичным путём через систему денежных переводов с одного банковского счета на другой; путём использования систем денежных переводов без открытия банковского счета; путём оказания финансовых услуг.

Ключевым элементом для определения механизма преступления является анализ обстановки его совершения. Под обстановкой в данном контексте понимается комплекс

[1] Судебная статистика РФ. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК за 2024 год [Электронный ресурс]. URL: https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/11/s/1 (дата обращения 06.11.2025).

внешних и внутренних условий, в рамках которых осуществляется подготовка, непосредственное выполнение и сокрытие деяний, связанных с содействием террористической деятельности.

Данный элемент характеризует пространственные и временные аспекты совершения преступления в форме содействия террористической деятельности. Для определения наиболее типичных мест совершения рассматриваемых преступлений нами были проанализированы материалы правоприменительной практики, а именно: решения судов различных инстанций по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 205.1 УК РФ. Анализ производился посредством системы «Судебные и нормативные акты РФ». Всего было проанализировано 25 судебных решений за 2024–2025 годы.

Наиболее типичными местами совершения данных преступлений являются:

– социальные сети (65 %);
– место жительства (45 %);
– транспортное средство (5 %);
– форумы (25 %);
– мессенджеры (10 %).

При этом в каждом из случаев содействие террористической деятельности совершалось в условиях конспирации, которая пронизывает все этапы подготовки преступления и затрудняет его выявление на ранних стадиях. По справедливому утверждению П. Н. Бабина [9, с. 160], правоохранительные органы до самого момента совершения преступления могут оставаться в неведении о преступных намерениях, а о том, кто совершает конкретное преступление, могут не знать и в момент его совершения.

Время совершения преступления рассматриваемой категории достаточно сложно сгруппировать. Во многом это связано с тем, что между непосредственными действиями (бездействием) и конечным результатом, выразившимся в содействии террористической деятельности, часто проходит существенное время.

Следующим элементом криминалистической характеристики выступает следовая картина.

Его важность для предварительного расследования состоит в том, что первое, с чем сталкивается следователь, – это следы. Однако их надо уметь «прочитать» для того, чтобы понять то, что произошло. Это возможно лишь при условии знания механизма следообразования. При этом особенности механизма следообразования всегда зависят от специфики соответствующего вида преступлений. Причём этот механизм достаточно тесно связан со способом совершения преступления. Связан настолько тесно, что может показаться, что он и есть часть способа совершения преступления. Однако, механизм следообразования и способ совершения преступления, хотя достаточно тесно связаны друг с другом, – это процессы разные. Механизм следообразования никогда не планируется как способ совершения преступления преступником. Он является своеобразным побочным продуктом совершённого преступления. Возникает он в силу того, что всякое событие, явление, действие имеет способность отображаться в окружающем мире. Благодаря этому возникает вполне определённая система следов, которая представляет информационную ценность для предварительного расследования, а в дальнейшем – и для судебного разбирательства. Механизм следообразования – это процесс отображения следов преступления в окружающем мире. Знание его особенностей позволяет восстановить картину совершённого преступления, что делает возможным раскрытие, расследование преступлений и изобличение лиц, виновных в их совершении.

Как верно отмечено Н. А. Подольным [10, с. 5], что, в отличие от совершения акта терроризма, когда преступник не стремится к тому, чтобы оставить как можно меньше следов, при содействии террористической деятельности лицо, причастное

к преступлению, напротив, стремится оставить после себя максимально меньше следов. Мы согласны с мнением автора. Это содействие охватывает такие действия, как вербовка, вооружение, финансирование или организация преступления, которые требуют поддержания конспирации для длительного функционирования преступной группы.

С учётом того, что содействие включает широкий спектр действий (от вербовки до финансирования), характер следов может значительно варьироваться. К физическим следам относятся, например, следы оружия или взрывчатых веществ, переданных лицам для совершения террористических актов, документы или иные материальные объекты, использованные при подготовке преступления. Эти следы могут фиксироваться как на месте преступления, так и в местах его подготовки (по месту жительства, в транспортном средстве, в виде информации, передаваемой через сеть Интернет).

По делам о преступлениях, предусмотренных ст. 205.1 УК РФ, можно выделить несколько групп следов (материальные и идеальные следы). Они возникают в процессе подготовки, совершения и сокрытия преступления, и они становятся основным объектом, имеющим доказательственную ценность. Так, в следовую картину входят те следы (материальные и идеальные), которые характеризуют сам механизм совершённого преступления.

1. Показания свидетелей и очевидцев, по которым возможно установить лицо, причастное к содействию террористической деятельности (идеальные, то есть представления о преступных намерениях, которые могут быть зафиксированы в виде устных или письменных высказываний участников преступной группы, а также в виде свидетельских показаний).

2. Следы, которые указывают на тех лиц в соответствующей террористической организации, которые по планам руководителей этой организации в будущем должны также совершить какое-то вполне определённое преступление террористического характера.

3. Следы, указывающие на руководителей соответствующей террористической ячейки, которая, по мнению организаторов террора, должна ещё неоднократно «сработать».

4. Материальные следы, свидетельствующие о причастности лица к преступлению. Так, у лиц, причастных к содействию террористической деятельности, могут быть технические средства, в памяти которых могут находиться номера телефонов участников организованной группы (соучастников), различные заметки, переписки, метки с геопозицией или же изображение, например, с расположением объектов в интересах террористов, а также различные фотографии с описанием.

В жилых помещениях, в квартирах, на местах работы также возможно обнаружить следы преступления, различные тайники, например, в стенах, на потолках, в напольных покрытиях и во многих других местах (речь идёт об экстремистской литературе, оружии, боеприпасах, денежных средствах, мобильных устройствах, банковских картах, об иных источниках финансирования терроризма и средствах, способствующих поддержанию террористической деятельности).

Все исследованные элементы криминалистической характеристики содействия террористической деятельности – важная составляющая организации расследования данного вида преступлений.

Важно учитывать, что каждый элемент преступной деятельности, связанной с терроризмом – от вербовки и склонения до финансирования и вооружения – оставляет следы, которые впоследствии могут обеспечить достижение цели уголовного преследования – изобличения лица, виновного в содействии террористической деятельности.

Соответственно, обстановка, в которой совершаются эти преступления, оказывает прямое влияние на возможность их выявления и раскрытия.

Механизм следообразования при совершении финансирования терроризма существенно отличается от других преступлений террористического характера. При этом выделены четыре группы следов финансирования терроризма: следы-отображения пальцев рук и ног, оставленные при передаче денежных средств, оборудования тайников и др.; следы-предметы – бухгалтерские, банковские документы, в которых содержатся сведения о переводах денежных средств и иных финансовых операций; следы-предметы и документы (кассовые чеки, купоны, договор купли-продажи или дарения и т. д.); цифровые следы, содержащиеся в компьютерных устройствах, на съёмных носителях, в интернет-пространстве и т. д.

Заключительным элементом криминалистической характеристики выступает личность преступника. Изучение личности преступника в криминалистическом аспекте и последующая разработка на этой основе практических рекомендаций, повышающих эффективность расследования преступлений, традиционно входят в арсенал криминалистических средств, направленных на борьбу с преступностью. Обобщение личностных данных по совершённым преступлениям даёт возможность выявить общий психологический портрет лица, склонного к совершению того или иного вида преступления, что, в свою очередь, облегчает поиск и изобличение преступника на первоначальных этапах расследования, а также способствует установлению контакта с преступником после его выявления и задержания, а в дальнейшем позволяет более эффективно проводить предварительное расследование по уголовным делам.

Зачастую типичная личность преступника – лица, содействующего террористической деятельности, состоит из следующих признаков:

1) гендерные признаки. Одним из основных элементов социально-демографической характеристики личности выступает пол преступника;
2) возрастные признаки. С целью определения уровня криминогенной активности преступников тех или иных возрастных групп особое внимание следует обратить на возрастные характеристики лиц;
3) место жительства лица;
4) образовательный критерий;
5) гражданская принадлежность;
6) трудовая деятельность и род занятий;

Знание представленных информационных признаков повышает эффективность расследования содействия террористической деятельности и организации следственных действий с подозреваемыми (обвиняемыми) в обозначенной сфере.

Научно доказано, что особенности субъекта преступления по делам о содействии террористической деятельности характеризуются высокой степенью социальной уязвимости, что обусловлено преимущественно молодым возрастом, отсутствием стабильного источника дохода, низким уровнем образования, а также отсутствием прочных социальных связей.

Другой важнейшей категорией в криминалистике выступает ранее упомянутый «механизм совершения преступления». С точки зрения преступления, предусмотренного ст. 205.1 УК РФ, механизм совершения преступления подразумевает определение нескольких элементов. Одним из них как раз и являются способы совершения данного преступного деяния. Способы всегда предполагают активность лица в совершении преступления, его целенаправленность на получение преступного или иного противоправного результата. Так, специфика способов во многом определяется уголовно-правовыми особенностями рассматриваемого преступления.

Исходя из диспозиции ст. 205.1 УК РФ и её квалифицированных признаков, можно выделить следующие способы содействия террористической деятельности, которые образуют объективную сторону рассматриваемого деяния:

– склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений террористической направленности, а равно их вооружение и подготовка в обозначенных целях (ч. 1 ст. 205.1 УК РФ);

– финансирование терроризма (ч. 1.1. ст. 205.1 УК РФ);

– использование служебного положения (ч. 2 ст. 205.1 УК РФ);

– пособничество в содействии террористической деятельности (ч. 3 ст. 205.1 УК РФ);

– организация совершения хотя бы одного из преступлений террористической направленности, а равно организация финансирования терроризма (ч. 4 ст. 205.1 УК РФ).

Как уже отмечалось ранее, наиболее типичными способами содействия террористической деятельности выступают финансирование терроризма, а также склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205.2, частями первой и второй ст. 206, ст. 208, частями первой–третьей ст. 211, статьями 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, а равно вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений, то есть деяния, которые образуют состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205.1 УК РФ.

При этом в результате роста информационных технологий произошла смена преступных приоритетов, выразившаяся в отказе от традиционных форм преступности в пользу бесконтактных способов их совершения. То же самое относится к деяниям в виде содействия террористической деятельности, которые на современном этапе совершаются преимущественно бесконтактно с объектом вовлечения в совершение хотя бы одного из преступлений террористической направленности либо путём финансирования терроризма. Обусловлено это по ряду объективных причин, таких как:

– отсутствие контакта с «жертвой» преступления и лицом, которое планируется вовлечь в совершение преступления террористической направленности;

– распространённость средств мобильной связи среди всех категорий граждан и их невысокая стоимость;

– низкая вероятность изобличения лица, причастного к преступлению;

– сокрытие следов преступления простой сменой средств мобильной связи;

– возможность совершения деяния, территориально находясь в другом городе или стране; с использованием подменных и скрытых номеров; абонентских номеров без регистрации; открытых на третьих лиц, в том числе средств легализации преступных доходов, и т. д.

Способ совершения преступления как элемент криминалистической характеристики отражает целенаправленную деятельность лица, направленную на достижение противоправного результата с применением определённых приёмов, средств и методов. В рамках содействия террористической деятельности под способами понимаются такие формы, как склонение, вербовка, вооружение, подготовка, финансирование, организационная поддержка, а также использование служебного положения.

В свою очередь, механизм следообразования представляет собой процесс отображения элементов преступного события в окружающей обстановке посредством образования следов, обусловленных взаимодействием между субъектом преступления, его действиями и средой совершения деяния. Принципиальное отличие механизма следообразования от способа совершения преступления заключается в том, что первый не является результатом целенаправленного волевого поведения субъекта, а представляет собой побочный, но закономерный феномен, сопровождающий реализацию преступного намерения. В то время как способ формируется осознанно, исходя из поставленных преступных целей, механизм следообразования возникает объективно, независимо

от воли преступника. Характер следообразования по делам о содействии террористической деятельности во многом определяется спецификой применяемых способов.

Характер следообразования при расследовании содействия террористической деятельности обусловлен спецификой применяемых способов совершения преступления. В случае финансирования терроризма следы выражаются в форме банковских документов, цифровых транзакций, логов, метаданных, а также наличных денежных средств, средств связи, экипировки и иных материальных объектов. При использовании вербовки или при склонении посредством информационно-телекоммуникационных технологий основное значение приобретают цифровые следы: переписка, голосовые сообщения, геолокационные данные, фото- и видеоматериалы с радикальным содержанием.

Таким образом, резюмируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы. Установлено, что криминалистическая характеристика содействия террористической деятельности обладает комплексной структурой, включающей совокупность типичных признаков, закономерностей и информационных моделей, отражающих особенности данного вида преступлений. Элементами такой характеристики выступают: содействие террористической деятельности; способы совершения и предотвращения содействующих действий, особенности механизма их реализации, следовая картина, личность преступника, а также внешние и внутренние условия, определяющие обстановку совершения преступления. Данная криминалистическая характеристика служит не только теоретической моделью, но и практическим инструментом. Она позволяет на начальном этапе расследования, опираясь на систематизированное знание о содействии, способах, обстановке, следах и личности преступника, выдвигать обоснованные версии и избирать наиболее эффективные направления расследования. Комплексный учёт этих элементов является залогом успешного противодействия террористической деятельности и, как следствие, повышения уровня национальной и международной безопасности.

---

1. Аверьянова Т. В. Криминалистика : учебник / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. 928 с.
2. Потапов С.А. Значение криминалистической характеристики преступлений в расследовании неочевидных преступлений // Социально-экономические явления и процессы .2017, т. 12. № 4. С. 141–148.
3. Гелюс Т. Ф. К вопросу о значении и использовании на практике криминалистической характеристики преступлений // Правовая культура России: современное состояние и тенденции развития : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Хабаровск-Южно-Сахалинск, 07–09 ноября 2019 года / Под общей редакцией С.Е. Туркулец, Е.В. Листопадовой. Хабаровск-Южно-Сахалинск: Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2019. С. 23-26.
4. Светличный А. А. К вопросу о значении и дискуссионности структуры криминалистической характеристики преступлений // Криминалистика и новые вызовы современности (58-е криминалистические чтения) : сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 17 ноября 2017 года. М.: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. С. 349-355.
5. Ишминов П. Л. Особенности расследования уголовных дел террористической направленности // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и права». 2022. № 2. С. 302-306.
6. Абрамова А. А. Расследование финансирования терроризма. М. : Издательство «Юрлитинформ», 2023. 200 с.

7. Мурадова А. Г. Социальные сети как инструмент для пропаганды терроризма и противодействие террористическим структурам в СМИ в странах СНГ // Постсоветские исследования. 2023. Т. 6, № 1. С. 30-41.
8. Сидорова М. В. Практики взаимодействия образовательных организаций с органами внутренних дел по предупреждению экстремистских проявлений среди несовершеннолетних на примере Орловской области // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 295-303.
9. Бабин П. Н. Особенности криминалистической характеристики терроризма // Национальная безопасность в современной России: стратегия противодействия экстремизму и терроризму и перспективы преодоления глобальных проблем: материалы Всероссийской научной конференции: в 2 томах, Саранск, 20–21 октября 2016 года. Том 1. Саранск: Индивидуальный предприниматель Афанасьев Вячеслав Сергеевич, 2016. С. 157-163.
10. Подольный Н.А. Значение разрешения ситуации информационной неопределённости для расследования преступлений // Российский следователь. 2011. № 17. С. 4-6.

1. Aver`yanova T. V. Kriminalistika : uchebnik / T. V. Aver`yanova, R. S. Belkin, Yu. G. Koruxov, E. R. Rossinskaya. 4-e izd., pererab. i dop. M. : Norma : INFRA-M, 2023. 928 s.
2. Potapov S.A. Znachenie kriminalisticheskoj xarakteristiki prestuplenij v rassledovanii neochevidny`x prestuplenij // Social`no-e`konomicheskie yavleniya i processy` .2017, t. 12. № 4. S. 141–148.
3. Gelyus T. F. K voprosu o znachenii i ispol`zovanii na praktike kriminalisticheskoj xarakteristiki prestuplenij // Pravovaya kul`tura Rossii: sovremennoe sostoyanie i tendencii razvitiya : Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Xabarovsk-Yuzhno-Saxalinsk, 07–09 noyabrya 2019 goda / Pod obshhej redakciej S.E. Turkulecz, E.V. Listopadovoj. Xabarovsk-Yuzhno-Saxalinsk: Dal`nevostochny`j gosudarstvenny`j universitet putej soobshheniya, 2019. S. 23-26.
4. Svetlichny`j A. A. K voprosu o znachenii i diskussionnosti struktury` kriminalisticheskoj xarakteristiki prestuplenij // Kriminalistika i novy`e vy`zovy` sovremennosti (58-e kriminalisticheskie chteniya) : sbornik statej Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Moskva, 17 noyabrya 2017 goda. M.: Akademiya upravleniya Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii, 2018. S. 349-355.
5. Ishminov P. L. Osobennosti rassledovaniya ugolovny`x del terroristicheskoj napravlennosti // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «E`konomika i prava». 2022. № 2. S. 302-306.
6. Abramova A. A. Rassledovanie finansirovaniya terrorizma. M. : Izdatel`stvo «Yurlitinform», 2023. 200 s.
7. Muradova A. G. Social`ny`e seti kak instrument dlya propagandy` terrorizma i protivodejstvie terroristicheskim strukturam v SMI v stranax SNG // Postsovetskie issledovaniya. 2023. T. 6, № 1. S. 30-41.
8. Sidorova M. V. Praktiki vzaimodejstviya obrazovatel`ny`x organizacij s organami vnutrennix del po preduprezhdeniyu e`kstremistskix proyavlenij sredi nesovershennoletnix na primere Orlovskoj oblasti // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2025. № 2(103). S. 295-303.
9. Babin P. N. Osobennosti kriminalisticheskoj xarakteristiki terrorizma // Nacional`naya bezopasnost` v sovremennoj Rossii: strategiya protivodejstviya e`kstremizmu i terrorizmu i perspektivy` preodoleniya global`ny`x problem: materialy` Vserossijskoj nauchnoj konferencii: v 2 tomax, Saransk, 20–21 oktyabrya 2016 goda. Tom 1. Saransk: Individual`ny`j predprinimatel` Afanas`ev Vyacheslav Sergeevich, 2016. S. 157-163.

10. Podol`ny`j N.A. Znachenie razresheniya situacii informacionnoj neopredelyonnosti dlya rassledovaniya prestuplenij // Rossijskij sledovatel`. 2011. № 17. S. 4-6.

Информация об авторах

Александр Евгеньевич Козлов. Доцент кафедры криминалистики, кандидат юридических наук, доцент.
Санкт-Петербургский университет МВД России.
198206, Россия, Санкт-Петербург, улица Лётчика Пилютова, 1.

Лолита Вадимовна Дудченко. Преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, Орёл, ул. Игнатов, 2.

Information about the authors

Alexander Ev. Kozlov. Associate Professor of the Department of Criminology. Candidate of Law, Associate Professor.
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot Str., 1.

Lolita V. Dudchenko. Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines. Candidate of Law Sciences.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 12.01.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.
The article was received in the editorial office on 12.01.2026; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научная статья
УДК 343.98

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА

Колычева Алла Николаевна[1], Васюков Виталий Федорович[2]
[1]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл, Россия
[2]Московская академия Следственного комитета имени А. Я. Сухарева, Москва, Россия

[1]allakolycheva87@gmail.com
[2]vvf0109@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные организационные и процессуальные аспекты расследования мошенничеств в форме дознания на первоначальном этапе. Отражены обстоятельства, которые требуют особого внимания при расследовании рассматриваемой категории преступлений. Затрагивается вопрос сбора и хранения цифровых доказательств. Обозначены обстоятельства, требующие особого вниманию при производстве осмотра места происшествия. Определены значимые аспекты, способствующие повышению результатов расследования мошенничеств.

Ключевые слова: мошенничество, осмотр, проверочные мероприятия, потерпевший, средства платежа, уголовное дело.

Для цитирования: Колычева А. Н., Васюков В. Ф. Отдельные аспекты первоначального этапа расследования мошенничеств, совершенных с использованием средств платежа // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 264–269.

SOME ASPECTS OF THE INITIAL STAGE OF INVESTIGATING FRAUDULENT ACTS COMMITTED USING PAYMENT MEANS

Alla N. Kolycheva[1], Vitaly F. Vasyukov[2]
[1]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia
[2]Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee, Moscow, Russia

[1]allakolycheva87@gmail.com
[2]vvf0109@yandex.ru

Annotation. The article discusses certain organizational and procedural aspects of fraud investigations in the form of inquiries at the initial stage. It reflects the circumstances that require special attention during the investigation of this category of crimes. The article also addresses the issue of collecting and storing digital evidence. It highlights the circumstances that require special attention during the examination of the crime scene. The article identifies significant aspects that contribute to improving the results of fraud investigations.

Keywords: fraud, inspection, verification measures, victim, means of payment, criminal case.

For citation: Kolycheva A. N., Vasyukov V.F. Some aspects of the initial stage of investigating fraudulent acts committed using payment means // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. № 1(106). P. 264–269.

Согласно аналитическим данным МВД России, в стране ежегодно несколько лет подряд снижается количественный показатель совершённых преступлений. Однако в общем объёме совершённых преступлений чаще всего совершаются хищения в форме краж и мошенничеств. Согласно статистике, представленной на сайте МВД России, в период времени с января по ноябрь 2025 года было зарегистрировано 1641,3 тысячи преступлений. Мошенничества в обшей структуре преступлений составили 23,3 %, больше только кражи – 25,5 %[1]. В рамках данной статьи рассмотрим подробнее криминалистические и процессуальные аспекты расследования преступлений, совершаемых путём обмана или злоупотребления доверием, а также введением лица в заблуждение, то есть мошенничества.

В период проверки поступившего заявления (сообщения) о совершённом преступлении основной задачей органа предварительного следствия совместно с органом дознания является принятие мер в рамках предварительной оперативной проверки, направленных на установление наличия или отсутствия состава преступления.

При рассмотрении конкретного состава преступления, такого как мошенничество с использованием электронных средств платежа, целесообразно говорить о необходимости быстрого оперативного и процессуального реагирования должностных лиц органов предварительного расследования в рамках проверочных мероприятий для блокировки возможностей причастных лиц скрыть и без того немногочисленные следы преступления.

Особые сложности несут мошенничества, совершаемые с использованием электронных денежных средств, криптовалюты и электронных кошельков, так как преступные действия совершаются дистанционно, с использованием информационных технологий, что в разы усложняет задачу по обнаружению следов преступления и изобличению причастных лиц.

Однако в случаях, когда мошенничество совершается с использованием банкоматов, возможность изобличения виновного увеличивается. Такое стечение обстоятельств требует незамедлительного реагирования и проверки информации путём просмотра установленных на банкомате и вблизи него видеокамер, а также опроса возможных очевидцев мошеннических действий [1, с. 108–120].

Такую проверку чаще всего осуществляют оперативные сотрудники в рамках отработки поступившей информации с последующей передачей результатов следователю.

Наиболее частыми источниками информации о совершении мошеннических действий выступают:

– граждане, заявившие о преступлении;

– сообщения банков, коммерческих или финансовых учреждений;

– магазины и другие организации сферы обслуживания;

– публикации в средствах массовой информации и социальных сетях.

Стоит отметить, что банки ведут постоянный мониторинг операций по выпускаемым ими банковским картам, что позволяет выявлять мошеннические схемы на ранних этапах. В случае совершения нетипичных операций по банковским картам, таким как внезапный перевод крупной суммы после постоянного совершения покупок на зна-

[1] Состояние преступности в Российской Федерации за январь - ноябрь 2025 года / МВД РФ ФКУ «ГИАЦ» [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/reports/item/ (дата обращения: 30.01.2026).

чительно меньшие суммы, перевод денежных средств в различные точки мира в течение короткого промежутка времени.

В таких случаях основными задачами проверочных действий являются:

1. Установление времени, места, способа совершённых мошеннических действий;
2. Выявление лиц, причастных к проводимым мошенническим схемам, сбор информации о личности, соучастниках, потерпевшей стороне;
3. Незамедлительные действия по принятию мер задержания мошенников в случаях, когда их личность удалось оперативно установить;
4. Установление размера причинённого ущерба [2, с. 25–26].

Если в ходе предварительной оперативной проверки установить лицо, совершившее преступление, или же хотя бы его приметы не представилось возможным, сделать это в дальнейшем становится всё затруднительнее. Также оперативными сотрудниками прорабатывается вопрос о возможной причастности к деянию лиц из ближайшего окружения потерпевшего лица, а также лиц, имеющих судимость за подобного рода преступления.

В тех случаях, когда мошенничества совершаются путём применения инновационных дистанционных технологий, вопрос изобличения причастных лиц становится намного затруднительнее. В таком случае мошенники физически могут находиться в любой точке мира, в связи с чем ставится под сомнение какая-либо даже минимальная вероятность, например, разыскной ориентировки исходя из внешних особенностей причастных лиц.

При совершении мошенничества с электронными средствами платежа дистанционно имеет место ряд особенностей:

– отсутствие материальных следов преступления;

– отсутствие возможности оперативного изобличения личности мошенников;

– наличие только лишь электронно-цифровых следов или «электронных доказательств».

Остановимся подробнее на последнем пункте. Так, в УПК РФ не содержится термина «электронные доказательства», что составляет существенные неудобства в процессе приобщения таковых к материалам уголовного дела.

В правоприменительной практике широко используется приобщение электронных документов в качестве доказательств, однако делается это посредством помещения их на материальный носитель (флеш-карта, диск). С одной стороны, такой способ удобен и нашёл широкое применение среди следователей, однако это не всегда удобно и приводит к дополнительным финансовым затратам.

Данную позицию допустимо обосновать тем, что мошеннические схемы, совершаемые с помощью дистанционных технологий сети Интернет, невозможны без использования специализированных электронных кодов, программ и приложений, различных файлов, которые имеют доказательственное значение. Объёмы их в общем количестве уголовных дел (и это не только мошенничества, в которых фигурируют информационно-телекоммуникационные технологии) являются значительными.

При выявлении и обнаружении специализированных кодов, программ, компьютерного обеспечения, при помощи которых проводились мошеннические схемы, следователю необходимо приобщить такие данные к уголовному делу, так как вышеупомянутые объекты являются практически единственными объектами, составляющими доказательственную базу. Однако с этим у следователей возникают существенные проблемы, так как крайне редко бывает возможность перенесения полученных кодов и вредоносных программ на материальный носитель, который в дальнейшем можно было бы приобщить в качестве вещественного доказательства. Подобная работа требует привлечения высококвалифицированных специалистов программистов [3, с. 102].

Ввиду стремительного перехода общества практически во всех сферах жизни на онлайн-хранилища считаем назревшим введение единой электронной облачной базы для всех министерств и ведомств, уполномоченных осуществлять предварительное расследование с учётом соблюдения режима секретности для работы с доказательствами. Доступ к такой базе должен быть возможен прокурорам и судьям. А для потерпевших, обвиняемых и их защитников при ознакомлении с материалами уголовного дела доступ для ознакомления может осуществлять орган предварительного расследования, вынесший итоговое решение.

Что касается следственных действий на первоначальном этапе расследования, то необходимо отметить следующее. Как уже упоминалось выше, мошенничество с использованием электронных средств платежа – довольно специфичный вид уголовно наказуемых деяний [4, с. 89–101]. Если в отдельных случаях совершения мошенничества с банковскими картами присутствует как таковое место преступления, то в случаях с электронными платформами фактическое место преступления отсутствует. Проведение осмотра места происшествия по таким составам часто ставится следователями под сомнение.

В большинстве случаев при поступлении сообщения о дистанционном мошенничестве обычно известны такие установочные данные, как место нахождения потерпевшего во время совершения мошенничества, а также место перевода денежных средств [5, с. 184–186]. Если жертва мошеннических действий подверглась таковым посредством сети Интернет, с согласия заявителя производится осмотр места происшествия в жилом помещении, где расположены компьютерные устройства, что является одной из гарантий обеспечения законности предварительного расследования [6, с. 152–160].

В подавляющем большинстве случаев такого рода мошенничества совершаются непосредственно с использованием мобильного устройства потерпевшего. При осмотре мобильного телефона эффективнее всего привлечение специалиста.

Также необходимо отметить, что одним из ключевых моментов при осмотре является анализ приложения мобильного банка, а именно истории платежей и последних операций по счетам. Эти данные как раз можно отнести к анализируемой нами ранее сложной категории «электронных доказательств», но более надёжным вариантом является запечатление таких сведений посредством фотосъёмки, результаты которой оформляются в виде фототаблицы и приобщаются к протоколу осмотра.

Следует также отметить, что, если для осмотра мобильного устройства требуется длительное время и наличие специальных познаний в технической сфере, такое устройство изымается с целью его подробного исследования посредством отдельного следственного действия – осмотра предметов.

Стоит учитывать тот факт, что новые информационные технологии позволяют злоумышленникам осуществлять свою преступную деятельность путём удалённого доступа, что влечёт за собой рассредоточение потерпевших едва ли не по всем субъектам Российской Федерации, что существенно усложняет процесс получения необходимой информации в том числе и на первоначальном этапе расследования. Использование видео-конференц-связи в отдельных случаях является тем средством, которое позволяет получить значимые доказательства в более короткие сроки [7, с. 282–288].

Исходя из вышеизложенного, мы приходим к выводу том, что первоначальный этап расследования преступлений, связанных с совершением мошенничеств с использованием электронных средств платежа, включает в себя тесное взаимодействие органов следствия и дознания, производства разнообразных следственных и процессуальных действий, направленных на отыскание, сбор и фиксацию доказательств. Именно на этом этапе происходит оперативное выяснение обстоятельств, а также получение информации, которая в дальнейшем может стать основной доказательственной базой.

Кроме этого, процесс расследования нуждается в технологическом усовершенствовании и внедрении возможностей, которыми обладает современный мир.

1. Куликова И. Е. Некоторые вопросы взаимодействия следователя с оперативными работниками при раскрытии и расследовании мошенничеств // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 2(22). С. 108-120.
2. Новоселов В. А. Криминалистическое исследование мошенничества с использованием пластиковых банковских карт : дис. … магистра. Томск, 2018. 63 с.
3. Сретенцев Д. Н. Особенности использования электронных следов в расследовании преступлений // Современное уголовно-процессуальное право - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию принятия УПК РСФСР 1922 г. Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2022. С. 101-104.
4. Колычева А. Н., Васюков В. Ф. Отдельные аспекты противодействия использованию криптовалют в преступных целях // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2025. № 1(33). С. 89–101.
5. Семенихина Т. Н. Особенности проведения осмотра места происшествия при проверке заявления (сообщения) о дистанционном мошенничестве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 7. С. 184–186.
6. Булыжкин А. В., Морозова Н. В. Обеспечение прав и законных интересов личности в досудебном производстве // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2025. № 1(102). С. 152-160.
7. Проказин Д. Л., Флоря Д. Ф. Применение системы видео-конференц-связи при производстве следственных действий на стадии предварительного расследования // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2025. № 1(102). С. 282-288.

1. Kulikova I. E. Nekotory`e voprosy` vzaimodejstviya sledovatelya s operativny`mi rabotnikami pri raskry`tii i rassledovanii moshennichestv // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. 2022. № 2(22). S. 108-120.
2. Novoselov V. A. Kriminalisticheskoe issledovanie moshennichestva s ispol`zovaniem plastikovy`x bankovskix kart : dis. .. magistra. Tomsk, 2018. 63 s.
3. Sretencev D. N. Osobennosti ispol`zovaniya e`lektronny`x sledov v rassledovanii prestuplenij // Sovremennoe ugolovno-processual`noe pravo - uroki istorii i problemy` dal`nejshego reformirovaniya : Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashhennoj 100-letiyu prinyatiya UPK RSFSR 1922 g. Orel: OrYuI MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova, 2022. S. 101-104.
4. 4. Koly`cheva A. N., Vasyukov V. F. Otdel`ny`e aspekty` protivodejstviya ispol`zovaniyu kriptovalyut v prestupny`x celyax // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. 2025. № 1(33). S. 89–101.
5. Semenixina T. N. Osobennosti provedeniya osmotra mesta proisshestviya pri proverke zayavleniya (soobshheniya) o distancionnom moshennichestve // Gumanitarny`e, social`no-e`konomicheskie i obshhestvenny`e nauki. 2020. № 7. S. 184–186.
6. Buly`zhkin A. V., Morozova N. V. Obespechenie prav i zakonny`x interesov lichnosti v dosudebnom proizvodstve // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2025. № 1(102). S. 152-160.
7. Prokazin D. L., Florya D. F. Primenenie sistemy` video-konferencz-svyazi pri proizvodstve sledstvenny`x dejstvij na stadii predvaritel`nogo rassledovaniya // Nauchny`j

vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2025. № 1(102). S. 282-288.

Информация об авторах

Алла Николаевна Колычева. Доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, кандидат юридических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Виталий Федорович Васюков. Главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела, доктор юридических наук, профессор.
Московская академия Следственного комитета имени А. Я. Сухарева.
125080, Россия, г. Москва, ул. Врубеля, 12.

Information about the authors

Alla N. Kolycheva. Associate Professor of the Department of Criminalistics and Preliminary Investigation at the Interior Ministry, Candidate of Law.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Vitaly F. Vasyukov. Chief Researcher of the Scientific Research Department of the Moscow Academy of the Investigative Committee named after A.Ya. Sukharev, Doctor of Law, Professor.
Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee.
125080, Russia, Moscow, Vrubel Str., 12.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 17.02.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.
The article was received in the editorial office on 17.02.2026; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научная статья
УДК 343.985

ФИКСАЦИЯ ХОДА И РЕЗУЛЬТАТОВ ПРОВЕДЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Крынин Алексей Андреевич
Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

krynin.a.a@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные аспекты фиксации хода и результатов производства отдельных следственных действий с участием несовершеннолетних. Обоснованно критикуется сложившаяся на практике тенденция отказа следователей от применения видеофиксации даже в случаях, когда это прямо предусмотрено законом. Также вскрываются типичные ошибки и упущения при составлении фототаблиц к протоколам проверок показаний на месте, такие как отсутствие фиксации поведения несовершеннолетнего, эмоциональных и невербальных реакций, воспроизведения действий, что негативно сказывается на доказательственной ценности соответствующего следственного действия.

Ключевые слова: криминалистическая тактика, фиксация хода и результатов следственного действия, несовершеннолетние.

Для цитирования: Крынин А. А. Фиксация хода и результатов проведения отдельных следственных действий с участием несовершеннолетних // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 270–276.

RECORDING THE COURSE AND RESULTS OF SEPARATE INVESTIGATIVE ACTIVITIES INVOLVING MINORS

Alexey A. Krynin
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia

krynin.a.a@yandex.ru

Annotation. The article discusses the problematic aspects of recording the course and results of individual investigative actions involving minors. It justifiably criticizes the current practice of investigators refusing to use video recording, even in cases where it is explicitly provided for by law. The article also reveals typical errors and omissions in the preparation of photo tables for protocols of on-site testimony verification, such as the lack of recording of the minor's behavior, emotional and non-verbal reactions, and the reproduction of actions, which negatively affects the evidentiary value of the corresponding investigative action.

Keywords: forensic tactics, recording the course and results of investigative actions, and minors.

For citation: Krynin A. A. Recording the course and results of separate investigative activities involving minors // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry

of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2026. № 1(106). P. 270–276.

Проводимая в нашем государстве профилактическая работа, направленная на уменьшение числа преступлений, совершаемых несовершеннолетними либо при их соучастии, уже показала свою эффективность, выраженную в сокращении количества преступлений, совершённых несовершеннолетними либо при их соучастии [1, с. 305]. Вместе с тем, несмотря на положительную динамику в данной области, проблема преступности несовершеннолетних не утрачивает своей актуальности, а вопросы, затрагивающие тактико-криминалистические аспекты взаимодействия с данной категорией участников уголовного процесса, требуют системного и научно обоснованного подхода.

Кроме того, отдельного внимания заслуживает влияние криминализованных подростковых субкультур на поведение несовершеннолетних в ходе следственных действий. Такая негативная среда способствует формированию враждебного отношения к представителям власти и может обуславливать демонстративное, замкнутое или агрессивное поведение на допросах, отказ от сотрудничества, рецидив лжи, что требует от следователя особых коммуникативных и тактических навыков.

Несовершеннолетний участник уголовного процесса представляет собой сложную и уязвимую правовую фигуру, взаимодействие с которой требует тактической гибкости, педагогической чуткости и строгого соблюдения процессуальных гарантий. Следственные действия с участием подростков старше 14 лет (несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых) должны строиться на основе правовой информированности, логической последовательности и ориентации на выявление причинно-следственных связей, в то время как работа с малолетними потерпевшими и свидетелями требует применения щадящих, непрямых, игровой или наглядной формы взаимодействия с обязательным участием педагога и (или) психолога.

Современные уголовно-процессуальные нормы предусматривают различные формы фиксации следственных действий с участием несовершеннолетних, включая письменное протоколирование, аудио- и видеозапись, использование фотофиксации, схем и иных графических средств. Выбор способа фиксации зависит от характера следственного действия, возраста несовершеннолетнего, его психоэмоционального состояния, а также правовой оценки ситуации следователем.

Протокол следственного действия является основным документом, отражающим его ход и результаты.

Важной особенностью фиксации допроса несовершеннолетнего является необходимость детального отражения всех поставленных вопросов и ответов, причём с сохранением лексики допрашиваемого. Несовершеннолетние обладают ограниченными языковыми ресурсами, могут испытывать трудности в формулировке мыслей, поэтому протокол должен учитывать специфику их речи. Следователь обязан избегать внесения в протокол интерпретированных ответов, поскольку это может исказить смысл сказанного.

Особое внимание уделяется заверению протокола подписью всех участников следственного действия. Если несовершеннолетний не может подписать документ (например, в силу возраста или эмоционального состояния), это должно быть зафиксировано с соответствующим разъяснением.

Справедливо отмечена Д. Л. Проказиным и В. Н. Чаплыгиной необходимость проводить анализ не только личности допрашиваемого, но и его защитника, определяющего содержание показаний несовершеннолетнего подзащитного [2, с. 33].

Поскольку иногда защитник, консультируя несовершеннолетнего подзащитного, вообще ставит под сомнение необходимость дачи показаний. Кроме того, дача показаний несовершеннолетних напрямую зависит от тактики правильного выбора и привлечения законных представителей, дабы не допустить порождение атмосферы страха у несовершеннолетних при производстве следственных действий с их участием [3, с. 49].

При фиксации показаний потерпевшего только в протоколе утрачивается эмоциональная окраска самих показаний [4, с. 47]. Кроме того, в процессе взаимодействия между следователем и допрашиваемым происходит не только целенаправленный обмен информацией, но также и «утечка» информации в виде неконтролируемых реакций [5, с. 263].

Видеофиксация является важнейшим инструментом обеспечения достоверности следственного действия, особенно при допросе несовершеннолетнего по делам о преступлениях против половой неприкосновенности, тяжких и особо тяжких преступлениях. Законодательство обязывает использовать видеозапись в таких случаях, поскольку она позволяет сохранить интонационные и невербальные аспекты поведения несовершеннолетнего, что может иметь значение для оценки достоверности его показаний.

Аудио- и видеозапись исключает возможность искажения сведений, предотвращает случаи давления на несовершеннолетнего и минимизирует риск необходимости повторного допроса, что особенно важно для жертв преступлений, связанных с насилием. Наличие аудио- и видеозаписи также даёт возможность специалистам-психологам впоследствии анализировать эмоциональные реакции несовершеннолетнего на вопросы следователя, определять уровень его вовлечённости и возможные признаки внешнего влияния.

Несмотря на закреплённые в уголовно-процессуальном законодательстве положения о возможности и в ряде случаев обязательности фиксации следственных действий с помощью видеозаписи (ст. 189, 190, 191, 193 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)), в практической деятельности следователей по-прежнему наблюдается тенденция к уклонению от использования видеозаписывающих средств. Особенно остро эта проблема встаёт при производстве следственных действий с участием несовершеннолетних, для которых психологическая защищённость и гарантия достоверной фиксации имеют первостепенное значение. Следователи нередко склоняют участников следственного действия к отказу от видеосъёмки, формально ссылаясь на «ненадобность», «отсутствие технической возможности» или «неудобства фиксации». При этом участникам – несовершеннолетним, их представителям или даже защитникам – не разъясняется значение видеозаписи как механизма процессуальных гарантий.

Причины отказа от видеозаписи могут быть различны:

– нежелание фиксировать собственные ошибки или тактические приёмы, применяемые на грани допустимости (например, психологическое давление, наведение на нужный ответ);

– избежание последующего анализа допроса защитой или судом, особенно при работе с уязвимыми категориями участников (малолетние, лица с особенностями развития);

– психологический дискомфорт самого следователя, неуверенного в правильности своих действий;

– экономия времени – оформление видеозаписи требует дополнительной подготовки, хранения и приобщения к делу.

Особенно проблематичной становится ситуация, когда видеозапись является обязательной, как, например, при допросе несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля по делам о преступлениях против половой неприкосновенности (ч. 4 ст. 191 УПК РФ), однако следователь либо игнорирует требование закона, либо оформляет отказ по просьбе представителей. В связи с этим нам близка позиция тех авторов, которые считают целесообразным предусмотреть обязательность видеофиксации подозреваемых и обвиняемых, а для потерпевших и свидетелей – возможность следователя определять, когда есть такая необходимость, а когда она отсутствует [6, с. 65].

Допрос несовершеннолетнего требует особого подхода не только с точки зрения тактики его проведения, но и с точки зрения фиксации. Важно учитывать, что несовершеннолетние часто не могут дать чёткие и детализированные ответы, их показания могут быть эмоционально окрашенными, фрагментарными и даже противоречивыми. Это требует от следователя внимательного подхода к фиксации сказанного, включая обязательное отражение пауз, неуверенности в ответах, изменений интонации и жестов. Следователю важно получать комплексную ответную связь, корректируя дальнейшие действия и обновлённую тактику поведения [7, с. 48]. При этом стоит учитывать и тот факт, что в ряде ситуаций видеозапись допроса может повлечь негативные последствия для расследования, поскольку несовершеннолетний на камеру может замкнуться, не привести те подробности, которые он мог бы сказать без применения видеозаписи [6, с. 65].

Очная ставка с участием несовершеннолетнего проводится только в исключительных случаях, поскольку она может привести к дополнительному стрессу. В случае её необходимости фиксация должна вестись при помощи видеозаписи, чтобы исключить возможность психологического давления со стороны другого участника. Важно фиксировать не только содержание диалога, но и его эмоциональный фон, невербальные реакции несовершеннолетнего, что может свидетельствовать о его внутреннем состоянии.

Проверка показаний на месте – одно из наиболее значимых следственных действий, позволяющих проверить достоверность информации, сообщаемой подозреваемым или обвиняемым, посредством воспроизведения событий в условиях, максимально приближённых к реальности. При этом одним из важнейших элементов, обеспечивающих доказательственную ценность данного действия, является фототаблица, прилагаемая к протоколу, и (или) видеозапись. Однако в реальной следственной практике зачастую наблюдается формализм в оформлении таких фототаблиц, особенно при участии несовершеннолетних подозреваемых или обвиняемых.

Фототаблицы, прилагаемые к протоколам, нередко являются неполными по содержанию, ограниченными по количеству снимков и плохо отражающими поведенческие особенности несовершеннолетнего участника следственного действия. Как правило, в них фиксируются лишь общие виды местности и один-два кадра с изображением подозреваемого на фоне объекта, что подтверждает лишь его физическое нахождение в определённой точке пространства, но не демонстрирует конкретные действия, мимику, жестикуляцию, эмоциональное состояние или характер воспроизведения событий. В результате следователь, прокурор, судья и иные участники уголовного процесса лишаются возможности полноценно оценить

искренность, уверенность или, наоборот, признаки фантазирования и навязанных показаний у несовершеннолетнего.

Это особенно важно, поскольку дети и подростки могут быть склонны к механическому повторению ранее сообщённой информации без её осмысления или под воздействием взрослого авторитета – следователя, педагога, адвоката, родителя. Если фототаблица не демонстрирует моменты воспроизведения движений, указаний на ключевые детали, эмоциональных реакций, то она утрачивает доказательственную силу как средство фиксации проверки показаний, превращаясь в простую «регистрацию присутствия» на месте.

В одном из уголовных дел, возбуждённых в отношении 16-летнего подростка А., обвиняемого по п. «а» ч. 2 ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации (кража, совершённая группой лиц по предварительному сговору), следствием была проведена проверка его показаний на месте.

Подросток сообщил, что проник в частный дом через окно на заднем дворе. В протоколе проверки были подробно отражены его слова, однако прилагаемая фототаблица содержала всего три снимка: общий вид дома с улицы, изображение подозреваемого, стоящего у окна, и общий план двора. При этом отсутствовали снимки, на которых подросток указывал бы путь подхода к дому, конкретное окно, через которое он проник, действия, воспроизводимые им (например, как он открыл окно, что делал внутри). В суде защита поставила под сомнение достоверность воспроизведения событий, указав, что фотографиями не подтверждается факт активного поведения обвиняемого на месте, а только его нахождение рядом с объектом.

Суд, в свою очередь, признал, что фиксация действительно неполна, и обязал исследовать материалы видеозаписи (которая велась параллельно). Только благодаря видеозаписи удалось подтвердить, что подросток действительно точно указал путь, детали кражи и воспроизвёл поведение, не зная заранее, какие вопросы ему будут заданы[1].

Этот случай наглядно демонстрирует, что неполные фототаблицы лишают следственное действие его доказывающей силы, а при отсутствии видеозаписи – могут быть признаны недостаточным доказательством или подвергнуты сомнению в суде. Для обеспечения надлежащей доказательственной ценности проверки показаний на месте, особенно с участием несовершеннолетних, необходимо детально фиксировать процесс на фотоснимках: не только присутствие, но и действия, эмоции, указания на объекты; использовать по возможности видеозапись как основную форму фиксации; отражать в протоколе моменты взаимодействия несовершеннолетнего с обстановкой, его реакции, точность воспроизведения. Только комплексная фиксация следственного действия позволяет достоверно оценить качество воспроизведения показаний и их соответствие действительности, минимизируя риск признания доказательств недопустимыми или формальными.

Фиксация следственных действий с участием несовершеннолетних является не только обязательным процессуальным требованием, но и важнейшим инструментом защиты их прав и интересов. Использование современных технических средств, детальное протоколирование, применение видеозаписи и участие психологов позволяют минимизировать возможность ошибок и получить максимально достоверные данные. Важно, чтобы фиксация велась с учётом особенностей психики и возраста несовершеннолетнего, обеспечивая объективность результатов

[1] Приговор № 4-120/2024 от 01 февраля 2024 г. по делу № 4-120/2024. Кировский районный суд г. Томска (Томская область) [Электронный ресурс]. URL: sudact.ru (дата обращения: 20.09.2025).

следственного действия и исключая негативное воздействие на его эмоциональное состояние. Соблюдение данных требований способствует не только эффективности расследования, но и защите прав несовершеннолетних в уголовном процессе.

Завершая изложение, стоит отметить, что производство следственных действий с участием несовершеннолетних требует особого криминалистического и тактического подхода, основанного на учёте их возраста, психоэмоциональных особенностей и правового статуса. Здесь приоритетом становится не только получение достоверной информации, но и защита несовершеннолетнего от вторичной виктимизации. Особенно это актуально в делах, связанных с преступлениями против половой неприкосновенности, семейного насилия, а также при взаимодействии с малолетними. Тактика следственных действий с участием несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых должна учитывать как особенности их восприятия и поведения, так и наличие у них минимального правового сознания [8, с. 14]. В ходе допросов, очных ставок, проверок показаний на месте и предъявлений для опознания важно обеспечить не только соблюдение процессуальных норм, но и создание условий, исключающих давление, манипуляции и формирование ложных показаний.

---

1. Федотова Е. Н. Криминологическая характеристика современной преступности несовершеннолетних // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 304-312.
2. Проказин Д. Л., Чаплыгина В. Н. Особенности подготовки допроса несовершеннолетних подозреваемых при расследовании преступлений в сфере дорожного движения // Безопасность дорожного движения. 2024. № 3. С. 32-35.
3. Чаплыгина В. Н. Особенности расследования преступлений с участием несовершеннолетних, связанные с выяснением условий их воспитания // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2021. № 1. С. 46-50.
4. Аубакирова А. А. Закрепление показаний несовершеннолетнего потерпевшего в современном уголовном процессе Республики Казахстан // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2015. Т. 15, № 2. С. 43-48.
5. Морозова Н. В., Лазаренко О. Н. Некоторые вопросы проведения допроса несовершеннолетних подозреваемых // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. Орел, 2018. С. 262-266.
6. Семенов Е. А. Привлечение педагога или психолога к допросу несовершеннолетнего как процессуальная гарантия обеспечения его прав в уголовном процессе России // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2021. № 2(41). С. 64-65.
7. Булыжкин А. В. Устная и письменная речь следователя при производстве допроса // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. Орел, 2024. С. 47-56.
8. Дударев В. А. Процессуально-тактические аспекты проведения проверки показаний на месте с участием несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) // Российский следователь. 2021. № 11. С. 13-17.

1. Fedotova E. N. Kriminologicheskaya xarakteristika sovremennoj prestupnosti nesovershennoletnix // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2025. № 2(103). S. 304-312.

2. Prokazin D. L., Chaply`gina V. N. Osobennosti podgotovki doprosa nesovershennoletnix podozrevaemy`x pri rassledovanii prestuplenij v sfere dorozhnogo dvizheniya // Bezopasnost` dorozhnogo dvizheniya. 2024. № 3. S. 32-35.
3. Chaply`gina V. N. Osobennosti rassledovaniya prestuplenij s uchastiem nesovershennoletnix, svyazanny`e s vy`yasneniem uslovij ix vospitaniya // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina. 2021. № 1. S. 46-50.
4. Aubakirova A. A. Zakreplenie pokazanij nesovershennoletnego poterpevshego v sovremennom ugolovnom processe Respubliki Kazaxstan // Vestnik Yuzhno-Ural`skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2015. T. 15, № 2. S. 43-48.
5. Morozova N. V., Lazarenko O. N. Nekotory`e voprosy` provedeniya doprosa nesovershennoletnix podozrevaemy`x // Sovremennoe ugolovno-processual`noe pravo – uroki istorii i problemy` dal`nejshego reformirovaniya. Orel, 2018. S. 262-266.
6. Semenov E. A. Privlechenie pedagoga ili psixologa k doprosu nesovershennoletnego kak processual`naya garantiya obespecheniya ego prav v ugolovnom processe Rossii // Vestnik Barnaul`skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 2(41). S. 64-65.
7. Buly`zhkin A. V. Ustnaya i pis`mennaya rech` sledovatelya pri proizvodstve doprosa // Sovremennoe ugolovno-processual`noe pravo – uroki istorii i problemy` dal`nejshego reformirovaniya. Orel, 2024. S. 47-56.
8. Dudarev V. A. Processual`no-takticheskie aspekty` provedeniya proverki pokazanij na meste s uchastiem nesovershennoletnix podozrevaemy`x (obvinyaemy`x) // Rossijskij sledovatel`. 2021. № 11. S. 13-17.

Информация об авторе

Алексей Андреевич Крынин. Старший преподаватель кафедры криминалистики.
Барнаульский юридический институт МВД России.
656038, Россия, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49.

Information about the author

Alexey A. Krynin. Senior Lecturer of the Department of Criminalistics.
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
656038, Russia, Barnaul, Chkalova Str., 49.

Статья поступила в редакцию 29.09.2025; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.

The article was received in the editorial office on 29.09.2025; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
№ 1(106) 2026 г.
Научная статья
УДК 343.1

ЭВОЛЮЦИОННАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ

Латыпов Вадим Сагитьянович
Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия

vadi-latypov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу проблем досудебного производства в российском уголовном процессе и разработке концепции его системной реформы. На основе историко-правового и сравнительного методов автор выявляет ключевые дисфункции современной модели, обусловленные её эклектичным характером и наслоением разнородных правовых традиций. В качестве центральных проблем рассматривается архаичная стадия возбуждения уголовного дела, подконтрольный статус следователя, декларативность состязательности и гипертрофированная форма обвинительного заключения, подменяющая судебное разбирательство. В ответ на эти вызовы предлагается умеренно-консервативная программа оптимизации, включающая интеграцию начальных этапов процесса, утверждение ответственной автономии следователя, формализацию процедур защиты для реальной состязательности и упрощение итоговых решений для восстановления роли суда. Делается вывод о необходимости перехода от точечных поправок к построению внутренне непротиворечивой модели, сочетающей национальные традиции с современными стандартами справедливого правосудия.

Ключевые слова: уголовный процесс, досудебное производство, предварительное расследование, возбуждение уголовного дела, обвинительное заключение, процессуальная самостоятельность следователя, реформа досудебного производства, типология уголовного процесса.

Для цитирования: Латыпов В. С. Эволюционная конвергенция процессуальных моделей досудебного производства в контексте национальной следственной традиции // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 277–288.

EVOLUTIONARY CONVERGENCE OF PRE-TRIAL PROCEDURAL MODELS IN THE CONTEXT OF THE NATIONAL INVESTIGATIVE TRADITION

Vadim S. Latypov
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

vadi-latypov@yandex.ru

Annotation. The article is devoted to a comprehensive analysis of the problems of pre-trial proceedings in the Russian criminal process and the development of the concept of its systemic reform. Based on historical, legal and comparative methods, the author identifies the key dysfunctions of the modern model, due to its eclectic nature and the layering of heterogeneous legal traditions. The central problems are considered the archaic stage of the initiation of a criminal case, the controlled status of the investigator, the declarativeness of the

competition and the hypertrophied form of the indictment, which replaces the trial. In response to these challenges, a moderately conservative optimization program is proposed, including the integration of the initial stages of the process, the approval of the responsible autonomy of the investigator, the formalization of defense procedures for real competition and the simplification of final decisions to restore the role of the court. It is concluded that it is necessary to move from point amendments to building an internally consistent model that combines national traditions with modern standards of fair justice.

Keywords: criminal process, pre-trial proceedings, preliminary investigation, initiation of a criminal case, indictment, procedural independence of the investigator, reform of pre-trial proceedings, typology of the criminal process.

For citation: Latypov V. S. Evolutionary convergence of procedural models of pre-trial proceedings in the context of the national investigative tradition // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova. 2026. № 1(106). P. 277–288.

Актуальность совершенствования досудебного производства определяется его системообразующей ролью в российском уголовном процессе, предопределяя легитимность и справедливость правосудия в целом. Однако действующая модель представляет собой не результат целенаправленного проектирования, а исторически наслоившуюся совокупность норм, сформированную хаотичным смешением элементов различных правовых семей [1]. Генезис данной конструкции – от классической французской модели 1864 года до её трансформации в советский период с последующей интеграцией следственных полномочий в систему силовых ведомств – обусловил её внутреннюю противоречивость. Принятие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) 2001 года и последующие реформы не разрешили эти противоречия, а усугубили их механическим наложением принципа состязательности на советскую по сути модель, породив эклектичный синтез с устойчивыми дисфункциями: искусственные процессуальные барьеры, избыточная бюрократизация, дисбаланс полномочий и смещение «центра тяжести» процесса на досудебную стадию, что нивелирует принципы непосредственности и независимости суда. Таким образом, необходимость реформирования вызвана потребностью преодоления концептуального тупика. Целью исследования является разработка научно обоснованной концепции системной оптимизации на основе эволюционной конвергенции – целенаправленного синтеза национальных традиций с современными стандартами эффективности, состязательности и защиты прав личности.

Современная система досудебного производства в России представляет собой результат исторических трансформаций и доктринальных компромиссов, что ведущими процессуалистами характеризуется как «хаотичное смешение и переплетение разных, в том числе плохо совместимых элементов» [2, с. 621]. Истоки данной эклектичности восходят к реформе 1864 года, закрепившей классическую французскую модель с разделением судебного следствия и полицейского дознания. Революционные изменения 1917 года привели к кардинальному пересмотру этих основ: отрицание разделения властей обусловило утрату процессуальной автономии следователя, трансформированного в должностное лицо исполнительных органов, что стирало грань между функциями «полиции» и «юстиции». Параллельно происходила процессуализация дознания, эволюционировавшего в альтернативную форму расследования. В результате сформировался гибридный институт, где и следователь, и орган дознания, оставаясь в административных вертикалях, получили полномочия по формированию доказательств. Принятие УПК РФ 2001 года не преодолело этих противоречий, а усугубило их механическим наложением принципа состязательности на советскую по сути модель, что привело к формальному отнесению следователя и дознавателя к стороне обвинения

[2, с. 621–635]. Последующие организационные изменения, такие как создание Следственного комитета РФ, носили характер частичных корректив, не затрагивающих системных дисфункций и сохраняющих интеграцию следственных полномочий в структуру силовых ведомств [3].

Таким образом, исторически сложившаяся система предопределила сохранение архаичных институтов. Выход из концептуального тупика видится в осмысленной трансформации традиции через механизм эволюционной конвергенции, понимаемой как целенаправленный синтез, при котором элементы состязательной модели (процессуальное равенство, формализация защиты, судебный контроль) интегрируются в обновлённый каркас национальной следственной традиции. Критериями такой конвергенции являются: 1) функциональность – устранение конкретной дисфункции; 2) совместимость – органичное встраивание в систему публично-правовых гарантий без разрушения её основ; 3) контрбалансируемость – создание компенсирующих механизмов для противоположной процессуальной функции. Данный подход позволяет избежать как консервации разыскных пережитков, так и революционной ломки, предлагая стратегию внутренней оптимизации через селективную интеграцию внешних стандартов справедливого правосудия. Именно в этой парадигме следует рассматривать предлагаемые далее направления реформы.

Наиболее показательным в этом отношении является институт возбуждения уголовного дела, который концентрирует в себе ключевые системные проблемы досудебной стадии. Современное правовое регулирование, закреплённое главой 20 УПК РФ, демонстрирует устойчивый дисбаланс между декларируемыми гарантиями и их практической реализацией. Нормативное разделение проверки сообщения о преступлении (ст. 144 УПК РФ) и последующего предварительного расследования создаёт искусственный процессуальный барьер. В рамках проверочной стадии, как обоснованно указывает Л. М. Володина, уполномоченные лица лишены возможности осуществлять большинство следственных действий, что на практике ведёт к волоките, утрате доказательств и формализации принимаемых решений [4, с. 197–199]. О высокой степени декларативности процессуальных гарантий на этом этапе свидетельствует и значительный процент отменяемых постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела [4, с. 199]. Унаследованная от советского периода архитектоника начальной стадии вступает в противоречие с конституционными принципами оперативности правосудия и защиты прав потерпевших. Как отмечает С. Б. Россинский, внутренняя противоречивость модели является прямым следствием хаотичного смешения элементов различных правовых семей [2, с. 621]. В связи с этим в научной доктрине утвердилась позиция отдельных авторов относительно необходимости упразднения самостоятельной стадии возбуждения уголовного дела как архаичного и деструктивного элемента процессуальной системы (Л. М. Володина, Б. Я. Гаврилов, В. Е. Гущев, Ю. В. Деришев, А. И. Макаркин, С. П. Сереброва и др.).

Следует, однако, признать, что устойчивость института возбуждения уголовного дела обусловлена не только инерцией, но и определёнными рациональными соображениями, которые нельзя игнорировать в проекте реформы. Во-первых, он исторически выполнял и продолжает выполнять функцию процессуального фильтра, призванного оградить лиц от необоснованного и преждевременного вторжения в сферу их прав и свобод под видом «проверки». Во-вторых, формальное постановление о возбуждении дела служит важным рубежом для исчисления процессуальных сроков и наделения участников процесса полным объёмом прав. Таким образом, критика должна быть направлена не на саму идею правового барьера на входе в уголовный процесс, а на его архаичную, декларативную и процедурно обременительную форму в её нынешнем виде. Любая оптимизация должна не отменять гарантии, а трансформировать их, сделав более эффективными и реальными.

В качестве альтернативы предлагается концепция интегрированного начального этапа уголовного судопроизводства, основанная на принципе непрерывного процессуального реагирования.

Её реализация видится в трёх взаимосвязанных направления реформы:

1. Унификация процедуры старта производства и легализация неотложных следственных действий. Моментом начала уголовно-процессуальной деятельности должен считаться акт официальной регистрации сообщения о преступлении в едином государственном реестре, регламентированный непосредственно нормами УПК РФ (по аналогии со ст. 144, но с иным содержанием). С этого момента уполномоченное должностное лицо (дознаватель, следователь) не только вправе, но и обязано немедленно приступить к производству всего комплекса неотложных следственных действий, направленных на фиксацию и сохранение доказательств. Необходимо внести изменения в ч. 4 ст. 146 и ст. 157 УПК РФ, сняв существующие ограничения и распространив режим «неотложности» на весь период до принятия решения о форме дальнейшего производства, при этом перечень таких действий должен быть расширен и включать возможность производства выемки (ст. 183 УПК РФ), наложения ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ) и иные действия, не терпящие отлагательства.

Предлагаемая интеграция начальных этапов, безусловно, несёт в себе системные риски, главный из которых – возможная эрозия гарантий от необоснованного уголовного преследования. Легализация широкого круга следственных действий с момента регистрации сообщения может создать предпосылки для злоупотреблений и «размывания» понятия неотложности. Для нивелирования данного риска реформа обязана быть неразрывно связана с параллельным и опережающим усилением судебного контроля, а именно: ходатайства о производстве любых действий, ограничивающих конституционные права (ст. 115, 165 УПК РФ), должны возбуждаться перед судом в уведомительном, а не разрешительном порядке руководителя следственного органа, но при этом судебная проверка их обоснованности должна стать максимально оперативной, состязательной и предметной. Таким образом, архаичный ведомственный фильтр заменяется на эффективный и легитимный судебный, что и составляет суть конвергенции.

2. Дифференциация процессуальных форм после первичного реагирования. После проведения неотложных действий и получения достаточных данных для квалификации инкриминируемого деяния система должна предоставлять несколько процессуальных форм расследования, что соответствует идее дифференциации, обоснованной Б. Я. Гавриловым [5, с. 92].

Форма ускоренного протокольного производства. Для очевидных преступлений небольшой тяжести, по которым лицо признаёт вину, а обстоятельства не требуют сложного доказывания, следует ввести новую главу в УПК РФ. По аналогии с существующим порядком (глава 40 УПК РФ), но на этапе досудебного производства уполномоченное лицо составляет обвинительный протокол в сокращённые сроки (3–5 суток) и направляет его в суд.

Производство дознания в полном объёме. Для основной массы преступлений небольшой и средней тяжести, не обладающих признаком очевидности, должна сохраниться форма дознания (глава 32 УПК РФ). Однако её процедуры требуют оптимизации сроков и упрощения документального оформления.

Производство предварительного следствия. Для тяжких и особо тяжких преступлений, а также сложных и многоэпизодных, резонансных дел после проведения неотложных действий следователь выносит постановление о принятии уголовного дела к своему производству (ст. 156 УПК РФ). Именно этот процессуальный акт, а не постановление о возбуждении дела становится юридическим фактом, инициирующим полномасштабное предварительное следствие.

3. Упрощение процедуры старта процесса должно быть компенсировано усилением гарантий. Судебный контроль за мерами, ограничивающими конституционные права (гл. 45 УПК РФ), должен сохраняться, но его процедуры необходимо сделать более оперативными. Параллельно, как предлагает Л. М. Володина, необходимо усилить роль прокурора как гаранта законности, предоставив ему действенные механизмы для оперативного реагирования на нарушения, в том числе право давать обязательные для исполнения указания на досудебных стадиях [4, с. 210].

Таким образом, предлагаемый порядок представляет собой целостную систему: *единый старт – непрерывное неотложное реагирование – оперативная квалификация – дифференцированное движение по чёткой процессуальной форме расследования*. Данный подход позволит преодолеть ключевое противоречие современного досудебного производства между необходимостью быстрого реагирования и избыточной формализацией, создавая прочную основу для последующих стадий процесса, отвечающую требованиям эффективности, состязательности и защиты прав личности.

Однако упрощение и интеграция начальной стадии не достигнут своей цели, если не будет решён ключевой вопрос о субъекте, который будет осуществлять расследование в новых условиях. Либерализация процедуры старта процесса требует адекватного усиления профессиональной самостоятельности и ответственности фигуры следователя, что влечёт необходимость реформы его статуса.

Системный кризис статуса следователя, как убедительно демонстрирует современная доктрина, коренится в фундаментальном противоречии между его публично-правовой обязанностью по всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела (ч. 1 ст. 73 УПК РФ) и реальным положением подконтрольного исполнителя в ведомственной вертикали [6]. Декларируемая процессуальная самостоятельность (п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ) на практике существенно нивелируется институтом согласования ключевых решений с руководителем следственного органа (ч. 1 ст. 39, ч. 4 ст. 221 УПК РФ), что, по справедливому замечанию О. А. Малышевой, «свидетельствует о принижении значения внутреннего убеждения следователя» [7, с. 73]. Как отмечает С. Б. Россинский, в результате реформы 2007 года следователь, освободившись от «всевластия прокурора», во многих случаях превратился в «квалифицированного дознавателя», лишённого реальной самостоятельности [2, с. 636].

Преодоление данного методологического тупика требует не точечных поправок, а трансформации парадигмы, в рамках которой следователь должен быть переосмыслен как публично-правовой субъект доказывания, чья автономия обеспечивается и одновременно сдерживается не ведомственными директивами, а системой внешних публично-правовых гарантий – судебным контролем и эффективным прокурорским надзором.

Реализация этой концепции «консолидированной автономии» предполагает следующие конкретные меры законодательной реформы.

Укрепление процессуальной самостоятельности через замену института согласования на уведомительный порядок.

Краеугольным камнем реформы должно стать упразднение нормы, требующей получения согласия руководителя следственного органа на возбуждение перед судом ходатайств об избрании мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, запрета определённых действий, залога, а также на производство ряда следственных действий (ч. 1 ст. 165 УПК РФ). Данный институт, критикуемый за создание искусственных барьеров и волокиту [7, с. 72], подлежит замене на уведомительный порядок. Следователь, руководствуясь своим внутренним убеждением (ст. 17 УПК РФ), должен самостоятельно принимать решение о необходимости указанных процессуальных действий и незамедлительно направлять соответствующее ходатайство в суд. Одновременно его следует обязать в течение 24 часов уведомить об этом руководителя следственного органа, предоставив копию ходатайства. Это позволит следователю опе-

ративно реагировать на потребности расследования, отстаивая свою процессуальную позицию непосредственно перед судом, как это исторически предусматривалось Уставом уголовного судопроизводства 1864 года.

Чёткое разграничение компетенции следователя и руководителя следственного органа.

Необходимо внести изменения в ст. 39 УПК РФ, разграничив сферу организационно-кадрового и методического руководства, остающуюся за руководителем, и область оценки доказательств и принятия процессуальных решений по делу, закрепляемую за следователем. Руководитель следственного органа должен быть лишён права давать указания, связанные с оценкой доказательств, квалификацией преступления, объёмом обвинения и направлением расследования, за исключением случаев явной необоснованности решений. Это соответствует необходимости эволюционной трансформации статуса следователя в сторону публично-правового субъекта, ответственного за формирование объективной доказательственной базы.

Усиление роли прокурора как органа надзора за законностью на досудебных стадиях.

Восстановление самостоятельности следователя требует создания адекватного публичного противовеса в лице прокурора [8, с. 126–127]. Как предлагает Л. М. Володина, прокурору необходимо предоставить действенные и быстрые механизмы реагирования на нарушения, включая право в определённых случаях давать обязательные для исполнения следователем указания, обжалуемые только вышестоящему прокурору [4, с. 210]. При этом предметом таких указаний не может быть оценка доказательств.

Самостоятельность следователя в инициировании мер процессуального принуждения должна быть скомпенсирована усилением роли суда как гаранта прав личности. Процедуры судебного контроля (гл. 45 УПК РФ) требуют дальнейшего совершенствования в сторону большей состязательности, оперативности и содержательного характера. Суд должен не формально санкционировать представленные следователем решения, а всесторонне и полно проверять их обоснованность, обеспечивая реальный баланс между интересами следствия и защитой конституционных прав граждан.

Таким образом, реформа статуса следователя представляет собой не расширение его властных полномочий в административном смысле, а утверждение его ответственной процессуальной автономии в рамках публично-правовой модели доказывания. Его самостоятельность должна быть производной не от положения в ведомственной иерархии, а от возложенной на него законом функции по формированию доказательственной базы, подконтрольной суду и прокурору. Только такая консолидированная система сдержек и противовесов способна преодолеть внутреннее противоречие современной модели и обеспечить как эффективность расследования, так и надёжные гарантии прав личности.

Однако укрепление самостоятельности следователя как публично-правового субъекта доказывания было бы неполным и, более того, чревато новой дисфункцией, если бы не сопровождалось симметричным развитием процессуальных возможностей противоположной стороны. Подлинная состязательность, выступающая целевым ориентиром реформы, немыслима без процессуального равенства. Поэтому логическим продолжением преобразования статуса следователя является создание законодательных механизмов, уравнивающих шансы защиты в формировании доказательственной базы. В этом контексте становится очевидным, что доктринальный и практический тупик, в котором оказалась идея «адвокатского расследования» в российском уголовном процессе, является прямым следствием фундаментального противоречия между формально провозглашённым принципом состязательности (ст. 15 УПК РФ) и сохраняющейся следственной монополией на легализацию доказательств на досудебных стадиях. Следовательно, усиление процессуальной самостоятельности следователя в отрыве от

симметричного усиления защиты не только создаёт дисбаланс, но и лишает эту самостоятельность легитимности. Автономия в формировании обвинительного тезиса этически и юридически оправдана только при наличии у противостоящей стороны действенных инструментов для его опровержения и формирования альтернативной версии событий. В противном случае мы получаем не конвергенцию, а модернизированный розыск. Поэтому реформа статуса следователя и создание формализованных механизмов деятельности защиты – это две стороны одной медали, единый акт утверждения подлинной, а не декларативной состязательности.

Как убедительно демонстрируют Н. В. Азаренок, А. А. Давлетов и А. В. Чарьков, попытки трансплантации англо-американской модели «параллельного расследования» в континентальную по своей сути систему, где доказывание есть «властная деятельность должностных лиц по собиранию доказательств», обречены на маргинализацию [9, с. 200–201]. В результате защитник, формально наделённый правом собирать доказательства (ч. 3 ст. 86 УПК РФ), на практике лишён действенных механизмов их легализации, оставаясь в роли субъекта, оказывающего квалифицированную юридическую помощь, чья активность опосредована волей «хозяина дела» – следователя.

Преодоление этого системного дисбаланса требует отказа от бинарного противопоставления «состязательность vs. розыск» в пользу стратегии эволюционной конвергенции, направленной на создание законодательно оформленных «островков состязательности» [10, с. 294–296]. Целью является не революционная ломка следственной парадигмы, а уравнивание процессуальных возможностей сторон через формализацию процедур, что позволит реализовать состязательность в её материальном, а не декларативном смысле. Данная концепция предполагает реализацию следующих взаимосвязанных мер.

Законодательная формализация процедур, осуществляемых защитой, и установление гарантированного механизма их легализации.

Необходимо преодолеть терминологическую и процедурную неопределённость, заложенную в ч. 3 ст. 86 УПК РФ. Требуется разработка и включение в УПК РФ отдельной главы (по аналогии с регламентацией следственных действий), детально регулирующей порядок проведения защитником формализованного опроса лиц с их согласия. Данная процедура должна предусматривать: обязательное удостоверение личности допрашиваемого и его согласия; разъяснение прав и обязанностей; фиксацию хода и результатов опроса с использованием средств аудио- и видеозаписи с последующим оформлением протокола. Ключевое нововведение должно заключаться в том, что такой протокол опроса, заверенный защитником, приобретает статус допустимого источника сведений (по аналогии с п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ), который следователь, дознаватель и суд обязаны приобщить к материалам уголовного дела и проверить. Отказ в приобщении может быть обжалован в порядке ст. 125 УПК РФ и допускается только по мотивированному решению суда при наличии исчерпывающих оснований, указанных в законе.

Институционализация судебного депонирования показаний как механизма сохранения доказательств и обеспечения конфронтации.

Существующая возможность оглашения ранее данных показаний (ст. 281 УПК РФ) не обеспечивает права защиты на перекрёстный допрос в момент их фиксации, что снижает их доказательственную ценность и фактически превращает в «показания с чужих слов» (hearsay) [11, с. 118]. В этой связи предлагается введение в УПК РФ института депонирования показаний под судебным контролем. По ходатайству стороны обвинения или защиты судья в порядке, установленном ст. 165 УПК РФ, проводит процедуру фиксации показаний свидетеля или потерпевшего с обязательным участием противоположной стороны, обеспечивая право на постановку вопросов (перекрёстный допрос). Протокол судебного заседания, содержащий депонированные показания, приоб-

ретает силу доказательства, допустимого для использования в судебном разбирательстве в случае невозможности последующей явки свидетеля (тяжёлая болезнь, угроза безопасности и т. д.). Данный институт, как отмечает М. А. Сильнов, призван стать процессуальным средством обеспечения относимости, допустимости и достоверности доказательств [12, с. 103] и соответствует идее усиления публично-правовых начал через судебный контроль.

Сбалансированное укрепление статуса потерпевшего как необходимое условие подлинного равенства сторон.

Любое расширение процессуальных возможностей защиты должно корреспондировать с адекватным усилением гарантий для потерпевшего, что отвечает принципу равенства всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ) в его материальном понимании [13, с. 38]. Требуется законодательное закрепление чётких механизмов обеспечения прав потерпевшего на полную и своевременную информацию о движении дела, на реальное участие в доказывании, включая право ходатайствовать о производстве следственных действий, и на обеспечение его безопасности. Только комплексный подход, направленный на сбалансированное усиление обеих сторон – обвинения (в лице государства и потерпевшего) и защиты, – способен преодолеть унаследованную от инквизиционного процесса асимметрию и создать условия для реализации подлинной состязательности.

Таким образом, предлагаемая модель не создаёт «параллельное следствие», а интегрирует деятельность защиты в единое доказательственное пространство уголовного процесса через систему формализованных процедур и гарантированных механизмов легализации. Это позволяет преодолеть монополию обвинения на формирование доказательственной базы в ходе досудебного производства, не разрушая при этом системообразующих основ отечественного следственного производства, и перейти от декларативной состязательности к реальному процессуальному равенству сторон.

Формирование сбалансированной состязательной среды в досудебном производстве закономерно ставит вопрос о финальном процессуальном акте, который подводит её итоги. Нынешняя форма обвинительного заключения не только не соответствует предлагаемой модели, но и сама стала серьёзным препятствием для осуществления правосудия, требуя отдельной реформы.

Центральной проблемой современного российского досудебного производства, оказывающей деструктивное влияние на всю последующую процедуру, является гипертрофированная формализация его итогового акта – обвинительного заключения (ст. 220 УПК РФ). Требования к его содержанию, предполагающие исчерпывающее, детализированное изложение всех собранных доказательств, хода расследования и их анализа, как метко обозначил С. Б. Россинский, привели к его превращению в «автореферат» следственного производства [14, с. 192]. Эта порочная практика порождает два системных негативных последствия: во-первых, колоссальную и непроизводительную нагрузку на следователей, вынужденных заниматься «гигантоманией» в составлении документов, а во-вторых – что гораздо опаснее – смещение «центра тяжести» уголовного процесса с судебного разбирательства на предварительное расследование. Как справедливо констатирует С. Б. Россинский, судьи, особенно в условиях цифровизации, зачастую превращаются в «рерайтеров», дословно перенося целые фрагменты обвинительного заключения в текст приговора, что сводит на нет принципы непосредственности и независимости судебного исследования доказательств [14, с. 195–196].

Для преодоления данной дисфункции необходима кардинальная реформа итоговых решений досудебного производства, направленная на достижение процессуальной экономии и подлинное восстановление суда в качестве единственного органа, уполномоченного на осуществление правосудия через непосредственное исследование доказательств (ст. 240 УПК РФ). Эта реформа должна основываться на возвращении обвини-

тельному заключению его истинного функционального предназначения – быть обвинительным актом, а не академическим отчётом. Предлагаем рассмотреть возможный вариант оптимизации данного процессуального элемента.

Введение краткой формы обвинительного заключения (обвинительного акта). Требуется внести системные изменения в ст. 220 УПК РФ, радикально упростив структуру и содержание документа. Новая редакция нормы должна предусматривать, что обвинительное заключение включает в себя: 1) сущностную формулировку предъявленного обвинения с указанием пункта, части, статьи УК РФ; 2) краткое изложение фактических обстоятельств инкриминируемого деяния, достаточное для понимания его сути; 3) систематизированный перечень доказательств, на которые ссылается сторона обвинения, с обязательным указанием тома и листа уголовного дела, где они находятся, без их детального описания и анализа; 4) сведения, касающиеся личности обвиняемого, данных о потерпевшем, гражданском иске и мере пресечения.

Такой подход, предложенный в рамках дискуссии об умеренно-консервативной реформе, позволит перераспределить процессуальные функции: задача следователя – сформулировать обвинение и представить суду доказательства в систематизированном виде; задача прокурора – поддержать это обвинение в суде; а ключевая задача суда – непосредственно и всесторонне исследовать каждое доказательство в ходе судебного следствия, сформировав своё внутреннее убеждение независимо от выводов предварительного расследования.

Интеграция института предъявления обвинения в протокол первого допроса в статусе обвиняемого.

Параллельно с реформой обвинительного заключения целесообразно упразднить отдельный, избыточно формализованный институт предъявления обвинения, требующий составления самостоятельного постановления с его последующим «дублированием» в итоговом документе. Как обоснованно указывает Б. Я. Гаврилов, его практическая ценность, особенно после расширения допуска защитника, является сомнительной [5, с. 89–90]. Процедуру предъявления обвинения следует интегрировать в протокол первого допроса лица в качестве обвиняемого (ст. 173 УПК РФ). В начале допроса следователь обязан разъяснить лицу сущность предъявленного обвинения, что фиксируется в протоколе. Это сделает процедуру более логичной и процессуально экономной, устранив дублирование документов и снизив бюрократическую нагрузку.

Упрощение итоговых решений должно быть неразрывно связано с предлагаемой дифференциацией форм расследования. Для ускоренного протокольного производства итоговым документом должен являться обвинительный протокол, по своей структуре и содержанию приближенный к упрощённому обвинительному акту. Для дознания и следствия сохраняется единая краткая форма обвинительного заключения. Такой подход позволит сосредоточить усилия следователей на качественном расследовании по действительно сложным делам, а по малозначительным – обеспечить быстрое и эффективное движение дела к суду.

Закрепление законодательного запрета на некритическое заимствование текста обвинительного заключения в приговор.

Для окончательного разрыва порочной связи между следственным выводом и судебным решением необходимо на законодательном уровне закрепить требование о том, что суд обосновывает приговор исключительно доказательствами, исследованными непосредственно в судебном заседании. В приговоре недопустимо дословное цитирование или механическое воспроизведение выводов обвинительного заключения без их критической оценки и соотнесения с результатами судебного следствия. Это требование должно быть отражено в ст. 307 УПК РФ, регламентирующей содержание приговора.

Таким образом, реформа итоговых решений направлена на восстановление фундаментальной логики уголовного процесса, где досудебное производство выполняет функцию подготовки материалов для суда, а не подменяет собой правосудие. Только освободив суд от необходимости «пересказывать» следствие и возложив на него обязанность по самостоятельному исследованию и оценке доказательств, можно обеспечить реализацию конституционных принципов состязательности, непосредственности и независимости судебной власти, достигнув при этом значительной процессуальной экономии и повышения качества как следствия, так и правосудия.

Рассмотренные направления реформы – начальной стадии, статуса следователя, состязательности и итоговых решений – представляют собой не разрозненные меры, а единый системный проект. Его внедрение призвано преодолеть исторически накопленные противоречия и вывести российское досудебное производство на новый качественный уровень, что позволяют сделать следующие итоговые выводы.

Проведённое исследование даёт возможность утверждать, что преодоление системного кризиса досудебного производства требует нового методологического подхода. Таким подходом выступает предложенная концепция эволюционной конвергенции, которая предоставляет право перейти от дискуссии «состязательность vs. розыск» к поиску конкретных механизмов их функционального синтеза. В результате анализа были выявлены и концептуализированы четыре ключевых направления такой конвергенции, каждое из которых представляет собой не изолированное нововведение, а комплексное преобразование:

1. Упразднение изолированной стадии возбуждения уголовного дела и переход к единому началу процесса с немедленным неотложным реагированием с последующей дифференциацией на протокольную форму, дознание и предварительное следствие.

2. Преобразование статуса следователя в публично-правового субъекта доказывания, чья процессуальная самостоятельность укрепляется через замену согласования на уведомительный порядок и встраивается в систему сдержек и противовесов со стороны эффективного судебного контроля и прокурорского надзора.

3. Преодоление монополии обвинения на доказывание через формализацию и легализацию процедур, осуществляемых защитой (опрос, депонирование показаний), и уравнивание процессуальных возможностей сторон, включая сбалансированное усиление прав потерпевшего.

4. Возвращение обвинительному заключению функции обвинительного акта путём его радикального упрощения, что перераспределит усилия на непосредственное исследование доказательств в суде и пресечёт практику некритического заимствования выводов следствия.

Таким образом, научная новизна работы заключается не в предложении отдельных, пусть и актуальных реформ, а в их системной увязке в рамках единой теоретической модели, задающей алгоритм осмысленной модернизации национальной следственной традиции. Перспективой дальнейших исследований видится детальная проработка каждого из предложенных механизмов, включая правовое моделирование, их влияние на сроки расследования и баланс процессуальных рисков.

---

1. Давлетов А. А. Уголовный процесс России: исторические корни, современное состояние, перспективы эволюционного развития : монография. Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, 2023. 528 с.
2. Россинский С. Б. Система досудебного производства в уголовном процессе Российской Федерации: факторы формирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12, вып. 3. С. 621–642.

3. Латыпов В. С. Следственный Комитет Российской Федерации // Правоохранительные органы : учебник для вузов. СПб. : Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2026. С. 342–364.
4. Володина Л. М. Уголовный процесс: проблемы правового регулирования досудебного производства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17, № 2. С. 195–214.
5. Гаврилов Б. Я. Соответствуют ли процессуальные формы предварительного расследования требованиям судопроизводства в Российской Федерации? // Государство и право. 2020. № 4. С. 87–95.
6. Тарасов А. А. Следователь - участник процесса на стороне обвинения: зло или благо? // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 8. С. 113–126.
7. Малышева О. А. Следователь как субъект доказывания и принятия процессуальных решений в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 469. С. 69–75.
8. Нагорный В. А. Постановление прокурора об уголовном преследовании как форма прокурорского реагирования в сфере надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 4(102). С. 122–129.
9. Азаренок Н. В. Обусловленность места и роли адвоката-защитника типу уголовного производства // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 494. С. 198–204.
10. Шуров А. Ю. Новый взгляд на противоречие между состязательностью и розыском // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. Т. 70, № 2. С. 294–296.
11. Терехов А. Ю., Латыпов В. С. Необходимость депонирования показаний свидетелей и потерпевших по сложным уголовным делам // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 1. С. 115–121.
12. Сильнов М. А. О депонировании доказательств как о способе обеспечения уголовно-процессуального доказывания // Проблемы правовой и технической защиты информации. 2023. № 11. С. 103–108.
13. Асадуллина А. А. Принцип равенства всех перед законом и судом: проблемы и гарантии в уголовном судопроизводстве // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 3(23). С. 36–42.
14. Россинский С. Б. Причины превращения обвинительного заключения в «автореферат» следственного производства // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 2. С. 191–199.

1. Davletov A. A. Ugolovny`j process Rossii: istoricheskie korni, sovremennoe sostoyanie, perspektivy` e`volyucionnogo razvitiya : monografiya. Ekaterinburg : Ural`skij gosudarstvenny`j yuridicheskij universitet im. V. F. Yakovleva, 2023. 528 s.
2. Rossinskij S. B. Sistema dosudebnogo proizvodstva v ugolovnom processe Rossijskoj Federacii: faktory` formirovaniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2021. T. 12, vy`p. 3. S. 621–642.
3. Laty`pov V. S. Sledstvenny`j Komitet Rossijskoj Federacii // Pravooxranitel`ny`e organy` : uchebnik dlya vuzov. SPb. : Centr nauchno-informacionny`x texnologij «Asterion», 2026. S. 342–364.
4. Volodina L. M. Ugolovny`j process: problemy` pravovogo regulirovaniya dosudebnogo proizvodstva // Pravo. Zhurnal Vy`sshej shkoly` e`konomiki. 2024. Tom 17, № 2. S. 195–214.

5. Gavrilov B. Ya. Sootvetstvuyut li processual`ny`e formy` predvaritel`nogo rassledovaniya trebovaniyam sudoproizvodstva v Rossijskoj Federacii? // Gosudarstvo i pravo. 2020. № 4. S. 87–95.
6. Tarasov A. A. Sledovatel` - uchastnik processa na storone obvineniya: zlo ili blago? // Zhurnal rossijskogo prava. 2024. T. 28, № 8. S. 113–126.
7. Maly`sheva O. A. Sledovatel` kak sub``ekt dokazy`vaniya i prinyatiya processual`ny`x reshenij v ugolovnom sudoproizvodstve // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 469. S. 69–75.
8. Nagorny`j V. A. Postanovlenie prokurora ob ugolovnom presledovanii kak forma prokurorskogo reagirovaniya v sfere nadzora za soblyudeniem prav i svobod cheloveka i grazhdanina // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2023. № 4(102). S. 122–129.
9. Azarenok N. V. Obuslovlennost` mesta i roli advokata-zashhitnika tipu ugolovnogo proizvodstva // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2023. № 494. S. 198–204.
10. Shurov A. Yu. Novy`j vzglyad na protivorechie mezhdu sostyazatel`nost`yu i rozy`skom // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2025. T. 70, № 2. S. 294–296.
11. Terexov A. Yu., Laty`pov V. S. Neobxodimost` deponirovaniya pokazanij svidetelej i poterpevshix po slozhny`m ugolovny`m delam // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. T. 12, № 1. S. 115–121.
12. Sil`nov M. A. O deponirovanii dokazatel`stv kak o sposobe obespecheniya ugolovno-processual`nogo dokazy`vaniya // Problemy` pravovoj i texnicheskoj zashhity` informacii. 2023. № 11. S. 103–108.
13. Asadullina A. A. Princip ravenstva vsex pered zakonom i sudom: problemy` i garantii v ugolovnom sudoproizvodstve // Obshhestvo, pravo, gosudarstvennost`: retrospektiva i perspektiva. 2025. № 3(23). S. 36–42.
14. Rossinskij S. B. Prichiny` prevrashheniya obvinitel`nogo zaklyucheniya v «avtoreferat» sledstvennogo proizvodstva // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2024. T. 18, № 2. S. 191–199.

Информация об авторе

Вадим Сагитьянович Латыпов. Начальник кафедры уголовного процесса, доктор юридических наук, доцент.
Уфимский юридический институт МВД России.
450103, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, 2.

Information about the author

Vadim S. Latypov. Head of the Criminal Procedure Department. Doctor of Law, Associate Professor.
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
450103, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Muxinova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 12.01.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.
The article was received in the editorial office on 12.01.2026; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
№ 1(106) 2026 г.
Научная статья
УДК 343.98

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Линдт Алина Алексеевна
Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, Москва, Россия

alinalindt@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности оперативно-розыскного предупреждения преступлений несовершеннолетних в сфере незаконного оборота наркотических средств в условиях цифровизации общества. Рост наркопреступности и увеличение числа деяний, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, смещают активность правонарушителей в мессенджеры и социальные сети. В этой среде несовершеннолетние всё чаще выступают исполнителями низового звена сетевого сбыта, тогда как организаторы остаются скрытыми. Правоохранительные органы нередко не успевают за динамикой развития данной сферы преступности, а традиционные меры предупреждения оказываются недостаточно эффективными. Это требует смещения акцента оперативно-розыскной деятельности на допреступную стадию, а также разработки критериев раннего выявления вовлечения несовершеннолетних при соблюдении их правовых гарантий.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотических средств, несовершеннолетние, оперативно-розыскная деятельность, цифровизация наркорынка.

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя профессора кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктора юридических наук, доцента Самоделкина А. С.

Для цитирования: Линдт А. А. Оперативно-розыскное предупреждение преступлений несовершеннолетних в сфере незаконного оборота наркотических средств // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 289–295.

OPERATIONAL-SEARCH PREVENTION OF JUVENILE CRIMES RELATED TO ILLICIT DRUG TRAFFICKING

Alina A. Lindt
Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

alinalindt@list.ru

Annotation. The article examines the specific features of operational-search prevention of crimes committed by minors in the sphere of illicit trafficking in narcotic drugs under the conditions of societal digitalization. The growth of drug-related crime and the

increasing number of offenses committed using information and telecommunication networks shift the activity of offenders to messengers and social networks. In this environment, minors increasingly act as low-level executors in online drug distribution schemes, while organizers remain concealed. Law enforcement agencies often fail to keep pace with the rapid development of this type of crime, and traditional preventive measures prove to be insufficiently effective. This situation requires a shift in the focus of operational-search activity to the pre-offense stage, as well as the development of criteria for the early detection of minors' involvement while ensuring the observance of their legal guarantees.

Keywords: illicit drug trafficking, minors, operational and investigative activities, and the digitalization of the drug market.

Gratitude: the work was made with the support of the scientific supervisor, the professor of the Char of Operational-Search Activity and Special Equipment of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikot, Doctor of Law, Associate Professor, A.S. Samodelkin.

For citation: Lindt A. A. Operational-Search Prevention of Juvenile Drug Crime // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2026. № 1(106). P. 289–295.

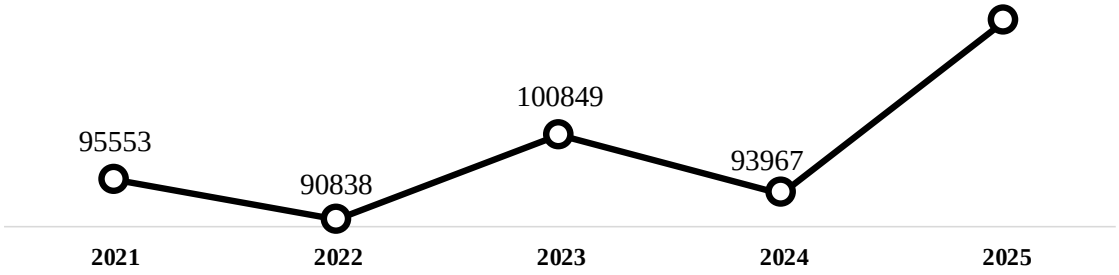
В современных условиях незаконный оборот наркотических средств остаётся устойчивым фактором криминогенного давления на общественную безопасность и здоровье населения [1, с. 17]. Трансформация наркорынка под влиянием цифровизации — переход к бесконтактным способам сбыта, удалённой вербовке и координации через мессенджеры и социальные сети — осложняет выявление и пресечение соответствующих преступлений, повышает их латентность и снижает эффективность традиционных профилактических инструментов. Активно распространяются вещества синтетического происхождения с низким порогом производства, расширяется сеть транснациональных каналов и «лабораторий», растёт зависимость преступных схем от информационно-телекоммуникационной (далее – ИТК) инфраструктуры и цифровых следов. Переход к цифровому наркорынку упрощает вовлечение несовершеннолетних в качестве исполнителей низового звена сетевого сбыта при сохранении анонимности организаторов. В этой связи приоритетным направлением представляется оперативно-розыскное предупреждение. Оперативно-розыскная профилактика в доктрине трактуется как самостоятельный блок оперативно-розыскной деятельности (далее ОРД), ориентированный на упреждающее выявление причин, условий и ранних признаков преступного поведения, с опорой на законные ОРМ и конфиденциальное содействие граждан [2, с. 6].

Так, общая тенденция компьютеризации общества привела к «компьютеризации» преступности. В 2024 г. почти половина преступлений совершена с использованием ИТК или в сфере компьютерной информации. За отчетный период рассматриваемого года зарегистрировано 765,4 тыс. преступлений, совершенных таким способом, что на 13,1 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 34,8 % в январе-декабре 2023 года до 40,0 %. Стоит отметить, что 28,6 тыс., почти каждое шестое (17,1 %) совершается с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств: 63,6 тыс. (+58,7 %).

За последние пять лет 2025 год стал рекордным по количеству преступлений, совершенных в сфере незаконного оборота наркотических средств. Уже за первые полгода (январь-июнь) было выявлено 114,3 тыс. преступлений, связанных с незаконным

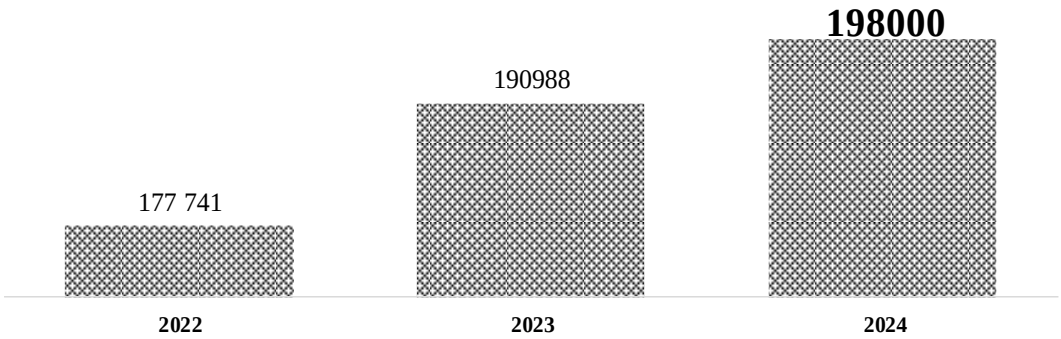
оборотом наркотиков, что на 21,7 % больше, чем за аналогичный период прошлого года (Рис. 1).

Рис. 1. Динамика количества преступлений, совершенных в сфере незаконного оборота наркотических средств

Отметим общую тенденцию преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков за последние три года. Так, за 2024 год выявлено 198,0 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 3,7 % больше, чем за аналогичный период прошлого года (Рис. 2). Соответственно, возрос удельный вес указанных преступлений в общей массе преступлений с 9,8 % до 10,4 %, что показывает опасную динамику в социальном наркотизме российского общества.

Рис. 2. Динамика количества преступлений, совершенных в сфере незаконного оборота наркотических средств

Продолжая общую тенденцию компьютеризации преступности, отметим, что количество преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных с использованием ИТКС уже стабильно превышает половину (59,7 %). Нельзя не отметить, что принято чуть более 14 тыс. решений об ограничении доступа к интернет-ресурсам, распространяющим запрещенную информацию о наркотиках. За период 2024 года выявлено 94 645 преступлений связанных, с незаконным производством, сбытом или пересылкой наркотических средств, психотропных веществ, а также незаконным сбытом или пересылкой растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества ст. 228.1 УК РФ, совершенных с ИТК или в сфере компьютерной информации, что на 16,1 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. 2025 год также характеризуется очередным увеличением доли преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, по сравнению с январем – июнем 2024 года на 38,4 %. Вырос их удельный вес в числе преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, с 65,7 % в январе–июне 2024 года до 74,8 %.

Бесконтактный способ сбыта наркотиков с использованием ИТК или в сфере компьютерной информации сделал этот вид преступлений максимально доступным для

вовлечения исполнителей низового звена [3; с. 84]. Наиболее уязвимой группой оказались подростки: анонимные каналы связи, геймификация «заданий» и быстрые микроплатежи снизили субъективные барьеры и замаскировали реальную уголовно-правовую опасность. Поэтому ключевым для дальнейшего анализа становится подростковая составляющая наркопреступности.

По итогам 2024 г. число преступлений в сфере НОН, совершённых подростками, увеличилось на 43,2 % (с ~2,6 тыс. до ~3,8 тыс.). Региональная оценка показателя вовлечённости несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков в целом по стране остаётся «напряжённой», при этом в ряде субъектов в 2024 г. зафиксировано ухудшение (Курганская и Магаданская области). В I полугодии 2025 г. Генеральная прокуратура отдельно отметила рост подростковой преступности в целом на 18 % — до 13,8 тыс. преступлений. Кроме того, согласно докладу о наркопреступности в Российской Федерации в 2024 году ситуация с вовлеченностью несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков не изменилась и оценивается как «напряженная».

Проблема наркопреступности несовершеннолетних за последнее десятилетие достигла критического масштаба и требует оперативного решения.

2018-2027 гг. объявлены Десятилетием детства[1], в рамках которого, в целях совершенствования государственной политики в сфере защиты детства был разработан План основных мероприятий, одним из направлений которого является сокращение повторной преступности среди несовершеннолетних[2].

Анализ статистических показателей позволяет сделать вывод и отследить некоторые тенденции наркопреступности несовершеннолетних, отследить основные закономерности, могут служить основой для разработки тактических приемов, направленных на предупреждение, выявление и раскрытие преступлений в рамках ОРД.

1. Цифровизация рекрутинга и координации. Вербовка, инструктаж и контроль исполнения переносятся в закрытые каналы мессенджеров и социальных сетей; преобладают бесконтактные схемы («закладки», удалённые расчёты) [4, с. 93].

2. Приоритет синтетических наркотиков

Увеличивается удельный вес синтетических наркотиков; выявляются малые лаборатории, дробные партии, высокая мобильность тайников.

3. Четкое определение роли несовершеннолетних

Подростки выступают исполнителями, а взрослые – организаторами. Несовершеннолетние преимущественно задействуются в низовом звене сетевого сбыта; организаторы сохраняют анонимность. Ранние эпизоды по ст. 228 УК РФ выступают предикторами последующего сбыта по ст. 228.1 УК РФ, а также ст. 230, 150, 151 УК РФ.

4. Региональная неоднородность.

Приграничные и портовые регионы несут транзитные риски и риски по прекурсорам; мегаполисы формируют информационно-телекоммуникационный профиль угроз (массовый онлайн-сбыт, высокая многоэпизодность, значительный массив цифровых доказательств).

Анализируя указанные тенденции преступлений, совершаемых несовершеннолетними в сфере незаконного оборота наркотических средств, и учитывая их повышенную общественную опасность и латентность, важным элементом противодействия негативным социальным явлениям выступает оперативно-розыскная деятельность (ОРД), которая является не только источником первичной информации и каналом

[1] Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства: Указ Президента Рос. Федерации от 29 мая 2017 г. № 240 // Собр. законодательства Рос. Федерации. № 23, ст. 3309.

[2] Об утверждении плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 г. [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 23 января 2021 г. № 122-р. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

её легализации, но и инструментом раннего разрыва криминальной цепочки вовлечения подростков [5, с. 12].

Приоритет предупреждения и защита прав несовершеннолетних должны работать не как «сдерживающие факторы», а как условия устойчивого результата: чем раньше и корректнее зафиксированы признаки вовлечения и подготовительных действий, тем выше шансы пресечь цепочку сбыта, вывести подростка из криминальной роли и одновременно получить доказательства, пригодные для судебного разбирательства [6, с. 9].

В теории ОРД предупреждение используется как синоним профилактики и понимается как целенаправленная система опережающих действий оперативных подразделений, направленная на выявление и нейтрализацию причин, условий и признаков подготовки преступления до наступления уголовно-правового результата [10]. В классической доктрине профилактика отграничивается от пресечения и раскрытия по времени (ранняя стадия), по задаче (разрыв причинно-следственных связей, ведущих к преступлению) и по инструментарию (приоритет «мягких», гласных, минимально достаточных средств воздействия) [7, с. 4].

Таким образом, несовершеннолетний выступает как первичный объект профилактического воздействия на допреступной или ранней преступной стадии (до первой «закладки», до фактического сбыта), когда по совокупности признаков сформировался риск вовлечения [8, с. 12]. В этой связи предметом внимания являются причины и условия вовлечения (цифровые каналы вербовки, «низовые» платёжные схемы, «маршруты» и тайники), а также оперативно-значимые признаки подготовки: устойчивые контакты с «куратором», специфика переписки и файловых следов, повторяющиеся геометки, обнаружение фасовки/перчаток, мелкие P2P-переводы и т. п. [9, с. 54]. На этой стадии эпизоды по ст. 228 УК РФ (приобретение/хранение без цели сбыта) часто выступают индикатором вовлечения, а ст. 230, 150, 151 УК РФ отражают сам механизм склонения и вовлечения подростка в преступные схемы.

Предлагается применять единый чек-лист индикаторов вовлечения несовершеннолетнего в незаконный оборот наркотиков:

а) цифровые — устойчивые коммуникации с «куратором» в закрытых каналах, шаблонные инструкции («маршрут», «фасовка», «отчёт по геометке»), повторяемые геометки в «серых» локациях, мелкие P2P-переводы, «дроп»-кошельки, следы установки анонимайзеров/криптокошельков;

б) офлайн — наличие расходных материалов (перчатки, zip-пакеты), «маршрутные» черновики, изменение поведенческих паттернов (ночные выходы, резкое увеличение «карманных» трат).

По совокупности признаков следует устанавливать уровень риска с привязкой к предупредительным мерам, таким как: профилактическая беседа (гласная), информирование законного представителя, мониторинг; гласные проверки, фиксация цифровых следов, при необходимости — инициирование санкционированного доступа к информации; подготовка к ОРМ с последующей легализацией материалов (при недопущении провокации).

Таким образом, выявленные тенденции преступности несовершеннолетних в сфере незаконного оборота наркотических средств предполагают оперативную работу в трёх направлениях.

Во-первых, смещение акцента на ранние стадии: задача — не только фиксировать оконченное деяние, но и своевременно выявлять признаки подготавливаемого преступления и вовлечения несовершеннолетнего, пока цепочку можно разорвать с минимальными последствиями.

Во-вторых, установление стандартов работы с цифровой информацией: определить необходимый и достаточный объём данных для изъятия и документирования; чёт-

ко разграничить гласный (с участием законного представителя) и негласный (по судебному решению) режимы получения; оформлять и легализовывать материалы так, чтобы они приобрели устойчивую процессуальную ценность. Оперативно-розыскная практика фиксирует зависимость преступных схем от ИТК-инфраструктуры и цифровых следов, что требует стандартизации сбора и легализации соответствующих сведений.

В-третьих, проработка специфики оперативно-розыскной тактики с учётом региональной составляющей: выбирать оперативные комбинации, исходя из профиля угрозы (транзит/контрабанда, ИТК-сбыт, лаборатории/прекурсоры).

Указанные меры позволят напрямую снизить многоэпизодность преступлений в сфере наркотиков, к которым причастны несовершеннолетние, уменьшить латентность таких преступлений, а также повысят эффективность их выявления и предупреждения. Такая конфигурация возвращает профилактике статус приоритетной функции ОРД в подростковом сегменте, повышает адресность вмешательства и одновременно обеспечивает доказательственную пригодность получаемых сведений — в соответствии с доктриной оперативно-розыскной профилактики и современными требованиями к работе в ИТК-среде.

---

1. Шалагин А. Е. Незаконный оборот наркотиков — угроза национальной безопасности: монография. Казань: Казанский юридический институт МВД России, 2014. 208 с.
2. Семенчук В. В. Участие несовершеннолетних в оперативно-розыскных мероприятиях: пределы и гарантии // Lex Russica. 2024. № 7. С. 112–129.
3. Ведищев Н. П., Гладышев Д. Ю. Незаконный оборот наркотических средств: вопросы квалификации, расследования, ОРМ, экспертиз: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 496 с.
4. Исаров О. Б. Понятие и сущность оперативно-розыскной профилактики преступлений // Научные труды. 2008. № 2. С. 15–27.
5. Кузина Л. С. Оперативно-розыскная профилактика ОВД в системе предупреждения вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков // Вестник. 2019. № 4. С. 55–63.
6. Белюкова Т. И. О задачах оперативно-розыскной профилактики и функциональной специфике оперативных подразделений // Право и безопасность. 2018. № 3. С. 41–49.
7. Жандров В. Ю. Решение задач ОРД посредством получения сведений в ИКТ-среде // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2024. № 2. С. 72–84.
8. Оперативно-розыскная деятельность: учебник / под ред. Н.А. Кузьмина, Л.Л. Кругликовой. М.: Изд-во Академии, 2024. 640 с.
9. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел: курс лекций / под ред. К.К. Горяинова. М.: Академия МВД России, 2023. 512 с.

1. Shalagin A. E. Nezakonnyy oborot narkotikov — ugroza natsional′noy bezopasnosti: monografiya. Kazan′: Kazanskiy yuridicheskiy institut MVD Rossii, 2014. 208 s.
2. Semenchuk V. V. Uchastiye nesovershennoletnikh v operativno-rozysknykh meropriyatiyakh: predely i garantii // Lex Russica. 2024. № 7. S. 112–129.
3. Vedishchev N. P., Gladyshev D. YU. Nezakonnyy oborot narkoticheskikh sredstv: voprosy kvalifikatsii, rassledovaniya, ORM, ekspertiz: monografiya. M.: Yurlitinform, 2016. 496 s.
4. Isarov O. B. Ponyatiye i sushchnost′ operativno-rozysknoy profilaktiki prestupleniy // Nauchnyye trudy. 2008. № 2. S. 15–27.

5. Kuzina L. S. Operativno-rozysknaya profilaktika OVD v sisteme preduprezhdeniya vovlecheniya nesovershennoletnikh v nezakonnyy oborot narkotikov // Vestnik. 2019. № 4. S. 55–63.
6. Belyukova T. I. O zadachakh operativno-rozysknoy profilaktiki i funktsional′noy spetsifike operativnykh podrazdeleniy // Pravo i bezopasnost′. 2018. № 3. S. 41–49.
7. Zhandrov V. YU. Resheniye zadach ORD posredstvom polucheniya svedeniy v IKT-srede // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. 2024. № 2. S. 72–84.
8. Operativno-rozysknaya deyatel′nost′: uchebnik / pod red. N.A. Kuz′mina, L.L. Kruglikovoy. M.: Izd-vo Akademii, 2024. 640 s.
9. Operativno-rozysknaya deyatel′nost′ organov vnutrennikh del: kurs lektsiy / pod red. K.K. Goryainova. M.: Akademiya MVD Rossii, 2023. 512 s.

Информация об авторе

Алина Алексеевна Линдт. Адъюнкт.
Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, Москва, Россия
117997, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

Information about the author

Alina A. Lindt. Adjunct.
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikot
117437, Russia, Moscow, Academician Volgina Str., 15.

Статья поступила в редакцию 12.01.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.
The article was received in the editorial office on 12.01.2026; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научная статья
УДК 343.98

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ ПЕРЕВОДЧИКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Морозова Наталия Владимировна[1], Абрамова Любовь Леонидовна[2]
[1]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл, Россия
[2]Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия

[1]morozova_nv1982@mail.ru
[2]luba11177@mail.ru

Аннотация. В статье авторы анализируют существующие определения понятия «переводчик», его место и роль в уголовном процессе. Особое внимание уделяется организационным и процессуальным аспектам участия переводчика, вопросам определения его признаков и критериев как специалиста в области языка. Подчёркивается, что институт перевода имеет достаточно важное значение в обеспечении принципов состязательности, гласности и права на защиту, включая право на пользование родным языком и бесплатную помощь переводчика участниками уголовного судопроизводства, полностью или не в полной мере владеющими языком российского уголовного процесса. Анализ современного законодательства позволяет установить, что существующая нормативно-правовая база относительно деятельности переводчика в уголовном процессе имеет определённые недостатки и пробелы регулирования его участия. Обращается внимание на необходимость дальнейшего развития и изучения данной области для совершенствования законодательства и выявления проблем правового регулирования деятельности переводчиков, предлагая возможные пути их решения.

Ключевые слова: переводчик, перевод, язык, специалист, компетентность, признак, принцип, уголовное судопроизводство.

Для цитирования: Морозова Н. В., Абрамова Л. Л. Теоретико-правовые аспекты участия переводчика в уголовном судопроизводстве // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 296–303.

THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS OF AN INTERPRETER'S PARTICIPATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Natalia V. Morozova[1], Lyubov L. Abramova[2]
[1]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia
[2]Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russia

[1]morozova_nv1982@mail.ru
[2]luba11177@mail.ru

Annotation. In the article, the authors analyze the existing definitions of the concept of "interpreter", its place and role in the criminal process. Special attention is paid to the organizational and procedural aspects of the interpreter's participation, as well as to the issues

of defining their features and criteria as a specialist in the field of language. It is emphasized that the institution of translation is of significant importance in ensuring the principles of adversarial proceedings, transparency, and the right to defense, including the right to use one's native language and the free assistance of a translator by participants in criminal proceedings who do not fully or completely master the language of the Russian criminal process. An analysis of current legislation reveals that the existing legal framework for the activities of a translator in a criminal trial has certain shortcomings and gaps in regulating their participation. The article highlights the need for further development and research in this area in order to improve legislation and identify legal issues.

Keywords: translator, translation, language, specialist, competence, attribute, principle, criminal proceedings.

For citation: Morozova N. V., Abramova L. L. Theoretical and Legal aspects of the Participation of an Interpreter in criminal proceedings // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2026. № 1(106). P. 296–303.

Наша страна является многонациональным государством, в котором проживают разные народы, которые говорят на самых разнообразных языках и диалектах. Увеличение числа приезжих иностранных граждан, не в полной мере владеющих русским языком, безусловно, создаёт определённые трудности в общении с ними, особенно если они выступают участниками уголовного судопроизводства. В таких случаях возникает недопонимание и искажение воспринимаемой информации, что может привести к нарушениям прав участников процесса, неправильной оценке собранных доказательств, затягиванию рассмотрения дел, а также к вынесению несправедливых судебных решений. Кроме того, отечественная судебная практика сталкивается со случаями формального подхода к привлечению переводчиков, недостаточной квалификацией специалистов, отсутствием единых стандартов и критериев допуска к осуществлению переводческой деятельности в суде.

Реальность такова, что надлежащее обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, в том числе и языковых прав участников уголовного процесса, – это насущная задача для органов дознания, следствия, прокуратуры и суда [1, с. 235]. Именно переводчик обеспечивает реализацию ключевых принципов уголовного судопроизводства, таких как право на защиту, доступ к правосудию и справедливое разбирательство.

Особую значимость вопросы обеспечения реализации в России принципа языка судопроизводства приобретают в свете проводимых судебных реформ и стремления к максимальной открытости, транспарентности и доступности правосудия для всех категорий граждан [2, с. 136]. В этой связи повышаются требования к профессионализму переводчиков, от их работы зависит точность передачи смысла документов, показаний, судебных актов, что напрямую влияет на итог судебного разбирательства

Для понимания правового статуса и определения роли переводчика в уголовном судопроизводстве необходимо проанализировать понятие «переводчик» с вытекающими правами и обязанностями этого субъекта уголовного процесса.

Институт переводчика в уголовном процессе имеет глубокие исторические корни и прошёл значительный путь развития. Ещё Устав уголовного судопроизводства Российской Империи 1864 года [3] содержал чёткое регулирование участия переводчика, считая его сведущим лицом, причём иногда функции перевода мог выполнять следователь, но запись показаний велась обязательно на русском языке. Это свидетельствует о том, что роль переводчика изначально рассматривалась как вспомогательная, однако требующая определённых знаний и навыков для максимально точной передачи смысла сказанного.

В толковании В. И. Даля переводчик – не просто человек, знающий несколько языков, а тот, кто может ясно, без искажений, передать мысль с одного языка на другой [4]. Уже в XIX веке отмечалась важная специфика переводческой деятельности – необходимость точности и ясности, а также посредническая функция между лицами, говорящими на разных языках. То есть даже тогда переводчик выступал своего рода гарантом информационного взаимодействия сторон на понятном для них языке.

На современном этапе уголовное судопроизводство требует более чёткого и законодательно оформленного определения переводчика. К примеру, в статье 18 УПК РФ закреплён принцип языка уголовного судопроизводства, который гарантирует право любого участника, недостаточно владеющего языком процесса, на бесплатную помощь переводчика. Статья 59 УПК РФ более конкретно указывает, что переводчик – лицо, свободно владеющее необходимым языком, привлекаемое к участию в процессуальных действиях[1].

Анализ современного определения переводчика в уголовном процессе показывает, что оно стало более узким и профессионализированным: от переводчика требуется не только владение конкретным языком, но и уровень знаний, достаточный для понимания юридической терминологии и идеального выполнения своих обязанностей. Недостаточный уровень квалификации – основание для отвода переводчика. Такое ограничение, с одной стороны, соответствует интересам процесса, но с другой – сужает процессуальный статус переводчика и требует от законодателя более чёткого регулирования его роли и обязанностей.

В своих исследования И. Г. Савицкая отмечает, что «сформулированное законодателем определение «переводчик», по мнению многих авторов, является «узким» и не отражает тех необходимых признаков и требований, которые должны характеризовать процессуальный статус переводчика как участника уголовного процесса» [5, с. 177].

Попытки расширительного толкования понятия переводчика в уголовном судопроизводстве предпринимались ещё советскими процессуалистами, которые сходились в одном – в значимости этого участника для уголовного процесса и необходимости более чёткой регламентации его процессуальных прав и обязанностей, закреплённых в законе.

Принятие в 2001 году Уголовно-процессуального кодекса РФ, по сути, завершило дискуссии учёных относительно процессуального статуса переводчика, однако на основе анализа современных научных изысканий относительно данной проблематики констатируем тот факт, что данный вопрос требует дальнейшей проработки.

Так, например, солидаризируясь с мнением А. В. Сасова и К. Ю. Куринной, отметим, что на данный момент уголовно-процессуальным законом не определены критерии его компетентности, лингвистические характеристики, наличие соответствующего образования и иные признаки, которыми должны руководствоваться должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство при подборе переводчика [6, с. 137].

Обращаясь к такому признаку переводчика, как компетентность, представим его как некий симбиоз компетенций, закреплённых в Профессиональном стандарте специалиста в области перевода[2], а также требований, предъявляемых к переводчику, привлекаемому для участия в уголовном судопроизводстве. Таким образом, в общем виде компетентность переводчика в уголовном процессе можно оценивать по следующим критериям: наличие официального подтверждения о знании иностранного языка, зна-

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в области перевода» [Электронный ресурс]: приказ Министерства труда и социальной защиты Рос. Федерации от 18 марта 2021 г. № 134н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ние традиций и культурных особенностей народа, язык которого требуется для перевода, соблюдение профессионально-этических стандартов (внешнего вида, этикета), владение юридической лексикой, понимание особенностей уголовного процесса, а также основные знания законодательства страны, с языком которой работает переводчик.

На практике оценить реальные языковые навыки переводчика оказывается сложно, так как следователь или судья, как правило, не владеет этим иностранным языком и потому не в состоянии самостоятельно оценить достоверность перевода. Существует парадоксальность – для проверки квалификации переводчика нужен другой знающий язык человек, компетентность которого тоже никак не удостоверена. В современных условиях минимальную оценку языкового уровня можно попытаться провести с помощью электронных систем перевода [7, с. 172], однако эти технологии до сих пор не позволяют заменить переводчика: электронный перевод не обеспечивает требуемой точности и не учитывает процессуальные, лингвистические и культурные нюансы.

В этой связи отметим, что законодательство, регулирующее деятельность переводчиков, не содержит чёткой процедуры проверки их компетентности. Однако, например, Е. И. Фойгель предлагает несколько вариантов решения этой проблемы: поручительство от опытного специалиста-филолога, работающего с правоохранительными органами; короткое тестирование перед началом работы с проверкой правильности ответов по утверждённым ключам; консультация и рекомендация от авторитетной общественной организации (диаспоры или землячества). Авторы считают, что закрепление чёткой и обязательной процедуры проверки квалификации переводчика на законодательном уровне с фиксацией результатов в протоколе позволит уменьшить число отказов от показаний из-за сомнений в компетентности переводчика или обвинений в предвзятости [8, с. 344].

Вопрос о том, какими должны быть требования к знанию языка у переводчика, также вызывает много споров. Если обратиться к статье 59 УПК РФ, то окажется, что в ней обозначены лишь самые общие требования: человек должен свободно владеть нужным языком, чтобы выполнять функции переводчика в уголовном процессе. Однако законодатель не объясняет, что именно подразумевается под этим «свободным владением»: каковы его критерии, что должно входить в этот уровень, как его проверить. В научной литературе критика этого подхода встречается очень часто, и указывается, что столь общее требование слишком абстрактно и неопределённо.

В науке и на практике под свободным владением языком чаще всего подразумевается способность бегло говорить на языке, хорошо понимать его на слух и в письменной речи, а также уметь точно выражать свои мысли. Но этого недостаточно для работы переводчиком именно в уголовном судопроизводстве. Дело в том, что юридическая речь насыщена специальной терминологией, формулировки в документах и объяснениях часто непросты для понимания даже носителям языка без юридического образования. Переводчик, не владеющий хотя бы минимальной юридической компетенцией, рискует допустить ошибки в передаче смысла правовых выражений, понятий и нюансов. Иными словами, даже если человек хорошо говорит на языке, этого может быть мало в условиях уголовного процесса, так как необходимы специфические знания в области права, чтобы корректно и точно переводить процессуальные документы и устные выступления участников.

Закон, признавая лишь общее свободное владение языком, не требует от переводчика знания юридической терминологии, что, по мнению многих специалистов, занижает общий уровень требований к такой процессуальной фигуре и может повлиять на качество перевода. В результате переводчик сможет, по сути, донести до участника только самый общий смысл происходящего, но не нюансы и важные подробности, которые заложены именно в правовых терминах или формулировках. Поэтому обсуждается вопрос о том, чтобы в законе использовать вместо термина «свободное владение

языком» понятие «достаточное владение», подчёркивая тем самым необходимость хотя бы минимальных знаний в сфере специальной терминологии [9, с. 5].

Приводятся также аргументы, что если понимать «свободное владение» в духе Европейской системы уровней (CEFR), то это вовсе не значит, что переводчик пригоден для работы в суде. CEFR подразумевает умение понимать почти всё без исключения, легко формулировать связные длинные тексты и разбирать мельчайшие смысловые оттенки. Но найти такого специалиста на практике крайне сложно, особенно с учётом необходимости знания двух языков и юридических реалий обеих сторон. Поэтому важен иной подход – акцентировать внимание не только на общем владении языком, но и на так называемой «специальной компетенции».

Под специальной компетенцией понимают не просто языковую гибкость, но и знание профессиональной терминологии, а также реалий, которые встречаются именно в уголовном процессе. Такой переводчик способен учесть особенности языка-источника и языка перевода, точно передать содержание сказанного с сохранением юридических нюансов и специфики. Таким образом, для качественного перевода в суде порой важнее даже не беглость разговорной речи, а умение адекватно работать с профильной терминологией и ясно передавать юридический смысл [10, с. 627].

Ещё одним немаловажным аспектом участия переводчика в уголовном процессе является его незаинтересованность. Это означает, что он не должен иметь никаких личных, имущественных или иных связей с участниками дела, которые могли бы повлиять на его объективность и беспристрастность [11, с. 686].

Однако на практике именно с принципом незаинтересованности часто возникают сложности. Например, если лицо, участвующее в уголовном процессе, не владеет языком судопроизводства, найти профессионального переводчика бывает невозможно. В подобных случаях привлекают знакомых или родственников участников процесса, что автоматически создаёт риск их заинтересованности в исходе дела, даже если они формально заявляют о своей беспристрастности [12, с. 46].

Такое решение нам видится не вполне удачным, поскольку оно явно противоречит нормативно-правовым требованиям уголовно-процессуального закона относительно заинтересованности в исходе дела, а во-вторых, несоответствие требованиям, предъявляемым законодателем к переводчику как к компетентному специалисту в области языкознания.

В этой связи немаловажной мерой, снижающей риски и повышающей качество судебного перевода, могло бы выступить создание государственного реестра проверенных судебных переводчиков. Такой реестр содержал бы информацию о специалистах, чья компетентность уже подтверждена их практикой и авторитетом, что позволило бы сократить время на их поиск и повысить доверие к их работе со стороны всех участников уголовного процесса.

Это, несомненно, позволит обеспечить доступность компетентных специалистов, однако, к сожалению, в современных российских реалиях такой вариант неизбежно сталкивается с финансовыми и организационными трудностями.

Более реалистичным вариантом видится организация специальных образовательных курсов для судебных переводчиков. Получив соответствующий документ об окончании таких курсов, переводчик мог бы подтвердить свою квалификацию для работы в системе уголовного судопроизводства. Кроме того, целесообразно создать федеральную базу данных, куда заносили бы сведения обо всех лицах, прошедших такие курсы, с указанием языков, которыми они владеют, а также места жительства и контактных данных. Такая база обеспечит быстрый и эффективный поиск нужного специалиста для конкретного региона и процесса.

Тем не менее следует учитывать и неизбежные случаи, когда не удаётся найти квалифицированного переводчика нужного уровня. В подобных ситуациях допускается

привлечение любых лиц, способных объясняться на нужном языке, даже если они не имеют специального образования или документов. Это объясняется тем, что закреплённое в Конституции право на использование родного языка должно быть максимально обеспечено и формальный запрет на участие неаккредитованных переводчиков приведёт только к ухудшению положения участников процесса, не владеющих языком судопроизводства. В подобных случаях речь идёт о необходимости баланса системы правосудия между обеспечением качества перевода и реальными возможностями.

Таким образом, решением проблем несовершенства правового регулирования и двусмысленности норм нормативно-правовых актов, а также повышения эффективности и справедливости участия переводчика в судебном процессе нам видится необходимость в усовершенствовании и пересмотре на законодательном уровне положений, регулирующих процессуальный статус переводчика в уголовном судопроизводстве.

---

1. Проказин Д. Л., Чаплыгина В. Н. К вопросу об обеспечении прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при производстве дознания в сокращенной форме // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: Всероссийская научно-практическая конференция, Орел, 27 мая 2016 года. Орел., 2016. С. 234-239.
2. Обеспечение прав человека: Учебник / М. И. Акатнова, А. А. Амирханов, Ю. В. Анохин [и др.]. 2-е издание, исправленное и дополненное. Барнаул : Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2020. 756 с.
3. Российское законодательство X-XX веков. Т.8 Судебная реформа. М.: Юридическая литература, 1991. 495 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого Великорусского языка. Том 3. М.: Терра, 1995. 555 с.
5. Савицкая И. Г. Реализация принципа языка судопроизводства в уголовном процессе России посредством участия в нем переводчика // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2022. № 8-1. С. 176-184.
6. Сасов А. В. Проблемные аспекты деятельности переводчика в уголовном процессе // Сборник научных работ серии «Право». 2020. № 3(19). С. 132-142.
7. Колычева А. Н. Перспективы внедрения искусственного интеллекта в раскрытие и расследование преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 3(92). С. 172-179.
8. Фойгель Е. И. Уголовно-процессуальные и организационные аспекты участия переводчика в процессе предварительного расследования // Проблемы современного российского законодательства. Иркутск: Российская правовая академия Министерства юстиции Российской федерации, 2013. С. 340-345.
9. Шигуров А. В. Проблемы правовой регламентации статуса переводчика в уголовном судопроизводстве // Российский хороший журнал. 2019. № 2(2). С. 5.
10. Чаплыгина В. Н. Уголовно-процессуальные основания интерпретационной функции в виде сурдо- и тифлосурдоперевода // Современное уголовно-процессуальное право - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : международная научно-практическая конференция : памяти заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора А. П. Гуляева в связи с 90-летием со дня рождения, Орел, 11 октября 2024 года. Орёл: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел России имени В.В. Лукьянова, 2024. С. 225-230.
11. Хомушова М. А. Проблема участия переводчика в уголовном судопроизводстве // Аллея науки. 2017. Т. 3, № 10. С. 684-687.

12. Шигуров А. В. Проблемы правовой регламентации признаков переводчика как участника уголовного судопроизводства // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2019. № 4(7). С. 44-53.

1. Prokazin D. L., Chaply`gina V. N. K voprosu ob obespechenii prav i zakonny`x interesov uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva pri proizvodstve doznaniya v sokrashhennoj forme // Ugolovno-processual`ny`e i kriminalisticheskie problemy` bor`by` s prestupnost`yu: Vserossijskaya nauchno- prakticheskaya konferenciya, Orel, 27 maya 2016 goda. Orel: 2016. S. 234-239.
2. Obespechenie prav cheloveka: Uchebnik / M. I. Akatnova, A. A. Amirxanov, Yu. V. Anoxin [i dr.]. 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. Barnaul : Federal`noe gosudarstvennoe kazennoe obrazovatel`noe uchrezhdenie vy`sshego professional`nogo obrazovaniya Barnaul`skij yuridicheskij institut Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii, 2020. 756 s.
3. Rossijskoe zakonodatel`stvo X-XX vekov. T.8 Sudebnaya reforma. M.: Yuridicheskaya literatura, 1991. 495 s.
4. Dal` V. I. Tolkovy`j slovar` zhivogo Velikorusskogo yazy`ka. Tom 3. M.: Terra, 1995. 555 s.
5. Saviczkaya I. G. Realizaciya principa yazy`ka sudoproizvodstva v ugolovnom processe Rossii posredstvom uchastiya v nem perevodchika // Obshhestvennaya bezopasnost`, zakonnost` i pravoporyadok v III ty`syacheletii. 2022. № 8-1. S. 176-184.
6. Sasov A. V. Problemny`e aspekty` deyatel`nosti perevodchika v ugolovnom processe // Sbornik nauchny`x rabot serii Pravo. 2020. № 3(19). S. 132-142.
7. Koly`cheva A. N. Perspektivy` vnedreniya iskusstvennogo intellekta v raskry`tie i rassledovanie prestuplenij // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2022. № 3(92). S. 172-179.
8. Fojgel`, E. I. Ugolovno-processual`ny`e i organizacionny`e aspekty` uchastiya perevodchika v processe predvaritel`nogo rassledovaniya // Problemy` sovremennogo rossijskogo zakonodatel`stva. Irkutsk: Rossijskaya pravovaya akademiya Ministerstva yusticii Rossijskoj federacii, 2013. S. 340-345.
9. Shigurov A. V. Problemy` pravovoj reglamentacii statusa perevodchika v ugolovnom sudoproizvodstve // Rossijskij xoroshij zhurnal. 2019. № 2(2). S. 5.
10. Chaply`gina V. N. Ugolovno-processual`ny`e osnovaniya interpretacionnoj funkcii v vide surdo- i tiflosurdoperevoda // Sovremennoe ugolovno-processual`noe pravo - uroki istorii i problemy` dal`nejshego reformirovaniya : mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya : pamyati zasluzhennogo yurista Rossijskoj Federacii, doktora yuridicheskix nauk, professora A. P. Gulyaeva v svyazi s 90-letiem so dnya rozhdeniya, Orel, 11 oktyabrya 2024 goda. Oryol: Orlovskij yuridicheskij institut Ministerstva vnutrennix del Rossii imeni V.V. Luk`yanova, 2024. S. 225-230.
11. Xomushova M. A. Problema uchastiya perevodchika v ugolovnom sudoproizvodstve // Alleya nauki. 2017. T. 3, № 10. S. 684-687.
12. Shigurov A. V. Problemy` pravovoj reglamentacii priznakov perevodchika kak uchastnika ugolovnogo sudoproizvodstva // Gumanitarny`e i politiko-pravovy`e issledovaniya. 2019. № 4(7). S. 44-53.

Информация об авторах

Наталия Владимировна Морозова. Доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, кандидат юридических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

302027, Россия, Орёл, ул. Игнатова, 2.

Любовь Леонидовна Абрамова. Начальник кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, доцент.

Сибирский юридический институт МВД России.

660131, Россия, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

Information about the authors

Natalia V. Morozova. Associate Professor, Department of Forensic Science and Preliminary Investigation in the Internal Affairs Directorate. Candidate of Law, Associate Professor.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russia, Oryol, Ignatova Str., 2.

Lyubov L. Abramova. Head of the Criminal Procedure Department. Candidate of Law, Associate Professor.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

660131, Russia, Krasnoyarsk, Rokossovskogo Str., 20.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 30.01.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.

The article was received in the editorial office on 30.01.2026; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научная статья
УДК 343.985.2

ТАКТИКА ОСМОТРА ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА В ХОДЕ ПРОВЕРОЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ И ПРОИЗВОДСТВА ДОЗНАНИЯ ПО СТАТЬЕ 264.1 УК РФ

Москаленко Дарья Александровна
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

darya2013lavrova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются тактические приёмы осмотра и выемки автомобиля как средства совершения преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ. Обозначены особенности производства осмотра места происшествия с задержанным сотрудниками Госавтоинспекции МВД России транспортным средством, а также отдельный осмотр автомобиля и иных механических транспортных средств на специализированной стоянке, их выемка. Определены особенности обеспечительных мер, принимаемых дознавателем в порядке ст. 115 УПК РФ, ст. 446 ГПК РФ для исполнения требований ст. 104.1 УК РФ. В ходе исследования изучены две криминалистические ситуации, которые могут складываться на первоначальном этапе расследования преступления; проанализированы подготовительный, рабочий и завершающий этапы проведения указанных следственных действий; акцентировано внимание на важных для расследования по уголовному делу обстоятельствах.

Ключевые слова: транспортное средство, водитель в состоянии опьянения, осмотр, выемка, дознаватель.

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя – профессора кафедры криминалистики Волгоградской академии МВД России доктора юридических наук, профессора Замылина Е. И.

Для цитирования: Москаленко Д. А. Тактика осмотра транспортного средства в ходе проверочных мероприятий и производства дознания по статье 264.1 УК РФ // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 304–313.

TACTICS OF VEHICLE INSPECTING DURING CHECKING ACTIVITIES AND INVESTIGATION UNDER ARTICLE 264.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Darya A. Moskalenko
Volgograd Academy of the Interior Ministry of Russian Federation, Volgograd, Russia,

darya2013lavrova@yandex.ru

Annotation. The article discusses the tactical methods of inspection and seizure of a car as a means of committing a crime under Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. It outlines the specifics of conducting an inspection of the scene of an incident involving a vehicle that has been detained by the State Traffic Police of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. The article also discusses the separate inspection

of a car and other mechanical vehicles at a specialized parking lot, as well as their seizure. The features of the interim measures taken by the investigator in accordance with Article 115 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, Article 446 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation, in order to comply with the requirements of Article 104.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, have been determined. The study examines two forensic situations that may arise at the initial stage of a crime investigation, analyzes the preparatory, working, and final stages of conducting these investigative actions, and focuses on the circumstances that are important for the investigation of a criminal case.

Keywords: vehicle; impaired driver; inspection; seizure; interrogator.

Gratitude: the work was made with the support of the scientific supervisor, the professor of the Criminalistics Department of the Volgograd Academy of the Interior Ministry of Russian Federation, Doctor of Sciences (Law), Professor Evgeniy I. Zamylin.

For citation: Moskalenko D. A. Tactics of vehicle inspecting during checking activities and investigation under article 264.1 of the criminal code of the Russian Federation // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation. 2026. № 1(106). P. 304–313.

Одной из важнейших задач государства является обеспечение безопасности дорожного движения. Управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость, в наши дни является достаточно распространённым и, к сожалению, высоко латентным уголовно наказуемым деянием. Так, данный состав преступления является формальным, следовательно, для признания его оконченным не требуется наступления общественно опасных последствий в виде причинения вреда здоровью или смерти. Следовательно, указанное преступление может быть совершено как вне дорожно-транспортного происшествия (далее – ДТП), так и при ДТП без последствий, квалифицируемых по различным частям ст. 264 УК РФ, что подтверждается собранным нами эмпирическим материалом.

Помимо прочего, в ходе исследования материалов 177 уголовных дел, возбужденных по ст. 264.1 УК РФ за 2022-2025 гг., нами установлено, что обвиняемыми помимо указанного преступления было совершено: а) административное правонарушение (несоблюдение требования ОСАГО; управление транспортным средством при отсутствии права управления; нарушение правил применения ремней безопасности; нарушение правил применения мотошлема; эксплуатация незарегистрированного транспортного средства; оставление места ДТП) в 100 % случаев; б) ДТП при отсутствии признаков уголовно наказуемого деяния в 9 % случаев; в) совокупность преступления (со ст. 264 УК РФ; ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 291.2 УК РФ; ч. 1 ст. 166 УК РФ; ч. 3 ст. 327 УК РФ) в 4 % случаев[1].

Тем не менее, нельзя не рассматривать ситуации, в которых управление транспортным средством водителями в состоянии опьянения все же приводит к наступлению общественно опасных последствий. Так, на территории России только за 2022, 2023, 2024 и 9 месяцев 2025 г.[2] в 51 898 ДТП, совершенных с участием таких лиц, погибло

[1] Здесь и далее по тексту приведены данные, полученные в рамках исследования материалов уголовных дел, возбужденных по ч. 1 и ч. 2 ст. 264.1 УК РФ, за 2022-2025 гг. на территории Волгоградской, Пензенской и Ростовской областей, республик Дагестан, Калмыкия Северная Осетия-Алания.

[2] Здесь и далее приведена статистика за 2022, 2023, 2024 и 9 месяцев 2025 года, в связи с тем, что по состоянию на 7 марта 2026 года НЦ БДД МВД России не опубликована статистика за 12 месяцев 2025 года.

12 824 и было ранено 67 194 человека[1]. Данная статистика по результатам анкетирования сотрудников правоохранительных органов во многом обусловлена сокращением количества стационарных постов Госавтоинспекции, уменьшением штата сотрудников и переходом на рейдовую систему работы (37 %), слишком мягким наказанием за управление транспортным средством в состоянии опьянения (32 %) и общей алкоголизацией населения (31 %)[2].

Кроме того, следует отметить, что за указанный период основную долю осужденных по преступлениям против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта (82,9 % или 162 064) составляют лица, совершившие преступление, предусмотренное именно ст. 264.1 УК РФ. Для сравнения, по фактам нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекших наступление общественно опасных последствий (ст. 264 УК РФ) осуждено значительно меньшее количество лиц – 29 915 (15,3 %)[3].

Учитывая изложенные данные, при производстве расследования по уголовным делам, возбужденным по рассматриваемому составу преступления, дознаватель сталкивается с несколькими криминалистическими ситуациями, которые ему предстоит разрешить. Так, в связи с требованием закона, а именно п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ транспортное средство, которым управлял водитель в момент совершения преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, принадлежащее ему на праве собственности, на основании обвинительного приговора суда может быть в безвозмездном порядке изъято в пользу государства. Что, в свою очередь, накладывает на должностное лицо органа предварительного расследования обязанность во время производства по уголовному делу принимать соответствующие обеспечительные меры в виде наложения ареста на имущество подозреваемого (обвиняемого) в порядке ст. 115 УПК РФ с учетом требований ст. 446 ГПК РФ в целях обеспечения последующего назначения судом меры уголовного-правового характера. Однако в правоприменительной деятельности производство данного следственного действия по данным анкетирования у 56 % дознавателей вызывает наибольшее затруднение.

В этой связи, на первоначальном этапе расследования дознавателю особое внимание следует обращать на осмотр транспортного средства, которым управлял подозреваемый в момент совершения преступления, а также на правильность процессуального оформления его выемки. Для полной конкретизации обстоятельств расследования необходимо качественное исследование следовой картины преступления, использование положений методики расследования о типовом перечне обстоятельств, подлежащих установлению в расследовании данного вида преступлений, полный перечень всех реально возможных следственных версий в данной ситуации [1, с. 184].

Осмотр транспортного средства является разновидностью следственного осмотра и включает в себя принципы неотложности, объективности, полноты, всесторонно-

---

[1] Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2024 год. Информационно-аналитический обзор. Москва : ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2025; Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 9 месяцев 2025 года. Информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2025.

[2] Здесь и далее по тексту приведены данные, полученные в результате анкетирования 88 дознавателей, осуществлявших расследование по уголовным делам, возбужденным по ст. 264.1 УК РФ, за 2022-2025 гг., и 43 сотрудников Госавтоинспекции МВД России на территории Астраханской, Волгоградской, Пензенской и Ростовской областей, Краснодарского и Ставропольского краев, Республик Адыгея, Дагестан, Северная Осетия-Алания и Калмыкия.

[3] Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022, 2023, 2024 и 1 полугодие 2025 года [Электронный ресурс]. URL: https://cdep.ru/userimages/Statistika_ 2022/k4-svod_vse_sudy-2022/2023/2024/1-2025/.xls (дата обращения: 07.03.2026).

сти, целеустремленности, использования технико-криминалистических средств и методов, а также помощи специалистов, соблюдения криминалистических правил обращения с исследуемыми объектами, единого руководства осмотром. Совершенно обоснованно организации и проведению данного следственного действия придается большое значение, так как необнаруженная и незафиксированная информация впоследствии не может быть компенсирована ни показаниями свидетелей, ни экспертизами, ни иными следственными действиями [2, с. 99].

Как правило, транспортное средство, которым в состоянии опьянения управляло лицо, на основании ст. 27.13 КоАП РФ задерживается сотрудниками Госавтоинспекции на месте остановки независимо от согласия водителя пройти освидетельствование на состояние опьянения. Также инспектором на месте остановки в случаях, если транспортное средство принадлежит не водителю, а третьему лицу, предлагается вызвать на место последнего для того, чтобы возвратить автомобиль. Однако согласно данным анкетирования инспекторов в большинстве случаев они вызывают на место эвакуатор и составляют соответствующий протокол, где указывается, что автомобиль передан водителю этого эвакуатора для помещения на специализированную стоянку.

Данные обстоятельства порождают две криминалистические ситуации, которые складываются при производстве осмотра и выемки транспортного средства, использованного при совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ: само транспортное средство подвергается изъятию либо в рамках осмотра места происшествия до возбуждения уголовного дела, либо в рамках производства выемки после его возбуждения [3, с. 19].

В первой ситуации сотрудники Госавтоинспекции при остановке водителя с признаками опьянения после проверки в Федеральной информационной системе (ФИС) ГИБДД-М получают данные о том, что проверяемый водитель подвергнут вступившему в законную силу административному наказанию по чч. 1,3 ст. 12.8 КоАП РФ, либо по ст. 12.26 КоАП РФ, либо имеет неснятую или непогашенную судимость по чч. 2,4,6 ст. 264, ст. 264.1 УК РФ, а, следовательно, лишён водительского удостоверения. Как правило, в таких случаях инспектор должен вызывать следственно-оперативную группу, так как у него имеются основания полагать, что совершено преступление, предусмотренное ст. 264.1 УК РФ. При таких условиях осмотр места происшествия предполагает непосредственный осмотр транспортного средства и прилегающей к нему территории.

Однако нельзя исключать ситуаций, когда у сотрудников Госавтоинспекции на момент остановки отсутствует информация о наличии у лица административного наказания или судимости, т.е. первоначально у полицейских нет оснований для незамедлительного возбуждения уголовного дела или проведения процессуальной проверки в порядке ст. 144-145 УПК РФ, в том числе, для осуществления предусмотренных уголовно-процессуальным законом первоначальных следственных действий: осмотра места происшествия (ст. 176 УПК РФ), освидетельствования водителя в порядке ст. 179 УПК РФ или производства в отношении него судебно-медицинской экспертизы на состояние опьянения в соответствии с гл. 27 УПК РФ [4, с. 213-214].

В большинстве регионов РФ на сегодняшний день сотрудники Госавтоинспекции имеют мобильные переносные планшеты с доступом к ФИС ГИБДД-М, следовательно, могут располагать тактически необходимой информацией и вызвать для производств осмотра следственно-оперативную группу. Всем участникам необходимо помнить о том, что осмотр места происшествия – основа результативности экспертиз и исследований, проводимых по обнаруженным следам [5, с. 64-66], в связи с чем инспекторам нужно предпринимать все необходимые меры для сохранения следовой картины

преступления в неизменном виде до приезда группы. В зависимости от сложившейся ситуации по усмотрению сотрудников Госавтоинспекции им следует обеспечить сохранность следов транспортных средств и следов внутри и снаружи них, а также предпринять меры по ограничению доступа на место обнаружения преступления и исключению перемещения транспортного средства и иных объектов, которые могут иметь доказательственное значение, по фиксации обстановки на месте с помощью технических средств (например, через прибор регистрации информации «Дозор») и т.д. На основании изложенного, важную роль играет криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия, под которым понимается система деятельности по обеспечению субъектов, осуществляющих осмотр места происшествия, специальными знаниями по обнаружению, фиксации и изъятию следов преступления и навыками применения технико-криминалистических средств и тактических приемов и методов с целью более эффективного и объективного расследования совершенных преступлений [6, с. 10].

В криминалистике[1] принято за основу три этапа тактики производства осмотра места происшествия: подготовительный, рабочий, заключительный. Подготовительный этап, включает работу следственно-оперативной группы до выезда, в том числе, получение первичной информации о содеянном, и по прибытии на место происшествия. Как правило, после получения первичной информации о преступлении и при осуществлении выезда в следственно-оперативную группу входит дознаватель (следователь) и специалист-криминалист. Иные участники не требуются, так как на месте осмотра группу ожидают сотрудники Госавтоинспекции, остановленный водитель и понятые.

Руководитель следственно-оперативной группы по прибытии на место вызова должен проверить: 1. есть ли основания для производства осмотра места происшествия до возбуждения уголовного дела по ст. 264.1 УК РФ; 2. перемещались ли объекты на месте происшествия и если да, то выяснить причину; 3. состав участников осмотра (кто присутствует и какое отношение имеет к событию преступления); 4. кто подозревается в управлении транспортным средством в состоянии опьянения, будучи подвергнутым административному наказанию или имея судимость; 5. прочие обстоятельства и факты, которые могут иметь доказательственное значение.

Рабочий (исследовательский) этап предполагает как статический (общий) осмотр, так и динамический (детальный). При его производстве дознаватель (следователь) должен руководствоваться основными тактическими положениями осмотра:

1. Повсеместностью. Лицо, производящее осмотр, в границах места происшествия должно осмотреть транспортное средство внутри и снаружи, а также все без исключения прилегающие участки местности, объекты;
2. Конкретной последовательностью осмотра. В рассматриваемой нами ситуации наиболее целесообразно использовать эксцентрический способ осмотра, центром которого будет выступать задержанное транспортное средство;
3. Планомерностью. Предполагается систематическое, тщательное, полное обследование всех относящихся и способных иметь отношение к событию преступления объектов, а также всестороннюю фиксацию хода и результатов следственного действия.

[1] См.: Васильев А.Н. Следственная тактика / А.Н. Васильев. М.: Изд-во «Юрид.лит.», 1976. 200 с.; Князьков А.С. Тактико-криминалистические средства досудебного производства : дис. … д-ра юрид. наук / А.С. Князьков. Томск, 2014. 506 с.; Грибунов О.П. Теоретические основы и прикладные аспекты раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против собственности, совершаемых на транспорте : дис. … д-ра юрид. наук / О.П. Грибунов. Ростов-на-Дону, 2016. 543 с.; Комаров И.М. Тактические комплексы в расследовании преступлений / И.М. Комаров, Н.Ю. Пономаренко. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2018. 176 с. и проч.

Ключевым элементом осмотра места происшествия является не прилегающая обстановка, а непосредственно транспортное средство, которым водитель управлял в состоянии опьянения и был остановлен сотрудниками Госавтоинспекции. Тактически верным решением со стороны дознавателя будет являться уделение особого внимания выявлению негативных обстоятельств, роль которых для разоблачения лжи в показаниях и раскрытии преступлений трудно переоценить [7, с. 148]. В данном случае, дознаватель (следователь) с помощью специалиста-криминалиста должен провести тщательный внешний и внутренний осмотр автомобиля. Лицу, производящему осмотр, следует особо внимательно и детально изучать следовую картину внутри транспортного средства. Прежде всего, интерес представляет рулевое колесо автомобиля, на котором посредством использования криминалистического порошка выявляются и затем изымаются следы папиллярных узоров рук, а также с помощью ватных тампонов изымаются пото-жировые следы ладоней для последующего использования в процессе доказывания информации о том, кто действительно управлял транспортным средством. Фиксацию и изъятие таких следов считаем целесообразным проводить в конфликтных ситуациях, например, когда на момент производства осмотра водитель уже отрицает факт управления им данным транспортным средством в состоянии опьянения. Указанные действия могут производиться и в иных случаях, когда должностное лицо органа предварительного расследования посчитает необходимым, однако, следует помнить о том, что бремя доказывания по данной категории дел не требует безусловного установления личности водителя именно по следам рук, если факт управления подтверждается совокупностью иных доказательств, собранных сотрудниками Госавтоинспекции на месте выявления преступления.

Тем не менее, в конфликтных ситуациях, дознаватель (следователь) с помощью специалиста-криминалиста должен предпринимать меры к выявлению и изъятию следов папиллярных узоров рук с приборной панели, рычага коробки переключения передач, микроволокон ткани с водительского сиденья автомобиля и прочие следы, которые в будущем помогут в доказывании. При этом фиксация и упаковка обнаруженных следов может производиться как на исследовательском этапе осмотра, так и на завершающем. В целом «установление по овеществленным следам механизма расследуемого события достигается на основе исследования тех изменений, которые претерпела реальная обстановка» [8, с. 243].

На заключительном этапе производства осмотра места составляется протокол следственного действия, который должен отвечать требованиям полноты и объективности, точности и последовательности описания, соблюдения процессуальной формы. Так, согласно положениям ч. 2 ст. 176 УПК РФ осмотр места происшествия, документов и предметов может быть произведен до возбуждения уголовного дела. Из этого следует, что имея информацию о возможно совершенном преступлении, предусмотренном ст. 264.1 УК РФ, дознаватель при производстве проверки сообщения о преступлении вправе произвести осмотр, однако, до возбуждения уголовного дела, не процессуальной возможности принять обеспечительные меры и произвести выемку автомобиля. Так как под выемкой следует понимать самостоятельное следственное действие, имеющее аналогичные обыску цели, производящееся в отношении определенных предметов, местонахождение которых известно, то сама выемка транспортного средства в данной криминалистической ситуации возможна только после возбуждения уголовного дела.

Во второй криминалистической ситуации к моменту передачи материалов производства по делу об административном правонарушении органу дознания для принятия решения о возбуждении уголовного дела по признакам состава преступления,

предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, автомобиль, мотоцикл или иное механическое транспортное средство продолжает оставаться на специализированной стоянке. То есть, дознавателю после возбуждения уголовного дела для производства осмотра следует получить у сотрудников Госавтоинспекции информацию о том, кто и куда эвакуировал транспортное средство, так как в материалах административного производства содержится только марка автомобиля эвакуатора и его государственный регистрационный знак, фамилия, имя и отчество водителя эвакуатора. На территории специализированной стоянки дознаватель должен произвести аналогичные осмотру места происшествия действия, после чего составить протоколы осмотра транспортного средства и его выемки, в котором расписываются все участвовавшие лица. В данных условиях дознаватель должен обладать информацией о собственнике автомобиля.

Если это не водитель, управлявший им в момент совершения преступления, то орган предварительного расследования должен составить рапорт об обнаружении признаков административного правонарушения (либо ч. 2 ст. 12.8 или ч. 3 ст. 12.7 КоАП РФ для физических, либо ч. 2 ст. 12.8 КоАП РФ для юридических лиц), зарегистрировать его в порядке, установленном приказом МВД России от 29.08.2014 № 736 «Об утверждении инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях». Кроме этого, дознаватель должен выделить в отдельное производство материалы, на основании которых собственник транспортного средства должен быть привлечён к административной ответственности либо за передачу управления транспортным средством водителю в состоянии опьянения, либо заведомо не имеющему права управления, либо лишенному такого права.

В этой связи, взяв за основу протокол осмотра транспортного средства, дознаватель должен признать его вещественным доказательством и решить вопрос о хранении изъятого автомобиля на специализированной стоянке. Считаем, что наиболее целесообразным местом для вынесения постановления о признании транспортного средства вещественным доказательством дознавателем является его служебный кабинет в отделе полиции. В данной связи возникает логичный вопрос о том, к какому виду вещественных доказательств относится изъятое транспортное средство. По данному аспекту существует несколько точек зрения.

Согласно требованиями ст. 81 УПК РФ, во-первых, применительно к составу преступления, предусмотренному ст. 264.1 УК РФ, транспортное средство не может быть рассмотрено в качестве предмета преступления и, тем более, в качестве предмета преступного посягательства. Следует отметить, что вопрос о характере вреда, причинённого данным составом преступления, находит выражение в предмете преступного посягательства, которым выступает безопасность дорожного движения, а не механическое транспортное средство. Однако ряд авторов предлагает рассматривать автомобиль и иные механические транспортные средства именного в его качестве [9, с. 11; 10, с. 11; 11, с. 9].

Во-вторых, следует определиться с вопросом о том, может ли автомобиль, которым управлял водитель при совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, быть использован в качестве предмета, который служил орудиями, оборудованием или иными средством совершения преступления или сохранил на себе следы преступления (п. 1 ч. 1 с. 81 УПК РФ). В данной связи считаем необходимым пояснить, что в указанной редакции ст. 81 УПК РФ «предмет» понимается как субстрат материального мира, а не в качестве факультативного признака объекта рассматриваемого преступления. Именно таким «предметом» как объект материального мира и источник повышенной опасности нами рассматривается транспортное средство.

Что же касается процессуального положения такого транспортного средства, то целесообразным на основании положений п «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ считаем определить его как предмет, который служил средством совершения преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ. Помимо прочего, поясняя наше утверждение, отметим, что автомобиль не может рассматриваться в качестве оборудования совершения преступления. Орудием же автомобиль может стать в случае, если будет использован для совершения наезда на пешехода с прямым умыслом, направленным на лишение последнего жизни, но не применительно к рассматриваемой статье. Также, трудно не согласиться с мнением, о том, что четкое и единое понимание таких признаков, как предмет, орудие и средство преступления, имеет уголовно-правовое значение при применении положений ст. 264.1 УК РФ, транспортное средство следует признать средством преступления [12, с. 259; 13, с. 31; 14, с. 71].

Мы придерживаемся того же мнения и, в подтверждение нашей позиции следует обратиться к новой редакции (от 25.06.2024 г.) Постановления Пленума ВС РФ от 09.12.2008 № 25, где в п. 30 закреплено, что в силу положений п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ транспортное средство, которое принадлежит обвиняемому (находится в его собственности, а также в общей собственности обвиняемого и других лиц, в том числе, в совместной собственности супругов) и было использовано им при совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, подлежит конфискации»[1]. То есть, и Пленум Верховного Суда РФ признал транспортное средство в рассматриваемом нами составе средством совершения преступления.

Однако, ранее существовавшая редакция п. 30 указанного постановления Пленума ВС РФ (от 24.05.2016) напрямую противоречила данной позиции, указывая, что для целей применения п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ транспортное средство не может быть признано орудием, оборудованием или иным средством совершения преступления, предусмотренного ст. 264 либо 264.1 УК РФ. Но именно для определения его процессуального положения как вещественного доказательства по уголовному делу с целью реализации механизма конфискации имущества в ст. 104.1 УК РФ ФЗ от 14.07.2022 № 258-ФЗ введён п. «д», регламентирующий порядок конфискации транспортного средства, принадлежащего обвиняемому и использованного им при совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ. Так, по нашему мнению, законодатель выделил транспортное средство в качестве предмета, использованного именно как средство совершения преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, а не как орудие или оборудование его совершения.

Соответственно, на сегодняшний день дознавателю в постановлении о признании вещественным доказательством следует указывать, что транспортное средство является предметом, использованным как средство совершения преступления, на основании п. 1 ч. 1 ст. 81 УПК РФ. В том числе именно исходя из данного процессуального положения автомобиля как вещественного доказательства по уголовному делу были предложены тактические рекомендации по его осмотру, выемке и наложению ареста на него.

Таким образом, нами были проанализированы две криминалистические ситуации, которые могут складываться на первоначальном этапе расследования по уголовному делу, возбужденному по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, в том числе, рассмотрены особенности производства осмотра и выем-

[1] О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ки автомобиля, мотоцикла или иного механического транспортного средства, которым в состоянии опьянения управляло лицо при совершении указанного преступления.

1. Зеленский В. Д. Первоначальный этап расследования: организационно-методические вопросы // Развитие научных идей профессора Р. С. Белкина в условиях современных вызовов (к 100-летию со дня рождения) : сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции «63-и криминалистические чтения» (Москва, 20 мая 2022 г.) : в 2 частях / редкол. : Ю. В. Гаврилин, Б. Я. Гаврилов, С. Б. Россинский, Ю. В. Шпагина. М. : Академия управления МВД России, 2022. Ч. 1. 532 с.
2. Тарасова В. И. Тактика проведения следственных осмотров по уголовным делам о дорожно-транспортных преступлениях, совершенных лицами, управляющими маршрутными транспортными средствами // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1(63). С. 99-103.
3. Ларин Е. Г. Особенности производства предварительной проверки и дознания по преступлению, предусмотренному ст. 264.1 УК РФ. Законодательство и практика. 2016. № 1. С. 14-20.
4. Трухин С. А. Процессуальные проблемы доказывания по уголовным делам по ст. 264.1 УК РФ // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2018. № 2(42). С. 211-220.
5. Ткачук Т. А. Использование результатов исследований и экспертиз в поиске преступника: дис. … канд. юрид. наук. М., 2001. 166 с.
6. Бульбачева А. А. Криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. 28 с.
7. Закатов А. А. Ложь и борьба с нею. Волгоград: ВЮИ МВД России,1999. 152 с.
8. Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. Высшая школа МООП СССР. Москва, 1967. 289 с.
9. Трофимов В. Е. Уголовная ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2022. 30 с.
10. Грачева Ю. В., Чучаев А. И. Дополнительные уголовно-правовые меры обеспечения безопасности автотранспорта // Уголовное право. 2015. № 3. С. 10–15.
11. Косарев М. Н., Рублев А. Г. Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: состав преступления и вопросы его квалификации (ст. 264 УК РФ): учеб. пособие. Екатеринбург: УрЮИ МВД России, 2016. 31 с.
12. Курс уголовного права. Т.1. Общая часть: Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 2002. 624 с.
13. Хлус А. М. Средства совершения преступлений как элемент их криминалистической стурктуры // Российское право: образвоание, практика, наука. 2018. № 1(103). С. 24-33.
14. Аюпова Г. Ш. Уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 225 с.

1. Zelenskij V. D. Pervonachal`ny`j e`tap rassledovaniya: organizacionno-metodicheskie voprosy` // Razvitie nauchny`x idej professora R. S. Belkina v usloviyax sovremenny`x vy`zovov (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya) : sbornik nauchny`x statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «63-i kriminalisticheskie chteniya»

(Moskva, 20 maya 2022 g.) : v 2 chastyax / redkol. : Yu. V. Gavrilin, B. Ya. Gavrilov, S. B. Rossinskij, Yu. V. Shpagina. M. : Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2022. Ch. 1. 532 s.
2. Tarasova V. I. Taktika provedeniya sledstvenny`x osmotrov po ugolovny`m delam o dorozhno-transportny`x prestupleniyax, sovershenny`x liczami, upravlyayushhimi marshrutny`mi transportny`mi sredstvami // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2021. № 1(63). S. 99-103.
3. Larin E. G. Osobennosti proizvodstva predvaritel`noj proverki i doznaniya po prestupleniyu, predusmotrennomu st. 264.1 UK RF. Zakonodatel`stvo i praktika. 2016. № 1. S. 14-20.
4. Truxin S. A. Processual`ny`e problemy` dokazy`vaniya po ugolovny`m delam po st. 264.1 UK RF // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina. 2018. № 2(42). S. 211-220.
5. Tkachuk T. A. Ispol`zovanie rezul`tatov issledovanij i e`kspertiz v poiske prestupnika: dis. … kand. yurid. nauk. M., 2001. 166 s.
6. Bul`bacheva A. A. Kriminalisticheskoe obespechenie osmotra mesta proisshestviya: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. M., 2017. 28 s.
7. Zakatov A. A. Lozh` i bor`ba s neyu. Volgograd: VYuI MVD Rossii,1999. 152 s.
8. Ratinov A. R. Sudebnaya psixologiya dlya sledovatelej. Vy`sshaya shkola MOOP SSSR. Moskva, 1967. 289 s.
9. Trofimov V. E. Ugolovnaya otvetstvennost` za upravlenie transportny`m sredstvom v sostoyanii op`yaneniya liczom, podvergnuty`m administrativnomu nakazaniyu ili imeyushhim sudimost`: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. M., 2022. 30 s.
10. Gracheva Yu. V., Chuchaev A. I. Dopolnitel`ny`e ugolovno-pravovy`e mery` obespecheniya bezopasnosti avtotransporta // Ugolovnoe pravo. 2015. № 3. S. 10–15.
11. Kosarev M. N., Rublev A. G. Narushenie pravil dorozhnogo dvizheniya i e`kspluatacii transportny`x sredstv: sostav prestupleniya i voprosy` ego kvalifikacii (st. 264 UK RF): ucheb. posobie. Ekaterinburg: UrYuI MVD Rossii, 2016. 31 s.
12. Kurs ugolovnogo prava. T.1. Obshhaya chast`: Uchenie o prestuplenii / pod red. N. F. Kuzneczovoj, I. M. Tyazhkovoj. M., 2002. 624 s.
13. Xlus A. M. Sredstva sovershheniya prestuplenij kak e`lement ix kriminalisticheskoj sturktury` // Rossijskoe pravo: obrazvoanie, praktika, nauka. 2018. № 1(103). S. 24-33.
14. Ayupova G. Sh. Ugolovnaya otvetstvennost` za narushenie pravil dorozhnogo dvizheniya liczom, podvergnuty`m administrativnomu nakazaniyu: dis. … kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2018. 225 s.

Информация об авторе

Дарья Александровна Москаленко. Адъюнкт.
Волгоградская академия МВД России.
400075, Россия, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.

Information about the author

Darya A. Moskalenko. Adjunct.
The Volgograd Academy of the Interior Ministry of Russian Federation.
400075, Russia, Volgograd, Istoricheskaya Str., 130.

Статья поступила в редакцию 27.06.2025; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.
The article was received in the editorial office on 27.06.2025; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научная статья
УДК 343.1

МОГУТ ЛИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ СУЩЕСТВОВАТЬ БЕЗ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ?

Муравьев Кирилл Владимирович[1], Олейник Виталий Васильевич[2]
[1]Академия управления МВД России, Москва, Россия
[2]Дальневосточный филиал Университета правосудия имени В.М. Лебедева, Хабаровск, Россия

[1]murki@list.ru
[3]vitalyaol15@gmail.com

Аннотация. Правоотношения в уголовном праве нельзя рассматривать только по поводу совершения определенного преступления конкретными лицами, а также в связи с реализацией санкций норм уголовного закона. Уголовно-правовые нормы, в первую очередь, востребованы для того, чтобы урегулировать поведение людей посредством запрещения определенных общественно опасных поступков. Кроме того, УК РФ дозволяет совершение общественно-полезных действий, для чего предполагается использование норм о необходимой обороне и крайней необходимости. Уголовно-процессуальные отношения являются средством для установления уголовно-правовых отношений различного вида. Как правило, уголовный процесс начинается в случаях, когда обоснованно предполагаются охранительные правоотношения. Однако в рамках судопроизводства могут быть констатированы общерегулятивные или регулятивные уголовно-правовые отношения.

Ключевые слова: норма права, охранительные правоотношения, регулятивные правоотношения, правоотношения – средства регулирования, правоотношения – результат регулирования, уголовно-правовые отношения, уголовно-процессуальные отношения.

Для цитирования: Муравьев К. В., Олейник В. В. Могут ли уголовно-процессуальные отношения существовать без уголовно-правовых? // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 314–322.

CAN CRIMINAL PROCEDURE RELATIONS EXIST WITHOUT CRIMINAL LAW?

Kirill V. Muraviov[1], Vitaliy V. Oleinic[2]
[1]Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia
[2]Far Eastern branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev», Khabarovsk, Russia

[1]murki@list.ru
[3]vitalyaol15@gmail.com

Annotation. Legal relations in criminal law cannot be considered solely in connection with the commission of a crime by specific individuals and the implementation of sanctions under the relevant provisions of criminal law. Criminal law norms are primarily intended to

regulate human behavior by prohibiting certain socially dangerous acts. Furthermore, the Criminal Code of the Russian Federation permits socially beneficial actions, for which it is assumed that the provisions on necessary defense and extreme necessity are used. Criminal procedural relations are a means for establishing various types of criminal law relations. As a rule, criminal proceedings begin in cases where protective legal relations are reasonably assumed. However, within the framework of legal proceedings, general regulatory or regulatory criminal law relations may be established.

Keywords: legal norm, protective legal relations, regulatory legal relations, legal relations – means of regulation, legal relations – result of regulation, criminal-legal relations, criminal-procedural relations.

For citation: Muraviov K. V., Oleinic V. V. Can criminal procedure relations exist without criminal law? // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2026. № 1(106). P. 314–322.

Вопрос относительно взаимосвязи уголовных материальных и процессуальных отношений не является однозначным. Преобладающей на сегодняшний момент является позиция, высказанная еще более полувека назад заслуженным юристом РФ, доктором юридических наук, профессором В. П. Божьевым. Уважаемый специалист в области уголовно-процессуальных отношений одним из первых полно и всесторонне изучил их взаимосвязи с уголовно-правовыми отношениями и пришел к выводу, что первые всегда формируются в связи и по поводу последних. Причем одной из задач уголовно-процессуальных отношений является установление характера уголовно-правовых отношений. В этой связи, по мнению авторитетного ученого, норму материального права нельзя применить без одновременного применения нормы процессуального права [1, с. 37]. Представление об уголовном процессе, как виде государственной деятельности, который необходим для приведения в действие материального уголовного закона, его применения, получил в уголовно-процессуальной доктрине широкое распространение. В соответствии с данным подходом, в результате правоприменительного процесса принимаются итоговые акты уголовно-процессуального производства, которыми получают официальное признание соответствующие правоотношения, связанные с соблюдением, использованием или же с исполнением норм УК РФ [2, с. 56].

Следует констатировать, что уголовно-процессуальные отношения всегда начинаются позже, чем уголовно-правовые. Юридическим фактом их возникновения выступает надлежащий повод для возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 140 УПК РФ), т.е. моментом возникновения указанного вида правоотношений является получение компетентным органом сигнала о совершенном или готовящемся общественно опасном посягательстве, которое запрещено уголовным законом под угрозой наказания. При этом российское законодательство предполагает обязательным принятие мер по установлению события преступления, обнаружению в деянии состава преступления, а также изобличению лица или лиц, виновных в его совершении (ч. 2 ст. 21 УПК РФ).

Вместе с тем в доктрине высказаны различные позиции о возможном существовании уголовно-процессуальных отношений в отсутствии уголовно-правовых. Выделяются следующие неоднородные ситуации.

Так, учеными в качестве примера отмечаются случаи, когда в ходе рассмотрения сообщения о преступлении, при проведении предварительного расследования или в судебном разбирательстве устанавливаются факты, при которых действия изобличаемого лица (субъекта в отношении которого осуществляется предварительная проверка, подозреваемого, обвиняемого) не образуют состава преступления. Частной здесь является практическая ситуация, когда уголовно-процессуальная деятельность начинается при по-

ступлении ложного сообщения о преступлении, поскольку предусмотренные в законе «барьеры» в виде предупреждения об уголовной ответственности, обязанность рассмотреть возможность возбуждения уголовного дела за заведомо ложный донос (ч. 6 ст. 141, ч. 2 ст. 148 УПК РФ) не способны в полной мере исключить проведение процессуальной деятельности в случаях, когда преступление не совершалось. По мнению Г. С. Руссман, в указанных, а также иных подобных случаях обнародования конфликта, правовая природа которого не носит противоправный характер, уголовно-процессуальная деятельность осуществляется без материально-правового элемента [3, с. 46].

Отметим, что согласно статистическим сведениям в Российской Федерации в 2024 году всего зарегистрировано 12,1 млн сообщений о преступлениях, из них только в 1,5 млн случаев проведения проверочных действий приняты решения о возбуждении уголовных дел, в 6,4 млн «доследственные» проверки закончились решениями об отказе в возбуждении уголовных дел[1]. Таким образом, процессуальная деятельность, а, следовательно, и уголовно-процессуальные отношения, возникающие между государственными органами и иными участниками первоначальной стадии судопроизводства, в большинстве случаев не завершаются констатацией охранительных уголовно-правовых отношений, что согласно действующего УПК РФ, сопровождается актом о начале расследования, включающим уголовно-правовую квалификацию [4, с. 108]. Деятельность на этапе предварительного расследования и в судебных стадиях уголовного процесса, безусловно реже, чем на начальной стадии, но также не редко завершается решениями, которые свидетельствуют об отсутствии необходимого уголовно-правового элемента для дальнейшего производства. Не исключено принятие актов о прекращении уголовного дела, в том числе по реабилитирующим обстоятельствам, что свидетельствует об отсутствии противоправной деятельности определенного субъекта.

Применительно к указанным обстоятельствам профессор П. С. Элькинд отмечала, что возникновение и развитие уголовно-процессуальных отношений вне уголовно-правовых отношений является беспредметным, незаконным и необоснованным, однако такие отношения нередко имеют место. Это свидетельствует, по ее мнению, как о неправильном возбуждении и расследовании уголовных дел, так и о неверном их рассмотрении и разрешении [5, с. 17–18]. Схожую позицию высказывает Е. А. Прохорова. Она пишет, что с точки зрения защиты прав и законных интересов лиц и организаций, пострадавших от преступлений, уголовно-процессуальная деятельность при отсутствии уголовно-правового отношения представляется бессмысленной. С позиции же защиты лиц, которые подвергаются уголовному преследованию, процессуальная деятельность является необоснованной. При этом по действовавшим ранее правилам указанные факты накладывали «печать» незаконности на применение заключения под стражу в качестве меры пресечения и предполагали принятие предусмотренных законом мер к возмещению ущерба в соответствии со ст. 58.1 УПК РСФСР 1960 г. Причем «незаконность» в таком случае отнюдь не предполагала нарушения именно уголовно-процессуального закона. Она носила более глубокий смысл и означала развитие уголовно-процессуальных отношений без связи с уголовно-правовыми отношениями [6, с. 236–239].

Имеется и противоположная позиция. Так, профессор М. С. Строгович, рассуждая о возможности завершения производства по делу его прекращением или вынесением оправдательного приговора, указывал, что такие окончательные решения не являются исключением из общего правила. В данном случае нельзя говорить о срыве процесса

[1] Статистика и аналитика [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics (дата обращения: 28.11.2025)

или о его неудаче. Напротив, он отмечал, что данный исход является результатом правильного, объективного и непредвзятого исследования обстоятельств уголовного дела [7, с. 235–239].

Интерес представляет подход Д. Ю. Гончарова. Он обращает внимание на то, что уголовное судопроизводство в ряде случаев может изначально начинаться при явном отсутствии уголовно-правовых отношений. Примером возникновения такого процесса является возбуждение производства о применении принудительных мер медицинского характера [8, с. 104–112].

Действительно, уголовно-процессуальные отношения выступают средством, иначе говоря, способом, установления уголовно-правовых отношений. По этой причине указанные взгляды процессуалистов, а также ряд высказанных в литературе аналогичных суждений ученых, заслуживают внимания. Вместе с тем мы ставим под сомнение безапелляционность сделанных выводов.

Полагаем, что в результате уголовно-процессуальной деятельности, которая завершается отказом в возбуждении дела или прекращением уголовного дела, применением принудительных мер медицинского характера и т. п. может быть констатировано отсутствие не любого материально-правового отношения, а именно охранительного отношения – связанного с совершением преступления. Однако иные возможные виды уголовных правоотношений остаются без внимания исследователей.

Дело в том, что в общей теории права (как, собственно, и в доктрине уголовного права) вопрос о видах правоотношений и их содержании разрешается далеко неоднозначно. При их характеристике значительная роль учеными отводится пониманию функций права.

Весьма распространенной является доктринальная позиция о том, что в содержание предмета уголовно-правового регулирования входят исключительно охранительные отношения, т.е. те, которые возникают вследствие совершения запрещенного УК РФ деяния. Они предполагают, с одной стороны, право государства на порицание правонарушителя и его наказание, а с другой – обязанность допустившего противоправное деяние субъекта понести ответственность перед обществом и государством [9, с. 4]. Моментом возникновения данных отношений является совершение преступления. Они существуют объективно и не зависят от таких факторов как: является ли общественно опасное деяние латентным, возбуждено ли уголовное дело, раскрыто преступление или нет, установлен ли правонарушитель и даже, знает ли сам адресат уголовно-правовой нормы о состоявшемся нарушении запрета [10, с. 259–260].

Вместе с тем многие авторы отмечают, что охранительного отношения в чистом виде не существует. Их точка зрения базируется на том, что одни и те же уголовно-правовые нормы способны выполнять и выполняют не только охранительные функции, но и одновременно регулятивные. Дело в том, что любой вид запрета, характерный для «охранительных» норм, в то же время выступает как средство регулирования «не отклоняющегося» поведения [11, с. 32]. Таким образом, ученые включают в предмет уголовно-правового регулирования помимо общественных отношений, возникающих вследствие совершения преступления, также наиболее значимые и ценные для государства, общества и для отдельной личности стороны общественных отношений, которые перечислены в ч. 1 ст. 2 УК РФ. Именно в их рамках осуществляется поведение субъектов, регламентированное уголовным законом [12, с. 8].

В рамках указанного доктринального подхода в учебных пособиях и научных источниках уделяется внимание более обширным отношениям. В предмете правового регулирования помимо охранительных отношений специалисты выделяют отношения

иного рода – общепредупредительные, позитивные, общерегулятивные – они связаны с удержанием граждан от совершения преступления посредством угрозы наказания. Кроме того, ученые отмечают возможность развития таких отношений, которые связаны с правомерным поведением граждан по причинению вреда при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния (гл. 8 УК РФ), т.е. регулятивных отношений [13, с. 5]. Схожим здесь является подход исследователей, которые выделяют уголовно-правовые отношения, которые возникают в связи с вступлением уголовного закона в силу, после чего начинают действовать его превентивные функции. Нормы УК РФ оказывают удерживающее воздействие на неустойчивых лиц от совершения ими преступлений под угрозой применения наказания. Такие правоотношения (в широком смысле) следует отличать от «традиционных» отношений между государством и правонарушителем (в узком смысле) [14, с. 3].

Полагаем, что подход тех авторов, которые не ограничивают предмет уголовно-правового регулирования только лишь охранительными правоотношениями, является оправданным.

Необходимо согласиться с тем, что «правоотношения в уголовном праве нельзя рассматривать только в связи с совершением преступления конкретными лицами и реализацией санкций соответствующих норм уголовного закона… эти нормы, еще не будучи применены к конкретным правонарушителям, безотносительно к совершению преступления призваны регулировать поведение людей посредством запрещения исчерпывающе определенных общественно опасных поступков и предписания их дозволения (в случаях необходимой обороны и крайней необходимости) совершения действий, отвечающих интересам общественной и личной безопасности» [15, с. 8]. Данный подход соответствует и общему утверждению о том, что все нормы права реализуются только через правоотношения [16, с. 75–82]. Считаем, что реализация уголовно-правовых норм (в том числе и в форме соблюдения или использования) всегда происходит в рамках правоотношений.

Следующий аспект. Для уяснения момента начала уголовно-правовых отношений важно обратить внимание на различные подходы к их пониманию.

В соответствии с одной из позиций (Р. О. Халфина и др.) правоотношением является фактическое, реальное, жизненное отношение, урегулированное нормой права [17, с. 7]. Согласно другому убеждению (Ю. К. Толстой и др.), правоотношение – это связь субъектов правами и обязанностями, т.е. оно выступает в качестве юридической формы лежащего в его основе общественного отношения [18, с. 32]. Данные концепции по-разному отражают взаимосвязи нормы права и правоотношения. В первом случае правовое отношение представляется как результат регулирующего воздействия нормы на общественное отношение, во втором оно является средством регулирования общественных отношений.

Существует также и третья позиция (Ю. Г. Ткаченко и др.), которая объединяет оба названных подхода. В соответствии с данным подходом целесообразно различать правоотношения – индивидуальные модели возможного и должного поведения субъектов права, выступающие как образцы–мерки для этого поведения (но не само фактическое поведение), и правоотношения – фактические отношения, урегулированные нормами права [19, с. 95–115]. Превращение правоотношения – модели в фактическое правоотношение происходит посредством осуществления правоприменительного процесса, в ходе которого устанавливаются (определяются) наличие соответствующих отношений и их характер. Развивая данную точку зрения и преломляя её на область уголовного права, А. А. Васильченко классифицирует уголовно-правовые отношения на два

вида. Во-первых, это правоотношения – средства регулирования, которые играют роль одного из средств механизма уголовно-правового регулирования. Во-вторых, это правоотношения – результат такого регулирования, т.е. реализованные в деятельности субъектов правовые модели [20, с. 15–20]. Данная позиция позволяет в определенной степени «сгладить острые углы» в споре о начале их возникновения и в целом разрешить проблему их взаимосвязи с уголовно-процессуальными отношениями.

Итак, если рассматривать охранительное правоотношение как некую индивидуальную модель (средство регулирования), то для его возникновения достаточно наличия юридического факта в виде самого уголовно-правового деяния. Вместе с тем, если признавать правоотношением только фактическое отношение, то оно является результатом установления уголовно-правовой связи между гражданином (физическим лицом) и государством (в лице его уполномоченных органов). В этой связи отдельные исследователи полагают, что охранительные отношения возникают в момент возбуждения уголовного дела [21, с. 62] либо при привлечении лица в качестве обвиняемого [22, с. 149], с момента вынесения обвинительного приговора суда [23, с. 18–19] или даже с момента его вступления в силу [24, с. 116]. Причина несовпадения позиций, в числе прочего, объясняется различным подходом к содержанию уголовно-правового отношения.

Причем если выделять правоотношения – средства регулирования, то модель правопослушного поведения появляется уже при введении в действие соответствующей нормы УК РФ. Как результат регулирования общие отношения могут существовать в виде правомерного поведения в связи с воздействием на интеллектуально-волевую сферу адресата уголовно-правовой нормы. Государство через фиксирование в нормах уголовного права своей воли направляет поведение людей по каналам прямой связи – при позитивном обязывании побуждает граждан под угрозой применения наказания действовать правомерно, выполнять возложенные на них обязанности, одобряет законопослушное поведение. С другой стороны, подпадающие под действие уголовного закона лица вправе требовать от государства должной системы правового регулирования, а государство обязано создать систему, которая обеспечит охрану перечисленных в ч. 1 ст. 2 УК РФ благ от преступных посягательств, позволит предупредить совершение преступлений.

Позитивные уголовно-правовые отношения длятся до тех пор, пока законодатель не устранит преступность и наказуемость деяния. Если же гражданин нарушит свою обязанность воздержаться от совершения преступления, то появляются охранительные уголовно-правовые отношения. Причем указанные охранительные отношения возникают дополнительно к первым, так как регулятивные отношения между государством и гражданами продолжаются и после совершения преступления.

Таким образом, необходимо констатировать, что уголовно-процессуальная деятельность и уголовно-процессуальные отношения всегда обусловлены наличием уголовно-правовых отношений. Если в рамках судопроизводства будет установлено, что преступление не совершалось, это не должно свидетельствовать о незаконности возбуждения и расследования уголовного дела в случаях, когда изначально обоснованно предполагались охранительные правоотношения. Подобное не означает и существования уголовно-процессуальных отношений без уголовно-правовых. Есть возможность говорить лишь об имеющей место ошибке в определении вида последних. Следовательно, процессуальные акты, которые выражают завершающие правоохранительные действия, всегда будут иметь уголовно-правовые последствия в виде констатации соответствующих правоотношений.

Общерегулятивные и регулятивные уголовно-правовые отношения не требуют вмешательства правоохранительных органов. После воздействия норм права на сознание и волю адресатов происходит саморегулирование гражданами (субъектами этих отношений) собственного правомерного поведения. При необходимости в рамках уголовного процесса государственные органы лишь удостоверяют правомерность поведения и наличие соответствующего правоотношения. Иначе обстоит дело с охранительными отношениями. Они могут преобразовываться из правоотношения – индивидуальной модели в фактическое правоотношение посредством правоприменительного процесса. Деятельность органов предварительного расследования и суда начинается потому, что возникает потребность в правильном применении уголовных норм для возможной их реализации в форме исполнения.

1. Божьев В. П. Избранные труды. М., 2010. 715 с.
2. Муравьев К. В. Уголовный процесс и реализация уголовного закона // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 4 (22). С. 56–68.
3. Русман Г. С. Взаимосвязь уголовного права и процесса на примере поощрительных правоотношений // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2023. Т. 23. № 1. С. 43–49.
4. Муравьев К. В. Сущность процессуального акта о возбуждении уголовного дела в отношении лица // Уголовное право. 2013. № 1. С. 106–112.
5. Элькинд П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963. 172 с.
6. Прохорова Е. А. О связи уголовно-процессуальных и уголовно-правовых отношений как аргументе в защиту стадии возбуждения уголовного дела // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Орёл, 2025. С. 235–239.
7. Строгович М. С., Алексеева Л. Б., Ларин А. М. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М., 1979. 319 с.
8. Гончаров Д. Ю. Существуют ли уголовно-процессуальные отношения в отсутствие уголовно-правовых отношений? // Вестник Тверского государственного университета. Серия Право. 2014. № 3. С. 104–112.
9. Уголовное право России: Общая часть: учебник / отв. ред. Б.В. Здравомыслов. М., 1996. 509 с.
10. Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций: в 2 т. 3-е изд. перераб. и доп. М., 2004. Т. 1: Общая часть. 496 с.
11. Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975. 264 с.
12. Звечаровский И. Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. СПб., 2001. 100 с.
13. Бавсун М. В., Баландюк В. Н., Вишнякова Н. В. Конспект лекций по уголовному праву России: учебное пособие. Омск, 2009. 167 с.
14. Курс уголовного права: Общая часть: учебник для вузов / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. Т. 1: Учение о преступлении. М., 1999. 592 с.
15. Астемиров З. А. Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних (теоретическое введение в изучение спецкурса): учебное пособие. М., 1970. 125 с.
16. Филимонов В. Д. Охранительная функция уголовного права. СПб., 2003. 198 с.
17. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. 351 с.
18. Толстой Ю. К. Еще раз о правоотношении // Правоведение. 1969. № 1. С. 32–36.

19. Ткаченко Ю. Г. Методологические вопросы теории правоотношений. М., 1980. 176 с.
20. Васильченко А. А. Взаимосвязь уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений: монография. М., 2006. 208 с.
21. Санталов А. И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. Л., 1982. 96 с.
22. Марцев А. И. Диалектика и вопросы теории уголовного права // Избранные труды. Омск, 2005. С. 78–182.
23. Ной И. С. Уголовное правоотношение – одна из важнейших юридических гарантий конституционных прав и свобод граждан // Личность преступника и уголовная ответственность: межвуз. науч. сб. Саратов, 1979. Вып. 4. С. 18–19.
24. Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты / М., 2001. 208 с.

1. Bozh'yev V. P. Izbrannyye trudy. M., 2010. 715 s.
2. Murav'yev K. V. Ugolovnyy protsess i realizatsiya ugolovnogo zakona // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2016. № 4 (22). S. 56–68.
3. Rusman G. S. Vzaimosvyaz' ugolovnogo prava i protsessa na primere pooshchritel'nykh pravootnosheniy // Vestnik YUUrGU. Seriya «Pravo». 2023. T. 23. № 1. S. 43–49.
4. Murav'yev K. V. Sushchnost' protsessual'nogo akta o vozbuzhdenii ugolovnogo dela v otnoshenii litsa // Ugolovnoye pravo. 2013. № 1. S. 106–112.
5. El'kind P. S. Sushchnost' sovetskogo ugolovno-protsessual'nogo prava. L., 1963. 172 s.
6. Prokhorova Ye. A. O svyazi ugolovno-protsessual'nykh i ugolovno-pravovykh otnosheniy kak argumente v zashchitu stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela // Sovremennoye ugolovno-protsessual'noye pravo – uroki istorii i problemy dal'neyshego reformirovaniya. Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Orol, 2025. S. 235–239.
7. Strogovich M. S., Alekseyeva L. B., Larin A. M. Sovetskiy ugolovno-protsessual'nyy zakon i problemy yego effektivnosti. M., 1979. S. 319.
8. Goncharov D. YU. Sushchestvuyut li ugolovno-protsessual'nyye otnosheniya v otsutstviye ugolovno-pravovykh otnosheniy? // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Pravo. 2014. № 3. S. 104–112.
9. Ugolovnoye pravo Rossii: Obshchaya chast': uchebnik / otv. red. B.V. Zdravomys-lov. M., 1996. 509 s.
10. Naumov A. V. Rossiyskoye ugolovnoye pravo: kurs lektsiy: v 2 t. 3-ye izd. pererab. i dop. M., 2004. T. 1: Obshchaya chast'. 496 s.
11. Alekseyev S. S. Struktura sovetskogo prava. M., 1975. 264 s.
12. Zvecharovskiy I. E. Sovremennoye ugolovnoye pravo Rossii: ponyatiye, printsipy, politika. SPb., 2001. 100 s.
13. Bavsun M. V., Balandyuk V. N., Vishnyakova N. V. Konspekt lektsiy po ugolovnomu pravu Rossii: (Obshchaya chast'): uchebnoye posobiye. Omsk, 2009. 167 s.
14. Kurs ugolovnogo prava: Obshchaya chast': uchebnik dlya vuzov / pod red. N. F. Kuznetsovoy, I. M. Tyazhkovoy. T. 1: Ucheniye o prestuplenii. M., 1999. 592 s.
15. Astemirov Z. A. Ugolovnaya otvetstvennost' i nakazaniye nesovershennoletnikh (teoreticheskoye vvedeniye v izucheniye spetskursa): uchebnoye posobiye. M., 1970. 125 s.
16. Filimonov V. D. Okhranitel'naya funktsiya ugolovnogo prava. SPb., 2003. 198 s.
17. Khalfina R. O. Obshcheye ucheniye o pravootnoshenii. M., 1974. 351 s.
18. Tolstoy YU. K. Yeshche raz o pravootnoshenii // Pravovedeniye. 1969. № 1. S. 32–36.

19. Tkachenko YU. G. Metodologicheskiye voprosy teorii pravootnosheniy. M., 1980. 176 s.
20. Vasil'chenko A. A. Vzaimosvyaz' ugolovno-pravovykh i ugolovno-protsessual'nykh otnosheniy: monografiya. M., 2006. 208 s.
21. Santalov A. I. Teoreticheskiye voprosy ugolovnoy otvetstvennosti. L., 1982. 96 s.
22. Martsev A. I. Dialektika i voprosy teorii ugolovnogo prava // Izbrannyye trudy. Omsk, 2005. S. 78–182.
23. Noy I. S. Ugolovnoye pravootnosheniye – odna iz vazhneyshikh yuridicheskikh garantiy konstitutsionnykh prav i svobod grazhdan // Lichnost' prestupnika i ugolovnaya otvetstvennost': mezhvuz. nauch. sb. Saratov, 1979. Vyp. 4. S. 18–19.
24. Novoselov G. P. Ucheniye ob ob"yekte prestupleniya. Metodologicheskiye aspekty / M., 2001. 208 s.

Информация об авторах

Кирилл Владимирович Муравьев. Начальник научно-исследовательского центра, доктор юридических наук, доцент.
Академия управления МВД России.
125171, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

Виталий Васильевич Олейник. Доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук.
Дальневосточный филиал Университета правосудия имени В.М. Лебедева
680014, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, Восточное шоссе, 49.

Information about the authors

Kirill V. Muraviov. Head of the research center. Doctor of legal sciences, associate professor.
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
125171, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh Str., 8.

Vitaly V. Oleinik. Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines. Candidate of Legal Sciences.
Russian State University of Justice. Far Eastern branch.
680014, Russia, Khabarovsk region, Khabarovsk, Vostochnoe highway, 49.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 03.03.2026; одобрена после рецензирования 15.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.
The article was received in the editorial office on 03.03.2026; approved after review on 15.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
№ 1(106) 2026 г.
Научная статья
УДК 343.1

СТАДИЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА – ВАЖНЫЙ ЭТАП УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Назарова Мария Денисовна
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл, Россия

mari_denisova_2019@mail.ru

Аннотация. В статье автор анализирует задачи стадии возбуждения уголовного дела как этапа уголовного судопроизводства в современном уголовном процессе. Акцентируется внимание на позициях учёных-процессуалистов, в том числе посвятивших годы своей трудовой и научной деятельности Орловскому юридическому институту МВД России имени В. В. Лукьянова (К. В. Муравьев, О. Н. Шекшуева). Опираясь на их мнения, а также на правоприменительную практику, автор приходит к выводу: стадия возбуждения уголовного дела является важной стадией уголовного судопроизводства, перед которой стоит ряд задач, главной из которых является установление наличия или отсутствия признаков преступления и начало уголовного судопроизводства, нивелирование которой может привести к ряду негативных последствий.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, доследственная проверка, первоначальная стадия, прекращение уголовного дела, упразднение, реформирование.

Для цитирования: Назарова М. Д. Стадия возбуждения уголовного дела – важный этап уголовного судопроизводства // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 323–329.

THE STAGE OF INITIATING A CRIMINAL CASE IS AN IMPORTANT STAGE OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Maria D. Nazarova
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

mari_denisova_2019@mail.ru

Annotation. In article, the author analyzes the stage of initiating a criminal case as the beginning of criminal proceedings in the modern criminal process, and examines the objectives and functions of this stage. The author also analyzes the positions of various levels of procedural scholars, including those who have dedicated years of their work and research to the V.V. Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (K. V. Muravyov, O. N. Shekshuyeva). Based on the opinions of legal scholars and law enforcement practice, the author concludes that the stage of initiating a criminal case is an important stage of criminal proceedings that faces a number of challenges, the main one being to determine whether there are signs of a crime and to initiate a criminal case. Abolishing this stage could lead to a number of negative consequences.

Keywords: initiation of a criminal case, pre-investigation check, initial stage, termination of a criminal cas, abolition, reform.

For citation: Nazarova M. D. The stage of initiating a criminal case is an important stage of criminal proceedings // Scientific Bulletin of the Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1(106). P. 323–329.

Реформирование стадии возбуждения уголовного дела на протяжении нескольких лет является одной из самых дискуссионных тем в уголовно-процессуальном праве. Активность научных исследований (от научных статей до монографических изысканий) и целая серия федеральных законов лишь «подогревают» эту непрекращающуюся полемику. Стадия возбуждения уголовного дела является первоначальной и обязательной стадией российского уголовного судопроизводства. В доктрине уголовного процесса учёными-процессуалистами предложены различные названия рассматриваемого этапа уголовного судопроизводства, к примеру: «возбуждение уголовного производства» [1, с. 52]; «стадия рассмотрения и разрешения сообщений о преступлениях» [2, с. 22]; «возбуждение уголовного дела» [3, с. 5].

Согласно точке зрения, высказанной О. В. Химичевой и Д. В. Шаровым, наиболее правильным является термин «возбуждение уголовного дела» [4, с. 344]. Авторы убеждены, что такая формулировка как нельзя лучше передаёт главную задачу этой стадии – разрешить вопрос о возбуждении уголовного дела.

Принятие УПК РСФСР 1960 года стало ключевым моментом в уголовно-процессуальном праве, поскольку именно с ним связано законодательное признание возбуждения уголовного дела как самостоятельной стадии. Данный кодекс ввёл дихотомию итоговых решений по сообщению о преступлении – возбуждение уголовного дела либо отказ в его возбуждении, что в последующем «перетекло» в действующий уголовно-процессуальный кодекс.

Конституционный Суд Российской Федерации в ряде своих постановлений достаточно точно и полно определяет предназначение стадии возбуждения уголовного дела. Так, возбуждение уголовного дела: «начальная, самостоятельная стадия уголовного процесса, в ходе которой устанавливаются поводы и основания для возбуждения уголовного дела, а также принимаются меры по предотвращению и пресечению преступления, закреплению его следов, обеспечению последующего расследования и рассмотрения дел[1]».

В результате анализа норм УПК РФ и правовых позиций Конституционного Суда РФ О. В. Химичева и Д. В. Шаров определяют ряд задач стадии возбуждения уголовного дела, центральной из которых выступает проверка поступившего сообщения на наличие или отсутствие в нём признаков состава преступления [5, с. 144].

Несмотря на чёткое и содержательное определение сущности и задач стадии возбуждения уголовного дела в правовых позициях Конституционного Суда РФ, в доктринальном сообществе продолжаются острые дискуссии о необходимости её нивелирования или дальнейшего сохранения. Исходя из ранее сказанного, можно сделать вывод о том, что мнения учёных-процессуалистов, исследовавших данный этап уголовно-

[1] По делу о проверке конституционности отдельных положений УПК РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2000 г., № 1-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» // По жалобе гражданина Григорянца Р.А. на нарушение его конституционных прав положениями ч.3 и 4 ст. 448 УПК РФ [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 декабря 2004 г. № 384-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

го судопроизводства, разделились на две противоположные позиции. Сторонники первой позиции придерживаются мнения о полной ликвидации стадии возбуждения уголовного дела (С. Е. Вицин, А. П. Кругликов, Б. Я. Гаврилов и др.). К примеру, С. Е. Вицин высказал мнение, согласно которому после получения соответствующего повода является целесообразным возбудить уголовное дело и приступить к его расследованию [6, с. 56].

В этой связи совершенно справедливо отмечает В. С. Шадрин: «Формальная отмена указанного этапа уголовно-процессуальной деятельности не принесёт никаких позитивных последствий, поскольку приведёт лишь к практике поголовного прекращения неправомерно начатых следственных производств [7, с. 50–51]». Нельзя не согласиться также с коллективом авторов в составе Л. Л. Абрамовой, К. В. Муравьева Н. А. Николаевой в том, что ситуация массового прекращения уголовных дел усугубляется правилами о реабилитации, согласно которым прекращение дела по реабилитирующим лицо основаниям автоматически влечёт за собой право на возмещение причинённого вреда [8 с. 153], к числу которых относятся: отсутствие события, состава преступления; непричастность лица к совершению преступления, что, в свою очередь, может быть установлено посредством следственных и иных процессуальных действий, допустимых на стадии доследственной проверки.

В юридической литературе справедливо отмечено, что стадия возбуждения уголовного дела играет роль своеобразного фильтра, предназначение которого заключается в устранении из сферы деятельности органов предварительного расследования всего того, что не влечёт за собой уголовную ответственность [9, с. 113–114]. Данную позицию разделяет и председатель СК РФ А. И. Бастрыкин, отмечая: *«Инициаторы упразднения рассматриваемой стадии предлагают лишить современный российский уголовный процесс одной из важных частей, обеспечивающей эффективность не только досудебного производства, но и в конечном счете всей уголовно-процессуальной деятельности»*.

О. Н. Шекшуева констатирует: «Должностное лицо только тогда вправе возбудить уголовное дело, когда располагает указанным в законе поводом, содержащим информацию об общественной опасности и противоправности совершённого деяния, что подтверждено совокупностью достоверных сведений, и если отсутствуют обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу [10]». Установление достоверных сведений о наличии или отсутствии признаков состава преступления возможно путём осуществления проверки в порядке ст. 144 УПК РФ (часто именуемой «доследственной»). Итогом данной проверки является вынесение уполномоченным лицом постановления о возбуждении уголовного дела либо об отказе в его возбуждении.

При всём уважении к учёным, рассматривавшим возможность упразднения стадии возбуждения уголовного дела, не можем поддержать их точку зрения, поскольку полагаем, что перед стадией возбуждения уголовного дела стоит ряд задач:

1) процессуальное реагирование на поступление сообщения о преступлении – повода для возбуждения уголовного дела;

2) установление и оценка наличия предусмотренных законом оснований для вынесения решения о возбуждении дела;

3) предотвращение расследования фактов, не содержащих в себе признаков преступления;

4) закрепление следов преступления;

5) первоначальная квалификация деяния, содержащего признаки преступления и определение подследственности возбуждаемого уголовного дела [11, с. 250].

Вторая и третья задачи, которые ставятся перед стадией возбуждения уголовного дела, видятся основополагающими, реализующимися на рассматриваемой стадии,

для осуществления которых законодатель начиная с 2003 года путём внесения изменений и дополнений в УПК РФ разрешает правоприменителю производство ряда следственных и процессуальных действий, которые им могут быть использованы при рассмотрении сообщения о преступлении[1], что также подвержено критике со стороны учёных-процессуалистов. Однако расширение законодателем перечня мероприятий, производство которых возможно до возбуждения уголовного дела, свидетельствует о цели сохранения стадии возбуждения уголовного дела, а также возможности сделать работу на данной стадии более эффективной и отвечающей требованиям правоприменительной деятельности.

Так, в соответствии с нормами действующего законодательства при рассмотрении поступившего сообщения о преступлении должностное лицо вправе: получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ, назначать судебную экспертизу, получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-разыскных мероприятий.

Выступая сторонником сохранения стадии возбуждения уголовного дела, рассмотрим её значимость в практической деятельности. Итак, по делам о дорожно-транспортных происшествиях (далее по тексту – ДТП) в ряде случаев на этапе «доследственной проверки» назначается производство автотехнической экспертизы с целью определения технической возможности предотвращения ДТП, по итогам проведения которой эксперт может дать заключение об отсутствии указанной возможности, на основании чего будет вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в порядке, предусмотренном УПК РФ. В свою очередь, если бы в нормах действующего законодательства отсутствовала возможность проведения экспертиз до возбуждения уголовного дела, то это влекло бы за собой прекращение уголовных дел со всеми вытекающими последствиями, о которых отмечалось выше. К примеру, в настоящее время достаточно большое количество составов преступлений, пограничных с гражданско-правовыми правоотношениями, по которым производство «доследственной проверки» просто «жизненно необходимо» ввиду того, что малая доля таких материалов содержит в себе признаки состава преступления. Так, уголовная ответственность за реализацию контрафактной продукции (ст. 171.1 УК РФ) наступает при обороте продукции на определённую нормами уголовного законодательства сумму. Определение стоимости продукции осуществляется путём производства исследования, в рамках которой эксперт отвечает на поставленные вопросы о стоимости «контрафакта». В случаях, когда стоимость меньше, чем предусмотрено нормами уголовного законодательства, это влечёт административную ответственность. Таким образом, посредством следственных

[1] О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 21 июня 2003 г. № 92-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» // О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 9 марта 2010 г. № 19-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» // О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 28 декабря 2010 г. № 104-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» // О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и иных процессуальных действий, допустимых на стадии доследственной проверки, правоприменитель получает возможность разграничить правоотношения, имеющие уголовно-правовой характер, от тех, что подлежат разрешению в порядке гражданского, административного судопроизводства и т. д.

В. А. Крымов в своём монографическом исследовании изучил архивные уголовные дела, в ходе чего ставил вопрос о производстве процессуальных и следственных действий для установления обстоятельств преступления. В результате обобщения данных получил вывод, что в 100 % из всего массива изученных уголовных дел были проведены проверочные мероприятия [12, с. 148].

Как уже было отмечено ранее, в рамках «доследственной проверки» законодатель предусматривает получение объяснений от лиц, но следует отметить, что после возбуждения уголовного дела таковое мероприятие заменяется допросом лица с наделением соответствующим процессуальным статусом, однако обстоятельства, подлежащие выяснению, остаются теми же. Такое следственное действие, как допрос, фактически дублирует процессуальное действие – получение объяснений, что, в свою очередь, приводит к искусственному «раздуванию» объёмов уголовных дел, о чём отмечает С. Б. Россинский [13, с. 49]. Высказанная позиция находит своё подтверждение и в правоприменительной деятельности. Так, на страницах монографического исследования, проведённого В. А. Крымовым, можно увидеть, что в 65,5 % случаев после возбуждения уголовного дела полученные объяснения дублировались производством допроса [12, с. 149]. В доктрине уголовного процесса имеются высказывания о разрешении допросов при проверке сообщения о преступлении [4, с. 6]. В этой связи нельзя оставить без внимания «саркастичную» точку зрения, высказанную В. С. Мичуриным. Автор задаётся вопросом: кто будет подлежать допросу в рамках доследственной проверки – заявитель или мифический заподозренный? [14, с. 130]. Сарказм автора вполне очевиден, поскольку в рамках стадии возбуждения уголовного дела участники проверочных мероприятий лишены процессуального статуса. Они не имеют ни процессуальных прав, ни обязанностей, что свидетельствует о меньшей степени процессуальных гарантий на этапе доследственного производства, в отличие от стадии предварительного расследования. В связи с чем с точкой зрения о проведении допроса до возбуждения уголовного дела трудно согласиться.

Уголовное судопроизводство нуждается в первоначальном этапе процессуальной деятельности, на котором осуществляется «доследственная» проверка сообщений о преступлениях. А. Ф. Кони справедливо подмечено, что «уголовное преследование слишком серьёзная вещь, чтобы не вызывать самой тщательной обдуманности; ни последующее оправдание судом, ни даже прекращение дела до предания суду очень часто не могут сгладить материального и нравственного вреда, причинённого человеку поспешным и необоснованным привлечением его к уголовному делу [15, с. 170]».

В заключение следует отметить, что возбуждение уголовного дела является самостоятельным первоначальным этапом уголовного судопроизводства, имеющим свои цели и задачи, в рамках производства которого правоприменитель отвечает на главный вопрос, стоящий перед рассматриваемым этапом: быть производству по уголовному делу или нет [14, с. 129]. Арсенал следственных и процессуальных действий, разрешённых в рамках производства доследственной проверки, позволяет определить, имеются ли в поступившем сообщении признаки состава преступления или же нет. Чего, в свою очередь, достаточно для возбуждения уголовного дела. Производить «мини-расследование» на этапе возбуждения уголовного дела нецелесообразно, поскольку это приведёт к потере назначения стадии предварительного расследования.

1. Павлов Н. Е. Уголовно-процессуальное законодательство и уголовный закон (проблемы соотношения и применения): автореф. дис. … докт. юрид наук. М. 2000 г. 536 с.
2. Власова Н. А. Проблемы совершенствования форм досудебного производства в уголовном процессе: автореф. дис. докт. … юрид. наук. М. 2001 г. 52 с.
3. Победкин А. В., Яшин В. Н. Возбуждение уголовного дела. Теория, практика, перспективы: учебное пособие для вузов. М. Юнити-Дана. 2002 г. 184 с.
4. Химичева О. В., Шаров Д. В. Начало уголовного судопроизводства: момент или ключевой этап? // Библиотека криминалиста. 2016. № 5. С. 343-351.
5. Химичева О. В., Шаров Д. В. Стадия возбуждения уголовного дела: семь раз отмерь, один – отрежь // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 4. С. 144-147.
6. Вицин С. Е. Институт возбуждения уголовного дела в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. № 6. С. 54-56.
7. Шадрин В. С. Судьба стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2015. № 1. С. 50-51.
8. Абрамова Л. Л., Муравьев К. В., Николаева Н. А. Современные стандарты достаточности основания принятия решения о начале предварительного расследования // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 2(95). С. 151-157.
9. Жогин Н. В. Прокурорский надзор за предварительным расследованием уголовных дел. М., 1968 г. 262 с.
10. Шекшуева О. Н. Возбуждение уголовного дела: когда и почему // Российский следователь. 2022. № 2.
11. Уголовный процесс. Схемы и таблицы: учебник / под редакцией О. В. Химичевой, Н. В. Угольниковой. М.. 2023 г. 688 с.
12. Крымов В. А. Начало производства по уголовному делу: некоторые вопросы теории и практики: монография. М. 2025 г. 152 с.
13. Россинский С. Б. Возбуждение уголовного дела как автономная стадия российского уголовного судопроизводства: за и против // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 3. С. 48-54.
14. Мичурин В. С. Востребованность производства следственных действий до возбуждения уголовного дела // Вестник экономической безопасности. 2023 г. № 2. С. 129-132.
15. Кони А. Ф. Приемы и задачи прокуратуры. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 4. М., 1967 г. 543 с.

1. Pavlov N. E. Ugolovno-processual`noe zakonodatel`stvo i ugolovny`j zakon (problemy` sootnosheniya i primeneniya): avtoref. dis. … dokt. yurid nauk. M. 2000 g. 536 s.
2. Vlasova N. A. Problemy` sovershenstvovaniya form dosudebnogo proizvodstva v ugolovnom processe: avtoref. dis. dokt. … yurid. nauk. M. 2001 g. 52 s.
3. Pobedkin A. V., Yashin V. N. Vozbuzhdenie ugolovnogo dela. Teoriya, praktika, perspektivy`: uchebnoe posobie dlya vuzov. M. Yuniti-Dana. 2002 g. 184 s.
4. Ximicheva O. V., Sharov D. V. Nachalo ugolovnogo sudoproizvodstva: moment ili klyuchevoj e`tap? // Biblioteka kriminalista. 2016. № 5. S. 343-351.
5. Ximicheva O. V., Sharov D. V. Stadiya vozbuzhdeniya ugolovnogo dela: sem` raz otmer`, odin – otrezh` // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2017. № 4. S. 144-147.

6. Vicin S. E. Institut vozbuzhdeniya ugolovnogo dela v ugolovnom sudoproizvodstve // Rossijskaya yusticiya. 2003. № 6. S. 54-56.
7. Shadrin V. S. Sud`ba stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela // Zakonnost`. 2015. № 1. S. 50-51.
8. Abramova L. L., Murav`ev K. V., Nikolaeva N. A. Sovremenny`e standarty` dostatochnosti osnovaniya prinyatiya resheniya o nachale predvaritel`nogo rassledovaniya // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2023. № 2(95). S. 151-157.
9. Zhogin N. V. Prokurorskij nadzor za predvaritel`ny`m rassledovaniem ugolovny`x del. M., 1968 g. 262 s.
10. Shekshueva O. N. Vozbuzhdenie ugolovnogo dela: kogda i pochemu // Rossijskij sledovatel`. 2022. № 2.
11. Ugolovny`j process. Sxemy` i tablicy: uchebnik / pod redakciej O. V. Ximichevoj, N. V. Ugol`nikovoj. M.. 2023 g. 688 s.
12. Kry`mov V. A. Nachalo proizvodstva po ugolovnomu delu: nekotory`e voprosy` teorii i praktiki: monografiya. M. 2025 g. 152 s.
13. Rossinskij S. B. Vozbuzhdenie ugolovnogo dela kak avtonomnaya stadiya rossijskogo ugolovnogo sudoproizvodstva: za i protiv // Vestnik Ural`skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 3. S. 48-54.
14. Michurin V. S. Vostrebovannost` proizvodstva sledstvenny`x dejstvij do vozbuzhdeniya ugolovnogo dela // Vestnik e`konomicheskoj bezopasnosti. 2023 g. № 2. S. 129-132.
15. Koni A. F. Priemy` i zadachi prokuratury`. Sobranie sochinenij v 8 tomax. T. 4. M., 1967 g. 543 s.

Информация об авторе

Мария Денисовна Назарова. Преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, кандидат юридических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Maria D. Nazarova. Lecturer of the Department of Criminalistics and Preliminary Investigation at the IAB. Candidate of Law Sciences.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 09.02.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.
The article was received in the editorial office on 09.02.2026; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научная статья
УДК 343.13

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИИ СТАТУСОВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Потапова Елена Сергеевна
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

potapovalena777@yandex.ru

Аннотация. В статье автор исследует в самых известных отечественных памятниках уголовно-процессуального права XVIII–XIX вв. закрепление статусов лиц, имеющих в уголовном деле собственный процессуальный интерес. Констатируется непоследовательность законодателя в употреблении терминов, обозначающих их статусы; обращается внимание на возможность отследить трансформацию статуса уголовно-преследуемого лица при передаче его уголовного дела в суд и при вступлении в отношении него приговора в законную силу. Предпринят аналогичный анализ норм Уголовно-процессуального кодекса Р.С.Ф.С.Р. 1922 года. С учётом полученных результатов автор аргументирует вывод об институциональном характере трансформации статусов уголовно-преследуемых лиц, которая обусловлена развитием обвинительного тезиса – «движущей силы» состязательного уголовного процесса.

Ключевые слова: процессуальный статус, трансформация процессуальных статусов, обвиняемый, подсудимый, потерпевший.

Для цитирования: Потапова Е. С. Ретроспективный анализ трансформации статусов участников уголовного судопроизводства // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 330–337.

RETROSPECTIVE ANALYSIS OF THE TRANSFORMATION OF THE STATUS OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Elena S. Potapova
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia

potapovalena777@yandex.ru

Annotation. In the article, the author explores in the most famous Russian monuments of criminal procedure law of the XVIII-XIX centuries the consolidation of the status of persons who have their own procedural interest in a criminal case. The inconsistency of the legislator in the use of terms denoting their statuses is noted, and attention is drawn to the possibility of tracking the transformation of the status of a criminally prosecuted person when his criminal case is brought to court and when a sentence against him enters into legal force. A similar analysis of the norms of the Criminal Procedure Code of R.S.F.S.R. 1922 has been undertaken. Based on the results obtained, the author argues for the conclusion about the institutional nature of the transformation of the status of criminally prosecuted persons, which is due to the development of the accusatory thesis – the "driving force" of the adversarial criminal process.

Keywords: procedural status, transformation of procedural statuses, accused, defendant, and victim.

For citation: Potapova E. S. Retrospective analysis of the transformation of the status of participants in criminal proceedings // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2026. № 1(106). P. 330–337.

Уголовно-процессуальные отношения в ходе производства по уголовным делам в силу их динамики порождают потребность в приобретении участниками этих отношений определённых юридически значимых признаков, «инструментального набора» прав (полномочий) и обязанностей, позволяющих им отстаивать собственный, представляемый или публичный интерес. Эти объективные процессы приводят к трансформации процессуальных статусов участников уголовного судопроизводства, в результате чего в производстве по уголовному делу возникают новые процессуальные фигуры, чей статус в большей степени соответствует новой роли того или иного лица в конкретной правоприменительной ситуации.

Такое явление носит не однородный характер: в ряде случаев участник, реализуя свой процессуальный личный интерес продолжает его отстаивать в рамках всё той же функциональной группы (например, подозреваемый приобретает статус обвиняемого), что продиктовано потребностью защиты от более обоснованного обвинительного тезиса и, соответственно, необходимостью наделения лица большим объёмом процессуальных возможностей. На это справедливо указал Конституционный Суд РФ, сравнивая объём прав подозреваемого и обвиняемого, подчеркнув, что по сравнению с подозреваемым «ещё большими правами обладает обвиняемый…»[1]. Иногда лицо утрачивает по уголовному делу статус уголовно-преследуемого лица (сохраняя его лишь в «собственном», выделенном в отношении него уголовном деле) и начинает давать показания в отношении своих соучастников после заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. При этом он приобретает уникальный статус, который профессор М. Т. Аширбекова образно назвала «процессуальным кентавром» [1].

Лица, содействующие правосудию [2, с. 15], также могут менять свой статус: один и тот же сотрудник экспертного учреждения в рамках расследуемого уголовного дела реализует свои специальные познания и как специалист (оказывая научно-техническую помощь в ходе осмотра места происшествия), и как эксперт, проводя судебную экспертизу тех же самых объектов, которые им были выявлены в ходе осмотра. В рамках действующего нормативного регулирования такая ситуативная трансформация[2] статусов возможна: ей не препятствует актуальная система оснований для отводов экспертов. Справедливости ради отметим, что такой «беспроблемный» формат трансформации статусов экспертов и специалистов существовал не всегда, что вызывало обоснованную критику у многих авторов применительно к положениям прежнего уголовно-процессуального закона [3, с. 11; 4, с. 12].

Изменения статуса могут коснуться и властных субъектов, осуществляющих производство по уголовному делу: следователь, который изначально принял его к производству, потом может быть включён в следственную группу (в качестве рядового члена группы или её руководителя) в случае выявления сложности данного уголовного дела [5, с. 161–162].

---

[1] По жалобе гражданина Хасенова Ибрагима Насрудиновича на нарушение его конституционных прав ч. 2 ст. 281 Уголовно-процессуального кодекса Рос. Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 10 октября 2017 г. № 2252-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Ситуативной мы считаем эту трансформацию по причине локального изменения статуса под запросы конкретной следственной ситуации. Эта трансформация не является необратимой. Возможна неоднократная смена статуса сведущего лица в рамках одного уголовного дела по схеме: эксперт – специалист – эксперт – специалист и т.д.

Таким образом, явление трансформации процессуальных статусов носит универсальный характер, распространяясь на многих участников уголовно-процессуальных отношений. Препятствием к трансформации статусов могут служить в некоторых случаях специально оговорённые в законе ситуации, трактуемые как обстоятельства, исключающие участие в уголовном деле. Но они распространяются на ограниченный круг участников уголовного процесса, на которых возложены особые функции в уголовном судопроизводстве.

Степень и качество происходящей трансформации зависят, вне всякого сомнения, от уровня нормативной регламентации статусов участников уголовного судопроизводства, что в значительной мере обусловлено и состоянием разработанности соответствующих правовых институтов, и развитием собственно учения об участниках уголовного судопроизводства в рамках отечественной отраслевой науки.

Именно поэтому особый интерес у автора настоящей статьи вызывают дореволюционные источники российского права, в которых можно попробовать отследить зачатки того самого явления, именуемого трансформацией статусов участников уголовного процесса.

С учётом того, что древнейшие источники российского права не только не отличались проработанностью статуса отдельных участников уголовного процесса, но и не выделяли, собственно, уголовный процесс как особый вид юрисдикционной деятельности, мы пропустим их в нашем ретроспективном анализе, а уделим в данной части анализа дореволюционного уголовно-процессуального законодательства внимание Своду законов о судопроизводстве по преступлениям 1832 года[1] (далее – Свод) и Уставу уголовного судопроизводства 1864 года[2] (далее – УУС).

При этом подчеркнём, что Свод сам по себе (при всей его значимости с точки зрения систематизации отечественного права) являл собой недостаточно детализированный и последовательный нормативный правовой акт в силу объективных причин развития российского общества в тот период, в силу определённого уровня научных представлений об уголовной политике и роли процессуальных норм в её эффективной реализации. По этой причине мы не наблюдаем чёткости в описании процессуальных статусов основных уголовно-процессуальных фигур, что не позволяет в должной мере зафиксировать «точку перехода» в трансформации процессуального статуса последних.

Так, к примеру, в ст. ст. 40 и 41 пишется о жалобах *истцов*, (подразумевается повод к началу процесса), об ответчиках, с которыми могут примириться истцы, что наталкивает на ассоциации с производством, напоминающим современные дела частного обвинения. Ст. 237 говорит об обвиняемом и истце (подразумевая под последним, очевидно, потерпевшего), которого в этой же статье именуют обвинителем. А в ст. 241 лицо уже именуется «доносителем», когда описывается последовательность допроса свидетелей со стороны защиты и обвинения. Доноситель упоминается и в ст. 299, посвящённой отводу судей судов первой степени, что также свидетельствует о том, что под «доносителем» подразумевался потерпевший. В судебном производстве уже говорится об истцах в делах уголовных (ст. 353 и 384). И в ревизионном производстве в Правительствующем Сенате также упоминается истец (ст. 445 и 482). В разделе, посвящённом исполнению приговоров по делам уголовным, упоминается ещё одни термин, именующий пострадавших от деяния: «Меры для удовлетворения обиженных в ущербах их по делам уголовным определяются правилами, в Законах Гражданских содержащихся…» (ст. 568). Эта неопределённость и «многоимённость» фигуры потер-

[1] Свод законов о судопроизводстве по преступлениям [Электронный ресурс]: свод законов Рос. империи. СПб., 1832. Т. XV, Кн. II. URL: https://runivers.ru/lib/book7372/388232/ (дата обращения: 01.01.2026).
[2] Устав уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

певшего не даёт возможности чётко установить признаки, отграничивающие одну «ипостась» потерпевшего от другой, что затрудняет и констатацию трансформации статуса как таковой.

Относительно уголовно преследуемого лица можно с уверенностью сказать, что до передачи уголовного дела в суд первой степени он именуется обвиняемым (ст. 100–103, 237), а после поступления дела в суд его уже называют «подсудимым» (ст. 286), что позволяет заявлять о трансформации его статуса внутри одной функциональной группы участников (стороны защиты). Но позиция законодателя в этом вопросе не отличается последовательностью: в ст. 319 его опять называют обвиняемым. Тем не менее во всех последующих судебных стадиях (и в ревизионном производстве (ст. 445 и 482) и в исполнительном (ст. 563)) он называется подсудимым. Таким образом, его статус подвергается трансформации единожды – при переходе дела в судебное производство в суде первой степени.

Итак, уже в первом систематизированном уголовно-процессуальном законе нашло отражение явление трансформации статуса уголовно-преследуемых лиц, которое будет развито далее в отечественном уголовном судопроизводстве и дойдёт до настоящего времени с определёнными изменениями, отражающими степень развитости соответствующих институтов уголовно-процессуального права.

Интереснее с точки зрения проблематики закрепления статусов и их трансформации видится нам регламентация этих аспектов в УУС. Во-первых, чётко прослеживается выделение уголовных дел частного обвинения, подсудных мировым судьям и возбуждаемых исключительно по жалобе потерпевшего и прекращаемых за примирением (ст. 5), где пострадавший реализует статус частного обвинителя. По остальным делам мировой подсудности право возбуждения уголовного дела принадлежит потерпевшим лицам, которые могут заявить гражданский иск и участвовать в процессе далее в статусе гражданского истца (ст. 6). Анализ последующих норм УУС показывает, что пострадавшее лицо в деле реализует эти два статуса – или частного обвинителя, или гражданского истца (ст. 475 упоминает их в числе знакомящихся у следователя с материалами дела участников; в судебном производстве они указаны также в ст. 546, 559, 560 и др.). В описываемых ситуациях мы не видим трансформации статуса потерпевшего лица: во-первых, оно не наделяется статусом потерпевшего как такового ввиду отсутствия адекватного нормативного регулирования процессуальной фигуры потерпевшего; во-вторых, оно изначально выступает или в роли частного обвинителя, или в роли гражданского истца – без возможности совмещения этих статусов. Иногда законодатель именует их общим универсальным названием «потерпевшие от преступления лица» (ст. 647, 697, 700, 707 УУС). Упоминание в юридической прессе того периода категорий «потерпевший» [6, с. 362–393] или «жалобщик» [7, с. 25–26] не является свидетельством существования в правовом поле соответствующих процессуальных статусов: это доктринальные разработки, которые потом послужили теоретической основой для совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Что же касается уголовно преследуемого лица, то у мирового судьи он зовётся обвиняемым до вынесения приговора (ст. 90–92, 101–102, 115 УУС), когда судья приступает к вынесению решения о виновности лица, оно уже упоминается в ст. 119 как подсудимый. Однако в ст. 121 он опять зовётся обвиняемым – в контексте установления его невиновности. В протоколе мирового судьи он указывается во всех процессуальных действиях обвиняемым (ст. 142 УУС). В заседаниях мирового съезда при рассмотрении отзывов на решения мирового судьи упоминается именно обвиняемый (ст. 165, 167–168 УУС), однако в ст. 169 мы встречаем указание на подсудимого. В ст. 184, 190, 191, 199 УУС в связи со вступлением в силу судебного решения законодатель пишет об осуждённом.

При описании правил подсудности окружным судам в общем порядке судопроизводства законодатель употребляет термины «обвиняемый» и «подсудимый» как синонимы (ст. 213–214 УУС).

Обращение к регулированию вопросов производства предварительного расследования показывает появление новой фигуры – «подозреваемый» (ст. 225 и 257 УУС) в связи с задержанием его полицией. Далее встречаем упоминание не только обвиняемого, но и подозреваемого – в бессистемном изложении, что говорит о том, что законодатель не разделял принципиально эти статусы. Например: «Каждый *обвиняемый* допрашивается порознь, с принятием меры, чтобы *подозреваемые* в одном и том же преступлении не могли иметь стачки между собой» (ст. 407).

Данный анализ приводит к выводу, что законодатель при составлении положений УУС не отграничивал чётко указанные статусы, используя порой термины, их означающие, в синонимичном значении. Единственный, явственно очерченный момент трансформации статуса уголовно-преследуемого лица проявляется при приобретении им статуса «осуждённый», когда чётко видно однозначное употребление такого наименования в связи с появлением у лица особых юридически значимых признаков, обусловленных вступлением в силу судебного решения.

Таким образом, ввиду неразвитости уголовно-процессуальной теории и законодательного преломления её в отечественном уголовно-процессуальном праве XVIII–XIX вв. явление трансформации статуса участников уголовного судопроизводства можно отследить только на примере уголовно-преследуемых лиц и только в связи со значимыми действиями суда: в Своде законов о судопроизводстве по преступлениям при поступлении уголовного дела в суд лицо становилось подсудимым; в УУС трансформация статуса обвиняемого-подсудимого в осуждённого прослеживалась в связи со вступлением в силу судебного решения.

Эти законодательные акты оказали существенное воздействие на развитие уголовно-процессуального права молодой советской республики в начале XX века, когда увидел свет первый отечественный Уголовно-Процессуальный Кодекс[1] (далее – УПК 1922 г.). Последовательный анализ его нормативных предписаний показывает несомненную преемственность в фиксации факта трансформации уголовно-процессуальных статусов отдельных участников уголовного производства.

Наиболее ярко это явление можно традиционно наблюдать на примере уголовно преследуемых лиц, однако оно частично коснулось и фигуры потерпевшего. При этом следует подчеркнуть, что, хотя в тексте закона и упоминается потерпевший, но отдельной статьи, посвящённой его статусу, в УПК 1922 г. нет, что затрудняет на первый взгляд выявление трансформации его статуса. Однако это только на первый взгляд: анализ норм подтверждает потенциальную возможность трансформации статуса потерпевшего в обвинителя по делам частного обвинения (ст. 10, 54 УПК 1922 г.), по которым новый участник (обвинитель) наделяется дополнительными полномочиями по реализации функции обвинения. Тем не менее позиция законодателя представляется нам недостаточно последовательной и чёткой: в ст. 54 это лицо именуется и потерпевшим, и обвинителем: «В качестве обвинителя могут участвовать в деле члены Прокуратуры, потерпевший, когда законом ему предоставлено это право…». Такая же «двойственность» терминологии применяется при регулировании юридических последствий неявки обвинителя по делам частного обвинения (ст. 274 УПК 1922 г.).

Первый советский уголовно-процессуальный кодекс позволяет указанное лицо наделить статусом гражданского истца при подаче им искового требования (ст. 14, 123, 280 УПК 1922 г.). Данный юридический факт способен породить две интересные ситу-

[1] Об Уголовно-Процессуальном Кодексе [Электронный ресурс]: постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ации (в зависимости от того, к какому виду уголовного преследования относится уголовное дело). Так, в соответствии со ст. 282 УПК 1922 г. председательствующий по делу судья разъясняет потерпевшему права (какие именно права – потерпевшего или другого участника процесса – закон не уточняет). Однако дальнейшее прочтение норм, регулирующих судебное следствие и прения сторон, позволяет сделать вывод, что по делам публичного обвинения потерпевший при заявлении исковых требований приобретает статус гражданского истца. Для подтверждения этого умозаключения приведём цитату из ст. 308 УПК 1922 г.: «Прения состоят из речей: сначала обвинителя, гражданского истца, а затем защитника или самого подсудимого, если защитника не имеется». Такое описание перечня участников прений исключает возможность активности потерпевшего на данном этапе судебного производства, что даёт нам основание утверждать, что это лицо реализовывало в публичных процессах только статус гражданского истца. Что касается дел частного обвинения, то в них потерпевший выступал в роли обвинителя, что не исключает возможности заявить гражданский иск в уголовном процессе. Поэтому он, заявив гражданский иск, по сути, совмещает этот статус со статусом обвинителя. Кстати, подтверждением нашего суждения выступает и дальнейший анализ норм, которые при описании процедур судебного следствия в суде первой инстанции вообще не упоминают фигуру потерпевшего. Тем не менее участие обвинителя и гражданского истца в исследовании доказательств прописывается в ст. 287 УПК 1922 г.: «Допрос подсудимого производится председателем и остальными судьями, а затем обвинителем, гражданским истцом, защитником и другими подсудимыми по тому же делу».

Ещё одна особенность УПК 1922 г.: он не предусматривает в числе доказательств показаний потерпевшего (и тем более – показаний гражданского истца, что мы наблюдаем и в действующем уголовно-процессуальном регулировании). Однако для целей судопроизводства закон позволяет в ряде случаев даже дачу показаний обвинителем и гражданским истцом в статусе свидетелей: «Участие в деле в качестве гражданского истца или в качестве лица, поддерживающего обвинение, не устраняет возможности допроса этих лиц в качестве свидетелей» (примечание к ст. 288 УПК 1922 г.). А это демонстрирует ситуационную трансформацию статусов этих лиц в свидетелей на время допроса в суде – трансформацию, обусловленную потребностями правообеспечения. Такой законодательный приём применён для реализации права указанных лиц на дачу показаний в суде – чтобы донести свою позицию до суда. И предмет показаний в данном случае обусловлен процессуальным интересом потерпевшего (в части распоряжения судьбой уголовного иска и в части возмещения вреда, причинённого преступлением), что вполне логично. Однако обратной трансформации обычного свидетеля в других участников процесса УПК 1922 г. не предусматривает, т. к. это может повлиять на объективность показаний свидетеля: «Лицо, участвующее в деле в качестве свидетеля, не может быть в том же деле защитником, обвинителем, а также представителем интересов потерпевшего или гражданского истца» (ст. 60 УПК 1922 г.).

Относительно трансформации статуса уголовно преследуемых лиц мы можем с уверенностью заявить, что УПК 1922 г. был верен традиции изменения их правового положения по мере поступательного развития производства по уголовному делу в части доказанности их виновности. Данный кодекс демонстрирует ситуацию, когда в зависимости от степени доказанности причастности к совершению преступления статус подозреваемого (ст. 105) преобразуется в статус обвиняемого, что подтверждается постановлением следователя, констатирующим «наличие достаточных данных, дающих основание для предъявления обвинения в совершении преступления» (ст. 131 УПК 1922 г.). В таковом качестве он предстаёт на протяжении производства вплоть до вынесения определения о предании обвиняемого суду (ст. 246 УПК 1922 г.), которое выступает юридическим фактом, порождающим в процессе фигуру подсудимого (так его именуют далее нормы, регулирующие производство в суде первой и второй инстанций).

Как и в УУС, в УПК 1922 г. вступление приговора в законную силу порождало трансформацию уголовно-преследуемого лица в осуждённого. Таким же образом закон именует его и в стадии исполнения приговора (ст. 471, 472 УПК 1922 г.), и при возобновлении дел по вновь открывшимся обстоятельствам (ст. 381 УПК 1922 г.).

Это явление трансформации статуса уголовно-преследуемого лица с определёнными коррективами было воспринято и действующим уголовно-процессуальным законодательством[1], которому также известны процессуальные фигуры подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и осуждённого. В такой градации заложен глубинный смысл: каждая из «ипостасей» уголовно преследуемого лица фиксирует качественные преобразования его статуса, обусловленные потребностью в более активной защите сначала от подозрения, далее обвинения и окончательной формулировки обвинения, определяющей пределы судебного разбирательства. Степень доказанности его вины в совершении инкриминируемого ему преступления выступает фактической основой для принятия процессуальных решений органами уголовного преследования. Серьёзность претензий этих органов требует предоставления уголовно преследуемому лицу адекватного процессуального инструментария в виде прав, объём которых, как мы ранее отмечали в начале настоящей статьи, увеличивается в связи с постепенной трансформацией: подозреваемый – обвиняемый – подсудимый – осуждённый. Такая градация объективно обусловлена логикой и структурой уголовного преследования, в которой М. М. Бондарь выделяет отдельные этапы [8, с. 14], она коррелирует с традиционной системой предварительного расследования, отражающей успешность доказательственной деятельности властных субъектов. Трансформация статуса в этом случае имеет институциональный характер, связанный с развитием обвинительного тезиса – «движущей силы» состязательного уголовного процесса. Именно поэтому нам видится неоправданным предложение ряда уважаемых учёных, которые выступают за редукцию традиционной градации процессуальных статусов уголовно преследуемых лиц – за ликвидацию процессуальной фигуры обвиняемого [9]. По нашему глубокому убеждению, доставшееся нам в наследство явление трансформации уголовно-процессуальных статусов нужно сохранить как выдержавшее проверку временем и исторически подтвердившее свою ценность.

1. Аширбекова М. Т. Процессуальный кентавр: «заинтересованный осужденный» // Уголовное судопроизводство. 2018. № 1. С. 16-20.
2. Латыпов В. С. Содействие отправлению правосудия в уголовном процессе России: концептуальные и нормативно-правовые основы: дис. … д-ра юрид. наук. Уфа, 2023. 507 с.
3. Серов В. А. Использование научно-технических познаний и средств в доказывании по уголовным делам: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1980. 17 с.
4. Зайцева Е. А. Совершенствование правового института судебной экспертизы в стадии расследования: дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 1994. 271 с.
5. Зотов А. Ю. Должностные лица органов предварительного следствия как субъекты уголовно-процессуальной деятельности: дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2018. 253 с.
6. Резон А. К. О потерпевшем по Уставу уголовного судопроизводства // Юридическая летопись. 1892. № 12. С. 362–393.
7. Городыский Я. К. Наши суды и судебные порядки по данным ревизии 1895 г. // Журнал Министерства юстиции. 1901. № 3. С. 1–59.

[1] Уголовно–процессуальный кодекс Рос. Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174–ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. № 52 (ч. 1). Ст. 8322.

8. Бондарь М. М. Должностное уголовное преследование на современном этапе развития досудебного уголовного производства России: дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2025. 286 с.
9. Гаврилов Б.Я., Красильников, А.В. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого: соответствует ли он реалиям сегодняшнего дня? // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 4(68). С. 88-96.

1. Ashirbekova M. T. Processual`ny`j kentavr: «zainteresovanny`j osuzhdenny`j» // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2018. № 1. S. 16-20.
2. Laty`pov V. S. Sodejstvie otpravleniyu pravosudiya v ugolovnom processe Rossii: konceptual`ny`e i normativno-pravovy`e osnovy`: dis. … d-ra yurid. nauk. Ufa, 2023. 507 s.
3. Serov V. A. Ispol`zovanie nauchno-texnicheskix poznanij i sredstv v dokazy`vanii po ugolovny`m delam: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. M., 1980. 17 s.
4. Zajceva E. A. Sovershenstvovanie pravovogo instituta sudebnoj e`kspertizy` v stadii rassledovaniya: dis. … kand. yurid. nauk. Volgograd, 1994. 271 s.
5. Zotov A. Yu. Dolzhnostny`e licza organov predvaritel`nogo sledstviya kak sub``ekty` ugolovno-processual`noj deyatel`nosti: dis. … kand. yurid. nauk. Volgograd, 2018. 253 s.
6. Rezon A. K. O poterpevshem po Ustavu ugolovnogo sudoproizvodstva // Yuridicheskaya letopis`. 1892. № 12. S. 362–393.
7. Gorody`skij Ya. K. Nashi sudy` i sudebny`e poryadki po danny`m revizii 1895 g. // Zhurnal Ministerstva yusticii. 1901. № 3. S. 1–59.
8. Bondar` M. M. Dolzhnostnoe ugolovnoe presledovanie na sovremennom e`tape razvitiya dosudebnogo ugolovnogo proizvodstva Rossii: dis. … kand. yurid. nauk. Volgograd, 2025. 286 s.
9. Gavrilov B.Ya., Krasil`nikov, A.V. Institut privlecheniya licza v kachestve obvinyaemogo: sootvetstvuet li on realiyam segodnyashnego dnya? // Trudy` Akademii upravleniya MVD Rossii. 2023. № 4(68). S. 88-96.

Информация об авторе

Елена Сергеевна Потапова. Адъюнкт.
Волгоградской академии МВД России.
400075, Россия, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.

Information about the author

Elena S. Potapova. Adjunct.
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
400075, Russia, Volgograd, Istoricheskaya Str., 130.

Статья поступила в редакцию 12.02.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.
The article was received in the editorial office on 12.02.2026; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научная статья
УДК 343.14

СВОД ЗАКОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И УГОЛОВНО-СУДЕБНЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Россинский Сергей Борисович
Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия

s.rossinskiy@gmail.com

Аннотация. В статье освещаются результаты очередного этапа научных изысканий автора, направленных на выявление историко-правовых факторов, во многом предопределивших современное состояние и направления дальнейшего развития уголовной юстиции Российской Федерации. Рассматриваются различные уголовно-судебные доказательства и прочие средства уголовно-судебного доказывания, присущие российской правовой системе середины XIX века, по есть периоду, предшествовавшему принятию Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года. В статье формулируется вывод, что, несмотря на архаичность и явное несоответствие современным представлениям о механизмах работы уголовной юстиции правового государства, предусмотренные «дореформенным» уголовно-процессуальным законодательством Российской империи положения об уголовно-судебных доказательствах, равно как и второстепенных средствах доказывания предопределили вектор последующей интенсификации национального доказательственного права на многие годы вперёд.

Ключевые слова: история уголовного судопроизводства, несовершенные доказательства, признание обвиняемым своей вины, Свод законов Российской империи, совершенные доказательства, средства доказывания, теория формальных доказательств, улики.

Для цитирования: Россинский С. Б. Свод законов Российской империи и уголовно-судебные доказательства // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 338–344.

COLLECTION OF LAWS OF THE RUSSIAN EMPIRE AND CRIMINAL-JUDICIAL EVIDENCE

Sergey B. Rossinskiy
Institute of state and law of the Russian academy of sciences, Moscow, Russia

s.rossinskiy@gmail.com

Annotation. The article highlights the results of the next stage of the author's scientific research, which were aimed at identifying historical and legal factors that largely influenced the current state and directions of further development of criminal justice in the Russian Federation. The article examines various criminal-judicial evidence and other means of criminal-judicial proof that were inherent in the Russian legal system of the mid-19th century, for the period preceding the adoption of the Charter of Criminal Procedure of the Russian Empire of 1864. The article formulates a conclusion that, despite the archaism and

obvious discrepancy with modern ideas about the mechanisms of criminal justice in a constitutional state, the provisions of the "pre-reform" criminal-procedural legislation of the Russian Empire on criminal-judicial evidence, as well as secondary means of proof, predetermined the vector of subsequent intensification of the national law of evidence for many years to come.

Keywords: history of criminal proceedings, imperfect evidence, admission of guilt by the accused, Code of Laws of the Russian Empire, perfect evidence, means of proof, theory of formal evidence, evidence.

For citation: Rossinskiy S. B. Collection of laws of the Russian empire and criminal-judicial evidence // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2026. № 1(106). P. 338–344.

Некоторое время назад вниманию юридической общественности были представлены результаты научных изысканий автора настоящей статьи, посвящённых метаморфозам национальных представлений об уголовно-процессуальных доказательствах как основных и наиболее известных средствах уголовно-процессуального доказывания. Такие представления были условно разделены на несколько присущих различным фазам развития российского, в том числе советского, государства и права укрупнённых подходов: фактологического, дуалистического, лиминального, кибернетического и др., а причины подобного многообразия связаны с детерминированностью некогда существовавших и существующих в настоящее время научных взглядов разными мировоззренческими идеями и философскими «трендами» [1]. В частности, отмечалось, что возникшие в первой половине XIX века и просуществовавшие примерно до 1910-х гг. как бы «дореволюционные» представления об уголовно-судебных доказательствах (в те времена доказательства в силу ряда известных причин могли считаться только судебными!), будучи процессуальными воплощениями «модных» и признаваемых наиболее прогрессивными современниками идей И. Канта [2, с. 38], Г. В. Ф. Гегеля [3, с. 28], других представителей классической немецкой философии, сводились к так называемому формально-логическому подходу. Говорилось, что многие известные русские учёные [4, с. 52; 5, с. 5 и др.] понимали под уголовно-судебными доказательствами достаточно абстрактные основания для судейского убеждения (логические доводы и аргументы), порождаемые опытом, разумом, приобретёнными знаниями и подлежащие отграничению от улик, то есть материальных либо идеальных объектов ретроспективной когниции.

Вместе с тем в прежних публикациях автора не было уделено внимания бытовавшим в Российской империи законодательным (не доктринальным, а именно законодательным!) подходам к уголовно-судебным доказательствам. И если «доказательственные» статьи Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года уже неоднократно попадали в предмет подобных изысканий других учёных, то применяемые ранее положения так называемого «николаевского» процессуального закона такому обстоятельному анализу практически не подвергались. Восполнению этих научных пробелов и посвящена настоящая статья.

А начать хотелось бы с напоминания об отсутствии в «николаевской» России уголовно-процессуального кодекса – правила расследования, судебного разбирательства и разрешения уголовных дел находили отражение в подготовленном под руководством М. М. Сперанского [6, с. 179], впервые опубликованном в 1832 году и затем претерпевшем ряд изменений Своде законов Российской империи. Последний, 15-й том Свода законов предполагал систематизированную совокупность действующих норм «антикриминального» законодательства. Книга 1 данного тома посвящалась положени-

ям уголовного, а Книга 2 – положениям уголовно-процессуального права. В неё (в Книгу 2) были включены положения целого ряда принятых в различные исторические периоды, в разных социально-политических условиях нормативных документов, регламентирующих те или иные правила расследования, судебного разбирательства и разрешения уголовных дел: от известного Соборного уложения 1649 года до более поздних актов, появившихся во времена правления Петра I, Екатерины II и даже Александра I. Многие из данных положений возникли в результате обобщения однородных, но присущих разным эпохам приёмов расследования, судебного разбирательства и разрешения уголовных дел. А общая парадигма «николаевского» уголовного процесса предполагала высокую степень преемственности по отношению к немецкому инквизиционному процессу начала XIX века. В частности, одним из его принципов попрежнему преимущественно являлся принцип формальной оценки уголовно-судебных доказательств.

В этой связи устанавливалась чёткая дифференциация данных доказательств в зависимости от их юридической силы – предусматривались так называемые совершенные и несовершенные доказательства [7, с. 72]. Совершенные уголовно-судебные доказательства изначально признавались наделёнными гораздо более высоким потенциалом, тогда как несовершенным отводилась роль второстепенных аргументационных ресурсов. При этом доказательства виновности подсудимого считались совершенными, когда исключали какую-либо возможность «к показанию его невиновности», а одного такого доказательства было вполне достаточно для «признания осуждения несомненным» (читай, для вынесения обвинительного приговора). В противном случае – при допущении вероятности невиновности подвергнутого уголовному преследованию человека – доказательства его вины предписывалось считать несовершенными [8, с. 41]; каждое из них могло использоваться лишь для выдвижения в отношении лица более или менее предположительного подозрения, тогда как для безусловного признания его виновным требовался достаточный для опровержения невиновности комплекс (совокупность) несовершенных доказательств [9, с. 112].

К слову, оценивать подобную совокупность на предмет некоего «группового совершенства», то есть достаточности для вывода о виновности подсудимого, надлежало, исходя из результатов исследования несовершенных доказательств, уразумения их информативности (относимости) и достоверности как в отдельности, так и при сопоставлении друг с другом. Одновременно рекомендовалось увязывать силу имеющихся уголовно-судебных доказательств с тяжестью обвинения – чем более тяжким было обвинения, тем более весомыми должны были быть и доказательства. И таким образом в российском уголовно-процессуальном законодательстве середины XIX века уже начинали просматриваться зачатки иного концептуального подхода к доказыванию – принципа свободы оценки доказательств.

Вместе с тем общая концепция доказательственного права всё же оставалась сугубо формальной, свойственной более архаичным, инквизиционным механизмам уголовного судопроизводства. Поэтому «лучшим свидетельством всего света» считалось собственное признание подсудимого, а к условиям его совершенности относились: а) добровольность; б) «учинение» в суде и перед судьёй; в) соответствие его содержания обстоятельствам произошедшего преступления («сходность с происшедшим действием»); г) несомненность и очевидность сообщённых сведений – располагая отвечающим данным условиям признанием, судья мог «не опасаться» постановления обвинительного приговора, поэтому какие-либо иные доказательства уже не требовались. Причём добиваться подобного признания рекомендовалось исключительно посредством увещеваний и улик, но никак не «домогательств» – в этой связи существовала

возможность изобличения человека в совершении преступления посредством других, то есть не связанных с признанием доказательств. Законом также предусматривались основания юридической недопустимости и своеобразной «половинчатости» признания подсудимого, право его использования в качестве смягчающего уголовное наказание чистосердечного раскаяния и т. п.

Достаточно важными уголовно-судебными доказательствами считались письменные документы – их дозволялось признавать совершенными, если они не оспаривались лицами, против которых были представлены. В законе уделялось внимание полноте изложенных в них сведений. В частности, запрещалось считать совершенными доказательствами письменные акты, в которых лишь упоминались подлинно значимые для установления обстоятельств случившегося документы, по крайней мере до момента получения самих документов. Кроме того, предусматривался механизм признания совершенности документа в случае отрицания подсудимым факта его подписания. Таковым являлось сличение подписи в документе с реальной подписью человека, проводимое несколькими компетентными «экспертами». Причём совершенность документа обуславливались лишь единогласным мнением о тождестве подписей. В иных случаях, в том числе при расхождении позиций «экспертов», документ надлежало признать несовершенным.

Кстати, законом предусматривалось и ещё одно «экспертное» средство признания совершенности доказательств – свидетельство сведущих медицинских чиновников в отношении имеющего значение для дела «медицинского» объекта, например трупа и т. п. Такое освидетельствование надлежало проводить на законных основаниях, а его выводы должны были быть ясными, «положительными», не противоречащими иным установленным обстоятельствам дела.

Существовали и более простые, «неэкспертные» виды процессуальных свидетельств. В первую очередь таковым признавалось свидетельство двух посторонних лиц – «согласных в своих показаниях достоверных свидетелей». Его признание совершенным доказательством предопределялось неспособностью подсудимого отвести данных свидетелей, а также опровергнуть сообщённые ими сведения. А в некоторых случаях даже дозволялось ограничиваться свидетельством не двух, а всего лишь одного постороннего лица: при наличии других неоспоримых доказательств, при желании отца или матери дать показания в отношении своего ребёнка и др. Кроме того, предусматривались различные варианты формального разрешения противоречий в подобных свидетельствах, в частности предполагающие приоритетность показаний мужчины перед показаниями женщины, показаний знатного человека перед показаниями простолюдина, показаний «учёного» человека перед показаниями «неучёного», показаний священнослужителя перед показаниями светского. Тогда как свидетельства, в том числе сделанные в письменной форме, данные без присяги либо основанные на слухе, вообще не могли признаваться допустимыми доказательствами.

Схожее значение имели результаты личных осмотров будущих обвиняемых, проводимых прямо в местах задержаний и позволявших выявлять признаки преступлений. В случае отсутствия оснований для опровержения такие результаты приравнивались к свидетельствам посторонних лиц и, следовательно, подлежали использованию в качестве совершенных уголовно-судебных доказательств.

Помимо уголовно-судебных доказательств, предусматривались и более «второсортные», никоим образом не предрасположенные к признанию совершенными средства доказывания. Одним из них был оговор подсудимым посторонних лиц. Причём его использование в качестве более или менее сильного средства доказывания напрямую связывалось с возможностью подтверждения справедливости соответствующих сведе-

ний на очной ставке с оговорённым. В противном случае – ввиду смерти подсудимого или его направления в ссылку до отыскания оговорённого – сила подобного доноса снижалась. Кроме того, в случае постоянного изменения или дальнейшего отрицания первоначально сообщённых подсудимым «оговорных» сведений, равно как и в случае раскаяния умирающего подсудимого в напрасности сообщения этих сведений, в осуществлении данного поступка в силу принуждения или подстрекания со стороны «третьих лиц» оговор надлежало признавать недействительным.

Другим «второстепенным» средством доказывания признавались результаты повального обыска, предполагающего совокупность опросов всех жителей какой-либо местности (околотка) – «соседей» подвергаемого уголовному преследованию человека – об обстоятельствах его жизни и поведения. Подобные сведения признанию совершенными доказательствами не подлежали – их дозволялось использовать лишь в качестве сугубо проверочных ресурсов, «подкрепляющих другие доказательства. Одновременно говорилось о формальном перевесе большей части «голосов» опрошенных над меньшей частью, за исключением случаев уличения «меньшинством» «большинства» в ложности показаний на очной ставке.

Кроме того, «второстепенными» средствами доказывания считались улики (косвенные доказательства) – сведения о предшествующих, сопутствующих, последующих либо как-то ещё связанных с преступлением обстоятельствах. Как отмечал А. С. Жиряев, «уликою должно быть признано всякое обстоятельство, которое, по предполагаемой связи своей с одним из трёх главных предметов уголовного исследования, содержит в себе косвенное на действительность, или свойства, указание» [9, с. 34]. К уликам предписывалось относить сведения: а) о ссоре либо вражде обвиняемого с «потерпевшим»; б) о материальной заинтересованности обвиняемого в преступлении («когда обвиняемому от совершения преступления последовать могла прибыль»); в) о прежних противозаконных деяниях обвиняемого; г) об его нахождении в сообществе с другими преступниками; д) о бытовании «злых» слухов и «худой» молвы о совершении обвиняемым преступления (в этом случае специально обращалось внимание на непременную правдоподобность таких сведений, на неприемлемость использования преднамеренно распространяемых ложных слухов ввиду злого умысла, вражды, ненависти или мести); е) о предварительных угрозах обвиняемого совершить инкриминируемое ему преступление; ж) о самовосхвалении обвиняемого совершенным преступлением перед другими лицами; з) о лицезрении обвиняемого (в том числи с оружием) в месте и во время совершения преступления; и) о задержании обвиняемого с поличным; к) об обнаружении у обвиняемого каких-либо необычных предметов, подлежащих использованию в качестве «преступных инструментов» (например, оборудования для подделки монет, ассигнаций или печатных паспортов); л) о побеге обвиняемого; м) об его внесудебном признании в совершении преступления. Уликой также надлежало считать обвинительное показание всего лишь одного свидетеля.

Одновременно ввиду формально установленного несовершенства подобных средств доказывания предусматривались основания для усиления их юридической значимости («увеличения их силы»): их непротиворечивость, способствующая формированию стороной логической цепочки («когда многие признаки соединяются вместе»), а также невозможность должного опровержения подсудимым данных сведений. Тогда как более высокая убедительность высказанных подсудимым опровержений, напротив, считалось основанием для «уменьшения силы» обвинительных улик.

И, наконец, ещё одним «второстепенным» средством доказывания признавалась очистительная присяга – клятвенное заверение подсудимого в своей невиновности, способствующее его освобождению от уголовной ответственности. Правда прибегать

к помощи такой клятвы дозволялось лишь в случаях невозможности изобличения или оправдания лица путём использования других совершенных или несовершенных доказательств. И вообще рекомендовалось относиться к приведению подсудимого к очистительной присяге с большой осторожностью, не добиваясь от него подобных заверений посредством принуждения. При этом решившийся поклясться в своей невиновности человек от подозрений освобождался, как бы «очищался», тогда как при отказе от присяги его надлежало оставить под подозрением. А в случае усмотрения нецелесообразности приведения лица к очистительной присяге ввиду недоверия к его искренности суду предписывалось более не предпринимать по делу никаких шагов – «предавать дело воле божьей, пока оно само собой не объяснится».

Сегодня, спустя почти двести лет со времён бытования положений «николаевского» уголовно-процессуального законодательства активно использовавшиеся в правоприменительной практике уголовно-судебные доказательства, равно как и второстепенные средства доказывания, видятся весьма архаичными, явно не соответствующими нынешним представлениям о механизмах работы уголовной юстиции правового государства. Более того, совокупность данных ресурсов вообще являлась весьма эклектичной, включающей достаточно разнородные, не предрасположенные должной систематизации полезные, а иногда и достаточно бесполезные познавательные активы и способы их накопления. Вместе с тем именно эти архаичные положения закона предопределили вектор последующей интенсификации национального доказательственного права на многие годы вперёд, а частично даже повлияли на современные подходы к уголовно-процессуальным доказательствам.

---

1. Россинский С. Б. Доказательства в уголовном процессе: взгляд ученого 10 лет спустя… // Труды Института государства и права РАН. Т.18. 2023. № 3. С. 184–207.
2. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н.О. Лосского. М.: Академический проект, 2020. 567 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Сочинения. В 14 томах. Т.5. Наука логики / пер. с нем. А.М. Водена. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 715 с.
4. Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М.: ЛексЭст, 2001. 240 с.
5. Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. М.: ЛексЭст, 2001. 93 с.
6. Чучаев А. И. Разработка уголовного законодательства в XVIII – первой четверти XIX века: борьба за самобытность русского права // Государство и право. 2024. № 12. С. 172–185.
7. Дегай П. И. Взгляд на современное положение уголовного судопроизводства: сочинения П. Дегая. СПб.: тип. Министерства государственного имуществ, 1847. 326 с.
8. Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941. 220 с.
9. Жиряев А. С. Теория улик. Дерпт: тип. Г. Лаакманна, 1855. 214 с.

1. Rossinskij S. B. Dokazatel`stva v ugolovnom processe: vzglyad uchenogo 10 let spustya… // Trudy` Instituta gosudarstva i prava RAN. T.18. 2023. № 3. S. 184–207.
2. Kant I. Kritika chistogo razuma / per. s nem. N.O. Losskogo. M.: Akademicheskij proekt, 2020. 567 s.
3. Gegel` G. V. F. Sochineniya. V 14 tomax. T.5. Nauka logiki / per. s nem. A.M. Vodena. M.: Gosudarstvennoe social`no-e`konomicheskoe izdatel`stvo, 1937. 715 s.

4. Barshev Ya. I. Osnovaniya ugolovnogo sudoproizvodstva s primeneniem k rossijskomu ugolovnomu sudoproizvodstvu. M.: LeksE`st, 2001. 240 s.
5. Spasovich V. D. O teorii sudebno-ugolovny`x dokazatel`stv v svyazi s sudoustrojstvom i sudoproizvodstvom. M.: LeksE`st, 2001. 93 s.
6. Chuchaev A. I. Razrabotka ugolovnogo zakonodatel`stva v XVIII – pervoj chetverti XIX veka: bor`ba za samoby`tnost` russkogo prava // Gosudarstvo i pravo. 2024. № 12. S. 172–185.
7. Degaj P. I. Vzglyad na sovremennoe polozhenie ugolovnogo sudoproizvodstva: sochineniya P. Degaya. SPb.: tip. Ministerstva gosudarstvennogo imushhestv, 1847. 326 s.
8. Vy`shinskij A. Ya. Teoriya sudebny`x dokazatel`stv v sovetskom prave. M.: Yuridicheskoe izdatel`stvo NKYu SSSR, 1941. 220 s.
9. Zhiryaev A. S. Teoriya ulik. Derpt: tip. G. Laakmanna, 1855. 214 s.

Информация об авторе

Сергей Борисович Россинский. Главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии, доктор юридических наук, профессор.
Институт государства и права Российской академии наук.
119019, Россия, Москва, ул. Знаменка, 10.

Information about the author

Sergey B. Rossinskiy. Chief researcher of the sector of criminal law, criminal procedure and criminology. Doctor of Law, Professor.
Institute of state and law of the Russian academy of sciences.
119019, Russia, Moscow, Znamenka Str., 10.

Статья поступила в редакцию 12.01.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.
The article was received in the editorial office on 12.01.2026; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
№ 1(106) 2026 г.
Научная статья
УДК 343.9

ФОРМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Сезонова Татьяна Владимировна
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл, Россия

setav2010@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Особое внимание уделяется применению специальных знаний в процессуальных и непроцессуальных формах, в частности: участию экспертов и специалистов, а также использованию возможностей экспертно-криминалистических подразделений в оперативно-разыскной деятельности. Анализируются особенности проведения предварительных исследований и их значение для документирования фактов незаконного оборота контролируемых субстанций, а также использования консультативной помощи сведущих лиц. Внимание акцентируется на важности применения специальных знаний при проведении следственных действий, таких как осмотр места происшествия и обыск в нарколабораториях.

Ключевые слова: специальные знания, специалист, эксперт, незаконное производство наркотических средств, подпольная лаборатория.

Для цитирования: Сезонова Т. В. Формы применения специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 345–351.

FORMS OF APPLYING SPECIAL KNOWLEDGE IN THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO ILLEGAL TRAFFICKING OF DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES

Tatyana V. Sezonova
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of Internal of Russia, Orel, Russia

setav2010@yandex.ru

Annotation. The article examines the role of special knowledge in the detection and investigation of crimes related to the illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances. Special attention is paid to the application of special knowledge in procedural and non-procedural forms, including the participation of experts and specialists, as well as the use of forensic capabilities in operational and investigative activities. The article analyzes the features of conducting preliminary investigations and their significance for documenting the

illicit trafficking of controlled substances, as well as the use of expert advice. Attention is focused on the importance of using special knowledge during investigative actions, such as examining the scene of an incident and searching drug laboratories.

Keywords: special knowledge, specialist, expert, illegal production of narcotic drugs, underground laboratory.

For citation: Sezonova T. V. Forms of applying special knowledge in the investigation of crimes related to illegal trafficking of drugs and psychotropic substances // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute The Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. № 1(106). P. 345–351.

Для эффективной работы по раскрытию преступлений необходимо сочетание юридических знаний и глубокого понимания различных специальных дисциплин. Именно это позволяет правильно проводить процессуальные действия и анализировать собранные доказательства. Особую роль, обусловленную механизмом совершения преступления, его специфическим предметом, широким внедрением в преступную деятельность средств и методов конспирации, обеспеченных достижениями научно-технического прогресса, применение специальных знаний играет при расследовании незаконного производства наркотических средств и психотропных веществ [1, с. 6].

В качестве носителей специальных знаний в действующем уголовно-процессуальном законодательстве в явной форме выступают эксперт и специалист, процессуальный статус которых определён в статьях 57 и 58 УПК РФ соответственно. Так, экспертом является лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном УПК РФ, для производства судебной экспертизы и дачи заключения. В качестве специалиста выступает лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном УПК РФ, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Однако определение термина «специальные знания» в УПК РФ и иных законодательных актах на текущий момент отсутствует, и дискуссии об определении понятия «специальные знания», о его содержании ведутся среди учёных достаточно давно. Мы согласны с мнением исследователей, которые рассматривают специальные знания как совокупность знаний, навыков и умений в определённой области науки, техники, искусства или ремесла, приобретённых через специализированное обучение или практический опыт и применяемых для расследования преступлений, осуществления оперативно-розыскных мероприятий, предварительных исследований и проведения судебных экспертиз [2, с. 187]. Не менее дискуссионным в современной науке является вопрос классификации специальных знаний и форм их применения по различным основаниям. Все классификации предусматривают разделение форм применения специальных знаний на процессуальные и непроцессуальные. Процессуальными считают формы применения специальных знаний, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством. Например, Уголовно-процессуальный кодекс РФ (ст. 74, 86–88, 195, 196) предусматривает использование следователем (дознавателем, судом) личных специальных знаний, возможность привлечения специалистов к расследованию, проведение судебных экспертиз экспертами и их участие в связанных с ними следственных мероприятиях, таких как допрос эксперта или получение образцов для сравнительного исследования.

В качестве непроцессуальных форм применения специальных знаний можно рассматривать получение консультаций и справочной информации у сведущих лиц, обладающих такими знаниями, их привлечение к участию в оперативно-разыскных мероприятиях, проведение предварительных исследований, осуществление проверок по экспертно-криминалистическим и иным учётам. Анализ практической деятельности показывает, что наиболее часто специальные знания, которыми обладают сотрудники экспертно-криминалистических подразделений (ЭКП), востребованы при проведении оперативно-розыскных мероприятий [2, с. 201]. Одним из основных видов участия сотрудников ЭКП в качестве сведущих лиц в оперативно-разыскной деятельности является производство исследований предметов (веществ) и документов в рамках оперативно-разыскного мероприятия (далее – ОРМ) «исследование предметов и документов»[1]. Следует отметить, что указанный федеральный закон не регламентирует порядок проведения данного ОРМ и способ оформления его результатов. Единственным нормативным источником в данном случае выступает наставление по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России, которое закрепляет за подобными исследованиями статус предварительных, отделяя их тем самым от исследований, предусмотренных ст. 144 УПК РФ[2]. Срок проведения предварительных исследований составляет до пяти суток, однако при необходимости может быть увеличен. Предварительные исследования в обязательном порядке проводятся сотрудниками ЭКП, имеющими право самостоятельного производства судебных экспертиз, соответствующих характеру исследования, на основании тех же методических материалов, которые применяются при производстве указанных экспертиз. Регламентировано также и оформление результатов предварительных исследований в виде справки об исследовании. Объектами предварительных исследований, проводимых по фактам незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, чаще всего выступают вещества, в отношении которых необходимо ответить на вопрос об их принадлежности к контролируемым субстанциям либо возможности их использования для получения наркотических средств и психотропных веществ, а также их упаковка [4, с. 93]. Соответственно, в отношении этих объектов проводятся физико-химические исследования, позволяющие определить их принадлежность к наркотическим средствам или психотропным веществам, установить их количество; дактилоскопические исследования с целью выявления следов рук на упаковке; молекулярно-генетические исследования для обнаружения генетического материала человека на упаковке исследуемых веществ. При выявлении и документировании фактов незаконного изготовления контролируемых субстанций на предварительное исследование могут одномоментно поступать как большие количества однотипных объектов, так и значительные объёмы разнообразных веществ, что в совокупности с ограниченными сроками, установленными Наставлением, влечёт за собой сложности в соблюдении баланса между необходимостью воспроизводства экспертной методики и оперативным характером таких исследований. Кроме того, при проведении предварительного исследования неизбежно частичное израсходование исследуемых веществ, а во многих случаях – видоизменение всего их объёма, что в дальнейшем после производства экспертизы в рамках уголовного дела приводит к разногласиям между результатами оперативно-разыскной деятельности и материала-

[1] Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Об утверждении наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 11 января 2009 г. № 7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ми уголовного дела. На практике эти разногласия преодолеваются путём допроса в качестве свидетеля сотрудника ЭКП, проводившего предварительное исследование, с целью выяснения первоначальных массы и состояния исследованного вещества. Результаты всех проведённых исследований в виде соответствующих справок об исследовании в составе материалов оперативно-разыскной деятельности в дальнейшем могут быть приобщены к материалам уголовного дела в качестве доказательств. При этом необходимо отметить, что в п. 6 постановления от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» Пленум Верховного суда Российской Федерации указал на неравнозначность результатов ведомственного или иного исследования в форме справки, акта, заключения и заключения эксперта как доказательств, из чего следует, что исследование, проведённое в рамках ОРМ, не может заменять собой судебную экспертизу[1]. Обнаруженные в ходе дактилоскопических и молекулярно-генетических исследований следы могут быть использованы при реализации ещё одной непроцессуальной формы применения специальных знаний – при осуществлении проверок по различного рода учётам (АДИС «Папилон», «Ксенон-2») [5, с. 101]. Использование специальных знаний при осуществлении проверок по учётам позволяет получать информацию о лицах, причастных к осуществлению различных этапов производства наркотических средств, устанавливать факт их участия в реализации готовой продукции незаконного производства, определять ареал распространения такой продукции. Установление совпадения следов рук или генетического материала, обнаруженных на упаковках объектов контролируемого оборота, изъятых в разное время и в разных местах, может служить основанием для объединения уголовных дел, возбуждённых по фактам незаконного сбыта наркотических средств и психотропных веществ.

Ещё одной непроцессуальной формой использования специальных знаний является использование консультативной и справочной помощи сведущих лиц, к которой могут прибегать как оперативные сотрудники, так и лица, осуществляющие предварительное расследование на различных этапах выявления, раскрытия и расследования незаконного оборота наркотиков. Таким образом, непроцессуальная форма применения специальных знаний при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков достаточно многогранна, но наибольшее своё значение приобретает на стадии выявления и раскрытия такого вида преступления, когда необходимо оперативное получение криминалистически значимой информации, а действия правоохранителей осуществляются в условиях дефицита сведений о лицах, совершающих противоправные деяния, способах и результатах их действия. Особое значение применение специальных знаний в непроцессуальной форме приобретает на стадии выявления фактов незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, документирования противоправной деятельности, при необходимости получения ориентирующей информации, то есть осуществляется по большей части на стадии, предшествующей возбуждению уголовного дела [6, с. 201]. Основным источником доказательственной информации при расследовании уголовного дела является производство следственных действий. Как показывает практика, наиболее распространёнными и одновременно наиболее сложными, трудоёмкими следственными действиями при расследовании фактов незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ являются осмотр места происшествия (далее – ОМП) и обыск, проводимые в местах

[1] О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 15 июня 2006 г. № 14. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

изготовления или производства таких субстанций – в помещениях подпольных нарколабораторий. Современное производство синтетических наркотиков – это сложный химический процесс, зачастую включающий несколько этапов с использованием опасных веществ, таких как летучие растворители, кислоты, щёлочи, и требующий контроля температуры. Это делает нарколаборатории объектами повышенной опасности. Из-за пренебрежения правилами безопасности участники следственных действий в нарколабораториях рискуют получить тяжёлые травмы: отравиться токсичными парами, получить химические или термические ожоги, пострадать от пожара или поражения электрическим током. При проведении ОМП или обыска для обеспечения безопасности необходимо присутствие специалиста-химика из ЭКП, который обладает знаниями из различных разделов химии и химической технологии, имеет право самостоятельного производства экспертиз наркотических, психотропных и сильнодействующих веществ. Перед началом работы на месте специалист-химик проводит обязательный инструктаж по технике безопасности со всеми участниками осмотра/обыска, адаптированный к особенностям конкретного производства. Особое внимание уделяется правильному применению средств индивидуальной защиты: кожи, глаз и дыхательных путей, которые должны быть в наличии у каждого [7, с. 20].

Специалист-химик первым входит в нарколабораторию, чтобы убедиться в безопасности помещения для остальных участников следственных действий. Его задача – незамедлительное прекращение протекающих химических реакций или иных технологических операций незаконного производства, прекращение подачи исходных веществ и герметизация открытых ёмкостей для предотвращения опасных ситуаций. На «статической стадии» специалист-химик помогает следователю чётко определить этапы производственного процесса изготовления наркотических средств, а также правильно идентифицировать и описать в протоколе все задействованные в этих процессах реактивы, растворители, оборудование и прочие компоненты. С учётом полученных данных следователь даёт указание криминалисту на осуществление детальной фото- и видеофиксации участков помещения, подлежащего осмотру, с акцентом на имеющемся там оборудовании, веществах и предметах [8, с. 388].

Специалист-химик, используя свои знания устройства химического оборудования и свойств веществ, безопасно демонтирует установки для синтеза, демонтирует сопутствующее оборудование (холодильники, мешалки, сушильные шкафы и т. д.), упаковывает отдельные элементы и обеспечивает сохранность реакционных масс для дальнейшего исследования. Помимо прочего, специалист-химик занимается правильной упаковкой изъятых веществ, учитывая их агрегатное состояние, химическую активность и условия окружающей среды. Если отдельные объекты невозможно изъять, он производит смывы с их поверхностей. Следователь может также задействовать специалиста-химика для анализа документов, найденных в лаборатории, с целью выявления схем синтеза, инструкций и перечней необходимых реактивов, которые раскрывают технологию производства наркотиков. Аналогичным образом специалист-химик может оказать помощь следователю в рамках осмотра предметов и документов. Специалист-химик может быть привлечён к участию в производстве выемки. При допросах по делам о наркотиках чаще всего работает криминалист для аудио- и видеофиксации, в то время как специалисты-химики находят своё применение гораздо реже. В процессе подготовки к допросам следователи, как правило, используют их для получения консультативной помощи по возникающим вопросам.

Следователь может проконсультироваться со специалистом, чтобы точно сформулировать вопросы, подлежащие разрешению экспертом в рамках экспертизы

[9, с. 16]. Ещё одной формой применения специальных знаний специалиста является производство исследований при рассмотрении сообщения о преступлении (ч. 1 ст. 144). Проведение исследований при проверке информации о незаконном производстве наркотиков оправдано только в случаях, когда возможно оперативно проанализировать небольшое количество образцов небольшого объёма, чтобы быстро принять процессуальное решение. При обнаружении значительного количества объектов, изъятых в ходе следственных действий, рекомендуется незамедлительно назначать судебную экспертизу с целью сохранения их первоначального состояния и избежания утраты следов веществ [10, с. 38].

Как следует из изложенного, применение специальных знаний играет решающую роль в эффективном выявлении, раскрытии и расследовании преступной деятельности. Привлечение специалиста-химика к следственным действиям по делам о незаконном обороте наркотиков, особенно во время осмотров и обысков подпольных нарколабораторий, обеспечивает безопасность всех участников, увеличивает шансы на обнаружение и изъятие важных для дела предметов и веществ, а также способствует получению ценных вещественных доказательств на ранних стадиях уголовного производства. Полученные благодаря использованию специальных знаний данные, независимо от формы их получения (ОРМ или следственные действия), повышают продуктивность всей деятельности, служат основанием для возбуждения уголовного дела и позволяют скорректировать направление расследования [11, с. 188].

Для эффективного расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, психотропных веществ и их прекурсоров, необходимо более активно внедрять процессуальные и непроцессуальные формы использования специальных знаний в работу сотрудников, занимающихся раскрытием и расследованием таких преступлений, чтобы оптимизировать процесс, улучшить качество следственных действий, выявить все обстоятельства, имеющие значение для дела, и сформировать надёжную доказательственную базу [12, с. 154].

---

1. Максуров А. А. Расследование преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ : монография. М.: Русайнс, 2023. 112 с.
2. Карпенко Ю. А. Специалист и эксперт — обязательные участники расследования незаконного оборота наркотических средств // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 3(94). С. 187-199.
3. Корнилова И. Г. Непроцессуальное использование специальных знаний на стадии выявления и документирования преступления: монография. М.: Издательство Триумф, 2021.
4. Заер Е. В. Некоторые вопросы назначения и производства судебных экспертиз по определению способа получения наркотических средств: исторический аспект и современное состояние проблемы // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 4(24). С. 92-101.
5. Лебеденко С. Е., Унжакова С. В., Заер Е. В. Особенности применения специальных знаний специалиста при расследовании фактов незаконного производства наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров // Сибирский юридический вестник. 2023. № 3(102). С. 93-101.
6. Клюева Ю. А. Понятийно-терминологический аппарат судебной экспертизы психоактивных веществ: современное состояние и перспективы совершенствования: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2025.

7. Морозов А. В., Кузовлев В. Ю. Особенности обследования мест производства синтетических наркотиков, изготовленных из токсичных реактивов // Оперативно-разыскная работа. 2019. № 1. С. 95-102.
8. Тесленко А. О. Особенности проведения осмотра места происшествия при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ // Молодой ученый. 2015. № 20. С. 388-390.
9. Клевцов В. В., Тишков С. А. Использование специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ : монография. Орел : ОрЮИ, 2012. 158 с.
10. Тишков С. А. Порядок назначения и производства отдельных видов судебных экспертиз : учебное пособие. Орел : ОрЮИ МВД России, 2012. 90 с.
11. Дикарев В. Г. Особенности борьбы с незаконным изготовлением и производством синтетических наркотиков в условиях подпольных лабораторий: учеб.-практ. пособие / В. Г. Дикарев, А. В. Морозов, В. Ю. Кузовлев. Домодедово: ВИПК МВД России, 2020. 237 с.
12. Тимофеева А. В. Современные подходы к расследованию уголовных дел, совершаемых несовершеннолетними в сфере незаконного оборота наркотических средств: методика и проблемы проведения осмотра места происшествия и допроса // Власть и общество: история, современное состояние и тенденции развития: сборник материалов II всероссийской научно-практической конференции. Абакан, 2024. С. 154-156.

Информация об авторе

Татьяна Владимировна Сезонова. Старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, кандидат педагогических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Tatyana V. Sezonova. Senior lecturer at the Department of Criminology and Preliminary Investigation at the Department of Internal Affairs. Candidate of Pedagogical Sciences.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2

Статья поступила в редакцию 14.01.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.

The article was received in the editorial office on 14.01.2026; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научная статья
УДК 343.1

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИНСТИТУТА АДВОКАТУРЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Семенов Евгений Алексеевич[1], Колмыков Илья Александрович[2], Клевцова Светлана Юрьевна[3]
[1,2,3]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл, Россия

[1]semen_evge@mail.ru
[2]ilyakolmykov01@mail.ru
[3]denisovaorel@mail.ru

Аннотация. Современный этап развития Российской Федерации как демократического государства неразрывно связан с её основными правовыми институтами, где особое место занимает институт адвокатуры. Как известно, правовой институт рассматривается через динамичность его развития. Именно поэтому авторы в данной статье уделяют внимание особенностям развития адвокатуры как правового института, взаимосвязи судебного процесса с развитием адвокатуры и представляют свой подход в вопросе периодизации развития института адвокатуры. В статье рассмотрены проблемы в деятельности института и предложения по его реформированию.

Ключевые слова: адвокат-защитник, адвокат, институт адвокатуры, возникновение адвокатуры.

Для цитирования: Семенов Е. А., Колмыков И. А., Клевцова С. Ю. Ретроспективный анализ возникновения института адвокатуры в уголовном судопроизводстве России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 352–358.

RETROSPECTIVE ANALYSIS OF THE EMERGENCE OF THE INSTITUTE OF ADVOCACY IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Evgeny A. Semenov[1], Ilya A. Kolmykov[2], Svetlana Y. Klevtsova[3]
[1,2,3]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

[1]semen_evge@mail.ru
[2]ilyakolmykov01@mail.ru
[3]denisovaorel@mail.ru

Annotation. The current stage of development of the Russian Federation as a democratic state is inextricably linked with its main legal institutions, where the Institute of advocacy occupies a special place. As you know, the legal institution is considered through the dynamism of its development. That is why the authors in this article pay attention to the peculiarities of the development of the bar as a legal institution, conclude on the relationship of the judicial process with the development of the bar, and present the author's approach to

the periodization of the development of the institute of advocacy. The article discusses the problems in the institute's activities and offers suggestions for its reform.

Keywords: defense lawyer, lawyer, institute of advocacy, the emergence of advocacy.

For citation: Semenov E. A., Kolmykov I. A., Klevtsova S. Y. Retrospective analysis of the emergence of the institute of advocacy in Russian criminal proceedings // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2026. № 1(106). P. 352–358.

Институт адвокатуры зародился одновременно с формированием государственно-организованного общества, с возникновением государства и его судебных органов. Судебные органы в Древней Руси представляли специфическую для нашего времени форму разрешения споров между людьми. Удельные князья, дружина, наместники выступали в качестве судебных органов, и именно поэтому уголовный процесс в Древней Руси носил обвинительно-состязательный характер, который имел ряд не свойственных современному уголовному судопроизводству особенностей, среди которых стоит упомянуть:

– отсутствие сторон защиты и обвинения;
– отсутствие разграничения между уголовным и гражданским процессом;
– обязанность доказывания на стороне, которая выдвинула обвинение;
– пассивность судьи по установлению фактических обстоятельств дела;
– смешение понятий иска и обвинения;
– взятничество и сватовство при вынесении решения суда;
– отсутствие профессиональной компетентности судебного арбитра;
– отсутствие единого уголовного дела (каждая сторона приносила свои доказательства о невиновности) [1, с. 8].

С учётом указанных недостатков следует констатировать, что адвокат в таком процессе практически не имел полномочий, поскольку важную составляющую играл общественный статус участника судебного разбирательства (его род, имущественные и политические признаки). Повсеместное использование «Суда Божьего», естественного, неоспоримого и справедливого процесса, который не мог быть пересмотрен и обжалован в связи с верой в высшие силы, исключало объективность и справедливость судебного разбирательства. Такое судоговорение проводилось на основании распоряжения судьи, не сумевшего самостоятельно вынести приговор из-за противоречивых показаний свидетелей, отсутствия вещественных доказательств или их малочисленности и малозначительности. Истец, ответчик или свидетели выступали инициаторами судебного процесса с использованием «высших сил».

Появление судебных поверенных связано с Псковской судной грамотой, Судебниками Ивана III и Ивана Грозного (1497, 1550 гг.), Новгородской судной грамотой. Анализ указанных источников права позволяет утверждать, что в древней Руси при её самодержавии власть негативно относилась к созданию независимых и профессиональных объединений адвокатов.

Екатерина II говорила, что русские законы написаны понятным языком для любого человека, даже для самого «посредственного ума», зачем же тогда нужны судебные представители? А Николай II и вовсе считал адвокатов врагами государства [2, с. 120–121]. В этой связи Л. А. Стешко писал, что «все цари от Петра Первого до Николая Второго были настроены против создания в России адвокатской корпорации западного образца» [3, с. 241].

Вместе с тем формирование института адвокатуры было связано с упоминанием термина «адвокат» в Воинском уставе Петра 1 в главе 5 «Об адвокатах и полномочных», где был определён круг задач, стоявший перед адвокатом, а также его полномочия. С 1716 по 1864 год проводилась попытка упорядочить и усовершенствовать деятельность адвокатов. И. С. Аксаков говорил о том, что «существовавший на тот период времени тип судопроизводства не был эффективным и правильным» [4, с. 79].

Новый период развития института адвокатуры в России связан с реформами Александра II. Судебная реформа 1864 года априори считается переломным моментом для всей судебной системы России. Выдающийся российский юрист А. Ф. Кони следующим образом представлял себе защитника по уголовным делам: «Это человек, <...> вооружённый знанием и глубокой честностью, умеренный в приёмах, бескорыстный в материальном отношении, независимый в убеждениях» [5, с. 19].

В это время адвокаты должны были иметь высшее юридическое образование и пятилетний стаж службы по судебному ведомству или такой же стаж практической работы в качестве помощника присяжного поверенного.

Как писал С. В. Юношев: «Адвокатура явилась для России принципиально новым учреждением. Вместо прежних полуграмотных, невежественных и недобросовестных ходатаев по делам в суд пришли хорошо образованные и прогрессивно настроенные юристы» [6, с. 91].

Реформа 1864 года изменила привычные цензы к адвокату с учётом особенностей экономического и политического развития страны. Для оказания квалифицированной помощи доверителям стали нужны квалифицированные и грамотные адвокаты с юридическим образованием и практическим опытом, обладающие ораторскими способностями. Именно такие адвокаты были самыми высокооплачиваемыми и востребованными. Стоит отметить, что реализация намеченных реформ сопровождалась нехваткой профессиональных адвокатов, обладающих нужными качествами. Данное обстоятельство привело к возникновению «подпольных адвокатов», которые не обладали всеми необходимыми цензами, но самостоятельно учили основы юриспруденции, заимствовали опыт оказания юридической помощи у «старших» коллег: «короля» адвокатуры В. Д. Спасовича, К. К. Арсеньева Ф. Н. Плевако, П. А. Александрова, князя А. И. Урусова, П. А. Александрова, Д. В. Стасова, и многих других. В связи с нехваткой профессиональных адвокатов в 1874 году был принят закон, который предполагал создание института частных поверенных. Целью создания такого института была попытка увеличить численность адвокатов по гражданским делам, где достаточно было пройти экзамен в суде. Важной особенностью получения статуса частного поверенного была необязательность наличия высшего юридического образования. Вместе с тем экзамен в суде зачастую носил формальный характер, и в большинстве случаев частные поверенные не обладали достаточными знаниями юриспруденции. Данное обстоятельство отрицательно влияло на статус адвоката, так как малограмотные поверенные своими действиями создавали негативный образ «борца за правые дела», не зная юриспруденцию и право в целом, допускали многочисленные ошибки, влияющие на принимаемое судом решение.

Следующим этапом развития современного института российской адвокатуры является период с 1917 по 1960 год. В этот временной промежуток произошли коренные изменения, связанные с изменением процедуры судоговорения. Новая идеология предполагала уничтожение существующих институтов судебной власти и адвокатуры. Именно с этим многие историки связывают эксперименты, направленные на создание такого института защитников, который отвечал бы социалистическим идеям нового государ-

ства. Декрет СНК о суде от 24.11.1917 № 1[1], Декрет СНК о суде от 07.03.1918 № 2[2], Положение о народном суде РСФСР, утверждённое декретом ВЦИК от 06.12.1918[3], Положение о судоустройстве РСФСР 1926 года содержали различные требования к правовому положению защитника, что влекло за собой, прежде всего, правой нигилизм правоприменителей. Перегружённость «социалистических» правозащитников, саботаж со стороны бывших адвокатов и, как следствие, исчезновение адвокатуры как самостоятельной организации и слияние её со стороной обвинения характеризовали данный этап развития советского государства.

Так, Положение о народном суде РСФСР 1918 года изменило институциональные основы адвокатуры:

– принцип самоуправления адвокатской корпорации фактически прекратил существование;

– обвинитель и защитник – единая государственная организация;

– ограничивалось участие адвокатов в судебных процессах по уголовным делам [7, с. 65].

В 1960-х годах происходит демократизация института адвокатуры и появляется возможность бесплатно воспользоваться помощью защитника по уголовным делам с момента предъявления лицу обвинения [8, с. 24]. Во времена «хрущёвской оттепели» в юридической литературе стали говорить о позитивной роли адвокатов, участвующих в уголовных делах в качестве защитников и адвокатуры в целом. Появлялись предпосылки к возникновению адвокатской тайны, возможность запроса сведений и документов у органов государственной власти и организаций. Данные права впервые официально упоминались в законе СССР от 30.11.1979 «Об адвокатуре»[4] в части создания коллегий адвокатов из лиц, имеющих высшее юридическое образование.

Российский этап развития адвокатуры (с 1991 года по настоящее время) в начале своего существования предполагал проведение судебной реформы, пересмотр уголовно-процессуального законодательства, разработку и принятие нового закона, регулирующего адвокатскую деятельность. Россия как новое демократическое государство должно было вывести адвокатуру из-под контроля Министерства юстиции с одновременным обеспечением её независимости и повышения уровня доверия к защитникам со стороны граждан. Вновь перед законодателем возникает проблема регламентации деятельности адвокатов и определения уровня их компетенции. Россия, провозгласившая себя правовым государством, охраняющим и защищающим права человека и гражданина, должна была в кратчайшие сроки создать нормативно-правовой акт, дающий право на деятельность адвокатов. С 1991 по 2002 год было создано в общей сложности около 15 проектов Федерального закона «Об адвокатуре». Такое большое количество вариантов законопроекта можно объяснить дискуссией между Министерством юстиции и сообществом адвокатов, которые хотели создать институт адвокатуры, полностью независимый от государства и предоставляющий ему полную свободу, но существование такого правового института невозможно даже в демократическом государстве, по-

[1] О суде [Электронный ресурс]: Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[2] О суде [Электронный ресурс]: Декрет ВЦИК от 7 марта 1918 г. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[3] О Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение) [Электронный ресурс]: Декрет ВЦИК от 30 ноября 1918 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[4] Об адвокатуре [Электронный ресурс]: закон СССР от 30 ноября 1979 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

скольку государство обязано следить за деятельностью адвокатуры с целью недопущения самопроизвольной деятельности. Далее дискуссии велись по поводу административно-территориального деления и определения понятий «адвокатуры», «адвокат», «адвокат-защитник», что привело к созданию частных ассоциаций адвокатов. Президент РФ В. В. Путин в 2001 году поддержал инициативу о правовой регламентации деятельности адвокатуры, и в 2002 был принят Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»[1] (далее – ФЗ «Об адвокатуре»).

Данный нормативно-правовой акт неоднократно редактировался и дополнялся. Среди значимых изменений, внесённых в ФЗ «Об адвокатуре», следует отметить: повышение статуса адвокатов в профессиональном юридическом сообществе, повышение требований к адвокатской деятельности, детальную регламентацию деятельности адвокатов, возможность участия адвокатов в следственных действиях.

Кроме того, дополнительные гарантии прав адвокатов, направленные на усиление состязательных начал в уголовном судопроизводстве, были связаны с принятием Федерального закона от 17.04.2017 № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[2]. Данные нововведения подчёркивали независимость адвоката-защитника при оказании квалифицированной юридической помощи, а также возможность «участия», а не «допуска» к уголовному делу. Стороне защиты также не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о привлечении специалиста к уголовному процессу для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Современное развитие цифровых технологий радикально трансформировало не только социальные практики, но, как правильно отмечается в юридической литературе, и структуру правоотношений в уголовном судопроизводстве [9, с. 176], в том числе при оказании адвокатом юридической помощи своему доверителю. Так, Федеральный закон от 08.08.2024 № 267-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[3] трансформировал консервативный подход свиданий защитника и обвиняемого «с глазу на глаз» в виртуальное пространство, когда свидания подозреваемого или обвиняемого, содержащегося под стражей в следственном изоляторе, с защитником могут проводиться по заявлению подозреваемого или обвиняемого с согласия защитника путём использования систем видео-конференц-связи при наличии технической возможности и соответствующих помещений, а также при условии соблюдения конфиденциальности таких свиданий и сохранения адвокатской тайны.

Таким образом, ретроспективный анализ истории развития адвокатуры в России позволил установить многочисленные изменения, обусловленные различными подходами к пониманию сущности данного института в разные периоды развития государства начиная с древнейших времён. Известно, что прообраз адвоката зародился одновременно с формированием государственно-организованного общества, с возникновением государства и его судебных органов. На первоначальном этапе возникновения адвокат-защитник занимался узкой сферой деятельности, которая не была детально регламентирована. Принятие Устава уголовного судопроизводства 1984 года способство-

[1] Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[2] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 17 апреля 2017 № 73-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[3] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 8 августа 2024 г. № 267-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

вало появлению профессиональных критериев для адвокатуры, которые были обобщены понятием «ценз». Появились две категории адвокатов: присяжные поверенные (1864 год) и частные поверенные (1874 год). Для получения статуса частного и присяжного поверенных законодатель обязал будущих адвокатов проходить практику, иметь высшее юридическое образование, которое было необходимо для повышения уровня престижа адвокатской деятельности.

Одновременно с юридическими критериями деятельности развивается ораторское мастерство адвокатов, служащее инструментом воздействия на внутреннее убеждение судей и присяжных заседателей. Советский и российский периоды носили неоднозначный характер, были насыщенны изменениями в понимании роли адвокатов и их деятельности, принимались неоднозначные нормативно-правовые акты, содержащие пробелы в праве, что приводило к противоречию между теорией и практикой. С повышением требований, предъявляемых к адвокатской деятельности, в настоящее время улучшилось качество оказываемой юридической помощи, а адвокат стал ключевым участником уголовного судопроизводства со стороны защиты.

---

1. Быстрова А. А. Гражданское, уголовное право и судебный процесс по Русской Правде // NovaInfo. Ru. 2021. №. 12. С. 7–10.
2. Гессен И.В. История русской адвокатуры. Т. 1. М.: Земля, 1914. 236 с.
3. Стешко Л.А., Шамба Т.М. Адвокатура в Российской Федерации: учебник. 2-е изд., перераб. М.: Норма, 2005. 321 с.
4. Адвокатура и современность / отв. ред. М.М. Славин. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1987. 151 с.
5. Кони А.Ф. На жизненном пути. СПб., 1912. Т. 1. 213 с.
6. Юношев С. В. Очерк развития адвокатуры в России // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4, №. 1. С. 89–94.
7. Гаврилов С. О. К вопросу о создании советской адвокатуры // Вестник Кемеровского государственного университета. Гуманитарные и общественные науки. 2018. №. 4. С. 62–69.
8. Бычихин А. В., Рубанов С. А. Исторический аспект развития института судебного представительства // Актуальные исследования. 2019. №. 1(1). С. 24–28.
9. Проказин Д. Л., Семенов Е. А., Ляпин А. И. Развитие видеотехнологий в уголовном процессе России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 3(96). С. 171-178.

1. By`strova A. A. Grazhdanskoe, ugolovnoe pravo i sudebny`j process po Russkoj Pravde // NovaInfo. Ru. 2021. №. 12. S. 7–10.
2. Gessen I.V. Istoriya russkoj advokatury`. T. 1. M.: Zemlya, 1914. 236 s.
3. Steshko L.A., Shamba T.M. Advokatura v Rossijskoj Federacii: uchebnik. 2-e izd., pererab. M.: Norma, 2005. 321 s.
4. Advokatura i sovremennost` / otv. red. M.M. Slavin. M.: Izd-vo IGiP AN SSSR, 1987. 151 c.
5. Koni A.F. Na zhiznennom puti. SPb., 1912. T. 1. 213 s.
6. Yunoshev S. V. Ocherk razvitiya advokatury` v Rossii // Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. 2018. T. 4, №. 1. S. 89–94.
7. Gavrilov S. O. K voprosu o sozdanii sovetskoj advokatury` // Vestnik Kemerov-skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarny`e i obshhestvenny`e nauki. 2018. №. 4. S. 62–69.
8. By`chixin A. V., Rubanov S. A. Istoricheskij aspekt razvitiya instituta sudebno-go predstavitel`stva // Aktual`ny`e issledovaniya. 2019. №. 1(1). S. 24–28.

9. Prokazin D. L., Semenov E. A., Lyapin A. I. Razvitie videotexnologij v ugolovnom processe Rossii // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2023. № 3(96). S. 171-178.

Информация об авторах

Евгений Алексеевич Семёнов. Начальник кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, доцент.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Илья Александрович Колмыков. Адъюнкт.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Светлана Юрьевна Клевцова. Редактор научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the authors

Evgeny A. Semenov. Head of the Department of Criminal Procedure. Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Ilya A. Kolmykov. Adjunct.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Svetlana Y. Klevtsova. Editor of the Research and Editorial Department.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 05.02.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.
The article was received in the editorial office on 05.02.2026; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
№ 1(106) 2026 г.
Научная статья
УДК 343.13

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА ТРЕТЬИХ ЛИЦ

Сефилов Алексей Георгиевич
УМВД России по Брянской области, Брянск, Россия

asefilov@mvd.ru

Аннотация. В статье анализируются особенности предмета преступного посягательства, обстановки совершения деяния, тактики допроса подозреваемых и осмотра электронных носителей информации по преступлениям, связанным с незаконным использованием электронных средств платежа третьими лицами (дропперством). Особое внимание уделяется проблеме установления умысла дроппера и разграничению ролей участников преступных схем с учетом актуальной судебной практики. Сформулированы практические рекомендации по повышению эффективности оперативно-розыскных мероприятий при расследовании преступлений данной категории.

Ключевые слова: электронное средство платежа, дроппер, оперативно-розыскные мероприятия, цифровые следы, банковская карта.

Для цитирования: Сефилов А. Г. Отдельные вопросы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием электронных средств платежа третьих лиц // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 359–368.

SOME ISSUES OF COUNTERING CRIMES COMMITTED USING ELECTRONIC MEANS OF PAYMENT OF THIRD PARTIES

Alexey G. Sefilov
The Ministry of Internal Affairs of Russia in the Bryansk region, Bryansk, Russia

asefilov@mvd.ru

Annotation. The article analyzes the features of the subject of criminal encroachment, the setting of the act, the tactics of interrogating suspects, and the examination of electronic media for crimes related to the illegal use of electronic means of payment by third parties (dropshipping). Special attention is paid to the problem of establishing the dropper's intent and distinguishing the roles of participants in criminal schemes, taking into account current judicial practice. Practical recommendations are formulated to improve the effectiveness of operational and investigative measures in the investigation of crimes of this category.

Keywords: electronic means of payment, dropper, crime detection, digital traces, bank card.

For citation: Sefilov A. G. Some Issues of Countering Crimes Committed Using Third Parties' Electronic Means of Payment // Scientific Bulletin of the V. V. Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1(106). P. 359–368.

Развитие цифровых финансовых технологий и стремительное расширение сферы дистанционного банковского обслуживания привели к существенной трансформации

структуры современной экономической преступности. Электронные средства платежа, первоначально создававшиеся как инструмент упрощения финансовых операций и повышения доступности банковских услуг, в последние годы всё чаще используются в противоправных целях. Одним из наиболее распространённых способов сокрытия преступной деятельности в данной сфере становится использование электронных средств платежа лицами, формально не являющимися их владельцами.

Подобная практика обусловлена стремлением организаторов преступных схем максимально затруднить идентификацию действительных выгодоприобретателей финансовых операций. Передача банковских карт, реквизитов счетов, а также доступа к системам дистанционного банковского обслуживания третьим лицам фактически формирует особую инфраструктуру противоправного оборота электронных платежных инструментов. В криминальной среде такие лица получили устойчивое обозначение «дропперы», а лица, организующие их деятельность и координирующие использование банковских реквизитов, нередко именуются «дроповодами». Масштабы рассматриваемого явления приобрели в последние годы системный характер.

По данным Росфинмониторинга, в 2025 году объем операций физических лиц с признаками дропов увеличился в 1,7 раза по сравнению с 2024 годом и превысил 90 млрд рублей. При этом экспертами в этой области отмечается рост использования в совершении подозрительных операций платежных инструментов нерезидентов и несовершеннолетних[1]. Совокупный ущерб, причиняемый гражданам и финансовым организациям в результате преступлений, совершаемых с использованием электронных средств платежа третьих лиц, исчисляется десятками миллиардов рублей. В частности, согласно данным, приведенным в научных исследованиях и официальных аналитических материалах, только за один год объем ущерба от соответствующих преступлений превысил 27,5 млрд рублей.

Указанные обстоятельства обусловливают высокую актуальность научного анализа проблем противодействия незаконному обороту электронных средств платежа. Следует отметить, что в современной юридической литературе значительное внимание уделяется вопросам уголовно-правовой квалификации действий лиц, участвующих в подобных схемах. В частности, в работе Э. Л. Сидоренко справедливо обращается внимание на сложность уголовно-правовой оценки действий лиц, передающих банковские реквизиты третьим лицам. В ряде случаев такие лица могут не обладать полной информацией о характере совершаемых операций, что затрудняет установление их умысла и определение степени участия в преступлении [1, с. 10]. Судебная практика также подтверждает наличие значительных трудностей при квалификации подобных деяний. Так, в ряде судебных решений подчеркивается необходимость установления не только факта передачи банковских реквизитов, но и осознания лицом противоправного характера последующего использования электронного средства платежа.

Специфика рассматриваемых преступлений заключается в их высокой латентности, технологической сложности и транснациональном характере. Использование современных средств анонимизации, включая криптовалютные инструменты, виртуальные частные сети (*VPN*), а также инфраструктуру теневого сегмента сети Интернет, существенно осложняет выявление реальных организаторов противоправных схем. Одновременно массовый характер вовлечения лиц, предоставляющих свои банковские реквизиты, формирует сложные многоуровневые структуры финансовых потоков, в которых каждый участник выполняет строго определенную функцию.

В этих условиях перед оперативными подразделениями органов внутренних дел возникают принципиально новые задачи, связанные с обнаружением, фиксацией и исследованием цифровых следов преступной деятельности [2, с. 115]. Особое значение

[1] Меры по борьбе с дропперством требуют совершенствования и дополнения // https://www.fedsfm.ru/releases/9517 (дата обращения: 05.03.2026).

приобретает анализ транзакционной активности, исследование коммуникаций между участниками преступных схем, а также установление взаимосвязей между различными элементами финансовой инфраструктуры.

«Сыскной» подход к исследованию рассматриваемой проблемы предполагает выявление типичных признаков преступной деятельности, формирование модели поведения лиц, причастных к преступной деятельности и разработку тактических рекомендаций по выявлению и фиксации оперативно значимой информации (далее – ОЗИ). В этом контексте особую значимость приобретает исследование структуры противоправного оборота электронных средств платежа, а также роли различных участников преступных схем.

Анализ практики выявления соответствующих преступлений показывает, что на первоначальном этапе оперативной работы ключевое значение имеют своевременное выявление и изъятие электронных носителей информации, установление каналов коммуникации между участниками преступной деятельности, а также получение данных о движении денежных средств по банковским счетам. При этом неправильное определение тактики первоначальных оперативно-розыскных мероприятий может привести к утрате значительного объема ОЗИ, что в дальнейшем существенно осложняет установление объективной картины преступления [3, с. 43].

Особое значение в данном контексте имеет судебная практика Верховного Суда Российской Федерации, в которой неоднократно подчеркивалась необходимость определения субъективной стороны преступления при привлечении к уголовной ответственности лиц, передающих электронные средства платежа третьим лицам. Так, в определении Верховного Суда Российской Федерации по делу № 66-УДП25-11-К8 отмечается, что сам по себе факт передачи банковской карты не может рассматриваться в качестве безусловного доказательства участия лица в преступлении, если не установлено его осознание противоправного характера последующего использования платежного инструмента[1].Таким образом, предмет преступлений, совершаемых с использованием электронных средств платежа третьих лиц, имеет ключевое значение, поскольку именно его особенности во многом предопределяют характер имеющейся ОЗИ и направления ее поиска. В отличие от традиционных преступлений имущественного характера, где предмет посягательства представлен материальными объектами, в рассматриваемой категории дел значительная часть информации формируется в процессе функционирования платежной инфраструктуры.

Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» закрепляет широкое понимание электронного средства платежа, включая как материальные платежные инструменты, так и программные средства дистанционного доступа к банковским счетам. В связи с этим предмет преступления в делах данной категории может быть представлен весьма разнообразными объектами, начиная от традиционных банковских карт и заканчивая цифровыми идентификаторами доступа к платежным сервисам[2].

В научной литературе выделяется несколько основных групп электронных средств платежа, которые наиболее часто используются в противоправных схемах [4, с. 232]. К их числу относятся банковские карты, выпущенные кредитными организациями в рамках легального платежного оборота; токенизированные карты, функционирующие в составе мобильных платежных систем; средства дистанционного банковского обслуживания, включая системы «клиент-банк» и мобильные банковские приложения; а также различные цифровые идентификаторы, обеспечивающие доступ

[1] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Рос. Федерации по делу № 66-УДП25-11-К8 [Электронный ресурс]: определение Верховного Суда Рос. Федерации от 3 апреля 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О национальной платежной системе [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

к платежным операциям. Каждая из указанных разновидностей электронных средств платежа формирует специфический комплекс данных, представляющих оперативный интерес. Так, использование банковских карт как материальных носителей платежной информации предполагает возможность обнаружения как материальных, так и цифровых следов преступной деятельности. Материальные следы могут включать следы пальцев рук на поверхности пластиковой карты, следы механического или термического воздействия, возникающие при изготовлении поддельных платежных инструментов, а также иные следы контакта с объектом.

Одновременно банковская карта является носителем цифровой информации, содержащейся на магнитной полосе или микрочипе. Эти данные могут включать идентификационные номера карты, параметры аутентификации и иные сведения, используемые при осуществлении платежных операций. В условиях современного платежного оборота значительная часть информации о транзакциях фиксируется не на самом платежном инструменте, а в информационных системах банков и операторов платежной инфраструктуры. В связи с этим важное значение приобретает своевременное получение данных о движении денежных средств, а также технических параметрах транзакций.

Особую категорию предметов преступления составляют токенизированные платежные инструменты. В отличие от традиционных банковских карт, такие средства платежа не имеют материального носителя и существуют исключительно в цифровой форме [5, с. 34]. Токенизация предполагает замену реального номера банковской карты уникальным цифровым идентификатором, который используется при проведении платежных операций через мобильные устройства.

Значение токенизированных карт заключается в том, что следы их использования фиксируются в цифровых устройствах, на которых осуществляется их эмиссия и использование. В этой связи оперативным сотрудником особое внимание должно уделяться изъятию и исследованию мобильных устройств, на которых установлены приложения платежных систем. Такие устройства могут содержать значительный объем ОЗИ, включая данные о токенизации карты, истории платежных операций, а также информацию о связанных учетных записях.

Не менее важную категорию предметов преступления образуют средства дистанционного доступа к банковским счетам, включая логины и пароли для входа в системы интернет-банкинга. Также анализу должны подвергаться журналы соединений, содержащие информацию о времени и параметрах входа в систему, данные об используемых IP-адресах, файлы *cookie* и иные элементы цифровой инфраструктуры сетевого взаимодействия. Дополнительные сведения могут содержаться в истории браузера, системных журналах операционных систем, а также в переписке пользователей в мессенджерах, где обсуждаются вопросы передачи доступа к банковским счетам.

В практике правоохранительных органов нередко встречаются ситуации, когда преступная схема предполагает последовательное использование нескольких платежных инструментов. Например, первоначальный доступ к банковскому счету может осуществляться через систему интернет-банкинга, после чего карта токенизируется в мобильном платежном приложении и используется для проведения транзакций через мобильное устройство.

Подобная многоуровневая структура использования электронных средств платежа существенно осложняет процесс документирования преступной деятельности, поскольку доказательственная информация распределяется между множеством платежных инструментов. Воссоздать же полную и достоверную последовательность действий участников становится возможным лишь благодаря скрупулезному анализу всей совокупности данных, полученных на этапе первоначальных оперативно-розыскных мероприятий. Эта сложность усугубляется тем, что подавляющее большинство таких схем изначально строятся по принципу функционального разделения ролей, где каждый участник выполняет лишь узкую, строго определенную задачу.

В криминальной среде сформировалась устойчивая терминология, используемая для обозначения участников подобных схем. Лица, предоставляющие свои банковские карты или реквизиты счетов для совершения противоправных операций, обозначаются как «дропперы». Между тем, лица, организующие привлечение таких посредников, нередко именуются «дроповодами». Помимо указанных категорий участников в преступных схемах могут участвовать лица, обеспечивающие техническое сопровождение операций, включая настройку средств анонимизации, управление криптовалютными кошельками и координацию финансовых потоков [6, с. 120].

Существенной особенностью рассматриваемых преступлений является существование своеобразного теневого рынка банковских реквизитов. Стоимость услуг дроппера может варьироваться в пределах от 15 до 30 тысяч рублей в зависимости от региона, вида платежного инструмента и предполагаемого срока его использования. При этом средний срок использования банковской карты в противоправных схемах обычно составляет от двух до пяти дней, после чего карта выводится из оборота и заменяется новой.

Кратковременность использования платежных инструментов является важным признаком, указывающим на организованный характер противоправной деятельности. Подобная практика позволяет минимизировать риск выявления преступной схемы и затрудняет проведение оперативно-розыскных мероприятий. В то же время анализ последовательности транзакций по таким счетам позволяет выявить характерные признаки транзитных операций, включая массовое поступление денежных средств от различных отправителей и их последующее быстрое перечисление на иные счета [7, с. 57].

Особую роль в организации взаимодействия участников преступных схем играют современные средства цифровой коммуникации. Наиболее распространенными каналами связи между дропперами и организаторами противоправной деятельности являются мессенджеры, которые позволяют осуществлять обмен сообщениями, файлами и иными данными в зашифрованном виде.

В ряде случаев взаимодействие участников преступных схем осуществляется через специализированные каналы в теневом сегменте сети Интернет (Даркнете). На подобных ресурсах размещаются объявления о поиске лиц, готовых предоставить банковские карты или доступ к системам дистанционного банковского обслуживания. Кроме того, там же могут публиковаться инструкции по открытию банковских счетов, рекомендации по прохождению процедур идентификации в кредитных организациях, а также сведения о размере вознаграждения за участие в противоправных операциях.

Анализ подобных переписок в ходе осуществления оперативно-технических мероприятий имеет существенное значение для установления структуры преступной группы и выявления ее организаторов. Содержимое переписки между участниками противоправной деятельности нередко содержит информацию о распределении ролей, способах передачи банковских реквизитов, а также о порядке распределения денежных средств. Установление таких обстоятельств позволяет более точно определить степень участия в преступной деятельности каждого лица, представляющего оперативный интерес.

В практике выявления рассматриваемых преступлений особое значение имеет анализ способов передачи банковских карт и иных платежных инструментов. В ряде случаев передача осуществляется при личной встрече участников противоправной схемы, однако значительно чаще используются дистанционные способы передачи информации. Например, дроппер может направить организатору преступной деятельности фотографии банковской карты, включая ее номер, срок действия и код безопасности. В дальнейшем эти данные используются для проведения дистанционных платежных операций [8, с. 4].

Помимо передачи реквизитов банковских карт широко применяется практика передачи доступа к системам дистанционного банковского обслуживания. В таких случаях дроппер передает организатору преступной схемы логин и пароль для входа

в мобильное банковское приложение или систему интернет-банкинга. После получения доступа к учетной записи злоумышленник может осуществлять финансовые операции от имени владельца счета, включая перевод денежных средств, оплату товаров и услуг, а также привязку карты к мобильным платежным сервисам.

Особого внимания заслуживает использование средств анонимизации, позволяющих скрывать реальное местоположение участников преступной деятельности. В частности, для доступа к банковским сервисам могут использоваться виртуальные частные сети (*VPN*), а также специализированные прокси-серверы. Такие технологии позволяют маскировать IP-адрес пользователя и создавать видимость доступа к банковской системе из иного региона или государства. Однако даже в таких условиях сохраняется возможность установления ряда косвенных признаков, позволяющих выявить фактическое местоположение участников противоправной деятельности. К числу таких признаков относятся особенности системы транзакций, совпадение технических параметров соединений, а также повторяемость используемых сетевых конфигураций [9, с. 55].

Одной из наиболее актуальных задач, связанных с противодействием незаконному использованию электронных средств платежа третьих лиц, является установление субъективной стороны деяния лица, предоставившего свой платежный инструмент для совершения финансовых операций. В отличие от многих иных видов имущественных преступлений, где умысел преступника очевиден из характера его действий, в рассматриваемой категории дел лицо, формально являющееся владельцем банковского счета или карты, нередко заявляет об отсутствии осознания противоправного характера совершаемых операций.

Указанное обстоятельство обусловлено тем, что в большинстве преступных схем дропперы привлекаются к участию посредством предложений о выполнении формально законных действий, таких как оформление банковской карты, получение денежного перевода или участие в так называемых «финансовых операциях» по поручению третьих лиц. В результате при проведении первоначальных ОРМ возникает необходимость установления фактического уровня осведомленности лица о характере совершаемых операций. В этой связи особое значение приобретает тактика опроса лица, предоставившего свои банковские реквизиты третьим лицам. Опрос дроппера должен быть направлен не только на установление факта передачи банковской карты или доступа к системе дистанционного банковского обслуживания, но и на выявление обстоятельств, свидетельствующих о его осведомленности о характере последующих операций.

При проведении опроса необходимо выяснить обстоятельства знакомства лица с предполагаемым организатором преступной схемы, условия передачи банковской карты или реквизитов счета, а также содержание предварительных договоренностей между участниками событий. Особое внимание следует уделять вопросам, связанным с возможным получением вознаграждения за предоставление банковских реквизитов [10, с. 76].

Наличие материального вознаграждения или обещания его получения может рассматриваться в качестве важного обстоятельства, подтверждающего корыстную заинтересованность лица. В ряде уголовных дел именно установление факта получения денежного вознаграждения за передачу банковской карты позволило в последующем следственным органам доказать наличие умысла на участие в противоправной деятельности.

Кроме того, при опросе следует уточнять, осознавал ли опрашиваемый, что его банковская карта будет использоваться третьими лицами, и понимал ли он характер операций, которые будут осуществляться с ее использованием. В оперативной практике нередко встречаются ситуации, когда дропперы утверждают, что передали карту «в аренду», «для проведения операций по переводу денег» либо «для выполнения поручений по работе». Подобные объяснения требуют тщательной проверки и сопоставления с другими установленными обстоятельствами.

Важным элементом установления цифровых следов преступления рассматриваемой категории является проведения ОРМ «Исследование предметов и документов»,

в ходе которого проводится предварительный анализ переписки в мессенджерах, электронные письма и иные формы дистанционного общения между соучастниками. Анализ подобных сообщений позволяет установить фактический уровень осведомленности дроппера о противоправной деятельности. Например, обсуждение в переписке вопросов, связанных с обходом банковского контроля, «обналичиванием» денежных средств или распределением доходов, может свидетельствовать о том, что лицо осознавало незаконный характер совершаемых операций [11, с. 250].

Помимо текстовых сообщений оперативный интерес представляют мультимедийные файлы, передаваемые между участниками противоправных схем. В частности, дропперы нередко направляют организаторам преступной деятельности фотографии банковских карт, включая их лицевую и оборотную стороны, что позволяет использовать полученные реквизиты для проведения дистанционных платежных операций. Аналогичным образом могут передаваться фотографии паспортов или иных документов, удостоверяющих личность, необходимые для прохождения процедур идентификации в кредитных организациях.

При исследовании электронных устройств особое внимание следует уделять наличию мобильных банковских приложений. Такие приложения могут содержать сведения о состоянии банковских счетов, истории финансовых операций, а также уведомления о поступлении и списании денежных средств. В некоторых случаях в памяти устройства сохраняются *push-уведомления* банков, содержащие информацию о конкретных транзакциях, включая сумму перевода, дату операции и последние цифры номера счета.

Анализ подобных уведомлений позволяет установить факт использования банковского счета после передачи платежного инструмента третьим лицам. Например, если владелец счета продолжал получать уведомления о многочисленных финансовых операциях, однако не предпринимал попыток заблокировать карту или обратиться в банк, это может рассматриваться как косвенное подтверждение его осведомленности о происходящих событиях.

Дополнительным источником доказательственной информации могут выступать облачные сервисы, используемые владельцами мобильных устройств. Многие современные смартфоны автоматически создают резервные копии данных, включая фотографии, переписку и документы, которые сохраняются в облачных хранилищах. Получение доступа к таким данным может существенно расширить объем ОЗИ [12, с. 115]. Следует уточнить, что изучение содержимого электронных устройств целесообразно осуществлять с участием специалиста в области информационных технологий. Привлечение специалиста позволяет обеспечить корректное копирование данных, исключить возможность их случайного изменения и обеспечить последующее проведение компьютерной экспертизы.

Не менее важным источником ОЗИ могут являться данные о фактическом использовании банковской карты или счета после их передачи третьим лицам. Если владелец карты продолжал получать уведомления о поступлении и списании денежных средств, однако не предпринимал попыток заблокировать карту или обратиться в банк, это может рассматриваться как подтверждение его осведомленности о происходящих операциях.

Особое значение имеет анализ финансовых операций по счету дроппера, запрос которых в банковских организациях делается при наведении справок. Если после передачи карты третьим лицам на счет начинают поступать многочисленные переводы от различных отправителей, а затем денежные средства оперативно переводятся на иные счета или снимаются наличными, это свидетельствует о транзитном характере счета. Подобные признаки могут объективно установить, что владелец счета осознавал участие в противоправной финансовой деятельности [13, с. 37].

Не менее важным направлением розыска является получение информации о взаимодействии клиента с контакт-центром банка. В некоторых случаях лица, факти-

чески использующие банковский счет, обращаются в службу поддержки кредитной организации от имени владельца счета, например для восстановления доступа к банковскому приложению или изменения параметров учетной записи. Записи подобных разговоров могут содержать сведения о личности фактического пользователя счета.

Помимо банковских организаций значительный объем информации, имеющей значение для расследования преступлений рассматриваемой категории, находится в распоряжении операторов связи. Современные средства телекоммуникации фиксируют значительное количество технических параметров сетевых соединений, включая данные о местоположении абонентских устройств, времени подключения к сети и используемых базовых станциях.

Получение в ходе проведения оперативно-технических мероприятий данных о соединениях между абонентскими устройствами позволяет установить факты коммуникации между участниками преступной схемы, а также выявить географическое расположение устройств в момент совершения определенных действий. Сопоставление этих данных с информацией о банковских транзакциях может позволить установить взаимосвязь между конкретными финансовыми операциями и действиями пользователей мобильных устройств [14, с. 319].

В некоторых случаях анализ данных операторов связи позволяет установить факты одновременного использования нескольких банковских счетов с одного и того же мобильного устройства. Подобные обстоятельства могут свидетельствовать о централизованном управлении несколькими платежными инструментами и указывать на наличие организованной преступной деятельности.

Следует учитывать, что в ряде случаев дропперы могут выступать не просто пассивными участниками преступных схем, а активными пособниками противоправной деятельности. Например, владелец банковского счета не только передает свои реквизиты третьим лицам, но и принимает участие в снятии денежных средств, переводе их на иные счета или распределении между участниками преступной группы. Подобные обстоятельства могут свидетельствовать о более высокой степени вовлеченности лица в противоправную деятельность.

Таким образом, подводя итоги вышеизложенному, следует определить, что механизм преступлений, связанных с использованием электронных средств платежа третьими лицами, отличается сложной многоуровневой структурой. Ее ключевыми элементами являются многообразие форм предмета посягательства (от традиционных банковских карт до токенизированных инструментов и средств дистанционного доступа), специфическая обстановка совершения преступления с дистанционным взаимодействием участников и использованием средств анонимизации, а также преимущественно цифровой характер следовой информации, распределенной между множеством платежных инструментов и информационных систем. В свою очередь, эффективность документирования противоправной деятельности напрямую зависит от своевременного применения комплекса оперативно-розыскных мероприятий, включающих анализ цифровых коммуникаций, исследование электронных устройств и взаимодействие с кредитными организациями и операторами связи.

---

1. Сидоренко Э. Л. Борьба с дропперством: ключевые задачи уголовной политики и вопросы квалификации деяний // Мировой судья. 2025. № 12. С. 8-17.
2. Васюков В. Ф. К вопросу о сущности следов преступлений, совершаемых в сфере информационно-коммуникационных технологий // Право и образование. 2016. № 8. С. 112-118.
3. Титов А. А. Некоторые вопросы обнаружения и исследования компьютерной информации при раскрытии и расследовании преступлений // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 3 (37). С. 39-48.

4. Стельмах В. Ю. Производство следственных действий, направленных на получение и использование компьютерной информации / В. Ю. Стельмах, О. М. Ефремова, В. Ф. Васюков. М.: Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2021. 480 с.
5. Использование информации, содержащейся на электронных носителях, в уголовно-процессуальном доказывании : учебное пособие / А. А. Балашова, В. Ф. Васюков, Ю. В. Гаврилин [и др.]; под ред. Ю.В. Гаврилина, А.В. Победкина. М.: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. 140 с.
6. Собирание электронных доказательств по уголовным делам в России и зарубежных странах : Опыт и проблемы / С. П. Щерба, Е. А. Архипова, Е. В. Быкова [и др.]. М.: Издательский Дом "Городец", 2024. 224 с.
7. Расследование преступлений с использованием компьютерной информации из сети Интернет. М.: Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2023. 200 с.
8. Шестак В. А., Цыплакова А.Д. Понятие и сущность киберпреступлений в государствах - членах ССАГПЗ // Мировой судья. 2023. № 4. С. 2-7.
9. Противодействие криптовалютным преступлениям в зарубежных странах. М.: ООО Издательский дом "Юрлитинформ", 2025. 504 с.
10. Способы получения доказательств и информации в связи с обнаружением (возможностью обнаружения) электронных носителей / В. Ф. Васюков, Б. Я. Гаврилов, А. А. Кузнецов [и др.]. М.: Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2023. 160 с.
11. Малик В. И., Флоря Д. Ф. Международно-правовые основы противодействия незаконному обороту наркотиков, совершаемому с использованием ИТТ // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 4(97). С. 246-253.
12. Противодействие преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных. М.: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство Прометей", 2023. 468 с.
13. Васюков В. Ф. Некоторые особенности изъятия электронных носителей при производстве обыска и выемки по уголовному делу // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 2(25). С. 35-42.
14. Флоря Д. Ф., Малик Е. Н., Малик В. И. Правовые аспекты незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 313-320.

1. Sidorenko E`. L. Bor`ba s dropperstvom: klyuchevy`e zadachi ugolovnoj politiki i voprosy` kvalifikacii deyanij // Mirovoj sud`ya. 2025. № 12. S. 8-17.
2. Vasyukov V. F. K voprosu o sushhnosti sledov prestuplenij, sovershaemy`x v sfere informacionno-kommunikacionny`x texnologij // Pravo i obrazovanie. 2016. № 8. S. 112-118.
3. Titov A. A. Nekotory`e voprosy` obnaruzheniya i issledovaniya komp`yuternoj informacii pri raskry`tii i rassledovanii prestuplenij // Sibirskie ugolovno-processual`ny`e i kriminalisticheskie chteniya. 2022. № 3 (37). S. 39-48.
4. Stel`max V. Yu. Proizvodstvo sledstvenny`x dejstvij, napravlenny`x na poluchenie i ispol`zovanie komp`yuternoj informacii / V. Yu. Stel`max, O. M. Efremova, V. F. Vasyukov. M.: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost`yu Prospekt, 2021. 480 s.
5. Ispol`zovanie informacii, soderzhashhejsya na e`lektronny`x nositelyax, v ugolovno-processual`nom dokazy`vanii : uchebnoe posobie / A. A. Balashova, V. F. Vasyukov,

Yu. V. Gavrilin [i dr.]; pod red. Yu.V. Gavrilina, A.V. Pobedkina. M.: Akademiya upravleniya Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii, 2021. 140 s.
6. Sobiranie e`lektronny`x dokazatel`stv po ugolovny`m delam v Rossii i zarubezhny`x stranax : Opy`t i problemy` / S. P. Shherba, E. A. Arxipova, E. V. By`kova [i dr.]. M.: Izdatel`skij Dom Gorodecz, 2024. 224 s.
7. Rassledovanie prestuplenij s ispol`zovaniem komp`yuternoj informacii iz seti Internet. M.: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost`yu Prospekt, 2023. 200 s.
8. Shestak V. A., Cyplakova A.D. Ponyatie i sushhnost` kiberprestuplenij v gosudarstvax - chlenax SSAGPZ // Mirovoj sud`ya. 2023. № 4. S. 2-7.
9. Protivodejstvie kriptovalyutny`m prestupleniyam v zarubezhny`x stranax. M.: OOO Izdatel`skij dom Yurlitinform, 2025. 504 s.
10. Sposoby` polucheniya dokazatel`stv i informacii v svyazi s obnaruzheniem (vozmozhnost`yu obnaruzheniya) e`lektronny`x nositelej / V. F. Vasyukov, B. Ya. Gavrilov, A. A. Kuzneczov [i dr.]. M.: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost`yu Prospekt, 2023. 160 s.
11. Malik V. I., Florya D. F. Mezhdunarodno-pravovy`e osnovy` protivodejstviya nezakonnomu oborotu narkotikov, sovershaemomu s ispol`zovaniem ITT // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2023. № 4(97). S. 246-253.
12. Protivodejstvie prestupleniyam v sfere nezakonnogo oborota narkotikov, sovershaemy`m s ispol`zovaniem informacionno-telekommunikacionny`x. M.: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost`yu Izdatel`stvo Prometej, 2023. 468 s.
13. Vasyukov V. F. Nekotory`e osobennosti iz``yatiya e`lektronny`x nositelej pri proizvodstve oby`ska i vy`emki po ugolovnomu delu // Biblioteka kriminalista. Nauchny`j zhurnal. 2016. № 2(25). S. 35-42.
14. Florya D. F., Malik E. N., Malik V. I. Pravovy`e aspekty` nezakonnogo oborota narkoticheskix sredstv i psixotropny`x veshhestv, sovershaemogo s ispol`zovaniem informacionno-telekommunikacionny`x texnologij // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2025. № 2(103). S. 313-320.

Информация об авторе

Алексей Георгиевич Сефилов. Начальник межмуниципального отдела МВД России «Почепский».
УМВД России по Брянской области.
243400, Брянская область, г. Почеп, ул. Ленина, 21.

Information about the author

Alexey G. Sefilov. Head of the inter-municipal department of the Ministry of Internal Affairs of Russia "Pochepsky".
The Ministry of Internal Affairs of Russia in the Bryansk region.
243400, Bryansk region, Pochep, Lenin Str., 21.

Статья поступила в редакцию 12.02.026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.
The article was received in the editorial office on 12.02.2026; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова № 1(106) 2026 г.
Научная статья
УДК 343.13

ПОНЯТИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКТА КАК ЭЛЕМЕНТА ПРАВООТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ НАЛОЖЕНИИ АРЕСТА НА ДЕНЕЖНЫЕ СРЕДСТВА И ИНЫЕ ЦЕННОСТИ, НАХОДЯЩИЕСЯ НА СЧЁТЕ, ВО ВКЛАДЕ ИЛИ НА ХРАНЕНИИ В БАНКАХ И ИНЫХ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Синявина Дарья Александровна
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

Sinyavina98dasha@mail.ru

Аннотация. В статье представлены рассуждения о юридическом факте в рамках правоотношений, возникающих на стадии предварительного расследования при наложении ареста на денежные средства и иные ценности, находящиеся на счёте, во вкладе или на хранении в банках и иных кредитных организациях. Представлен анализ правовой природы юридического факта – от общетеоретического понимания рассматриваемого явления к более узкому. Автором исследуются процессуальные документы в рамках ст. 115 УПК РФ с целью исследования возможности отнесения тех или иных актов к категории «юридический факт» как элемент правоотношений.

Ключевые слова: юридический факт, правоотношения, судебное постановление, ходатайство, протокол наложения ареста.

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя – профессора кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя доктора юридических наук, доцента полковника полиции Тутынина И. Б.

Для цитирования: Синявина Д. А. Понятие юридического факта как элемента правоотношений, возникающих при наложении ареста на денежные средства и иные ценности, находящиеся на счёте, во вкладе или на хранении в банках и иных кредитных организациях // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 369–375.

THE CONCEPT OF A LEGAL FACT AS AN ELEMENT OF LEGAL RELATIONS ARISING FROM THE IMPOSITION OF SEIZURE ON MONEY AND OTHER VALUABLES IN ACCOUNTS, DEPOSITS, OR STORAGE IN BANKS AND OTHER CREDIT ORGANIZATIONS

Annotation. The article presents a discussion of a legal fact within the framework of legal relations that arise at the stage of preliminary investigation when money and other valuables are seized from accounts, deposits, or storage in banks and other credit organizations. The article provides an analysis of the legal nature of a legal fact, from a general theoretical understanding of the phenomenon to a more specific one. The author examines procedural documents under Article 115 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation to explore the possibility of classifying certain acts as legal facts as an element of legal relations.

***Keywords*:** legal fact, legal relationship, court order, petition, arrest protocol.

Gratitude: the work was carried out with the support of the scientific supervisor – Professor of the Department of Criminal Procedure at the V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor, Colonel of Police Tutynin I. B.

For citation: Sinyavina D. A. The concept of a legal fact as an element of legal relations arising from the seizure of funds and other valuables held in accounts, deposits, or storage in banks and other credit organizations // Scientific Bulletin of the V.V. Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1(106). P. 369–375.

Определение уголовно-процессуального принуждения как возникающих правоотношений способствует обеспечению законности в части защиты прав и интересов граждан в уголовном судопроизводстве. В этой связи возникает необходимость в достижении баланса частных и публичных интересов в рамках применения отдельных мер принуждения с целью недопущения необоснованного ограничения прав и свобод участников. Мы полагаем, что характеристика отдельных элементов правового отношения позволяет не только детально рассмотреть механизм отдельных институтов принуждения, но и способствует его верному истолкованию, а также совершенствованию в отдельных аспектах. При этом особое внимание для нас представляет институт наложения ареста на имущество в его отдельном проявлении в виде наложения ареста на денежные средства и иные ценности, находящиеся на счёте, во вкладе или на хранении в банках и иных кредитных организациях, согласно ч. 7 ст. 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Сама структура составляющих элементов возникающих правоотношений относится к ряду дискуссионных проблем и в настоящее время. Однако в рамках проводимого исследования мы опираемся на положения, изложенные В. П. Божьевым, который, в свою очередь, выделял следующие его компоненты: юридический факт, субъекты, объект, содержание и форма [1, с. 18–27]. Принимая за основу указанное, мы видим необходимым осуществление анализа юридического факта в качестве одного из основополагающих элементов складывающихся правовых отношений в рамках наложения ареста на денежные средства и иные ценности, находящиеся на счёте, во вкладе или на хранении в банках и иных кредитных организациях. Дополним, что проводимое обособление юридического факта не свидетельствует о его характеристике как наиболее значимого элемента правоотношений. Тем не менее мы отмечаем его фундаментальную роль, так как данная категория выступает в качестве законного основания для реализации рассматриваемой меры уголовно-процессуального принуждения.

Изначально мы видим необходимость в указании некоторых существующих в науке определений категории «юридический факт». Возникновение, изменение и прекращение уголовно-процессуальных отношений связаны с совершением действий, принятием процессуальных решений, наступлением событий, появлением состояний и обнаружением иных, имеющих юридическое значение обстоятельств – юридических фактов [2, с. 140]. Также под юридическими фактами понимаются жизненные обстоятельства, с которыми нормы права связывают возникновение, изменение либо прекращение правоотношений [3, с. 65]; более того, юридический факт понимается как предусмотренные нормой права обстоятельства, которые служат основанием для возникновения (а также изменения или прекращения) конкретных правоотношений [4, с. 2].

Считаем, что указанные толкования отражают рассматриваемую нами категорию в широком смысле, о чём свидетельствует установленная во всех определениях многогранность. В данном случае полагаем, что, описывая юридический факт в широком понимании с точки зрения исследуемого института наложения ареста, им будет

выступать факт совершения преступления [5, с. 32], который повлёк за собой дальнейшую необходимость в обеспечении гражданского иска и иных целей, указанных в ч. 1 ст. 115 УПК РФ.

Более точно, исходя из понимания уголовно-процессуальных правоотношений в науке существует и локальная интерпретация, согласно которой: «Юридическим фактом возникновения уголовно-процессуальных отношений являются действия и решения следователя, дознавателя, прокурора, суда (судьи)» [2, с. 139]. Полагаем, что рассмотрение юридического факта относительно выделяемого нами вида ареста должно быть направлено на исследование конкретных процессуальных решений, принимаемых уполномоченными органами. Кроме того, в этой связи следует дополнительно отметить, что ряд специалистов в уголовном судопроизводстве по волевому признаку разделяют юридические факты на события и действия (в рамках которых рассматриваются юридические акты) [4, с. 66]. Приведённое толкование следует рассматривать как определение юридического факта в узком смысле.

Считаем, что обязательность установления понимания категории «юридический факт» в широком и узком смысле вызвана потребностью в определении его значения в качестве одного из элементов складывающихся уголовно-процессуальных правоотношений. Однако в этой связи возникает закономерный вопрос, который касается механизма перехода от необходимости в обеспечении гражданского иска и иных имущественных взысканий (согласно широкому толкованию) к конкретному правовому акту (согласно узкому толкованию), свидетельствующему о возникновении правоотношений по наложению ареста. Полагаем, что такая «трансформация» обусловлена наличием определённых обстоятельств для применения рассматриваемой меры уголовно-процессуального принуждения, именуемых основаниями.

В науке уголовного процесса существует не только проблема понимания оснований, их внутреннего содержания, но и наблюдаются некоторые дискуссии касающиеся их классификации. Ряд учёных разделяет их на фактические (источники сведений) и юридические (постановление судьи) [6, с. 10]. Другие исследователи придерживаются классификации на материально-правовые (зависят от вида имущественных взысканий) и процессуально-правовые (сведения, на основании которых выносится судебное решение) [7, с. 17]. При этом отсутствие противоречий между указанными подходами можно объяснить тем, что они акцентируют внимание на различных аспектах.

Для полноты исследования мы придерживаемся позиции, где классификация оснований проведена на материально-правовые и процессуально-правовые. Эта градация, по нашему мнению, позволяет осуществить системный анализ становления оснований от их возникновения до процессуального закрепления и дальнейшей реализации в уголовном судопроизводстве.

В свою очередь, мы думаем, что материально-правовые основания, формирующиеся ещё в рамках широкого понимания юридического факта (не вызывает сомнений, что юридическим фактом, порождающим уголовно-правовое отношение, выступает преступление) [3, с. 2], в совокупности с процессуально-правовыми основаниями, которые являются производными от первых, способствуют переходу к пониманию юридического факта в узком смысле. Последнее уже характеризует юридический факт в качестве непосредственного элемента правоотношений, возникающих в рамках наложения ареста на денежные средства и иные ценности, находящиеся на счёте, во вкладе или на хранении в банках и иных кредитных организациях. Следовательно, при формировании рассматриваемых правовых связей юридический факт выступает как комплексное обстоятельство, связывающее как материально-правовые, так и процессуально-правовые основания.

Однако в контексте перехода от материально-правовых оснований к процессуально-правовым одним из дискуссионных видится вопрос относительно того, какой именно юридический акт будет выступать в качестве юридического факта (в узком смысле), непосредственно порождающего анализируемые правоотношения.

Буквальное толкование ст. 115 УПК РФ как в рамках общих, так и специальных положений позволяет выделить следующие виды составляемых документов: во-первых, ходатайство, составленное следователем или дознавателем, подлежащее направлению в суд; во-вторых, протокол о наложении ареста на имущество, составляемый уполномоченным лицом; в-третьих, непосредственно судебное решение.

Анализ первого, исходя из понимания ходатайства как официального заявления (т. е. формы процессуального обращения к суду или должностным лицам с просьбой о совершении процессуального действия или принятия решения) [5, с. 2], позволяет заключить, что уполномоченное лицо при его составлении обращается к суду с вопросом о принятии решения о наложении ареста. Однако на этапе его оформления неизвестно, какое решение будет принято судьёй в отношении изложенного в процессуальном документе. В этой связи мы полагаем, что в качестве юридического факта, свидетельствующего о возникновении или изменении правоотношений в рамках рассматриваемого вида ареста, оно являться не будет. Более того, об этом свидетельствует и отсутствие системы прав и обязанностей участников, так как анализируемый документ выступает в качестве обращения и порождает у суда исключительно обязанность на рассмотрение такового. При этом указанное обязательство не коррелирует с каким-либо конкретным правом органов предварительного расследования, а напрямую происходит из основных полномочий суда. Данное связано с тем, что следователь (дознаватель) в случае вынесения ходатайства инициирует процедуру, а не выдвигает требование к органам правосудия по принятию необходимого решения.

Содержание в ст. 115 УПК РФ обязанности по составлению протокола именно в контексте рассматриваемого вида ареста, по нашему мнению, также вызывает ряд определённых вопросов. Законодатель определяет необходимость при составлении такового обращаться к ст. 166, 167 УПК РФ, согласно положениям которых нам представляется логичным и обоснованным участие в указанном процессуальном действии не только уполномоченного лица, но и понятых, а также руководителя банковской или иной кредитной организации.

Отметим, что исследование нормативно-правовых актов в сфере банковского и гражданского права позволяет заключить, что толкование понятия «руководитель банка» отсутствует. Как следствие, установить в рамках действующего законодательства перечень лиц, относящихся к данной категории, не представляется возможным. Полагаем, что к руководителю банка или иной кредитной организации может быть отнесён достаточно широкий перечень сотрудников – от учредителя банка до руководителей филиалов, директора и т. п. В рамках Федерального закона «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395-1[1], а конкретно ст. 11.1, закреплено разъяснение понятия «органы управления кредитной организации», в содержании которого отсутствует категория «руководитель банка». Таким образом, определить лиц, обладающих указанным статусом, на данный момент не представляется возможным. Однако в настоящее время считаем, что таковыми могут выступать лица, наделённые определённым перечнем полномочий по непосредственному осуществлению рассматриваемого вида ареста либо имеющие право на делегирование указанных полномочий иному лицу,

[1] О банках и банковской деятельности [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 2 декабря 1990 г. № 395-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в компетенцию которого входит реализация судебного решения по наложению ареста.

Наряду с этим мы считаем, что исключение из числа участников руководителя банка или иной кредитной организации будет являться ошибочным. Учитывая, что банк или иная кредитная организация в лице руководителя является непосредственным исполнителем судебного постановления, то есть выступает в качестве субъектов возникших уголовно-процессуальных правоотношений в анализируемой области, его невключение в рассматриваемый протокол является нарушением положений ст. 166, 167 УПК РФ. Это мы связываем с тем, что именно руководитель как уполномоченный представитель обладает информацией о факте реализации (или нереализации) закреплённой законодателем прямой обязанности банка по исполнению рассматриваемой меры уголовно-процессуального принуждения. Как итог, только указанные лица могут свидетельствовать о её выполнении.

Кроме того, к возможным нарушениям при составлении анализируемого процессуального документа в отношении денежных средств и иных ценностей, находящихся на счёте, во вкладе или на хранении в банках и иных кредитных организациях, можно отнести, во-первых, невозможность принимающих участие понятых зафиксировать наложение ареста. Данное, по нашему мнению, происходит ввиду того, что непосредственным исполнителем выступает банк или иная кредитная организация в лице руководителя, как это указано выше. Дополнительно следует отметить, что денежные средства и иные ценности, находящиеся на счёте, во вкладе или на хранении в банках и в иных кредитных организациях, не обладают материей в традиционном понимании. Именно это отличает указанные виды имущества от, в частности, наличных денежных средств, которые можно увидеть. Следовательно, понятые не могут надлежащим образом удостовериться в осуществлении наложения ареста.

Во-вторых, учитывая обязательные требования, предъявляемые к составлению процессуальных документов, по нашему мнению, внимания также заслуживает необходимость указания точной даты и времени в протоколе. В данном случае полагаем, что в этой связи возникает определённая сложность, которая вызвана «удалённой» реализацией меры принуждения. Таким образом, принимая во внимание, что данный вид ареста исполняется неуполномоченными лицами правоохранительных органов, считаем, что установление точной даты и времени полного или частичного прекращения операций по счету или вкладу не представляется возможным.

В-третьих, отметим, что на законодательном уровне отсутствует обязанность банка или иной кредитной организации осуществлять уведомление правоохранительных органов о фактическом исполнении ареста. Следовательно, ни понятые, ни иные лица, участие которых предусмотрено протоколом, не могут удостовериться в реализации меры уголовно-процессуального принуждения. Однако на первый взгляд представляется, что понятым можно предъявить сведения о движении денежных средств, полученные в ответ на запрос от банковской или иной кредитной организации. Однако считаем, что указанный факт можно расценивать в качестве прямого нарушения банковской тайны в отношении лица, на имущество которого накладывается арест. При этом указываем на то, что лица, работающие в банковской структуре (например, сотрудники банка), имеющие законодательно закреплённую обязанность[1] по неразглашению сведений, составляющих банковскую тайну, на наш взгляд, не могут являться понятыми. Данное мы связываем с тем, что сама их должность – банковского сотрудника – свидетельствует о заинтересованности и, как следствие, исключает объективность.

[1] О банках и банковской деятельности [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 2 декабря 1990 г. №395-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Таким образом, анализируемый протокол, по нашему мнению, не может выступать в качестве процессуального документа, фиксирующего ход и результаты [8, с. 37] процессуальных действий, равно как и не может являться юридическим фактом, порождающим возникновение правоотношений в рассматриваемой сфере. Специфика «дистанционного» исполнения ареста руководителем банка или иным уполномоченным на то лицом, которая затрудняет истинную констатацию момента по фактическому ограничению счёта или вклада, а также ограничения, связанные с банковской тайной, выступают в качестве факторов, представляющих невозможность удостоверения в осуществлении ареста. По своей правовой природе протокол о наложении рассматриваемого вида ареста является актом, который выступает следствием уже совершившегося юридического факта. По нашему мнению, перечисленные противоречия, связанные с необходимостью составления такового, ставят под сомнение не только возможность его отнесения к категории юридического факта, но и в целом вызывают вопросы, относящиеся к необходимости и обоснованности его составления.

Третьим актом, который отражён в положениях ст. 115 УПК РФ, выступает судебное решение. По нашему мнению, именно оно, являясь процессуально-правовым основанием, порождает возникновение определённых прав и обязанностей у субъектов складывающихся правоотношений в рамках наложения ареста на денежные средства и иные ценности, находящихся на счёте, во вкладе или на хранении в банках и иных кредитных организациях. В свою очередь, анализируемое ранее ходатайство и протокол не порождают правоотношений в рассматриваемой сфере, так как не способствуют формированию необходимых для существования правовых связей элементов. Таким образом, в узком смысле юридическим фактом будет являться судебное решение, а также процесс его реализации, при котором можно говорить о становлении всей совокупности элементов возникающих правоотношений при наложении ареста на денежные средства и иные ценности, находящиеся на счёте, во вкладе или на хранении в банках и иных кредитных организациях.

---

1. Божьев В. П. Уголовно-процессуальные правоотношения: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994. 39 с.
2. Володина Л. М. Уголовно-процессуальные правоотношения // Вестник Тюменского государственного университета. 2004. № 1. С. 138–144.
3. Григорьев В. Н., Победкин А. В., Яшин В. Н. Уголовный процесс: учебник. М.: Эксмо, 2023. 960 с.
4. Дагуф Ю. А. Постановление или ходатайство: правовая природа постановления о возбуждении ходатайства перед судом о проведении следственного действия // Теория и практика общественного развития. 2020. № 5(147).
5. Генрих Н. В. Юридический факт в уголовном праве и пределы уголовно-правового регулирования // Научный портал МВД России. 2011. № 1.
6. Ханжин В. И. Уголовно-процессуальный порядок и организационно-тактические основы наложения ареста на имущество: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 25 с.
7. Химичева О. В., Тутынин И. Б. Основания наложения ареста на имущество как извечная проблема отечественного уголовно-процессуального права // Сборник материалов конференции процессуальный порядок применения обеспечительных мер: вопросы законности, теория и практика, М., 2024.
8. Россинский С. Б. Протоколы следственных действий: проблемы процессуальной формы и доказательственного значения // Lex Russica. 2017. № 10(131).

1. Bozh`ev V. P. Ugolovno-processual`ny`e pravootnosheniya: avtoreferat dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 1994. 39 s.
2. Volodina L. M. Ugolovno-processual`ny`e pravootnosheniya // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2004. № 1. S. 138–144.
3. Grigor`ev V. N., Pobedkin A. V., Yashin V. N. Ugolovny`j process: uchebnik. M.: E`ksmo, 2023. 960 s.
4. Daguf Yu. A. Postanovlenie ili xodatajstvo: pravovaya priroda postanovleniya o vozbuzhdenii xodatajstva pered sudom o provedenii sledstvennogo dejstviya // Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2020. № 5(147).
5. Genrix N. V. Yuridicheskij fakt v ugolovnom prave i predely` ugolovno-pravovogo regulirovaniya // Nauchny`j portal MVD Rossii. 2011. № 1.
6. Xanzhin V. I. Ugolovno-processual`ny`j poryadok i organizacionno-takticheskie osnovy` nalozheniya aresta na imushhestvo: avtoreferat dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2006. 25 s.
7. Ximicheva O. V., Tuty`nin I. B. Osnovaniya nalozheniya aresta na imushhestvo kak izvechnaya problema otechestvennogo ugolovno-processual`nogo prava // Sbornik materialov konferencii processual`ny`j poryadok primeneniya obespechitel`ny`x mer: voprosy` zakonnosti, teoriya i praktika, M., 2024.
8. Rossinskij S. B. Protokoly` sledstvenny`x dejstvij: problemy` processual`noj formy` i dokazatel`stvennogo znacheniya // Lex Russica. 2017. № 10(131).

Информация об авторе

Дарья Александровна Синявина. Адъюнкт.
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя.
117997, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

Information about the author

Daria Al. Sinyavina. Adjunct.
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya.
117997, Russia, Moscow, Akademika Volgina Str., 12

Статья поступила в редакцию 12.11.2025; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.
The article was received in the editorial office on 12.11.2025; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научная статья
УДК 343.1

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Таршева Мира Николаевна
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл, Россия

mirra_2023@internet.ru

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ политических факторов, формирующих современную уголовно-процессуальную политику Российской Федерации. Обосновывается тезис о том, что в условиях стабильности базовых конституционных институтов (форма правления, государственное устройство) решающее влияние оказывают динамические политические факторы, связанные со сменой стратегических ориентиров государства, геополитической обстановкой и ответами на внешние вызовы. В статье последовательно раскрывается воздействие долгосрочного курса на построение правового государства, вызванного глобализацией активизации международного сотрудничества, специальной военной операцией как фактором поиска нового баланса безопасности и прав личности, а также изменениями роли международных правозащитных механизмов (ЕСПЧ) после выхода России из Совета Европы. Делается вывод о преемственности либерально-демократического вектора уголовно-процессуальной политики, заложенного в начале 1990-х годов.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная политика, политические факторы, международное сотрудничество в уголовном процессе, специальная военная операция (СВО), гуманизация, демократизация, национальная безопасность.

Для цитирования: Таршева М. Н. Факторы, влияющие на формирование современной уголовно-процессуальной политики России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 376–383.

FACTORS INFLUENCING THE FORMATION OF RUSSIA'S MODERN CRIMINAL PROCEDURE POLICY

Mira N. Tarsheva
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

mirra_2023@internet.ru

Annotation. The article provides a comprehensive analysis of the political factors that shape the modern criminal procedure policy of the Russian Federation. It substantiates the thesis that, in the context of the stability of the basic constitutional institutions (form of government, state structure), dynamic political factors related to the change in the state's strategic priorities, the geopolitical situation, and responses to external challenges have a decisive influence. The article consistently reveals the impact of the long-term course on building a legal state, which is caused by the globalization of international cooperation, the special military operation as a factor in finding a new balance between security and individual

rights, and the changing role of international human rights mechanisms (the European Court of Human Rights) after Russia's withdrawal from the Council of Europe. The article concludes that the liberal-democratic vector of criminal procedure policy established in the early 1990s remains consistent.

Keywords: criminal procedure policy, political factors, international cooperation in criminal proceedings, special military operation (SVO), humanization, democratization, national security.

For citation: Tarsheva M. N. Factors influencing the formation of Russia's modern criminal procedure policy // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2026. № 1(106). P. 376–383.

Политика в сфере уголовного судопроизводства представляет собой одну из наиболее чувствительных к общественным изменениям и государственным приоритетам областей правового регулирования. Будучи инструментом реализации уголовной юстиции, уголовно-процессуальная политика непосредственно затрагивает базовые ценности общества: безопасность, справедливость, свободу личности – и потому находится в фокусе постоянного политического внимания и дискуссий. В классической политологической и государственно-правовой литературе в качестве ключевых факторов, детерминирующих политические процессы и, как следствие, отраслевые политики, традиционно выделяются такие институциональные характеристики, как форма государственного правления (президентская, парламентская, смешанная республика, монархия), форма государственного устройства (унитарное, федеративное государство) и характер партийной системы [1, с. 37; 2, с. 157–166]. Однако применительно к современной России, где уголовно-процессуальная политика начала формироваться в конце 1980-х – начале 1990-х годов и продолжает развиваться в рамках неизменной с 1993 года конституционной модели федеративной президентской республики, оценить прямое влияние этих структурных факторов проблематично. Не произошло смены унитарного государства на федеративное или парламентской республики на президентскую, что позволило бы эмпирически измерить степень такого влияния. Данное обстоятельство указывает на необходимость поиска иных, более содержательных политических детерминант, которые наполняют уголовно-процессуальную политику конкретным историческим содержанием.

Цель настоящего исследования – выявить, систематизировать и проанализировать ключевые политические факторы, оказавшие влияние на формирование и эволюцию современной уголовно-процессуальной политики России. Научная новизна работы заключается в комплексном рассмотрении как долгосрочных стратегических установок (курс на правовое государство), так и конъюнктурных, но чрезвычайно мощных вызовов (СВО, выход из Совета Европы) в их взаимосвязи и совокупном влиянии на уголовно-процессуальное законодательство и правоприменительную практику.

Фундаментальным, системообразующим фактором, предопределившим ключевое направление развития всего российского права, включая уголовно-процессуальное, стал осознанный политический выбор в пользу построения правового государства. Его отправной точкой стали решения XIX Всесоюзной конференции КПСС 1988 года. В резолюциях «О демократизации советского общества и реформе политической системы»[1] и «О правовой реформе»[1] впервые на официальном уровне была провозглашена цель формирования «социалистического правового государства».

[1] О демократизации советского общества и реформе политической системы : резолюции конференции [Электронный ресурс]. URL : https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/446875-devyatnadtsataya-vsesoyuznaya-konferentsiya-kommunisticheskoy-partii-sovetskogo-soyuza-moskva-28-iyunya-locale-nil-1-iyulya-1988-g-

Этот политический курс имел далеко идущие последствия. Во-первых, он легитимировал критику репрессивных элементов советского уголовного процесса. Во-вторых, он открыл путь для практической реализации принципа идеологического и политического плюрализма, что вскоре привело к ликвидации монополии КПСС на власть. В-третьих, и это наиболее важно для уголовного судопроизводства, он создал идеологический фундамент для признания приоритета прав человека над интересами государства [3, с. 87–88]. Данный принцип был последовательно закреплён в Декларации прав и свобод человека СССР[2] (1991 год) и в Декларации прав и свобод человека и гражданина РСФСР[3] (1991 год), а затем нашёл своё высшее выражение в ст. 2 Конституции РФ 1993 года: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью».

Конкретным программным документом, транслировавшим этот общий политический курс в сферу судопроизводства, стала Концепция судебной реформы в РСФСР, утверждённая постановлением Верховного Совета РСФСР 24 октября 1991 года[4]. Этот документ можно считать «дорожной картой» уголовно-процессуальной политики 1990-х годов. В нем были сформулированы ключевые идеи, многие из которых казались революционными для советской правовой системы: утверждение самостоятельной и независимой судебной власти; освобождение суда от обвинительной функции и переход к состязательной модели процесса; введение судебного контроля за законностью действий на досудебных стадиях; внедрение суда присяжных; расширение прав защиты и гарантий для обвиняемого.

Реализация этого курса не была мгновенной, но была последовательной и настойчивой. Она выразилась в беспрецедентной для советского периода законотворческой активности. Если за 28 лет (1960–1988 гг.) УПК РСФСР был изменён 29 раз, то за следующие 12 лет (1989–2001 гг.) – уже 52 раза [3, с. 89]. Активную роль в формировании «новой» уголовно-процессуальной политики сыграл Конституционный Суд РФ, который в своих постановлениях (например, от 13.11.1995 № 13-П, от 23.03.1999 № 5-П[5]) признавал многие процессуальные нормы, ущемляющие права граждан на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство, не соответствующими Конституции.

Анализ содержания этих многочисленных поправок к УПК РСФСР позволяет выделить три устойчивых направления уголовно-процессуальной политики того периода: расширение объёма прав и законных интересов участников процесса, особенно обвиняемого и потерпевшего; внедрение компромиссных (нереабилитирующих) оснований прекращения уголовного преследования, что означало отход от исключительно

---

rezolyutsii-konferentsii-o-demokratizatsii-sovetskogo-obschestva-i-reforme-politicheskoy-sistemy?ysclid=ml9eq0axuz283515294 (дата обращения: 29.01.2026).

[1] О правовой реформе [Электронный ресурс]. URL : https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/446879-devyatnadtsataya-vsesoyuznaya-konferentsiya-kommunisticheskoy-partii-sovetskogo-soyuza-moskva-28-iyunya-locale-nil-1-iyulya-1988-g-rezolyutsii-konferentsii-o-pravovoy-reforme?ysclid=ml9eqny1xm38151817 (дата обращения: 29.01.2026).

[2] Декларация прав и свобод человека : принята Съездом народных депутатов СССР 5 сент. 1991 г. № 2393-I. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] О Декларации прав и свобод человека и гражданина : постановление ВС РСФСР от 22 нояб. 1991 г. № 1920-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] О Концепции судебной реформы в РСФСР : по□становление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] По делу о проверке конституционности части пятой статьи 209 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Р. Н. Самигуллиной и А. А. Апанасенко [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 13 нояб. 1995 г. № 13-П; По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В. К. Борисова, Б. А. Кехмана, В. И. Монастырецкого, Д. И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком» [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 23марта 1999 г. № 5-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

публично-искового характера процесса; внедрение дифференцированных процессуальных форм, то есть создание различных порядков производства в зависимости от категории и сложности дела.

Эти направления не только подготовили почву для принятия нового УПК РФ в 2001 году, но и сохранили свою актуальность после его вступления в силу. В этом проявляется преемственность и стабильность стратегического политического курса на демократизацию и гуманизацию уголовного судопроизводства. Однако важно подчеркнуть существенную эволюцию идеологического наполнения этого курса. В конце 1980-х – 1990-е годы он был окрашен духом «нового мышления», открытости Западу и зачастую некритичной рецепции иностранных правовых институтов. Именно это, как отмечают многие исследователи, стало причиной внутренней противоречивости первоначальной редакции УПК РФ 2001 года, его слабой системности и последующих бесконечных, порой хаотичных, поправок [4; 5, с. 16–17].

В последние годы идеологический вектор сместился в сторону приоритета национальных интересов и правовых традиций. Политический дискурс всё чаще акцентирует необходимость учёта исторического опыта, национальной ментальности и правовой культуры, критикуя «бездумное копирование» чуждых моделей [6, с. 6; 7, с. 90]. Это не означает отказа от базовых принципов правового государства, но означает их адаптацию к российским социально-политическим реалиям. Таким образом, фактор «курса на правовое государство» действует не как догма, а как живая, развивающаяся парадигма, задающая общие рамки, но допускающая различное их наполнение в зависимости от политического контекста эпохи.

Вторым основным политическим фактором, кардинально изменившим уголовно-процессуальную политику, стали процессы глобализации и либерализации, последовавшие за распадом СССР. Одним из их конкретных проявлений стала радикальная либерализация миграционного режима. Отменены выездные визы, введён свободный выезд за границу (Закон СССР от 20.05.1991 № 2177-1[1], позднее ФЗ № 114-ФЗ от 15.08.1996[2]), конституционно закреплено право на свободное передвижение (ст. 27 Конституции РФ). Это была прямая реализация курса на открытое правовое государство, интегрированное в мировое сообщество.

Однако у этого прогрессивного шага обнаружилась и «оборотная сторона», имеющая прямое отношение к уголовному процессу. Упрощение перемещения через границы стимулировало эмиграционно-иммиграционную активность криминализированных групп, облегчило вывод капиталов, полученных преступным путём; способствовало закреплению на территории России транснациональных преступных сетей.

В результате перед правоохранительной системой встали задачи, с которыми она ранее сталкивалась эпизодически: розыск и экстрадиция преступников, скрывшихся за рубеж; получение доказательств с иностранной территории; конфискация активов, выведенных в другие юрисдикции; передача осуждённых для отбывания наказания на родину.

Ответом на эти вызовы стало расширение международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, превратившееся в одно из центральных направлений уголовно-процессуальной политики. В советский период оно регулировалось крайне скупо (ст. 32 УПК РСФСР отсылала к международным договорам, круг которых был узок). С начала 1990-х годов Россия начала активно наращивать договорно-правовую базу, присоединяясь как к многосторонним конвенциям (например, Минская

[1] О порядке выезда из Союза ССР и въезда в Союз ССР граждан СССР [Электронный ресурс]: закон СССР от 20 мая 1991 г. № 2177-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[2] О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

конвенция о правовой помощи 1993 год), так и заключая десятки двусторонних договоров о правовой помощи, выдаче, передаче осуждённых.

Этот политический курс потребовал адекватного внутригосударственного правового обеспечения. Уголовно-процессуальная политика в этой сфере стала развиваться на двух взаимосвязанных уровнях: 1) межгосударственном (расширение международно-правового сотрудничества при заключении соответствующих договоров) и 2) внутринациональном (создание процессуальных механизмов реализации этих договоров). Итогом этой работы стало включение в УПК РФ 2001 года целого раздела XVIII «Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства». Последующие изменения, такие, например, как введение в 2017 году главы 55.1 о признании и исполнении иностранных конфискационных приговоров, свидетельствуют о постоянном развитии и усложнении данного института.

Военный конфликт на Украине (специальная военная операция), начавшийся в 2022 году, стал мощнейшим внешним и внутренним потрясением, которое не могло не отразиться на всех сферах государственной политики, включая уголовно-процессуальную. СВО поставила перед государством сложнейшую дилемму: с одной стороны, необходимость мобилизации всех ресурсов для обеспечения национальной безопасности в условиях фактического военного времени, с другой – обязанность соблюдать правовые гарантии и принципы, составляющие основу правового государства.

Уголовно-процессуальная политика оказалась на острие этого противоречия. Возникла практическая потребность в правовых механизмах, которые, не отменяя действия общих принципов, позволили бы учесть специфический статус участников боевых действий и сбалансировать интересы правосудия и обороны. Эволюция законодательства в этой области демонстрирует трудный поиск адекватной правовой «формулы».

Первые попытки (например, законопроект № 329181-8, инициированный Заксобранием Челябинской области в 2023 году) были сырыми и подверглись справедливой критике за создание возможности для «ухода» от уголовной ответственности[1]. Кратковременно действовавший Федеральный закон от 24.06.2023 № 270-ФЗ стал шагом вперёд, но также был признан недостаточно проработанным и утратил силу[2].

Более взвешенным и юридически техничным решением стал Федеральный закон от 23.03.2024 № 64-ФЗ[3]. Он внёс системные изменения, дополнив УК РФ статьёй 78.1, а УПК РФ – ст. 28.2. Уголовное преследование теперь может быть прекращено в отношении мобилизованного, если производство по делу приостановлено и он либо награждён государственной наградой, либо уволен по здоровью/возрасту, либо в связи с окончанием периода мобилизации и т. п. Последующие уточнения (ФЗ № 340-ФЗ от 02.10.2024) были направлены на устранение процессуальных пробелов, в частности, распространение механизма на стадию судебного разбирательства[4].

Таким образом, СВО выступила в роли катализатора, ускорившего развитие и конкретизацию одного из традиционных направлений политики (компромиссное раз-

---

[1] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: законопроект № 329181-8 // Система обеспечения законодательной деятельности.

[2] Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» (утратил силу) [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] О внесении изменений в статью 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 2 октября 2024 г. № 340-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

решение уголовно-правового конфликта) и заставившего найти новые уголовно-процессуальные механизмы для обеспечения национальной безопасности и пр.

Отдельным и крайне значимым политическим фактором, на протяжении четверти века оказывавшим непосредственное влияние на уголовно-процессуальную политику, было членство России в Совете Европы и подчинение юрисдикции Европейского суда по правам человека. Присоединение в 1996 году (ратификация Конвенции в 1998 году) было политическим актом, означавшим стремление после распада СССР войти в круг «европейских демократий» и имплементировать их правовые стандарты.

Это членство имело прямое и предметное влияние на уголовный процесс. Уголовно-процессуальная политика в части гарантий прав личности стала в значительной степени политикой имплементации стандартов ЕСПЧ. Это выражалось в трёх основных формах: прямом законодательном заимствовании (например, введение в УПК РФ статьи 6.1. «Разумный срок уголовного судопроизводства» и института компенсации за его нарушение, что стало прямым следствием постановления ЕСПЧ по делу «Бурдов против России»[1]); необходимости толкования национальных норм в свете правовых позиций ЕСПЧ (суды общей юрисдикции и Верховный Суд РФ были обязаны учитывать практику Страсбурга при применении закона); основания для пересмотра судебных актов (решения ЕСПЧ, констатировавшие нарушения Конвенции, служили новым обстоятельством для возобновления производства по делу (ст. 413 УПК РФ).

Это сотрудничество, несмотря на периодическую критику отдельных решений, в целом оценивалось как позитивный фактор, способствующий гармонизации российского законодательства с международными нормами, устранению системных проблем и укреплению гарантий прав граждан [8, с. 160–170].

Кардинальный сдвиг произошёл в 2022 году в связи с приостановлением, а затем и прекращением членства России в Совете Европе. Это был сугубо политический акт, повлёкший за собой серьёзные правовые последствия. Юрисдикция ЕСПЧ более не распространяется на территории России. В УПК РФ были исключены положения, отсылавшие к решениям ЕСПЧ как основанию для пересмотра дел.

Данное событие знаменует собой новый этап в развитии уголовно-процессуальной политики. Он характеризуется усилением роли национальных конституционных механизмов. Главным органом, задающим стандарты в сфере защиты прав в уголовном процессе, становится Конституционный Суд РФ. Именно его решения теперь являются ключевым основанием для пересмотра дел в порядке главы 49 УПК РФ.

Вместе с тем Россия продолжит следовать международным стандартам в области прав человека (прежде всего, Всеобщей декларации прав человека ООН), но на основе собственного их понимания и с учётом национальных особенностей. Если ранее ориентиром часто служила практика западноевропейских стран и ЕСПЧ, то сейчас акцент смещается на развитие собственных, укоренённых в национальной правовой традиции доктринальных подходов. Таким образом, фактор взаимоотношений с Советом Европы прошёл путь от мощного стимула для либерализации и сближения с западными стандартами до политического разрыва, который стал катализатором для формирования более самостоятельной, суверенной и ориентированной на внутренние правовые источники уголовно-процессуальной политики.

1. Проведённый анализ позволяет утверждать, что современная уголовно-процессуальная политика России является продуктом сложного взаимодействия нескольких ключевых политических факторов, действующих в условиях формально стабильных государственных институтов.

---

[1] Дело «Бурдов (Burdov) против России» (жалоба № 59498/00) [Электронный ресурс]: постановление ЕСПЧ от 7 мая 2002 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Долгосрочный стратегический курс на построение правового государства выступает в роли «константы», заложившей фундаментальные ценности (верховенство права, приоритет прав человека, состязательность, независимость суда) и определившей магистральные направления развития (демократизация, гуманизация, дифференциация). Этот фактор обеспечивает преемственность политики на протяжении более трёх десятилетий.

3. Вызовы глобализации и либерализация миграционного режима породили в качестве ответа активное международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства как самостоятельное, сложное и постоянно развивающееся направление уголовно-процессуальной политики.

4. Специальная военная операция заставила в сжатые сроки найти новые уголовно-процессуальные механизмы, способствующие обеспечению национальной безопасности. Результатом стало создание процессуальных механизмов для участников СВО, развивающих идею компромиссного разрешения уголовно-правового конфликта и пр.

5. Динамика отношений с Советом Европы отразила эволюцию внешнеполитических ориентиров и их влияние на правовую сферу. От периода активной рецепции международных стандартов ЕСПЧ как «золотого стандарта» Россия перешла к этапу формирования суверенной правовой политики с опорой на собственные конституционные ценности и институты (прежде всего, Конституционный Суд РФ). Это не означает отказа от защиты прав человека, но означает смену источника и философии соответствующих стандартов.

6. В совокупности эти факторы рисуют картину динамичной, адаптивной и преемственной уголовно-процессуальной политики. Её ядро, сформированное в начале 1990-х годов вокруг идеи правового государства и прав человека, остаётся неизменным. Однако его внешнее выражение, инструментарий, идеологические акценты и приоритеты постоянно корректируются под влиянием меняющейся политической конъюнктуры, геополитических вызовов и необходимости защиты национального суверенитета. Современный этап характеризуется движением от космополитической модели правового государства к модели суверенной демократии, где демократические и правозащитные институты и процедуры развиваются не путём внешней имплементации, а через внутреннюю эволюцию с учётом национальной специфики и ответа на актуальные угрозы. Уголовно-процессуальная политика, таким образом, остаётся точным «барометром» этих сложных и противоречивых политических процессов.

---

1. Гришнова Е. Е. Политическая система Российской Федерации: теория и практика формирования, тенденции развития: автореф. … дис. д-ра полит. наук. М., 2010. 46 с.
2. Грушин Ф. В. Внутриполитические факторы формирования уголовно-исполнительной политики и законодательства // Общественные науки. 2016. № 4. С. 157-165.
3. Таршева М. Н. Политический курс - фактор влияния на формирование уголовно-процессуальной политики России // Научный портал МВД России. 2025. № 3(71). С. 86-92.
4. Масленникова Л. Н. Развитие уголовного судопроизводства в России // Видеозапись выступлений на конференции «Уголовная юстиция: связь времен» (г. Санкт-Петербург, 6–8 октября 2010 г.). URL: http://www.iuaj.net/node/312 (дата обращения: 28.05.2025).
5. Божьев В. П., Гаврилов Б. Я. Критика современного УПК РФ: обоснованность, научность, прикладной характер // Вестник Московского ун-та МВД России. 2018. № 1. С. 16–22.

6. Азаренок Н. В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2021. 547 с.
7. Малько А. В., Липинский Д. А., Маркунин Р. С., Иванов А. А. Механически заимствованные западные правовые конструкции и ценности как фактор усиления юридической аномии // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2023. №2 (53). С. 89-98.
8. Аширбекова М. Т., Овчинникова Н. А. Использование решений ЕСПЧ в уголовном судопроизводстве в свете результатов конституционной реформы // Вестник СГЮА. 2021. №4 (141). С. 160-170.

1. Grishnova E. E. Politicheskaya sistema Rossijskoj Federacii: teoriya i praktika formirovaniya, tendencii razvitiya: avtoref. … dis. d-ra polit. nauk. M., 2010. 46 s.
2. Grushin F. V. Vnutripoliticheskie faktory` formirovaniya ugolovno-ispolnitel`noj politiki i zakonodatel`stva // Obshhestvenny`e nauki. 2016. № 4. S. 157-165.
3. Tarsheva M. N. Politicheskij kurs - faktor vliyaniya na formirovanie ugolovno-processual`noj politiki Rossii // Nauchny`j portal MVD Rossii. 2025. № 3(71). S. 86-92.
4. Maslennikova L. N. Razvitie ugolovnogo sudoproizvodstva v Rossii // Videozapis` vy`stuplenij na konferencii «Ugolovnaya yusticiya: svyaz` vremen» (g. Sankt-Peterburg, 6–8 oktyabrya 2010 g.). URL: http://www.iuaj.net/node/312 (data obrashheniya: 28.05.2025).
5. Bozh`ev V. P., Gavrilov B. Ya. Kritika sovremennogo UPK RF: obosnovannost`, nauchnost`, prikladnoj xarakter // Vestnik Moskovskogo un-ta MVD Rossii. 2018. № 1. S. 16–22.
6. Azarenok N. V. Koncepciya sovershenstvovaniya rossijskogo ugolovnogo processa v ramkax ego istoricheskoj formy`: dis. ... d-ra yurid. nauk. Ekaterinburg, 2021. 547 s.
7. Mal`ko A. V., Lipinskij D. A., Markunin R. S., Ivanov A. A. Mexanicheski zaimstvovanny`e zapadny`e pravovy`e konstrukcii i cennosti kak faktor usileniya yuridicheskoj anomii // Vestnik VGU. Seriya: Pravo. 2023. №2 (53). S. 89-98.
8. Ashirbekova M. T., Ovchinnikova N. A. Ispol`zovanie reshenij ESPCh v ugolovnom sudoproizvodstve v svete rezul`tatov konstitucionnoj reformy` // Vestnik SGYuA. 2021. № 4 (141). S. 160-170.

Информация об авторе

Мира Николаевна Таршева. Старший преподаватель кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Mira N. Tarsheva. Senior Lecturer at the Department of Criminal Procedure, Candidate of Legal Sciences.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 06.02.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.
The article was received in the editorial office on 06.02.2026; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научная статья
УДК 343.1

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ: ПРОБЛЕМА «НАДЛЕЖАЩЕГО СУБЪЕКТА СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ»

Шемчук София Юрьевна
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

sofia_shemchuk@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется проблема использования результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании, а именно вопрос о надлежащем субъекте собирания доказательств. На основе анализа соответствующих правовых норм автор приходит к выводу: указанные результаты как полноценные доказательства в рамках уголовного судопроизводства получены надлежащим субъектом – органом дознания. Более того, ставятся под сомнение доводы о недопустимости признания за результатами оперативно-разыскной деятельности статуса самостоятельных доказательств с отсылкой на «ненадлежащий субъект» ввиду отсутствия легального определения конструкции «источник доказательств».

Ключевые слова: источник доказательств, надлежащий субъект, результаты оперативно-разыскной деятельности, собирание доказательств.

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя – профессора кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя доктора юридических наук, профессора Сумина А. А.

Для цитирования: Шемчук С. Ю. Результаты оперативно-разыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании: проблема «надлежащего субъекта собирания доказательств» // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 384–389.

THE RESULTS OF OPERATIONAL OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES IN CRIMINAL PROCEDURAL EVIDENCE: THE PROBLEM OF THE «PROPER SUBJECT OF EVIDENCE COLLECTION»

Sofia Y. Shemchuk
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikot, Moscow, Russia

sofia_shemchuk@mail.ru

Annotation. The article examines the problem of using the results of operational-search activities in criminal procedural proof, namely, the issue of the proper subject of evidence collection. Based on the analysis of the relevant legal norms, the author comes to the conclusion: the specified results as full-fledged evidence in the framework of criminal proceedings were obtained by the proper subject - the inquiry body. Moreover, the arguments about the inadmissibility of recognizing the results of operational-search activities as independent evidence with a reference to an «improper subject» are questioned due to the lack of a legal definition of the «source of evidence» construction.

Keywords: source of evidence, proper subject, results of operational-search activities, collection of evidence.

Gratitude: the work was made with the support of the scientific supervisor – Professor of the Chair of Criminal Procedure Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Doctor of Law, Professor Sumin A. A.

For citation: Adamovich V. V. New potentially dangerous psychoactive substances as an object of crime: application issues // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2026. № 1(106). P. 384–389.

В рамках научной полемики о признании за результатами оперативно-разыскной деятельности (далее – результаты ОРД) статуса полноценных доказательств одним из ключевых направлений выступает порядок их получения (как правило, ссылаются на его «непроцессуальность»), в частности проблема определения правомочности субъекта собирания доказательств в подобном случае. Уже в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года отмечалось особое значение органов дознания в расследовании преступлений (в контексте производства ими оперативно-разыскной деятельности): обеспечивали первичный удостоверительный характер справедливости тех сведений, которые будут представлены следователю [1, с. 46]. Совершенно справедливо, что подход, согласно которому деятельность органа дознания – это деятельность непроцессуальная, устарел и находит своё отражение в дореволюционной России, когда в русле ещё административной деятельности полиции оно было лишено всякого формализма [2, с. 385]. Комментируя Уголовно-Процессуальный Кодекс Р.С.Ф.С.Р 1922 года[1], В. И. Громов писал, что в советский период развития уголовно-процессуальной мысли «резкая грань» между дознанием и предварительным следствием и вовсе была утрачена [3, с. 13].

Говоря об актуальности поднимаемой темы в наши дни, обратимся к диссертации на соискание учёной степени доктора юридических наук В. В. Терехина. По мнению автора, за указанной «альтерпроцессуальной» информацией необходимо признать большее значение в рамках установления истины по делу, нежели это предусмотрено в современных реалиях [4, с. 4]. Непреодолимым барьером, с точки зрения некоторых процессуалистов, в вопросе признания доказательственного значения за результатами ОРД выступает довод, согласно которому при получении указанных результатов нет необходимых гарантий «против возможных искажений» [5, с. 61–62]. Возникает следующий риторический вопрос: а где стопроцентная защита от таких искажений при собирании «процессуальным путём» доказательств, указанных в ч. 2 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК России)? Об отсутствии гарантий свидетельствует и судебная практика осуждения следователей, дознавателей за фальсификацию доказательств (см., например, приговоры по уголовным делам: Ливенского районного суда Орловской области по уголовному делу № 1-2-27/2024[2]; Псковского городского суда Псковской области по уголовному делу № 1-568/2024[3]; Ленинского районного суда города Воронежа по уголовному делу № 1-27/2020[4] и т. д.).

---

[1] Уголовно-Процессуальный Кодекс Р.С.Ф.С.Р. [Электронный ресурс]: принят Всероссийским центральным исполнительным комитетом 25 мая 1922 г. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

[2] Приговор Ливенского районного суда Орловской области по уголовному делу № 1-2-27/2024 [Электронный ресурс]. URL:https://sudact.ru/regular/doc/l9UejOJGVFJt/ (дата обращения: 10.07.2025).

[3] Приговор Псковского городского суда Псковской области по уголовному делу № 1-568/2024 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/RX9XAxuXSod/ (дата обращения: 10.07.2025).

[4] Приговор Ленинского районного суда г. Воронежа по уголовному делу № 1-27/2020 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/xDK9x3KaFNl/ (дата обращения: 10.07.2025).

Прежде всего, обращает на себя внимание то, что ч. 1 ст. 74 УПК России не конкретизирует порядок получения доказательств, отмечая лишь, что он установлен самим Кодексом, а в ст. 86 УПК России указано, что собирание доказательств производится путём совершения следственных и иных процессуальных действий[1]. Более того, процессуальный закон допускает использование следователем (дознавателем) функциональных возможностей органа дознания при производстве предварительного расследования (п. 4 ч. 2 ст. 38, п. 1 ч. 3 ст. 41 УПК России). Получается, что собирание доказательств может осуществляться не только посредством следственных действий.

Что немаловажно, у правоприменителя нет легального исчерпывающего перечня критериев разграничения допустимых и недопустимых доказательств (косвенное отражение указанного явления просматривается в нормах ст. 74 и 75 УПК России). В части признака, определяющего допустимость доказательства, обычно содержится информация о получении его из надлежащего источника. А. А. Сумин и О. В. Химичева указывают на серьёзный пробел: ключевое для признания доказательств допустимым понятие «источник» не имеет законодательного определения, тем самым создаёт условия для субъективных интерпретаций, нарушающих принцип правовой определённости [6, с. 152]. Созвучная позиция и у В. В. Терехина – легальному толкованию свойства допустимости доказательств места не нашлось [4, с. 4].

Такая ситуация приводит к произвольной трактовке указанного понятия, что не соответствует уровню значимости вопроса допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве. Проиллюстрируем указанный тезис лишь малой частью исследовательских подходов. Так, М. С. Строгович считал, что источник доказательств – это источник сведений о том или ином факте [7, с. 392]; по мнению М. С. Шалумова, источник – «это процессуальная форма, в которой закреплены, изложены данные сведения» [8, с. 154]; самобытно представление В. А. Лазаревой – вследствие того, что доказательства образуют взаимосвязанную и разноуровневую систему, доказательство имеет своим источником носитель информации, но, в свою очередь, то или иное доказательство может стать источником последующих [9, с. 169–170]; А. А. Сумин, С. А. Шейфер, подвергая обоснованной критике само использование термина «источник доказательств», считают грубой ошибкой отождествление ч. 2 ст. 74 УПК России с указанной понятийной конструкцией, поскольку указанные в данной норме явления выступают видами доказательств [5, с. 68; 10, с. 411].

Но и подобные полярные точки зрения не являются исчерпывающими. Например, В. Д. Арсеньев [11, с. 115], В. Я. Дорохов [12, с. 213], А. В. Смирнов [13, с. 151] подразумевают под источниками доказательств лиц, от которых информация доказательственного значения и исходит (подозреваемый, эксперт, свидетель и т. д.).

Таким образом, до того момента, пока понятие «источник доказательств» не найдёт своего легального отражения в нормах УПК России или, по крайней мере, учёным сообществом не будет достигнут консенсус относительно теоретического понимания указанного термина, дискуссия о таком признаке допустимости доказательств как «надлежащий источник» их получения лишена аргументационной ценности. Однако всё-таки исходя из той позиции, что под источником доказательств возможно понимать конкретное лицо – субъект, сместим фокус внимания на лиц, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность как на субъектов собирания доказательственной базы.

А. С. Есина обращает внимание на тот факт, что Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (далее – ФЗ «Об ОРД») не содержит указание на орган дознания как на субъект указанной деятельности [14, с. 78].

---

[1] *Прим.*: представляется небезынтересным отметить, что данная правовая норма, признавая суд субъектом собирания доказательств, не допустила в качестве способа такого собирания совершенно самостоятельный вид процессуальных действий (п. 32 ст. 5 УПК России) – судебные действия.

Действительно, данный правовой акт несколько иначе трактует этот вопрос, предоставляя право осуществления оперативно-разыскной деятельности органу внутренних дел Российской Федерации. Однако представляется, что логическое и лингвистическое толкование п. 1 ст. 13 ФЗ «Об ОРД», а также п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК России приводит лишь к единственному выводу: орган дознания – субъект не только уголовно-процессуальной, но и оперативно-разыскной деятельности, поскольку органы внутренних дел, обладающие компетенцией на осуществление оперативно-разыскной деятельности, одновременно являются органами дознания. Как следствие, указанное А. С. Есиной несовершенство вряд ли имеет столь существенно значение.

Перейдём к вопросу о наличии доктринально выделяемого для доказательств признака «допустимости» в результатах ОРД, а конкретнее к субъекту их собирания[1]. По смыслу ч. 1 ст. 86 УПК России таким субъектом наряду со следователем выступает дознаватель. Если речь идёт о дознавателе, в производстве которого находится уголовное дело, его правомочия не вызывают никаких сомнений, чего не скажешь относительно лица, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность в рамках исполнения поручения.

Проследим цепочку: по ч. 1 ст. 41 УПК Росси полномочия органа дознания возлагаются на дознавателя. В свою очередь, дознаватель (по п. 1.1 ч. 3 ст. 41 УПК России), а также следователь (по п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК России) уполномочены давать для исполнения органу дознания письменные поручения о проведении оперативно-разыскных мероприятий. Соединив данные тезисы, получаем: исполнение письменных поручений о проведении оперативно-разыскных мероприятий возлагается на дознавателя, который, исходя из буквальной трактовки 1 ст. 86 УПК России, выступает полноценным субъектом собирания доказательств.

Принципиально иной подход, если исходить из концепции, что истинным субъектом доказывания является не исполнитель поручения, а следователь (дознаватель) как непосредственный носитель первоначальных полномочий. И получается, что при таком подходе вопрос относительно надлежащего субъекта собирания доказательства в силу ч. 1 ст. 86 УПК России вообще не должен возникать.

Поэтому вряд ли можно согласиться с позицией о «непроцессуальном субъекте» получения результатов ОРД (до представления их следователю).

Отметим здесь, что предоставленные результаты ОРД в рамках данного следователем или дознавателем поручения являются частным случаем и не исключает возможность использования в доказывании тех результатов, инициатива предоставления которых принадлежит оперативным подразделениям. И в том и в другом случае сведения получает орган дознания в рамках чёткой, законодательно установленной процедуры, а также отвечая требованиям, предъявляемым уголовно-процессуальным законом к доказательствам.

Исходя из изложенного, делаем следующие заключения:

1. Отсутствие законодательного закрепления понятия «источник доказательств», а также наличие полемики относительно него в научном сообществе делают любые попытки построения на основе такой понятийной конструкции правовых выводов относи-

[1] *Прим.*: автор настоящего исследования отстаивает позицию, согласно которой в ходе производства следственных и иных процессуальных действий собираются сведения, а формирование доказательств происходит уже в рамках последующей процессуальной деятельности следователя (дознавателя), направленной на проверку и оценку указанной информации. Фактически, доказательство – это итоговый продукт доказывания, где получаемые сведения, в свою очередь, имеют промежуточный характер. В связи с указанным целесообразнее говорить о собирании именно сведений, обладающих потенциальной возможностью приобретения статуса доказательств по уголовному делу, нежели о собирании доказательств. Однако по тексту употребляется словосочетание «собирание доказательств» как более аутентичное процессуальному закону и общепринятое в доктрине.

тельно невозможности признания результатов ОРД полноценными доказательствами, в частности отсылки к «ненадлежащему субъекту» собирания доказательств в данном случае априори юридически уязвимыми.

2. Определив, что орган дознания по смыслу ч. 1 ст. 40 УПК России осуществляет получение и последующее представление результатов ОРД следователю (дознавателю), логически (и не противоречиво закону) следует, что он выступает участником уголовного судопроизводства, наделённым полномочием по собиранию доказательств. Таким образом, можно обоснованно утверждать – результаты ОРД как полноценные доказательства получены надлежащим субъектом.

1. Мичурина О. В. Обеспечение прав и свобод личности при производстве дознания: Учебное пособие. М.: Московский университет МВД России, 2007. 102 с.
2. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб., 1996. 607 с.
3. Громов В. И. Дознание и предварительное следствие (теория и техника расследования преступлений). М., 1926. 299 с.
4. Терехин В. В. Допустимость доказательств в уголовном процессе: методологический, правовой, этический аспекты: автореф. … дис. докт. юрид. наук. Нижний Новгород, 2016. 52 с.
5. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2009. 238 с.
6. Сумин А. А., Химичев О. В. О понятии «источник доказательства» в уголовном процессе России // Современное уголовно-процессуальное право - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию принятия УПК РСФСР 1922 г., 20-летию действия УПК РФ. В 2-х частях, Орел, 06–07 октября 2022 года. Орел: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова, 2022. С. 152-157.
7. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. В 2-х томах. Том 1. Москва: Наука, 1968. 470 с.
8. Шалумов М. С. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В.М. Лебедев; рук. авт. кол. В.А. Давыдов. Москва: Норма: Инфра-М, 2014. 1054 с.
9. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учебник для бакалавриата и магистратуры. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. 302 с.
10. Сумин А. А. К вопросу о соотношении процессуальных доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности // Современное уголовно-процессуальное право России - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Орел: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова, 2017. С. 411-415.
11. Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории доказательств в советском уголовном процессе. М.: Юридическая литература, 1964. 179 с.
12. Теория доказательств в советском уголовном процессе / под ред. Н.В. Жогина. Москва: Юридическая литератур, 1973. 736 с.
13. Смирнов А. В. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. М., 2011. 768 с.
14. Есина А. С., Арестова Е. Н. Входит ли в компетенцию органа дознания осуществление оперативно-розыскной деятельности? // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 1. С. 77-79.

1. Michurina O.V. Obespechenie prav i svobod lichnosti pri proizvodstve doznaniya: Uchebnoe posobie. Moskva: Moskovskij universitet MVD Rossii, 2007. 102 s.
2. Fojniczkij I.Ya. Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva. T. 2. SPb., 1996. 607s.

3. Gromov V.I. Doznanie i predvaritel`noe sledstvie (teoriya i texnika rassledovaniya prestuplenij). M., 1926. 299 s.
4. Terexin V.V. Dopustimost` dokazatel`stv v ugolovnom processe: metodologicheskij, pravovoj, e`ticheskij aspekty`: Avtoref. dis. dokt. yurid. nauk. Nizhnij Novgorod, 2016. 52 s.
5. Shejfer S.A. Dokazatel`stva i dokazy`vanie po ugolovny`m delam: problemy` teorii i pravovogo regulirovaniya. M.: Norma, 2009. 238 s.
6. Sumin A.A., Ximichev O.V. O ponyatii «istochnik dokazatel`stva» v ugolovnom processe Rossii // Sovremennoe ugolovno-processual`noe pravo- uroki istorii i problemy` dal`nejshego reformirovaniya: Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashhennoj 100-letiyu prinyatiya UPK RSFSR 1922 g., 20-letiyu dejstviya UPK RF. V 2-x chastyax, Orel, 06–07 oktyabrya 2022 goda. Orel: Orlovskij yuridicheskij institut Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii imeni V.V. Luk`yanova, 2022. S. 152-157.
7. Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugolovnogo processa. V 2-x tomax. Tom 1. Moskva: Nauka, 1968. 470 s.
8. Shalumov M.S. Nauchno-prakticheskij kommentarij k Ugolovno-processual`nomu kodeksu Rossijskoj Federacii / Otv. red. V.M. Lebedev; ruk. avt. kol. V.A. Davy`dov. Moskva: Norma: Infra-M, 2014. 1054 s.
9. Lazareva V.A. Dokazy`vanie v ugolovnom processe: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury`. - 5-e izd., pererab. i dop. Moskva: Yurajt, 2016. 302 s.
10. Sumin A.A. K voprosu o sootnoshenii processual`ny`x dokazatel`stv i rezul`tatov operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti // Sovremennoe ugolovno-processual`noe pravo Rossii - uroki istorii i problemy` dal`nejshego reformirovaniya: Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Orel: Orlovskij yuridicheskij institut Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii imeni V.V. Luk`yanova, 2017. S. 411-415.
11. Arsen`ev V.D. Voprosy` obshhej teorii dokazatel`stv v sovetskom ugolovnom processe. Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1964. 179 s.
12. Teoriya dokazatel`stv v sovetskom ugolovnom processe / pod red. N.V. Zhogina. Moskva: Yuridicheskaya literatur, 1973. 736 s.
13. Smirnov A.V. Ugolovny`j process: dokazatel`stva i dokazy`vanie. M., 2011.768 s.
14. Esina A.S., Arestova E.N. Vxodit li v kompetenciyu organa doznaniya osushhestvlenie operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti? // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2011. № 1. S. 77-79.

Информация об авторе

София Юрьевна Шемчук. Адъюнкт.
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя.
117997, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

Information about the author

Sofia Y. Shemchuk. Adjunct.
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia the named after V.Y. Kikot.
117997, Russia, Moscow, Akademika Volgina Str. 12.

Статья поступила в редакцию 03.02.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.
The article was received in the editorial office on 03.02.2026; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

Научная статья
УДК 132.417

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРОТИВ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ВОЗДЕЙСТВИЙ

Шумилин Алексей Анатольевич
Тульский институт (филиал) ФГБОУ высшего образования «ВГУЮ (РПА Минюста России)», Тула, России

shumilin71@list.ru

Аннотация. Повышение числа преступлений экстремистского характера делает актуальным поиск эффективных методов противодействия. В статье рассматривается применение искусственного интеллекта для борьбы с распространением экстремистской пропаганды. На основе исследования делается вывод о необходимости выстраивания комплексной государственной политики в сфере кибербезопасности, включающей разработку нормативных документов и национальных программ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, экстремизм, государственная политика, противодействие экстремизму, информационная безопасность, цифровые технологии.

Для цитирования: Шумилин А. А. Искусственный интеллект как инструмент информационной безопасности против экстремистских воздействий // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 390–395.

THE ROLE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN COUNTERING EXTREMIST PROPAGANDA

Alexei A. Shumilin
Tula Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «VGUJ (RPA of the Ministry of Justice of Russia)», Tula, Russia

shumilin71@list.ru

Annotation. The increase in the number of extremist crimes makes it urgent to find effective counteraction methods. The article discusses the use of artificial intelligence to combat the spread of extremist propaganda. Based on the research, it is concluded that it is necessary to build a comprehensive state policy in the field of cybersecurity, including the development of regulatory documents and national programs.

Keywords: artificial intelligence, extremism, public policy, countering extremism, information security, digital technologies.

For citation: Shumilin A. A. The role of artificial intelligence in countering extremist propaganda // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2026. № 1(106). P. 390–395.

С учётом активной динамики развития информационных технологий и достигнутых в этой области результатов можно констатировать, что искусственный интеллект (далее – ИИ) постепенно, но уверенно интегрируется во все сферы человеческой деятельности. Несмотря на то что Россия не относится к числу государств – мировых лидеров в области разработки и внедрения ИИ, в стране принимаются последовательные и системные меры по его интеграции в различные сферы общественной жизни, включая государственное управление и правоохранительную деятельность. Государственная политика в данной сфере ориентирована на формирование условий для безопасного и ответственного использования ИИ, что находит отражение в стратегических документах цифрового развития и национальной безопасности [1, с. 117].

На сегодняшний день в Российской Федерации сформирована и последовательно развивается система нормативного регулирования, направленная на упорядочение использования технологий ИИ в различных сферах общественных отношений. Соответствующие правовые положения закреплены, в частности, в Указе Президента Российской Федерации (далее – РФ) от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»[1], в котором ИИ определяется как совокупность технологических решений, обеспечивающих воспроизведение когнитивных функций человека, включая способность к самообучению и поиску решений без заранее заданных алгоритмов, а также получение при выполнении конкретных задач результатов, сопоставимых с результатами интеллектуальной деятельности человека [2, с. 56].

В научной доктрине обращается внимание на то, что указанное определение носит преимущественно функционально-прикладной характер и ориентировано на регулирование практического применения технологий ИИ. При этом оно не предполагает признания ИИ самостоятельным субъектом права, что соответствует современному состоянию правовой теории и практики правового регулирования цифровых технологий.

Особое значение в рамках реализации Национальной стратегии придаётся использованию ИИ для обеспечения общественной безопасности, профилактики правонарушений и повышения эффективности деятельности правоохранительных органов. По данным зарубежных исследований, применение алгоритмов прогнозной аналитики позволяет снизить нагрузку на правоохранительные органы на 10–30 % за счёт более точного распределения ресурсов и профилактической направленности мер. В практике зарубежных правоохранительных органов используются различные цифровые решения на основе ИИ, направленные на повышение эффективности профилактики и раскрытия преступлений. Так, система *PredPol* применяется для прогнозирования вероятности совершения преступлений на определённых территориях на основе анализа статистических данных о ранее зафиксированных правонарушениях [3, с. 96]. Другим примером является аналитическая платформа *Palantir Gotham* [4, с. 48], которая обрабатывает большие массивы разнородной информации с целью выявления скрытых связей между событиями, лицами и объектами, представляющими оперативный интерес для правоохранительных структур.

В Российской Федерации технологии ИИ в большей степени интегрированы в системы видеонаблюдения, а также в программно-аппаратные комплексы, предназначенные для идентификации и распознавания личности, что отражает приоритеты государственной политики в сфере обеспечения общественной безопасности.

[1] О развитии искусственного интеллекта в Российской Федераци» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

При этом следует учитывать, что, несмотря на изначально социально полезную направленность технологий искусственного интеллекта, в современных условиях они могут использоваться в противоправных целях, в том числе для совершения преступлений экстремистской направленности. Цифровая среда способствует трансформации экстремистской деятельности, делая её более скрытой, децентрализованной и устойчивой к традиционным мерам противодействия [5, с. 112]. Экстремистские организации всё чаще используют автоматизированные инструменты для генерации контента, анонимизации коммуникаций и таргетированного воздействия на уязвимые группы населения, включая несовершеннолетних и социально незащищённые категории граждан.

Поскольку значительная часть аудитории склонна принимать получаемые сведения без критической оценки, она становится уязвимой перед экстремистской пропагандой. В этой связи технологии ИИ могут выполнять роль «информационного фильтра», ограничивая доступ пользователя к потенциально неприемлемому контенту и выступая эффективным инструментом противодействия распространению радикальных идей. Алгоритмы способны анализировать миллионы сообщений в режиме реального времени, что невозможно при использовании исключительно ручной модерации. Использование ИИ в данном контексте позволяет не только выявлять уже опубликованные экстремистские материалы, но и прогнозировать их дальнейшее распространение, а также выявлять ключевые узлы сетевого взаимодействия, через которые осуществляется вербовка и идеологическое воздействие на пользователей. Такие возможности достигаются за счёт применения технологий машинного обучения, обработки естественного языка и анализа социальных сетей.

Развитие и внедрение технологий ИИ в значительной степени происходило за пределами нашего государства, что обуславливает необходимость анализа и систематизации международной практики их применения в целях противодействия распространению деструктивной информации. Зарубежные исследования свидетельствуют о том, что наибольшая эффективность в выявлении экстремистских материалов достигается при использовании гибридной модели, которая сочетает методы автоматизированного анализа контента с последующей верификацией результатов экспертами. В качестве иллюстрации эффективного применения технологий ИИ в сфере противодействия распространению запрещённой информации можно обратиться к практике крупных зарубежных цифровых платформ и медиасервисов. В рамках их деятельности внедряются автоматизированные ИИ-системы, предназначенные для раннего выявления и оперативного удаления материалов, связанных с террористической и экстремистской деятельностью. По данным открытых аналитических отчётов, использование подобных алгоритмов позволяет блокировать до 98–99 % запрещённого контента ещё на этапе его публикации, до момента взаимодействия с пользовательской аудиторией [6, с. 24].

Создание отечественных решений на основе искусственного интеллекта не только снижает зависимость от иностранных платформ, но и позволяет учитывать специфику национального языка, культурные традиции и правовые нормы, что делает их особенно эффективными в локальном контексте.

В практике информационного мониторинга применяются отечественные специализированные программные комплексы, ориентированные на автоматизированное выявление нарушений действующего законодательства и анализ динамики информационного контента. Одним из таких решений является информационная система автоматического поиска запрещённого контента «Окулус», разработанная для анализа визуальной информации (изображений и видеоматериалов) на предмет наличия правовых нарушений, таких как экстремистские и запрещённые материалы, призывы к массовым

действиям и другие категории противоправной информации, что обеспечивает своевременное обнаружение потенциально опасного контента и снижает риск его распространения в сети.

Следует отметить, что внедрение подобных систем требует строгого соблюдения прав и свобод граждан, включая право на свободу слова и защиту персональных данных. В этой связи особую значимость приобретает разработка правовых механизмов контроля за использованием ИИ и установлением пределов его применения в правоохранительной деятельности. Особую сложность представляет баланс между общественной безопасностью и недопущением чрезмерного вмешательства государства в частную жизнь пользователей.

Для устранения существующих проблем и повышения эффективности применения ИИ необходимо разработать комплекс мер, включающий стандартизацию алгоритмов, постоянное обучение систем на актуальных данных и внедрение механизмов аудита для контроля корректности работы ИИ [7, с. 11]. В частности, важно создавать совместные платформы взаимодействия между правоохранительными органами, технологическими компаниями и экспертным сообществом, что позволит разрабатывать единые подходы к классификации опасного контента и предотвращению его распространения.

Следует также усилить законодательное регулирование, включая уточнение понятий «искусственный интеллект», «деструктивный контент» и «ответственность за действие ИИ», что позволит закрепить правовые рамки использования технологий в правоохранительной деятельности и снизить риск нарушения прав граждан.

Кроме того, целесообразно внедрять обучающие программы для специалистов правоохранительных органов, которые будут использовать ИИ для анализа информации и прогнозирования потенциальных угроз. Это позволит повысить профессиональный уровень сотрудников и сократить время реагирования на опасные события.

Ещё одним направлением улучшения является интеграция ИИ с системами раннего предупреждения и аналитики социальных сетей, что позволит выявить тенденции распространения экстремистских идей, прогнозировать новые методы вербовки и оперативно блокировать деструктивный контент до его широкого распространения.

Наконец, необходимо обеспечить прозрачность работы алгоритмов ИИ, включая регулярный аудит и корректировку моделей с целью предотвращения ошибок, предвзятости и нарушения прав пользователей. Это создаст баланс между эффективностью противодействия экстремизму и соблюдением конституционных прав граждан.

Несмотря на наличие подобного рода технологий, вариативности их применения и опыта других стран, в настоящее время реализуется экспериментальное тестирование, при котором внедрение проводится поэтапно и локализованно. Несомненно, осторожность в этом вопросе важна, так как правовая основа для ИИ уже существует, но определения понятия этой технологии и ответственность за её действия ещё не предусмотрены. В научных исследованиях подчёркивается необходимость закрепления специального правового режима использования ИИ в правоохранительной деятельности [8, с. 43].

Вместе с ежегодным развитием технологий генеративного ИИ повышается его доступность. Эксперты отмечают рост числа преступлений, связанных с использованием дипфейков, автоматизированных ботов и поддельных аккаунтов, что требует адекватных технологических ответов со стороны государства. Для пользователя снижается уровень вхождения и стоимость владения, а соответственно, эти технологии активнее применяются для мошенничества.

Применение ИИ в данном контексте представляет собой эффективный инструмент в рамках комплексной системы противодействия экстремизму, выступая не как самостоятельный субъект, а как вспомогательный механизм, способный расширять аналитические и прогнозные возможности правоохранительных органов.

Технологии ИИ позволяют выявлять материалы экстремистского характера с высокой точностью, что существенно повышает эффективность работы специалистов и снижает риски распространения радикальных идей. Для построения действенной системы противодействия экстремистским настроениям в сети Интернет необходимо учитывать способность ИИ практически безошибочно идентифицировать потенциально опасный контент. Кроме того, важно создавать организационные и технические условия, которые обеспечат максимально эффективное использование ИИ правоохранительными структурами и операторами социальных платформ.

---

1. Баранов В. В. Использование искусственного интеллекта для выявления и предотвращения распространения экстремистской и террористической пропаганды в Интернете // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 4 (72). С. 113–128.
2. Талапина Э. В. Правовой режим искусственного интеллекта // Государство и право. 2021. №12. С. 55-57.
3. Андреев Н. А. Использование технологий искусственного интеллекта в противодействии распространению экстремистских материалов в сети «Интернет»: современные подходы и перспективы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. №8. С. 94-99.
4. Хараев А. А. Современное состояние и перспективы развития антиэкстремистской деятельности в Российской Федерации // Право и управление. 2024. № 6. С. 46–50.
5. Окутина Н. Н. Противодействие терроризму : учебное пособие для вузов / М. : Издательство Юрайт, 2025. 173 с.
6. Лаптев В. А. Искусственный интеллект и право // Журнал российского права. 2023. № 8. С. 22-26.
7. Лапаева В. В. Искусственный интеллект и право: проблемы правового регулирования // Государство и право. 2022. №11. С. 5-12.
8. Морозов А. И. Специальные правовые режимы использования искусственного интеллекта в публичной власти // Журнал российского права. 2022. № 6. С. 45-48.

1. Baranov V. V. Ispol`zovanie iskusstvennogo intellekta dlya vy`yavleniya i predotvrashheniya rasprostraneniya e`kstremistskoj i terroristicheskoj propagandy` v Internete // Trudy` Akademii upravleniya MVD Rossii. 2024. № 4 (72). S. 113–128.
2. Talapina E`. V. Pravovoj rezhim iskusstvennogo intellekta // Gosudarstvo i pravo. 2021. №12. S. 55-57.
3. Andreev N. A. Ispol`zovanie texnologij iskusstvennogo intellekta v protivodejstvii rasprostraneniyu e`kstremistskix materialov v seti «Internet»: sovremenny`e podxody` i perspektivy` // Gumanitarny`e, social`no-e`konomicheskie i obshhestvenny`e nauki. 2025. № 8. S. 94-99.
4. Xaraev A. A. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy` razvitiya antie`kstremistskoj deyatel`nosti v Rossijskoj Federacii // Pravo i upravlenie. 2024. № 6. S. 46–50.
5. Okutina N. N. Protivodejstvie terrorizmu : uchebnoe posobie dlya vuzov / M. :Izdatel`stvo Yurajt, 2025. 173 s.

6. Laptev V. A. Iskusstvenny`j intellekt i pravo // Zhurnal rossijskogo prava. 2023. № 8. S. 22-26.
7. Lapaeva V. V. Iskusstvenny`j intellekt i pravo: problemy` pravovogo regulirovaniya // Gosudarstvo i pravo. 2022. №11. S. 5-12.
8. Morozov A. I. Special`ny`e pravovy`e rezhimy` ispol`zovaniya iskusstvennogo intellekta v publichnoj vlasti // Zhurnal rossijskogo prava. 2022. № 6. S. 45-48.

Информация об авторе

Алексей Анатольевич Шумилин. Доцент кафедры уголовного права и процесса, кандидат юридических наук, доцент.
Тульский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России).
300026, Россия, г. Тула, пр. Ленина, 104.

Information about the author

Alexey Anatolyevich Shumilin. Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Candidate of Law, Associate Professor.
Tula Institute (branch) The Supreme Court (RPA of the Ministry of Justice of Russia).
300026, Russia, Tula, Lenin ave., 104.

Статья поступила в редакцию 29.01.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.
The article was received in the editorial office on 29.01.2026; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.

ТРЕБОВАНИЯ,
предъявляемые к статьям, представляемым для опубликования
в журнале «Научный вестник Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова»

В целях ускорения прохождения рукописей к принятию к опубликованию в журнале просим соблюдать следующие требования.

Содержание статей должно отражать современные проблемы права и государства, их исторический аспект, актуальные вопросы юриспруденции. Тематика научных статей, принимаемых к опубликованию в журнале, должна соответствовать отрасли «Юридические науки» по специальностям: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

К рассмотрению не принимаются **рукописи, опубликованные в других изданиях**. Если рукопись статьи одновременно направлена в другое издание либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

В статье не должно быть **сведений ограниченного распространения**, ответственность за соблюдение режима секретности возлагается на автора и должностных лиц, осуществляющих контроль за соблюдением режима секретности, в соответствии с законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России.

Статья представляется в **бумажном и электронном варианте.** В бумажном – на одной стороне листов формата А4 (210х297 мм), заверенном подписью автора(ов). Электронная версия статьи в виде файла MS Word должна соответствовать распечатке и иметь в названии файла фамилию автора, например: Ivanov.doc, Ivanov-Petrov.doc.

Объём статьи вместе со сведениями об авторах, списком используемой литературы и ключевыми словами должен соответствовать 24-26 тыс. знаков, считая пробелы, с учетом рисунков, графиков и таблиц. Основной текст рукописи набирается через 1 интервал гарнитурой PT Astra Serif (12-й кегль) без знаков ручного переноса, неразрывных и двойных пробелов. Все поля на страницах должны быть одинаковы и равны 2,5 см. Абзацный отступ – 1,25 см.

В статье должен быть указан номер по Универсальной десятичной классификации **(УДК)** и **шифр научной специальности**, соответствующий тематике статьи.

Название статьи набирается на русском и английском языках полужирным шрифтом, **ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ,** без абзацного отступа и центрируется относительно полосы набора.

Информация об авторе на русском и английском языках включают: Ф.И.О., учёную степень, учёное звание, занимаемую должность, место работы (в именительном падеже) и электронный адрес.

Статья должна быть снабжена **аннотацией** на русском и английском языках с объемом 500-1000 знаков, включая пробелы. В аннотации должна быть четко сформулирована основная идея статьи (она должна содержать характеристику темы исследования, раскрывать актуальность, степень разработки, теоретико-методологическое и практическое значение темы, цель работы и ее результаты).

Статья также должна содержать **список ключевых слов** на русском и английском языках (шесть-десять основных слов (словосочетаний) статьи, характеризующих проблематику статьи, через запятую).

Статья авторов-адъюнктов должна содержать **благодарность** научному руководителю с указанием занимаемой должности, места работы, ученой степени, ученого звания и ФИО.

Размещение **таблиц, рисунков, диаграмм, схем и другого иллюстративного материала** на страницах с альбомной (горизонтальной) ориентацией не допускается. Графики, диаграммы не должны иметь сплошную (в т. ч. цветную) заливку.

Рисунки и таблицы (размер используемого шрифта – 12 пунктов) должны быть в черно-белом или полутоновом исполнении размещены в тексте после абзацев, содержащих ссылки на них (см. таблицу 1).

Таблица 1
Заголовок таблицы

Текст	Текст	Текст	Текст	Текст

Схемы должны иметь общую группировку всех объектов, входящих в них, быть центрированы относительно полосы набора.

Размеры и разрешение рисунков должны обеспечивать их дальнейшее качественное полиграфическое воспроизведение.

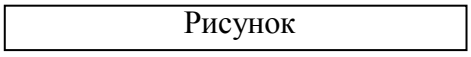

Рис. 1. Название рисунка.

При использовании в тексте **аббревиатур** необходимо приводить их расшифровку, а в скобках – аббревиатуру с последующим использованием ее без расшифровки. Например, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ).

К рассмотрению принимаются статьи, имеющие **оригинальность не менее 60%.** Текст статьи проверяются системой специализированного программного обеспечения («Антиплагиат»). По решению редакционной коллегии статья может быть рекомендована к опубликованию в журнале и в том случае, если оригинальность статьи ниже установленного порогового значения.

Цитаты и заимствования текста из научных источников должны сопровождаться соответствующими **ссылками**, которые оформляются арабскими цифрами в квадратных скобках с указанием через запятую страницы, на которой размещается цитируемый текст, например: «По мнению П.А. Лупинской, ...» [1, с. 100].

Ссылки должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ Р 7.05.-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Каждый используемый научный источник указывается в списке литературы **один раз в порядке упоминания** в тексте.

При повторном использовании данного источника в квадратных скобках указывается тот же порядковый номер из списка литературы. Указание в списке литературы источников, на которые нет ссылок в тексте, не допускается.

Список литературы, как правило, должен содержать от 8 до 20 источников.

Обязательная версия списка литературы на латинице размещается в статье сразу за списком русскоязычных (исходных) ссылок и подготавливается автором(ами) статьи

из русскоязычных ссылок независимо от того, имеются ли иностранные источники. На сайте http://translit.ru можно бесплатно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу, выбрав стандарт BGN.

Ссылки на нормативные акты, иные официальные документы и электронные источники информации, сведения об анкетировании и т. п. указываются в виде постраничных сносок с нумерацией на каждой странице.

Ссылки должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ Р 7.05.-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Статья должна быть обязательно **подписана автором (соавторами)** следующим образом: «Своей подписью подтверждаю, что материал вычитан, цифры, факты сверил с первоисточником. Ранее статья нигде не публиковалась.

«Я безвозмездно предоставляю редакции журнала права на опубликование моей статьи, в том числе на неограниченное её распространение любым способом, включая создание её электронного варианта, с целью доведения статьи до всеобщего сведения».

Авторам-адъюнктам дополнительно следует указать: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее указываются: дата, ФИО руководителя, его подпись.

При наличии **соавторов** необходимо указать, что ими внесен равный вклад в написание статьи, или указать объем вклада каждого соавтора, а также отметить заявление об отсутствии конфликта интересов.

К статье прилагаются:

краткий отчет о проверке статьи на оригинальность с использованием специализированного программного обеспечения, сформированный программой;

для научных статей адъюнктов, аспирантов, магистрантов – отзыв научного руководителя.

Образец оформления статьи размещен на веб-сайте по адресу: https://орюи.мвд.рф/Nauka/nauchnij-zhurnal-instituta

Уважаемые читатели и авторы!

Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать, сокращать объём статей и принимать решение о включении их в журнал. Отклонённые материалы не возвращаются. Научные материалы, оформленные с нарушением требований или поступившие после контрольного срока, могут быть опубликованы в последующих номерах журнала. Ответственность за достоверность фактов, библиографических ссылок и правильность цитирования несут авторы статей.